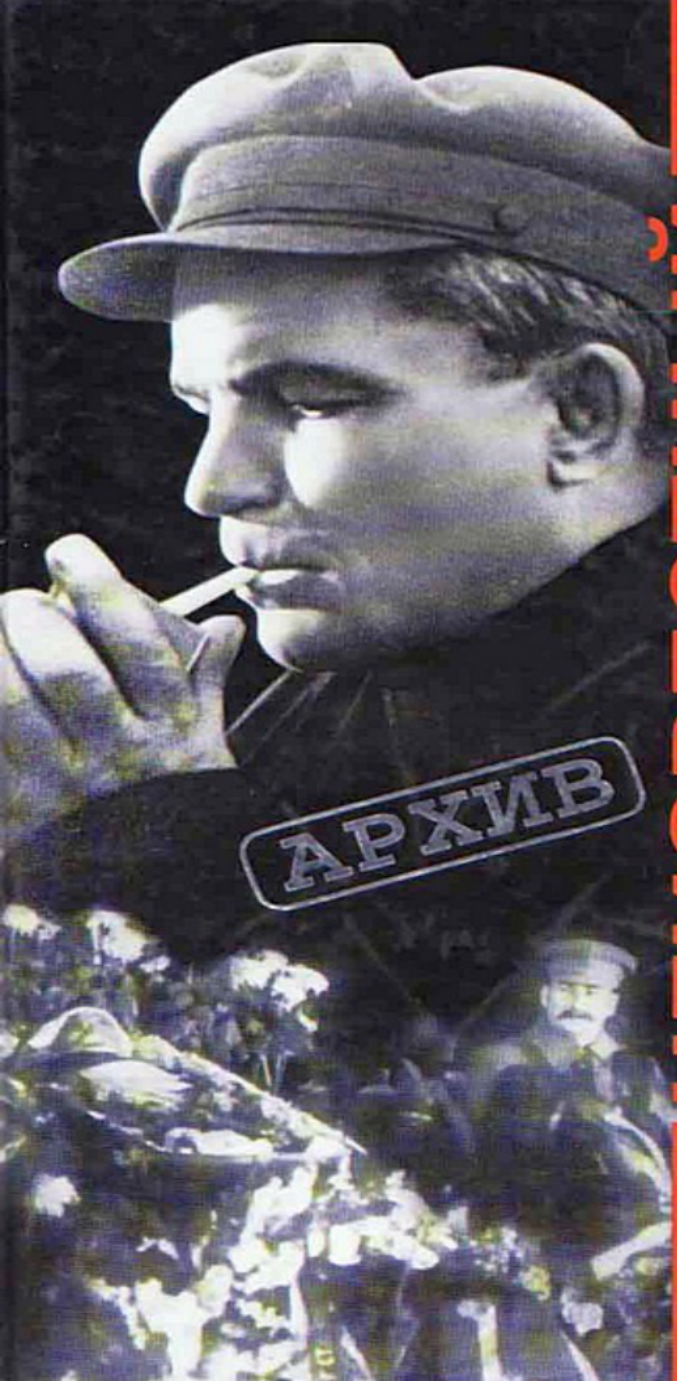

Алла Кирилина

Неизвестный Киров

Мифы и реальность

АРХИВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Основой книги является жизнь и деятельность одного из ближайших соратников Сталина, блестящего оратора, любимца партии — Сергея Мироновича Кирова, чья трагическая гибель пополнила список загадок века. В этом году ему бы исполнилось 115 лет. Автор на огромном фактическом материале, из закрытых архивов страны, раскрывает основные этапы становления этой незаурядной личности, показывает сильные и слабые стороны его характера. Книга, написанная в полемическом жанре, разоблачает мифы, легенды, сложившиеся о Кирове после его смерти, попытки преувеличить его роль в событиях тех лет. Перед читателем предстанет новый, неизвестный Киров.

- Алла Кирилина
  - Предисловие
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
  - Часть третья
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
  - Приложение
    - Предисловие к Приложению
    - Переговоры с тов. Бутягиным[659]
    - Записка в Эркетень товарищу Бутягину
    - Переговоры тов. Кирова с тов. Бутягиным
    - Заявление членов ЦК РЛКСМ, голосовавших на заседании Бюро ЦК РЛКСМ от 15/1–1925 г. против выступления от имени ЦК РЛКСМ на пленуме ЦК РКП(б) по вопросу о тов. Троцком
    - О выступлении оппозиции 7 ноября 1927 г. в Ленинграде
    - Из писем к Кирову:
    - Заявление в партколлегию Ленинградской

Контрольной Комиссии ВКП(б)
- Заявление в партколлегию Ленинградской Контрольной Комиссии ВКП(б)
- В Ленинградскую областную Контрольную Комиссию ВКП(б)
- Постановление бюро обкома и горкома ВКП(б)
- Постановление бюро обкома, и горкома ВКП(б)
- Постановление бюро обкома и горкома ВКП(б)
- Из писем С. М. Кирову
- «Протокол № 3 от 24 октября 1929 года цехячейки № 3 Государственного оптического завода.
- Воспоминания Шамко Данила Васильевича
- Протокол допроса от 1 декабря 1934 г. арестованного Николаева Леонида Васильевича
- Протокол допроса 3 декабря 1934 г. Николаева Леонида Васильевича
- Постановление Президиума Центральной Контрольной Комиссии Компартии РСФСР
- Копия протокола допроса обвиняемого
- Заявление в Военную коллегию Верховного суда СССР
- Допрос подсудимых на суде 28 и 29 декабря 1934 г.
- Суд
- Последние слова некоторых подсудимых на суде 29 декабря 1934 г.
- Заявление в Комиссию Партийного Контроля при ЦК КПСС
- Архивная выписка из протокола собрания партийной группы Отдела культуры и пропаганды ленинизма ОК ВКП(б)
- Архивная выписка из протокола № 21 Заседания Партийного комитета Обкома и Горкома ВКП(б)
-
- К памяти о зверском убийстве Сергея Мироновича Кирова
- «Киров мешал преступникам из НКВД»

- Основные даты жизни и деятельности С. М. Кирова

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4

- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48

- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88
- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92

- ○ 93
- ○ 94
- ○ 95
- ○ 96
- ○ 97
- ○ 98
- ○ 99
- ○ 100
- ○ 101
- ○ 102
- ○ 103
- ○ 104
- ○ 105
- ○ 106
- ○ 107
- ○ 108
- ○ 109
- ○ 110
- ○ 111
- ○ 112
- ○ 113
- ○ 114
- ○ 115
- ○ 116
- ○ 117
- ○ 118
- ○ 119
- ○ 120
- ○ 121
- ○ 122
- ○ 123
- ○ 124
- ○ 125
- ○ 126
- ○ 127
- ○ 128
- ○ 129
- ○ 130
- ○ 131
- ○ 132
- ○ 133
- ○ 134
- ○ 135
- ○ 136

- ○ 137
- ○ 138
- ○ 139
- ○ 140
- ○ 141
- ○ 142
- ○ 143
- ○ 144
- ○ 145
- ○ 146
- ○ 147
- ○ 148
- ○ 149
- ○ 150
- ○ 151
- ○ 152
- ○ 153
- ○ 154
- ○ 155
- ○ 156
- ○ 157
- ○ 158
- ○ 159
- ○ 160
- ○ 161
- ○ 162
- ○ 163
- ○ 164
- ○ 165
- ○ 166
- ○ 167
- ○ 168
- ○ 169
- ○ 170
- ○ 171
- ○ 172
- ○ 173
- ○ 174
- ○ 175
- ○ 176
- ○ 177
- ○ 178
- ○ 179
- ○ 180

- ○ 181
- ○ 182
- ○ 183
- ○ 184
- ○ 185
- ○ 186
- ○ 187
- ○ 188
- ○ 189
- ○ 190
- ○ 191
- ○ 192
- ○ 193
- ○ 194
- ○ 195
- ○ 196
- ○ 197
- ○ 198
- ○ 199
- ○ 200
- ○ 201
- ○ 202
- ○ 203
- ○ 204
- ○ 205
- ○ 206
- ○ 207
- ○ 208
- ○ 209
- ○ 210
- ○ 211
- ○ 212
- ○ 213
- ○ 214
- ○ 215
- ○ 216
- ○ 217
- ○ 218
- ○ 219
- ○ 220
- ○ 221
- ○ 222
- ○ 223
- ○ 224

- ○ 225
- ○ 226
- ○ 227
- ○ 228
- ○ 229
- ○ 230
- ○ 231
- ○ 232
- ○ 233
- ○ 234
- ○ 235
- ○ 236
- ○ 237
- ○ 238
- ○ 239
- ○ 240
- ○ 241
- ○ 242
- ○ 243
- ○ 244
- ○ 245
- ○ 246
- ○ 247
- ○ 248
- ○ 249
- ○ 250
- ○ 251
- ○ 252
- ○ 253
- ○ 254
- ○ 255
- ○ 256
- ○ 257
- ○ 258
- ○ 259
- ○ 260
- ○ 261
- ○ 262
- ○ 263
- ○ 264
- ○ 265
- ○ 266
- ○ 267
- ○ 268

- ○ 269
- ○ 270
- ○ 271
- ○ 272
- ○ 273
- ○ 274
- ○ 275
- ○ 276
- ○ 277
- ○ 278
- ○ 279
- ○ 280
- ○ 281
- ○ 282
- ○ 283
- ○ 284
- ○ 285
- ○ 286
- ○ 287
- ○ 288
- ○ 289
- ○ 290
- ○ 291
- ○ 292
- ○ 293
- ○ 294
- ○ 295
- ○ 296
- ○ 297
- ○ 298
- ○ 299
- ○ 300
- ○ 301
- ○ 302
- ○ 303
- ○ 304
- ○ 305
- ○ 306
- ○ 307
- ○ 308
- ○ 309
- ○ 310
- ○ 311
- ○ 312

- ○ 313
- ○ 314
- ○ 315
- ○ 316
- ○ 317
- ○ 318
- ○ 319
- ○ 320
- ○ 321
- ○ 322
- ○ 323
- ○ 324
- ○ 325
- ○ 326
- ○ 327
- ○ 328
- ○ 329
- ○ 330
- ○ 331
- ○ 332
- ○ 333
- ○ 334
- ○ 335
- ○ 336
- ○ 337
- ○ 338
- ○ 339
- ○ 340
- ○ 341
- ○ 342
- ○ 343
- ○ 344
- ○ 345
- ○ 346
- ○ 347
- ○ 348
- ○ 349
- ○ 350
- ○ 351
- ○ 352
- ○ 353
- ○ 354
- ○ 355
- ○ 356

- ○ 357
- ○ 358
- ○ 359
- ○ 360
- ○ 361
- ○ 362
- ○ 363
- ○ 364
- ○ 365
- ○ 366
- ○ 367
- ○ 368
- ○ 369
- ○ 370
- ○ 371
- ○ 372
- ○ 373
- ○ 374
- ○ 375
- ○ 376
- ○ 377
- ○ 378
- ○ 379
- ○ 380
- ○ 381
- ○ 382
- ○ 383
- ○ 384
- ○ 385
- ○ 386
- ○ 387
- ○ 388
- ○ 389
- ○ 390
- ○ 391
- ○ 392
- ○ 393
- ○ 394
- ○ 395
- ○ 396
- ○ 397
- ○ 398
- ○ 399
- ○ 400

- ○ 401
- ○ 402
- ○ 403
- ○ 404
- ○ 405
- ○ 406
- ○ 407
- ○ 408
- ○ 409
- ○ 410
- ○ 411
- ○ 412
- ○ 413
- ○ 414
- ○ 415
- ○ 416
- ○ 417
- ○ 418
- ○ 419
- ○ 420
- ○ 421
- ○ 422
- ○ 423
- ○ 424
- ○ 425
- ○ 426
- ○ 427
- ○ 428
- ○ 429
- ○ 430
- ○ 431
- ○ 432
- ○ 433
- ○ 434
- ○ 435
- ○ 436
- ○ 437
- ○ 438
- ○ 439
- ○ 440
- ○ 441
- ○ 442
- ○ 443
- ○ 444

- ○ 445
- ○ 446
- ○ 447
- ○ 448
- ○ 449
- ○ 450
- ○ 451
- ○ 452
- ○ 453
- ○ 454
- ○ 455
- ○ 456
- ○ 457
- ○ 458
- ○ 459
- ○ 460
- ○ 461
- ○ 462
- ○ 463
- ○ 464
- ○ 465
- ○ 466
- ○ 467
- ○ 468
- ○ 469
- ○ 470
- ○ 471
- ○ 472
- ○ 473
- ○ 474
- ○ 475
- ○ 476
- ○ 477
- ○ 478
- ○ 479
- ○ 480
- ○ 481
- ○ 482
- ○ 483
- ○ 484
- ○ 485
- ○ 486
- ○ 487
- ○ 488

- ○ 489
- ○ 490
- ○ 491
- ○ 492
- ○ 493
- ○ 494
- ○ 495
- ○ 496
- ○ 497
- ○ 498
- ○ 499
- ○ 500
- ○ 501
- ○ 502
- ○ 503
- ○ 504
- ○ 505
- ○ 506
- ○ 507
- ○ 508
- ○ 509
- ○ 510
- ○ 511
- ○ 512
- ○ 513
- ○ 514
- ○ 515
- ○ 516
- ○ 517
- ○ 518
- ○ 519
- ○ 520
- ○ 521
- ○ 522
- ○ 523
- ○ 524
- ○ 525
- ○ 526
- ○ 527
- ○ 528
- ○ 529
- ○ 530
- ○ 531
- ○ 532

- ○ 533
- ○ 534
- ○ 535
- ○ 536
- ○ 537
- ○ 538
- ○ 539
- ○ 540
- ○ 541
- ○ 542
- ○ 543
- ○ 544
- ○ 545
- ○ 546
- ○ 547
- ○ 548
- ○ 549
- ○ 550
- ○ 551
- ○ 552
- ○ 553
- ○ 554
- ○ 555
- ○ 556
- ○ 557
- ○ 558
- ○ 559
- ○ 560
- ○ 561
- ○ 562
- ○ 563
- ○ 564
- ○ 565
- ○ 566
- ○ 567
- ○ 568
- ○ 569
- ○ 570
- ○ 571
- ○ 572
- ○ 573
- ○ 574
- ○ 575
- ○ 576

- ○ 577
- ○ 578
- ○ 579
- ○ 580
- ○ 581
- ○ 582
- ○ 583
- ○ 584
- ○ 585
- ○ 586
- ○ 587
- ○ 588
- ○ 589
- ○ 590
- ○ 591
- ○ 592
- ○ 593
- ○ 594
- ○ 595
- ○ 596
- ○ 597
- ○ 598
- ○ 599
- ○ 600
- ○ 601
- ○ 602
- ○ 603
- ○ 604
- ○ 605
- ○ 606
- ○ 607
- ○ 608
- ○ 609
- ○ 610
- ○ 611
- ○ 612
- ○ 613
- ○ 614
- ○ 615
- ○ 616
- ○ 617
- ○ 618
- ○ 619
- ○ 620

- ○ 621
- ○ 622
- ○ 623
- ○ 624
- ○ 625
- ○ 626
- ○ 627
- ○ 628
- ○ 629
- ○ 630
- ○ 631
- ○ 632
- ○ 633
- ○ 634
- ○ 635
- ○ 636
- ○ 637
- ○ 638
- ○ 639
- ○ 640
- ○ 641
- ○ 642
- ○ 643
- ○ 644
- ○ 645
- ○ 646
- ○ 647
- ○ 648
- ○ 649
- ○ 650
- ○ 651
- ○ 652
- ○ 653
- ○ 654
- ○ 655
- ○ 656
- ○ 657
- ○ 658
- ○ 659
- ○ 660
- ○ 661
- ○ 662
- ○ 663
- ○ 664

- ○ 665
- ○ 666
- ○ 667
- ○ 668
- ○ 669
- ○ 670
- ○ 671
- ○ 672
- ○ 673
- ○ 674
- ○ 675
- ○ 676
- ○ 677
- ○ 678
- ○ 679
- ○ 680

Алла Кирилина
Неизвестный Киров

Предисловие

Личность Сергея Мироновича Кирова таит много загадок. «Любимец партии», «наш Мироныч» — говорили о нем одни. «Недоучка», «серая посредственность», «средний бюрократ» — проскальзывало в выступлениях тех, чьи интересы столкнулись в борьбе за власть. Что тут от преклонения, а что от зависти? Вокруг его имени и особенно трагической смерти создавались и продолжают возникать легенды, циркулируют слухи, порождаются версии.

Новый виток в распространении мифов о Кирове дали публикации материалов, которые длительное время были скрыты не только от массового читателя, но и от большинства специалистов-историков в так называемых особых фондах, папках, спецхранах.

Кирову посвящено много книг: монографии, воспоминания, однотомники его статей и речей, художественные произведения. Но в Основной массе они страдают теми же недостатками, которые характерны для всей исторической литературы прошлых лет: слабая источниковедческая база, недостаточное знакомство с документами, опубликованными на Западе, некритическое восприятие мемуаров и документов.

В 1960-е годы вышел ряд неплохих книг, посвященных Кирову. Среди них книги С. В. Красникова «Киров в Ленинграде», С. Синельникова «Киров», В. Дубровина «Повесть о пламенном публицисте» и другие. Но до сих пор нет биографии Кирова. Во многих изданиях, особенно 30–40-х годов, он представлен как герой, победитель, любимец масс. Думается, что это не всегда соответствовало действительности.

Мы мало знаем об ошибках, просчетах, заблуждениях, сомнениях Кирова. Еще меньше о нем, как о человеке, со всеми его сильными и слабыми чертами характера, мягкостью и жестокостью, любовью и ненавистью. Поэтому мне хотелось бы рассказать читателю о таком не известном ему Кирове.

Раньше современники чаще всего переоценивали роль и значение Кирова, рисовали его только в розовых тонах. Сегодня отдельные публицисты, абстрагируясь от реалий, переживаемых страной после Великого Октября, навязывают новый образ Кирова — «завистника», «ярого поклонника красного террора», «разрушителя старых традиций». При этом игнорируется необходимость серьезного специального исследования, критического анализа доступных документов, соответствующей литературы, тщательного изучения фактов.

Изучение личности Кирова осложняется тем, что сегодня нет более или менее полного объективного сборника его статей и речей. То, что издано в недавнем прошлом, не дает современному читателю полного представления о них, так как имело место произвольное составление и редактирование кировских речей и статей.

Дабы не быть голословной, приведу всего три примера. До сих пор нигде никогда полностью не публиковались статьи Кирова, изданные в «Тереке». Это порождало мнение о якобы кадетской позиции Кирова в эти годы. Возможно, он заблуждался и ошибался. Но почему не издать эти статьи, не дать читателю возможность самому познакомиться с журналистским наследием Кирова?

Лишь одна статья «Простота нравов» вошла во все издания речей и статей Кирова и то, наверное, только потому, что он подписал ее псевдонимом «С. Киров».

Еще более странным выглядит редактирование кировских статей: вставляются и убираются целые фразы. Так, в 1-м томе под редакцией Б. Позерна, охватывающем период 1912–1921 годов и изданном в 1935 году, речь Кирова на заседании Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов 4 (17) ноября 1917 года звучит так: *«Товарищи! На меня выпала честь присутствовать от Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов на II Всероссийском съезде Советов. Исключительные обстоятельства, сопровождавшие созыв съезда, привлекли к нему внимание всей России. Но ни одно из тех сообщений, которыми пользовались мы здесь, не отражает, я утверждаю это, и сотой доли творящихся событий!*

Победы врага на Балтийском море вызвали замешательство в рядах Временного правительства, замешательства, сказавшегося прежде всего в том, что оно тотчас решило отдать в жертву сердце революции — Петроград и переехать в Москву и оттуда в безопасности править Россией и фронтом!»

В однотомнике «Избранные статьи и речи Кирова», М.: Политиздат, 1957, эта речь Кирова представлена так: *«Товарищи! На меня выпала честь присутствовать от Владикавказского Совета рабочих и солдатских депутатов на Втором Всероссийском съезде Советов* ***— этом парламенте рабочих и крестьян.*** *Исключительные обстоятельства, сопровождавшие созыв съезда, привлекли к нему внимание всей России.* ***Но я категорически утверждаю, что все те сведения, телеграммы, которые питали нас в дни переворота, ничего общего с действительным ходом Великой революции не имеют. Так называемое Временное правительство, в тяжелые дни, переживаемые***

Россией, решило покинуть сердце русской революции — Петроград, изменить ему. Буржуазия всех мастей с Родзянко во главе возрадовались этому решению, видя в гибели Балтийского флота и революционного Петрограда спасение цензовой России и похороны Революции. Но подлинная революционная демократия своевременно по достоинству оценила этот дьявольский замысел и решительно воспротивилась ему».

Всего, что выделено мной, нет в самом первом издании «С. М. Киров. Статьи и речи. Том I. 1912–1921 гг.». И не могло быть. Речь Кирова 4 (17) ноября 1917 года печаталась по газете «Горская жизнь» от 7(20) ноября 1917 года. И это соответствовало взглядам Кирова, которые он проповедовал в 1917 году. Более того, он просто не мог, будучи опытным оратором, выступая перед многонациональными полуграмотными депутатами Владикавказского Совета, произнести столь «напыщенную» речь, которая приводится в однотомнике 1957 года.

Кстати, в этот однотомник не вошли многие статьи и речи Кирова, имеющие принципиальное значение. Среди них: различные наказы и обращения к народам Терской области, выступления на митингах в Астрахани в июле 1919 года, документы, опубликованные в 1935 году: приказы Временного революционного комитета в Астрахани, прямые переговоры с Ю. П. Бутягиным, важнейшие выступления Кирова по внутрипартийным вопросам 4 марта и 19 октября 1926 года и т. д.

Общеизвестно, что при жизни Кирова собрания его речей и докладов не издавались, а печатались только в газетах или отдельными брошюрами. Киров никогда полностью не писал текст своих выступлений, но всегда перед тем, как напечатать их в газетах, прочитывал и «визировал», и на этот счет есть специальные указания. Но заседание Владикавказского Совета 1917 года не стенографировалось. Поэтому исследование кировских речей и докладов требует внимательного их изучения и имеет огромное значение для понимания формирования его личности, познания еще не известного нам Кирова.

Трагическая гибель Кирова сделала его своеобразным национальным героем, его прославляли, им восхищались, ему во многом приписывали главную, организующую роль, а после XX съезда КПСС сделали главным соперником Сталина.

Между тем расширение допуска к архивам, в том числе изучение документов фондов Сталина, Кирова, Куйбышева, Орджоникидзе, Политбюро, почти сплошной просмотр фондов Ленинградского партийного архива, Центральных

государственных архивов Октябрьской революции в Москве и Ленинграде, изучение фондов архивных кадров многих ленинградских заводов, доскональное изучение архивов музеев Сергея Мироновича Кирова в Ленинграде и Уржуме, поквартирный опрос жильцов домов, где жил его убийца Леонид Николаев, записи бесед с бывшими охранниками Сталина и оперативными уполномоченными УНКВД по Ленинградской области позволили мне собрать огромный архив. Это дало возможность ввести в оборот значительное число новой фактуры — в основном документального характера.

Признаюсь, это было нелегко. Некоторые публицисты называли меня «иудой», продавшейся за тридцать сребреников. Другие — в частности, Антон Антонов-Овсеенко — заявляли, что я «выполняю чей-то заказ», что мне почему-то первой был открыт доступ к документам, что есть факты, которые я знаю, но они «не вписываются в заданную схему» и я нигде их не упоминаю, даже в монографии, «вышедшей на Западе». Ну а более высокопоставленные чиновники — архитекторы перестройки — вообще заявляли, что «запретят меня печатать», если я буду отстаивать версию убийцы-одиночки.

К сведению всех моих противников и оппонентов. Я не выполняю ничей заказ. В 1952 году, после окончания Ленинградского государственного университета, тогда он носил имя А. А. Жданова, я по распределению вместе с несколькими товарищами с курса попала в музей Сергея Мироновича Кирова, который тогда занимал особняк балерины М. Ф. Кшесинской. И занялась изучением жизни и деятельности Кирова.

Именно тогда я почувствовала глубокую благодарность к моим университетским учителям: Сигизмунду Натановичу Валку, Рахили Николаевне Лебединской, Владимиру Владимировичу Мавродину, Семену Бенециановичу Окуню, которые научили нас, вчерашних десятиклассников, вникать в факты, оценивать, анализировать, сопоставлять их, связывать прошлое и настоящее, проникать в суть явления, видеть многоликость и многообразность каждой эпохи, ее положительные и отрицательные стороны, успехи, достижения, подвиги, а также недостатки, явления, достойные осуждения и презрения.

Они учили: каждый документ, писался ли он одним человеком или группой лиц, имеет субъективное мнение, свой взгляд, а потому несет отпечаток этого времени, и при исследовании все это надо принимать во внимание. Спасибо им за это.

Более того, они требовали от нас еще более критически относиться к воспоминаниям современников, исходить из

политических, экономических взглядов и реалий времени, симпатий и антипатий политических лидеров, противников и оппонентов.

Наказами своих учителей и руководствовалась я, занимаясь изучением жизни и деятельности С. М. Кирова. Больше всего меня заинтриговала его трагическая смерть, его вхождение во власть, семейные отношения и дружеские связи.

Именно поэтому, начиная изучать причины гибели Кирова, исследовала одновременно несколько версий: 1. Молодые зиновьевцы, или Дело Ленинградского центра. 2. Причастность белоэмигрантских воинских формирований к этому делу. 3. Операцию «Консул». 4. Причастность к убийству лидеров и участников всех процессов 30-х годов. И наконец 5. Причастность Сталина.

Перелопатив огромное количество самых разнообразных документов, я почти тридцать лет самым тщательным образом проверяла все версии. И пришла к выводу: Киров был убит Л. В. Николаевым сугубо самостоятельно, по личным мотивам и не столько из-за ревности, сколько из неимоверного честолюбия, жажды власти, гипертрофированного чувства несправедливости.

Сталин же использовал этот факт для расправы со своими политическими оппонентами всех мастей и всех рангов. Более того, жертв было бы значительно меньше, если бы люди той поры, как, впрочем, и иных, более «благополучных» эпох, оказались более нравственны, менее злобны, завистливы и корыстолюбивы. Увы, даже в наше время сколько пишется доносов, открытых и скрытых, сколько фальшивок, грязи выливаются на отдельных людей. Обиднее всего, что зачастую это делают лица весьма талантливые, часто мелькающие на экранах, занимающие определенное положение в обществе.

Наверное, надо помнить: история — не пропаганда. Она — наука. И как любая точная дисциплина, она становится научной дисциплиной лишь тогда, когда обеспечивает трезвый, взвешенный анализ прошлого.

Ведь написал же А. Антонов-Овсеенко в «Литературной газете» 3 апреля 1991 года, что якобы с ведома Сталина устраивалось обсуждение статьи Кирова, написанной в 1913 году, на заседании Политбюро. Когда, за что и где обсуждали Кирова на Политбюро ЦК и ЦКК ВКП(б), читатель сможет узнать подробно, а не намеком, из данной книги. Сейчас же заметим, что утверждения известного публициста о том, что газета «Правда» руками ее главного редактора Мехлиса опубликовала *«фельетон на Кирова за то, что он привез в Ленинград в 1926 году своих собак»,* — не более как досужая выдумка. Да и редактором газеты

«Правда» был тогда Н. И. Бухарин, а не Мехлис. Что касается обвинения «какой-то Кирилиной» в том, что она опубликовала на Западе всю правду об убийстве Кирова, будто бы скрываемую ею от отечественного читателя, то книга во Франции мною действительно была издана в 1996 году, но она полностью соответствовала вышедшему перед этим (в 1993 году) русскому изданию.

Киров — личность неординарная. Вышедший из народа, он был тесно связан с ним. У него был особый свой стиль работы, основанный на доверии к тем, с кем он сотрудничал, и на жесткой системе контроля за исполнением принятых решений. Тем самым он в известной степени смягчал негативные последствия складывающейся административно-командной системы.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание: Киров был человеком своей эпохи, своего поколения, в формировании взглядов которого существенную, если не главную роль сыграли сиротское детство, революции, гражданская война. Он был выдвиженцем Сталина. Реализуя те или иные направления политики партии, он действовал целеустремленно, для него линия, разработанная съездом, становилась генеральной линией.

И все-таки он был человеком своеобразным. Вот этому неизвестному Кирову, его сомнениям, ошибкам, светлой вере в будущее России и посвящена эта книга.

Часть первая
Путь наверх

Глава 1
Становление

Так кто же такой Киров? Популист? Великий государственный деятель? Друг или соперник Сталина?

Ответить на эти и многие другие вопросы нам помогут документы.

В народе говорят, что «танцевать надо от печки». Так и здесь, чтобы до конца разобраться в личности С. М. Кирова как политического деятеля, необходимо еще раз вернуться к его детским и юношеским годам. Здесь началось формирование его характера, его взглядов на жизнь, отношения к людям.

Детские и юношеские годы

Метрическое свидетельство гласит, что Киров родился в Уржуме[1] 27(15) марта 1886 года в семье мещан Мирона Ивановича и Екатерины Кузьминичны Костриковых. Однако в паспорте Кирова до революции и его партийном билете год рождения обозначен — 1888-й. Эта дата появилась в документах Кострикова (Кирова) во время его первого ареста — 2 февраля 1905 года в Томске. Вероятнее всего, такое исправление в его паспорт внесли члены местной социал-демократической организации: в связи с такой поправкой юноша становился несовершеннолетним, и ему понижалась возможная мера наказания. Кстати, в паспорте С. М. Кирова, полученном им при паспортизации 1933 года, год рождения значится как 1885[2].

Кстати, на мемориальной доске С. М. Кирова, установленной на Кремлевской стене, неточно датирован день рождения — 28 марта. Вероятно, это объясняется ошибкой в летоисчислении при переводе даты его рождения со старого на новый стиль.

Вопрос о родословной Кирова содержит противоречивые и не совсем точные сведения. В воспоминаниях его родных — сестер Анны Мироновны и Елизаветы Мироновны — излагается общепринятая, официальная версия об их отце и бабушке. Первоначально она была сформулирована писательницей А. Голубевой в ее книге «Мальчик из Уржума»; Для ее написания А. Голубева выезжала в Уржум, встречалась с сестрами Сергея Мироновича, старожилами города. Постольку поскольку источник фактически был один — сестры, то сведения об отце ограничивались фразой: «Пропал без вести, уйдя на заработки». О

бабушке рассказывалось немного больше: о ее тяжелой доле — «вдовы николаевского солдата», о ее смерти «в возрасте 95 лет». Скупые сведения о своей родословной приводит и родной племянник Кирова — сын его младшей сестры — К. В. Верхотин[3].

И это понятно и объяснимо. В маленьком провинциальном городке, где люди, принадлежащие к одному социальному кругу, прекрасно знали друг друга, пьянство считалось величайшим позором. Поэтому и дочери и внук тщательно избегали не только писать об этом, но даже говорить на эту тему среди членов семьи.

Впоследствии, уже после смерти Кирова, его биографию приукрашивали все, видимо, следуя мудрой пословице: «О покойниках говорить либо хорошо, либо ничего».

Впервые назвал отца Кирова «алкоголиком» публицист С. С. Синельников[4].

И может быть, сегодня, когда алкоголизм поразил значительную часть населения России, неся зло семье, порождая нравственное разложение личности, об этом не стоило и писать, если бы не продолжающиеся публикации, несущие неправду об отце нашего героя. Историк В. И. Клюкин: *«Мирон… уходил на заработки в разные места, а затем надолго пропал»,* ему вторит историк Н. А. Ефимов: отец Кирова *«уехал на заработки то ли в Вятку, то ли на Урал, где бесследно исчез»*[5].

Между тем вопрос об отце Кирова вовсе не предмет праздного любопытства. Он не только позволяет уточнить факт его биографии, но поможет высветить отдельные черты его характера: контактность, сдержанность, стремление к знаниям, желание «выбиться в люди».

Отец Кирова — Мирон родился 12 августа 1852 года. Его мать — бабушка Сергея Мироновича родилась 1 января 1825 года. Некоторые называют дату ее рождения — 1811 или 1812 год. Так пишут в своих воспоминаниях ее состарившиеся внучки и правнук; по-видимому, она сама им что-то рассказывала в раннем детстве. Между тем до наших дней сохранился самый надежный источник — церковные книги, регистрирующие рождение и крещение младенцев, брачные отношения и смерть. Бот в такой книге Залазинской церкви, Глазовского уезда, Вятской губернии зафиксировано: Меланья Авдеевна родилась в первый день 1825 года в семье потомственных крестьян, приписанных к Залазинскому заводу. Свадьбу Меланьи сыграли 7 февраля 1843 года. Ее мужем стал крепостной крестьянин Иван Пантелеймонович Костриков, служивший у своего барина конторщиком. В 1848 году Ивана его барин отдает в солдаты на 25 лет. Местом службы Ивана становится Кавказ. А у его жены —

солдатки Меланьи спустя четыре года рождается сын Мирон, которого крестят в той же Залазинской церкви, сын записывается кантонистом, крестным отцом становится брат Меланьи, а об отце — ни слова. Спустя два года после рождения сына Меланья Авдеевна получает известие о смерти мужа. Шел 1854 год[6]. Молодой вдове исполнилось 29 лет, ее сыну Мирону — два года[7].

Немало лиха хлебнула Меланья Авдеевна, оставшись без средств к существованию с маленьким ребенком. Она бралась за любую работу, лишь бы иметь кусок хлеба: стирала белье, мыла полы, была прислугой. В 1861 году после отмены крепостного права она попадает в дом глазовского лесничего Антошевского и становится нянькой его детей. Вместе с ней там живет и ее сын. Вскоре Антошевского переводят в Уржум, где его избирают мировым судьей. С семьей Антошевского переезжает в Уржум из ненавистного ей Залазино с его сплетнями и слухами и Меланья Авдеевна с сыном.

Здесь, в Уржуме, не без помощи Антошевского она записывает своего сына в мещанское сословие и получает на него документы, где Мирон в честь умершего в солдатах мужа Меланьи Авдеевны получает его фамилию и отчество.

Мать Кирова — Екатерина Кузьминична, урожденная Казанцева, родилась в 1859 году. Ее отец — Кузьма Николаевич — богатый свободный крестьянин села Витлы Уржумского уезда. Похоронив жену и сына, он докинул родное село, перебрался в Уржум, купил участок земли, построил большой по тем временам дом, два сарая, большую конюшню, амбар, баню и другие подсобные помещения, огородил свое владение высоким забором с большими воротами и маленькой калиткой. Кроме того, в пригородной зоне Уржума он стал арендовать два больших участка земли[8]. И хотя точных архивных данных нет, но для содержания такого огромного хозяйства Кузьма Николаевич, по всей вероятности, применял наемный труд.

Бракосочетание Мирона Ивановича и Екатерины Кузьминичны состоялось 19 января 1875 года. Невесте было 16 лет, жениху — 23.

У Костриковых родилось семеро детей. Первые четверо умерли в раннем возрасте[9]. Тем не менее жизнь в семье не сложилась. Ни формальное узаконение происхождения Мирона, ни удачная женитьба на единственной наследнице богатого домовладельца, ни приличное место в лесничестве, которое он получил благодаря хлопотам Матери, не спасли Мирона от босяцкой доли.

Мирон стал виновником многих несчастий своей семьи.

Выросший в господских прихожих, он видел смысл жизни в сытом, беззаботном существовании, пил, мотал имущество своего тестя, часто менял службу, бродяжничал, продавал последние вещи из дома. Будучи совершенно больным, через двадцать с лишним лет он вернулся в Уржум, умер там в 1915 году[10].

Его жена — Екатерина Кузьминична в 30 лет, лишившись кормильца, осталась без средств к существованию с тремя детьми. Выросшая в зажиточной семье, в довольстве, она, чтобы прокормить семью, вынуждена была работать приходящей прислугой, прачкой у богатых уржумцев. От непосильного труда Екатерина Кузьминична заболела туберкулезом и умерла в 1894 году. А в 1910 году в возрасте 85 лет скончалась ее свекровь — Меланья Авдеевна[11].

Все они похоронены рядом на Уржумском кладбище. Трагичная судьба матери, отца, бабушки породила у мальчика, юноши на всю жизнь чувство неприязни к людям безвольным, любящим всласть пожить за чужой счет, пьяницам, бездельникам.

Горькие минуты отчаяния, обиды, одиночества пережил восьмилетний Сергей Костриков, оставшись сиротой после смерти матери.

Сестры Сергея — старшая Анна (1883 года рождения) и младшая Елизавета (1889 года рождения) остались жить дома с бабушкой — Меланьей Авдеевной[12]. Анна продолжала учиться в гимназии, а его отдали в дом призрения малолетних сирот. Он прожил в нем целых 8 лет.

Мальчик был смышлен, сообразителен, трудолюбив, прилежен. «Отличная учеба» и «совершенно безупречное поведение» (так написано в Характеристике) дали ему возможность за счет земского общества продолжить учебу в Казанском низшем механико-техническом промышленном училище.

Инициатором направления Сергея Кострикова на учебу стала воспитательница приюта Ю. К. Глушкова, ее поддержали учителя городского училища — Н. С. Морозов, В. С. Раевский, Г. Н. Верещагин и даже преподаватель Закона Божия — отец Константин. Они обратились с прошением в Благотворительное общество Уржума: направить Кострикова в Казань для получения специального образования за счет средств общества.

Благотворительное общество располагало к этому времени значительными средствами. Уржум развивался в конце XIX — начале XX века весьма интенсивно. В 1903 году в нем насчитывалось 6 промышленных заводов, 18 крупных ремесленных заведений (кожевенных, маслобойных, сальносвечных), широко шла торговля, особенно зерном. Богатые

купцы, помещики, чиновники считали делом чести вносить средства в Благотворительное общество.

Сохранился протокол общего собрания общества, на котором почетный член общества В. Ф. Польнер предложил собранию «… ввиду успешного окончания курса в городском училище и хороших способностей воспитанника дома призрения Сергея Мироновича Кострикова поместить для получения специального образования в Казанское низшее механико-техническое училище» за счет общества[13]. Решение было принято единогласно.

Общество ассигновало на содержание воспитанника в Казани, его обмундирование, оплату учебы на первый год — 90 руб. При этом учитывалось, что он будет также получать пособие из земства, которое после поступления на работу обязан земству вернуть[14].

Председатель Благотворительного общества выдал земству за малолетнего Кострикова обязательство-расписку о возврате всех денег земству, затраченных земством на обучение последнего[15].

В краеведческом музее Уржума в экспозиции по годам расписана материальная помощь Кострикову как со стороны земства, так и общества. В 1901 году — 65 руб., в 1902 — 55 руб., в 1903 г. — 60 руб., причем 36 руб. ежегодно вносило земство[16]. Как видно из приведенных цифр, из двух спонсирующих обучение Кострикова организаций Благотворительное общество делало это крайне нерегулярно. Причем за первый год оба спонсора не внесли ни одной копейки. Поэтому первый взнос сделал лично Польнер, детей которого нянчила старенькая Меланья Авдеевна. В сопроводительном письме в Казань Польнер писал:

«Означенного Сергея Кострикова я обязуюсь одевать по установленной форме, снабжать всеми учебными пособиями и своевременно вносить установленную плату за право обучения… Жительство он будет иметь в квартире моей родственницы, дочери чиновника — Людмилы Густавовны Сундстрем»[17].

Казанский период — это, пожалуй, наиболее тяжелые годы в жизни подростка. Жил он впроголодь, часто случались голодные обмороки, болел, но упрямо шел к своей цели стать техником-механиком.

Павел Иванович Жаков, преподававший в то время в училище, вспоминал: *«Отсутствие близких, тяжкие бытовые условия, постоянное недоедание вызвали бы у многих уныние, сломили бы всякое желание учиться. Но не такой был Сергей… Целеустремленность и бодрость никогда его не покидали… Всегда стремился расширить свой кругозор, читал массу книг, любил художественную литературу и в беседах обнаруживал острый ум и критическую мысль»*[18].

Моральную поддержку, материальную помощь оказывали Сереже Костикову и его старые знакомые — сестры Глушковы — Юлия и Анастасия Константиновны.

Летом 1934 года Анастасия Константиновна приезжала в Ленинград на экскурсию. Она позвонила Кирову, он посетовал: почему она не согласовала время поездки, — он только что вернулся из отпуска в Сочи, и через несколько дней ему предстояла поездка в Казахстан, а в Ленинграде его ждала труда непрочитанных бумаг, документов, писем, предстояли встречи с руководителями города, директорами предприятий…

В воспоминаниях, датированных 1935 годом, А. К. Глушкова рассказывала: *«Он тепло меня встретил», на машине повез показывать город, а «на мой вопрос „ты забыл меня?“ ответил — „Нет, не забыл и не забуду. Вы для меня сестра и мать”»*[19].

Останавливаюсь на этом, казалось бы, незначительном эпизоде, чтобы показать всю несостоятельность тезиса сегодняшнего исследователя Н. А. Ефимова, что *«впоследствии Сергей Миронович, кажется, ни разу не вспомнил своих благодетелей»*[20]. С Польнером Сергей Костриков вообще лично не был знаком, между ними всегда была слишком велика социальная дистанция. У Л. Г. Сундстрем на квартире он жил в Казани только один год, а потом она уехала из города навсегда. Кстати, это весьма осложнило и без того тяжелую жизнь юноши. Ну а когда в годы советской власти С. М. Киров занял высокое положение в обществе, никого из его уржумских покровителей не было уже в живых, за исключением Глушковых.

Ошибочно и утверждение Н. А. Ефимова, что Киров учился в Казанском «ремесленном» училище[21]. Аттестат, полученный Кировым, гласил, что он *«был принят в августе 1901 года в низшее механико-техническое училище Казанского соединенного промышленного училища, в котором обучался по 31 мая 1904 г., и окончил полный курс низшего механико-технического училища…»*[22].

В восемнадцать лет Костриков-Киров получил заветный диплом. Он был в числе восьми лучших из трехсот питомцев училища. Заметим, что выпускники этого училища в то время котировались довольно высоко. Практически им была открыта дорога на все крупнейшие, наиболее престижные заводы России.

Так закалялась у Кирова воля, выдержка, целеустремленность, вырабатывалось чувство товарищества, умение контактировать с людьми разных социальных групп, возрастов, национальностей, слушать и понимать их, то, что впоследствии составит сущность его характера как человека. Наверное, неслучайно все воспоминатели будут писать о нем как

о «простом человеке».

Вместе с тем в Казани к Кирову приходила зрелость, происходило становление его гражданского самосознания, проявился интерес к политической и художественной литературе, посещению революционных кружков, критически он стал воспринимать и действительность, и театр, и книги.

В автобиографии Киров потом, спустя десятилетия, напишет: *«…по окончании училища стал достаточно определенным революционером с уклоном к социал-демократии»*[23].

Вряд ли мы, исследователи, вдумчиво относились к этим его словам. А ведь в них заложен глубокий смысл. Заметим, он не объявляет себя ни ленинцем, ни большевиком, ни просто социал-демократом, а только *«достаточно определенным революционером с* ***уклоном*** (выделено мной. — *А.К.*) *к социал-демократии»*. И это было написано в те дни, когда многие, в том числе и видные большевики, стремились доказать, что их партийный стаж значительно более ранний, чем вытекало из имеющихся у них документов.

Действительно, в Казани Сергей Костриков вошел в круг революционно настроенной молодежи.

Как многие из тех, кто прошел суровую жизненную школу, он остро реагировал на самые различные факты социальной несправедливости. В среде своих сверстников он знакомился с запрещенными тогда произведениями Писарева, Добролюбова, Чернышевского, делился своими мыслями о прочитанном с друзьями. Но вместе с тем он был просто юношей, его, как почта всех молодых людей, привлекала поэзия, литература, театр. Вряд ли можно считать случайностью неоднократные нарушения С. Костриковым правил, запрещающих учащимся Казанского промышленного училища посещать театр более одного раза в месяц.

Более того, приезжая на летние каникулы в Уржум, Сергей охотно участвовал в любительских спектаклях, хоровых пениях, рыбной ловле.

В 1904 году Киров вернулся в Уржум. Перед ним остро встал вопрос: что делать дальше? Идти работать или продолжать учебу. Его знакомые, ссыльные революционеры — С. Д. Мавромати, братья К. Я. и Ф. Я. Спруде — советовали учиться дальше. Об этом неустанно твердили ему и сестры Глушковы. К тому же на каникулы приехал из Томска студент — сосед по улице, который расхваливал город, институт, где он учился, и звал поехать вместе.

Поэтому представляется в высшей степени несостоятельным и предвзятым положение, выдвинутое Н. А. Ефимовым: дескать,

стремление Кирова к получению образования возникло у него после ознакомления с тяжелым трудом рабочих на мыловаренном заводе Крестовникова в Казани, у него появилась *«зависть, как живут богатые состоятельные люди»*[24].

Стремление к знаниям, образованию всегда поощрялось прогрессивными людьми, рассматривалось как самое действенное противоядие против зависти и корысти.

Преодолев невероятные трудности, лишенный простой человеческой ласки, живший вдали от своих родных, Сергей Костриков получил диплом механика. Чувство обыкновенного человеческого честолюбия присуще практически каждому молодому человеку с нормальной психикой. Несомненно, оно свойственно было и Сергею Кострикову. А разве плохо мечтать о материальном благополучии, заработанном честным трудом.

Меня просто чисто по-человечески интересует, а что двигало доцентом Ефимовым, когда он поступал в вуз, защищал кандидатскую диссертацию, получал звание доцента. Почему же он не стал простым рабочим?

Не исключаю, что для Сергея Кострикова высшее образование давало возможность стать материально независимым, самостоятельным, порвать с той социальной средой, которая окружала его с детства. Неслучайно в письме к сестрам Глушковым он писал из Казани: *«Буду терпеть и ждать… а образование получу!»* И тот, кто не спал за занавеской в одной комнате с хозяевами, не готовился к занятиям ночью при огарке свечи, кто не ходил в дырявых сапогах (на другие денег не было), кто не пил, не курил, а на жалкие крохи, сэкономленные на хлебе, сахаре, обеде, посещал выставки, театр, тот никогда не поймет тех, кто тянется к знаниям, литературе, искусству. Тех, кого именно благодаря полученному образованию, раздвинувшему границы их гражданского и гуманитарного кругозора, начинает заботить и судьба «братьев меньших», работающих в темных цехах с нарушением всяких правил технической безопасности. А ведь именно подобный рабский труд увидел практикант Костриков на заводе братьев Крестовниковых (а не Крестовникова, как у Ефимова).

Это определило выбор Кирова, и после Казани он очутился в Томске. Здесь он мог продолжить свое образование и стать инженером. Реальные перспективы для этого открывал Томский технологический институт, окончание подготовительных курсов которого давало право учиться в этом учебном заведении и тем, кто не имел диплома об окончании гимназии или реального училища.

Первые революционные шаги

Костриков приехал в Томск в конце августа 1904 года. Не исключено, что его спутником в этой поездке был уржумец Никонов, студент Технологического института, на квартире которого первое время и жил Сергей.

Занятия на курсах начинались 1 сентября, сначала Костриков посещал их как «вольнослушатель», так как по правилам для зачисления на курсы необходимо было получить документ о политической благонадежности и постоянное место работы. А на это требовалось определенное время.

Наконец Сергей после длительных поисков получает место чертежника в городской управе и работает там вплоть до своего третьего ареста в июле 1906 года. А в начале января 1905 года он получает из жандармского управления Томска справку о политической благонадежности и становится полноправным слушателем курсов[25].

Между тем вихрь революционных событий в центре России докатился и до Томска. На подготовительных курсах училось немало революционно настроенных разночинцев, которые вводят Сергея в социал-демократическое движение Томска. Уже в декабре 1904 года Костриков вступает в ряды социал-демократов, принимает участие во всех их акциях. Здесь, в Томске он проходит и первые тюремные университеты.

Томский период жизни и деятельности Сергея Кирова, к сожалению, недостаточно изучен исследователями. В имеющихся публикациях Киров предстает как последовательный сторонник большевиков, знаток ленинских работ, известный организатор и агитатор масс.

Основанием для подобных выводов служили воспоминания о С. М. Кирове, написанные их авторами уже после его трагической гибели и, несомненно, содержащие завышенную оценку его деятельности.

Документальная база исследования этого отрезка жизни Кирова скудна. Сохранились материалы жандармского управления, касающиеся всех его арестов и судебных заседаний, а также архивы, связанные с поступлением на общеобразовательные курсы Томского технологического института. Но не вызывает сомнений, что Сергей Миронович принимал активное участие во всех революционных выступлениях в Томске. Молодой человек знакомится с запрещенной цензурой того времени литературой. Руководитель кружка Г. Крамольников в своих воспоминаниях впоследствии писал: слушатели, в том числе и Сергей, читали Шелгунова,

Михайловского, Писарева, Добролюбова. Читали они и работы В. И. Ленина.

По заданию Томского комитета РСДРП Сергей Миронович вместе с товарищами печатал и разбрасывал антиправительственные листовки, входил в состав боевой дружины, участвовал в маевках, демонстрациях, митингах. В 1904 году он вошел сначала в состав Томского подкомитета РСДРП, а с декабря 1905 года стал членом комитета.

Обстановка в социал-демократическом движении Сибири была непростой. Здесь сильное влияние имело меньшевистское крыло социал-демократического движения.

Томский комитет РСДРП был объединенным. Словесная перепалка большевиков и меньшевиков о тактике партии в начавшейся революции носила ожесточенный характер. Это проявлялось не только в самом комитете, но и на различных собраниях социал-демократов.

Вспоминая те дни спустя десятилетия, Киров говорил: *«Я прекрасно помню собрания, когда мы в количестве пяти-семи человек обсуждали вопрос о необходимости немедленного свержения царского самодержавия. И вот во время обсуждения этого сугубо важного вопроса у нас моментально обнаруживался какой-то разнобой и, вместо того, чтобы пойти на фабрику, завод, прийти к рабочим и рассказать им о нашей программе действий, мы сейчас же набрасывались друг на друга, не находя общего языка в основных вопросах революционной борьбы»*[26].

За свою революционную деятельность в Томске Сергей Миронович подвергался преследованиям. 2 февраля 1905 года он впервые был привлечен в качестве обвиняемого за «участие в неразрешенной противоправительственной сходке», проходившей в доме Муковозовой. Во время обыска 3 февраля на его квартире были обнаружены *«печатные и гектографические прокламации разных наименований противоправительственного характера».* Но 6 апреля он был из-под стражи освобожден.

Вторично Кирова арестовали 30 января 1906 года во время засады на квартире казначея Томского комитета РСДРП. Но вскоре он был освобожден под крупный залог. Именно во время этого ареста ему изменили возраст, и суд над ним так и не состоялся.

Третий раз его арестовали 11 июля 1906 года. При обыске у него была обнаружена *«переписка, уличающая в принадлежности к тайному сообществу социал-демократов».* В списке предметов, отобранных у Сергея Кострикова при обыске, значится около 150 видов различных вещей. Среди них: соч. В. Ленина «Письмо товарищу о наших организационных задачах», работы

К. Каутского, А. Бебеля, прокламации и сочинения А. Франса[27].

Основанием для ареста послужили агентурные сведения о якобы существовавшей в одном из домов на Аполлинариевской улице Томска Подпольной типографии. Тогда же были арестованы Михаил Попов, Николай Никифоров и Герасим Шпилев, на квартирах которых также были обнаружены преступные прокламации и брошюры.

Все четверо обвинялись в преступлении, предусмотренном 126-й статьей Уголовного кодекса Российской империи за принадлежность к российской социал-демократической рабочей партии.

Следствие (или, как говорится в жандармских документах — дознание) продолжалось свыше семи месяцев. Но типографию жандармам Обнаружить не удалось.

28 февраля 1907 года полковник жандармерии Романов рапортовал начальнику Томского губернского жандармского Управления: *«Доношу, что 16 февраля с. г. (*1907 г. — *А.К.) в Томском окружном суде разбиралось дело, соединенное из нескольких дознаний… Среди них мещанин Сергей Миронов Костриков, обвиняемый по статье 126 Уголовного уложения, как* ***член Томского комитета РСД рабочей партии*** *(*выделено мной. — *А.К.)*.

Костриков приговорен к заключению в крепости на один год и четыре месяца.

Все остальные — Попов, Никифоров, Шпилев приговорены к ссылке на поселение»[28].

Столь суровое наказание Сергею Мироновичу по сравнению с его товарищами объяснялось тем, что он уже привлекался органами дознания При Томском губернском жандармском управлении в феврале — апреле 1905 и январе — марте 1906 года.

В тюрьме Сергей Киров много и упорно занимался самообразованием, читал художественную литературу, изучал немецкий язык. Эти факты из тюремной биографии Кирова свидетельствуют о его жажде знаний.

Много лет спустя Киров вспоминал: *«Мы, люди старшего поколения, мы живем… на 90 % багажом, который получили в старые подпольные времена. И тут правильно говорят: не только книжки, а каждый лишний год тюрьмы давал очень много — там подумаешь, пофилософствуешь, все обсудишь 20 раз, и когда принимаешь какую-нибудь партийную присягу, то знаешь, к чему это обязывает»*[29].

Сегодня, оценивая томский период деятельности Кирова, как никогда раньше понимаешь, что нельзя ее принижать, а с другой

стороны, вряд ли правильно, когда пишется о его решающей руководящей роли в делах томской социал-демократии в первой русской революции. В связи с этим следует более внимательно отнестись к его автобиографическим сведениям. Он писал в одной из анкет о Томске: *«…был в нелегальных кружках, сам руководил маленькими кружками. Затем был введен в Томский комитет партии… заведовал нелегальной типографией»*[30].

В июле 1908 года С. М. Киров вышел на свободу. Сначала он уехал в Новониколаевск (ныне Новосибирск), затем, спасаясь от слежки полиции, перебрался в Иркутск, а летом 1909 года преследования жандармов вынудили Кирова, по его собственному признанию, *«бежать на Кавказ… оказался во Владикавказе»*.

Дело в том, что в Томске в прямом смысле слова обрушился дом, в подвале которого находилась типография. Жандармы немедленно приступили к розыску всех ее организаторов. Оставаться в Сибири для Кирова стало крайне опасно. Он уехал на Северный Кавказ.

Владикавказ, Северный Кавказ были избраны местом жительства неслучайно. Еще в период работы в Томске Киров принимал участие в организации побега из тюрьмы группы политических заключенных. Среди них был его хороший знакомый — Иван Федорович Серебренников, который обосновался во Владикавказе и служил в городской управе секретарем. К нему-то и обратился Сергей Миронович, когда над ним нависла опасность нового ареста. С его помощью он получает паспорт на имя Миронова и устраивается на работу в газету буржуазно-либерального толка — «Терек».

Т. М. Резакова, сотрудница этой газеты, и С. Л. Маркус в своих воспоминаниях, написанных в 30-е годы, однозначно свидетельствуют: первоначально Сергей Миронович жил и работал под фамилией «Миронов». Однако уже в 1910 году среди работников редакции газеты «Терек» появляется фамилия С. М. Костриков.

Можно высказать предположение: Киров считал, что опасность нового ареста для него миновала. Дело в том, что арестованные жандармами в конце 1909 года по обвинению в создании нелегальной подпольной типографии на Аполлинариевской улице в Томске М. Попов, Г. Шпилев, Е. Решетов, совместно с которыми Киров трудился по ее организации, были оправданы Томским судом в начале марта 1910 года. О чем они незамедлительно сообщили Кирову. В связи с этим он, считая себя в полной безопасности, стал сотрудничать в газете под своей подлинной фамилией Костриков.

Более того, Сергей Миронович подал прошение директору

Казанского промышленного училища о высылке ему копии аттестата по адресу: Владикавказ, почтамт, до востребования, так как подлинник аттестата затерялся в архивах полиции во время его прежних арестов в Томске.

Но Кирову не повезло. Случилось непредвиденное. Еще в 1909 году, сразу же после обвала дома и обнаружения типографии, Томское полицейское управление направило ректору Казанского промышленного училища депешу о розыске Сергея Кострикова как государственного преступника. В связи с этим прошение Кострикова и копию его аттестата ректор направляет совсем по другому адресу: Владикавказ, жандармское управление[31]. Но человека по фамилии Костриков не значилось среди прописанных во Владикавказе (как мы уже упоминали, по прописке он значился — Миронов). Был журналист Костриков, причем влиятельной либеральной газеты, имевшей небывалый для Владикавказа тираж — более 10 тыс. экземпляров. И прежде чем рассказать о новом, четвертом аресте Кирова, остановимся на его публицистическом творчестве.

Публицист-демократ

Подшивки газеты «Терек» за 1909–1917 годы сохранились почти полностью. Более 1500 статей, фельетонов, рецензий, памфлетов С. М. Кирова было опубликовано на ее страницах. «С. Миронов», «Сер. Ми», «Терец», «Турист», «С. М.», «С. К.» — этими и другими псевдонимами он их подписывал. 26 апреля 1912 года в № 4300 газеты «Терек» была помещена статья «Поперек дороги», посвященная острому политическому материалу — ленским событиям. Подпись читателю незнакома — «С. Киров»[32].

Существует ряд версий о рождении этого псевдонима. Люди, хорошо знавшие Сергея Мироновича по газете «Терек», утверждали: все дело в настольном календаре, где перечислялись имена святых (в том числе и Кира). Софья Львовна Маркус — свояченица Кирова, считала, что в основу псевдонима легло имя древнеперсидского полководца. Как бы там ни было, этот литературный псевдоним становится и революционным именем Сергея Мироновича. Под ним он вошел в историю.

В советское время, особенно после 60-х годов, публицистика Кирова достаточно полно исследовалась в брошюрах и монографиях В. С. Виноградского, В. П. Дубровина, Б. М. Моситиева и некоторых других. Они обстоятельно разбирали особенности его журналистики, провели тщательную

разборку по установлению его псевдонимов, анализировали его статьи.

Не ставя своей целью заниматься этими проблемами, мне хотелось бы прежде всего осветить круг вопросов, поднимаемых Кировым на страницах газеты, как они видятся мне, не профессиональному журналисту, какими являются вышеназванные мной авторы, а как историку, читателю, рассказать о некоторых мифах, легендах и новых фактах, связанных с работой Кирова в «Тереке», а также немного приподнять занавес и поведать о его личной жизни в это время.

Знакомясь с публицистикой Кирова, сразу же обращаешь внимание: круг его интересов как журналиста широк и многообразен.

Он посвящает статьи творчеству Льва Толстого, Виссариона Белинского, Александра Герцена, Салтыкова-Щедрина, Шевченко, Лермонтова, Пушкина, Леонида Андреева, Максима Горького, Федора Достоевского и других[33]. Признавая талант Леонида Андреева, Киров отмечал несостоятельность литературоведа Ф. М. Родичева (кадета), поставившего Л. Андреева и М. Горького «на одну доску» в идейной направленности их произведений. Андреев, писал Киров, *«не может найти выхода из страшного… круга так было, так будет»,* в то время как М. Горький исповедует *«так было, но скоро так не будет»*[34]. Вместе с тем Сергей Миронович с интересом и одобрением относится к идее Л. Н. Толстого «о непротивлении злу насилием», разделяет некоторые богоискательские настроения А. М. Горького, увлекается творчеством Достоевского. *«Бессмертный душевед Достоевский!* — писал тогда Киров. — *Как много мы имеем его в себе! Помните Карамазовых? Как только является куда-нибудь вселюбец Алеша, окружит нечеловеческой любовью хотя бы самую заскорузлую душу, разрывающуюся от бремени греховности, — начинают открываться человеческие души, и все свои мерзости люди видят как в зеркале»*[35].

Киров отрицательно оценивал творчество Арцыбашева, Северянина, не принимал модернистских исканий таких литераторов, как Мережковский, Гиппиус. В феврале 1912 года в одном из писем к будущей жене Киров писал: *«где жизнь, там и поэзия… О, если бы эти маленькие истины помнили, например, наши Гиппиусы, Черные, Белые Саши, Андреевы и прочие, — то может быть, в русской литературе до сих пор была бы поэзия, и она явилась бы литературной, а не умственной (да и „умственной ли?“) гимнастикой господ беллетристов»*[36].

Самые различные темы российской действительности поднимал Киров в «Тереке»: о тяжелом материальном положении

рабочих и крестьян, о их каторжном труде, о тяжелой участи женщин, особенно на Кавказе, о национальных противоречиях между горскими народами и русскими казаками, выдвигая в связи с этим принцип национального равноправия наций и народностей. С горечью он писал о положении российского журналиста, о цензурных притеснениях и бесправии прогрессивной печати.

В своих статьях и репортажах Киров отстаивал принцип массового образования, выступал в защиту науки, отмечал бедственное положение ученых. «*Знает ли общественно-мыслящая Россия своих ученых,* — писал он, — *любит ли хоть дна их, умеет ли общество оказать им в свое время ту поддержку, которую при других, благоприятных условиях, могла бы оказать им государственная власть?.. Увы, чаще всего, конечно, нет*»[37].

Большое место в публицистике Кирова занимает думская тематика. Он выступает с критикой думского законопроекта о социальном страховании рабочих, разоблачает антинародную сущность таких черносотенных партий, как «Союз русского народа» и «Союз Михаила Архангела», утверждает, что Дума, ее депутаты отражают-лишь интересы собственников. Ярким образцом такой его публицистики является памфлет «Простота нравов». Представляя состав депутатов IV Государственной Думы, он писал: «*Выяснилось окончательно, что в четвертой Думе неизбежно господство черных весьма определенного тона, тона Пуришкевичей и Замысловских… Глядя на наш четвертый парламент, очень легко уподобиться тому оттоману, который, посетив французскую палату депутатов, воскликнул: „Благодарю Аллаха, избавившего мою родину от столь гибельного испытания!"».* Россия, продолжал Киров, «*…в политическом отношении переросла анекдотического турка. Ей уже не к лицу славословить страны, в которых „слава Богу, нет парламента*“»[38].

Киров-журналист не оставлял без внимания и международные проблемы. Он остро отреагировал на балканские войны, оперативно давал обзоры с театра их военных действий, симпатизировал балканским народам, борющимся за свою независимость. Критикуя политику великих держав на Балканах, он писал, что они ратуют лишь на словах за национальное самоопределение славян, а фактически *«баланс войне подведут люди, для которых национальное самоопределение пустой звук, у которых вся философия сводится к быстрому обогащению франка»*.

Следя за военными приготовлениями крупных держав, Киров отмечал их опасность. Он писал в ряде своих статей, что бремя военных расходов тяжелой ношей ложится на плечи трудящихся,

что любое *«проявление человеческого гения в области открытий и изобретений взвешивается, прежде всего, с точки зрения милитаризма»,* а повсеместная милитаризация экономики, по его мнению, неизбежно ведет к войне и *«создает в Европе пороховой погреб, который ждет искры».*

После начала Первой мировой войны Киров на страницах «Терека» не написал фактически ни одной строчки с осуждением политики царского самодержавия в войне, так же как и не осудил национал-шовинистический угар в России, разразившийся в первые месяцы войны. Однако он много писал о братоубийственном характере войны, о том, что она не отражает интересы широких народных масс. Он разоблачал тех, кто занимался спекуляцией, наживался на поставках для армии. По его мнению, война выгодна лишь «акулам» капитализма, которые *«не задыхаются от кровавого пота, стоны целой страны не трогают их, не омрачают их душу. „Акулы" спокойно делают свое черное дело».* В одной из своих статей, обращаясь к солдатам и гражданам, Киров призывал их: *«Объявите войну войне».*

Особую выгоду в Первой мировой войне имеют американские толстосумы, наживающие баснословные прибыли на трагедии народов. *«Ураган войны, долетая до берегов Америки,* — писал Киров в статье „Кто побеждает", — *обращается в приятный ласкающий ветерок и там им довольны… Поистине Соединенные Штаты обрели новую Калифорнию, из которой черпают золото в крупнейших суммах»*[39].

Каковы же были политические взгляды Кирова в период с 1909 по 1917 год? В ряде биографических очерков о нем, в воспоминаниях лиц, работавших и знавших его по Северному Кавказу, в ряде исследований, написанных о нем, деятельность Кирова оценивается однозначно: последовательное проведение ленинской линии на воспитание масс, удачное соблюдение установок вождя на сочетание легальной и нелегальной работы члена российской социал-демократической партии большевиков[40].

Н. А. Ефимов, наоборот, подвергает сомнению тезис о том, что Киров был *«безупречным большевиком-ленинцем и никогда не сходил с ленинского пути».* Он считает, что Киров *«и до Февральской революции 1917 г. вел обычную жизнь преуспевающего журналиста-публициста газеты кадетского толка»,* а его *«побочным увлечением» «в то время была вовсе не подпольная работа, а природа Кавказа»*[41]. Основанием для подобного утверждения, по мнению Ефимова, является отношение Кирова к Временному правительству, поклонником которого он был. Ефимов пишет, что впервые на эту позицию Кирова обратил

внимание ростовский историк А. И. Козлов в своей книге «Сталин: борьба за власть», изданной в 1991 году.

Но это не так. Впервые о позиции Кирова по отношению к Временному правительству написал еще В. Б. Дубровин в своей книге «Повесть о пламенном публицисте», выпущенной Лениздатом в 1969 году, т. е. фактически более чем на 20 лет раньше А. И. Козлова. Тогда Дубровин однозначно оценил позицию Сергея Мироновича по отношению к Февралю и Временному правительству как ошибочную.

Действительно, Киров восторженно встретил Февральскую революцию. *«…В 24 часа,* — писал он, — *порабощенная многомиллионная страна, представлявшая собою неограниченное поле для производства самоуправства, где городовой и земский начальник чувствовали себя полными фараонами, эта страна вдруг стала свободной… История мира таких примеров не знает».* Сергей Миронович выразил полное доверие Временному правительству, высоко оценил программу его действий, считая его подлинно народным[42].

С точки зрения ортодоксального большевизма, подобные взгляды были, конечно, не только ошибочны, но и крамольны. Они не могут быть присущи «безупречному ленинцу».

Но вряд ли сегодня, исследуя исторические портреты деятелей большевистской партии, освобождая их от восторженной шелухи советской историографии, следует прибегать к таким словам: *«не был безупречным ленинцем»,* полностью при этом абстрагируясь от конкретных реалий тех лет.

Да, Киров писал о Временном правительстве, своем отношении к нему так, как он воспринимал обстановку в 1917 году, находясь на Северном Кавказе. Но ведь так или приблизительно так Февральскую революцию воспринимали широкие слои населения России, в том числе и многие социал-демократы большевики. Ведь только после приезда Ренина в Россию, его «Апрельских тезисов», когда прозвучали его знаменитые лозунги «никакой поддержки», «никакого доверия» к Временному правительству, социал-демократия начала медленно пересматривать свои позиции по отношению к Временному правительству.

Позволю напомнить читателю, что в качестве общепартийной директивы позиция Ленина получила одобрение на Всероссийской партийной конференции в конце апреля 1917 года после ожесточенных поров и дискуссий внутри большевистской социал-демократии.

Замечу, что Киров восторгался Временным правительством не только в марте-апреле 1917 года, но и позднее — уже после

отставки А. И. Гучкова и П. Н. Милюкова, лидеров октябристов и кадетов, и создания первого Временного коалиционного правительства с участием шести представителей социалистических партий. В мае 1917 года он писал, что закончился *«блестяще прошедший первый акт русской революции»* и открывается огромное поле деятельности для укрепления завоеванных позиций[43].

Однако думается, что проводить сравнительный анализ ленинских оценок этого периода и высказываний Кирова в «Тереке», к которому прибегают В. П. Дубровин, С. С. Синельников и отчасти Н. А. Ефимов, вряд ли вообще правомочно. Прежде всего потому, что они вообще несопоставимы как исторические личности.

Ленин — признанный вождь, лидер большевистской партии, выросший в интеллигентной демократической семье, блестяще образованный, эрудированный, находившийся более 20 лет в эпицентре политической жизни страны, дискуссий и споров среди социал-демократии, получавший обширную информацию по самым разнообразным каналам со всей России, в том числе из Москвы и Петрограда. Ему уже 47 лет, за ним опыт не только российского революционного движения, но и участие в ряде международных конгрессов, конференций, общение с видными политическими деятелями Запада.

Киров — провинциал. По его собственному выражению, *«нигде так сильно не чувствуются российские будни, как в таких „мертвых“ в смысле общественной жизни городах, как Владикавказ.*

Всякий, приехавший из „живых“ мест, сразу почувствует почти полное отсутствие у нас общественной жизни…

Ходят регулярно на службу, вечером в клуб. Сегодня то, что вчера, завтра то же, что сегодня. И так цепляется день за день — нудно, однообразно, пусто»[44].

Социал-демократическая организация Владикавказа, к тому же крайне малочисленная, была полностью разгромлена в условиях реакции. Промышленного пролетариата в городе фактически не существовало. Рабочие, трудившиеся на небольшом свинцово-цинковом заводе и лесопильном производстве, были тесно связаны с землей, многие из них жили хотя и в маленьких, но собственных домах, имели свои огороды. И это в значительной степени определяло их самосознание.

Необходимо также помнить, что Владикавказ — это центр терского казачества. Здесь располагались их казармы, военные училища. Наконец город имел многонациональный состав населения: чеченцы, ингуши, осетины, русские. Всего более 40

национальностей с их распрями и враждой. Все это создавало своеобразный барьер для ведения социал-демократической пропаганды и агитации. Неслучайно пробуждение революционного настроения шло здесь крайне медленно.

Серебренниковы — Иван Федорович и Надежда Гермогеновна радушно приняли Сергея Мироновича, ввели его в свой круг: врачей, инженеров, служащих. Многие из них мыслили прогрессивно, критиковали в своем узком кругу российские порядки, но дальше этого ни в мыслях, ни в действиях не шли. В этих условиях Сергей Миронович оказался в определенной политической изоляции.

Не следует забывать и того, что он был сравнительно молод. Ему больше знать окружающий его мир, глубже познакомиться с искусством. Отсюда увлечение таким мужественным видом спорта, как альпинизм. Посещение театра, знакомство с Евгением Вахтанговым — знаменитым московским режиссером, актерами Давыдовым и Варламовым.

Это, конечно, был другой социальный слой общества, отличный от того, в котором он вращался ранее. Люди образованные, культурные, Люди образованные, культурные, они влияли на расширение кругозора Кирова и в определенной мере на его менталитет.

Значительную часть времени Киров, будучи штатным сотрудником газеты, проводил в редакции «Терека». Не могу согласиться с оценкой этой газеты как «кадетской». Она была обычной провинциальной газетной буржуазно-либерального направления: немного статей либерального характера, много рекламы, местных светских сплетен, объявлений, уголовная хроника.

Появление кировских передовиц, репортажей, статей, обозрений, фельетонов, памфлетов придало газете остроту, повышало ее тираж. И это весьма устраивало ее издателя и владельца С. И. Казарова. Чем больше тираж, тем выше прибыль.

Несомненно, Киров выступал в газете с революционно-демократических позиций, в ряде поднимаемых им проблем (Дума, балканские войны, характеристика внутренней политики царизма, международные обзоры) было немало острых политических оценок, приближающихся, а иногда и совпадающих по своему духу с ленинскими оценками, но высказанных иногда более эмоционально.

За политическую остроту кировских статей, их революционно-демократическую направленность издатель газеты Казаров пять раз подвергался администрацией Терской области штрафам на крупные по тем временам суммы от 50 до 200

рублей, а на их автора каждый раз следователем заводилось дело. А за статью «Простота нравов» прокурор Владикавказа распорядился начать против автора уголовное расследование, и только амнистия, объявленная царем в связи с трехсотлетием Дома Романовых, спасла Кирова от ареста.

Думается, ошибочным следует признать тезис, выдвигаемый некоторыми исследователями: Киров включился в политическую борьбу со страниц «Терека» по-настоящему только при Временном правительстве.

Февральская революция, давшая свободу слова, митингов, собраний, расширяла возможности действий всех партий России, в том числе и социал-демократов всех направлений. Но и до этой революции Киров, несомненно, оставался воинствующим демократом, революционером, взгляды которого ярко проявлялись в его антиправительственных статьях, памфлетах о тяжких условиях труда рабочих, эксплуатации детей, отравлениях рабочих на предприятии резиновой мануфактуры в Петербурге, расстреле рабочих на ленских приисках, об антинародной политике думских деятелей, о ненужности и ужасах Первой мировой войны и т. д.

Политическая направленность кировских статей в «Тереке» и до февраля 1917 года далеко отстояла от умеренной позиции кадетов и поддерживающей их либеральной интеллигенции.

Но безусловно, следует отойти от мифа, созданного после убийства Кирова: якобы *«в „Тереке“ он последовательно и настойчиво проводил ленинскую политическую линию».* Киров тогда в своих статьях выступал как революционер-демократ. Он обличал российские порядки, осуждал несправедливость, бесправие народа, с восторгом принял февраль 1917 года.

И можно ли сегодня ставить Кирову в вину, как это делает Н. А. Ефимов, то, что он не был «безупречным ленинцем»? Ответить подобным ревнителям большевистской безупречности можно словами любимого поэта Сергея Мироновича — Есенина:

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье…
Но кто ж из нас на палубе большой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.

Важно подчеркнуть желание Сергея Мироновича проникнуть в суть общественно-политического, социального процесса, происходящего в России в те годы, понять его. Отсюда постоянная эволюция его взглядов. Сегодня, переживая сложные явления последнего десятилетия России, переосмысливая прошлое, сталкиваясь с фактами очернительства, отрицания, искажения непростого трагически-героического периода в истории нашего народа, начинаешь особенно понимать ответственность за каждое написанное тобой Слово.

Вряд ли можно согласиться и с теми, кто утверждает, что во Владикавказе Киров вел большую подпольную работу.

Восстановление социал-демократических организаций после реакции шло там мучительно и долго. Сергей Миронович принимал участие в этом процессе, но фактически он завершился только после Февраля. Владикавказская социал-демократическая организация длительное время была объединенной, в ней сообща действовали меньшевики и большевики, причем первые преобладали.

Киров решающей роли в этом процессе не играл. Здесь первая скрипка принадлежала таким видным уже в это время деятелям большевистской партии, как Ной Буачидзе, Мамия Орахелашвили и другим. Сергей Миронович, будучи человеком общительным, контактным, имел много знакомых среди разных слоев населения, завязывал дружбу, вел разговоры с людьми по самым жгучим проблемам тогдашней политической жизни, привлекая их на сторону социал-демократии, вовлекая в кружки.

И снова арест

31 августа 1911 года Киров был арестован в четвертый раз непосредственно в редакции газеты «Терек» по делу о томской подпольной типографии. Около месяца его содержали во Владикавказской тюрьме, а затем по этапу отправили в Томск.

Как и прежде, попадая в тюрьму, он все свободное время посвящает образованию. В одном из писем он сообщает своей будущей жене Марии Львовне Маркус: «*Читаю беллетристику. Здесь есть Кнут Гамсун, Андреев и пр. Смотрю Библию. Много в ней любопытного».*

Сохранилось большое количество писем Кирова, написанных им (Марии Львовне из тюрьмы. В них он делится своими впечатлениями о прочитанных книгах, рассказывает о тюремном быте, новостях, просит ее меньше проявлять к нему заботы, внимания, ибо вряд ли сможет ей чем-нибудь ответить.

Читая эти письма, понимаешь, что они — письма друга, но друга ценного. В них нежность, чуткость, доброта, содержатся искренние советы, наставления:

«…когда я вернусь, к Вам, — писал он, — *мы выберем лунную ночь и поедем. Мне сейчас живо представляется Ваше лицо… Целую, Сережка»* (16 сентября 1911 г.).

«Дорогая Маруся! Получил Ваше письмо, и какое-то радостное чувство овладело мной… Кстати, насчет „ты“ и „вы“… Ты отлично должна знать, что если и стоит „Вы“, то следует читать „ты“…» (21 сентября 1911 г.).

После объявления Кирову тюремным начальством об отправке его в Сибирь он пишет ей: *«Единственное, что осталось — это надежда на благополучное окончание ниспосланного испытания и возможность вернуться свободным человеком во Владикавказ, снова видеть тебя, говорить, чувствовать… Чувствую большое желание сказать тебе что-нибудь согревающее, успокоить тебя… Но надеюсь, что ты сумеешь прочь между строк… Ведь понимали же мы друг друга без слов. Правда, мы тогда были вместе, чувствовали дыхание друг друга, а теперь… Но ведь это „теперь“ не вечно, оно пройдет и пройдет, быть может, скоро, — и тогда! Черт возьми, как хорошо, красиво и радостно будет это „тогда"»* (24 сентября 1911 г.).

И еще небольшой отрывок из другого письма: *«Неожиданно объявили, что иду в этап. Итак, до свидания, Маруся. Будь спокойна… Целую крепко, крепко. Не забывай, пиши чаще. Еще раз целую. Твой Сережка»* (1 октября 1911 г.)[45].

16 марта 1912 года Томский окружной суд оправдал Сергея Мироновича Кострикова по делу о подпольной томской типографии на Аполлинарьевской улице. Главный свидетель обвинения — полицейский пристав, арестовавший его в 1907 году, не опознал в Миронове-журналисте Кострикова-юношу, которого он брал тогда.

Выйдя на свободу, Киров не спешит ехать на Северный Кавказ. Он едет в Москву, где теперь жила Надежда Гермогеновна Серебренникова, с Которой он постоянно переписывался, в том числе и из томской тюрьмы.

Серебренникова, по профессии зубной врач, принадлежала к числу томской либеральной интеллигенции. Одно время ее квартира служила явкой для томских социал-демократов. Тогда, в годы первой русской революции, Киров и познакомился с ней. Они вместе организовывали побег из томской тюрьмы группы политических заключенных. Среди них был и ее муж — Иван Федорович Серебренников.

Сохранилось несколько писем, открыток, адресованных

Кировым Надежде Гермогеновне. Это теплые, нежные послания, но вместе с тем они почтительны и весьма доверительны, уважительны. Так, в письме от 4 ноября 1911 года Киров пишет Надежде Гермогеновне из Томска в Москву: *«После долгих мытарств я добрался, наконец, до Томска. Все путешествие* (имеется в виду этап, *— А.К.) заняло 25 дней.*

Сегодня был допрошен ротмистром, который отдал приказ неуклонно содержать меня в одиночке, для чего из губернской тюрьмы переводят в загородную… Следствие по делу закончилось, дело переходит к прокурору. Месяца через 4, наверное, будет назначено к слушанию.

Для того, чтобы письма доходили поскорее, пишите так: Томск, Жандармское управление для политического заключенного в арестантском отделении № 1»[46].

Сейчас, в 1912 году, оказавшись в Москве, Киров мечтал подыскать себе журналистскую работу, но не смог. В письме к М. А. Попову — своему товарищу по Томску — он писал из Москвы: *«Осуществить это невинное намерение не так-то легко и просто. Был в литературно-художественном кружке. Видел почти всех карасей литературы и журналистики. Все они дают один ответ: де здесь трудно что-либо найти — слишком много нашего брата».* В этом же письме он делится своими впечатлениями о посещении музеев, Большого театра, восхищается Кремлем. *«…В провинции, — продолжает он, — мы не видим ни драмы, ни оперы, а принуждены удовлетворяться жалкими пародиями»*[47].

Пришлось С. М. Кирову ехать во Владикавказ. В открытке, адресованной с дороги Н. Г. Серебренниковой, он писал: *«16 апреля. 6 часов вечера. Таганрог. Завтра в 2 часа дня буду во Владикавказе. Погода здесь великолепная, однако… настроение у меня убийственное. Впереди „Терек" со всей его мутью и тиной. Неужели затянет она меня и мечта о Москве не воплотится в действительность?»*[48]

И вот еще одно письмо Надежде Гермогеновне. Оно написано уже в другую, послереволюционную пору, на бланке значится: РСФСР, Временный Военно-революционный комитет Астраханского края, г. Астрахань. 10 апреля [1919 г.].

«Пока пребываю в Астрахани. Скоро вероятно переброшусь. Работаю здесь как вол, не имею ни одной минуты свободного времени… 10–11 марта здесь было основательное белогвардейское выступление. Ликвидировали удачно, но повозиться пришлось…

Удивительное время! Революция идет буквально по нотам. Раньше выходило так, что мы старались опередить события, а теперь события обгоняют нас»[49].

Письма Серебренниковой Киров будет писать и из Тифлиса, и

из Баку.

А пока добрался до Владикавказа. И судя по его письму к М. Попову — настроение у него не из лучших: *«Вчера водворился на место своего постоянного жительства. Издатель встретил с распростертыми объятиями. И даже облобызал. Но что это было за лобзанье! Впрочем, черт с ним»*[50].

1 апреля 1912 года Киров получает новый бессрочный паспорт на имя Дмитрии Захаровича Корнева.

Паспорт был выдан Хасав-Юртовским слободским правлением Терской области 13 апреля 1912 года. В паспорте указано отношение к отбыванию воинской повинности: «в 1903 году Грозненским окружным по вопросу воинской повинности присутствием освобожден навсегда» (свидетельство № 3296); указан документ, на основании которого выдана паспортная книжка: по паспорту Хасав-Юртовского слободского правления от 1910 года за № 79[51].

Таким образом, Киров получил новую фамилию, освобождение от военной службы и мог жить вполне легально.

Паспорт интересен еще и тем, что в графе семейное положение впервые отмечено — «женат». Жена — Мария Львовна — 26 лет. Так в жизнь Кирова прочно вошла М. Л. Маркус. Ее возраст зафиксирован в паспорте «со слов». Фактически она была старше своего мужа на несколько лет. На сколько? Софья Львовна Маркус, старшая сестра жены Кирова, вспоминала, что все метрики были потеряны и восстановлены позднее. *«У меня,* — писала она, — *например, год рождения по паспорту 1884, а в действительности, кажется, 1881 г.»*[52]. Поскольку Софья и Мария Маркус — погодки, то предположительно подлинный год рождения последней — 1882.

В некоторых публикациях историки, журналисты заявляли, что большое влияние на формирование взглядов Кирова оказала семья Маркус, а Софью Львовну называют его крестной матерью, определяют ее партийный стаж то с 1904, то с 1911 года[53].

Обратимся к фактам. Отец жены — Лев Петрович Маркус, уроженец Ковенской губернии, учился в специальной школе, готовящей раввинов. Что-то там у него не сложилось, стал кустарем, часовых дел мастером. Последние несколько лет жил в Дербенте. Умер в 1913 году. Никогда не встречался со своим зятем.

Мать жены — Ревекка Григорьевна, домохозяйка, познакомилась с Сергеем Мироновичем только в 1920 году, виделась с ним считанные разы. Жила после смерти мужа со своей младшей дочерью — Рахилью Львовной вдали от четы Кировых. Умерла в 1926 году.

Первым человеком из семейства Маркус, не считая своей жены, с кем познакомился журналист «Терека» Костриков, была старшая сестра жены Софья Львовна, член партии с июля 1905 года (а не с 1904 или 1911 г., как ошибочно полагают некоторые). Произошло это, по свидетельству Софьи Львовны, в 1911 или 1912 году, когда она *«после продолжительной болезни гостила у своих родителей в Дербенте и приезжала к своей сестре во Владикавказ»*. Причем, как утверждает она, это скорее был 1911 год. Больше до октября 1917 года Софья Львовна Маркус с Кировым не встречалась.

Яков Маркус только в 1904 году окончил реальное училище, потом учился — сначала год в Цюрихе, а затем в Одессе, Петербурге. Диплома о высшем образовании не получил, был исключен из Петербургского университета в 1915 году за участие в студенческих волнениях и выслан в Дербент, где стал учителем в еврейской национальной школе. Был настроен революционно, считался большевиком, но, как считает Софья Маркус: *«кажется, в партии не состоял»*[54]. Его знакомство с Кировым произошло не ранее 1917 года, когда оба участвовали в революционно-демократических организациях Северного Кавказа и Яков Маркус вошел в состав правительства Терской республики, став наркомом просвещения.

Он был убит белогвардейцами в феврале 1919 года на станции Пассанаури в Грузии[55]. Сегодня не найдено ни одного прямого или косвенного свидетельства о тесных связях убитого с его шурином.

Приводимые документы позволяют сделать вывод: близких, дружеских отношений между семьей Маркус и Кировым не было. В 1909–1917 годах Сергей Миронович Киров — провинциальный журналист, убежденный социал-демократ, неизвестный руководству большевистский партии, ее центру. Замечу, что грань между большевиками и меньшевиками в эти годы весьма условна, рядовые члены тех и других действовали зачастую в объединенных организациях. Дискуссии, споры, разногласия касались лишь элиты обоих направлений, их лидеров.

Октябрь семнадцатого

На всероссийской арене Киров впервые появляется на II Всероссийском съезде Советов в октябре 1917 года как делегат от Совета Владикавказа и Кабарды. Тогда он впервые увидел и услышал Ленина, принимал участие в комиссии съезда по выработке декрета о земле.

Вопреки утверждению некоторых историков, Сергей Миронович не был непосредственным участником октябрьских событий в Петрограде. Об этом он сам писал в автобиографии. Легендой является и факт его участия в срыве похода горцев «дикой дивизии» на Петроград в момент наступления на город генерала Краснова, хотя об этом рассказывалось в биографических очерках о Кирове, выпущенных до Великой Отечественной войны и упоминается в книге С. С. Синельникова.

После II съезда Советов, возвратившись на Северный Кавказ, Киров 4(17) ноября выступает с докладом о событиях в Петрограде на задании Владикавказского Совета.

Каких же взглядов придерживался он тогда: эволюционировал ли он в сторону большевистской линии или по-прежнему колебался между многочисленными социал-демократическими течениями?

В связи с этим определенный интерес представляет анализ доклада Кирова на этом заседании. Весьма эмоционально он излагает сам ход революционных событий в Петрограде в октябре 1917 года. Это взгляд современника, очевидца.

Первое, что обращает на себя внимание — это изменение позиции Сергея Мироновича по отношению к Временному правительству, *«…победа врага на Балтийском море* (имеется в виду поражение российского флота от германского — *А.К.) вызвала замешательство»* Временного правительства и *«оно тотчас решило отдать в жертву сердце революции — Петроград», «переехать в Москву и оттуда править Россией и фронтом».* Это, по мнению Кирова, *«вызвало негодование всей революционной демократии, породило ее создать в Петрограде новое революционное правительство — Временный революционный комитет (*ВРК — *А.К.), цель которого — защита города*[56]. *В ответ на это Временное правительство развернуло агрессивные действия — в отношении II съезда Советов*[57]*, начало дискредитацию начавшегося движения».*

«Легкость, с которой пало Временное правительство, — говорил Киров, — *доказывает, что оно сидело на песке, что в целом оно не имело перед собой определенных заданий, ибо каждому министру предоставлялось право делать все, что ему угодно»*[58].

Если непредвзято отнестись к оценке действий Временного правительства, то кировская ее оценка несомненно справедлива. Будь это правительство сильным, последовательным в осуществлении аграрной реформы, прекрати войну — и, скорее всего, третьей русской революции вообще бы не было. Поэтому, на мой взгляд, нельзя утверждать, как это делает Н. А. Ефимов, что в докладе Кирова во Владивостоке *«…было сказано немало*

напыщенных фраз, грешивших против исторической правды, в частности, менявших его оценки свергнутого Временного правительства и восхвалявших действия Военно-Революционного комитета»[59]. Это явно поверхностное суждение. Вдумчивое изучение доклада Кирова высвечивает некоторые любопытные моменты.

Первое. Критикуя Временное правительство за его бездействие летом и осенью 1917 года, он ни разу не оценил его как реакционное или контрреволюционное. Второе. В докладе ни разу не упомянуты заслуги большевиков в Октябрьском вооруженном восстании. Единственное упоминание о большевиках связано с критикой деятельности Временного правительства, которое распространяло *«безграмотные по содержанию»* прокламации *«о немецких деньгах»* и *«ужасающих качествах большевиков»*. Замечу также, что опровержение этих фактов, по существу, в докладе не давалось.

Зато Киров много говорил о революционно-демократическом движении, основу которого составляют рабочие, солдаты, казачьи полки, ставящие задачи социализма в порядок сегодняшнего дня». Расшифровки этих задач в докладе не было. Однако Киров в докладе заявил: «Третья Великая русская революция имеет своим основным отрядом те элементы, которые задачи социализма ставят в порядок сегодняшнего дня. Итак, да здравствует Всероссийский съезд Советов! Да здравствует третья Великая русская революция!» (аплодисменты)[60].

Расшифровка задач дана в резолюции, принятой Владикавказским Советом по докладу Кирова: Временное правительство определяется как «контрреволюционное», выражается преданность Совета Владикавказа *«новому пролетарско-крестьянскому правительству, властно взявшему в свои руки дело прекращения войны, немедленного разрешения земельного вопроса, урегулирования производства и раскрепощения угнетенных народностей»*. Киров считал необходимым донести до самого отдаленного аула о мире и земле.

Но следует подчеркнуть: сегодня мы не располагаем никаким прямым или косвенным свидетельством, что автором данной резолюции являлся Киров. Более того, круг определенных в резолюции вопросов, ждущих решения новой властью, не выходил за рамки требований, предъявляемых в свое время к Временному правительству широкой демократической общественностью.

Под новый, 1918 год Владикавказский Совет был разогнан.

Начался новый этап революционной борьбы на Северном Кавказе. И снова Киров занял нестандартную позицию.

Северный Кавказ стал ареной ожесточенной борьбы за власть.

Фактически на Тереке сложилось своеобразное двоевластие: Терско-Дагестанское правительство и Войсковое правительство казаков. В крае разжигалась национальная вражда. Казачья верхушка старалась объявить войну ингушам, чеченцам, приглашая к сотрудничеству Совнарком России, соглашаясь на этих условиях даже признать его.

Горская знать, используя межнациональную вражду среди народов Северного Кавказа, обычаи кровной мести между отдельными родами, тейпами, призывала свои народы к самоотделению от России и созданию государств сугубо по национальному принципу.

Киров решительно выступал против этого, считал, что все это может принять «совершенно уродливые формы», призывал к единению всех родов на Тереке.

Социал-демократическое движение в этом регионе продолжало оставаться слабым, разобщенным: интернационалисты, меньшевики, большевики, сторонники группы «Единство», народные социалисты, партия «Кермен», объединяющая в основном осетин (названная так в честь национального героя, ведшего борьбу за независимость), но разделявшая по многим позициям взгляды социал-демократов.

Сложность обстановки в самой Терской области, слабость социалистического движения и определили нестандартную позицию Кирова. Суть ее сводилась к двум основным положениям.

Первое — создать социалистический блок, объединяющий все революционно-прогрессивные партии, и на его основе сплотить, объединить демократические силы, независимо от сословной и национальной принадлежности. Второе — **не признавать пока власти Совета Народных Комиссаров**, дабы не обострять политическую ситуацию в Терской области, не способствовать разжиганию гражданской войны.

Эти два, по мнению Кирова, принципиальных соображения и определили суть его политических выступлений на I и отчасти на II съездах народов Терской области. *«Мы, социалисты разных течений, пришли сюда на съезд,* — говорил он, — *вовсе не затем, чтобы демонстрировать перед съездом свои партийные разногласия. Напротив, наша задача — показать съезду те точки соприкосновения, которые нас объединяют… И если в Терской области можно спасти положение, то только единым фронтом. Знайте, мы, революционная демократия, на это пошли во имя того, чтобы спасти область от кошмарного шествия гражданской войны»*[61].

Киров резко критиковал тех, кто считал признание власти

Совета Народных Комиссаров панацеей от всех бед. «*Прежде чем выяснить, что такое власть Совета народных комиссаров*, — заявлял он, — *надо ответить, как создать такой порядок, при котором интересы демократии будут удовлетворяться в первую очередь. Путь к этому один — истинного народовластия. Те товарищи, которые думают, что Совет народных комиссаров одним мановением руки может водворить порядок, ошибаются. Только сама демократия Терской области может успокоить наш край и никто другой. Не Советы, которые сейчас от нас далеко, а сама демократия, только сам народ может вывести нас из положения анархии. Если трудовой казак не будет мирно жить с трудовым горцем, то и Совет Народных Комиссаров Вам не поможет*»[62].

Столь длинная цитата просто необходима, ибо сегодня появились любители доказывать выдергиванием отдельных предложений из доклада Кирова на I съезде народов Терека в Моздоке, *«что большевистское политическое лицо Кирова к этому времени отчетливо еще не проявилось».*

Да, Киров отстаивал необходимость общедемократического фронта и создания на Тереке, выражаясь современным языком, правительства народного доверия. Но это вовсе не означает, что он вообще выступал против признания Совнаркома. *«Если мы будем,* — говорил он, — *признавать власть Советов только для того, чтобы разделаться с другими народностями оружием, то лучше не признавать этой власти… **Наши задачи — объединение, объединение и объединение. И тогда каждый шаг нашей работы будет утверждением Советской власти*** (подчеркнуто мной. — *А.К.*)»[63].

Слишком сложна была обстановка на Северном Кавказе, слишком сильны противоречия национальные, социальные, слишком слабым и разобщенным отрядом выступали не только социал-демократы, но демократическое движение вообще, слишком быстро шли все эти процессы, чтобы четко, последовательно проводить определенную политическую линию. Только догматически подходя к оценке деятельности Сергея Мироновича Кирова в эти дни, можно заявлять, *«что большевистское политическое лицо Кирова к этому времени еще не проявилось».*

И что это значит «*большевистское политическое лицо»?*

Признавал ли Киров вообще советскую власть? Несомненно да. Считал ли он себя «большевиком»? И опять да. 17 марта 1918 года съезд народов Терской области, проходивший в Пятигорске, признал власть Совета Народных Комиссаров во главе с Лениным. Был избран Совнарком Терской области. Его председателем стал

Ной Буачидзе.

Выступая на этом съезде, Киров говорил, обращаясь к его делегатам: *«Никто не говорил вам, что власть народных комиссаров даст вам сразу же жареных рябчиков, которые вы положите в свои голодные желудки, разъедетесь по домам и наступит благополучие, никто из сознательных социалистов, ни представители социалистов-революционеров,* ***ни мой товарищ по партии Буачидзе*** *(*подчеркнуто мной. — *А.К.), не мог говорить вам так. Поэтому социалистический блок полагает, что на население не такое сильное впечатление произведет самый факт признания власти Совета народных комиссаров, как разрешение всех вопросов, стоящих у нас в программе — земельного и других… сейчас нам надо решить вопрос о местной власти, после того на практике испробовать твердость вашего решения — признание власти народных комиссаров»*[64].

Кто же такой Ной Буачидзе — товарищ Кирова по партии? Самуил Григорьевич Буачидзе (партийный псевдоним — Ной) являлся членом РСДРП с 1902 года, после II съезда — большевик, участник первой русской революции, неоднократно арестовывался полицией за свой убеждения. После Февральской революции вернулся из Сибири на Северный Кавказ, где возглавил большевистское крыло социал-демократии. В том же году стал членом Президиума Владикавказского Совета, председателем РСДРП(б). С февраля 1921 года — член Терского народного Совета, с марта — председатель Совета Народных Комиссаров Терской Советской республики и член Кавказского краевого комитета РКП(б). Ной Буачидзе убит в 1918 году на митинге в Пятигорске.

Русская пословица гласит: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Киров прямо называл Ноя Буачидзе товарищем по партии. В воспоминаниях М. Орахелашвили деятельность Кирова оценивается как деятельность социал-демократа большевика, хотя он, действительно, в эти годы не входил в состав руководящих советских органов, не был и членом Терского Совнаркома. Но его имя — лектора, оратора, пропагандиста, организатора — широко было известно на Тереке. Не случайно газета «Народная власть» — орган российской социал-демократии Терской области, издававшаяся всего два месяца (март-апрель 1918 г.) почти в каждом номере помещала объявление, что там-то на митинге на собрании выступит «Д. Кореневъ». Темы выступлений самые разнообразные: «О рабочем партийном объединительном съезде Терской области», «О положении в России и Терской области», «Техника общественной работы (как устраивать собрания и митинги)»[65].

Д. Коренев, как мы помним, — это легальный паспорт Кирова. Нельзя также забывать, что он входил во Владикавказский и Терский Советы в качестве рядового члена. Именно с этим паспортом в мае 1918 года он выехал в Москву по поручению Терской республики, имея при себе еще два комплекта документов.

Один — бланк-удостоверение Владикавказского общества потребительских оптовых закупок от 25 мая 1918 года *«… Предъявитель сего,* — гласил он, — *торговый агент Дмитрий Захарович Коренев командируется нами в Москву и другие города России и Кавказа для ознакомления с состоянием товарного рынка… Просим все органы административной и железнодорожной власти оказывать Д. З. Кореневу всякое законное содействие»*[66].

Другой — тоже бланк-удостоверение, но Терского областного Совета Народных Комиссаров за № 234 от 16 мая 1918 года, подписанное председателем Буачидзе, а также военным комиссаром и секретарем Совета и скрепленное печатью. *«Выдано т. Сергею Кирову в том, что он командируется в Москву к Совету Народных Комиссаров с особо важными поручениями, все железнодорожные и военно-революционные власти обязаны содействовать скорейшему продвижению его»*[67].

Первый документ служил легальным прикрытием для проезда его в Москву через Северный Кавказ на случай встречи с белыми, а второй — на случай встречи с революционными красными войсками. Молодая Советская Республика уже была охвачена пламенем гражданской войны. Именно в эти годы к Кирову приходит определенная известность. Дважды в течение 1918 года он посещает Москву с целью получения оружия, боеприпасов, обмундирования и денег для защиты молодой Терской республики.

Здесь, в Москве у него завязываются первые знакомства среди высшего руководства партии и страны. Это — И. В. Сталин, Е. Д. Стасова, Я. М. Свердлов. Впрочем, возможно, что со Сталиным он познакомился еще в 1917 году в Петрограде — на II съезде Советов, когда Сталин опекал делегатов с Кавказа.

Были ли в 1918 году личные встречи Кирова и Ленина? Пока нет прямых документов, подтверждающих это. На основании косвенных свидетельств — публикации 2 июля 1918 года газетой «Правда» кировской статьи «На берегах Терека» — некоторые историки не исключают возможность их личной встречи. Однако, на мой взгляд, для этого необходимы более убедительные доказательства.

Киров получил в Москве, как отмечает в журнале «Вопросы истории» Н. А. Ефимов, *«деньги и военные грузы. Дело это*

хлопотное, требовало много времени. Но Киров проводил его не без пользы для себя, пристрастившись к посещению театров»[68].

Хотелось бы в связи с этим заметить, что деньги и оружие он получил не без помощи Сталина и Свердлова. Существует подлинный документ. На бланке Народного Комиссара по делам национальностей за личной подписью Сталина от 29 мая 1918 года говорится:

«В народные комиссариаты по военным и внутренним делам.

Прошу отнестись к подателю сего, товарищу Кирову, члену Народного, Совета Терской области, с полным доверием»[69].

И это не могло не определить успех командировки Сергея Мироновича в Москву.

Попутно замечу: не вижу ничего плохого и в том, что он посещал в Москве театры, литературные кафе, участвовал по гостевому билету в заседаниях Всероссийского съезда Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, написал статью в «Правду» и, наконец, приложил свои силы к изданию газеты «Освобождение труда».

Об этой газете почти ничего не писалось в исторической литературе. Между тем этот факт из биографии Кирова представляет определенный интерес.

«Освобождение труда» являлось печатным органом российской социал-демократии революционных интернационалистов. Ее редакция помещалась во 2-м Доме Советов (бывшая гостиница «Метрополь») в номере 436. (В этой гостинице проживали многие видные деятели партии, и кто предоставил свой номер для редакции газеты, пока выяснить не удалось.) Ответственным редактором «Освобождения труда» Стал С. Н. Фези-Жилинский.

Первый номер газеты вышел 1 июля 1918 года. Редакция объявила, что в ближайшем будущем она будет выходить ежедневно. Но вышло всего несколько номеров. Найти их все пока не удалось. Сохранилось всего несколько номеров, из них один — в музее С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Именно для этого номера Киров написал статью «К съезду Советов». Небольшая по объему, она скорее напоминает заметку для стенгазеты. В ней Киров извещает: 3 июля открывается Всероссийский съезд Советов, *«который, безусловно, станет историческим».* За восемь месяцев своего существования, — утверждает далее автор, — Советская Республика решила *«небывалые в истории социального движения практические формы освобождения трудящихся»* и должна на предстоящем съезде увидеть свое лицо.

В общем и целом ничего «крамольного» в статье Кирова не было. Единственная «крамола» заключалась в партии,

выступающей издателем этого органа.

Российская социал-демократия революционных интернационалистов как политическая организация возникла в январе 1918 года в Петрограде и Москве и представляла 15 местных подобных организаций. Ее лидерами являлись В. П. Волгин (впоследствии большевик, академик Академии наук СССР, лауреат Ленинской премии), Г. Д. Линдов, Р. П. Катянен, А. Лозовский (С А. Дридзо), К. А. Попов, А. М. Стопани и Отто Юльевич Шмидт (известный исследователь Арктики). Эта партия решительно выступала против меньшевиков, эсеров и всех контрреволюционеров, ведущих вооруженную борьбу против большевиков. Однако она считала, что Октябрьская революция не носит социалистический характер. В самой партии постоянно велась дискуссия: одна ее часть склонялась к сотрудничеству с меньшевиками-интернационалистами, другая — большая, с большевиками. Результатом этого явился полный раскол в партии весной 1918 года. Первая часть партии стала призывать к сотрудничеству с «Новой жизнью» — легальной газетой меньшевиков-интернационалистов, выходившей только в Петрограде и Москве с апреля 1917 по июнь 1918 года, а левые интернационалисты и независимые социал-демократы-интернационалисты объявили о необходимости создания новой партии и своего печатного органа «Освобождение труда».

Для создания партии во всероссийском масштабе предлагалось создать организации на местах, и прежде всего в Москве, и провести съезд этой организации. Для подготовки съезда было создано Центральное организационное бюро социал-демократов революционеров-интернационалистов. В его состав вошли Г. Д. Линдов, С. Н. Жилинский, К. П. Новицкий, Р. П. Катанян, А. М. Стопани, Д. Стопани, С. М. Киров, Я. Т. Руцкой, Н. Г. Хрулев и К. Б. Гринкевич[70]. Больше ни одной фамилии в газете не называлось.

Вновь созданная организация заявила, что она твердо стоит на марксистских позициях, считает Советы единственно возможными органами власти и призывает своих членов активно и творчески в них работать[71].

Фактически это была платформа большевистской партии. И поэтому, наверное, большинство левых социал-демократов-интернационалистов вошли вскоре в состав этой партии. Еще летом 1918 года на Восточный фронт отправились и погибли там Г. Д. Линдов и С. Н. Жилинский. Спустя некоторое время РСДРП (интернационалистов), признав ошибочность своих позиций по отдельным вопросам, приняла решение о слиянии с большевистской партией. Центральное организационное бюро

(ЦОБ) и его печатный орган — «Освобождение труда» вскоре прекратили свое существование.

Из песни слова не выкинешь, так и здесь — Киров входил в состав ЦОБ социал-демократов революционеров-интернационалистов в июле 1917 года. В связи с тем, что полная картина деятельности этой партии исследована слабо, можно только предположить: Киров, приехав в Москву в мае 1918 года, встретился здесь с братьями Стопани, которых хорошо знал по Северному Кавказу[72]. Идея единства, объединения социал-демократов всегда была ему близка, а отсюда и мысль: необходимо, использовать все организационные формы для реализации единства.

Пересекались ли потом пути тех, кто вошел в организационный комитет, заявленный газетой «Освобождение труда»? Не могу судить о всех членах комитета. Но что касается Сергея Мироновича Кирова, то на Кавказе он работал совместно с А. М. Стопани, а в Ленинграде — с В. П. Волгиным, до самого переезда Академии наук СССР в Москву.

Нам сегодня легко рассуждать о тех или иных политических течениях в прошлом, подвергать их носителей критике, безапелляционно осуждать их взгляды, приклеивать ярлыки. При этом игнорируется конкретная ситуация тех лет в стране, сам объективный процесс развития партий, их программ, обходятся личностные взаимоотношения лидеров.

Расширение источниковедческой базы, допуск к ранее закрытым архивам в 90-е годы XX века, несомненно, способствующие дальнейшему развитию исторической науки, имеют также и некоторые отрицательные тенденции: однобокость, «зашоренность» в оценке прошлого, некритическое отношение к таким источникам, как воспоминания, различные формы доносов.

Например, у Н. А. Ефимова доказательством «небольшевистского политического лица Кирова» служит письмо Юрия Павловича Бутягина в июле 1921 года в ЦК РКП(б) о партийном стаже Кирова. Тогда в партии происходил обмен партийных билетов. И специальная комиссия ЦК РКП(б) занималась проверкой и установкой партийного стажа всех членов партии.

В письме Бутягин извещал ЦК, что партбилет Киров получил только в Астрахани в 1919 году при перерегистраций, до этого его знали на Кавказе как меньшевика, особой активности в партийной работе он не проявлял, зато после прибытия из Сибири сотрудничал в буржуазных газетах Кавказа. В этом же документе Бутягин отмечал: *«Тов. Киров, как оратор, пользуется в*

массах известной популярностью, но за ним нет почти никакого стажа практической партийной и советской работы, которую он или не может вести, или осторожно уклоняется от нее, ограничиваясь, главным образом, выступлениями на заводах и широких собраниях… Долго колебался и лавировал. Официально в партию вступил в 1919 г.»[73].

По существу приводимых Бутягиным фактов можно сказать следующее. Во-первых, партийные билеты как таковые до 1917 года в целях конспирации вообще практически не выдавались. Правда, в период первой русской революции отдельные партийные комитеты (Петербургский, Красноярский) имели такие документы, но их было выдано мало. После Октябрьской революции партийные документы выдавались в ходе первой всероссийской перерегистрации членов РСДРП(б), проводившейся в 1919 году. Поэтому Киров и получил соответствующий документ. В 1920 г. ЦК РКП(б) принимает решение о проведении чистки партии и выдачи всем ее членам партийного билета единого образца. Для этого были созданы соответствующие комиссии — при ЦК РКП(б) и на местах для установления партстажа. По-видимому, в связи с этим Ю. П. Бутягин и направил письмо в ЦК РКП(б) на Кирова.

Вряд ли Ю. П. Бутягин не знал, что в 1917–1918 годах Киров состоял членом российской социал-демократической рабочей партии, являлся членом Владикавказского комитета РСДРП(б), позднее членом реввоенсовета XI Красной Армии и Северо-Кавказского фронта, входил в состав Владикавказского Совета и Терской республики, был полпредом в Грузии в мае-августе 1920 г., а в марте 1921 года — делегатом X съезда РКП(б).

Кто такой Ю. П. Бутягин? Член партии с 1902 года. Родился в Тверской губернии. Принимал участие в восстании рабочих Ростова-на-Дону в 1905 году. Затем арест в 1906 году в Вышнем Волочке. Тюрьма, ссылка, учеба в Московском коммерческом училище. 1917 год застал его в Москве. Принимал участие в Октябрьской революции в Москве. Был послан Москвой на Северный Кавказ со второй экспедицией Кирова. Тогда, в декабре 1918 года, состоялось их первое знакомство. Бутягин вместе с Кировым входил в состав Военно-революционного комитета Астрахани в феврале 1919 года. В период знаменитого астраханского мятежа в марте того же года был председателем комитета обороны города. Именно Бутягина отстаивал Киров перед Троцким в период обороны Астрахани, о чем более подробно будет рассказано в следующей главе (в приложении даются некоторые документы, характеризующие отношения Кирова и Бутягина).

1 декабря 1935 года «Правда» опубликовала воспоминания Юрия Павловича о Кирове, посвященные обороне Астрахани. Он писал: *«Он (*Киров. *— А.К.) жил вместе с нами — его ближайшими помощниками — в большой и пустой комнате, где постелями служили бурки, разостланные на полу. Конечно, он мог бы получить любые удобства. Но Сергей Миронович не мог допустить даже мысли о том, чтобы как-то уединиться, отделить себя хоть в бытовых мелочах от своих товарищей… А затем начинался день — боевой день большого человека, который перед лицом грозной опасности твердо решил спасти город и фронт».*

Что же подвигнуло Ю. П. Бутягина на письмо в ЦК РКП(б) в июле 1921 года по поводу Кирова? Зависть? Вспыльчивость? Мстительность? Амбициозность? А может быть, искреннее желание довести до сведения ЦК факты, которые он считал важными? Не будем высказывать наши предположения и догадки. «Чужая душа — потемки», гласит пословица. И все, что связано с этим письмом, навсегда останется загадкой. Однако немного позднее мы еще вернемся к отношениям между Кировым и Бутягиным. Но это будет уже Астрахань, гражданская война.

Глава 2
В огне гражданской

Киров прибыл в Астрахань в январе 1919 года Здесь его ждала телеграмма Свердлова: *«Ввиду изменившихся условий предлагаем остаться в Астрахани, организовать оборону города и края»*[74].

Что предшествовало этому? Почему Киров оказался в Астрахани? Почему именно ему Яков Свердлов направил данное послание? Как известно, в конце 1918 года в городе находились такие признанные в то время деятели большевистской партии, делегаты партийных съездов, как Евгения Богдановна Бош и Александр Гаврилович Шляпников.

Ответы на поставленные вопросы может дать только анализ конкретной обстановки тех лет в стране и в Астрахани.

К этому времени молодая Советская республика уже находилась в огненном кольце фронтов гражданской войны. На юге страны действовали войска Деникина, Краснова. Летом 1918 года поднялся антисоветский мятеж зажиточного терского казачества, офицерства и горской знати, во главе которого стояли братья Бичераховы. Грозный, Моздок, Пятигорск, Владикавказ, Кубань стали ареной военных действий, многие казачьи станицы превратились в опорные пункты белых.

В соответствии с требованиями военной обстановки действует Советское правительство. Вслед за созданием Красной Армии вводится всеобщее военное обучение (всевобуч). Совнарком РСФСР принимает декрет об образовании Чрезвычайного Комиссариата Южного района страны во главе с Григорием Константиновичем Орджоникидзе (апрель 1918 г.), которому поручается борьба с мятежниками на Тереке. В мае создается Северо-Кавказский военный округ, объединивший территории Донской, Кубанской, Терской областей, Ставропольской и Черноморской губерний. Еще раньше началось формирование Красной Армии Северного Кавказа.

Большевики Терека всем сердцем восприняли ленинский лозунг защиты Отечества. *«Мы,* — отмечал Киров, — *мобилизовали наши силы вокруг лозунга защиты республики рабочих, солдат, крестьян, казаков, горцев…»*

Во Владикавказе, Пятигорске, Моздоке спешно формируются полки, преданные советской власти. Но сил было мало. К тому же ощущался недостаток патронов, снарядов, обмундирования, медикаментов. С целью получения помощи от Москвы Сергей

Миронович с группой товарищей в мае 1918 года по распоряжению Терского Совнаркома появляется в Москве. Здесь ему сравнительно быстро была оказана соответствующая помощь. Об этом я уже писала ранее.

Однако события на Кавказе заставили его поторопиться. Киров получает оттуда сообщение: во Владикавказе мятеж, убит председатель Терского Совнаркома — Ной Буачидзе. «*Ваше присутствие здесь крайне необходимо*».

Сергей Миронович спешно покидает Москву и направляется во Владикавказ вместе со сформированным им эшелоном с оружием и боеприпасами. Но добраться ему удалось только до Пятигорска.

Дальше путь был отрезан белоказачьими отрядами полковника Шкуро.

Коммунисты подняли против белых горцев из окрестных аулов, беднейшее казачество, создали из рабочих роты и батальоны самообороны. В тылу белых соратники Кирова по установлению Советской власти — Н. Ф. Гикало, Г. Г. Анджиевский, А. Д. Шерипов создают повстанческие отряды, нанося белым большой урон.

Но несмотря на исключительную храбрость бойцов, командиров Красной Армии, величайшее мужество и смелость повстанцев, они были вынуждены отступать — не хватало оружия, снаряжения, боеприпасов. Г. К. Орджоникидзе сообщал Ленину: *«Нет снарядов и патронов. Нет денег. Владикавказ, Грозный до сих пор не получили ни патронов, ни копейки денег, шесть месяцев ведем войну, покупая патроны по пяти рублей»*[75]. Нужна была срочная помощь.

И Кирова вторично направляют в Москву. Шел октябрь 1918 года. Здесь он принимает участие в работе VI Чрезвычайного съезда Советов, получает оружие, деньги, боеприпасы, но прорваться на Северный Кавказ ему не удается: почти весь этот регион уже контролировался деникинскими войсками и белоказачьими отрядами.

Оставался один единственный путь — в Астрахань. Так Киров оказался в начале 1919 года в этом городе.

Астрахань как крупный узел коммуникаций являлась важным стратегическим объектом в защите Советской республики. Она прикрывала вход из Каспия в Волгу. Находясь между двумя крупнейшими армиями белых — Деникина и Колчака, мешала их соединению. Через нее центр России получал нижневолжский хлеб, бакинскую нефть и другое сырье.

Положение в самом городе и крае было также сложным.

Астрахань — старый торговый центр в устье Волги, ворота на

Северный Кавказ и в Закавказье — являлась городом купцов и рыбопромышленников, судовладельцев и богатого астраханского казачества. Здесь нашли пристанище бежавшие из Питера и Москвы, но так и не добежавшие до белых бывшие царские офицеры, крупные чиновники, представители различных слоев духовенства. Вблизи города хозяйничали белоказачьи отряды. Военные корабли англичан готовились к захвату города с моря.

Политическая жизнь в городе бурлила. Весьма активно здесь действовали различные политические партии: кадеты, октябристы, эсеры, меньшевики, анархисты, большевики и другие. Многопартийностью отличался и Астраханский Совет, фракционная деятельность депутатов разных взглядов, идеологий, сословий делала его неуправляемым. Губернский комитет большевиков не пользовался доверием населения. Созданный в ноябре 1918 года, он объединял несколько сотен коммунистов и сочувствующих им.

Существовали серьезные противоречия между членами реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта Е. Б. Бош и А. Г. Шляпниковым. Первая, являясь также членом Астраханского губкома РКП(б), зачастую отказывалась подчиняться решениям реввоенсовета фронта. Шляпников и Бош, каждый исходя из своих личных амбиций, засыпали Москву, прежде всего Ленина, жалобами на действия друг друга, при этом иногда извращали факты.

Все это протекало на фоне нехватки в городе продовольствия, хлеба, процветания спекуляции, злоупотребления служебным положением некоторых комиссаров, нарушения законности.

В. И. Ленин в телеграммах» адресованных Шляпникову в ноябре-декабре 1918 года, требовал: *«…налегайте на дружную работу, на оздоровление Совета и профессиональных союзов в Астрахани»*[76]. Он оказывал посильную помощь Шляпникову в получении хлеба, продовольствия, боеприпасов. *«Насчет Ваших просьб и поручений,* — сообщал Ленин, — *звонил, просил, повторяя. Надеюсь, часть — и самая существенная — будет выполнена»*[77].

Ленин предложил Шляпникову немедленно покончить со спекуляцией хлебом и продуктами в городе. *«Налегайте изо всех сил,* — писал он, — *чтобы поймать и расстрелять астраханских спекулянтов и взяточников. С этой сволочью надо расправиться так, чтобы на все годы запомнили»*[78]. По распоряжению Шляпникова начальник особого отдела К. Я. Грасис арестовал группу астраханских спекулянтов, а также некоторых партийных и советских работников. Среди них: М. Л. Аристов, С. С. Генералов, И. И. Липатов[79]. Основанием для их ареста, как

показывали потом в специальной комиссии Шляпников и Грасис, служило *«недовольство существующей властью»* местного населения и *«издевательства»* над ним *«наших комиссаров»*. Или, говоря современным языком, коррупция, нарушение законов, местных обычаев, традиций, лихоимство.

Сам факт ареста не был согласован с руководством астраханского губкома РКП(б) и губисполкома. Более того, М. Л. Аристов был членом исполкома.

Евгения Бош немедленно обжаловала эти действия Шляпникова и Грасиса в Москву — Ленину и Дзержинскому.

Для расследования инцидента в самом конце декабря 1918 года в Астрахань из Москвы направляется специальная комиссия во главе с уполномоченным ВЧК Г. С. Морозом и представителем Совнаркома РСФСР В. А. Радус-Зеньковичем. В начале января 1919 года по указанию ЦК РКП(б) для Оказания помощи Шляпникову в преодолении местничества астраханских коммунистов, выяснения сути конфликта Шляпников — Бош направляется из Москвы чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б) и Совнаркома Иван Петрович Бабкин. Он сыграл большую роль в деятельности специальной комиссии ЦК по разбору жалоб, кляуз, сыпавшихся в центральные органы не только со стороны Бош и Шляпникова, но и советских и профсоюзных органов.

Вмешательство членов специальной комиссии ЦК погасило мелкие конфликты, утихомирило многих жалобщиков.

Вердикт комиссии гласил: А. Г. Шляпникова и Е. Б. Бош — отозвать из Астрахани. К. Я. Грасис сначала был подвергнут аресту, но затем отправлен в действующую Красную Армию[80].

Наряду с этим были приняты меры для укрепления партийного руководства города. Председателем губкома РКП(б) стала Надежда Николаевна Колесникова — жена известного комиссара-большевика Якова Давидовича Зевина, член партии с 1904 года, прошедшая сложный жизненный путь: подполье, революции, тюрьмы, ссылки.

Между тем социально-политическое положение в Астрахани и крае стремительно ухудшалось. В городе зрел заговор офицерско-казачьей верхушки, во главе которой стоял наказной атаман терского казачества. В заговоре также принимали участие местная буржуазия, духовенство, калмыцкие феодалы и татарские националисты.

11-я Красная Армия, дезорганизованная предательством своего командующего, бывшего хорунжего царской армии И. Л. Сорокина, одолеваемая сыпным тифом, с боями отступала к Астрахани.

В январе 1919 года Орджоникидзе телеграфировал Ленину:

«XI армии нет. Она окончательно разложилась. Противник занимает города и станицы почти без сопротивления»[81].

В самой Астрахани также разразилась эпидемия тифа.

Несмотря на превентивные меры, принятые реввоенсоветом Каспийско-Кавказского фронта (командующий М. С. Свечников, особоуполномоченный Реввоенсовета республики С. Е. Сакс, председатель РВС фронта А. Г. Шляпников), предотвратить выступление заговорщиков в городе не удалось. Оно произошло в ночь на 12 января 1919 года. Начались кровопролитные уличные бои. Активно участвовала в подавлении мятежа и. Е. Б. Бош.

В начале февраля 1919 года заговор был ликвидирован. Александра Шляпникова и Евгению Бош вскоре отозвали в Москву.

В создавшейся обстановке в Астрахани нужен был новый человек: энергичный, выдержанный, волевой, решительный, неамбициозный.

Выбор руководства страны пал на Кирова.

И все-таки почему именно он? Никаких документов, проясняющих это решение председателя ВЦИК Свердлова, нет. В связи с этим можно высказать только предположение. Свердлов и Сталин, безусловно, встречались с Сергеем Мироновичем в 1918 году, когда он дважды приезжал в Москву. Нельзя исключить, что его организаторские способности, настойчивость, решительность, контактность, проявленные при формировании воинских эшелонов для Северного Кавказа, произвели на них благоприятное впечатление. Не следует забывать, что Киров принимал участие в работе V и VI Всероссийских съездов Советов, причем в последнем в качестве делегата от Северного Кавказа.

Оказал определенное влияние, по-видимому, и факт длительного проживания Сергея Мироновича в этом регионе, знание им конкретной обстановки, обычаев, традиций горцев, казачества. Все это, несомненно, на мой взгляд, учитывалось при предложении Кирову *«возглавить оборону города и края»*.

Вместе с тем ЦК РКП(б), Совнарком предпринимают и ряд других мер для укрепления руководящих кадров Астрахани и края.

Председателем реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта вместо отозванного Шляпникова становится Константин Алексеевич Механошин — член партии большевиков с 1913 года. Начальником особого отдела Каспийско-Кавказского фронта назначается Георгий Александрович Атарбеков, член партии с 1908 года. Он же возглавил и чрезвычайную комиссию Астрахани.

Ленин внимательно следил за развитием событий в этом регионе. Еще до приезда Кирова он требовал принять

беспощадные меры против трусов и немедленно выявить надежнейших и твердых людей для организации защиты Астрахани.

11-я Красная Армия, потерпев поражение в конце декабря 1918 — начале января 1919 года от деникинских войск, отступала в двух направлениях: через Кизляр к Астрахани и за реку Маныч к 10-й Красной Армии. Она несла огромные потери в живой силе и технике. Из 120 тысяч бойцов в Астрахани собралось меньше половины. В основном — раненые и больные тифом. В феврале 1919 года 11-я Красная Армия практически перестала существовать. Реввоенсовет республики поставил задачу переформирования армии.

Теперь фронт вплотную подошел к Астрахани. Положение в городе продолжало резко ухудшаться, недовольство населения отсутствием продуктов питания, медикаментов, задержкой в выдаче заработанных денег, постоянными реквизициями со стороны власти тех продуктов, которые горожане собирали на своих огородах, служило питательной средой для распространения разнообразных слухов.

В связи с этим в Астрахани объявляется чрезвычайное положение. На объединенном заседании Астраханского губкома РКП(б), губисполкома, реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта, Совета профсоюзов принимается решение: создать в городе Временный военно-революционный комитет (ВРК). В него вошли Киров, Н. Н. Колесникова, И. Я. Семенов, Ю. Ферд, Ф. А. Трофимов и Ю. П. Бутягин, прибывший в город в составе кировской военной экспедиции.

Создание ВРК, его состав были одобрены Москвой.

Можно предположить, что инициатива создания подобного органа в Астрахани вообще исходила из центра и, направляя К. А. Механошина в Астрахань, ему были даны какие-то инструкции по этому вопросу. Механошин прибыл в Астрахань в середине февраля 1919 года. И почти сразу же пошли разговоры о ВРК, а ВРК непосредственно подчинялся реввоенсовету Каспийско-Кавказского фронта. А ведь после Октябрьской революции большевики не прибегали к созданию подобного органа до астраханского случая. В пользу версии, что инициатором создания ВРК выступала Москва, свидетельствует и тот факт, что еще 23 февраля, за два дня до официального создания ВРК астраханская газета «Коммунист» опубликовала его обращение «Ко всем рабочим и трудящимся Астраханского края». Оно объявляло: вся полнота власти в губернии перешла в руки ВРК. Это продиктовано исключительным положением, которое переживает Каспийско-Кавказский фронт и прифронтовая полоса,

и необходимостью полной централизации. В качестве первоочередной задачи ставилось преодоление продовольственного кризиса, равномерное распределение продуктов. *«Все население должно быть строго разделено на категории в зависимости от степени своего труда»*[82].

Вторая главная задача, — указывалось в обращении, — работа для армии, дать ей продовольствие, обеспечить спокойное пребывание в городе больных бойцов.

27 февраля в Астрахани был опубликован приказ № 1 Временного революционного комитета. Его подписали С. Киров, Ю. Бутягин, Ю. Ферд. Этот приказ предписывал губернскому продовольственному комитету и всем другим продовольственным организациям сократить хлебный паек: первой категории населения выдавать по одному фунту, второй — 1/2 фунта и третьей — 1/4 фунта. Одновременно предлагалось в два раза увеличить рыбный паек.

Но меры, принимаемые ВРК по разрешению социально-политического кризиса в городе, не смогли остановить недовольство населения.

В Астрахани началось противостояние двух сил: с одной стороны — ВРК, реввоенсовет и командование Каспийско-Кавказского фронта, губком РКП(б); с другой — белое движение, объединившее вокруг себя всех противников советской власти. И те и другие готовились к решительной схватке, стремились привлечь на свою сторону население города: рабочий класс, трудовое казачество, расквартированные там армейские части, женщины, молодежь.

Белые офицеры разработали план вооруженных действий в Астрахани: захват ВРК, губкома РКП(б) и всех его структурных подразделений, разгром Советов, уничтожение штаба Каспийско-Кавказского фронта. План включал также широкую дезинформацию среди населения, раздувание недовольства состоянием снабжения города, привлечение на свою сторону 45-го стрелкового полка…

Об этом плане стало известно коммунистам города. Астраханский губком РКП(б), губисполком, реввоенсовет фронта, ВРК предпринимают контрмеры. В Самару направлены специальные гонцы за хлебом, укреплялись два самых надежных полка — мусульманский и железнодорожный, формировались коммунистические отряды, цементировалась Астраханско-Каспийская флотилия, развернулась кипучая деятельность по формированию 11-й Красной Армии на основе воинских частей и соединений, находящихся в Астрахани. По распоряжению Кирова у местной буржуазии были реквизированы дома, медикаменты,

запасы продовольствия для обеспечения больных и раненых бойцов. Киров обратился к женщинам города с призывом оказать бойцам помощь: дежурить в госпиталях, шить обмундирование для красноармейцев. Обращаясь к врачам, медсестрам, он просил их отдать весь их опыт, знания для борьбы с тифом. Благодаря огромной административной и пропагандистской работе ВРК в Астрахани создаются стационарные госпитали, четыре госпитальных корабля, четыре дезинфекционных отряда.

В марте 1919 года 11-я Красная Армия была воссоздана, с подчинением главкому республики. Ее новым командующим стал Н. А. Жданов. Киров вошел в состав реввоенсовета 11-й Красной Армии: сначала — заведующим политотделом армии, а затем с мая 1919 года стал членом РВС.

Почти ежедневно Киров, как и другие руководители города, выступал на митингах и собраниях, призывая трудящихся не поддаваться на провокации, соблюдать революционную дисциплину, спокойствие и порядок, отказываться от участия в забастовках, рассказывал о тех мерах, которые предпринимались большевиками для улучшения социально-экономической обстановки в Астрахани.

Но все чаще и чаще рабочие на митингах выдвигали лозунг: «Долой комиссаров!», создавали стачечные комитеты, грозили начать забастовку и даже объявляли дату — 10 марта.

Для предотвращения беспорядков экстренно создается военный совет обороны Астрахани в составе Ю. П. Бутягина (председатель совета и одновременно зам. председателя ВРК), А. Антонова и П. Чугунова. Петр Петрович Чугунов — член партии с 1905 года, рабочий, унтер-офицер царской армии, был активным участником революционного движения именно в Астрахани. Член Астраханского губисполкома с 1918 года, он был также военным комиссаром города, с февраля 1919 — Каспийско-Кавказский краевой военком, немного позднее — начальник гарнизона Астрахани.

7 марта военный совет обороны города, реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта, его особый отдел и астраханская ЧК вводят в городе чрезвычайное положение. Город разделили на шесть районов, во главе которых стояли военные комендатуры. Была произведена чистка командного состава 45-го стрелкового полка.

8 марта Временный революционный комитет выпустил обращение к населению за подписью Кирова — не поддаваться на провокации, сохранять порядок и стабильность в городе.

Но было уже поздно.

Рано утром 10 марта заводские гудки известили о начале

забастовки. Предприятия остановились. Рабочие вышли на улицу. В их рядах, обрядившись в рабочие спецовки, находились и офицеры. Смешавшись с толпой, они устраивали импровизированные митинги, призывали «бить комиссаров», грабить лавки, магазины, склады. На ряде церковных колоколен установили пулеметы.

ВРК, Астраханский губком РКП(б), реввоенсовет Каспийско-Кавказского фронта встревожило участие многих рабочих, жителей города в мятеже. Поэтому сначала решили для разгрома демонстраций, митингующих, прекращения забастовки не прибегать к оружию. На улицу вышли сотни коммунистов города (на 1 января 1919 года в городе их насчитывалось около 5 тысяч, к марту — 5432 человека). Они разъясняли суть происходящих событий, разоблачали провокаторов, вели беседы об обстановке в стране. Одновременно был опубликован приказ реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и ВРК за подписью Константина Механошина, Сергея Кирова и Сергея Сакса. Астрахань объявлялась на осадном положении. Всем предписывалось немедленно вернуться на работу. *«У всех отказывающихся работать немедленно отобрать продовольственные карточки»,* всех *«сопротивляющихся советской власти расстреливать на месте… Особому отделу немедленно произвести самое строгое расследование и всех виновников предать суду военно-полевого революционного трибунала»*[83].

Агитаторы большевиков и жесткие слова этого приказа сыграли свою позитивную роль. К трем часам дня рабочие, женщины, часть населения, ставшие жертвами провокационных слухов, сплетен, клеветы, в основном покинули улицы.

Но надо сказать, что момент для мятежа был выбран удачно. 11-я Красная Армия переформировывалась и еще не набрала боеспособности. Артиллерия у красных была, но не было артиллеристов, малочисленны были и их воинские силы. Поэтому уже 10 марта мятежники достигли определенных успехов. Они разоружили почти полностью 45-й стрелковый полк, захватили милицию 6-го участка, один из райкомов РКП(б). Их отряды, сформированные в основном из офицеров, юнкеров и вставшей на их сторону части населения, стали Окружать район размещения губкома РКП(б), губисполкома, ВРК, штабы реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта и Астраханско-Каспийской флотилии. Ожесточенно и методично они обстреливали здания из пулеметов, установленных на колокольнях.

И тогда, в 15 часов 30 минут появился второй приказ реввоенсовета, подписанный Кировым: *«Приказываю беспощадно уничтожать белогвардейскую сволочь, применяя все виды обороны,*

имеющиеся в нашем распоряжении»[84].

В городе начались кровопролитнейшие бои, потери с обеих сторон были громадны. Казалось временами, что белые вот-вот возьмут верх. И все-таки поздно вечером 11 марта мятеж был подавлен. В ночь на 12 марта начались аресты заговорщиков и сочувствующих им.

Утром 12 марта за подписью Механошина, Сакса и Кирова появился новый приказ. Он гласил: *«В целях немедленного восстановления революционного порядка… 12 марта в 12 часов дня на всех фабриках и заводах Астрахани и во всех учреждениях должны явиться все рабочие и служащие для регистрации комиссарами и фабрично-заводскими комитетами совместно с представителями совета профессиональных союзов… Не явившиеся для регистрации немедленно лишаются своих продовольственных карточек… Наблюдение за революционным порядком остается в руках Совета обороны Астрахани — т. т. Бутягина, Антонова, Чугунова, которым вменяется в обязанность самым беспощадным образом расправляться со всеми, противящимися установлению порядка. На* ***продолжающиеся выстрелы из домов нужно отвечать уничтожением домов»***.

В приказе далее отмечалось: *«…организаторы мятежа — белогвардейцы и шкурники… думали на несознательности некоторых групп рабочих и на крови защитников рабоче-крестьянских идеалов создать благополучие для остатков буржуазии, мародеров и гнусных предателей революции…*

Вдохновленные золотом английских империалистов, они надеялись захватом Астрахани запереть Советскую Волгу. Но тяжелая рука революции беспощадно разбила все их планы»[85].

Этот документ, как и некоторые другие, приводимые мной, широко известны. Они публиковались в сборниках документов еще в 60-е годы, использовались при написании рада книг, посвященных обороне города, приводились в экспозиции кировских музеев в Астрахани, Ленинграде, Владикавказе.

Тем не менее, искажая политические портреты тех или иных исторических деятелей прошлого, сегодня некоторые исследователи слишком вольно интерпретируют суть отдельных документов гражданской войны. Так, Н. А. Ефимов в журнале «Вопросы истории» пишет: *«12 марта был опубликован совместный приказ Механошина, Кирова и Сакса „О ликвидации белогвардейского мятежа", где говорилось о „белогвардейцах и шкурниках", якобы „вдохновленных золотом английских империалистов", мечтавших „создать благополучие для остатков буржуазии, мародеров и гнусных предателей революции"»*[86].

Так передергивается смысловое содержание сразу двух

моментов приказа. В нем все просто: «белогвардейцы и шкурники» за счет других (несознательности части населения и гибели защитников) хотели создать благополучие определенной части астраханского общества — «буржуазии, мародеров и гнусных предателей революции». Это первое, незначительное искажение. Но есть и второе. Это в отношении «золота английских империалистов», которое якобы «вдохновляло» белых на создание благополучия «для остатков буржуазии». А ведь в приказе прямо говорится, что цель у белых, «вдохновленных золотом английских империалистов», была другая — захватить Астрахань, запереть Волгу, помочь белым в уничтожении советской власти. Непонятно только, почему Ефимов употребляет сослагательное «якобы». Ведь именно в это время английские войска были в Персии и Туркмении, а их корабли бороздили по Каспию.

Англия, как и другие страны Запада, финансировала белое движение, и это не отрицается не только многими историками Запада, но никогда не отрицалось и их политическими лидерами. Еще 10 (23) декабря 1917 года Англия и Франция заключили тайную конвенцию «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России»[87]. 15 марта 1918 года на конференции премьер-министров и министров иностранных дел Антанты в Лондоне принимается решение развернуть военную интервенцию в Советскую Россию[88]. В августе 1918 года Ленин писал: *«Внешний враг Российской Советской Социалистической республики, — это в данный момент — это англо-французский и японо-американский империализм»*[89]. Английские войска находились в Северном Иране. 4 августа 1918 года в Баку высадился первый десант английских войск. Во второй половине августа войска англичан высадились в Туркестане. Туркестан — Баку — Астрахань — это звенья кольца, которым Антанта пыталась сковать молодую Советскую республику.

Есть еще один, и по-моему, главный свидетель непосредственной помощи англичан белому движению. Это генерал Антон Иванович Деникин. В своей книге *«Поход на Москву» он писал: «…начальник военной миссий (*английской. — *А.К.) генерал Хольман вкладывал все свои силы и душу в дело помощи нам. Он лично принимал участие с английскими техническими частями в боях на донецком фронте; со всей энергией добивался усиления и упорядочения материальной помощи»*[90]. Белое движение широко финансировалось Антантой, в том числе и Англией. Поэтому, когда впоследствии белая армия была разбита, а Англия, понимая бесцельность продолжения

интервенции во всех формах, 1 апреля 1920 года направила соответствующую ноту Чичерину, а Керзон заявил, что «он употребил все свое влияние на Деникина, уговаривая его прекратить войну», Деникин писал: *«Неизвестно, чему было больше удивляться: той лжи, которую допустил лорд Керзон, или той легкости, с которой министерство иностранных дел Англии перешло от реальной помощи белому Югу к моральной поддержке большевиков»*[91].

Не надо лукавить по поводу англичан, не надо передергивать слова в приказах, но и не надо подвергать анафеме Кирова за те или другие заблуждения, ошибки и даже просчеты. История неподсудна. Из нее потомки могут лишь извлекать уроки.

Увы, гражданская война — это война. А она не бывает без жертв с обеих сторон.

В астраханских событиях марта 1919 года жестокость, беспощадность к противнику, мнимому и настоящему, проявили обе стороны. Красные и белые в этом были одинаковы.

Белые топили красноармейцев, коммунистов в Каспии, спускали под лед Волги, для чего заставляли предварительно своих жертв рубить проруби, вешали, расстреливали. В книге «Очерки истории Астраханской организации КПСС» приводятся данные белого террора — 1700 человек. ВРК Астраханского края создал специальную комиссию для торжественных похорон «павших в борьбе с белыми бандами 10 и 11 марта». Семьям погибших была оказана помощь.

Красные тоже расстреливали, причем не только белых офицеров, но всех, кто, по их мнению, участвовал в мятеже или поддерживал мятежников. Выпячивание беспощадности красных в подавлении мятежа, на мой взгляд, необъективно. Более того, вряд ли правомочно приводить без всяких комментариев слова известного историка Мельгунова.

Читатель вправе знать, что Сергей Петрович Мельгунов издал свою Книгу «Красный террор» в Берлине в 1923 году в накаленной исторической обстановке, когда в Лозанне «белый» террорист Конради убил советского дипломата В. Воровского, объяснив свой поступок желанием *«отомстить большевикам за зверства ВЧК»*. Сам автор книги — убежденный противник большевизма. Его труд. — как пишут авторы послесловия к вышедшему и у нас не столь давно изданию этой книги — *«откровенно пристрастный, во многом компилятивный, часто использующий источники без должного критического осмысления (см., например, явно завышенные количественные параметры репрессий, полученные простым суммированием чужих оценок)»*[92].

Дабы избежать обвинения в пристрастности, позволю себе

почти полностью привести описание Мельгуновым подавления красными мятежа в Астрахани в марте 1919 года.

*«Десятитысячный митинг (*10 марта. — *А.К.) мирно обсуждавших свое тяжелое материальное положение рабочих был оцеплен пулеметчиками, матросами и гранатниками. После отказа рабочих разойтись был дан залп из винтовок. Затем затрещали пулеметы, направленные в плотную массу участников митинга, и с оглушительным треском начали рваться ручные гранаты.*

Митинг дрогнул, прилег и жутко затих. За пулеметной трескотней не было слышно ни стона раненых, ни предсмертных криков убитых насмерть…

Город обезлюдел. Притих. Кто бежал, кто спрятался… Не менее двух тысяч жертв было выхвачено из рядов рабочих.

Этим была заложена первая часть ужасной Астраханской трагедии.

Вторая — еще более ужасная — началась 12 марта. Часть рабочих была взята „победителями" в плен и размещена по шести комендатурам, по баркам и пароходам… В центр полетели телеграммы о „восстании".

Председатель Рев. Воен. Совета Республики Л. Троцкий дал в ответ лаконичную телеграмму: „расправиться беспощадно". И участь несчастных пленных рабочих была решена. Кровавое безумие царило на суше и на воде…

*Один из рабочих, оставшийся незамеченным (*в трюме. — *А.К.) где-то около машины и оставшийся в живых, рассказывал, что в одну ночь с парохода „Гоголь" было сброшено около ста восьмидесяти (180) человек…*

Точную цифру расстрелянных можно было бы восстановить поголовным допросом граждан Астрахани. Сначала называли цифру две тысячи. Потом три… Потом власти стали публиковать сотнями списки расстрелянных „буржуев". К началу апреля называли четыре тысячи жертв. А репрессии все не стихали»[93].

Давайте проанализируем этот документ всесторонне. Митинг 10 марта, несомненно, был. Об этом говорится и в документах «красных». Был ли расстрел митинга коммунистами, как об этом пишет Мельгунов? На мой взгляд, да. Приведенные выше приказы РВС Каспийско-Кавказского фронта за подписью Механошина, Сакса, Кирова свидетельствуют, что к 15 часам дня часть рабочих, женщин, населения покинула площадь, где происходил митинг, но вторая часть (численность людей неизвестна), по-видимому, не разошлась, осталась на площади и продолжала митинговать. Более того, «огрызалась» на власть выстрелами. И тогда в 15.30

дня 10 марта появляется новый приказ за подписью Кирова *«беспощадно уничтожать белогвардейскую сволочь, применяя все виды обороны…»*. Расстрел был. Это факт. Но сколько человек находилось тогда на площади — неизвестно.

Основные бои развернулись 11 марта. И фактически к утру 12-го красные одержали победу.

12 марта было в городе относительно спокойным днем. Подавляющая часть трудоспособного населения вышла на работу. Значительная часть заговорщиков-белых была уже арестована. Отдельные небольшие их группы были оттеснены на окраины города, где шли еще незначительные бои, в которых принимали участие и революционные матросы Астраханско-Каспийской флотилии. Островками борьбы белых стали отдельные дома. Отсюда жестокие слова приказа реввоенсовета Каспийско-Кавказского фронта от 12 марта: *«На продолжающиеся выстрелы из домов отвечать уничтожением домов»*.

Мельгунов приводит две цифры расстрелянных белых: две тысячи сначала и четыре — к началу апреля. Ефимов называет 1500 (без даты) и четыре тысячи к началу апреля. В первом случае Ефимов дает ссылку на архив Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). К сожалению, автор не раскрывает источник, не дает характеристику документа (кем составлен, подписан, кому адресован). Во втором случае Ефимов вообще не дает источника, но, скорее всего, он взял цифру 4000 расстрелянных из книги С. П. Мельгунова. Между тем сам Мельгунов, давая материал по Астрахани, называет источник: «Че-Ка. Астраханские расстрелы». Книги «Че-Ка» издавала в Берлине после Октябрьской революции партия социалистов-революционеров. Эсеры собирали материалы от очевидцев и свидетелей. *«Эти живые впечатления,* — писал Мельгунов — *говорят иногда больше, чем кипы сухих бумаг»*[94]. Пожалуй, полностью можно согласиться с этим высказыванием в том, что очевидец эмоциональнее воспроизведет общую картину того или иного события, но наверняка допускает неточности в деталях, отдельных фактах, в конкретике, гиперболизирует их, а иногда и просто искажает. Впрочем, сам Мельгунов об этом тоже писал: *«…легко можно подвергнуть критике сообщение хотя бы с.-р.* (эсеров. — *А.К.) печати о том, что вовремя астраханской бойни 1919 г. погибло до 4000 рабочих. Кто может дать точную цифру? И кто сможет ее дать когда-либо? Пусть она даже уменьшится вдвое. Но неужели от этого изменится хоть на йоту сама сущность?»*[95]

Вряд ли можно согласиться с подобным утверждением. Действительно, сущность не меняется. Насилие было. Но когда

одна сторона обвиняет в этом насилии только другую сторону, не говоря ни одного слова о насилиях, расстрелах, производимых другой стороной, при этом извращает и гиперболизирует факты — искажается истина.

Безусловно, точную цифру расстрелянных и погибших в марте 1919 года в Астрахани с той или с другой стороны установить невозможно, ибо ни белые, ни красные не составляли точные списки своих жертв, не вели их учет. Жертв было много **с обеих сторон**. Шла гражданская война, каждая сторона отстаивала свои цели, прибегая к насилию, не только по отношению к своему вооруженному противнику, но и непосредственно к населению. Ярый противник большевизма С. П. Мельгунов считал виновниками насилия только большевиков. По всей вероятности, так же мыслит и Ефимов. В неоднократно цитируемой мной статье он говорит о «беспощадности» большевиков, в частности Кирова, в подавлении мартовского астраханского мятежа.

Для доказательства этого тезиса Ефимов пытается «повязать кровью» две личности: Кирова и Атарбекова. Он пишет:

«В духе приказов и указаний Кирова действовал особый отдел во главе Г. А. Атарбековым, проявлявшим необычную изощренность и издевательства над арестованными… Свирепость Атарбекова, который заявлял, что он подчиняется только Кирову, казалось, не знала границ…»[96] И опять, давая ссылку на архив, Ефимов не дает наименование документа, дату его составления, адресата.

Между тем, на мой взгляд, вопрос о соподчиненности этих двух личностей, *«их близком знакомстве»* с осени 1918 года в Пятигорске требует дополнительного исследования. Что представлял собой Атарбеков в Астрахани в марте 1919 года? Он — председатель Астраханской чрезвычайной комиссии, начальник особого отдела Каспийско-Кавказского фронта, он непосредственно подчинялся Председателю реввоенсовета этого фронта, то есть К. Механошину, а будучи председателем ЧК Астрахани — непосредственно Всероссийской Чрезвычайной Комиссии. Атарбеков не входил ни во Временный революционный комитет Астраханского края, ни в военный совет обороны города. Замечу, что два последних органа также напрямую подчинялись реввоенсовету Каспийско-Кавказского фронта. Киров, будучи председателем ВРК, в это время не входил в состав РВС Каспийско-Кавказского фронта и формально не мог отдавать какие бы то распоряжения, указания Атарбекову, ибо последний в иерархии тех дней занимал более высокое положение, чем Киров.

Допускаю, что Атарбеков мог высказаться подобным образом,

но когда, где, при каких обстоятельствах?

Несколько позднее позволю высказать свое предположение по этому поводу.

Сомнителен и тезис Н. А. Ефимова, что «*…именно в Пятигорске состоялось близкое* (выделено мной. — *А.К.) знакомство Кирова с Атарбековым*». Немного к истории вопроса. В июле 1918 года в Екатеринодаре (ныне Краснодар) образуется в составе РСФСР Северо-Кавказская Советская республика с центром в том же городе. Председателем ЦИК республики избран А. И. Рубин, ее вооруженными силами руководил реввоенсовет Северного Кавказа (председатель Я. В. Полуян), а командующим армией был И. Л. Сорокин. Сначала заместителем, а потом и председателем ЧК Северо-Кавказской республики становится Атарбеков.

17 августа 1918 года Деникин взял Екатеринодар, и тогда все руководство Северо-Кавказской Советской республики обосновывается в Пятигорске, но это уже после 17 августа.

Приблизительно в это же время, то есть в конце августа, в Пятигорске появляется из Москвы Киров с первым эшелоном оружия и боеприпасов для Северо-Кавказской армии. Скорее всего, знакомство Кирова и Атарбекова могло тогда произойти, но вряд ли оно было близким. И вот почему. Обстановка в Пятигорске сложилась непростая. Прежде всего, это касалось действий Сорокина в армии. Тщеславный, храбрый до безумия, любивший женщин, вино, лесть, он провел ряд неудачных военных операций. В армии падала дисциплина, появилось мародерство. В этих условиях внимание РВС республики и ЧК было постоянно приковано к изучению обстановки в городе и армии. Уже в конце сентября — начале октября 1918 года высшее руководство республики имело полную информацию о действиях Сорокина и предпринимало превентивные меры для разоружения армии. Шли постоянные переговоры с Москвой.

21 октября 1918 года Сорокин приказал расстрелять ряд руководивших работников республики, ЧК и просто рядовых коммунистов.

Кирова в это время в Пятигорске не было. Он был уже на пути в Москву, так как получил задание — вновь сформировать транспорт с оружием. Пока неясна точная дата его отъезда из Пятигорска, причем, скорее всего, это первая половина октября 1918 года. Мятеж Сорокина — это вторая половина октября. Решение об отстранении его от Должности принимал II Съезд Советов Северо-Кавказской республики (СКР) 28 октября в станице Невинномысской. Киров не принимал частая ни в усмирении Сорокина, ни в съезде Советов СКР. С. Синельников,

приводя в своей книге два последних факта (участие Кирова съезде в Невинномысске и разоблачении сорокинской авантюры), широко использовал неопубликованные воспоминания Рихтермана, которые оказались не совсем достоверны.

Н. А. Ефимов, выражая вполне оправданные сомнения в достоверности фактов, приводимых С. Синельниковым, тем не менее утверждает, что С. М. Киров тоже повинен в расстреле заложников в Пятигорске, взятых после ликвидации сорокинского мятежа *«для очищения города от белых элементов»*.

Между тем расстрел Атарбековым более 100 заложников в конце октября — начале ноября 1918 года, среди которых оказались бывшие министры, князья, генералы, полковники царской армии, никакого отношения к Кирову не имел — его просто не было тогда в городе. Поэтому делать вывод о «близком» знакомстве Кирова и Атарбекова, дабы «повязать их кровью», по меньшей мере, неэтично.

Одно не вызывает никаких возражений: Атарбеков в Астрахани, до нее и после нее, будучи сотрудником чрезвычайных комиссий, действовал достаточно жестко и беспощадно.

25 апреля 1919 года Временный военно-революционный комитет Астраханского края прекратил свое существование. В Москву отзываются Надежда Колесникова (председатель губкома РКП(б)), Иван Бабкин (чрезвычайный уполномоченный ЦК РКП(б) и Совнаркома), Юрий Бутягин (председатель Совета обороны Астрахани).

Реввоенсовет РСФСР, продолжая укреплять оборону Астрахани и края, проводит ряд структурных преобразований. В конце марта ликвидируется Каспийско-Кавказский фронт, его войска и соединения входят в состав формирующейся 11-й Красной Армии. Председателем РВС армии назначается К. А. Механошин, членами РВС — С. Е. Сакс и С. М. Киров (май-июнь 1919 г.).

Между тем в Астрахани начинается новый конфликт. На этот раз его героями стали председатель Астраханской ЧК Атарбеков и командир одной из дислоцированных в крепости рот, член губисполкома города, военный комиссар Астрахани М. Л. Аристов. Конфликт (так же как и в январе 1919 г.) возник из-за подчиненности властных органов. Почему чекисты Астрахани подчиняются непосредственно Москве — Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, а не местным органам — губкому РКП(б), губисполкому, губвоенкому. Определенную роль в столкновении сыграли и характеры Атарбекова и Аристова. Оба отличались невероятной вспыльчивостью и амбициозностью.

Зародившись еще в мае, конфликт достиг апогея к середине июля 1919 года. Возможно, его развитию способствовало и то обстоятельство, что Механошин находился в Москве, и повлиять на обоих «буянов» из остававшихся в Астрахани руководителей никто не смог.

Киров занимался укреплением 11-й Красной Армии, и это отнимало у него почти все время и силы. О разгоревшемся конфликте он проинформировал Механошина и, вероятно, предложил отозвать из города Атарбекова. Косвенным подтверждением этого служит телефонограмма, адресованная Сергею Мироновичу, за подписью Механошина из Москвы: *«Желательно, чтобы Атарбеков приехал для совместной работы с нами. ЦИК на это высказывается в обратном смысле. Сообщите положение в Астрахани. Завтра после переговоров с Лениным перед отъездом я вас обо всем информирую относительно положения Астрахани. Жду ответа. Механошин»*[97]

Военное положение Астрахани летом 1919 года резко ухудшилось. 30 июня был захвачен Царицын. Казачья дивизия Мамонтова заняла станции Владимирская и Ахтуба на железной дороге Астрахань-Саратов. Создалась прямая угроза захвата города. В Астрахань по указанию реввоенсовета РСФСР направляются В. В. Куйбышев (член РВС Южной группы войск), К. К. Юренев (в июле — член РВС РСФСР и одновременно член РВС Восточного фронта). Они проводят ряд действий по укреплению обороны города. Создается Астраханская группа войск, куда входит и 11-я Красная Армия. Надо отметить, что судьба 11-й армии драматична. Она несколько раз переформировывалась, менялась ее подчиненность в оперативном отношении: то главкому РСФСР, то Южного фронта, то Юго-Восточного фронта. С июня по 14 августа 1919 года она вошла в состав Астраханской группы войск.

Реввоенсовет РСФСР своим приказом объединяет Астраханско-Каспийскую флотилию с Волжско-Каспийской флотилией. Ее командующим становится Федор Федорович Раскольников.

Благодаря своевременно предпринятым реввоенсоветом РСФСР мерам, героическим действиям бойцов и командиров 34-й стрелковой и 7-й кавалерийской дивизий угроза прорыва белых к Астрахани была ликвидирована, 30 июля казачьи дивизии Мамонтова были отброшены от Ахтубы к Владимировке. Еще раньше Киров получил указание ЦК РКП(б) готовится к подпольной работе на территории Дагестана. В связи с этим он в июле-августе 1919 года уже не являлся членом РВС 11-й армии. На него была возложена вся координация подпольной работы на

Северном Кавказе и в Закавказье.

На фоне тяжелейшего военного положения Астрахани продолжала нарастать напряженность в отношениях между Аристовым и Атарбековым. Валериан Владимирович Куйбышев и Михаил Васильевич Фрунзе были вынуждены лично вмешаться в этот конфликт. Срочно созданный реввоенсовет Астраханской группы войск усиливает политическую работу среди военнослужащих, коммунистов, рабочих. 16 июля 1919 года Юренев телеграфирует сразу в три адреса: ЦК РКП(б), реввоенсовет южной группы войск и штаб 34-й дивизии Куйбышеву: *«Признаем настоятельно необходимым положение Астраханском районе и полного отсутствия политработников оставить тов. Кирова Астрахани. Впредь до Вашего заключения отдаем тов. Кирову распоряжение остаться в Астрахани».*

Между тем личная неприязнь между Атарбековым и Аристовым усиливалась. Последний направил в ЦК РКП(б) письмо, в котором обжаловал ряд нарушений, допущенных Атарбековым. В ночь с 24 на 25 июля Аристов объявил себя военным диктатором. Воинские части, стоявшие в Астрахани, подчинились ему. Аристов арестовал почти весь состав Астраханской чрезвычайной комиссии и единолично приговорил их всех к расстрелу. Киров, используя свои личные хорошие взаимоотношения с Аристовым и опираясь на часть военных астраханского гарнизона, добился отсрочки исполнения приговора.

Реввоенсовет Астраханской группы войск в составе Ф. Ф. Раскольникова, П. Г. Галактионова, В. В. Куйбышева, В. А. Тронина и М. В. Фрунзе послал во все воинские части на территории Астраханского края телефонограмму. В ней сообщалось об акции Аристова и требовалось неукоснительно выполнять все приказы реввоенсовета края. Первый РВС предусматривал передачу всех арестованных чекистов под охрану армейских частей, подчиненных РВС края. Аристов этот приказ исполнил беспрекословно.

По указанию ЦК РКП(б) для проверки случившегося была создана комиссия. В ее состав был включен и Киров. В Центральном партийном архиве хранится мандат за № 5434 ЦК РКП(б) от 11 августа 1919 года. Он гласит: *«ЦК РКП(б) поручает тов. Кирову разобрать конфликт, возникший между Особым отделом ЧК и Астраханским гарнизоном»*[98]. Мандат подписан секретарем ЦК Еленой Дмитриевной Стасовой и заверен печатью ЦК. По-видимому, такой же мандат получил и другой член комиссии В. В. Куйбышев.

Оба члена комиссии были единодушны в оценке конфликта: в

возникновении столь сложной ситуации виноваты и Атарбеков, и Аристов, однако комиссия ЦК посчитала нецелесообразным возвращение Атарбекова в Астрахань и нежелательным дальнейшее пребывание в городе и Аристова. Комиссию поддержала Стасова. При разборе этого дела и выводов комиссии в самом ЦК РКП(б) Сталин, Дзержинский и Стасова посчитали, что суть конфликта в кляузах и склоке.

Вполне допускаю, что, защищаясь, Атарбеков вполне мог заявить, что он подчинялся только Кирову.

По распоряжению ЦК оба виновника были Направлены на другую работу: Аристов — с октября 1919 года — комиссар Московского коммунистического полка, Атарбеков — начальник особого отдела ВЧК в Москве.

Такое подробное изложение конфликта вызвано сомнительными попытками связать две несопоставимые в те годы фигуры Кирова и Атарбекова, бросить тень от деяний Атарбекова на Кирова такой, например, фразой: *«Кирову пришлось признать преступность своего бывшего подопечного»*[99]. Если признать, что у Атарбекова были покровители в высших эшелонах власти, то они являлись птицами более высокого полета, чем Киров. И в Пятигорске, и в Астрахани Атарбеков и Киров, выражаясь спортивным языком, выступали в разных весовых категориях, причем первый никогда не был не только «подопечным» второго, но и принадлежал к «тяжеловесам». Для Атарбекова главным являлись указания и распоряжения, которые он получал из Москвы от ВЧК.

Вместе с тем следует признать, что и после отзыва Атарбекова из Астрахани обстановка в городе оставалась крайне сложной. Рабочий класс в количественном отношении был невелик, в политическом отношении слаб. Продразверстка шла туго. Астраханское казачество не желало отдавать ни хлеб, ни коней. Астрахань плотно была зажата с востока — уральской армией генерала Толстого, с запада — Кавказской армией белых. Волжско-Каспийскую флотилию стерегли военные корабли Антанты и белых. В крае были сильны позиции духовенства, господствовали настроения в пользу белого движения. Нередки были случаи вооруженного сопротивления при проведении продразверстки, убийства советских и партийных работников.

И в этих условиях Киров занимал жесткую политическую позицию, он приложил немало сил для укрепления армии. Ведь в августе 1919 года снова началось переформирование — на базе ряда воинских соединений Астраханской группы войск вновь воссоздается 11-я Красная Армия. Разъясняя политическое и военное положение Астрахани, Киров говорил на общегородской

конференции РКП(б) 3 августа 1919 года: *«…еще там и сям враги продолжают делать набеги. Противник… наносит нам уже не сильные удары, а маленькие щипки. Большую ему помощь и поддержку оказывает местное население, не так-то гостеприимно настроенное к Советской власти… И результатом этой провокационной работы*[100] *явился последний опубликованный приказ реввоенсовета, возлагающий охрану дорог на население. С возложением на него ответственности за последствия. И если мы установим, что такая-то волость или поселок помогают белогвардейцам, то мы просто поступим с ними, как с врагами рабочего класса.* ***Мы будем брать из контрреволюционных сел заложников, и они своей головой будут отвечать за порчу железной дороги. И если мы узнаем, что в таком-то селе укрыт отряд белогвардейцев, то мы уничтожим такое контрреволюционное гнездо»*** *(*Выделено мной. — *А.К.)*[101].

Суровость, твердость позиции Кирова при разъяснении политической линии партии большевиков в гражданской войне была всегда общеизвестна. Никто и никогда не скрывал ее ни от читателей, ни от исследователей.

Более того, речь Кирова 3 августа 1919 г., включая подчеркнутую мной фразу, неоднократно публиковалась в сборниках кировских речей выступлений, изданных после его смерти. Поэтому непонятно, какую, преследовал Ефимов, приводя выборочно из подчеркнутой мной фразы кировские слова о взятии *«из контрреволюционных сел заложников»*[102], да еще давая ссылку на архив. Можно только предполагать, что ссылка на архив при цитировании данного отрывка из речи Кирова должна была «открывать» читателю нового, неизвестного им ранее человека. Тем более что, на наш взгляд, поверхностным является вывод, сделанный Ефимовым: *«В вопросе о массовом терроре и системе заложничества Киров действовал в духе ленинских требований».*

Думается, надо строго придерживаться фактов. В народе говорят — из песни слова не выкинешь. Действительно, в гражданской войне обе стороны производили не только казни, расстрелы своих противников, использовали и систему заложничества. Разного рода реквизиции селения сопровождали не только путь красных, но и белых.

В связи с этим можно вспомнить массовый террор деникинских войск в селе Христиановское на Северном Кавказе. В апреле 1919 года белые окружили село и потребовали в течение трех часов выдать им 1 млн. пудов хлеба, 500 лошадей с седлами, 500 бурок, 5000 винтовок, 2 млн. патронов. Все жители села в возрасте от 20 до 30 лет мобилизовывались в белую армию.

Помимо этого, жителям предлагалось выдать всех членов партии «Кермен».

Село отвергло ультиматум. С оружием в руках его жители стали отстаивать свою свободу. Но силы были неравны. Деникинцы, захватив село, полностью его разграбили, почти все мужское население было расстреляно, особенно изощренно убивали членов партии «Кермен». После жесточайших пыток расстреляли председателя ЦК партии «Кермен» Георгия Цаголова.

И это был не единичный случай. Генерал Лавр Георгиевич Корнилов, выступая перед добровольцами накануне похода на Екатеринодар, провозгласил лозунг: «Пленных не брать!» По воспоминаниям самих участников белого движения, у добровольцев перед взятием той то иной деревни *«начинало ломить»* от радости *«в груди от предстоящей мести»*[103].

И еще одно свидетельство генерала А. М. Драгомирова — председателя «Особого совещания» при главкоме «всеми силами Юга России» генерале Деникине. Покидая Россию в конце декабря 1919 года, сдавая командование, Драгомиров обратился с приказом к армии, в котором не выразил благодарности белой гвардии, которая *«покрыла позором свои славные знамена грабежами и насилиями над мирным населением»*[104].

Белые шли по России как завоеватели. Их поддерживали чиновники старого государственного аппарата; имущие классы царской России, кадеты, октябристы, эсеры, им оказывал помощь Запад, вплоть до интервенции. Они овладели почти всей территорией страны, кроме небольшого региона вокруг Москвы, и все-таки проиграли. Белое движение, несмотря на «красный террор», было отвергнуто подавляющим большинством населения страны. И дело здесь не в «белом терроре», хотя и в нем они отличились. Александр Васильевич Колчак, этот «просвещенный правитель», поднятый и воспетый сегодня так называемыми демократами и их печатью, залил кровью Сибирь. Неслучайно 13 ноября 1919 года его вчерашние союзники-белочехи опубликовали меморандум: *«Под защитой чехословацких штыков местные русские военные органы позволяют себе действия, перед которыми ужаснется весь цивилизованный мир. Выжигание деревень, избиение русских граждан… и т. д.».* Колчак, — отмечается в меморандуме, — расстрелял депутатов Учредительного собрания, съехавшихся в Омск. Вот вам и «матрос Железняк»! Согласитесь, разгон и расстрел — не одно и то же.

Опыт всех европейских революций, всех гражданских войн (вспомните хотя бы такие произведения, как В. Гюго «Девяносто третий», М. Митчелл «Унесенные ветром»), да и не только гражданских, неоспоримо свидетельствует: система реквизиций,

заложничества, расстрела являлась их неотъемлемым атрибутом.

И Ленин, и Киров ничего нового не выдумали, они действовали на основании исторического опыта всех времен и народов. Кстати, это понимали и многие противники большевизма. *«Действительная разница между нами, называющими себя антибольшевиками, и большевиками, открыто принявшими эту кличку,* — писал член последней Государственной Думы, сметенной Февральской революцией в России, Василий Витальевич Шульгин, находясь уже вне пределов России, — *скажется только тогда, когда мы свое Белое Дело, то есть свои идеи и взгляды, будем осуществлять* ***не по-большевистски****, другими словами,* ***когда мы станем скупы на кровь****. Пока же мы, негодуя, что льется кровь „наша“, вместе с тем спим и видим пролить еще столько же крови „ихней“, — видимая, но мощная связь между нами и большевиками не может быть разорвана.* ***Пока мы думаем по-большевистски, в смысле методов расправы****, мы являемся соучастниками их правления и несем за их деяния свою долю ответственности»*[105].

Поэтому сегодня не следует абсолютизировать только красный террор, выпячивая его, иногда даже несправедливо, в деятельности отдельных исторических лиц, дабы свергнуть их с пьедестала, полностью произвести переоценку их роли в истории нашей многострадальной страны.

Между тем есть проблемы, в том числе и в деятельности Кирова по же Астрахани, которые требуют тщательного научного анализа.

Думается, что в обширной исторической литературе, посвященной обороне города, несколько завышена в этом и роль личности Кирова, объясняется несколькими факторами. Ряда деятелей, участвующих активно в обороне Астрахани (К. А. Механошин, Ф. Ф. Раскольников, В. В. Куйбышев, Г. К. Орджоникидзе, С. Е. Сакс и другие) уже не было в живых, когда впервые стали создаваться книги по этой тематике. Несомненно, повлияла на возвышение роли Кирова в этот, да и более ранний период его деятельности трагическая гибель Сергея Мироновича. Это нашло свое отражение в литературе, как художественной, так и научной. Репрессии, начавшиеся после гибели Кирова, сопровождались запретом на многие имена. В связи с этим в воспоминаниях оставшихся в живых командиров, политработников воинских частей доминировало имя Кирова.

Киров действительно играл значительную роль в обороне Астрахани. Он часто выступал перед красноармейцами 11-й Красной Армии, рабочими, казаками, интеллигенцией, женщинами города. До наших к дошло более 40 его выступлений,

опубликованных в газетах «Коммунист» и «Красный воин». Здесь впервые проявились его организаторские способности, умение доверительно говорить с различными социальными слоями населения.

И все-таки, на мой взгляд, наши историки и публицисты несколько преувеличивают роль Кирова в обороне Астрахани, называя ее решающей, особенно в первую половину 1919 года. Тогда первую скрипку играли такие личности, как Механошин, Сакс, Бабкин, Атарбеков, Орджоникидзе, Куйбышев, Фрунзе.

Во второй половине 1919 года роль Кирова уже более значительна. И это косвенно подтверждается документами: в архивах хранится большое число телеграмм, донесений, направленных за подписью либо одного Кирова, либо совместно с Бабкиным, Механошиным, Раскольниковым в адрес ЦК РКП(б), Ленину, Троцкому, Склянскому по поводу решения кадровых вопросов, операций на фронте, успехов Красной Армии. Имеются также письма Кирова, адресованные бакинским коммунистам, по поводу добычи и перевозки нефти, организации подпольной работы.

Высокая оценка роли С. М. Кирова в битве за Астрахань во второй половине 1919 года связывается прежде всего с ленинским документом, ставшим определяющим для обороны города. Речь идет о ленинском указании члену реввоенсовета 11-й армии Кирову: «*Астрахань защищать до конца*». Впервые это ленинское указание публиковалось без ссылки на источник в предисловии, написанном Б. П. Позерном к книге «Киров С. М. Статьи и речи (1912–1921 гг.)»[106].

Затем ленинское указание, как документ Кирову, было зафиксировано в книгах «С. М. Киров. Краткий биографический очерк» (М., 1936. С. 26) и «Сергей Миронович Киров. 1886–1934. Краткий биографический очерк» (М., 1940. С. 52). На эти издания дается ссылка в Полном собрании сочинений Ленина.

Впервые сомнения по поводу существования ленинского документа, адресованного лично Кирову, заронил известный исследователь биографии Кирова С. В. Красников[107]. Он утверждал, что такое ленинское указание привез Кирову в Астрахань вернувшийся из Москвы Юрий Павлович Бутягин[108]. Действительно, последний в июле 1919 года находился в Москве. 16 июля 1919 года он был принят Лениным[109], который заслушал его доклад о положении в Астрахани. После этого Ю. П. Бутягин написал докладную записку «О военно-политическом и экономическом положении в Астраханском крае». Это было 25 июля. На записке Бутягина Ленин сделал пометку «1 августа». Биохроника Ленина Сообщает, что 1 августа Ленин

читал докладную записку Бутягина, но ни в переписке Секретариата ЦК РКП(б) с местными партийными организациями, ни в биографической хронике Ленина нет упоминаний о ленинской записке Кирову с указанием *«Астрахань защищать до конца»*. Более того, если бы такое указание Ленина было передано Бутягиным Кирову в устной форме, то, скорее всего, последний обязательно бы об этом упомянул в своей речи на общегородской Астраханской партийной конференции 3 августа 1919 года. Однако Киров ни словом не обмолвился по поводу ленинского указания, в том числе и тогда, когда произносил ставшие крылатыми слова: *«Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским»*[110].

Скорее всего, в письменной форме (записка, телеграмма) такого ленинского документа Кирову не было вообще. Что же касается устного указания, переданного через Бутягина, то, возможно, оно и было. Однако Бутягин не упоминает о нем в своих воспоминаниях.

Киров и Бутягин, как уже отмечалось, знали друг друга давно. Их знакомство произошло не позднее 1917 года. Во время двух последних поездок Кирова в Москву в 1918 году Бутягин сопровождал его — и как представитель Москвы, и в доставке оружия. Так вместе с Кировым он начале 1919 года оказался в Астрахани.

После подавления мартовского мятежа 1919 года в Астрахани Бутягин отзывается в Москву, где находится с июля по август 1919 года. Однако уже в сентябре становится командующим переформированной 11-й Красной Армий, членами РВС ее стали В. В. Куйбышев (август-октябрь 1919 г.), С. М. Киров (сентябрь 1919 — март 1920 г.) и К. Механошин (декабрь 1919 — май 1920 г.).

К этому времени относятся и первые стычки Кирова с Львом Давидовичем Троцким. Сначала они возникли из-за назначения командармом 11-й Красной Армии М. И. Василенко. Инициатива этого решения исходила от Троцкого. Есть интересный, впервые публикуемый документ — телеграмма, подписанная Кировым[111]:

«ЦК партий Стасовой, копия предсовнаркому Ленину, копия предревсовета республики Троцкому, копия Саратов ревсовет, юго-востфронта. Астрахань 27 ноября 1919 г.

Вот уже три месяца обязанности командарма 11 армии исполняет член ревсовета XI — Бутягин. Считаю долгом отметить, что за это время армия определенно выросла и окрепла. Положение на здешних фронтах определенно улучшилось: исчезло разгильдяйство, установилась дисциплина, налажены

хозяйственные аппараты армии. За этот период фронтах не было ни одной серьезной неудачи. Главное достоинство Бутягина — это энергия, распределительность и организаторские таланты…

К сожалению, очевидно, работа Бутягина недостаточно оценивается в руководящих военных органах, т. к. на днях врид командармом назначен бывший начдив Василенко. По-моему, эта перемена не только ничем не вызвана, но даже рискована. Сейчас перед XI армией стоят огромные задачи и производить на фронтах сему [замену] в этот момент едва ли целесообразно, тем более, что командарма коммуниста должен заменить не коммунист, что в здешних условиях небезразлично»[112].

В тот же день ушла в те же адреса другая телеграмма. За подписью Кирова, Смилги и Ивана Бабкина, бывшего уполномоченным ЦК партии в Астрахани. В ней говорилось: *«Бутягин — старый революционер, руководил восстанием в Ростове в 1905 году… С назначением командармом Василенко Бутягин будет потерян для XI армии, что даст Василенко в здешних условиях, безусловно особенных, сказать трудно. Было бы лучшим выходом из создавшегося положения, если нельзя оставить Бутягина, назначить сюда командармом начдива 33 Левандовского — авторитетного среди кавказских работников, хорошо знающих нашу армию и район ее настоящих и будущих действий»*[113].

Вопреки всем просьбам, а их было много, Троцкий все равно назначил командармом 11-й армии Василенко. Почти в это же время состоялись телеграфные переговоры Кирова со Смилгой, который находился в Москве. Киров сообщает: *«Вчера от Троцкого получил телеграмму относительно Василенко. Вопрос решен окончательно, и теперь наше желание сводится к тому, чтобы использовать Бутягина для Кизляра, о чем я с Вами говорил, думаю, что Троцкий не будет протестовать; т. к. рекомендует Бутягину начать командовать хотя бы с дивизии»*[114].

Не, берусь судить о достоинствах и недостатках обоих командармов, об их военных успехах и поражениях. Так же как не берусь судить, прав или не прав был Троцкий в этом решении. Это дело военных историков. Для меня важно другое: в годы гражданской войны проявились определенные расхождения по этому и ряду вопросов между Кировым и Троцким. Однако, несмотря на определенные расхождения между ними, Киров и Троцкий в эти годы делали одно общее дело — ковали победу Красной Армии на фронтах гражданской войны.

Во второй половине 1919 года Киров становится все более заметной фигурой среди политических организаторов Астраханского края. Неслучайно, что именно против Кирова осенью 1919 года была предпринята провокация с целью его

компрометации. Предоставим слово документу. Он адресован в реввоенсовет Юго-Восточного фронта, копия — в ревтрибунал Юго-Восточного фронта, копия — в ЦК партии, копия — в ВЧК, копия — в политуправление войск внутренней охраны. Документ объемный. Дается в сокращении.

«…На днях в Астрахани, очевидно белогвардейцами, была создана гнусная провокация против члена Ревсовета т. Кирова и затем Ревсовета в целом, поддержанная группой ответственных советских работников. Создав легенду о том, что т. Киров — Илиодор, губвоенком Чугунов и другие ночью, дав приказ гарнизону быть в полной боевой готовности, подвергли обыску и временному аресту т. Кирова. Провокация этим не ограничилась. Следствие показало, что выступавшие были намерены арестовать весь состав Ревсовета. Дабы пресечь провокацию, крайне опасную в переживаемый момент, Ревтрибунал армии решил немедленно арестовать всех участников этой авантюры: командира бригады войск внутренней охраны Кротова, командира роты… (фамилия неразборчива. — *А.К.), политкома полка Пашкова, секретаря губисполкома Иванова, члена коллегии губсовнархоза Рокаты, сестру милосердия Вассерман, тов. пред. военкома Чугунов отстранен от должности и вызван в штаб Туркфронта. Бригаду от Кротова согласно приказа командарма XI армии принял т. Волков. Арест вышеобозначенных лиц санкционирован объединенным совещанием реввоенсовета XI армии, представителей губернского комитета и губисполкома и уполномоченными совета обороны республики и ЦК партии. Подробности высылаем нарочными…»*[115].

Провокация против Кирова готовилась заранее. Нельзя исключить причастность к этой акции астраханского духовенства. Дело в том, что бывший иеромонах Илиодор, так же как ректор Духовной академии отец Феофан и епископ Саратовский Гермоген были в свое время теми, кто способствовал созданию вокруг фигуры Распутина «ореола святости». Особенно в этом преуспел молодой фанатик — монах Илиодор. Ревностный почитатель православной религии, он проповедовал строгое подчинение православной вере и абсолютному самодержавию. Но самодержец должен править так, чтобы все люди были братья, имеющие равные права, без различия сословий. Причем носителем святости, воплощением Христа он видел Распутина.

Благодаря своему ораторскому искусству Илиодор, проводивший богослужение в храмах Царицына, а также в окрестных монастырях, был популярен в массах. Однако со временем Распутин своим блудом, пьянством разбил вдребезги мечты Илиодора. Более того, появление в газетах России ряда

негативных статей, посвященных похождениям Распутина, вызвало величайший гнев Илиодора. Переезжая с места на место на юге России, он истерически поносил Распутина. Последний, используя свое влияние на царскую семью, расправился со своими недавними покровителями: о. Феофана отстранили от руководства Духовной академией и сослали в Таврическую губернию, епископа Гермогена заключили в монастырь, а Илиодора лишили сана и заточили в монастырь. Илиодор (в миру Сергей Труфанов) заявил Священному Синоду: *«Вы поклоняетесь дьяволу. Вся моя жизнь будет посвящена мести… Все вы карьеристы, вы презираете бедных… Вы не слуги народа… Вы, изверги, пьете народную кровь».* Бежавший из монастыря за границу, он выпускает там книгу «Святой чорт», в своем роде бестселлер о Распутине, где впервые опубликовал письма царицы к старцу. Последние годы Илиодор жил в Америке, там и умер в 1958 году[116].

Личность Илиодора и была использована (пока не установлено точно — кем) для организации провокации против Кирова. В городе были расклеены афиши с портретом священника Илиодора, имевшего значительное сходство с Кировым. Между тем по городу были распущены слухи, что Киров — Илиодор, который обманным путем пролез в реввоенсовет 11-й Красной Армии и проводит там предательскую линию, а посему он подлежит немедленному расстрелу. С большим трудом Сергею Мироновичу удалось убедить ворвавшихся к нему ночью людей, что он тот, за кого себя выдает, и ничего общего с Илиодором не имеет. Подоспевшие чекисты и военные моряки буквально спасли Кирова от неминуемой смерти.

Все участники этой авантюристической акции были наказаны. Но скорее всего, они были пешками в чьей-то большой игре и, в силу своей недостаточной осведомленности об Илиодоре, попались кому-то «на крючок».

Эта провокация не остановила действий астраханского руководства по укреплений обороны города. 11-я Красная Армия совместно с Волжско-Каспийской флотилией отбросила полностью белых от Астрахани.

1 декабря 1919 года Киров и Бутягин телеграфировали в Москву о полной ликвидации белого астраханского казачества:

«Передовые части XI армии стоят уже на рубеже Терской области и скоро подадут свою мощную братскую руку горящему революционным пламенем Северному Кавказу».

Глава 3
Закавказье стало советским

В конце декабря 1919 года 11-я Красная Армия, членом РВС которой был Киров, начала упорную борьбу с белыми за освобождение Серного Кавказа. Еще в дни обороны Астрахани Киров был тесно связан с революционным движением Северного Кавказа, где развивалось повстанческое и партизанское движение. Руководил им Кавказский краевой комитет РКП(б), при котором была создана специальная городская секция. Во главе движения стояли Б. Калмыков, Ф. Махарадзе, Орджоникидзе. Посредником в сношениях между краевым комитетом и ЦК РКП(б) служил реввоенсовет 11-й Красной Армии. Именно через него на Северный Кавказ направлялись инструкции, литература, патроны, деньги, оружие. Персонально в реввоенсовете за эту работу отвечал Киров.

В Центральном партийном архиве хранится ряд интереснейших документов, написанных и подписанных Кировым, в которых он рассказывает об этом направлении своей деятельности. Приведем два из них. Один — письмо в секретариат ЦК РКП(б) от 9 октября 1919 года. Оно написано Сергеем Мироновичем и отправлено с Анастасом Ивановичем Микояном, который в этот день уезжал в Москву. Документ дается в сокращении. Публикуется в России впервые.

«Дорогая Елена Дмитриевна!

На днях еду по назначению… Вчера и сегодня здесь был т. Смилга, с которым наметили многое, касающееся Кавказа. Положение там такое, что дальше только революция. Впрочем, о Кавказе Вам расскажет т. Микоян. До сего времени послал всего 86 товарищей и 16 млн. рублей, из которых 3 млн. — на топливо. Нужда в деньгах там громадная. Об этом узнаете также у Микояна. Одно еще: много трений вызывает на Кавказе вопрос о партии „Гуммит”[117] *и Армянской коммунистической партии, этим вопросам нужно подойти вплотную и очевидно пересмотреть. Краевой комитет имеет по этому поводу определенную точку зрения, и очевидно не изменит ее. По-моему, вопросы эти далеко не академические.*

Что касается вопроса об Армянской компартии, то здесь вопрос яснее, ибо сама Армения получила такую „ясность", что большей не требуется. Еще раз повторяю, что эти вопросы требуют пересмотра и в самом срочном порядке. Очень хотелось бы еще поделиться с Вами кое-чем, но буквально нет ни минуты,

ждет т. Микоян, спешит на вокзал… Через несколько дней с Вашего „коммунистического благословения“ двигаюсь в самую „южную часть юга", оттуда будем вдувать свежий темперамент в уставшую революцию…

Всего Вам самого наилучшего. С горячим коммунистическим приветом. С. Киров»[118].

Это кировское письмо нуждается в некотором комментарии. Дело в том, что гумменисты, объединившие в основном коммунистов-мусульман, считали важным создание коммунистической организации, объединявшей коммунистов разных национальностей. Эту точку зрения разделяло не все руководство партии «Гуммет». Кавказский краевой комитет РКП(б) считал, что в сложных условиях многонационального Кавказа коммунистические группы должны строиться по национальному принципу. Киров и Микоян с этим были не согласны. ЦК РКП(б) высказался за создание коммунистических партий на Северном Кавказе и в Закавказье на правах областных организаций, построенных на интернациональной основе и входящих в единую краевую Кавказскую организацию РКП(б).

Свидетельством возникших трудностей в партийно-национальном строительстве организаций Северного Кавказа служит тот факт, что с августа 1919 года по январь 1920 года Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) 8 раз обсуждали эти вопросы. Позиция Кирова, Микояна и других оказалась более правильной.

Другой документ — телеграмма от 20 октября 1919 года на имя Ленина и Склянского. Киров сообщал: *«На Кавказ послано нами взрывчатых веществ в очень удобных шашках (*мешках — неразборчиво. — *А.К.) количеством двенадцать пудов. Может послать еще, но беда в том, что сношения с Кавказом в последнее время сильно затруднены. Товарищ Камо выехал с грузом до сорока пудов, и часть его можно уделить повстанцам»*[119].

Осенью 1919 года повстанческое и партизанское движение на Северном Кавказе настолько разрослось, что представляло, по образному выражению А. И. Деникина, «кипящий котел».

Еще в сентябре 1919 года в условиях развернувшейся революционной борьбы горских народов против деникинских войск в Нагорной Чечне под лозунгами панисламизма создается Северо-Кавказское эмиратство с центром в Введено. Его возглавил религиозный фанатик, крайний националист имам Узун Хайр Хаджи хан. Эмиратство встало на путь формирования собственной армии и обратилось за «покровительством» к правительствам Турции, меньшевистской Грузии и мусаватистского Азербайджана.

Вместе с тем на Северном Кавказе продолжала действовать

Терская Повстанческая армия под командованием Николая Федоровича Гикало, в ее составе воевал чечено-ингушский революционный отряд.

В этот период имя Кирова было уже хорошо известно многим горцам — осетинам, ингушам, чеченцам. И это подтверждается косвенно впервые публикуемым документом. 21 ноября 1919 года уполномоченный по делам Кавказа в Наркомате иностранных дел РСФСР Нажмутдин Эфендиев, обращаясь в ЦК РКП(б) и реввоенсовет Республики, писал: *«В настоящий момент необходима посылка товарищей, полных энергии, революционного энтузиазма, искушенных в партийной борьбе, знающих быт и психологию закавказских народностей, популярных среди горцев и Азербайджана… Такими товарищами могли бы быть член реввоенсовета XI Армии Киров и лидер фракции „Гуммет“ Нариманов. Тов. Киров, долгое время живший и работавший на Кавказе, пользуется там популярностью и знает Кавказ»*[120].

И скоро, в феврале 1920 года ЦК РКП(б) создает бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем его стал Серго Орджоникидзе, зам. председателя — Сергей Киров, членами — Поликарп Мдивани, Нариман Нариманов и Александр Стопани. ЦК РКП(б) также обязал всех коммунистов-кавказцев, работавших на Кавказе и находящихся в настоящее время в районе действий 11-й армии, зарегистрироваться у секретаря бюро… Можно лично, можно письменно. Документ был подписан Кировым, Мдивани, Стопани и был опубликован в газете «Красный воин» — органе политотдела 11-й армии.

В связи с изменением дислокации 11-й и ряда других армий — 8-й, 9-й, реввоенсовет РСФСР постановил переименовать Юго-Восточный фронт в Кавказский, поставив перед ним задачу: завершить ликвидацию северо-кавказской группировки деникинских войск и освобождение Кавказа.

В данной книге я сознательно опускаю разбор военных операций, их неудачи, успехи, победы — это дело профессиональных военных историков. Но мне бы хотелось остановиться на некоторых кадровых перестановках.

Дело в том, что с самого начала сложились непростые отношения между различными группировками внутри командования Кавказского и Юго-Восточного фронтов. Так, например, действия 1-й Конной армии (командующий Сергей Михайлович Буденный) вызвали резкие замечания со стороны командующего фронтом В. И. Шорина, члена РВС Валентина Трифонова и командующего 8-й армией Григория Сокольникова. В ответ на это С. М. Буденный обратился 1 февраля 1920 года с

письмом к Ленину. Объясняя поражение 1-й Конной, он писал: *«За все мое командование подобных печальных явлений не было. А как только Шорин получил право распоряжаться вверенной мне армию, так и полелись несчастя»*[121]. Буденного поддержали Климент Ефремович Ворошилов и Ефрем Афанасьевич Щаденко.

Дабы не допустить разрастания конфликта, Ленин и РВС РСФСР среагировали оперативно. 3 февраля новым командующим фронта становится Михаил Николаевич Тухачевский. Членами РВС фронта остались назначенные ранее В. А. Трифонов, И. Т. Смилга, С. И. Гусев. Дополнительно 3 февраля вводится Г. К. Орджоникидзе и уже в июне — С. Д. Марков. Прибыв 17 февраля на Кавказский фронт, Орджоникидзе телеграфировал Ленину: *«…Буденный приказ о переброске своих частей выполнил беспрекословно… Мы с Тухачевским считаем, что крики о разложении (*1-й конармии. — *А.К.) в смысле потери боеспособности неосновательны. Пьянство и грабежи у них старое явление. Противник за месяц нашей бездеятельности сильно усилился… 8-я и 9-я [армии] сильно потрепаны, отчасти неумелым руководством командармов, отчасти [из-за] допущенных организационных ошибок Шорина, не принявшего достаточно энергичных мер для своевременного пополнения дивизий»*[122].

Контроль за переброской подкреплений на Кавказский фронт Ленин возложил на Сталина[123].

Вскоре началось стремительное освобождение войсками Кавказского фронта и Терской повстанческой армией территории Кубани, Терека и Дагестана от остатков деникинских войск и разного рода местных националистических отрядов. Распалось в марте 1920 года Северо-Кавказское эмиратство. Шариатское националистическое объединение прекратило свое существование. В Нагорной Чечне шло восстановление Советов.

12 марта 1920 года войска Кавказского фронта повсеместно перешли в наступление. Через десять дней Орджоникидзе сообщал Сталину: «*…Кубань форсирована. В Грозненском направлении взята Прохладная, через два дня преподнесем Грозный и Моздок»*[124].

В марте 1920 года создается Северо-Кавказский ревком в составе: Г. К. Орджоникидзе председатель, члены — С. М. Киров, Н. Н. Нариманов, С. Бабиев, А. М. Стопани, П. Г. Мдивани, Я. В. Полуян. Ревком подчинялся реввоенсовету Кавказской армии и центральным органам советской власти. Его основная задача заключалась в борьбе с бандитизмом, обеспечении Красной Армии и промышленных центров продовольствием, организации культурно-просветительной работы и создании условий для передачи всей полноты власти Советам.

Между тем военная операция по освобождению Грозного шла медленно. 28 марта Ленин телеграфирует членам РВС Кавказского фронта Смилге и Орджоникидзе: *«Нам до зарезу нужна нефть, обдумайте манифест населению, что мы перережем всех и, наоборот, даруем жизнь «сем, если Майкоп и особенно Грозный передадут в целости…»*[125]. В конце марта — начале апреля Грозный был освобожден. Уже в апреле 1920 года Ленин принял большую группу рабочих-нефтяников из Грозного. Поблагодарив их за оказание помощи в борьбе за город, он поставил задачу увеличить добычу нефти. Но эти задачи решались уже Советом Народных Комиссаров и подчиненными ему органами власти освобожденного города.

К середине апреля 1920 года знамя Советов реяло уже почти над всеми городами, аулами и станицами к северу от Кавказского хребта.

В мае 1920 года по решению ЦК РКП(б) Кавказский краевой комитет РКП(б) прекратил свое существование. Руководить партийными организациями Кавказа стало образованное по решению Пленума ЦК РКП(б) от 8 апреля 1920 года Кавказское бюро ЦК РКП(б). Киров был введен в его состав лишь в октябре 1920 года.

Вплотную встал вопрос о советизации Закавказья. Там в это время власть находилась в руках буржуазии. В Грузии правительство к 1920 году в основном было сформировано из меньшевиков. Его лидер Н. Н. Жордания в свое время начинал политическую карьеру как социал-демократ и даже участвовал в работе II съезда РСДРП, возглавлял социал-демократическую фракцию 1-й Государственной Думы России, После Февральской революции — председатель Совета рабочих депутатов Тифлиса.

В Азербайджане буржуазное правительство возглавляли мусаватисты, видную роль в их партии играли М.-Э. Расул-заде, М. Г. Гаджинский, М. М. Ахундов и другие.

В республике Армения правящей партией стала буржуазно-националистическая «Дашнакцутюн» («Союз»). Ее лидеры — О. Каджазнуни, А. Оганжанян.

Все эти партии выступали против Октябрьской революции, отказывались вести любые переговоры с Советской Россией.

Никаких крупных социально-экономических преобразований в этих республиках Закавказья не проводилось. Так, например, в Армении к 1920 году валовая продукция промышленности уменьшилась в 12 раз, а сельского хозяйства — в 6 раз. Медная промышленность была разорена. Значительная часть виноградников погибла. Аналогичное положение было в Грузии и Азербайджане. Повсеместно был голод. Обстановка Осложнялась

тем, что там обретались с 1918 года либо турецкие, либо германские, либо английские войска. Нашли здесь себе пристанище и белогвардейцы. Все это протекало на фоне Огромной националистической пропаганды внутри каждой республики и сопровождалось национальными вооруженными конфликтами между республиками. Например, армяно-азербайджанский в конце 1919 — начале 1920 года, армяно-грузинский 1918 года. В связи с этим недовольство населения существующими политическими режимами росло. В Грузии стали беспрерывными вооруженные выступления крестьян против помещиков, в Армении первомайские демонстрации рабочих и молодежи в 1920 году повсеместно прошли под лозунгами: «Долой Дашнакцутюн!», «Да здравствует Советская Армения!». В Азербайджане летом 1919 года в Баку прошли мощные манифестации рабочих и молодежи под лозунгами «Долой английское командование!», «Смерть Деникину!»

Рост недовольства трудящихся масс существующими в Закавказье режимами служил хорошей питательной средой для усиления роли большевистских организаций региона. С февраля 1918 года в Баку и Тифлисе на нелегальном положении существовали бюро (комитеты) партии большевиков, в начале февраля 1920 года состоялся I-й съезд коммунистических организаций Азербайджана. Он образовал АКП(б), объединявшую свыше 4000 коммунистов. Такую же численность в начале 1920 года большевики имели в подполье и в Грузии. Намного меньше — 1200 человек — в Армении.

Наиболее сильны позиции большевиков были в Азербайджане и Грузии. Это объясняется тем, что многие из них принимали участие в революционной борьбе задолго до 1917 года, а после него, особенно в условиях гражданской войны, поддерживали постоянные тесные контакты с Советской Россией. Эта связь осуществлялась через Астрахань, и, как я уже писала ранее, непосредственно отвечал за нее Сергей Миронович Киров.

В Астрахани в военных госпиталях в 1919 году длительное время работали врачами Нариман Нариманов, член партии с 1905 года; Газанфар Мусабеков, член партии с 1918 года, оба они принадлежали к руководству партии «Гуммет», а Нариманов был даже ее председателем. Неоднократно бывали в Астрахани в 1919 году те, кто занимался подпольной работой в Закавказье, доставлял туда оружие, деньги, директивы ЦК. Среди них: Гегечкори Алексей Александрович, член партии с 1907 года, легендарный Камо, о котором Ленин писал, что знает его «…*как человека совершенно исключительной преданности, отваги и энергии*»[126], Амаяк Назаретян, Борис Шеболдаев, Ефрем Эшба,

Сергей Кавтарадзе, Байрам Байратов, Буниатзаде и многие другие. С ними и многими другими революционными деятелями Северного Кавказа и Закавказья Киров был связан лично, и через него ЦК РКП(б) систематически направлял деятельность коммунистов Закавказья.

Телеграммы за подписью Кирова, направленные в Кавказский краевой комитет Российской Коммунистической партии, наглядно подтверждают это. *«В Ваше распоряжение командируется член Астраханской Организации коммунистов тов. Семен Бабян, которому поручаю вывоз нефтетоплива из Баку, используя для этого пароходы, которые будут направляться в Астрахань за беженцами… Специально для вывоза нефтетоплива Вам выслано 3 млн. руб…. не смущайтесь денежными расходами».* В другой депеше в тот же адрес он сообщает: *«Предъявитель сего тов. Толкачев, член нашей партии, командируется в Баку для очень ответственной работы. Необходимо оказывать ему содействие по части конспирации».* Палитра кировской деятельности по координации подполья была широка. *«С предъявителем сего т. Габинским пересылаем три млн. руб. Означенная сумма согласно постановления реввоенсовета XI армии и непосредственного распоряжения члена РВС тов. Кирова предназначается для Северо-Кавказских и Дагестанских повстанческих отрядов».* Передана секретарем Кирова — М. Шатровым.

На бланке командующего Астраханско-Каспийской военной флотилией Кирову направляет специальное послание, написанное собственноручно, Федор Раскольников: *«Дорогой т. Киров! Предъявитель серо тов. Полупанов, бывший командующий Днепровской военной флотилией, командируется в Баку для объединения и общего руководства нашей работой в рядах белогвардейского флота. Тов. Полупанов будет находиться в Баку, где ему надлежит создать небольшой штаб и на него будет возложено отправление надежных товарищей в Петровск для дезорганизации белогвардейского флота… Очень прошу Вас не отказать в распоряжении выдать тов. Полупанову и 20 товарищам, едущим вместе с ним, „благонадежные" паспорта, а также оказать содействие в организации отъезда»*[127].

Все эти документы публикуются впервые. Можно было бы привести их еще много, но думается, в этом нет необходимости, ибо данные бумаги должны удовлетворить самых сомневающихся в том, что к концу 1919 года роль Кирова во всей деятельности партии большевиков на Кавказе и в Закавказье была весьма значительна и крайне разнообразна.

Советское Правительство еще осенью 1919 года и в начале 1920 года неоднократно обращалось к правительствам Грузии и

Азербайджана заключить договор о совместных действиях против армии Деникина, но всякий раз его предложения отклонялись. После установления советской власти на Северном Кавказе весной 1920 года правительства Азербайджана и Грузии сами инициировали вопрос о заключении договоров с РСФСР. Но ситуация изменилась. Теперь уже Москва затягивала ведение переговоров, тем более что революционное движение внутри закавказских республик нарастало.

В марте 1920 года Ленин писал Орджоникидзе: *«Взять Баку нам крайне, крайне необходимо. Все усилия направьте на это, причем обязательно в заявлениях быть сугубо дипломатичным и удостовериться максимально в подготовке твердой местной Советской власти. То же относится к Грузии, хотя к ней относиться советую еще более осторожно»*[128].

Ленин также сообщал Орджоникидзе, что Совнарком России выделил для оказания помощи горцам 200 млн. рублей, которые доставит Нариманов[129]. Эта телеграмма Ленина датирована 15 марта. Но по каким-то причинам отъезд Нариманова в Азербайджан задерживался.

23 апреля Орджоникидзе в телеграмме Георгию Васильевичу Чичерину одобрял действия Москвы по затягиванию переговоров с Азербайджаном. Характеризуя обстановку там, он писал: *«не исключена возможность бескровного нашего вхождения в Баку и объявления советским. Нариманов очень и очень нужен в Баку. Убедительно прошу Вас завтра же выслать его к нам!»*[130].

За два дня до этого Орджоникидзе и Тухачевский отдали приказ о наступлении на Баку и советизации Азербайджана. 23 апреля командующий 11-й Красной Армии получил приказ: *«Конечной целью 11 армии считать не овладение Бакинской губернией, а овладение всей территорией Азербайджана»*[131].

Командующим 11-й Красной Армии с марта 1920 года стал Михаил Карпович Левандовский, участник Первой мировой войны, штабс-капитан царской армии, бывший эсер-максималист. Членом реввоенсовета армии по-прежнему оставался Киров. Между тем мусаватистское правительство Азербайджана в марте 1920 года вступило в войну с Арменией, вызвав своими действиями крайнее недовольство не только рабочих и крестьян, но и части своей армии. 27 апреля 1920 года в Баку началось восстание народа, поддержанное значительной частью бакинского военного гарнизона. Его возглавил Азербайджанский революционный комитет, председателем которого являлся уже прибывший в Баку Н. Нариманов, членами — Буниатзаде, Гусейнов, Мусабеков и др. ВРК Азербайджана обратился к Советской России с заявлением: *«Не имея возможности*

собственными силами удержать натиск соединенных банд внешней и внутренней контрреволюции. Временный революционный комитет Азербайджана предлагает правительству Российской Советской Республики вступить в братский союз для совместной борьбы с мировым империализмом и просит немедленно оказать реальную помощь путем присылки отрядов Красной Армии»[132].

Телеграмма ВРК была подписана Нариманов и Микояном. В тот же день Киров от имени реввоенсовета 11-й Красной Армии телеграфировал им, что помощь будет оказана[133].

Рано утром 28 апреля в Баку вошли советские бронепоезда, которыми командовал М. Г. Ефремов. 30 апреля 1920 года в 9 часов 33 минуты Смилга и Трифонов направили в Москву на имя предсовнаркома Ленина, предреввоенсовета Л. Д. Троцкого, главкома С. С. Каменева, в редакцию «Правды» следующее сообщение: *«В ночь с 27 на 28 власть в Баку перешла к Азербайджанскому ревкому. Провозглашена Советская власть. Согласно просьбы Азербайджанского правительства наши бронепоезда вошли в Баку. Объединенными силами обоих республик, надеемся отстоять сокровища нефти от разбойников союзного империализма. Приветствуем русских рабочих и крестьян еще одной советской республикой».*

А через несколько дней в город вступили основные силы 11-й Красной Армии под командованием Левандовского. Вместе с ним прибыли Орджоникидзе и Киров[134].

4 мая за их подписью в адрес Ленина была отправлена шифротелеграмма, которая подробно излагала ход борьбы за советскую власть в Азербайджане. В ней подчеркивалось: *«Войска наши шли без всякого сопротивления… **Энтузиазм населения, особенно мусульман и рабочих, не поддается никакому описанию, может быть сравнен только с Октябрьским в Петербурге, с той разницей, что здесь не было никаких столкновений. Всюду полный порядок*** (выделено мной. — *А.К.) …С Грузией будет то же, что и с Азербайджаном в самое ближайшее время. С Грузией никаких разговоров не ведите. Необходимо Ваше приветствие Азербайджану и признание его в общей форме… Опыт требует снабжения нас полномочиями Совнаркома для всего Кавказа и далее. Снабдите нас по радио или пришлите кого другого, но немедленно. Нариманову таких полномочий не давайте»*[135].

5 мая 1920 года Ленин направил в Баку телеграмму: *«Совнарком приветствует освобождение трудовых масс независимой Азербайджанской республики и выражает твердую уверенность, что под руководством своего Советского правительства независимая республика Азербайджан совместно с*

РСФСР отстоит свою свободу и независимость от заклятого врага угнетенных народов Востока — от империализма»[136].

В Азербайджане был сформирован Совет народных комиссаров. Его председателем назначен Нариманов. Выступая перед азербайджанскими коммунистами в Баку, С. М. Киров выдвинул ближайшую программу их действий: передача земли трудовому народу без всякого выкупа, затем — удар по частному капиталу. Все, чем богат сейчас Азербайджан, — говорил он, — должно быть поставлено на службу рабоче-крестьянской советской власти.

Приведенные мною документы являются документами тех лет, отражением настроений народа Азербайджана, личных отношений, царивших среди кавказских большевиков. На фоне этих документов по меньшей мере странным выглядит стремление некоторых сегодняшних историков в угоду политической конъюнктуре переоценить действия руководителей 11-й Красной Армии, игнорировать сам факт, что в то время имели место просьбы трудящихся Закавказья о помощи, их ликование в связи со свержением мусаватистов в Азербайджане. При этом игнорируется и то, что подавляющее большинство народа испытывало фактически тройной гнет: англичан, турок, собственной буржуазии, беков и ханов. Уже 5 мая в Азербайджане был принят декрет о национализации земли и конфискации всех бекско-ханских угодий, а 24 мая — о национализации нефтяной и вообще крупной промышленности.

И уже совсем недопустимым является искажение исторических фактов. Так, Н. А. Ефимов пишет: *«…Киров указывал: „И если оно (*красное знамя. *— А.К.) позовет вас сегодня пролить еще новые потоки крови врагов рабочего класса, то сделайте это!" Практическим воплощением в действительность этого призыва служило подавление антисоветских восстаний местном населения, в частности восстания в Елисаветполе (Гяндже), где от рук большевиков в 1920 г. погибли многие тысячи повстанцев, а сам город, очевидно, за особые заслуги Кирова в подавлении этого восстания, в 1935 г. был переименован в Кировабад»*[137]. Ссылка дается автором на Мельгунова, а последний даже называет цифру в 40 тыс. расстрелянных[138].

Прежде всего надо все-таки учитывать, что в Гяндже мусаватисты всегда находили пристанище. Сюда бежала большая их часть после советизации Азербайджана. Вместе с ними здесь нашли приют и те турецкие войска, которые подчинялись бывшему командующему всей армии Турции Нури-паше. Общая численность восставших в Гяндже 25 мая — 12 тыс. человек. Если допустить, что все они были расстреляны при подавлении

мятежа, то все равно это только 12 тыс., а не 40, как пишет Мельгунов. Кроме того, следует помнить, что там в течение почти 6 дней шли бои, в ходе которых были жертвы с обеих сторон, конечно и среди восставших. Но сколько именно их погибло, мы сказать сегодня не можем. К сожалению, цифры потерь как белых, так и красных неизвестны.

Что касается высказывания Кирова, то, как говорят военные, оно имело место. Но думаю, вряд ли стоит видеть в этой метафоре, часто используемой политиками в митинговых речах, да еще и произнесенной в ситуации жестокого военного противостояния, признаки «большевистской кровожадности» Кирова…

Антисоветские мятежи в Азербайджане действительно были: в начале июня — в Карабахе, немного позднее — в Закатальском, Кубинском уездах и, наконец, в мае — в Гяндже. Вопрос только в том, какое отношение имел Киров ко всем этим мятежам, в том числе в Гяндже. Киров не владел ни одним из языков народов, населяющих Азербайджан, и использовать свое, несомненно, присущее ему ораторское искусство, не мог. Подавляющая часть населения республики была неграмотна и владела только тюркским языком. **А самое главное, что в начале второй декады мая, не позднее 15-го, Киров отзывается в Москву, а восстание в Гяндже началось 25 мая и было подавлено 31 мая. Киров в это время был в Москве.** Поэтому участвовать в подавлении восстаний в Гяндже и уездах Азербайджана он просто физически не мог. Более того, находясь в Баку в начале мая 1920 года, Киров в основном занимался транспортировкой нефти в центральные регионы страны. Только за первые три дня его пребывания в городе отсюда было направлено в Астрахань более 1200 тыс. пудов нефтепродуктов. С одним из таких транспортов уехал в Москву и Киров.

Дело в том, что к этому времени серьезные социальные потрясения охватили Грузию. Еще в марте 1920 года, имея информацию о положении в Грузии, Киров сообщал в специальной телеграмме, направленной в ЦК партии и наркоминдел Чичерину: «…*после подавления восстания в Грузии, гонения на большевиков продолжаются, арестовано свыше 1000 человек, расстреляно* [свыше] *трехсот, активных работников не осталось*»[139].

Информация о положении в Грузии поступала к Кирову, по всей видимости, регулярно, так как буквально через несколько дней он посылает новую депешу: *«Вне всякой очереди. Москва, предсовнаркома Ленину, копия ЦК Стасовой …* [в] *Тифлисе арестован тов. Камо. Условия ареста неизвестны, но сообщают,*

что арест находится [в] *связи* [с] *последним восстанием. Арестованными переполнены все тюрьмы и участки. Правительство действует по указке англичан»*[140].

По-видимому, Сергей Миронович ошибался в оценке состояния революционного движения в республике. В апреле 1920 года там вновь вспыхнуло восстание против меньшевистского правительства Ноя Жордания. Оно было поддержано многими революционно настроенными партиями, в том числе и большевиками Грузии. Но, как и предыдущие, оно было подавлено. Около 2000 человек было арестовано. Среди них оказались такие известные на Кавказе деятели, как Камо, Сергей Кавтарадзе, Ефрем Эшба и другие.

Орджоникидзе, имея информацию об арестах грузинских коммунистов, ошибочно оценивал ситуацию, сложившуюся в Грузии, и считал возможным вступление 11-й Красной Армии после Азербайджана в Грузию. В телеграммах на имя Ленина и Сталина от 4 мая он писал: «…*события развертываются так, что не позже двенадцатого надеемся быть в Тифлисе, для этого все сделано. Пройдем блестяще. Иное разрешение вопроса вызовет ужасное избиение повстанцев»*[141].

Эту же идею Орджоникидзе высказал и позже: *«…получается впечатление, что мы, христиане, покорили Азербайджан, оставили Грузию и Армению в стороне. У нас все было подготовлено: 9 перешли бы (*границу. *— А.К.) и 11, 12-го (*мая. *— А.К.) были бы в Тифлисе. Но ничего не поделаешь. Имейте в виду раз отданные распоряжения, вам нет необходимости [*повторять*], я его выполню, каковы не были мои взгляды»*[142].

Точку зрения Орджоникидзе разделял и Киров. Однако, в связи с событиями на польском фронте, Совнарком РСФСР, ЦК РКП(б) склонялись к заключению временного мирного соглашения с Грузией, тем более что меньшевистское руководство Грузии запустило на Запад дезинформацию о том, что якобы войска Азербайджана перешли грузинскую границу и занимают грузинские села. Замечу, что позиция Ленина и Сталина в оценке заявлений Орджоникидзе, а следовательно и Кирова, была единой. 5 мая 1920 года Ленин и Сталин телеграфировали Орджоникидзе: *«…ЦК обязывает Вас отвести части от пределов Грузии к границе и воздержаться от наступления на Грузию. После переговоров с Тифлисом ясно, что мир с Грузией не исключен»*[143].

Напуганные установлением Советской власти в Азербайджане, грузинские меньшевики пошли на переговоры. Между Советской Россией и Грузией 7 мая 1920 года был заключен мирный договор. По его условиям правительство

Грузии брало на себя обязательства: очистить территорию Грузии от иностранных и белогвардейских формирований, запретить деятельность организаций и лиц, выступающих против Советской России, амнистировать участников антименьшевистских выступлений, разрешить легальное существование коммунистической партии Грузии. В свою очередь, Советская Россия обещала не вмешиваться во внутренние дела Грузии, отказывалась от продажи оружия грузинским повстанцам.

Дипломатическая деятельность Кирова в Грузии изучена недостаточно. Расширение доступа к различным архивам, изучение их документов позволило несколько расширить наше представление об этой стороне жизни Кирова. Между тем, начиная с середины мая 1920 года. Сергея Мироновича готовят для работы полпредом в Грузии. С ним беседуют сотрудники наркомата иностранных дел, в том числе и Чичерин, соответствующие службы Всероссийской Чрезвычайной Комиссии, работники аппарата Центрального Комитету партии, в частности Е. Д. Стасова. 29 мая он получает соответствующие дипломатические документы, а два дня спустя, то есть 31 мая состоялась личная встреча Кирова с Лениным, где обсуждался вопрос о предстоящей работе первого в Тифлисе[144].

Обращает на себя внимание следующее. В эти годы у Кирова устанавливается рабочий контакт с Лениным. Можно вполне определенно сказать о четырех личных длительных беседах между ними. Перед поездкой в Грузию, по возвращении из нее, перед отъездом в Ригу, где проходили советско-польские переговоры, и после возвращения оттуда. Более того, имеются письма Кирова к Ленину из Грузии. В них он сообщает: «*Ваши заветы исполню в точности*». Наряду с этим в письмах дается анализ обстановки в Грузии.

И все же главным адресатом Кирова является Елена Дмитриевна Стасова. Именно ей он пишет длинные письма, в которых информирует о дальнейших шагах, предпринимаемых посольством РСФСР в Грузии.

Более того, ряд телеграмм, посланных Кировым в Москву, содержат два адреса («Председателю Совнаркома Ленину, копия — в ЦК — Стасовой»), По всей видимости, Киров видел в Ленине человека, стоявшего на вершине власти, возможно считал, что ни к чему лишний раз мозолить ему глаза, справедливо полагая, что Стасова извлечет писем всю нужную Ленину информацию и передаст по назначению.

А информировать было о чем.

Условия мирного договора постоянно нарушались обеими сторонами. Полпред РСФСР в Грузии частенько выступал с

балкона здания полпредства с пропагандой идей социалистической революции, а грузинское меньшевистское правительство продолжало репрессировать коммунистов, закрывать их газеты.

В связи с этим шел интенсивный обмен письмами между полномочным представителем РСФСР в Грузии Кировым и министром иностранных дел Грузии. Так, в письме на имя господина министра иностранных дел Грузии от 27 июля 1920 года Киров писал: *«…Я и мое правительство неоднократно делали Вам и Вашему Правительству соответствующие заверения в гарантии того, что Советской правительство стоит и будет стоять твердо на почве соблюдения мирного договора. Лучшим доказательством этого является хотя бы то, что войска РСФСР, расположенные в пределах Северного Кавказа, значительно сокращены в своем количестве, а X армия, стоящая в Терской области, совершенно расформирована.*

Между тем, войска Вашего правительства продолжают занимать прежние позиции, в настоящее время, ими занята нейтральная зона, определенная статьей „3“ пункт 2 и 3 Российско-грузинского договора от 7-го мая с. г. …»[145]

В другом письме от 2 августа 1920 года Киров писал: *«После подавления войсками Вашего правительства восстания в Южной Осетии, Горийском и Рачинском уездах, в пределы Терской области стихийно двинулась десятитысячная масса Южной Осетии, которая компактными группами расплылась по Северной Осетии, обостряя ее продовольственное и санитарное положение.*

По полученным мною сведениям, вслед за этой волной южных осетин продолжают двигаться все новые и новые группы, ищущие временного пристанища в пределах Терской области.

Как оказывается, это идут не беженцы, а выселенцы из Южной Осетии, которые агентами Вашего Правительства и войсковыми частями ставятся в такое положение, что вынуждены уйти из насиженных мест…»[146]

Обращаясь с подобным посланием к правительству Грузии, Киров опирался на срочную военную телеграмму, полученную из Южной Осетии. Она адресовалась: Тифлис. Советская миссия тов. Кирову. Копия: Москва, тов. Ленину и Чичерину. Ее текст гласил: *«Красные повстанцы Южной Осетии, оставшись без патронов, вынуждены были отступить вместе с частью мирных жителей, женщин и детей, до двадцати тысяч человек, в Советскую Терскую область. Огромная же масса осталась в лесах Южной Осетии. Меньшевистские банды правительства Жордания и К° преследуют и истребляют их. Села и деревни, где была провозглашена Советская власть, сожжены.*

Просим товарища Кирова принять срочные меры к ограждению граждан Советской Южной Осетии от преследования и истребления»[147].

Деятельность полпредства РСФСР в Грузии протекала в довольно сложных условиях. В письме к Ленину в июле 1920 года Киров сообщал: *«…до сих пор не изжиты еще самые уродливые формы проявления к нам совершенно своеобразного внимания со стороны агентов грузинского правительства. Эта невероятная „бдительность" привела к тому, что даже такие невинные органы наши, как представительство Наркомвнешторга, оказались не в состоянии вести какую бы то ни было работу: всякий, выходящий из помещения представителя Наркомвнешторга, подвергался задержанию или аресту, или высылке за пределы Грузии…»*

Дипломатическая деятельность Кирова получила одобрение Ленина и наркома иностранных дел Чичерина. Он был включен в состав делегации РСФСР для ведения мирных переговоров с Польшей.

Некоторые авторы приписывали Кирову роль руководителя советской делегации на польско-советских переговорах, проходивших в Риге в сентябре 1920 года. Но сам Киров в автобиографии, написанной им для энциклопедического словаря «Гранат», писал: *«…через некоторое время* (после возвращения из Грузии. — *А.К.) включен в Рижскую делегацию для переговоров с Польшей»*[148].

Между тем Кавказское бюро ЦК РКП(б) настаивало на возвращении Сергея Мироновича для работы на Северном Кавказе. 1 октября года Оргбюро ЦК РКП(б) постановило: *«Признать желательным возвращение Кирова в Терскую область с рекомендацией на пост председателя облревкома. Снестись с Чичериным по вопросу об ускорении его возвращения из Риги».*

30 октября того же года пленум Кавказского бюро ЦК РКП(б) постановил: *«Оставить Кирова руководителем партийной и политической ты на Тереке».*

17 ноября 1920 года Киров участвует в работе съезда народов Терской области. Была принята Декларация об образовании Горской Автономной Советской социалистической республики. Народы Северного Кавказа вошли в состав РСФСР.

Вскоре были разгромлены остатки белых и в Закавказье. В ноябре года установилась советская власть в Армении, о чем Кирову сообщили 30 ноября специальной телеграммой из Еревана.

В феврале 1921 года поднялось восстание трудящихся масс в Грузии. Образованный ими военно-революционный комитет обратился за помощью к Советской России. Из Баку на Тифлис

двинулась 11-я армия, в которой находился председатель Кавказского бюро ЦК РКП(б) Орджоникидзе.

Для скорейшего оказания помощи восставшим Киров предложил войск провести через Мамисонский перевал, считавшийся зимой непроходимым. Сергей Миронович немало сделал для подготовки этого перехода. Он встречался с горцами, беседовал в аулах со стариками, нашел хороших проводников. Один из участников перехода вспоминал: *«Зима была на редкость снежная и суровая. Старожилы, встречавшиеся пути, пророчили нам неминуемую гибель».* Но Киров верил проводникам, считавшим переход возможным.

Блестяще организовав переход части 11-й армии через Мамисонский перевал, Киров способствовал победе советской власти в Грузии. 2 марта 1921 года «Правда» сообщила: *«Пролетарский флаг реет над Тифлисом».*

К сожалению, сам Киров не смог принять участие в этом переходе, предстояла новая дорога — в Москву. От Терской областной организации РКП(б) Сергея Мироновича избирают делегатом на X съезд. Здесь его выбирают кандидатом в члены ЦК РКП(б).

Киров, несомненно, вызывал у Ленина доверие, ибо когда летом в Азербайджане сложилась тревожная обстановка, а действия бакинских руководителей оставались неуверенными, ЦК РКП(б) послал туда первым секретарем ЦК КП Азербайджана С. М. Кирова. При обсуждении его кандидатуры в ЦК РКП(б) он получил поддержку Стасовой, Орджоникидзе, Ленина и, конечно, Сталина.

Главный вопрос, который требовал в Азербайджане незамедлительного решения, — возрождение нефтяной промышленности.

На знаменитых нефтепромыслах Баку добыча нефти едва составляла 30 % довоенного уровня. Численность рабочих-нефтяников сократилась более чем вдвое. Ученые предупреждали, что если не наладить ее откачку, то промыслы могут погибнуть и страна останется без жидкого топлива.

По распоряжению Ленина ВСНХ послал в Баку компетентную комиссию для обследования состояния отрасли. Ее возглавил известный ученый, академик Иван Михайлович Губкин, а в состав вошли Лев Борисович Красин (нарком внешней торговли, полпред и торгпред в Англии и Франции), Александр Павлович Серебровский (заместитель председателя ВСНХ, председатель «Азнефти») и другие.

Бакинская нефть — это был не только внутренний вопрос советской страны. Иностранные компании не теряли надежды

вернуть принадлежавшие им до революции нефтяные промыслы. На Генуэзской конференции Запад одним из условий предоставления кредитов выдвинул возвращение промыслов прежним владельцам. Однако советская делегация отвергла это условие.

Комиссия ВСНХ признала состояние нефтяных промыслов катастрофическим: не хватало оборудования, машин, спецодежды, рабочие обитали в жалких лачугах, совершенно непригодных для жилья.

Иван Дмитриевич Орахелашвили впоследствии вспоминал: *«День Сергея Мироновича начинался с того, что к нему приходил первый советский директор бакинских промыслов А. П. Серебровский… Тут же комната Мироныча превращалась в штаб хозяйственного руководства… Приходилось поднимать нефтяную промышленность… без механизмов, без средств, без людей.*

День Кирова продолжался на промыслах, в рабочих кварталах. Вечер проходил в совещаниях, в переговорах по прямому проводу с центром, с тов. Орджоникидзе».

Привлечение большой труппы ученых во главе с академиком Губкиным, внедрение новых конструкций и технологий на нефтепромыслах, энтузиазм трудящихся позволили постоянно наращивать добычу «жидкого золота». Уже в 1926 году Советское правительство принимает решение о строительстве нефтепровода от Баку к Черному морю. Это было важным событием в развитии нефтяной промышленности Советского Союза.

При непосредственном участии Кирова решались в Азербайджане вопросы развития культуры, образования, развернулось жилищное строительство, благоустройство рабочих поселков, открывались школы.

Уже неоднократно цитируемый мной Н. А. Ефимов с иронией пишет: *«Пятилетие после гражданской войны Киров провел в Баку, будучи с июля 1921 г. секретарем ЦК Компартии Азербайджана. Видное место в цельности в эти годы, естественно, занимала „борьба за нефть". В условиях восточного чинопочитания и лести Мария Львовна чувствовала себя в Баку, как обожаемая супруга всевластного наместника»*[149].

Как-то не по-мужски, не по-джентльменски так писать о Марии Львовне, так как это был невластный, мягкий, добрый, отзывчивый человек, к тому же работающий в комиссии по работе с беспризорниками. Ну а что касается нефти, то, к великому, кажется, огорчению Ефимова, Киров действительно боролся за увеличение ее добычи, бывал на нефтепромыслах почти ежедневно и даже участвовал в апреле 1922 года в тушении

знаменитого пожара на Сураханских нефтяных промыслах в Баку.

И «наместником центра», увы, он не был, так как колоссальную роль в Азербайджане играл Нариман Наджавович Нариманов, коренной азербайджанец, врач по образованию.

Не были простыми и национальные отношения в Азербайджане. Киров хорошо понимал это и старался предотвратить возникновение конфликтов на национальной почве. *«В ЦК,* — писал он секретарю Ленкоранского укома[150], — *поступили сведения о том, что будто бы у Вас в Ленкоранской организации не совсем благополучно обстоят дела в том отношении, что не совсем нормальны взаимоотношения между тюркской и русской частью организации… Надо выяснить корни этого явления и устранить их…»*[151]

Прекрасно улавливая политическую ситуацию, Киров немало сделал для преодоления негативных явлений в национальных отношениях многонационального региона. А их было немало: национальная и резная рознь создавали атмосферу недоверия народов друг к другу, разжигали чувство национального эгоизма; пестрота в уровне экономического развития отдельных районов влияла на национальные отношения, осложняла работу партийных и советских учреждений. Негативные явления в национальных отношениях, обычаи кровной мести широко использовались теми, кто был недоволен установлением советской власти. То в одном, то в другом регионе Кавказа вспыхивали восстания, в основе которых лежали национальные отношения.

РКП(б), ее ЦК считали, что для быстрейшей ликвидации всяких межнациональных трений и превращения района Кавказа в «образец национального мира» необходимо идти по линии хозяйственного сближения. Кавказское бюро ЦК РКП(б), разделяя позицию ЦК, признало необходимым заключить между кавказскими республиками добровольные Конвенции о единой военной, торговой, хозяйственной и финансовой политике и создать Закавказскую федерацию, объединяющую Азербайджан, Армению и Грузию.

Между тем среди политических лидеров полного единства по этому вопросу не было. Мдивани, Думбадзе, Кавтарадзе, Окуджава, Цинцадзе в Грузии, Ахундов, Гусейнов, Ханбудагов в Азербайджане выступали против создания Закавказской федерации, считая важным сохранение в каждой республике своей армии, валюты, свободы внешней торговли, определенной партийной автономии. Все они критиковали Кавказское бюро ЦК РКП(б).

Представляет определенный интерес позиция Кирова по

данному вопросу. Считая в целом правильной позицию Кавбюро ЦК по созданию федерации, он выражал сомнение в правильности проводимой им тактической линии: навешивание ярлыков «националистов» ряду ответственных работников, отсутствие гибкой линии по отношению к каждой отдельной республике, игнорирование сложных национальных и социальных условий. Об этом свидетельствует впервые публикуемый документ. Это письмо Кирова секретарю ЦК РКП(б). Оно датировано 4 февраля 1922 года. Интересно, что письмо идет не от секретаря ЦК компартии Азербайджана, а от члена РКП — Кирова.

В связи с обширностью документа позволю привести его в сокращенном виде:

«…За последнее время на Кавказе ярко заметно такое явление: почти во всех городах и областях Северного Кавказа и Азербайджана развивается усиленная агитация против партийных ц советских работников, особенно ответственных… Многим работникам приписываются самые разнообразные, невероятные деяния, ничем решительно необоснованные. Сейчас она направлена, главным образом, против грузин — Орджоникидзе, Квиркелия (председатель Терского исполкома), Ладо Думбадзе, Сергея Кавтарадзе и других товарищей. Их обвиняют в национализме, ориентации на казаков, в то время как нашим оплотом на Северном Кавказе являются горцы.

В связи с этим на Кавказе тяжелая атмосфера и развитие указанного явления может поставить нашу работу на Кавказе под серьезную угрозу. Достаточно изучив нравы Кавказа в течение 10 лет, я утверждаю, что в основе этой агитации лежат: 1) работа буржуазной контрреволюции, направленная на разложение нашей партии. В условиях кавказского многообразия условий и сложной национальной обстановки этот прием всегда имел успех. 2) засоренность нашей партии негодными элементами, поддающимися всякому влиянию… На Кавказе ответственные работники подвергались не только травле, но и убийству из-за угла. Буачидзе (Владикавказ), Сахаров (Нальчик) и другие.

В связи с военным положением указанное явление несомненно должно усилиться… Горцы легко поддаются на провокацию, особенно там, где есть национальный вопрос.

Член РКП С. Киров»[152].

Как видно из документа, у Кирова была своя особая позиция по национальному вопросу на Кавказе. Она сводилась к тому, что не следует его раздувать, а тем более подвергать незаслуженной травле как тех, кто выступает против объединения в федерацию (Кавтарадзе, Думбадзе), так и тех, кто является ее сторонником (Орджоникидзе).

Одним из острейших вопросов на Кавказе был горный Карабах, на который претендовали как Армения, так и Азербайджан. Еще будучи полпредом в Грузии в 1920 году, Киров в переписке с Орджоникидзе отмечает: *«Москва занята армяно-азербайджанским вопросом… Чичерин сообщает, что армянская делегация готова признать спорным Карабах и Зангезир, но категорически настаивает признать за Арменией Нахичеванский уезд, Ордибад, Джульфу, Шаруро-Даралагезский уезд».* Далее Киров сообщает, что Азербайджан *«склонен уступить последний, но не больше».*

Проблема горного Карабаха была предметом острой дискуссии и в 1921 году. Рассмотрением ее занималось неоднократно Кавказское бюро ЦК РКП(б). Позиция Кирова как первого секретаря ЦК компартии Азербайджана по горному Карабаху неоднозначна. 4 июля 1921 года Кавбюро ЦК рассматривало карабахский вопрос. Присутствовали при этом от ЦК РКП(б) — Сталин, от Кавбюро ЦК — Орджоникидзе, Махарадзе, Мясников, Нариманов, Киров, Орахелашвили, Фигатнер, Назаретян. При обсуждении вопроса выявилось две точки зрения. Одна — оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджана. За нее голосовали Нариманов, Махарадзе, Назаретян. Другая — включить Нагорный Карабах в состав Армении. За нее высказались Орджоникидзе, Мясников, Фигатнер, Киров. При обсуждении карабахского вопроса возникло решение провести плебисцит среди населения Нагорного Карабаха о его отношении к вхождению в ту или иную республику. Представляет интерес голосование по плебисциту. За то, чтобы в плебисците приняло участие все население Карабаха, голосовали только Нариманов и Махарадзе. За участие в плебисците только армян подали свои голоса Орджоникидзе, Мясников, Назаретян, Фигатнер и Киров.

Как видим, позиция Председателя Совнаркома Азербайджана (Нариманова) и первого секретаря ЦК компартии Азербайджана (Кирова) по Горному Карабаху существенно различалась. Но уже 5 июля при втором рассмотрении этого же вопроса на заседании Кавказского бюро ЦК РКП(б) с тем же составом его участников было принято иное решение.

Исходя из необходимости национального мира между мусульманами армянами, экономических связей верхнего и нижнего Карабаха, постоянных связей с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджана, предоставив ему широкую автономию. За это пение проголосовало четыре человека, трое воздержались. К сожалению, персональной расшифровки голосовавших нет. Также не известны

причины вторичного рассмотрения этого вопроса. Можно высказать только предположение, что за спиной Орджоникидзе и Назаретяна, возбуждавших вопрос о пересмотре постановления Кавбюро ЦК РКП(б) от 4 июля, стоял Сталин[153].

Была создана специальная комиссия, которая вела переговоры с руководством Армении и Азербайджана о границах в Карабахе. Здесь позиция Кирова четко, отражена в телеграмме в Баку на имя Нариманова от 26 июля 1921 года: *«…ни одно армянское село не должно быть присоединено к Азербайджану, равно как ни одно мусульманское село нельзя присоединить к Армении».*

Но уже 30 июля 1922 года Киров информирует телеграммой ЦК РКП(б): *«Территория Карабаха входит в состав Азербайджана и парторганизация является частью АКП* [Азербайджанской Коммунистической партии]»[154].

Еще более осторожную позицию Киров занимает в связи с восстанием калмыков в 1922 году. В район восстания он выезжал для расследования причин его возникновения. Замечу, что поездка Сергея Мироновича была вызвана личной просьбой Сталина. Имеется ряд документов, написанных и подписанных лично Кировым. Приведу лишь некоторые из них. Все они публикуются впервые.

«Шифротелеграмма из Баку.

29. VI.1922. в 15.45.

Москва. ЦК РКП. Сталину.

Поручение ЦК от 24 мая мною получено и принято на месте ряд мер к оздоровлению Астраханской организации. Необходимо ускорить приезд в Астрахань Сергеева и Моисеева — членов Контрольной Комиссии по назначению ЦКК… Дальнейших отзывов из Астрахани, полагаю, производить не следует… Необходимо поддержать Астраханскую организацию. В губкоме нет заведующих отделами, особенно необходимо двух коммунистов — татар, желательно казанских. За отсутствием ответственных коммунистов — татар и калмыков, нет совершенно работы среди мусульман, которых в губернии 40 процентов. Подробный доклад почтой».

В другой шифротелеграмме, адресованной Сталину, Киров считает важным перенести работу исполкома и обкома Калмыцкой области из Астрахани в глубь области — в Илисту[155], иначе область будет прозябать, а власть будет вдали от населения[156].

Эти же взгляды Киров излагает и в обширной записке, адресованной ЦК РКП(б) 11 июля 1922 года.

Киров поддерживал идею создания Закавказской федерации

на условиях равноправного объединения всех республик, считал важным не перегибать палку в национальных отношениях. На XII съезде РКП(б) и на совещаниях в ЦК РКП(б) по национальному вопросу Киров голосовал за позицию Ленина. Лояльная политика, проводимая Кировым в национальном вопросе, позволила ему сохранить хорошие отношения как с Кавтарадзе, Мдивани, Думбадзе, так и с Орджоникидзе.

Его друзьями также стали многие сыны Азербайджана. Среди них: Нариман Нариманов, Гамид Султанов, Султан Эфендиев, Леон Мирзоян, Газанфар Мусабеков. Переписка с ними продолжалась у Кирова после его отъезда в Баку.

В Центральном партийном архиве хранится большое число писем к Кирову — его приятелей, товарищей, друзей из Азербайджана. Приведем только два.

Одно от Александра Павловича Серебровского:

«Дорогой Сергей Миронович!

Твое письмо от 30/IV-26 я получил только теперь. Прочитали мы его с М. В. Бариновым и шлем тебе маленькие записочки. Я много не пишу, потому что недавно виделся с тобой в Ленинграде, зато М. В. пишет больше. Но он не все пишет. Он не пишет, что так по тебе соскучился, что убавил в весе на 26 фунтов. Это, впрочем, ему полезно и к тому же „удельный вес" его не убавился, а прибавился. Анна Ивановна[157] *кланяется тебе и целует Марию Львовну — целоваться с тобой запрещается. Жмет твои руки весь наш Баку и я в том числе.*

Твой Серебровский»[158].

Другое — от постоянного спутника Сергея Мироновича на охоте — Ивана Чикарева:

«Здравствуйте, Сергей Миронович!

Не сердитесь на меня, что я пишу вам письма. Но я ничего не могу поделать с собой, рука так и чешется что-либо чиркнуть вам и как-то на душе становится легче, да и притом такие мужики, как вы, никогда не забываются, только жаль, что их мало…

Ваш Ваня. 6.IV-26 г.»[159]

Глава 4
Политические игры вождей

От оппозиции — к фракционности

Переосмысливая исторические процессы развития нашей страны в 20-е годы, отказываясь от многих сложившихся стереотипов, догм и легенд в освещении явлений тех лет, необходимо по-новому, без ярлыков и лакировки не только взглянуть на «новую оппозицию», но и на роль Кирова в ее разгроме.

Можно вычленить два круга проблем, поднимаемых сторонниками «новой оппозиции». Первый — это ключевые моменты политической стратегии и тактики партии, связанные с возможностями и перспективами строительства социализма. Второй — внутрипартийная демократия.

При этом в первом случае — основной удар они наносили по Николаю Ивановичу Бухарину. Во втором — по Сталину.

Все это ярко окрашивалось личным соперничеством, амбициозностью, борьбой за лидерство в партии.

Когда же возникла «новая оппозиция»? Григорий Евсеевич Зиновьев заявлял: *«Мы образовали фракцию вполне организованную с начала 24 года, сначала мало оформленную, а потом вполне оформленную».* Эти слова сказал один из идеологов течения. Но сегодня вряд ли с ним можно согласиться. Мы должны помнить, что Зиновьев был вынужден сказать их в 1936 году. Ведь решался вопрос о его жизни и смерти. Анализ самых различных документов тех лет — стенографических отчетов конференций, съездов, пленумов ЦК РКП(б), бюллетеней партийных и комсомольских конференций, заседаний бюро губкома РКП(б), личных дел, газетных сообщений — свидетельствует: «новая оппозиция» формировалась постепенно. Кстати, «новой» ее называли по отношению к только что идейно разгромленной троцкистской оппозиции.

Впервые открыто противопоставление Центральному Комитету со стороны руководящих работников Ленинградской губернской организации проявилось на рубеже нового, 1925 года. И это не случайно. После смерти Ленина в Политбюро сложилось руководящее ядро, получившее партийных кругах название —

тройка: Г. Е. Зиновьев, Л. Б. Каменев, И. В. Сталин. Каждый из них сыграл огромную роль в разгроме троцкизма. Особенно возрос авторитет Зиновьева и Сталина. Последний ставился все более крупной фигурой. Будучи генсеком, он производил перераспределение партийных сил», расставляя всюду своих сторонников. Это стало тревожить, волновать Г. Е. Зиновьева, претендовавшего на роль самого главного дирижера в партии и стране. Именно поэтому и его сторонники начали делать первые открытые шаги, критикуя позицию ЦК РКП(б) по ряду вопросов.

14 января 1925 года «Ленинградская правда» опубликовала статью Зиновьева. В ней говорилось: в деревне идет процесс расслоения, *«растут два крайних полюса — кулак и бедняк».* Кулак преподносился читателю как *«главная опасность для страны»,* и все это сопровождалось ссылками на Ленина: *«мы стояли и будем стоять в прямой гражданской войне с кулаком, — это неизбежно».* Но эти ленинские слова относились к 1919 году. Тогда шла гражданская война, и значительная часть крестьянства, особенно кулачества, поддерживала белую гвардию. Поэтому вряд ли была правомерна эта ссылка на Ленина.

Кстати, этот прием (цитирование Ленина без учета конкретно-исторической обстановки его высказываний, их цели, адреса) широко используется и сегодня для аргументации тех или иных домыслов различными авторами. Но думаю, что, даже относясь критически к ленинскому наследию, следует его все-таки уважать и не заниматься «передергиванием». В частности, необходимо отличать концептуальные ленинские положения как целостное теоретическое воззрение по важнейшим проблемам теории и практики социализма от пропагандистских его высказываний, произнесенных в конкретных условиях и имеющих тактический характер.

17–20 января 1925 года проходил объединенный Пленум ЦК и ЦКК РКП(б). Пленум заслушал сообщение Секретариата ЦК о резолюциях местных организаций по поводу выступления Троцкого и принятия к нему организационных мер (докладчик Сталин). В резолюциях содержалось три предложения: первое — исключить Троцкого из партии; второе — снять с работы в Реввоенсовете и вывести из Политбюро; третье — снять с работы в Реввоенсовете, но оставить в Политбюро.

Первое предложение было высказано Ленинградским губкомом РКП(б). Напомню, первым секретарем его был Петр Антонович Залуцкий. Второе — конференцией политработников и фракцией РВС СССР. Третье — И. В. Сталиным, Н. И. Бухариным, А. И. Рыковым и другими цекистами, получившими на XIV съезде ВКП(б) название «большинства». Большинством членов ЦК при

двух против (Ю. Л. Пятаков и Г. Раковский) и всеми членами ЦКК при одном воздержавшемся пленум сделал Троцкому «самое категорическое предупреждение, признал возможным дальнейшую работу Троцкого в РВС СССР».

26–31 января этого же года состоялась XXI Ленинградская губернская конференция РКП(б) Ее делегаты подвергли критике решение только что состоявшегося Пленума ЦК в отношении Льва Троцкого. Оно, говорил Григорий Еремеевич Евдокимов, *«слишком мягкое решение… В частности, мы, т. е. члены Центрального Комитета от Ленинградской организации, стояли за то, чтобы тов. Троцкого немедленно снять из Политбюро ЦК».*[160] Губпартконференция выразила уверенность, *«что XIV съезд РКП(б) с полнейшим единодушием сделает все необходимые организационные выводы, неизбежно вытекшие из антипартийной позиции тов. Троцкого»*[161]. Этим наносился удар фактически по Сталину, ибо именно он был докладчиком на Пленуме ЦК, одним из авторов резолюции, настаивавшей на оставлении Троцкого в составе Политбюро ЦК РКП(б).

Сталин делал эта отнюдь не из-за любви к последнему. Отношения между, ними были столь обоюдно неприязненными с давних пор, что Ленин в «Письме к съезду» видел именно в этом «большую опасность раскола в партии» Возникает тогда вопрос: почему вдруг Сталин предлагает оставить Троцкого в Политбюро? Можно предположить следующее: Сталин понимал политическую силу Зиновьева и Каменева в то время. Для борьбы с ними ему нужен был определенный противовес в самом Политбюро ЦК РКП(б). Таким мог быть лишь Троцкий. Хотя он и потерпел поражение в только что закончившейся дискуссии, но, несомненно, имел сторонников и сохранил определенное влияние в различных кругах общества. К тому же Троцкий был давний соперник Зиновьева и Каменева.

Сталин, как опытный шахматист, проигрывал в уме различные ходы для достижения своей главной цели — полновластия в партии.

В развернувшейся идейно-политической борьбе, осложнявшейся соперничеством за власть в партии, делали и готовили свои ходы также Зиновьев и Каменев. Безусловно, они хорошо помнили ленинскую оценку не только Сталина, но и Бухарина. А она содержала, наряду с негативом, и такие слова: «один из самых выдающихся молодых членов ЦК», «ценный и крупнейший теоретик партии, превосходный и образованный марксист-экономист», «любимец партии». К тому же Бухарин поддерживал в это время Сталина.

17 апреля 1925 года Николай Иванович Бухарин — член

Политбюро ЦК РКП(б), главный редактор газеты «Правда» — выступил с докладом на собрании актива Московской партийной организации «О новой экономической политике и наших задачах».

Это выступление Бухарина обычно связывают с тем, что здесь он выдвинул лозунг «обогащайтесь». Лозунг сразу же стали называть ошибочным. Заявляли о недооценке Бухариным опасности со стороны кулака Заметим, что при этом критика шла как со стороны «новой оппозиции», так и со стороны большинства цекистов (И. В. Сталина, В. М. Молотова, А. А. Андреева и др.). В этом отношении весьма показательно выступление Сталина на XIV съезде партии. *«Дальше, вопрос о Бухарине, — заявил он. — Я имею в виду лозунг „обогащайтесь". Я имею виду апрельскую речь тов. Бухарина, когда у него вырвалось слово „обогащайтесь". Через два дня открылась апрельская конференция нашей партии. Никто иной, как я в президиуме конференции, в присутствии тт. Сокольникова, Зиновьева, Каменева и Калинина заявил, что лозунг „обогащайтесь" не есть наш лозунг. Я не помню, чтобы тов. Бухарин возражал против этого протеста»*[162].

Впоследствии Сталин напомнит эту свою позицию. И она будет оценена многими его сторонниками как сугубо принципиальная и последовательная. Однако думается, что тогда из-за полемики вокруг лозунга «обогащайтесь» многие ценные мысли Бухарина, связанные с развитием кооперации в деревне, товарно-денежными отношениями, вообще остались без внимания партии.

Более того, лозунг «обогащайтесь»» на мой взгляд, также был тогда понят не до конца правильно: как лозунг, обращенный только к зажиточной части деревни. Между тем дословно Бухарин сказал так: *«В общем и целом **всему** крестьянству, **всем** его слоям нужно сказать: обогащайтесь, накапливайте, развивайте свое хозяйство* (выделено мной. — *А. К)»*[163]. Он связывал накопление в сельском хозяйстве с ростом зажиточных крестьянских хозяйств, но выступал категорически против «варфоломеевской ночи» к крестьянской буржуазии[164].

Предметом полемики между «новой оппозицией» и «цекистами» стали: оценка новой экономической политики (наступление или отступление); сущность государственного капитализма и предприятий «последовательно-социалистического типа»; социально-экономическое состояние деревни, формы и темпы кооперирования крестьянских хозяйств; возможность построения социализма в одной стране и поиски наиболее целесообразных путей; демократизация жизни общества и партии.

Остановимся лишь на отдельных разногласиях. И если

сегодня мы хотим быть честны до конца в изложении явлений, событий, фактов тех лет, то важно отметить, что вначале (особенно летом и даже осенью года) полемика носила скрытый характер. Можно допустить, что это понимали руководители местных партийных организаций, многие из которых прошли школу подполья, но подавляющая масса рядовых членов партии относилась ко всем публикуемым материалам спокойно, не улавливая сущности идейных разногласий.

XIV партконференция РКП(б) (апрель 1925 г.) и Пленум ЦК и ЦКК РКП(б) (октябрь 1925 г.) принимали по этому вопросу резолюции. В них обстановка в деревне давалась в исторических реалиях того времени. Говорилось: в партии существует два уклона в оценке состояния крестьянских хозяйств в деревне. Первый — недооценка роли и влияния середняцких хозяйств. Второй — переоценка влияния зажиточных кулацких хозяйств. Все резолюции принимались единогласно.

Позволю напомнить: 1925 год — это год расцвета нэпа в деревне. Государственный налог для многих крестьянских хозяйств снижен. Ослаблена политика твердого установления цен на зерно. Разрешена аренда земли, наемный труд. Сняты ограничения для свободной торговли. Оживляется социально-экономическая жизнь деревни, усиливается смычка между городом и деревней. На практике это фактически означало осуществление тезиса Бухарина о накоплении, обогащении всего крестьянства. Заметим, **в разных размерах, разным путем — но всех тех крестьян, которые хотели работать**. И великолепно, исторически правдиво отразил это Борис Можаев в романе «Мужики и бабы».

Летом 1925 года Зиновьев выпускает свою книгу «Ленинизм», целый раздел которой посвящен изложению его взглядов на кулака как непримиримого врага советской власти. Причем аргументация шла путем специально подобранных цитат из работ Ленина первых дней революции и гражданской войны. В них Ленин называл кулака «мироедом», пиявкой, вампиром на теле народа, самым зверским, самым грубым, самым диким эксплуататором[165].

Надежда Константиновна Крупская и Лев Борисович Каменев также выступают против взглядов Бухарина. Они написали статьи и послали их в «Правду». Последняя статьи не опубликовала. И это совершенно справедливо было расценено «новой оппозицией» как антидемократические действия со стороны «большинства ЦК».

Вскоре после октябрьского Пленума ЦК и ЦКК РКП(б) Ленинградский губком комсомола разослал для ознакомления

30–40 ответственным организаторам райкомов, укомов РЛКСМ документ, получивший в обиходе название «синей папки».

Это были «Материалы к вопросу о классовой линии партии в деревне, опубликованные в партпрессе с XIV партконференции по октябрьский Пленум ЦК». Папка состояла из двух частей. Первая составлена из статей Н. И. Бухарина, А. Н. Слепкова, Кантора, В. Богушевского. Вторая — включала главы из работы Зиновьева «Ленинизм», резолюцию октябрьского (1925 г.) Пленума РКП(б).

Все статьи первой части были прокомментированы. Например, так: *«Здесь Бухарин отвергает Ленина, отповедь дана Зиновьевым в книге "Ленинизм" — в главе „Возможна ли окончательная победа социализма в одной стране“»*[166]. Заметим, комментарии делались с ведома и согласия секретаря Ленинградского губкома РЛКСМ В. В. Румянцева, ярого поклонника Зиновьева.

Рассылая «синюю папку», Ленинградский губком комсомола хотел дать возможность своему активу «ознакомиться с политикой партии в деревне», И исключить этот довод нельзя, учитывая относительно слабую политическую культуру комсомольского актива. Однако объективно это приняло характер дискредитации члена Политбюро, главного редактора газеты «Правда» Н. И. Бухарина, означало поддержку позиции другого члена Политбюро, председателя Коминтерна Г. Е. Зиновьева, вело к созданию общественного мнения среди комсомольского актива в духе взглядов сторонников «новой оппозиции».

Редкий номер газеты «Ленинградская правда» осенью 1925 года выходил без статьи Вардина, Тарханова, Саркиса, Сафарова. Почти все содержали критику в адрес Стецкого, Марецкого, Варейкиса, Боевского, Слепкова. За исключением Богушевского остальные были тесно связаны с Н. И. Бухариным, а Слепков, Марецкий и Стецкий входили в так называемую школу Бухарина. К тому же А. Н. Слепков был одним из соредакторов теоретического журнала ЦК РКП(б) «Большевик».

Особое место в развитии взглядов «новой оппозиции» занимала XXII Ленинградская губернская партконференция (1–10 декабря 1925 г.). Интересны прения делегатов конференции по докладу «О работе ЦК РКП(б)». Его делал Г. Е. Зиновьев, встреченный бурными, долго не смолкающими аплодисментами. Заметим, что сама практика отчета ЦК РКП(б) перед местными партийными организациями накануне съезда партии была явлением глубоко демократическим.

Доклад Зиновьева состоял из нескольких разделов. Международное положение. Хозяйственный подъем СССР. Партия и крестьянство. Полоса великого строительства, трудности. О

внутрипартийной демократии. Доклад был прямо-таки нашпигован цитатами из работ Ленина, решений съездов, конференций, зарубежных и эмигрантских газет. В нем не было открытой полемики ни по одному вопросу, которые до этого поднимались в «Ленинградской правде».

15 делегатов выступили в прениях. И все они говорили в унисон. Все поднимали одни и те же вопросы. Какие? Да, те самые, которые звучали со страниц «Ленинградской правды». Те самые, которые комментировались в «синей папке». Приведем лишь несколько выдержек. *«Кулак не жупел, не призрак, а реальная фигура, реальная опасность в нашей действительности, с которой нужно бороться… Казалось бы, вопрос ясен, но тем не менее в наших большевистских руководящих органах, как, например, в „Большевике", печатались совершенно неправильно освещающие этот вопрос статьи…»*[167], — говорил Александров — ответственный организатор[168] («Красный путиловец»).

Более того, оратор подвергает критике другие местные партийные организации за то, что они недооценивают кулацкую опасность, заявляют, что *«классовая борьба в деревне не развита»* (Вологодская), *«активность кулака, как и его экономическое положение, здесь менее значительны, чем где-либо»* (Тамбовская).

В самом факте критики других местных парторганизаций не было ничего предосудительного. Но нарушалась партийная этика. Не съезд партии стал трибуной для пожеланий и рекомендаций, а губернская конференция другой организации РКП(б). При этом критика носила далеко не товарищеский характер.

«Кулак есть кулак, а Ленин учил тому, что это в высшей степени вредная скотина»[169], — так говорил Георгий Сафаров.

Как видим, происхождение догматизма — явление более сложное, чем мы сегодня полагаем. В нем повинен не только Сталин и его окружение, но и сторонники Зиновьева. В тот период всякая попытка осмысления социального состояния деревни середины 20-х годов подвергалась анафеме и теми и другими.

Резкой критике на губпартконференции была подвергнута статья члена Президиума ЦКК РКП(б), члена партии с 1895 года Арона Александровича Сольца, напечатанная незадолго до этого в «Правде». В ней, на мой взгляд, Сольц совершенно справедливо отмечал, что **советское государство должно учитывать интересы всех жителей страны**, **более того, он предлагал *«дать права всем классам населения».* Заявляя, что *«государство для всех»,* Сольц подчеркивал, что *«мы не заинтересованы в том, чтобы часть населения жила чувствами гражданской войны»***[170] (выделено мной. — *А.К.)*

Между тем ряд делегатов, например Садовская, Флиор и другие, в резкой непримиримой форме выступили против статьи Сольца. Флиор заявил: *«Я соглашусь с тов. Сольцом только в одном: правительство должно думать о населении в том смысле, кого посадить в тюрьму и кому дать льготы… Правительство СССР не может одинаково говорить обо всем населении, когда вопрос касается революционной законности, оно не может не делать разграничений между той частью населения, которая является руководителем государства, т. е. рабочим классом и беднейшим крестьянством, и остальным населением»*[171].

Теперь мы хорошо знаем, что формула революционной законности чревата беззаконием в обществе вообще, что всякое требование, кары по отношению к части общества может обернуться беззаконием, лагерями, тюрьмами, а в конечном итоге — массовыми репрессиями, поэтому люди сегодня так отстаивают принципы правового государства.

Изучая, осмысливая с позиции исторической правды документы XXII губпартконференции (документы нефальсифицированные, ибо протоколы велись, бюллетени редактировались сторонниками «новой оппозиции»), вновь и вновь возвращаешься к личности Г. Е. Зиновьева, пытаешься понять, почувствовать, реконструировать образ, социально-психологический портрет этого ближайшего соратника В. И. Ленина.

Член партии с 1901 года, член Центрального Комитета с 1907 года, член Политбюро с 1921 года (кандидат с 1919 года), Зиновьев несомненно пользовался доверием Ильича. Он открывал XIII съезд РКП(б) — первый съезд без Ленина, выступал на нем с политическим докладом ЦК РКП(б). Он внес существенный вклад в борьбу против троцкизма. Его авторитет в Ленинградской партийной организации был велик. Можно даже сказать о культе его личности среди партийного, комсомольского, советского, хозяйственного актива Ленинграда и губернии. С конца ноября 1917 года Зиновьев возглавляет Петросовет. Приходят и уходят секретари Петроградского — Ленинградского губкома ВКП(б). Только с июня 1920 года (с момента объединения Петроградской городской и губернской партийных организаций) их сменилось несколько — С. С. Зорин, М. М. Харитонов, А. Н. Угланов, И. Н. Смирнов, П. А. Залуцкий. Неизменным оставался только председатель Петросовета — Ленсовета.

И хотя формально Г. Е. Зиновьев был только членом бюро губкома РКП(б), членом Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), фактически он осуществлял руководство городом и уездами. Его влияние, его авторитет базировались на определенных

экономических и социальных реалиях.

К концу 1925 года ленинградская промышленность приближалась к Достижению довоенного уровня, началось частичное перевооружение таких заводов, как Ижорский, Металлический, Северной судоверфи. Набирал темпы выпуска тракторов типа «Фордзон» завод «Красный путиловец». Балтийский завод торжественно отметил закладку четырех лесовозов: «Иосиф Сталин», «Григорий Зиновьев», «Михаил Томский», «Алексей Рыков». Развернулась рационализация и модернизация текстильных предприятий — комбинатов им. Халтурина, «Советская звезда», Невской бумагопрядильни, фабрики Торнтон.

Разрабатывались планы благоустройства бывших окраин, постройки там новых жилых домов для рабочих Нарвской, Невской застав. Были проведены первые выставки с обсуждением проектов строительства домов культуры.

В это же время губисполком разрешил Ленинградскому отделению главнауки «отпустить» Ростовскому и Севастопольскому музеям, музею г. Эривани (Армения) ряд ценных произведений искусств из музейного фонда Эрмитажа, Юсуповского особняка и Румянцевского музея. В Севастопольский музей было передано 34 картины Верещагина, Бенуа, Серова, Кустодиева. В Эривань — картины западноевропейской школы. В Ростовский музей — старинный фарфор и бронза.

Но в те годы изобразительное и прикладное искусство в основном волновало небольшой слой интеллигенции. В центре же внимания партийной, советской, комсомольской общественности стояли другие вопросы. И главный из них: за кем идти, кому верить? Зиновьеву или Сталину?

Личная позиция Г. Е. Зиновьева на XXII губпартконференции в значительной степени определила дальнейшее развитие «новой оппозиции», но уже на основе фракционности.

Касаясь освобождения П. А. Залуцкого от обязанностей секретаря Ленинградского губкома РКП(б), Зиновьев познакомил делегатов с постановлением бюро Губкома РКП(б) от 27 сентября 1925 года. *«Слушали: о работе тов. Залуцкого. Постановили: ввиду ухудшившихся отношений между тов. Залуцким и ЦК РКП(б) войти на пленум губкома с предложением: признать необходимым, что тов. Залуцкому нужно перейти на другую работу».* И далее Зиновьев добавил, что сам Залуцкий просил перевести его на другую работу. *«Бывает иногда такие организационные трения, которые в интересах партии лучше оставить в пределах узких коллегий».*

Вот уж действительно, полуправда иногда оказывается

сродни лжи. Два обстоятельства предшествовали освобождению Залуцкого. Первое: в сентябре 1925 года П. А. Залуцкий отчитывался в Оргбюро ЦК РКП(б) о работе Ленгубкома. Он *«сделал слабый доклад». «Дело в том,* — говорил впоследствии Михаил Павлович Томский, — *что у ленинградской организации по отношению ЦК существовало уже в то время такое предубеждение: во-первых, мы не какая-нибудь Калуга или Тула, чтобы в общем порядке доклады делать, а во-вторых, чего ни расскажи в ЦК, — все ладно»*[172].

Вопрос о снятии Залуцкого с секретарей губкома решался непросто. Так, первоначально на бюро губкома РКП(б) большинство было за снятие, а 9 человек — против. На собрании организаторов районов голоса разделились почти пополам: 16 против снятия и 19 за освобождение.

После этого вопрос о Залуцком вновь был вынесен на заседание бюро губкома. На нем присутствовал председатель ЦКК В. В. Куйбышев. И только тогда было принято решение о снятии П. А. Залуцкого, то самое решение, о котором Зиновьев информировал делегатов XXII губпартконференции.

Петр Антонович Залуцкий, тогдашний секретарь губкома РКП(б) — личность колоритная. В 1925 году ему было 48 лет. Из рабочих, русский, но свободно говорил и писал по-польски. Был принят в партию харбинской социал-демократической организацией в 1907 году, затем примыкал к эсерам-максималистам, вел партийную работу в Чите, с 1911 года — в Питере. Пять раз подвергался арестам, два раза высылался в Иркутскую и Вологодскую губернии. Активный участник революций 1917 года, в гражданскую войну — комиссар бригады. С 1922 по 1925 год в Питере. О неординарности его характера свидетельствуют два факта.

Первый — в конце 1922 года Д. А. Саркис (зав. орготделом губкома) предложил Залуцкому заполнить личный листок учета кадров для ответственных работников на предмет отсылки в ЦК партии. Залуцкий наложил на учетном листке резолюцию: *«Залуцкий без характеристики и без личных* (листков учета. — *А.К.) к советским чинам не хочет идти по рангу партийных чиновников, если его так не знают без формуляра. Поэтому ничего писать не буду».* А на личном листке наискось начертал: *«Партия Залуцкого знает».* Три года спустя он собственноручно заполнит личный листок, причем запишет должность: секретарь губкома ВКП(б) и Северо-Западного бюро ЦК; время оставления работы: 1.1926 г.; кем снят с работы — съездом. Но два последних ответа не соответствовали действительности[173].

Следует отметить, что нарушения внутрипартийной

демократии шли как со стороны ЦК, так и со стороны «новой оппозиции». Сталин пытался оказать давление на распределение функций между пятью вновь избранными секретарями Ленинградского губкома РКП(б).

В свою очередь, сторонники Зиновьева, помимо райкомов партии, стали собирать на квартирах собрания своих единомышленников, где давалась искаженная информация о снятии П. А. Залуцкого. Несогласные с ней ленинградские коммунисты направили в ЦК и ЦКК РКП(б) заявления по этому поводу.

От фракционности — к открытой схватке

Можно сказать вполне определенно, что к середине декабря 1925 года «новая оппозиция» эволюционировала от оппозиционности к фракционности.

Это ярко проявилось на XIV съезде ВКП(б). Содоклад Г. Е. Зиновьева не являлся нарушением уставных норм и регламента съезда. Согласно последнему, каждая группа делегатов свыше 40 человек могла выставить своего содокладчика. 43 делегата Ленинградской организации РКП(б) просили слова для содоклада Г. Е. Зиновьева. Заметим, что подписи самого Зиновьева среди них нет.

Сейчас отдельные исследователи называют этот съезд «склочным». Позволю себе не согласиться с этим мнением. Это был обычный съезд, с обычными дискуссионными выступлениями. Реакция многих делегатов на содоклад Зиновьева однозначна: М. Н. Рютин: *«Мы имеем здесь, по существу, оформленную фракцию»*. П. П. Постышев: *«Лучшего, чем этот содоклад, нам наши враги никогда не желали бы»*. А. И. Микоян: *«Содоклад же обозначает противопоставление своей линии линии ЦК… Мы не хотели, чтобы наши вожди передрались на глазах у наших врагов. Пусть передерется хотя бы Угланов с Евдокимовым (*первые секретари Московского и Ленинградского губкомов партии. *— А.К.). Это имеет другой смысл. Но будет гораздо хуже, если передерется Зиновьев с Бухариным и другими… Здесь, товарищи, выступали с докладами тт. Зиновьев и Бухарин. Во что вылилось их выступление? Это есть по сути дела взаимное раздевание вождей, взаимное разделение вождей, взаимное оголение: вот у тебя то-то и то-то, у тебя это и т. д. Вы думаете, мы не знаем, кто такой Сталин, Троцкий, Бухарин, Зиновьев, Каменев и другие? Мы очень хорошо это знаем. Ильич дал каждому из членов нашего руководящего коллектива справедливую*

оценку. Но дискредитировать наших вождей перед мелкобуржуазной массой — зачем это?».

Перечитывая, анализируя, сопоставляя статьи сторонников и противников «новой оппозиции», ясно представляешь: несомненно суть спора не только в личных разногласиях и амбициях. Она заключалась в различных определениях характера переживаемого страной исторического момента, в разных подходах к перспективам дальнейшего развития страны.

Зиновьев и его единомышленники связывали возможность построения социализма в одной стране с победой мировой пролетарской революции, трактовали НЭП в основном как отступление, не осознавали роли и значения государственно-капиталистических предприятий в восстановлении промышленности страны, недооценивали середняка и переоценивали кулацкую опасность. Обратимся к документам. Из содоклада Г. Е. Зиновьева на XIV съезде партии: *«…Пусть мне докажут, — говорил он, — что в большевистской партии был когда-нибудь период, когда статьи вроде статьи Богушевского без всякого ответа могли гулять месяцами; я такого периода не помню; я знаю историю партии, —* ***никогда у нас этого не было и быть не должно*** *(*выделено мной. *— А. К). Кулак имеет дополнение и в городе. Его дополнением является, во-первых, нэпман, во-вторых, новая буржуазия вообще, в-третьих, верхушка спецов, которая теперь является все более и более необходимым винтиком в нашем хозяйстве, в-четвертых — верхушка служащих, которых у нас $2^1/_4$ миллиона и у которых, конечно, есть известная прослойка не наша, которая, конечно, ищет известит политической смычки с растущим кулаком, в-пятых, часть буржуазной интеллигенции, в-шестых — все капиталистическое международное окружение, которое питает и которое благословляет и поддерживает кулака всячески…»*

XIV съезд партии не ограничивал практически никого из лидеров оппозиции регламентом при выступлении. Но накал зала против них был велик. Все время раздавались реплики, выкрики. Тем не менее они целеустремленно (и в этом их мужеству надо отдать должное) проводили свою линию. Л. Б. Каменев в своем выступлении прямо заявил: *«…мы выступаем потому, что, по нашему глубочайшему убеждению, начинает складываться теория, которую мы находим принципиально неправильной и управляющей партию по неправильному пути…»* По мнению Каменева, эта линия *«оформляется в школе Бухарина»,* и она не представляла бы столь большого значения, если бы *«молодежь Бухарина»* не получила фактически монополии на политически-литературное представительство в партии. И далее, критикуя Сталина за

непоследовательность в выработке политической линии, Каменев указывал, что *«…т. Сталин целиком попал в плен этой неправильной линии (смех), творцом и подлинным представителем которой является т. Бухарин»,* и что ***«эти идейные разногласия не смогут действительно уживаться в недрах единого Центрального Комитета*** (выделено мной. *— А.К.)».*

Предъявив Бухарину столь тяжкие обвинения, Каменев обрушивает свой гнев и на Сталина, обвиняя его в неискренности, в отсутствии твердой линии, в стремлении к вождизму, в том, что Сталин нарушил божившиеся еще при Ленине функции и соподчиненность Секретариата, Оргбюро и Политбюро. *«Я пришел к убеждению,* — заявил Каменев, *— что тов. Сталин не может выполнить роли объединителя большевистского штаба… Мы против теории единоначалия, мы против того, чтобы создавать вождя!».*

Вместе с тем, и это необходимо отметить, ряд вопросов, поставленных «новой оппозицией», имели принципиальное значение для развития партии и страны. Они совершенно справедливо выступали против наклеивания ярлыков, против доносительства в партии, которое приняло *«такие формы, такой характер, когда друг другу задушевной мысли сказать нельзя». «Эти нравы,* — говорил И. П. Бакаев*, — нетерпимы в партии… партия должна по рукам дать тем товарищам, которые пытаются культивировать такие нравы».* В его поддержку выступила К. Н. Николаева: *«Доносы на партийных товарищей, доносы на тех, кто будет обмениваться по-товарищески мнением… это будет только разлагать нашу партию… не такой системой надо бороться. Надо бороться системой правильной постановки внутрипартийной демократии. (Смех)».*

К великому сожалению, делегаты XIV съезда ВКП(б) не смогли понять, осмыслить и предвидеть всех трагических последствий доносительства.

Более того, некоторые из них встали на защиту этого явления в партии. Так, М. Ф. Шкирятов заявил: *«Если член партии замечает, что отдельные члены партии хотят создать какие-нибудь идейные группировки и он… не сообщает в высшие партийные органы, то это неправильно. Это не донос, это — обязанность каждого члена партии».* Его поддержал С. И. Гусев. Он утверждал, что нет таких задушевных мыслей, которые бы являлись *«конспиративными от партии. Каждый член партии должен быть агентом ЦК… Думаю, что каждый член партии должен доносить… Если мы от чего-либо страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства».*

Вряд ли сегодня, впрочем, как и тогда, все эти высказывания

можно оправдать с позиций даже элементарных норм нравственности. Однако, воспитанные в сложнейших условиях подполья, фанатично преданные самой идее революции, партии, прошедшие через провокаторство и тюрьмы, многие из делегатов совершенно искренне верили, что нет секретов от партии, что ее центр должен знать абсолютно все.

Действительность тех лет была намного сложнее, чем это представляется сегодня некоторым публицистам. Неслучайно при поименном голосовании за резолюцию по докладу ЦК РКП(б) впервые так много голосов было подано «против» — фактически более ста человек («против» — 65, отсутствовало — 41 человек; 559 — «за»).

Несомненно одно: политические и теоретические взгляды «новой оппозиции» во многом носили дискуссионный характер. Они, конечно, не содержали призывов к свержению Советской власти, к ее подрыву или ослаблению, как это представлялось позднее. Но несомненно также и то, что «новая оппозиция», критикуя (и справедливо) недемократические методы партийного руководства, выступая против ЦК, а точнее, против Сталина и Бухарина, действовала теми же методами.

Фракционная борьба лихорадила заводские, фабричные, вузовские, воинские партийные коллективы, уводила их от живого дела, мешала работать.

Все новые и новые документы, извлеченные из архивов, спецхранов свидетельствуют, что сила необузданных эмоций, зависти, ненависти, амбициозности вела лишь к разрушению, насилию, репрессиям. И первой жертвой на этом пути становился простой народ — рабочие, крестьяне, инженеры, техники, конторские служащие, рядовые партии. За овладение их душами и умами развертывалась тогда борьба между сторонниками и противниками «новой оппозиции», старавшихся использовать настроения людей в своих, часто корыстных интересах. Понимали ли они это?

Наиболее дальновидные люди, несомненно, понимали суть такой политической игры. Но, думается, не все ее ходы. Слишком «многослойным» оказался «пирог» внутрипартийной борьбы. *«Политическое содержание дискуссии,* — писал впоследствии Л. Д. Троцкий, — *до такой степени завалено мусором, что я не завидую будущему историку, который захочет добраться до корня вещей»*[174]. Интересно, что почти также оценивал внутрипартийную борьбу и И. В. Сталин. *«История нашей партии,* — писал он, — *знает факты самых чудовищных сплетен против руководителей партии, фракционная слепота не любит разбираться в тонкостях, предпочитая валить все в одну кучу и*

выдавать сплетню за факт»[175].

Оба эти высказывания не относятся непосредственно к «новой оппозиции». Это высказывания «вообще», о принципах политической борьбы. И характерно, что два политических деятеля тех лет свидетельствуют об ожесточенности, которой сопровождалась тогда, да и в последующие годы, внутрипартийная борьба.

Дезинформация, искажение реальной картины противоборства — наиболее характерные приемы и методы этой борьбы. Заверяю читателей: грязная технология политической борьбы возникла не сегодня. Она фактически была всегда.

Глубоко не прав был С. М. Киров, обвиняя на XIV съезде ленинградских коммунистов в том, что в день открытия съезда «Ленинградская правда» (в дальнейшем «ЛП») не поместила передовицы в связи с этим событием. Достаточно взять газету за 18 декабря 1925 года. На первой полосе газеты крупным шрифтом набрано «Привет XIV съезду РКП(б)!» Помещена подборка приветствий коммунистов — красновыборжцев, Металлического завода, «Светланы», Невского судостроительного под общей рубрикой «Рабочие Ленинграда — XIV съезду РКП(б)».

Была и небольшая передовая — «XIV съезд», но это была отнюдь не здравица, а полемическая статья. Факт сам по себе из ряда вон выходящий. На второй и третьей полосах «ЛП» поместила три статьи оппозиционеров: Саркиса, ответственного организатора Московско-Нарвского РК РКП(б), журналиста И. Вардина и члена ЦК РЛКСМ О. Тарханова. В основе их было три тезиса: *«90 процентов рабочих — в партию», «Главная опасность в деревне — кулак», «Бухаринская школа молодых ревизует Ленина в вопросе о НЭПе».* Бухарин, Варейкис, Каганович, Угланов, утверждал Вардин, *«проводят социализм не большевистский, не пролетарский, это социализм мелких собственников, мещан и чиновников — социализм не Ленина, а Марии Спиридоновой».*

Безусловно, это была «перчатка», брошенная ЦК партии. Ведь за исключением приветствий рабочих коллективов весь остальной материал носил дискуссионный характер. Причем в манере тех лег наклеивание ярлыков, досье на своих политических противников.

Такой же характер имели и последующие номера «ЛП».

Эскалация борьбы между «новой оппозицией» и «цекистами» во главе со Сталиным на XIV съезде продолжала нарастать.

24 декабря в работе съезда был перерыв. И утром того же дня в Ленинград прибыла часть ленинградской делегации — более 80 человек. Сам факт их приезда не являлся криминалом.

Естественно, что людям, оторванным от дома, семьи, работы более семи дней, хотелось побыть с близкими, узнать, что делается в их коллективах — на заводах и фабриках.

Все делегаты — сторонники оппозиции получили для выступлений перед своими коллективами своеобразный наказ: что и в какой последовательности излагать о съезде.

Наказ вошел в историю под названием «Ход событий». Это большой документ, и он, несомненно, должен быть опубликован полностью. Здесь же дадим только его тезисы (все документы даны в старом стиле и орфографии):

«1. XXII Губпартконференция и все, что с ней связано. «Зиновьев сделал доклад а ЦК так…. что даже Ярославский признал его объективным <…> Резолюция Московской губернской партийной конференции разрывается как бомба <…> Над Ленинградской организацией сгущаются тучи» и т. д.

2. Отношения между двумя крупнейшими большевистскими организациями страны. Московская организация отклоняет предложение о перемирии <…> Ц.О. „Правда" начинает отчаянную травлю против Каменева и Зиновьева, обвиняя их и ряд питерских руководителей в пораженчестве, ликвидаторстве, безверии <…> Крупская с нами».

3. XIV съезд РКП(б). «В докладе Сталина и его заключительном слове два новых момента: „сосредоточить огонь на тех, кто указывает на опасность со стороны кулака". Второй. Так прямо и заявляет, что мы, „усталые, должны уйти". Пять дней прений. Их цель компрометация Зиновьева, Каменева, Сокольникова, Крупской, Питера и попытка „разложения" Ленинградской организации. ЦО „Правда" продолжает кампанию разжигания, не давая место другой точке зрения. „Рабочая газета" начинает бешеную кампанию с карикатурами, впадая прямо в приемы бульварной прессы… В таких условиях мы вынуждены выступать с содокладом… Он сделан в спокойных тонах. Речи докладчиков — Крупской. Каменева, Сокольникова, Зиновьева строго политические… На политическую обстановку отвечают склокой <…> Как принималась резолюция? Мы не были приглашены к выработке (впервые в истории партии) <…> См. подробно наше заявление, прочитанное на съезде Каменевым… Наша делегация единогласно (кроме Алексеева) голосует против».

4. Политический итог. «Съезд создал накаленную атмосферу недружелюбия к Питеру, играя на попытке отделить „верхи" Ленинградской организации от ее „низов"… Позорные выступления на съезде Комарова и Лобова, из которых стараются сделать „героев".

Голосование против резолюции ни в коем случае не означает

„неподчинение съезду", Голосование против политически неправильной резолюции — наше право <…> В ближайшее время предстоит сильнейший натиск на Ленинградскую организацию, чтобы ее обезличить, разогнать. Необходима стойкость, необходимо добиться исправления политических ошибок в вопросе: а) о кулаке; б) о привлечении рабочих в партию; в) о разгроме Ленинграда и т. п.»[176].

Не правда ли, интересный документ? Но вот что примечательно.

Заявляя о своем присоединении к резолюции XIV съезда, Ленгубком таким документом, как «Ход событий», фактически дезавуирует свое присоединение.

И это подтверждается последующими действиями. Вечером 24 и 25 декабря в соответствии с наказами, изложенными в «Ходе событий», сторонники «новой оппозиции» Флиор, Цатуров, Семенов, Пичурин и другие выступали на районных собраниях, в партийных коллективах заводов и фабрик Ленинграда.

В эти же дни «цекисты» начали в Ленинграде кампанию против позиции ленинградской делегации на съезде. И носила она, как это ни парадоксально, почти нелегальный характер. На квартирах отдельных коммунистов, стоящих на позиции XIV съезда, собирались особо доверенные лица и изучали материалы съезда. В Ленинград из Москвы были направлены слушатели Коммунистического университета. Бывшие питерцы, имея большие связи в рабочих коллективах города, стали создавать там группы по изучению и распространению материалов съезда, центральных газет. Группы стали называться «инициативными».

Политсостав Балтийского флота и Кронштадтской крепости на своем собрании одобрил решения XIV съезда. Реакция на собрание со стороны Ленгубкома была однозначной: указать тов. Окуневу (зам. начальника Политуправления Балтфлота. — *А.К.) «на недопустимость созыва партийного собрания по вопросу XIV съезда без согласования и даже без ведома Губкома»*[177].

Увы! Демократией это не назовешь. Скорее из этого следует, что все коммунисты должны думать так, как думает бюро Ленгубкома и лидеры «новой оппозиции».

Ну а что думали те, кого называют «рядовыми» партии?

Фабрика «Канат». Один из выступающих на партсобрании в конце декабря 1925 года заявил: *«Читая газеты, я все же не понимаю, в чем суть спора, не есть ли это построенное на личных счетах?..»* Другой: *«Я также не могу вполне понять, в чем соль всех споров. В ряде ли принципиальных вопросов или, попросту выражаясь, в кумовстве»*. Третий: *«Я все же оправдываю больше т. Зиновьева, чем Центральный Комитет»*[178].

26 декабря «Ленинградская правда» опубликовала речь Н. К. Крупской, произнесенную 20 декабря, причем, как всегда, когда печатались речи сторонников оппозиции, заголовок был подан крупным шрифтом.

В этот же день четыре члена Ленгубкома С. Мессинг, Ф. Грядинский, Т. Кондратьев, И. Кондратьев направили заявление как в адрес губкома, так и Северо-Западного бюро ЦК. В нем говорилось, что решения бюро и пленума губкома о запрещении созыва собраний коллективов для обсуждения резолюции съезда являются ошибочными, *«направленными к тому, чтобы не дать Ленинградской организации исправить антипартийную линию ленинградской делегации на съезде»*[179].

Приведенные документы свидетельствуют, во-первых, о нарастании борьбы двух противоборствующих линий — большинства («цекистов») и меньшинства («новой оппозиции»); во-вторых, о разрастании кампании по наклеиванию ярлыков «антипартийности».

Центральный Комитет 27 декабря делает перерыв в работе XIV съезда РКП(б). К этому времени в Ленинграде многие партийные коллективы высказались за поддержку линии ленинградской делегации на съезде. Можно предположить, что день 27 декабря «цекисты» решили использовать для выработки своей линии против «непокорной делегации питерских коммунистов». И выработали, 28-го декабря после обсуждения резолюции по докладу Исполнительного комитета Коммунистического Интернационала (а с ним выступал Зиновьев) совершенно неожиданно для большинства делегатов председательствующий Александр Иванович Рыков предоставил слово Михаилу Ивановичу Калинину. От имени 11 делегаций он предложил принять «Обращение XIV партийного съезда РКП(б) к Ленинградской организации».

Выступая против принятия съездом «Обращения», Зиновьев отмечал: *«Ленинградская делегация заявляет, что обращение, которое прочитано здесь, обрушено на ее голову без малейшей попытки предупредить ее… Это элементарнейшее право каждого меньшинства, если большинство действительно не ведет специальной линии на разжигание».* Ему возражал Рыков: *«Мы приняли подавляющим большинством голосов резолюцию по главнейшему вопросу повестки дня — по докладу ЦК партии. Если эта резолюция, утвержденная съездом, обязательна для партии, то обязательна ли она для ленинградской делегации? Обязательна ли она для „Ленинградской правды“?.. Почитайте „Ленинградскую правду"… изо дня в день… пытаются сорвать главнейшие решения нашей партии».*

Все, что сказал Рыков, — правда! Но правда и то, что центральный орган партии, газета «Правда», вела такую же отчаянную и далеко не джентльменскую полемику со сторонниками «новой оппозиции».

Против «Обращения XIV съезда к Ленинградской делегации» проголосовало только 36 человек. И многие, кто поддержал Сталина в это время, голосовали против чванливости, барства, амбициозности Зиновьева.

Сразу же после голосования берет слово член партии с 1905 года Д. Г. Сулимов. Он предлагает: *«Ввиду того, что „Ленинградская правда“ уже после решения съезда ведет систематическую борьбу против решений съезда… принять немедленные меры по изменению и улучшению состава редакции…»*

Только 38 человек проголосовали против этого предложения.

И снова И. П. Бакаев от имени ленинградской делегации делает заявление: *«Еще никогда в истории нашей партии не было случаев, чтобы той или другой организации нашей партии ее органу запретили высказывать свои мнения во время съезда… Назначение редактором газеты товарища, который будет вести газету против губкома партии, создает положение, совершенно невозможное для организации, равносильно разгону губкома и означает насильственное подавление мнения всей ленинградской организации… Вся ответственность за создающееся обострение лежит не на нас, а на тех, кто создает чрезвычайное положение для ленинградской организации».*

Под этим заявлением подписались 24 делегата из Ленинграда. Замечу, подписей Зиновьева, Евдокимова, Куклина и многих руководителей города не было, хотя многие из них присутствовали на данном заседании. Что это означало? Нерешительность, слабость или тактический ход? Быть может и то и другое. Важно иное. Это заявление носило двойственный характер. С одной стороны, делегация признавала решения XIV съезда как *«закон для всех»,* а с другой, она же считала законным правом — *«высказывать свои мнения»,* т. е. вести их критику.

Именно этим духом были пропитаны статьи в «ЛП» 29 декабря.

Действительно, факт вмешательства партийного съезда, Центрального Комитета в назначение состава редакции — беспрецедентный. Это всегда было прерогативой местных партийных организаций.

В ночь на 29 декабря в Ленинград была передана телефонограмма: *«Сообщается постановление пленума ЦК 28 декабря 25 года. Первое: Ленинградская партийная организация нарушает основы устава партии, не проводя в жизнь решения 14*

съезда по отчету ЦК, а ведя кампанию против этих решений. Второе: ленинградский губком не принял до сих пор никаких мер к тому, чтобы оградить партию от нападок на решения съезда… Третье: пленум считает, ввиду этого, необходимо снять существующее руководство „Ленинградской правды“ и заменить его другим, согласно решению 14-го съезда. Четвертое: на этом основании утвердить следующее решение Политбюро от 28 декабря с. г.: а) освободить редактора ленправды тов. Закс-Гладнева от обязанностей редактора; б) назначить ответственным редактором „Ленинградской правды” тов. Скворцова-Степанова, командировав в помощь ему ряд работников. Секретарь ЦК И. Сталин»[180].

29 декабря секретариат Ленгубкома (Шверник, Куклин и Москвин) постановил: *«Принять постановление Пленума ЦК к исполнению… предложить т. Закс-Гладневу сдать газету и дела. Тов. Скворцову-Степанову немедленно приступить к обязанностям редактора»*[181].

После съезда

Утром того же дня из Москвы в Ленинград приехали Орджоникидзе, Киров, Микоян, Скворцов-Степанов и другие. Днем раньше прибыл член ЦК РКП(б) Кубяк. Цель их приезда — встреча с партийным активом районов города.

Обстановка здесь была напряженной. Противоборство нарастало. Так, пленум Петроградского райкома РКП(б) 26 голосами против 14 принял решение о присоединении к резолюции XIV съезда, но одновременно одобрил и линию, занятую ленинградской делегацией на съезде. В тот же день вечером состоялось районное собрание партийного актива. Докладчиком выступил ректор Коммунистического университета им. Зиновьева С. Минин, содокладчиком Н. Кубяк. В прениях выступили 10 человек, из них 6 сторонников Зиновьева и 4 — противники. А резолюция, принятая 245 голосами против 224, была в защиту линии XIV съезда партии. «*…Мы считаем решения партийного съезда совершенно правильными и целиком к ним присоединяемся… Ленинградская организация и ее губернская конференция находились в полной уверенности, что никаких расхождений с Центральным Комитетом партии нет… Мы уверены, что Ленинградская организация решительно отмежевывается от дезорганизаторско-фракционной деятельности на съезде»*[182].

Подобная резолюция подавляющим большинством (850

против 50) принята и на собрании партактива Выборгского района. *«Ленинградская делегация на съезде не может считать себя выразителем линии ленинградской организации».* В Выборгском районе развернулся настоящий бой. В защиту съезда выступали: Орджоникидзе, Кубяк, Киров, Микоян, Комаров, Алексеев. Против — Евдокимов, Крупская, Куклин, Моисеев, Кушников. И тем не менее, хотя первая резолюция была предложена секретарем Ленгубкома РКП(б) А. Куклиным, она была отвергнута.

В других же районах города собрания партийных активов продемонстрировали свою солидарность с делегацией ленинградских Коммунистов на съезде.

30 декабря «ЛП» подписывалась уже новым редактором. Она открылась публикацией «Обращение XIV партийного съезда РКП(б) к ленинградской организации». Но многие коммунисты с ним познакомились раньше. «Обращение» было отпечатано в виде листовки и широко распространялось Севзапбюро ЦК, курсантами академии им. Толмачева, ленинградцами — слушателями Коммунистического университета у проходных заводов, фабрик, а иногда и просто в цехах предприятий.

С 30 декабря «ЛП» не напечатала ни одной заметки, статьи, резолюции, которые бы отражали взгляды оппозиции. Страницы газеты отражали теперь только мнение сторонников большинства. Более того, иногда подбор материала носил тенденциозный характер. Например, заводы «Красный Путиловец», «Красный треугольник» вели длительную борьбу (вплоть до 15–20 января 1926 г.) за одобрение линии ленинградской делегации на съезде, но газета информировала только о тех собраниях цехов этих предприятий, где незначительным большинством принимались резолюции «цекистов», не давались выступления тех, кто выступал в поддержку оппозиции.

31 декабря поздно вечером XIV съезд закончил работу. 1 января состоялся Пленум ЦК ВКП(б) с участием президиума и членов Центральной Контрольной Комиссии. Пленум избрал исполнительные органы ЦК — Политбюро, Оргбюро, Секретариат. Формально согласие внутри руководителей партии было соблюдено: лидеры оппозиции были избраны в состав органов, которые, хотя и назывались по уставу партии исполнительными, то есть зависимыми от съездов, фактически играли решающую роль в определении внешней и внутренней политики, форм и методов ее осуществления, стояли вне критики для подавляющей массы коммунистов. Казалось бы, оппозиция должна быть удовлетворена — властные полномочия остались у ее лидеров. Однако на деле все оказалось иначе.

Сталин (и тут, наверное, Троцкий прав) благодаря огромной воле, энергии, силе характера, умению интриговать, сталкивать интересы людей оказался на этом Пленуме в выигрыше.

Это ярко проявилось при избрании секретарем ЦК секретаря Ленгубкома Г. Е. Евдокимова. Последний весьма категорично отказывался войти в Секретариат ЦК, ссылаясь на то, что и секретарем губкома работает немногим более двух месяцев.

По этому поводу на Пленуме ЦК РКП(б) 1 января 1926 года выступил Сталин. Он сказал: *«Свыше двух месяцев у нас имеется решение Политбюро ЦК о введении ленинградца в секретариат… Но товарищи ленинградцы с этим делом не торопятся и, видимо, не собираются провести его в жизнь. Видимо, они не хотят иметь своего представителя в Секретариате, боятся, как бы не исчезла та отчужденность от ЦК, на которую оппозиция опирается.*

Поэтому надо заставить Ленинградскую организацию ввести своего представителя в Секретариат ЦК. Другого такого товарища, как т. Евдокимов, у нас не имеется»[183].

4 января 1926 года состоялось бюро Ленгубкома. Его вел секретарь губкома Александр Сергеевич Куклин, один из идеологов «новой оппозиции». Острая ситуация возникла при обсуждении положения дел в Ленинградской организации. Информацию давал Куклин. Предоставим ему слово: *«Положение в Ленинградской организации в высшей степени ненормально… Все время через Северо-Западное бюро ЦК раздается легальная съездовская литература; речи Сталина, Бухарина, Молотова, Рыкова, Томского, но самым нелегальным образом… Литература развозится на автомобилях по партийным коллективам, затем распространяется через отдельных лиц либо прямо в цехах, либо раздается курсантами у проходных…»*

Возражая Куклину, Николай Павлович Комаров сказал: *«… Если вы выносите постановление — присоединиться к решениям съезда, но будете притеснять членов партии, выявляющих свое отношение и критикующих оппозицию, то все равно члены партии будут собираться помимо вас, хотя бы вы и применяли репрессии».*

Возникает вопрос: неужели сторонники оппозиции, ратовавшие за расширение демократии, применяли репрессивные меры к тем, кто поддерживал линию XIV съезда? Применяли. Увольняли с работы, а устроиться вновь было крайне сложно — безработица. Неоднократно переносили дни и часы проведения партсобраний, срывали объявления, ставили на предприятиях свою охрану, дабы не пустить на собрание сторонников съезда. Таких фактов немало в документах ленинградского партийного архива.

Организатор завода «Красный Треугольник» дал

распоряжение — не пускать на собрания коммунистов завода Женю Егорову, известную большевичку (состоявшую там на партучете), только потому, что она не разделяла взглядов «новой оппозиции».

Наиболее объективные сторонники «новой оппозиции» не одобряли подобные репрессивные меры. Так, Сергеев на том же бюро Ленгубкома говорил: «*…Горячность сейчас не нужна… Нужно в интересах… меньшинства и большинства прекратить все это».*

К сожалению, такое взвешенное выступление на бюро фактически было единственным.

Нетерпимость, отсутствие малейшего желания пойти на компромисс ярко проявились при обсуждении на бюро вопроса о дне проведения пленума Ленгубкома. Руководство Ленинградской партийной организации (за исключением Шверника) настаивало провести пленум Ленгубкома в тот же день, 4 января вечером. Шверник, Комаров и другие предлагали отложить пленум только на один день и провести его 5 января.

Почему вокруг процедурного вопроса разгорелись прямо-таки шекспировские страсти? Подогревало их одно обстоятельство. Пока не официально, но уже «поговаривали», что в Ленинград приезжает группа членов ЦК ВКП(б). Главная их задача — замена руководства. Тем более, что ЦК уже начал проводить эту работу. Евдокимов был избран секретарем ЦК и переведен в Москву.

Совершенно естественно, что члены оппозиции пытались решить вопрос о секретаре губкома до приезда москвичей и тем самым поставить членов ЦК перед свершившимся фактом.

Однако при назначении дня пленума эта действительная причина старательно обходилась как сторонниками, так и противниками оппозиции. Большинством принимается решение созвать пленум Ленгубкома 4 января.

Приблизительно через полчаса открылся пленум. Николай Михайлович Шверник предложил: *«Поскольку имеется просьба ЦК партии и ввиду приезда завтра в Ленинград из Москвы членов ЦК, отложить пленум до завтра… документы сегодня не читать…»* Но пленум большинством принял решение: *«пленум открыть, документы огласить»*. Приведем лишь две наиболее важные телефонограммы.

Первая:

«В Ленинградский губком ВКП(б)

Сообщается постановление ЦК ВКП(б) от 4/1–26 г.

Слушали:

О посылке докладчиков о работе XIV-го партсъезда.

Постановили:

Командировать в Ленинград докладчиками о работе XIV-го партсъезда следующих товарищей: Калинина, Томского, Молотова, Андреева, Петровского, Кирова, Ворошилова, Рудзутака и Шмидта В.

17 ч. 38 м. 4/1–26 г.

Секретарь ЦК ВКП: И. Сталин».

Вторая:

«В Ленинградский губком ВКП(б)

Сообщается постановление ЦК ВКП(б) от 4/1–26 г.

Слушали: О секретариате ЛК.

Постановили:

Ввиду перевода т. Евдокимова на работу в Секретариат ЦК, ввиду выбытия т. Куклина из состава ЦК ВКП, поручить тт. Томскому, Молотову и Евдокимову в срочном порядке переговорить с Бюро ЛК о немедленной организации Секретариата ЛК с последующим утверждением ЦК ВКП.

17 ч. 40 мин. 4/1–26 г.

Секретарь ЦК ВКП: И. Сталин».

Впервые приводимые полностью, эти телефонограммы дают возможность сделать следующие выводы.

Первый — все постановления принимались Политбюро ЦК ВКП(б).

Второй — из трех секретарей Ленгубкома (Евдокимова, Куклина и Шверника) переизбранию подлежали двое; Причем мотивацию перевыборов Куклина нельзя признать убедительной: «ввиду выбытия… из состава ЦК ВКП». Ведь в то время не все секретари местных парторганизаций избирались в состав ЦК партии.

Третий — «цекисты» продолжали пока сохранять лояльность в отношении главного лидера «новой оппозиции» Г. Е. Зиновьева. Он был введен в состав Севзапбюро ЦК и, как свидетельствуют документы, несколько раз принимал участие в его заседаниях.

Между тем пленум Ленинградского губкома 4 января пошел по накатанной дорожке. Он очень напоминал только что прошедшее бюро.

После бурных выступлений «за» и «против» по всем пунктам резолюции, приведения примеров репрессивных мер, принимаемых как той, так и другой стороной, абсолютным большинством пленум принял резолюцию и предложил редактору «Ленинградской Правды» опубликовать ее 5 января.

Что же это за резолюция? Почему она вызвала шок среди многих руководящих работников ЦК?

В нашей исторической литературе эту резолюцию обычно именовали «антипартийной». Так ли это? Давайте с ней

ознакомимся. (Документ приводится в сокращении.)

«Единство партии и, в частности, всей Ленинградской организации, должно быть обеспечено во что бы то ни стало. Разногласия, бывшие на съезде, должны быть изжиты без малейшего нарушения единства рядов ВКП(б). Пленум Губкома постановляет:

1. Во исполнение постановления Пленума ЦК ВКП(б) от 1/1–26 г. прекратить дискуссию в Ленинградской организации по вопросам 14 партсъезда.

2. На всех собраниях, посвященных XIV-му съезду, предлагает, от имени Губкома принять резолюцию о присоединении к решениям съезда, полном подчинении им и абсолютном сохранении единства партии под руководством нового ЦК партии.

3. Ввиду прекращения дискуссии, считать недопустимым нападки на ленинградскую делегацию.

4. Редакциям ленинградских газет предложить печатать все резолюции коллективов, а не односторонний подбор их…

5. Вместе с тем Губком констатирует, что группой товарищей фактически создается в Ленинграде параллельная организация… делаются попытки создания параллельного Губкома, параллельных райкомов и т. д., устраиваются помимо Губкома особые собрания, рассылаются агитаторы, Организаторы, литература, образуется „инициативная группа“.

6. …Единству Ленинградской организации угрожают не разногласия, бывшие на съезде… Единству Ленинградской организации угрожают попытки разжечь борьбу дезорганизаторскими действиями, попытки создать параллельную организацию и тем самым нарушить самую элементарную дисциплину.

За единство партии.

За единство Ленинградской организации»[184].

Несомненно, «новая оппозиция», так же как и «цекисты», понимала единство догматически, категорически выступала против инакомыслия.

В тот же день, поздно вечером 4 января, срочно проводится заседание Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Ознакомившись с резолюцией пленума, Севзапбюро предложило воздержаться от публикации резолюции на один день — до приезда членов Политбюро. О решении Севзапбюро ЦК были поставлены в известность все редакции газет.

В решении Севзапбюро ЦК записано особое мнение Зиновьева: пункты 5 и 6 сообщить только в райкомы, а в печати огласить первые четыре пункта. Кстати, сам Зиновьев не присутствовал на заседании Севзапбюро ЦК, но высказал свое

мнение по телефону, что зафиксировано в протоколе[185]. Однако резолюция оказалась навсегда похороненной в архиве. Ее содержание весьма оперативно было доведено до Сталина.

И утром 5 января ЦК ВКП(б) принял постановление по поводу резолюции расширенного пленума Ленинградского губкома от 4 января 26 года. Его содержание телефонограммой за подписью Сталина сообщено в Ленинград. В ней говорилось:

«1. Губком поступил неправильно, не согласившись с предложением Секретариата ЦК об отложении… заседания губкома хотя бы на один день.

2. Пункт 3 решения губкома о „недопустимости нападок на ленинградскую делегацию, ввиду прекращения дискуссии“, нарушает постановление Пленума ЦК от 1/1–26 г., исключающее: „личные выпады против представителей меньшинства” на съезде, но, несомненно, предполагающее необходимость критики поведения меньшинства на съезде и выявление ошибок ленинградской делегации…

3. … [партийные] коллективы не обязаны присоединяться к проектам резолюции губкома о решениях съезда, а имеют право выносить любую резолюцию по своему усмотрению.

4. Ленинградские газеты должны печатать резолюции партийных коллективов о решениях съезда, независимо от их содержания, однако, поскольку они не содержат элементов неподчинения решениям партсъезда.

5. Вопрос о нарушениях внутрипартийной демократии, а, значит, и о репрессиях, применяемых к сторонникам решений съезда отдельными членами и организациями ленинградской организации, должен быть обсужден особо, с участием наличных в настоящее время в Ленинграде членов и кандидатов Ц.К.

6. Сообразно с этим предложением Л. К. изменить пункты 2 и 3 своего постановления, а пункт 5 исключить вовсе»[186].

6 января Северо-Западное бюро ЦК ВКП(б) приняло к руководству постановление ЦК от 5 января 1926 года и предложило секретарям Ленгубкома в срочном порядке разослать это постановление всем участникам расширенного пленума, во все райкомы и укомы[187].

Вот такие есть любопытные документы. Они также публикуются впервые. Автором постановления ЦК, по-видимому, является Сталин. Категоричность Центра несомненна. Камуфляж демократизма налицо. Нетерпимость к другому мнению чаще всего, как свидетельствует исторический опыт, ведет к трагедии как общества в целом, так и отдельных личностей. А сделали ли мы из этого выводы, вынесли какие-либо уроки? Пожалуй что нет.

Обливая помоями наше историческое прошлое, всячески

охаивая его, сознательно либо забывая, либо извращая историю внутрипартийных отношений, многие наши современники по своей амбициозности, жажде власти, огульному отрицанию или ироническому отношению к Центру мало чем отличаются от участников внутрипартийной борьбы 20-х годов. И, как учит нас опыт истории, пользу обществу, народу это вряд ли принесет.

Другая странная особенность расширенного пленума Ленгубкома 4 января — история с секретариатом. Совершенно неожиданно даже для ряда членов бюро губкома этот вопрос не был включен в повестку дня. Более того, он интенсивно обсуждался за несколько часов до начала пленума как на заседании секретариата, так и на бюро губкома. И был включен предварительно в повестку дня пленума. И вдруг исчез. Почему?

Мне представляется, потому, что на бюро Ленгубкома речь шла об избрании только одного секретаря. *«Просить Центральный Комитет утвердить секретариат в составе Бадаева, Шверника, Куклина».* Таким образом, вместо Евдокимова предлагался Бадаев.

Однако за 20 минут до начала пленума из ЦК в Ленинградский губком поступила телефонограмма о секретариате ЛК, приведенная нами выше. Она была зачитана в самые первые минуты работы пленума. Больше в стенограмме пленума о секретариате и об этой телефонограмме нет ни слова. И это, конечно, не случайно. Ее содержание было неожиданным для членов губкома. Ведь предлагалось переизбрать уже двух секретарей губкома. Если к возможности переизбрания Евдокимова ленинградцы были морально подготовлены, то предложение вывести Куклина вызвало своеобразный шок.

Состав секретариата Ленгубкома стал предметом обсуждения 5 января на специальном бюро. На нем присутствовали все видные оппозиционеры организации: Евдокимов, Куклин, Минин, Наумов, Сафаров, Саркис. Были также Томский, Молотов, Петровский, Киров, Андреев. Как сказано в документе*: «слушали сообщение комиссии Политбюро ЦК ВКП(б) о секретариате ЛК.*

Постановили:

а) Состав секретариата Ленинградского Комитета определить 3 человека.

б) Ввести в состав секретариата ЛК Кирова, Комарова, Бадаева („за“ — 4 чел,).

в) Оставить прежнее решение бюро ЛК от 4/1–26 г. — просить ЦК утвердить секретариат в составе Бадаева, Шверника, Куклина (за — 13, против — 4, воздержался 1).

Ввиду разногласия комиссии Политбюро ЦК с бюро ЛК по вопросу о секретариате передать вопрос на разрешение ЦК ВКП(б)»[188].

Трудно далось это решение. Бюро заседало всю ночь. Противостояние продолжалось. Теперь уже ЦК настаивал на изменении всего секретариата губкома, избранного всего три недели назад. В то же время нельзя не отметить и непоследовательность бюро губкома. Оно уже не просило ЦК утвердить свое решение, а передало вопрос о секретариате «на решение ЦК ВКП(б)».

Что это — наивность? Вряд ли. Скорее всего, боязнь нарушить сложившуюся годами партийную субординацию, боязнь стать нарушителями партдисциплины.

Конечно, скрытая дискуссия по составу секретариата прослеживается и на заседании бюро губкома 7 января. Бюро проходило во второй половине дня. А утром Политбюро ЦК утвердило секретариат Ленгубкома в составе: Комаров, Киров, Бадаев.

Реакция на это членов бюро Ленгубкома отразилась в их постановлении: *«а) Принять к сведению и руководству постановление ЦК ВКП(б) от 7/1–26 г. о секретариате ЛК. б) Довести постановление ЦК ВКП(б) до сведения пленума Ленгубкома»*[189].

Никаких споров. «Принять к сведению», «Довести до пленума» — это фактически уже глухая защита.

Пленум губкома открылся 8 января 1926 года. Реакция его участников на постановление ЦК ВКП(б) и бюро губкома от 7 января 1926 года была неоднозначной.

Обратимся к стенограмме. Слово берет Ф. Г. Наливайко (парторганизатор «Красного Треугольника»): *«Пленум ЛК всячески считает своим долгом заявить ЦК, что введение т. Комарова в Секретариат против воли, неоднократно выраженной Ленинградской организацией… не будет содействовать внутреннему ее сплочению, в силу чего Пленум ЛК просит ЦК пересмотреть свое решение о тов. Комарове»*[190].

Голосуется предложение Наливайко не вводить в состав секретариата Н. П. Комарова.

«За» предложение — 90, «против» — 20 (выделено мной. — *А.К.)*.

Между тем результаты голосования породили немало мифов, в том числе и об избрании Кирова. Среди них был и такой: якобы 8 января Кирова вообще не выбрали в состав секретариата губкома, а избрание его состоялось только 12 января на пленуме губкома. В доказательство этого приводились следующие аргументы: в связи с избранием Кирова бакинцы приняли свое письмо-поздравление ленинградским коммунистам только 12 января, а состав секретариата Ленгубкома был опубликован в

«ЛП» еще позднее — 14 января.

Но все дело в том, что 12 января пленума Ленгубкома вообще не было. В протоколах нумерация пленумов соблюдена. И следующий по порядковому номеру после 8 января пленум состоялся 19 января. Более того, уже 8 и 9 января в адрес ряда партийных организаций ушли телефонограммы за подписью Кирова.

Чем же объяснить мифы? Рискну высказать предположения.

Нельзя исключить сознательной дезинформации, которую распространяли сторонники «новой оппозиции». На роль партийного лидера претендовали и другие. Среди них называют Н. П. Комарова и И. М. Москвина, но документальных подтверждений тому пока не найдено.

Возникает вопрос: а как сам Сергей Миронович Киров относился к своему новому назначению?

В связи с этим огромный интерес представляют письма С. М. Кирова, адресованные жене — М. Л. Маркус-Кировой, Г. К. Орджоникидзе и И. В. Сталину. В письмах, особенно к жене, не рассчитанных на широкую аудиторию, Сергей Миронович Киров писал искренне, не искал осмотрительных, точно взвешенных слов. Эти письма отражают его отношение и к тому, что происходило на съезде, и к его назначению на работу в Ленинград. Передо мной — два письма Кирова к жене. Они не датированы. По-видимому, первое было написано 24–25 декабря 1925 года (в нем есть фраза: «через неделю или меньше съезд закончит работу»). В письме говорится:

«…Из газет ты узнаешь, что на съезде у нас идет отчаянная драка, такая, какой никогда не было. Читай аккуратно „Правду“ и будешь в курсе дела. В связи с этой дракой здесь стоит вопрос о посылке меня на постоянную работу в Ленинград. Сегодня об этом говорили очень и очень определенно. Я, конечно, категорически отказываюсь. Серго также против моей посылки туда. Не знаю, чем это кончится…»[191]

Второе письмо скорее всего было написано Кировым в самом начале января 1926 года, предположительно 4 января.

В этом письме Сергей Миронович сообщал:

«…Произошло то, что намечалось несколько раз[192]*, т. е. меня из Баку берут и переводят в Ленинград, где теперь происходит невероятная склока. Что было на съезде, ты знаешь из газет. Во время съезда нас с Серго посылали туда с докладами, обстановка невозможная. Отсюда ты должна меня понять, что как мне трудно ехать. Я делал все к тому, чтобы отделаться, но ничего не получилось. Удержусь ли там или нет, не знаю…»*[193]

Эти письма свидетельствуют, что, во-первых, Киров не только

не хотел ехать на работу в Ленинград, но даже сопротивлялся, а во-вторых, что у него были сомнения — справится ли он со своими обязанностями на этом новом для себя, но крайне важном для партии участке работы.

Из всего характера этой переписки можно сделать вывод: С. М. Киров в Ленинград ехать не хотел, более того, насколько это было возможно в рамках партийной дисциплины, возражал. В этом его поддерживал Г. К. Орджоникидзе. И было принято в определенной степени компромиссное решение: Киров едет в Ленинград на несколько месяцев — для борьбы с фракционной деятельностью «новой» оппозиции.

За полмесяца интенсивной разъяснительной работы члены ЦК выступили на 80 партийных собраниях, из них на 10 — Киров. Собрания проходили почти ежедневно.

На заводах и фабриках, в военных и вузовских коллективах оппозиционеры несли поражение за поражением. Кстати, там, где они имели сильное влияние — «Путиловский завод», «Красный треугольник», завод имени Егорова, в качестве основных докладчиков выступали — М. П. Томский, Г. И. Петровский, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, В. В. Шмидт.

10 января 1926 года Киров писал Орджоникидзе: *«…Как и следовало ожидать, встретили нас здесь не особенно гостеприимно. Особенно потому, что мы сразу же пошли по большим заводам… По числу членов партии у нас сейчас определенное большинство. Коллективы выносят постановления о переизбрании райкомов, а кой-где требуют переизбрать губком»*[194].

Через шесть дней в письме к жене он сообщал: *«…Живу в гостинице вместе с членами ЦК, которых здесь достаточно много. Каждый день на собраниях. Ну и собрания здесь! Есть ячейки — 1500–2000 чел. Это одна ячейка. Сплошь, конечно, рабочие и работницы… Положение здесь отчаянное, такого я не видел никогда»*[195].

В тот же день — 16 января Киров написал письма Орджоникидзе (в Закавказье) и Сталину. Последнее, правда, пока не найдено, но косвенным доказательством его существования является следующий факт. 17 января Сталин телеграфирует Орджоникидзе — в Тифлис, Микояну — в Ростов, Антипову — в Свердловск, Чубарю — в Харьков: «*…Отчетная съездовская кампания в Ленинграде приходит к концу. Все сколько-нибудь крупные предприятия уже высказались против оппозиции. Остается Путилов, который на днях отмежуется от оппозиции…»*[196]

Эти телеграммы полностью соотносятся с содержанием

найденного письма Кирова — Орджоникидзе: *«Дело обстоит так: Выборгский р-н, Петроградский, Володарский — сплошь с нами. Осталось несколько маленьких заводов. М-Нарвский в большинстве с нами. Путилов — пока нет. Здесь все придется брать с боя!»*[197]

20 января 1926 года состоялось партийное собрание на заводе «Красный путиловец». После доклада Михаила Павловича Томского и фактически содоклада Григория Еремеевича Евдокимова коммунисты-путиловцы высказались за одобрение решений съезда, в поддержку политической линии ЦК ВКП(б).

Рабочий день Кирова был загружен до предела. *«Не обижайся,* — писал он жене*, — что пишу мало, очень занят, работаю, ни минуты нет свободной… Работа очень сложная и ответственная. Занят так, что даже на улице не был ни разу, только в машине».*

Завершающим этапом этой кампании явилась XXIII чрезвычайная губернская партийная конференция, состоявшаяся 10–12 февраля 1926 года. В ее работе приняли участие член Политбюро ЦК ВКП(б) Н. И. Бухарин и кандидат в члены Политбюро ЦК Ф. Э. Дзержинский, выступившие с основными докладами: Бухарин об итогах XIV съезда партии, Дзержинский о перспективах развития промышленности. Киров лишь произнес небольшую речь, весьма яркую по форме.

В связи с этой конференцией большой интерес представляет письмо Кирова к Орджоникидзе от 13 февраля 1926 года: *«…Вчера закончили конференцию и тем самым кончили и первоначальные работы против оппозиции. Сегодня был пленум губкома, избрали секретарем, бюро и пр. …Плохо и очень плохо, что развертывается новая драка на почве невероятного местничества… Большим успехом здесь пользовался на конференциях Бухарин и очень маленький успех мой…»*[198]

На пленуме губкома Киров был избран первым секретарем Ленгубкома ВКП(б).

3 марта 1926 года «Ленинградская правда» напечатала постановление ЦК ВКП(б) об утверждении Кирова в этой должности.

Ну а как реагировал на это Киров? Изменилось ли его настроение по сравнению с началом года?

Обнаруженные документы позволяют проследить, как постепенно менялось его мнение на возможность работать в Ленинграде.

В письме к жене, написанном, по всей вероятности, в конце января 1926 года (оно без даты), Сергей Миронович отмечает временный характер своей работы в Ленинграде: обстоятельства *«складываются так, что здесь, видимо, застряну месяцев на шесть.*

Ты знаешь, что я очень не хотел сюда ехать, послан вопреки моим желаниям. Говорили, что месяца на 3, теперь выходит, что едва ли удастся. В середине февраля созываем здесь губернскую конференцию. Это подытожит всю теперешнюю работу нашу…»

По-видимому, в это же время к Сталину обращался Г. К. Орджоникидзе в отношении отзыва С. М. Кирова обратно в Закавказье, ибо имеется телеграмма Сталина на имя Серго от 1 февраля 1926 года. Она гласит: *«О Кирове поговорим по приезде его на пленум ЦК в марте…»*

Однако уже в конце февраля Киров писал секретарю Бакинского горкома — своему приятелю — Леону Мирзояну: *«… Здесь работа, брат, интересная; одно говорит о работе: сто с лишним тысяч партийных душ — кое-что значит. Прибавь к этому полтора (почти) миллиона населения и ты будешь иметь размах работы… Но наряду со всем этим нет того переплета, что в Баку. Здесь все яснее, меньше сложной дипломатии…»*[199]

К этому времени Киров, несомненно, ближе узнал Ленинград, его людей, установил контакты со многими партийными, хозяйственными, комсомольскими руководителями. И все же он не оставлял надежды вернуться в Закавказье. Доказательством этому его письмо Орджоникидзе от 17 марта 1926 года: *«…Я, брат, провалялся неделю из-за гриппа. Дурацкая болезнь, температура доходила до 40,6. Еще и сейчас не очухался как следует… Неделю назад был в Москве один день. Сталина застал в постели, у него тоже грипп… **Сталин говорил о Баку… спрашивал кого туда послать. Я говорю С***[талину]***, что пока никого, по окончании договора нашего вопрос разрешится сам собой. Он посмеивается, говорит и Серго надо обязательно взять…*** (*выделено мной. — *А.К.)*

Много говорили о нашем хозяйстве, о финансах. Очень много открывает интересного, а лучше сказать печального. По словам Сосо, дело определенно выправляется и несомненно, по его мнению, выправится».

Окончательный вопрос о постоянной работе Кирова в Ленинграде, по всей видимости, был решен в конце марта — начале апреля 1926 года. Пожалуй, здесь сыграл свою роль приезд в Ленинград Сталина. 12 апреля он выступил с докладом на пленуме Ленгубкома об итогах работы апрельского пленума ЦК ВКП(б), а 13 — на партактиве говорил «О хозяйственном положении Советского Союза и политике партии».

Приезд Сталина, его выступления, встреча с партийным активом несомненно имели своей целью и укрепление авторитета Кирова. Неслучайно именно в эти дни ведется оживленная переписка Кирова с женой о ее переезде из Баку. В конце апреля

она приезжает в Ленинград. Поселились они на улице Красных Зорь, в доме 26/28.

Последние бои оппозиции

В июле 1926 года на объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Киров избирается кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б).

Он по-прежнему продолжал работу по укреплению партийной дисциплины, организованности и единства коммунистов Ленинградской губернии. Дело в том, что не желая смириться со своим поражением, Зиновьев и его сторонники блокировались с Троцким, Шляпниковым, Лашевичем и другими группировками. Основой их объединения послужило неверие в ту генеральную линию на построение социализма в одной стране, которую проводил ЦК ВКП(б). Следует подчеркнуть: это вовсе не означало их отказ от его построения. Просто они связывали успехи социализма с мировой революцией. А пока требовали ускорить темпы индустриализации за счет усиленного налогообложения крестьянства. Проблемы, поднимаемые троцкистско-зиновьевским блоком, обсуждались на Пленумах ЦК и ЦКК ВКП(б) в 1926 и 1927 годах.

Осенью 1926 года лидеры блока выступили с изложением своих взглядов на собраниях таких крупных организаций коммунистов, как Металлический завод, «Большевик» и др. На «Красном Путиловце» речь произнес Зиновьев, ему отвечал Киров. Рабочие-коммунисты резко осудили оппозицию: «Не мешайте работать», «Больше к нам не приезжай!» — кричали они.

«Провал оппозиции в Ленинграде, — говорил Киров, — *был последним аккордом».*

Необходимо отметить, что наряду с разоблачением действий оппозиционеров на собраниях, ЦК ВКП(б), в том числе и Киров, принимали и другие меры для борьбы с оппозицией. Среди них: перемещение оппозиционеров на работу в отдаленные регионы страны, отстранение их от руководящей партийной деятельности, изоляция от средств массовой информации и, наконец, исключение из партии. Из Ленинграда выехали в другие регионы такие деятели оппозиции, как Сафаров, Куклин, Минин, Наумов. Лидерам оппозиции Зиновьеву, Евдокимову, Каменеву разрешалось приезжать в город только по личным делам. Например, навестить родственников. Несомненно, подобные меры не способствовали сплочению рядов партии.

Можно ли считать эти меры репрессивными? Наверное,

можно, тем более, что сам термин «репрессии» широко употреблялся с середины 20-х годов. Причем большинство коммунистов стояло на позициях их оправдания. Выше я уже писала об этом. Поэтому, на мой взгляд, неправомерно возлагать ответственность за «репрессии» на XV съезде на Сталина или на Кирова; как это делает неоднократно упоминавшийся мною Н. А. Ефимов; *«На… XV съезде ВКП(б) был устроен настоящий суд без права защиты над „троцкистской оппозицией" в которую скопом зачислили всех недовольных методами сталинского руководства… Киров разделял полностью требование Сталина к оппозиции: „Или полная капитуляция, или вон из партии"»*[200].

К сожалению, дело было в то время не в «методах сталинского руководства», а гораздо серьезней — в общем настрое почти всех членов *бо*льшевистской партии, в том числе и тех, кого принято называть «ленинской гвардией», — как оппозиционеров, так и вставших на сторону Сталина, и более того — в психологической атмосфере, царившей в обществе. Сталин только умело воспользовался этим общим настроением взаимной нетерпимости в целях укрепления своей личной власти. Большинство же коммунистов в те дни, в том числе и Киров, безусловно верили в демократические устои, на которых, как им казалось, твердо держится партия, искренне и честно видели в программе, предложенной XV съездом, единственно правильный путь к социализму. И именно поэтому они столь решительно и бескомпромиссно выступали против оппозиции. Так, М. П. Томский, тоже блестящий оратор, выступая в Ленинграде в ноябре 1927 года на первой областной партийной конференции, говорил: *«Оппозиция очень широко распространяет слухи о репрессиях, об ожидаемых тюрьмах, о Соловках и т. д. Мы на это скажем нервным людям: «Если вы и теперь не успокоитесь, когда мы вас вывели из партии, то теперь мы говорим: нишкните, мы просто вежливо попросим вас присесть. Ибо вам стоять неудобно. Если вы попытаетесь выйти теперь на фабрики и заводы, то мы скажем „присядьте, пожалуйста" (бурные аплодисменты), ибо, товарищи, в обстановке диктатуры пролетариата может быть и две, и три, и четыре партии, но только при одном условии: одна партия будет у власти, а остальные в тюрьме (аплодисменты). Кто этого не понимает, тот ни черта не понимает в диктатуре пролетариата, тот ничего не понимает, что такое большевистская партия»*[201]. Замечу, что на XV съезде Киров тоже требовал: *«Все, что путается под ногами, что колеблется и сомневается, должно быть оставлено в исторической пропасти, а нам с вами дорога только вперед и только к победам! (Бурные продолжительные аплодисменты)»*[202].

В период борьбы с оппозицией проявилось великолепное ораторское искусство Кирова. Все, кто знал его, отмечали: он всегда выступ пал «без бумажки», высоко ценил шутку, умел удачно вставить в свою речь народную поговорку. Конечно, свои речи и доклады он тщательно готовил заранее. Киров часто повторял: главное — найти стержень выступления, ясно представить, какую цель преследуешь, что хочешь сказать. При подготовке к докладу или речи, он собирал большой фактический материал, составлял только ему одному понятный план. В архивах Ленинграда и Москвы хранятся планы многих кировских выступлений.

Бывая на заводах, фабриках, стройках, Киров разговаривал с рабочими, техниками, инженерами. Он умел слушать их, завязывать с ними отношения, принимать их советы и замечания. Этому же он учил и других руководителей Ленинграда.

Киров беспощадно критиковал тех бюрократов, которые дальше своего кресла ничего не видели, не знали местных условий, но с удовольствием давали «указания и советы». Он резко осуждал комчванство, зазнайство, высокомерие иных руководителей. Лучшим противоядием против этого Сергей Миронович считал критику и самокритику. *«Преступником будет каждый из нас, — говорил Киров, — кто по тем или иным соображениям станет рассуждать, что вот, мол, неудобно говорить, я лучше помолчу, не буду критиковать. Надо по-честному, по-большевистски, прямо, глядя в товарищеские коммунистические очи, сказать: „Ты, милый человек, запоролся, запутался… Я сделаю все, чтобы тебя исправить… Но если ты не исправишься, то тебе придется посторониться”»*[203].

Подчеркну еще раз: Киров, безусловно, глубоко верил тогда и в правильность курса, намеченного партией, и в творческие силы народа, не видел, да пожалуй и не мог видеть подводных камней, которые встретятся на пути. Эта вера была источником неиссякаемой энергии и оптимизма, располагавших к Кирову людей и позволивших ему оставить яркий след в истории Ленинграда и области.

Часть вторая
Во главе Ленинграда

Глава 1
«Наш Мироныч»

Трудовые будни

«Настоящим взлетом в политической карьере Кирова, — пишет Н. А. Ефимов, — *стал ленинградский период его жизни (1929–1934)»*[204]. Если исключить «небольшую» неувязку со сроками (на самом деле Киров работал в Ленинграде без малого девять лет — с 1926 по 1934 год), Ефимов, безусловно, прав: это действительно был взлет в политической карьере Кирова, фундаментом которой являлось не столько его участие в борьбе с различного рода оппозицией, сколько успехи в экономической жизни города и области.

Киров знал каждое крупное предприятие, всех руководителей крупных заводов, фабрик, учреждений, многих ученых, рабочих, писателей. Здесь, в Ленинграде, все ему было дорого. Все силы души и сердца вкладывал он в организацию производства блюмингов, турбин, станков — карусельных, расточных, продольных. Осваивались первые отечественные автоматические телефонные станции, мощные масляные выключатели, налаживалось производство синтетического каучука, алюминия, появляются первые советские линотипы, фотоаппараты.

Интенсивно шла реконструкция действующих заводов и фабрик. В Ленинграде она имела свои особенности. Если по стране в целом большая часть инвестиций направлялась на новое строительство, то в городе на Неве на модернизацию и расширение промышленных предприятий, построенных еще в XIX веке. Шло переоборудование таких гигантов, как «Красный Путиловец», Ижорский завод, машиностроительный имени Карла Маркса, Невский им. Ленина, Металлический, Балтийский и другие. По первому слову тех лет были отстроены мясной, молочный, пищевой комбинаты. Возводился Хибиногорск, крупнейший горнодобывающий центр на Кольском полуострове. Основную рабочую силу при освоении Кольского полуострова составляли, наряду со спецпереселенцами (раскулаченными крестьянами), и заключенные. Интересовался ли Киров условиями их быта и труда? Несомненно. Имеется телеграмма Кирова, адресованная руководству треста «Апатит» 17 мая 1931 года с грифом «срочно» и «секретно». Она гласит: *«4 июня бюро областкома будет заслушан доклад ЦКК-РКИ о результатах*

обследования треста „Апатит“. Вышлите основные моменты состояния работы и перспективы треста с таким расчетом, чтобы были получены нами не позднее 31 мая. В частности, необходимо, чтобы были освещены следующие моменты: а) Ход работ по выполнению промфинплана; б) строительство обогатительной фабрики и все вопросы, связанные с обогащением апатитов; в) перспективы экспорта апатитов; г) вопросы организации управления разработками (структура, хозрасчет и т. д.); г) состояние и перспективы механизации и использование рабочей силы; д) кадры рабочей силы и техперсонала; е) использование труда раскулаченных переселенцев»[205].

Бывая в Хибинах, Киров встречался как с заключенными, так и с различного рода переселенцами. Есть воспоминания, которые описывают беседы и встречи Сергея Мироновича. Киров считал, что производительность труда заключенных, переселенцев во многом определяется материальными и моральными поощрениями. Поэтому уделял большое внимание вопросам наведения элементарного порядка в коммунально-бытовом и медицинском обслуживании заключенных и переселенцев, установления контроля за их питанием и снабжением. По его настоянию были введены «Почетные трудовые книги», куда заносились фамилии отличившихся в труде осужденных, выдавались им грамоты с предоставлением определенных льгот. С 1931 года широкое распространение получила система зачетов рабочих дней в срок отбытого наказания. Однако ею могли воспользоваться только уголовные заключенные. Лица, осужденные по пресловутой «58», политической статье, не подлежали системе зачетов.

Тем не менее производительность труда на объектах, где работали заключенные, росла. Хибиногорский горнопромышленный район к началу второй пятилетки обеспечивал на 90 % всю фосфатно-туковую промышленность СССР. Уже в 1934 году экспорт апатитного сырья в Европу оценивался в 19,7 млн. рублей.

Отношения между гражданским руководством вновь строящихся на Кольском полуострове предприятий и управлением НКВД складывались непросто. И тогда, в случаях конфликтов, и те, и другое искали арбитра. В Ленинграде в такой роли чаще всего выступал Киров.

В Ленинградском партийном архиве хранится немало документов, повествующих об этом. Приведем лишь одно впервые публикуемое свидетельство сложных отношений тех лет.

«10 июля 1934 г.

Совершенно секретно.

Секретарю обкома Кирову

Согласно постановлению Президиума ЦИК СССР от 17/II-1933 г. дети высланных кулаков, как находящиеся в местах ссылки, так и вне ее, достигшие совершеннолетия восстанавливаются в избирательных правах районными исполкомами по месту жительства при условии, если они занимаются общественно-полезным трудом и добросовестно работают.

На основе данного постановления нами по спецпоселкам проводится работа по отбору указанного контингента спецпереселенцев с целью восста*новления его в правах. В эту категорию входят спецпереселенцы 1913–1916 гг. рождения.*

Секретарем Хибиногорского горкома партии т. Семячкиным указанное выше постановление Президиума ЦИК СССР извращено. Последний дал указание на проведение постановления в жизнь по отношению к спецпереселенцам 1915–1916 гг. рождения, мотивируя тем, что восстановление в правах молодежи из спецпереселенцев окажет отрицательные последствия на производство, ибо часть восстановленных может выехать из Хибиногорска.

Подобное опасение надо признать необоснованным, т. к. исключительно от хозяйственных и партийных организаций зависит создание для восстановленных в правах спецпереселенцев из молодежи такой бытовой и культурной обстановки, при которой не будет никакого стимула к отъезду по восстановлению в правах…

Прошу Семячкину дать соответствующее указание с Вашей стороны.

Зам. ПП ОГПУ в ЛВО Запорожец (автограф)»

Киров познакомился с посланием и распорядился дать нагоняй секретарю Хибиногорского горкома. Зав. особым сектором обкома Николай Федорович Свешников пишет секретарю: *«Напиши сегодня же письмо Семячкину. Мироныч подпишет. 15 июля 1934 г.»*[206].

В 1933 году вводится в строй Беломоро-Балтийский канал, через который прошли военные корабли, положившие начало созданию советского Северного флота. Создание этого транспортного пути на европейском Севере Союза имело тогда огромное народно-хозяйственное и оборонное значение. Строительство канала началось в декабре 1931 года. По протяженности он не имел себе равных — 227 километров, из них 40 километров предстояло выбить в скальных породах. И все это по существу без современной техники. Кирка, лопата, тачка — вот основные орудия труда. Канал имел на своем пути 19 шлюзов, 13

плотин, 35 дамб. Объемы выемки скал и грунта значительно превышали объемы подобных работ на Панамском и Суэцком каналах, которые строились соответственно 9 и 10 лет. Беломоро-Балтийский — всего 20 месяцев.

На строительстве Беломорстроя тоже широко использовался труд заключенных и спецпереселенцев. Начальник Беломорстроя Л. И. Коган заявлял: *«Заключенный стоит государству 500 руб. в год. С какой стати рабочие и крестьяне должны кормить и поить всю эту ораву тунеядцев, жуликов, вредителей, контрреволюционеров. Мы пошлем их в лагеря и скажем: „Вот вам орудия производства, хотите есть — работайте!"».*

Думаю, эту позицию разделяло не только все руководство партии и страны, но и огромное большинство ее населения.

Несомненно, так думал и Киров. Но бывая на строительстве канала, видя каторжный труд заключенных, он старался относиться к ним, по мере возможности, справедливо. Один из участников строительства впоследствии вспоминал, что по инициативе Кирова за ударный труд осужденные представлялись к наградам, досрочно освобождались, с них снималась судимость. Так ли это? Документов с Кировскими пометками по этому вопросу пока найти не удалось. Но есть косвенные свидетельства, подтверждающие этот факт. Так, например, в сентябре 1932 года вопрос «О льготах для рабочих Беломорстроя» обсуждался на заседании Политбюро ЦК ВКП(б). Вел его Сталин. Кирова на заседании не было, но вносился этот вопрос Г. Г. Ягодой и П. П. Постышевым от имени специальной комиссии, членом которой являлся Киров. Согласно принятому Политбюро постановлению, ОГПУ было предоставлено право полного освобождения тех заключенных, которые особо отличились на строительстве канала, ЦИКу СССР разрешалось сокращать сроки заключения и снимать с освобожденных заключенных судимость, причем все эти правила распространялись и на тех, кто проходил и по статье «58»[207].

До последнего времени не представлялось возможным ответить на вопрос, сколько же заключенных и разных переселенцев трудились на стройках Беломорстроя. Такой серьезный исследователь, как О. В. Хлевнюк, отмечал, что при принятии решения в июне 1930 года о строительстве Беломоро-Балтийского канала называлась цифра в 120 тыс. заключенных, дабы закончить по нему работы в течение двух лет[208]. Однако в 1998 году вышел в свет изданный обществом «Мемориал» справочник «Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960», в котором, в частности, приведена динамика численности заключенных Беломоро-Балтийского исправительно-

трудового лагеря. Так, на декабрь года в нем находилось 107 390 человек, среднегодовая численность заключенных составила в 1932 году — 99 095 человек, в 1933 году — 84 504 и в 1934 году — 62 211[209]. С другой стороны, 20 февраля 1934 года в совершенно секретном документе, адресованном Ленсовету и секретарю обкома ВКП(б) Кирову, указывалось, что контингент населения, занятого выполнением поставленных перед Беломоро-Балтийским комбинатом задач по промышленному строительству и освоению необжитых районов, достигает 140 тыс. человек. В связи с этим Главное управление лагерей просит Ленинградский отдел здравоохранения выделить медперсонал для работы на комбинате: врачей-терапевтов в количестве 28, 30 фельдшеров, 15 акушерок и медработников для ухода за больными, 28 зубных врачей и 19 фармацевтов. Документ был подписан начальником главного управления лагерей ОГПУ Берманом[210]. (Следует пояснить, что указанные в нем 140 тысяч включают не только заключенных лагеря, но и привлеченных к строительным работам трудпоселенцев, то есть сосланных кулаков, а также вольнонаемный персонал.)

Ленинградское руководство откликнулось на просьбу ГУЛага. Для направленных в его распоряжение медиков были созданы улучшенные материально-бытовые условия, им выплачивалась денежная компенсация за отрыв от постоянного местожительства, установлены прибавки за выслугу лет.

Не представляется пока возможным точно установить число умерших и переболевших на стройках канала и других объектах Беломоро-Балтийского комбината. Известно только, что к окончанию работ от дальнейшего отбывания наказания были освобождены 12 484 человека, восстановлены полностью в правах со снятием судимости 500 человек и 59 516 осужденным сокращены сроки заключения. Среди тех, кто был восстановлен в правах — инженеры-проектировщики канала, осужденные в свое время за так называемое «вредительство». Это — Вержбицкий, Хрусталев, Вяземский, Будасси, Маслов, Зубрик, Журин и др.

К сожалению, нет никаких сведений о дальнейшей судьбе этих людей, как нет и данных о числе тех, кто умер от голода, холода, болезней при строительстве канала. А это, несомненно, десятки тысяч человек. Начальник управления НКВД по Ленинградской области Филипп Демьянович Медведь говорил: *«…Мы строим коммунизм и будем его строить до конца, несмотря ни на какие затруднения и жертвы, любой ценой, любыми средствами будем идти к намеченной нами цели кратчайшим путем».*

Строительство Беломорстроя находилось целиком под

контролем и руководством ОГПУ. Первым эмиссаром Политбюро ЦК ВКП(б) на строительстве канала был Микоян, который, кстати, входил в специальную комиссию, определявшую нормы снабжения заключенных ГУЛАГа. **Руководство Беломорстроя не подчинялось ни партийным, ни советским органам Ленинградской области**. Киров дважды по поручению ЦК ВКП(б) выезжал на строительство канала. Первый раз в июне 1932 года, второй раз — летом 1933 года совместно с Ворошиловым, Сталиным, Ягодой. Придавая огромное экономическое значение этой стройке, Киров, безусловно, был хорошо знаком с методами работы чекистов и, более того, высоко оценивал их роль. Он отмечал на XVII съезде ВКП(б), что Беломоро-Балтийский канал *«…это гигантское сооружение нашей эпохи… Такой канал, в короткий срок, в таком месте осуществить — это действительно героическая работа, и надо отдать справедливость нашим чекистам, которые руководили этим делом, которые буквально чудеса сделали»*.

Не будем искать оправданий подобной точке зрения. Добавим только, что в этом мнении Киров не был одинок. На том же съезде всем делегатам съезда был вручен подарок — книга «Беломорско-Балтийский канал им. Сталина». По словам Сергея Мироновича — *«очень полезная книжка»*. Ее посвятил XVII съезду ВКП (б) по предложению всего авторского коллектива оргкомитет Союза советских писателей. В числе авторов значились такие «инженеры человеческих душ», как Л. Авербах, С. Алымов, Е. Габрилович, С. Гехт, К. Горбунов, М. Горький, К. Зелинский, М. Зощенко, Вс. Иванов, В. Катаев, М. Казаков, Л. Никулин, Л. Славин, А. Тихонов, А. Толстой, В. Шкловский, К. Финн, А. Эрлих, Бруно Ясенский.

Книга была одобрительно встречена всеми делегатами съезда. Естественно, что о каторжном труде заключенных в ней места не нашлось.

Но не следует забывать о сложности, противоречивости и самого времени, и личности Кирова. Именно на XVII съезде ВКП(б), состоявшемся в феврале 1934 года, Сергей Миронович провозгласил: *«Ленинградские рабочие говорят, что в Ленинграде остались старыми только славные революционные традиции петербургских рабочих, все остальное стало новым»*.

Ленинградские рабочие. Киров был связан с ними самым тесным образом. И они знали, что могут прямо, открыто сказать о недостатках, о своих мыслях и чаяниях. Десятки, сотни записок получал Киров на собраниях, в которых ставились самые разнообразные вопросы. Интересно отметить, что, как правило, все записки были подписаны. И это, конечно, неслучайно. Кирову

верили. На одни вопросы он давал ответы сразу же, другие обещал проверить, третьи — принимал к сведению как критические замечания в свой адрес.

Приведем лишь некоторые из этих записок.

«Тов. Киров! Рабочие завода ГОЗ им. ОГПУ настаивают на дальнейшем расширении мирной и военной продукции на нашем заводе, так как считают, что кино-аппаратура является главным рычагом культурного строительства главным образом в деревне, не говоря о важности военной продукции, и просим в твоем лице поддержать только что развивающуюся оптическую промышленность в нашем СССР. Делегат от завода Зуев»[211].

Или другого характера:

«Т. Киров! Почему ты, говоря о блюмингах, указываешь, что его готовит только Ижорский завод? А „Красный Путиловец"? 1) Плотовины льет он (так в тексте. — А. К). 2) Клинические шестеренки. 3) Цилиндр шестеренки тоже Кр. Путиловец. А рамы рольганга? Тоже делает Невский им. Ленина! А то получается — все делает будто Ижорский завод!!!» Записка подписана несколькими делегатами, но подписи неразборчивы[212].

Естественно, что в записках поднимались не только хозяйственные вопросы, а и вопросы, связанные с политической борьбой внутри партии, с состоянием преступности в обществе. Например, такие:

«Почему докладчик не остановился на решении партии о высылке Троцкого и его последней деятельности, не повредит ли этот шаг нам?». Или: «Как реагировали Бухарин и Томский на решения Ленинградской и Московской партийных конференций о правом уклоне. Имеем ли сейчас полное единство среди Политбюро ЦК ВКП(б)?». *И такого вот содержания:* «Почему не применяется репрессивных мер как-то расстрел к растратчикам, которые истребляют очень много наших средств, которых у нас ограниченно… Нужно пустить в расход десятка три крупных растратчиков. Этим самым ограничить растраты»[213].

Вопросы, вопросы, вопросы… Они действительно были очень разные по содержанию и диапазону охвата проблем.

«Тов. Киров. Ты говорил об увеличении зарплаты и снижении цен на некоторые продукты на 10 %. Что отвечать рабочим сейчас. А ты это и сам знаешь — цены на все очень подняты. Почему чересчур нажимали на частника, торгующего кооперативными товарами… Сейчас они торгуют на рынках тайно и берут сколько хотят».

«Какие практические мероприятия были проведены областкомом в деле исправления ошибок, допущенных отдельными звеньями парторганизации в коллективизации

сельского хозяйства?..»

«Сколько отозвано колхозников за искривление линии партии и сколько отправлено на Соловки?»[214].

Все приведенные мной вопросы относятся к началу 30-х годов. Как видим, и в эти трудные годы народ далеко не безмолвствовал. Он ставил вопросы и получал ответы. Но и вопросы и ответы соответствовали тому времени, уровню политического сознания масс тех лет, их представлению о социализме и социальной справедливости. Объективная обстановка начала тридцатых годов, массовые настроения и чаяния безусловно влияли и на формирование политической позиции партийных, государственных, хозяйственных руководителей того периода, в том числе на С. М. Кирова и все ленинградское руководство.

Киров всегда находил меткие слова, яркие образы, интересные метафоры, дабы показать вред бесхозяйственности, нерадивого отношения к делу, к качеству продукции. Он не проходил мимо, казалось бы, мелких фактов и негативных явлений. Осенью 32-го года на прилавках ленинградских магазинов, в киосках появились в продаже спички «малютка». Они оказались плохого качества. У себя в кабинете Киров собрал совещание руководящих работников спичечной промышленности. Перед началом совещания он предложил всем желающим закурить: папиросы и спички лежали здесь же. Кое-кто хотел достать из карманов свои, но хозяин кабинета предупредил:

— Нет, уж, товарищи дорогие. В гости со своим угощением не ходят. Вот вам папиросы, а вот и спички, — к слову говоря, ваша собственная продукция. Так что не обессудьте!

Спички либо не загорались совсем, либо сразу же гасли. Киров поднялся со своего места и сказал:

— Теперь, надо полагать, каждому из вас понятно, по какому поводу вас пригласили на совещание[215].

Нерадивых работников, бракоделов, халтурщиков Киров подвергал не только осмеянию, но и требовал поступать с ними по всей строгости закона. С присущей ему страстностью он особенно обрушивался на тех, кто пренебрегает интересами людей. «Я мог бы, — *говорил он*, — привести целый ряд буквально возмутительных фактов. Я вам приводил пример с банями без шаек. Я мог бы вам привести завод, где выстроили новые корпуса, оборудовали их по всем правилам техники, но забыли… об уборных… Я мог бы вам рассказать, как в одной из наших транспортных организаций рабочего-ударника, старика премировали… лыжами»[216].

Конечно сегодня все, о чем говорил тогда Киров, может

казаться мелочью. Но у каждого времени свои особенности, свои радости, своя боль и печаль. И критически осмысливая свое недавнее прошлое, мы прежде всего должны научиться его понимать, не питать по поводу него иллюзий, но и не впадать в крайность огульного отрицания; короче говоря, научиться отличать зерна от плевел.

К началу 30-х годов в стране уже отчетливо прослеживались контуры административно-командной системы. В 1932 году Политбюро ЦК ВКП(б) дважды (в ноябре и декабре) рассматривало вопрос о введении новой паспортной системы и разгрузке городов от «лишних элементов». Сама постановка вопроса была вызвана бурным процессом индустриализации страны. В постановлении Политбюро ЦК от 12 ноября (его вел Сталин, присутствовал на заседании и Киров) отмечалось, что в связи с интенсивным ростом населения крупных городов за счет деревни, невозможностью обеспечения прибывающих жильем и работой, усложнением социальной атмосферы в городах и ростом преступности необходимо провести учет всех проживающих в городах. Образец нового паспорта представить к 1 декабря 1932 года[217].

16 декабря 1932 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление ЦИК СССР и Совета Народных Комиссаров об установлении в СССР единой паспортной системы и обязательной прописке. При ОГПУ создавалось Главное управление милиции. Его начальником назначался Г. Е. Прокофьев. Именно на это управление возлагались паспортизация и прописка. Соответствующие управления создавались и на местах[218]. Управление рабоче-крестьянской милиции Ленинграда и области возглавил А. А. Петерсон.

Начиная с 1933 года в Ленинграде, как и в других городах страны, шла паспортизация. Все те, кто не получил новый паспорт, автоматически лишались прописки и жилплощади и подлежали высылке из города за пределы стокилометровой зоны в течение 24 часов. «Лишними», как и следовало ожидать, оказались «классово-чуждые элементы» — как Правило, выселению подлежали лица дворянского происхождения, представители духовенства, бывшие торговцы, заводчики, офицеры.

Вся эта акция осуществлялась управлением милиции по Ленинграду совместно с ОГПУ. Из Ленинграда на сотый километр было выслано приблизительно 100 тысяч человек (эти данные нуждаются в дополнительной проверке).

Киров был полностью осведомлен о ходе операции по высылке «бывших». В Ленинградском партийном архиве хранится

немало документов, как принято говорить нынче, компетентных органов, адресованных Кирову или второму секретарю обкома М. С. Чудову. Шли они. за подписями начальника ОГПУ по Ленинграду и области Ф. Д. Медведя и его заместителя И. В. Запорожца под грифом: «Секретно», «Совершенно секретно». Всегда указывалась экземплярность документа. Как правило, стояла цифра «1». Далее стояло — «Спецсообщение». Ни на одном подобном документе нет никаких пометок Кирова или Чудова, какие имеются на других документах, далеко отстоящих от ведомства НКВД. По всей видимости, «спецсообщения», а именно по этому разделу проходили данные об арестах, «органы» пересылали первым лицам города только для ознакомления.

Снимает ли это обстоятельство ответственность с С. М. Кирова за нарушение законности, за репрессивную, по сути, политику? Ни в коей мере. Я не собираюсь создавать приукрашенный образ Кирова, выпрямлять его характер, упрощать эпоху, в которую он жил и работал. Но вынуждена остановиться на этом моменте, так как не могу согласиться и с другого рода выпрямлением и упрощением, которое стало модным в последнее время, в том числе и по отношению к Кирову.

«Чтобы решить… жилищный вопрос в связи с ростом численности рабочих на новых стройках в ходе „социалистической индустриализации”, — утверждает уже хорошо известный нашему читателю Н. А. Ефимов, — *он приказал выселить в одночасье (выделено мной. — А.К.) из Ленинграда „недобитых классово-чуждых элементов”»*[219].

Разве это не упрощение? Как мог Киров приказывать организации, непосредственно подчиняющейся центру, организации, которая все в большей степени становилась подотчетной только Сталину. Другое дело, что в условиях складывающейся командно-административной системы Киров принял, как говорится, правила игры, считая своим партийным долгом неуклонно и последовательно проводить политику Центра. За этот выбор история ответственности с него не снимает, да он и сам, по существу, расплатился за него своей трагической смертью…

Однако кроме «большой политики» с ее политическими спекуляциями на лозунге классовой борьбы, с ее интригами в борьбе за власть — той политики, мастером которой Киров никогда не был, существовала еще и многогранная жизнь города с его бурно развивающейся промышленностью, растущим экономическим потенциалом, нуждами многомиллионного уже в то время населения. И здесь Сергей Миронович оказался как раз

на высоте.

Сегодняшнему поколению, наверное, даже невозможно представить, что основным источником топлива для ленинградских жилых домов служили дрова и торф. Заготавливалось это все вручную: пила, топор, носилки, лопата. Проблемы развития торфяной промышленности, лесозаготовки всегда волновали Сергея Мироновича. Он внимательно следил за работой научно-исследовательского института торфа, постоянно интересовался его прогнозами в развитии торфяной промышленности. Интересно письмо Н. И. Бухарина к С. М. Кирову. Оно датировано 15 апреля 1933 года и публикуется впервые.

«Дорогой Сергей Миронович!

Филиал нисторфа[220] в Ленинграде висит на волоске из-за отсутствия помещения (его выселили из Гостиного двора). Стоит поэтому угроза закрытия. Я очень просил бы тебя распорядиться о закрытии дома на Марсовом поле, куда в настоящее время по договору переселился институт (там придется в таком случае выселять жильцов), если это возможно, то я прошу о предоставлении другого помещения. Привет. Твой Н. Бухарин»[221].

Несомненно, основной рабочей силой как на предприятиях по добыче торфа, на лесозаготовках, так и на постройке таких предприятий промышленности, как Волховский алюминиевый комбинат, каскад электростанций на Свири, были опять-таки заключенные и спецпереселенцы. Бараки, окруженные колючей проволокой для заключенных, и без нее, где жили переселенцы, являлись неотъемлемой частью пейзажа Ленинградской области. Бывая в Назии, на Свирьстрое, на Волховском алюминиевом комбинате, Киров интересовался бытом заключенных, их питанием, но считал, что для спецпоселенцев необходимо строить семейные бараки. Будучи в командировке в Казахстане, он напоминал М. С. Чудову, что кончается срок договора с управлением НКВД по Ленинградской области на использование труда заключенных из Свирьлагеря ОГПУ и его необходимо перезаключить.

К труду заключенных, занятых на добыче торфа, дров, на строительстве новых предприятий, в то время относились как к нормальному явлению. Киров не был исключением. Быт и условия труда заключенных его интересовали в той мере, в какой они способствовали увеличению добычи торфа и леса. От этого зависело, будут ли ленинградцы зимовать в тепле.

«Дорогой Михаил, — писал он Чудову из Казахстана, — *письмо твое получил. Одинаково с тобой беспокоюсь за наши планы в*

связи с плохой погодой. Должна же она, сволочь, измениться к лучшему. При таких условиях ничего не посоветуешь. Здесь же наоборот очень сухо и чертовская жара. Народ прямо задыхается… Если дурацкая погода не изменится, то мы можем с топливом попасть в плохое положение»[222]. 17 сентября 1934 года Чудов сообщал телеграммой Кирову: *«Не беспокойся. Думаю первых числах октября созвать пленум. Ориентировочно намечаю следующие вопросы: лесозаготовки, животноводство, план овощей на 35 год, местная промышленность, партпросвещение. Сообщи, какие из этих вопросов по твоему целесообразно поставить на пленум…»*[223]. Через неделю в новой телеграмме Чудов сообщает Кирову: *«Торф к 22-ому сентября высушили и заштабелевали полностью…»*[224].

Предельно ответственный и, как бы мы сказали сегодня, прагматичный подход к жизнеобеспечению города, лишенное начальственного высокомерия отношение к людям, неподдельный интерес к их заботам и нуждам очень быстро покорили сердца ленинградцев. Кирова знали, любили, ласково называли «Наш Мироныч».

Дора Абрамовна Лазуркина, работник обкома тех лет, писал а в своих воспоминаниях: *«Трудно сказать, кто впервые назвал так тепло и душевно замечательного революционера-ленинца… Бесспорно лишь одно: так его звали тысячи и тысячи людей»*[225].

Одно время существовало довольно расхожее мнение, что Миронычем Кирова впервые стали звать ленинградские рабочие. Но это одна из многих легенд, сложившихся вокруг его имени.

В Центральном партийном архиве удалось обнаружить несколько писем Серго Орджоникидзе к Кирову. Они относятся к началу 20-х годов, и оказывается уже тогда Серго обращался к нему «Дорогой Мироныч!» Не будем приводить их все. Процитируем только одно. Оно публикуется впервые. И интересно не только обращением, но и тем вопросом, который в нем затрагивается. Это национальные отношения в Закавказье накануне XII съезда РКП(б).

«Дорогой Мироныч!

Посылаю тебе воззвание наших уклонистов. Все утверждают, что это дело пера Сережи Кавтарадзе[226]. *Подготовка к съезду идет вовсю: и уклонисты, и наши не щадят сил и средств. Бью уклонистов изрядно, на съезде их будет, по-видимому ничтожное меньшинство.*

Ну скоро увидимся. Твой Серго. 3/III-23 г»[227].

Позднее в середине 20-х годов Кирова называли Миронычем уже азербайджанские товарищи.

Академик А. Ф. Иоффе, лично знавший его, писал, что Киров

был человеком, *«который всей волей, всеми чувствами и помыслами заполнен одной великой идеей и для которого своих личных каких-либо стремлений не существовало».* Его сокровенной мечтой было построение социализма. Он верил в эту идею и делал все возможное для ее осуществления.

Как зарождался культ

17 января 1934 года во дворце Урицкого (так назывался тогда Таврический дворец) открылась объединенная V областная и III городская Ленинградская партийная конференция. С. М. Киров выступал на ней с докладом о работе ЦК ВКП(б). 82 человека приняли участие в прениях. Разные социальные слои и группы представляли они на конференции, разные проблемы ставили в своих выступлениях, иногда остро, иногда мягко говорили об ошибках и недостатках в своей деятельности. Но было общее, что объединяло почти все эти речи. Это восхваление И. В. Сталина. Доклад Кирова на этой конференции впоследствии публиковался под названием «Сталин — великий организатор побед рабочего класса». И этот тезис был стержневой нитью всего доклада.

Кирову вторили делегаты, конференции: начальник политотдела Мурманской железной дороги Николай Чаплин и директор Ленинградского государственного издательства Рафаил, поэт Александр Прокофьев и писатель Юрий Либединский. Рафаил: *«Наша эпоха — есть эпоха Сталина… мировое коммунистическое движение, возглавляемое таким гениальным вождем, как т. Сталин… сумеет обеспечить победу»*[228]. Ю. Либединский: *«Ленин и Сталин — какая громадная тема… Какие силы нужны для того, чтобы подойти к изображению таких характеров, чтобы изобразить таких людей, как Ленин, Сталин, Киров, Каганович, этих гениальных людей нашей партии… т. Сталин в своей гигантской работе находит время уделять и нашей литературе. Основные лозунги даны им, этим гениальнейшим из людей»*[229]. Н. Чаплин: *«…На железнодорожном транспорте были созданы политотделы. Ив этом мероприятии, как и во всем другом отразился гений тов. Сталина»*[230].

Выступая с приветствием конференции ленинградских коммунистов от Академии сельскохозяйственных наук имени Ленина, академик Николай Иванович Вавилов также провозгласил здравицу в честь ВКП(б) и ее «*вождей — тт. Сталина и Кирова».* Он заверил партийную конференцию также в том, что в Детском Селе будет создан сад, который полностью обеспечит цитрусовыми культурами ленинградских трудящихся.

Возникает вопрос, что толкнуло великого ученого на это обещание, в реальность которого вряд ли верил он сам. Перелистывая сегодня документы архивов, можно с уверенностью сказать, что к началу 1934 года Николай Иванович Вавилов был уже измучен доносами: подписанными и анонимными. Они шли на него в Академию наук, обком партии, Центральный Комитет ВКП(б). Один из них, адресованный в ЦК, который направил его для разбирательства незадолго до конференции в Ленинградский обком, Кирову, был подписан Быковым (инициалы отсутствовали) и назывался «Против реакционной методологии сельскохозяйственных наук». В нем Н. И. Вавилов был подвергнут разносной критике. Оставив без внимания такие ярлыки, как «идеалистический метод», «вредительство», Сергей Миронович попросил зав. отделом науки В. С. Волцита, курирующего научные учреждения, подготовить на его имя записку для ответа в ЦК ВКП(б). В ней Волцит подчеркнул, что *«не следует вдаваться в рассуждения по существу затронутых вопросов методологии»,* ибо это дело сугубо ученых. *«Однако,* — писал он, — *считаю, что в отношении сельскохозяйственных научно-исследовательских институтов необходимо принять такие же меры, какие указаны в приказе ВСНХ в отношении промышленных, т. е. связать их с соответствующими хозяйственными организациями и добиться на деле значительно более серьезного участия их в социалистической реконструкции сельского хозяйства»*[231].

Противоречила ли эта записка взглядам Н. И. Вавилова? Безусловно нет. Выступая с докладом при создании Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, Вавилов и сам считал: *«Первая задача академии и ее институтов — это углубленная оригинальная исследовательская работа в направлении решения важнейших практических сельскохозяйственных задач…»*

Однако начавшееся гонение на генетику, клевета, приклеивание ярлыков несомненно сыграли роль психологического прессинга, что и сказалось на его выступлении.

История необратима. Она идет по своим законам. Человек — не винтик, не робот в сложном механизме общества. Ему свойственны не только подвиги, высокие моральные помыслы, но и слабости, ошибки, порой трагические. От него зависит ход и направления общественного развития. И он несет моральную ответственность перед судом истории. Такой трагической ошибкой Сергея Мироновича Кирова было несомненное его участие в создании культа личности Сталина.

1934 год начался для Кирова неудачно. Почти весь февраль он проболел гриппом, 20-го ему стало лучше, он вышел на работу. Начались встречи, поездки, совещания, В начале марта он

снова несколько дней проболел. В связи с чем не смог присутствовать на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 5 марта. К тому же 7 марта опросным путем членов и кандидатов в члены Политбюро там решались вопросы, в том числе и по Ленинграду. 8 марта Киров присутствовал на торжественном заседании, посвященном Международному женскому дню, а вечером поездом уехал в Москву. В записке Михаилу Семеновичу Чудову он сообщал:*«…7-ого марта в Москву не сумел поехать, замучил насморк и пр. Еду 8-ого, хотя П. Б.* (Политбюро. — *А.К.) было 7-ого. Пробуду один день 9-ого, 10-ого вернусь. Надо там проинформироваться, никаких вопросов с собой не беру*»[232].

25 марта 1934 года Серго Орджоникидзе писал в письме к Кирову: «Слушай, друг, тебе надо отдохнуть. Ей-ей, 10–15 дней без тебя там ничего особенного не случится… Наш земляк считает тебя здоровым человеком. Оно так и есть, но все же передохнуть надо!»[233]

«Земляком» Орджоникидзе и Киров в своей переписке именовали Сталина.

Действительно, рабочие дни Кирова были весьма плотно спрессованы. В Ленинграде возникали трудности с выполнением заданий второй пятилетки. Не все ладилось в Лбинах. В области все время возникали проблемы с животноводством. Остро стояли проблемы коммунального хозяйства города. Все чаще и чаще Кирову приходилось брать на себя решение хозяйственных вопросов, подменяя советские, хозяйственные органы, прибегая к административному нажиму, все меньше и меньше внимания уделялось политическим методам партийного руководства.

Несомненно, развитие страны требовало, чтобы партия, фактически единственная политическая организация страны, больше уделяла внимания экономике. Но вряд ли правилен был тот метод, те рычаги, к которым она стала все чаще и чаще прибегать.

Вспомним, что во второй половине 20-х годов ЦК ВКП(б) принял ряд постановлений по сугубо хозяйственным вопросам: о рационализации производства, режиме экономии. И уже в то время партия стала отходить от политических методов — убеждения людей — к практике жесткого руководства приказами. В 30-е годы тенденция эта усилилась. Индустриализация, развитие сельского хозяйства были не просто экономическими задачами. От их решения зависело «быть или не быть» стране независимой. И партия бросилась их решать, все чаще и чаще прибегая к командно-административному нажиму.

Появление отдельных черт складывающейся командно-бюрократической системы еще в 20-е годы тревожило таких

лидеров, как Киров. *«Нам нужно, — говорил он, — вести беспощадную борьбу с бюрократизмом, косностью, чванливым и барско-пренебрежительным отношением к нуждам рабочих и крестьян».*

Но бюрократизм порождала сама организационная структура партии. Начиная с XVI съезда, состоявшегося в июне 1930 года, она переходит к сугубо функциональному принципу в работе своего аппарата, подменяя полностью хозяйственные органы. Создается институт инструкторов, курирующих отдельные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Появляются инструкторы по льноводству, по животноводству, по откорму свиней и т. д. Все это, безусловно, отрицательно сказывалось на руководстве хозяйственной деятельностью. Представьте себе положение директора предприятия или совхоза, к которому в иной день приезжало для проверки и «указаний» до 9–10 райкомовских инструкторов. Так постепенно партия все дальше отходила от политических методов решения проблем. Главным становится административно-командный метод. И это в полной мере стало проявляться и в Ленинграде, где все нити сходились в обкоме — у С. М. Кирова.

Передо мной бланк малого формата Ленинградского обкома ВКП(б). На нем кировской рукой сделаны пометки: «переговорить», «позвонить», «проверить», «вызвать». Хронологически они относится к марту 1934 года. Скорее всего, это заметки всего одного дня — 24 марта. Не все записи удалось расшифровать. Но поражает объем того, что решал Киров и диапазон проблем.

«Собрание института.
Вагоны для сланца.
Торпеды.
Торфяное снабжение.
Вагоны.
Секрет<арь или ари> по КСМ.
„Смена". 37 тыс.
Управление торга.
Пятаков.
Сланцы.
Комбайн.
Сушилка.
Курсы комбайнеров.
Здоровье Лейтмана.
Записка о суде.
Исакиевский собор.
Огороды.

От Ломанского до 2 Муринского 18 шт. столбов.
Электрофикация Мурманской дороги.
Отпуска.
Трамвай.
Церкви.
Корабли.
Артиллерия.
Типографии.
Пикалево завод.
Погода на 25 марта.
Троллейбус»[234].

Трудно прокомментировать этот впервые публикуемый документ, касающийся «среза» всего одного кировского рабочего дня. О каком собрании идет речь, установить пока не удалось, а все остальное — в основном поддается расшифровке. Вопросы, причем самые разноплановые, решались Сергеем Мироновичем в этот день.

Попробуем же сгруппировать их. Первая группа — это создание новой техники для сельского хозяйства. Ученые Ленинграда были тогда заняты разработкой «северного комбайна». Считалось, что с его помощью возможно будет производиться уборка зерновых в трудных условиях полуболотистой, суглинистой почвы. Первые испытания комбайна предполагались осенью 1934 года. Киров считал важным форсирование работ по его созданию и подготовке комбайнеров для работы на этой новой технике. Не менее важной задачей он считал в условиях Ленинградской области строительство стационарных сушилок.

Вторая группа вопросов связана с обеспечением жизнедеятельности города. Это прежде всего улучшение движения трамвайного транспорта и переход к другим видам транспорта — автобусу и троллейбусу, последнего тогда не было в городе вообще. Не случайно слово «троллейбус» подчеркнуто в записке двумя жирными чертами. (Замечу, что первый троллейбус был пущен в городе только после смерти Кирова.) Ленинград продолжал испытывать острый кризис в топливе. Киров помечает у себя: «сланцы», «вагоны для сланца». В это время ученые выдвигали идею использования сланца в качестве топлива. И Киров даже проэкспериментировал, протопив свою квартиру сланцами.

Волновало его и состояние торговли в городе, кадры торговых работников, обсчеты, обвесы покупателей. По его заданию в июне 1934 года водилось обследование состояния торговли и общественного питания. В специальной справке для

Кирова сообщалось о хищениях на предприятиях общественного питания. В ней приводились некоторые факты. Так, на фабрике-кухне им. Ленина в январе 1934 года хищения совершили 10 человек. Сами кражи по нынешним временам мизерные: 150 гр. сахарного песка, одна выпеченная коврижка, 200 гр. сливочного масла, шесть рабочих украли 4 кг свинины и ящик с макаронами. В феврале было также 10 хищений. За первый квартал 1934 года только по Выборгскому району с предприятий общественного питания было уволено 204 человека за воровство, 51 — за пьянство и 73 человека за прогулы. По Володарскому району соответственно 29, 12 и 47 человек. В Московском районе 51 уволены за воровство и 79 за пьянство[235].

Возможно, нашим современникам эти цифры покажутся ничтожно малыми по сравнению с тем, что «теряется» сегодня. Но нельзя забывать, что в то время действовал закон от 7 августа 1932 года об охране социалистической собственности, собственноручно написанный Сталиным. Он вводил «в качестве меры судебной репрессии за хищение (воровство) колхозного и кооперативного имущества высшую меру социальной защиты — расстрел с конфискацией всего имущества», а при смягчающих обстоятельствах грозил лишением свободы на срок не ниже 10 лет, опять-таки с конфискацией всего имущества. Амнистия по делам этого рода была запрещена.

Решались Кировым и другие социально-экономические проблемы жизни города: освещение окраин, асфальтирование площади около Исаакиевского собора.

Надо сказать, что состояние коммунального хозяйства города волновало Кирова постоянно. 16 августа 1934 года в своем письме из Сочи на имя секретаря горкома Александра Ивановича Угарова он сообщает: *«Волею судеб я оказался в Сочи, чему никак не доволен — жара здесь не тропическая, а чертовская.*

К тебе просьба. **Надо крепко навалиться на коммунальные дела.** Время уходит, а дела там плохи. Не знаю, как август. Из газет наших, конечно, ничего не узнаешь. Я писал об этом Кодацкому. По дорогам они могут сделать больше плана, если захотят. Между прочим надо **доделать асфальто-бетоном площадь Исаакиевского собора** (все выделения самого Кирова. — А.К.). Словом, программу надо дожимать, иначе трудно будет бороться за будущий год. Как с завозом дров, овощей и пр.

Очень жалею, что уехал в Сочи.

Привет. С. Киров»[236].

Третья группа вопросов, которые Киров постоянно держал под контролем, была связана с обеспечением обороноспособности

страны. Архивные документы свидетельствуют, что в то время принимались серьезные меры по укреплению обороноспособности страны. В Ленинграде это было связано прежде всего с именем Кирова.

И. В. Белов, Б. М. Шапошников, М. Н. Тухачевский — командующие Ленинградским военным округом в разные периоды 30-х годов, неоднократно это подчеркивали. Артиллерийские орудия, снаряды, танки, торпеды, средства связи, оптические приборы, боевые корабли — все это находилось в поле зрения Кирова.

Недавно в Ленинградском партийном архиве обнаружено письмо Михаила Николаевича Тухачевского. Оно датировано 12 февраля 1931 года. «Уважаемый Сергей Миронович! — говорится в нем, — мне не удается никак созвониться с Вами (я живу в Тарасовке), а Уборевич просил Вам доложить вопрос о выполнении наших заказов по металлическому самолетостроению на заводах Кр. Выборжец, имени Ворошилова. Срывается выполнение заказов на дюралюминиевые трубы, необходима энергичная Ваша поддержка»[237].

Кстати, по предложению Кирова, военные заводы были выделены в специальную группу и находились под его особым контролем. Каждую декаду ответственные за выпуск военной продукции лично докладывали ему о состоянии дел. Но наряду с первым секретарем обкома и горкома ВКП(б) этими проблемами занимался и председатель Ленгорсовета Иван Федорович Кодацкий. Сохранилось немало документов по танкостроению, подготовленных непосредственно Ленсоветом и лично Кодацким. Безусловно, многие проблемы укрепления обороноспособности страны решались административно-командными методами, но могли ли они в то время решаться иначе?

Интересовали Сергея Мироновича в упомянутый нами день много и других вопросов: тираж молодежной газеты «Смена» и беседа с секретарем комитета ВЛКСМ, очередность отпусков руководящих партийных и советских работников. Наконец, — «здоровье Лейтмана» (это был управляющий одного из трестов по добыче, переработке и сушке торфа). В архиве Кирова хранится множество проявлений трогательной заботы о товарищах по работе. Это знали его секретари. Так, Н. Ф. Свешников 22 октября 1934 года запиской сообщает Сергею Мироновичу: *«У Эдельсона грипп, слег вчера, лежит дома».*

Киров любил Ленинград, ленинградцев. Находясь иногда вдали от города, он жил его тревогами и заботами. В одном из писем к Михаилу Семеновичу Чудову в сентябре 1934 года Киров писал:

«Михаил!

1) Микоян ставит вопрос о назначении Шапошниковой[238] председателем Ленжет (опыт Москвы). Будто бы Шапошникова согласна. Не думаю.

2) Я дал согласие Микояну на назначение Зимина[239] уполномоченным Микояна.

3) Если дело сложится так, что уполномоченного Наркомтяжа не будет, то Светикова по-моему можно назначить замом Кодацкого»[240].

В этом же письме Киров просит Чудова позаботиться о топливе для ленинградцев и промышленных предприятий. «Надо двигать селижаровские угли, неважно обстоит дело со сланцами… Уборку урожая надо закончить к 15 сентября и перебросить людей на картофель. Обратить внимание на завоз дров и угля, помочь Ленсовету в коммунально-жилищных делах, особенно — жилища и трамвай».

Тревоги и заботы Мироныча были вполне обоснованы. К 1934 году население города составило около 3 млн. человек. Ленинград становился крупнейшим городом мира. Напомню, что с момента переписи 1926 года население городе увеличилось на 1 млн. 115 тыс. человек. Гигантский размах нового строительства, реконструкция старых предприятий вызывали большие потребности в рабочей силе. Ее рост шел в основном за счет притока в город населения из сельских регионов страны, естественный прирост населения был ничтожно мал: он составлял в 1928–1931 годах всего 4 %. Сильно изменился по сравнению с началом века и социально-демографический состав населения. Рабочие составляли почти 45 %, служащие — 16,6 %, кустари — 14,1 %, нетрудовое население 0,2 %. Фактически нетрудовое население почти перестало существовать. Из трех млн. человек населения города 836 тыс. — это рабочие разных категорий. Значительная часть, 22 % трудоспособного населения, была занята в социально-культурных отраслях, учреждениях науки и в коммунальном хозяйстве. К началу 1932 года число мужчин в Ленинграде превысило впервые после Первой мировой и гражданской войны число женщин. Относительно низок был удельный вес лиц старше 60 лет. Всего 5 %. Дети до 14 лет составляли 21 %. Таким образом, почти три четверти населения города — это лица трудоспособного возраста.

Такой колоссальный рост жителей Ленинграда, особенно рабочего класса, остро поставил проблемы городского хозяйства: обеспечения населения топливом, реконструкции и развития систем водоснабжения, канализации, связи. Бурное развитие жилищного строительства, возникновение новых жилищных

массивов в Выборгском, Невском, Московско-Нарвском районах заставило всерьез задуматься о транспорте. Необходимо было обеспечить сравнительно быстрое перемещение людей к местам их работы. В 1934 году летом на линию вышли первые триста автобусов. В свою очередь, значительное увеличение транспортных потоков вызвало необходимость позаботиться о безопасности движения. Почти ежедневно газеты «Ленинградская правда», «Красная газета», «Смена» сообщали о дорожно-транспортных происшествиях: наезды на пешеходов, столкновения машин. 23 октября 1934 года вопрос о безопасности автотранспортного движения обсуждался на секретариате обкома и горкома ВКП(б). Этому предшествовало следующее обстоятельство: 16 октября 1934 года на Больше-Охтинском проспекте пьяный шофер; управляя грузовой машиной «Форд», потерял по дороге трех пассажиров, выпавших из кузова и получивших смертельные травмы, а затем сам вместе с автомобилем свалился в Неву.

Происшествие оживленно обсуждали горожане. Отдел регулирования уличного движения Ленсовета вынужден был сообщить специальной запиской об этом случае Кирову. Необходимо было принимать экстренные меры. Внимательно ознакомившись с документом, Сергей Миронович написал на нем: *«А. И. Угарову. Поднять работу по укреплению труддисциплины среди шоферов по линии профсоюза и предложить ее вести систематически, широко используя материалы подобно настоящему — преступно нарушающим дисциплину»*[241].

«Кадры решают все»

Трудно пока объяснить почему, но к весне 1934 года большие трудности возникли в осуществлении кадровой политики. Имеется большое число документов, повествующих об этом. Приведем один из них. Это письмо, причем не единственное такого рода. Оно датировано 31 марта 1933 года. Написал его Николай Иванович Бухарин.

«Дорогой Сергей Миронович!

Переболев у тебя в Ленинграде очередной болезнью и приехав в Москву, разрешаю себе побеспокоить тебя нижеследующими строками.

Серебровский снял Ольберга с Нисалюминия. Всем говорит, что согласовано с тобой. Если последнее правда, то он, по всей видимости, тебя не совсем правильно информировал. Ленинградцы (представители комиссии) были весьма поражены…

У Серебровского тут, очевидно, свои соображения: он человек

„дальнего прицела" у которого лидероведение, помноженное на конъюнктуроведение, образует материальную базу, на которой высятся „моральные, политические и религиозные недостатки".

Коротко говоря: я сегодня просил обождать Серго, и очень прошу тебя — каково бы ни было твое мнение по существу вопроса — повременить с окончательным решением до приезда шефа. Вообще же сейчас идет не только резня по деньгам, но:

1) сплошная съемка людей из институтов…

2) разбивка, пересадка, кромсание, когда меня вовсе не спрашивают. Боюсь, что растерзают Механобор (там приличный директор, коммунист, инженер, очень вдумчивый тов. Норкин).

Я поэтому прошу тебя, как главу Ленинграда, не допускать на преемственной тебе территории излишних за-, пере- и пр. „гибов", которые нам влетят в копеечку…

Твой Н. Бухарин»[242].

Это письмо не только вырисовывает характер самого Николая Ивановича, но и дает яркое представление о сложнейших отношениях тех лет.

Трагично сложилась судьба директора Механобра. Впоследствии он был репрессирован и погиб в лагерях. Николай Павлович Норкин родился в семье приказчика бывшей Могилевской губернии 3 октября 891 года, окончил гимназию, служил в царской армии, затем в Красной Армии. Вступил в партию в 1918 году. Потом окончил Днепропетровский горный институт и началась обычная трудовая деятельность горного инженера на шахтах Донбасса. С октября 1930 года Николай Павлович в Москве на руководящей работе. По рекомендации Н. И. Бухарина марте 1932 года стал директором Ленинградского института «Механобр». 7 февраля 1937 года на секретариате горкома, уже после смерти Кирова, Н. П. Норкин *«за систематическую связь с врагами народа и оказание им материальной помощи — исключен из рядов ВКП(б)».* Такая формулировка автоматически вела к аресту.

Наверное, как у всякого директора у Норкина были свои друзья и недоброжелатели. Доносов на него в различные органы было слишком много даже по тем временам. Один из них поступил от некоего члена партии с 1918 года П. Леонова в Свердловский райком партии 25 августа 1936 года. (Свердловским тогда назывался один из вновь созданных районов города.) В нем от имени большинства членов партии института утверждалось, что состояние работ в Механобре неудовлетворительное, директор глубоко не анализирует работу, что Норкин — «…*чиновник бюрократического толка», «перестал быть большевистским членом партии и продолжается связь его до*

последнего времени с контрреволюционным троцкистом Эрдманом…» Другой донос был адресован в Комиссию партийного контроля. Его подписал некто Андрей Костров. Этот член партии в выражениях не стеснялся, видимо, ярлыки он клеить был мастер: «*Научно-исследовательский институт Механобор, находящийся в Свердловском районе был и остался замусоренным мерзавцами-оппозиционерами. В Механоборе с 1931 г. работала член ВКП(б) — родная сестра Зиновьева — Зак — яркая оппозиционерка, которая поддерживалась Норкиным и секретарем парткома ярым оппозиционером Эрдманом».*

Были на Норкина и другие аналогичные доносы. Так, Карпушин, член партии с 1928 года, в конце своего послания сделал приписку: «Я еще раньше сигнализировал, но мои материалы попали в руки Цыганова и Лосева. Мерзавец Цыганов и Лосев дали обратный ход и обвинили меня в склоке».

Этот донос помечен августом 1936 года. Но еще в апреле партийный комитет парторганизации «Механобор» слушал вопрос о выступлении Карпушина на общем партийном собрании с обвинением Норкина в покровительстве оппозиционерам, работавшим в то время в институте. Именно на этом заседании парткома присутствовали работники Василеостровского райкома ВКП(б) — Цыганов и Лосев, Тогда почти все выступающие в той или иной форме поддержали Норкина. Приведу лишь одно, на мой взгляд, наиболее яркое — Алексеева. К сожалению, не указаны инициалы и не удалось пока установить, кто по профессии был этот несомненно мужественный человек. *«Обвинения со стороны Карпушина о том, что Норкин брал под защиту оппозиционную группу троцкистов зиновьевцев после убийства Кирова,* — сказал он, — *не только не обоснованы, но и ложны, так как в это время* (сентябрь 1934 — февраль 1935 гг. — *А.К.) Норкин находился за границей. До и после приезда Норкин резко выступал против бывших оппозиционеров, находящихся в Механоборе».* В защиту Норкина выступили присутствовавший на парткоме представитель НИСа Наркомата тяжелой промышленности Арманд. В постановлении указывалось: *«Выступления Карпушина тенденциозные, надуманные и вылились в склоку»,* что они *«выросли на беспринципной, личной основе…», что «затеянная склока не является первой, и на предыдущих местах работы на „Красном Путиловце“ и в институте „Металла" Карпушин имел выговор за склоку».*

Однако спустя некоторое время Карпушин пишет новый донос, и участь Норкина, а вместе с ним и тех, кто выступал на его защиту, была решена.

Следует еще раз подчеркнуть, что доносительство родилось не

в 30-е годы, а значительно раньше. Сам Николай Павлович Норкин тоже не был безгрешен в этом отношении. В своей собственноручно написанной в июне 1935 года автобиографии он писал: «Весной 1926 г., когда я работал над дипломным проектом в Екатеринославе, вновь разбушевалась зиновьевско-троцкистская контрреволюционная оппозиция. Однажды вечером, когда у меня сидел тов. Губа, студент Горного института, член партии с 1912 года, умерший в этом году, ко мне пришел некий Степанов, участник оппозиции, и начал нас агитировать о необходимости действовать против политической линии партии.

На следующий день я и покойный т. Губа рассказали об этом в Днепропетровской окружной Контрольной Комиссии. Секретарем партийной тройки был тогда тов. Леонов.

Через некоторое время я поехал отдыхать в Крым. Там я получил телеграмму от Окружной Контрольной Комиссии с предложением немедленно сообщить подробности разговора со Степановым.

Мною было подробно изложено все в письменном виде и отослано в Днепропетровскую Контрольную Комиссию. Это мое заявление послужило материалом для разбора дела Днепропетровской контрреволюционной зиновьевско-троцкистской группы»[243].

Вот такие дела. Одно порождает другое. Но на другом витке — уже не просто «оппозиция», а «контрреволюционная группа», уже «мерзавцы», а финал — массовые репрессии.

Я так подробно остановилась на судьбе одного, несомненно опытного, одаренного руководителя, дабы показать, какие трудности, давление испытывало руководство, в том числе и кировское, при осуществлении кадровой политики. И какой верой в людей и немалым мужеством надо было обладать, чтобы защитить их от наветов, клеветы, ложных доносов.

Сергей Миронович как руководитель умел подбирать лиц в свое окружение. Что ценил он в своих товарищах по работе? Честность, порядочность, верность, организаторские способности. Об этом говорил Михаил Семенович Чудов — второй секретарь обкома ВКП(б) 15 декабря 1934 года, уже после смерти Сергея Мироновича: «Тов. Киров любил и требовал честности, откровенности во всех делах, которые он поручал нам всем. У тов. Кирова раз обманувший человек выходил из доверия. Он уже будет всегда к нему с подозрением относиться в решении принципиальных вопросов. Именно честность, добросовестность и умение всегда г видеть правду — это было отличительной чертой Кирова»[244].

В Ленинграде *у* Кирова сложился свой круг людей, которые

вместе с ним решали задачи областной партийной организации. Их потом стали называть кировским окружением. Почти никто из лиц, входящих в него, не уцелел. Одни погибли раньше, другие позднее. Но все они были арестованы и почти все расстреляны.

Кто же входил в это окружение? Это Филипп Демьянович Медведь (начальник управления НКВД по Ленинградской области), секретари обкома и горкома ВКП(б) — Михаил Семенович Чудов, Борис Павлович Позерн, Александр Иванович Угаров и Петр Андреевич Ирклис; председатели Ленсовета и облисполкома — Иван Федорович Кодацкий и Петр Иванович Струппе; крупные хозяйственные руководители — Степан Иванович Афанасьев, Егор Николаевич Пылаев, Михаил Сильвестрович Иванов-Михайлов, секретари районных комитетов партии — Иван Иванович Алексеев, Петр Иванович Смородин, Павел Иванович Бушуев, Сергей Михайлович Соболев и другие.

Уезжая в отпуск, в командировку, они писали Кирову. Сохранилось много писем, открыток соратников к Сергею Мироновичу. Одни из них — деловые, другие — дружеские, шутливые, веселые. Как, например, такое:

«Миронычу и Михаилу привет от лодыря.

Говорили с Федором. Первое время самочувствие было плохое. Не понимал в чем дело. Получил письмо, стало лучше. Но письмо теплое, говорит есть твердое решение вылечиться. Послал вам ответ. О себе. Сижу пачкаюсь в грязи. Пока дела неважные. Еще слабость. На другую часть рода человеческого не тянет, а это есть следствие усталости. Погода хорошая. Как Ванька, его здоровье. Привет шарикам и Людмиле. Хорошо быть скотиной, т. е. отдыхающим.

Привет всем. П. Смородин»[245].

Киров ценил в своих товарищах умение отстаивать свое мнение и высказывать его, невзирая на лица.

Интересно проследить, как складывались и развивались, судя по документам, отношения С. М. Кирова и П. И. Струппе. Петр Иванович Струппе, член партии с 1907 года, всегда был независим в своих суждениях и всегда отстаивал свое мнение. Когда Киров в феврале 1926 года возглавил Ленинградскую партийную организацию, (Струппе был тогда секретарем Псковского губкома партии), то встал вопрос о переводе зав. орготдела Северо-Западного бюро ЦК И. М. Москвина на работу в Центральный Комитет ВКП(б). Инициатива исходила от Кирова. 2 апреля 1926 года Струппе пишет Кирову письмо:

«Я в душе не разделяю снятие с работы т. Москвина. Он столько сделал для ЦК и Ленинградской организации, что дало возможность выпрямить политическую линию и работу. Также по

отношению к другим организациям области. Надо было ЦК взять курс на возможную стабильность тт. Комарова и Москвина, сделав тому и другому соответствующие указания. Мне чрезвычайно трудно быть „затычкой“ в этом деле. Мои предложения следующие: заворгом Севзапбюро ЦК ВКП(б) назначить т. Антипова, если будет снят Москвин. 2) Меня оставить в Пскове до районирования»[246].

В этом письме содержалась просьба познакомить с письмом Сталина или Молотова. Так кто же такой был Петр Иванович Струппе? Латыш по национальности, он родился в 1889 году в семье зажиточного крестьянина. Из него готовили сделать наследника богатого хуторянина, а он вместо этого вступил на путь революционной борьбы. Аресты, административные ссылки не остановили его в борьбе за правду и справедливость. В характеристике Струппе говорится: *«Хороший партийный и советский работник. Теоретически и практически достаточно подкован. Хорошо дисциплинирован, пунктуален и работоспособен. Для партийной и советской работы одинаково пригоден»*[247].

За прямоту, убежденность, принципиальность, неспособность к интригам Сергей Миронович Киров очень ценил Струппе и настаивал на переезде из Пскова в Ленинград. Именно поэтому 15–18 апреля 926 года Киров выехал в Псков и обратился с просьбой к коммунистам пленума губкома ВКП(б): ускорить приезд Струппе в Ленинград для боты в Северо-Западном бюро ЦК ВКП(б) в качестве секретаря. Уже в июле Петр Иванович встал на учет в партийном коллективе Невского судостроительного завода. Его новая должность: секретарь, заведующий организационным отделом Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). Так постепенно складывалось кировское окружение.

Личные качества Кирова — человечность, простота, доступность, искренность несомненно являлись существенными факторами в формировании у подавляющего большинства ленинградцев теплого отношения к нему.

Донос

Однако были и те, кто не принимал Кирова как руководителя города и области. И это были отнюдь не «зиновьевцы». Наоборот, это были те, кто в свое время с невиданной энергией выступали против Зиновьева и его сторонников, а теперь, за спиной Кирова, стали действовать против него. Особенно ярко это проявилось осенью 1929 года.

1 сентября 1929 года газета «Правда» почти весь номер посвятила Ленинграду. Подборка статей подавалась под общим

заголовком: «Направим действенную самокритику против извращений пролетарской партии, против конкретных проявлений правого уклона». *Подзаголовок гласил:* «Коммунары Ленинграда, смелее развертывайте самокритику, бейте по конкретным проявлениям правого оппортунизма». «Надо с большевистской прямотой признать, — *говорилось в передовой статье,* — что в развертывании самокритики имеется целый ряд тяжелых прорывов и притом даже в лучших пролетарских организациях партии». И далее: «…как в такой здоровой и крепкой большевистской организации, как ленинградская, могли создаться элементы разложения…» *В этом же номере газеты напечатана статья Ивановского «Оплеванная самокритика».* «Высокопоставленные, политически развитые и хладнокровно мыслящие т. Рекстан и другие члены областной Контрольной комиссии, а также заместитель секретаря Центрального райкома Король не нашли в себе мужества честно признать свою величайшую классовую слепоту», — *писал автор статьи, приводя фамилии коммунистов, пострадавших за критику, некоторые из которых покончили, а другие пытались покончить жизнь самоубийством. Заканчивая свою статью, он сделал вывод:* «Областная контрольная комиссия и ленинградская печать в деле большой политической важности заняла не те позиции, которые диктуются буквой и духом решений партии».

В этом же номере публиковались и еще две статьи под характерными хлесткими заголовками — «Пробив извращений политики партии» и «Образчик классовой слепоты». Вслед за «Правдой» сенсационные разоблачительные материалы стали публиковать сначала «Ленинградская правда», а затем и «Красная газета».

Интересно, что в тот же день, когда «Правда» опубликовала сенсационный, остро критический материал по Ленинграду, Емельян Ярославский, выступая на Краснопресненской районной партийной конференции Москвы, говорил: «Иногда замазывают ошибки, чтобы не жертвовать тем или иным товарищем, хотя бы тем или иным членом областной контрольной комиссии. Если интересы нашей партии и советского государства требуют пожертвовать любым членом партии, надо сделать это, какое бы высокое место он не занимал. Это и есть борьба со злом, „невзирая на лица” (аплодисменты). Иначе получается то, что вы смогли сегодня прочесть в „Правде” о Ленинграде»[248].

Как выяснилось позднее, когда были открыты недоступные ранее для исследователей архивы, в Президиум ЦКК ВКП(б), членом которой в 1923–1934 годах был и Е. Ярославский, поступило заявление от двух большевиков-ленинградцев,

партийный стаж которых исчислялся с 1905 года. Это Георгий Александрович Десов и Константин Андреевич Юносов. В своем заявлении они «разоблачали» Кирова — как его «антибольшевистское» прошлое, так и деятельность на посту первого секретаря Ленинградского обкома. Г. А. Десов, ссылаясь на свое ознакомление в Публичной библиотеке со статьями в «Тереке», делал однозначный вывод: Киров — журналист кадетского толка. Еще более серьезные претензии предъявлялись к нему в связи с деятельностью в Ленинграде, Они сводились к двум моментам: якобы Киров не ведет последовательную борьбу с лицами из троцкистско-зиновьевского окружения и якобы в органах, учрежденных советской властью с его, кировского благословения, работает множество специалистов из бывших — белые офицеры, заводчики, их финансисты, управляющие.

За спиной Десова и Юносова, по слухам, которые тогда ходили в Ленинграде, стояли бывшие ленинградские руководители, в частности — председатель исполкома Ленсовета в 1926–1929 годов Н. П. Комаров. *«Высокопоставленные руководители Ленинграда,* — считает знаток архивов и исследователь механизмов политической власти О. В. Хлевнюк, — *в том числе председатель Ленсовета и руководитель областной контрольной комиссии ВКП(б), потребовали у Москвы снять Кирова с должности за дореволюционное сотрудничество с „левобуржуазной" прессой»*[249].

Вся эта шумиха имея под собой определенную основу. О деятельности Кирова в газете «Терек», которая некоторым догматически настроенным исследователям даже сегодня дает повод для обвинений его в «анти-большевизме», я уже подробно рассказала ранее. Что касается отношения Кирова к бывшим троцкистско-зиновьевским оппозиционерам, то действительно, некоторые из них, направленные после XIV съезда ВКП(б) в другие регионы страны, вернулись в 1929 году в Ленинград. Это были, конечно, не лидеры оппозиции, но активные ее члены (А. Толмазов, В. Румянцев, В. Левин и др.). И это естественно. Они работали в этом городе, некоторые из них здесь родились, здесь жили их семьи, почти все они после покаянных писем в ЦК, ЦКК ВКП(б) были восстановлены в партии, многие полностью отошли от оппозиции.

Верным в заявлении было и то, что в Ленинградском Совете — Органе управления большого мегаполиса, где требовались опытные кадры хозяйственников и финансистов, которых в то время было крайне мало, — работало немало бывших спецов.

В то время, когда вокруг него разгорались «разоблачительные» страсти, Киров находился в отпуске под

Ленинградом. Он ничего не подозревал ни об отправленном в Москву письме, ни о готовящихся в газетах публикациях. Получив прессу, прочитав напечатанные там статьи, Сергей Миронович немедленно прервал свой отпуск и срочно вернулся в Ленинград. 2 сентября 1929 года он уже проводит внеплановое бюро Ленинградского областного комитета ВКП(б). Оно принимает по предложению Кирова следующее постановление: «*Ленинградская организация всегда стояла и будет стоять на страже ленинских заветов, давая беспощадный отпор проявлениям оппортунизма и зажима критики… Бюро считает, что было бы глубокой ошибкой утверждать, что у нас все хорошо…, отмечает правильность опубликованного „Правдой" 1 сентября материала…»* и предлагает *«тщательным образом исследовать и проверить факты, сообщенные в центральном органе»*[250].

Стенограммы бюро обкома ВКП(б) не велось, выступления не фиксировались.

Началась бурная кампания по чистке Ленсовета и других учреждений, откуда изгонялись «бывшие». Для расследования деятельности отдела коммунального хозяйства, Севзапторга и рабкоровского движения по инициативе Кирова были созданы специальные комиссии, которые возглавили соответственно члены обкома ВКП(б) Е. Н. Пылаев, Ф. Царьков, А. И. Угаров. 7 сентября состоялся внеплановый пленум областного комитета ВКП(б), который в течение 9 часов обсуждал вопрос об ошибках и недостатках в работе отдельных звеньев партийной организации и советского аппарата в связи с опубликованными в «Правде» материалами. С докладом по этому вопросу выступил Киров, с содокладами — председатели специальных комиссий. Были отстранены от должностей зам. председателя и секретарь исполкома Ленсовета Н. Иванов и Леонов, первый также выведен из состава обкома ВКП(б). Через два дня прошел пленум областной контрольной комиссии, на котором фактически был сформирован новый ее состав. Председателем ее стал П. В. Богданов. 10 сентября «Правда» высоко оценила деятельность ленинградских коммунистов по изгнанию «бывших» всех видов. В передовой статье газеты отмечалось, что курс, взятый коммунистами, обкомом ВКП(б) *«полностью соответствует курсу партии», «.ленинградский урок должен быть продуман всей партией».*

С середины октября 1929 года тональность критического материала как в «Правде», так и в «Ленинградской правде» резко пошла на убыль, а затем совсем прекратилась.

Чем это было вызвано? Позицией Сталина? Звонком, а может быть, и визитом Кирова к нему? Сегодня мы не располагаем ни

одним источником, свидетельствующим о телефонном разговоре между Кировым и Сталиным в эти дни.

Дело в том, что с конца августа 1929 года Сталина не было в Москве: сначала он находился на лечении в Нальчике, а затем в Сочи[251]. *Но полагаю, о всех ленинградских делах он был прекрасно осведомлен. Во-первых, газеты просматривались им ежедневно; во-вторых, о «разоблачительном» заявлении, поступившем на Кирова в ЦК и ЦКК ВКП(б), несомненно, Сталина проинформировали, и наконец между 16 и 22 сентября Надежда Аллилуева в письме к Сталину сообщала:* «Ты, конечно, знаешь о них, т. е. о том, что „Правда“ поместила этот материал без предварительною согласования с ЦК, хотя этот материал видел Н. Н. Попов и Ярославский и ни один из них не тел нужным указать партийному отделу „Правды“ о необходимости согласовать с ЦК (т. е.с Молотовым). Сейчас же после того, как каша заварилась, вся вина пала на Ковалева, который собственно с ред. Бюро согласовал вопрос. На днях их всех вызывали в ЦКК. Были там т. т. Молотов. Крутин (который, зная авторитет Ковалева в „Правде", его не любит, чисто лично, т. к. сам авторитетом не пользуется, Ярославский и Ковалев. Заседание вел Серго». *Далее в письме Аллилуева подробно со слов Ковалева информирует Сталина, кто что говорил по поводу публикации статей и принятом решении «освободить Ковалева», заведующего отделом «партийной жизни», как «невыдержанного партийца».* «Ты очень не любишь, — *пишет она,* — моих вмешательств, но мне все же кажется, что тебе нужно было бы вмешаться в это заведомо несправедливое дело». *В приписке к письму Надежда Сергеевна добавляет:* «Все эти правдинские дела будут разбираться в П. Б. в четверг 26/1X».

23 сентября Сталин в ответном письме жене писал:

«Татька!

…Я мало знаком с делом, но думаю, что ты права. Если Ковалев и виновен в чем-либо, то Бюро редколлегии, которое является хозяином дела, — виновно втрое. Видимо в лице Ковалева хотят иметь „козла отпущения“. Все, что можно сделать, сделаю, если уже не поздно».

Между тем в эти дни 22–23 сентября идет интенсивный обмен мнениями в телеграммах и письмах между Сталиным, Молотовым и Орджоникидзе по поводу публикаций в газете «Правда» 1 сентября 1929 г. Так, в шифротелеграмме Молотову 22 сентября Сталин писал: «Нельзя ли подождать с вопросом о Ковалеве в „Правде". Неправильно превращать Ковалева в козла отпущения. Главная вина остается все же за бюро редколлегии. Ковалева не надо снимать с отдела партийной жизни: он его

поставил неплохо, несмотря на инертность Крутина и противодействия Ульяновой. Сталин. 22/IX 22.30. Сочи».

23 сентября Сталин в письме к Г. Орджоникидзе, возвращаясь к опросу о ленинградском деле и Ковалеве, подчеркивал, что последний «ни в коем случае не пропустил бы ни одной строчки насчет Ленинграда, если бы не имел молчаливого или прямого согласия кого-либо из членов Бюро».

После этих писем-указаний Сталина Политбюро ЦК ВКП(б) сняло с рассмотрения 26 сентября как вопрос о Ковалеве, так и о злополучной публикации в «Правде».

Григорий Орджоникидзе в письме к Сталину 27 сентября, сообщая все последние новости из Москвы по этому щекотливому делу, писал: *«Согласен с тобой, что руководители „Правды" гораздо больше виноваты, чем Ковалев,* ***больше того, виноваты кое-кто из аппарата ЦК***» (выделено мной. — *А.К.)*

Кто же эти люди из аппарата ЦК? Орджоникидзе их в письме не называет. Их имена до сих пор неизвестны. Материалы Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б) оказались для меня недоступны. Но думается, что два выявленных мною ленинградских фигуранта, — Г. А. Десов, К. А. Юносов — были пешками в этой политической игре. Интересен такой факт: для оказания помощи в проведении мероприятий по очищению города от «чуждых элементов» в Ленинград была направлена группа ответственных работников ЦКК ВКП(б) для проверки руководящего состава партийной организации. Но к сожалению, мне не удалось по имеющимся в партийном архиве документам установить состав комиссии ЦКК ВКП(б) и результаты ее работы.

Единственный обнаруженный итог кампании против Кирова: исключение из партии в начале декабря 1929 года Г. А. Десова и К. А. Юносова. В личном деле Юносова в связи с этим записано: *«Политбюро и Президиум ЦКК ВКП(б) постановили принять необходимые меры по немедленному пресечению антипартийной работы Юносова».* Расшифровка «антипартийной деятельности Юносова» дается Партколлегией ЦКК ВКП(б) — «вел беспринципную закулисную борьбу против партии и ее руководства». Сам Юносов уже в 1937 году в объяснительной записке в Петроградский райком ВКП(б) писал: *«беспринципная и закулисная борьба… выразилась в том, что в ноябре 1928 г., будучи в Москве в служебной командировке, мне пришлось быть участником разговора, дискредитировавшего одного из ответственных работников партии и неправильному суждению о руководстве партии».* Однако годом ранее, работая в Нижнем Новгороде (Горьком), Юносов при обмене партийных документов, объясняя комиссии имеющиеся у него партийные взыскания,

говорил: *«поддерживал сбор материалов, компрометирующих тов. Кирова. В связи с этим решением ЦКК исключался из партии за беспринципную борьбу против партии и ее руководителей».*

Приблизительно с такой же формулировкой был исключен из партии в 1929 году и Г. А. Десов. Каждому из них в ту пору было по 45 лет. За плечами каждого — три революции, подполье, гражданская война, тюрьмы. Георгий Александрович Десов более трех лет по решению царского суда отсидел во Владимирской каторжной тюрьме. Обоих — и Десова и Юносова — объединяла неистовая вера в правоту ленинизма, борьба со всеми, кто отступает от генеральной линии партии. Оба они крайне тяжело переживали случившееся.

Киров беседовал с каждым из них. О чем говорили — осталось секретом. Но интересно другое. Г. А. Десов вскоре по настоянию Кирова, который специально для него выхлопотал в Москве путевку, был направлен для лечения в Германию, затем вскоре восстановлен в партии, а в октябре 1930 года назначен директором завода им. М. Гельца. К. А. Юносов восстановлен в партии несколько позднее — в августе 1931 года, а шесть лет спустя органами НКВД был арестован и осужден, впоследствии реабилитирован[252].

Что касается главного героя — Кирова, то он не без поддержки Сталина и Орджоникидзе вышел из этого скандала победителем. *«Его противники были сняты со своих постов в Ленинграде. Однако в решении заседания Политбюро и Президиума ЦКК (оно имело гриф „особая папка“) предреволюционная деятельность Кирова была все же охарактеризована как „ошибка"»*[253].

Н. П. Комаров был переведен на работу в Москву, а пост председателя исполкома Ленсовета занял И. Ф. Кодацкий. В это же время на имя Кирова пришло письмо из Сочи. *«С большим удовлетворением слежу за ленинградскими событиями,* — писал некто Девингталь, уехавший из Ленинграда после разгрома „новой оппозиции". — *Это гнездо семейственности и компанейства за широкой спиной Комарова, пользуясь его близорукостью, душило всякую живую мысль, насаждая карьеризм и услужничество. От души рад, что этот гнойник наконец вскрылся… Я три года работал в исполкоме и на собственной спине испытал действие приемов этой компании. Я ушел незапачканным, ушел как вообще уходит чужой и лишний и с нетерпением ожидал этой развязки… Поэтому я с большим удовольствием вернулся бы на исполкомовскую работу, если Вы, конечно, найдете это нужным и целесообразным.*

С ком. приветом и уважающий Вас»[254].

Поражает быстрота реакции автора письма на события в городе на Неве. Ведь оно написано 11 сентября. Как отреагировал на депешу Сергей Миронович — неизвестно.

Однако в декабре 1929 года «Правда» вновь возвращается к ленинградским событиям — без сенсаций, без резкой критики. Она повествует, что *«даже в такой передовой организации нашей партии, как ленинская, мы имели ряд прорывов, о чем своевременно сигнализировала газета „Правда"»*[255].

Следует отметить, что деятельность Кирова в «Тереке» ставилась ему в вину и позднее. Так, Мартемьян Рютин, обвиняя Сталина в неправильном подборе кадров, заявлял, что он окружил себя бывшими противниками большевиков, политически беспринципными людьми. Среди них называет Кирова. Рютин заявляет о безнаказанности подобных лиц. *«Всем известно, чем кончилась попытка ленинградцев разоблачить Кирова, бывшего кадета и редактора кадетской газеты во Владикавказе. Им дали „по морде" и заставили замолчать. Сталин… решительно „защищает своих собственных мерзавцев"»*[256].

Конечно, Рютин, что называется, «перегибал»: ни кадетом, ни редактором газеты Киров не был, да и сама газета «Терек» не была кадетской. Об этом подробно рассказано в первой части. Нельзя согласиться с утверждением О. В. Хлевнюка: *«В этих обвинениях в адрес Кирова… была значительная доля истины»*[257].

Истины-то как раз в тех обвинениях и не было. Более того, величайшей, трагической ошибкой старой ленинской гвардии, их ахиллесовой пятой было стремление «каждое лыко поставить в строку». Иначе говоря, каждое маленькое отступление от «генеральной линии партий», потерю организационной связи с нею по тем или иным причинам даже на короткое время возводить в «абсолют оппортунизма». Отсюда и их стремление довести все эти «огрехи» в биографии тех или иных политических деятелей до сведения ЦК, ЦКК ВКП(б).

Доносы, сознательные или сделанные по недомыслию, сыграли роковую роль не только в судьбе тех, на кого они писались, но и самих доносителей, являлись одним из главных, грязных, но грозных орудий в политической борьбе вождей.

Глава 2
Киров и интеллигенция

Творческое содружество

Киров умел находить контакты с учеными, интеллигенцией. Ведь, скажем, старая интеллигенция в начале тридцатых все еще весьма настороженно относилась к партработникам. А Киров все равно был популярен и в этой среде. Почему?

Прежде всего, он никогда не навязывал учёным свое мнение. Напомню, что до 1934 года Академия наук СССР находилась в Ленинграде, приведу простой случай. Когда предстояло награждение первой группы академиков орденом Ленина, естественно, центральные органы обратились к Кирову с просьбой представить список д ля награждения. Киров не стал рассматривать этот вопрос в обкоме ВКП(б). Обратившись с письмом к Академии наук СССР, он попросил академиков самим решить, кого они считают нужным представить к наградам. Вскоре академик В. П. Волгин адресовал С. М. Кирову письмо, в котором просил его поддержать ходатайство Академии наук СССР в ЦК ВКП(б) о награждении ряда академиков орденами, а также об ассигновании средств для этого высокого научного учреждения. Наверное, вряд ли можно считать случайностью, что список академиков, представленный к награждению АН СССР, и подобный же список Ленинградского обкома ВКП(б) были полностью идентичны. Тогда орден Ленина получили академики А. П. Карпинский, Н. Я. Марр, А. А. Борисяк, А. Н. Крылов, А. Е. Ферсман.

Для Кирова в общении с инженерно-технической и творческой интеллигенцией не имела решающего значения их партийность. Он ценил талант, знания. Именно поэтому ученые, писатели, художники, артисты были сравнительно частыми гостями его смольнинского кабинета.

Беспартийные академики приглашались на партийные активы, конференции. И были там не просто почетными гостями, а выступали, вносили предложения, отстаивали наиболее сложные, приоритетные в то время направления советской науки.

Всем знакомо имя академика А. Ф. Иоффе — не только великого ученого, но и патриота, человека высоких нравственных

принципов. Выступая на IV областной и на II городской конференции ленинградских коммунистов, он подчеркивал, что *«партия сумела привлечь ученых к созидательной деятельности и на ней перевоспитать ту рыхлую неопределенную массу, какую представляла собой к началу революции интеллигенция и, в частности, научные работники…*

Союз науки и труда, который так часто за последнее время выдвигался как лозунг, теперь осуществился и дал реальные результаты»[258].

Быть может, это было частное мнение А. Ф. Иоффе? Безусловно, нет. Непременный секретарь Академии наук СССР В. П. Волгин спустя два года в 1934 году на XV Василеостровской конференции большевиков говорил то же самое: *«Академия наук и вся ее работа пользовались исключительным вниманием и исключительной поддержкой Ленинградской организации Коммунистической партии, в частности, товарища Сергея Миронова Кирова»*[259].

Кировская душевность, тактичность, искреннее желание вникнуть помочь развитию науки, решению конкретного дела весьма располагали к нему ученых.

Весьма примечательна в этом отношении история с академиком Г. О. Графтио. Она случилась в 1931 году, но ярко отражает ту манеру, тот стиль, который вообще был характерен для Сергея Мироновича в его отношениях с учеными.

7 мая 1931 года Графтио обратился к Кирову с письмом следующего содержания:

«Уважаемый т. Киров.

Я попытался Вас повидать, но безуспешно. Посему, имея цель выехать сегодня на место работы, посылаю Вам копию моего письма Кржижановскому. Кроме того, я просил т. Кодацкого передать Вам содержание моего разговора с ним от 5 мая. Я ни в коем случае не могу согласиться на предполагаемое снятие моего ближайшего помощника, начальника работ Лаврова… Поход на Лаврова был лишь одним из звеньев той демагогии, которая при попустительстве начальника строительства Алексеева систематически велась на строительстве до снятия Селецкого. Я посему обращаюсь к Вам с убедительной просьбой лично вмешаться в это дело.

С товарищеским приветом. Г. Графтио»[260].

К этому письму Генрих Осипович Графтио приложил копию своего письма Г. М. Кржижановскому. Привожу его также полностью:

«Председателю правления энергоцентра тов. Г. М. Кржижановскому.

Копия: обком ВКП(б). Тов. Кирову.

28 апреля Вы мне сообщили, что нынешнего моего помощника начальника работ инженера Лаврова предположено снять…

Я должен еще раз подтвердить ценные качества Лаврова, как отличного и опытного инженера и организатора, и человека большой твердости, прямоты и абсолютной честности.

Как я Вам говорил, он и старший прораб по плотине инженер Кауше, также человек дела и твердого характера, подвергались при бывшем секретаре парткомитета т. Селецким организованной травле за нежелание их принимать участие в обмане и втирании очков…

Если же правительство сохранит доверие в деле осуществления Свирской силовой установки за мной, за мной должен быть сохранен выбор моих ближайших, ответственных сотрудников и определенная оперативная свобода действий и распоряжений. Если же этого доверия нет, то на мое место немедленно должен быть направлен кто-либо другой.

6 мая 1931 г.

Ленинград

Главный инженер Свирьстроя Г. Графтио»[261]

Немного к истории вопроса. Еще в 1926 году началось проектирование на реке Свирь каскада электростанций. Главным проектировщиком их был Генрих Осипович Графтио. С самого начала создания этого проекта у него были свои союзники и свои противники.

Графтио предложил возвести станцию на мягком, глинистом грунте на правом берегу Свири. Ничего подобного мировая практика еще не знала. Многие не только советские, но и иностранные специалисты давали отрицательные заключения. Возникла критическая ситуация.

В. П. Виноградов — в то время секретарь Лодейнопольского райкома вспоминал: *«Помню, как в один из летних дней 1927 года к нам, в Лодейное Поле, на пароходе приехал Сергей Миронович Киров. Его сопровождала большая группа специалистов. Все приехавшие из Ленинграда и мы, местные партийные и советские работники, отправились из Лодейного Поля на указанное Графтио место будущего строительства. Он побывал на обоих берегах Свири, долго задержался на правом, особенно низком берегу, вызывавшем наибольшие сомнения…*

Кирову нравился дерзкий, новаторский проект Графтио. Но он не поддался чувствам, старался глубоко разобраться в сущности проекта, выяснить, насколько основательна точка зрения тех, кто возражает против строительства электростанции

на Свири. И когда убедился в том, что Графтио прав, он стал энтузиастом новой стройки»[262].

Киров поверил в творческий талант инженера Графтио, верил ему, как честному, бескорыстному, талантливому специалисту, искреннему патриоту Родины.

Отстаивать Г. П. Графтио Кирову было не так просто. Еще при Г. Е. Зиновьеве и П. А. Залуцком к Графтио сложилось определенное отношение, как к буржуазному специалисту, не способному понять и принять идеалы социалистической революции. Первые сложности возникли у Кирова при назначении Графтио главным инженером строительства каскада электростанций на Свири. Тогда Сергей Миронович был вынужден даже просить о поддержке в этом вопросе начальника равного электротехнического управления С. С. Лобова. Последний в письме на имя С. М. Кирова в январе 1927 года сообщал, что *«как я Вам обещал, я поднял вопрос перед Хозяином* (перед Сталиным. — *А.К.*), *он возражал, но я ему доказал».* Далее Лобов сообщает, что он (Лобов) категорически против поездки Графтио за границу. *«Скажи Мессингу,* — писал Лобов, — *чтобы он* (т. е. Графтио — *А.К.) без моего ведома случайно не проскользнул… На днях будет поставлен доклад на с СНК о Свири. Вызывают и Ваших (Комаров, Кондриков, Колгушкин), но если ты сам приедешь, будет неплохо. С приветом. Твой Лобов»*[263].

Однако противники Графтио добились, чтобы в конце 1928 года приостановить строительство электростанции на реке Свирь. (Не следует забывать, что эти акции предпринимались против одного из пионеров отечественного гидроэнергетического строительства, руководителя строительства Волховской ГЭС.) 20 октября 1928 года Киров добивается создания специальной комиссии по этому вопросу, которую возглавил заместитель Председателя Совнаркома СССР В. В. Шмидт. Этой комиссии были представлены все расчеты и проекты по строительству гидроэлектростанции № 3 — первой очереди Свирского каскада, сделанные Графтио и его командой. В прилагаемой к этим документам записке Киров писал: *«Вопрос требует срочного рассмотрения, так как в данное время проходят контрольные цифры по СССР.*

Ленинградский обком категорически настаивает на включении Свирской станции в план»[264].

Спустя три дня за подписью Кирова и Комарова на имя Председателя Совнаркома СССР ушла специальная записка. В ней говорилось: *«После заседания комиссии тов. Шмидта 22 октября по вопросу о Свири рассеялись всякие сомнения относительно плотины* (проекта Графтио. — *А.К.*). *Однако прежние сомнения по*

этому поводу привели к закрытию кредитов со стороны наркомата. Настоятельно просим ускорить решение вопроса о включении Свири в план строительства текущего года в размерах, заявленных нами»[265].

Результатом этого решения явилось дальнейшее строительство Свирской ГЭС. Главным инженером его стал Графтио. Между тем его противники всеми правдами и неправдами ставили ему препятствия: тормозился подвоз стройматериалов, снимались помощники Графтио.

Поэтому в 1931 году Графтио снова обращается с вышеприведенными письмами в Москву и Ленинградский обком ВКП(б).

Позволю себе напомнить, что это было «смутное время». Уже прошли процессы «Промпартии», «Шахтинского дела». Все недостатки и производстве, в строительстве зачастую объявлялись «вредительскими» действиями. В силу этого Киров стремился всячески защитить и оградить Генриха Осиповича Графтио.

После получения в 1931 году письма Графтио, Киров немедленно вызвал к себе начальника строительства Г. А. Алексеева. О чем они говорили вдвоем — это навсегда останется тайной. Не велась стенограмма этой беседы, но сохранилась объяснительная записка, в которой Алексеев поддерживал все позиции Графтио, заявляя, что вину за гонения на людей Генриха Осиповича должна целиком взять на себя партийная организация. При этом Г. А. Алексеев брал на себя обязательство во всем помогать Графтио.

Вместе с этим для защиты Графтио Сергей Миронович предпринимает новые ходы. Учитывая авторитет Графтио, его опыт крупнейшего гидроэлектростроителя и вклад в решение проблемы энерговооруженности страны, обком ВКП(б) представляет Генриха Осиповича к награждению орденом Ленина» Такая высокая оценка научно-практической деятельности Графтио в немалой степени, думается, способствовала тому, что в 1932 году Академия наук СССР избрала его академиком.

Еще один пример бережного отношения Кирова к технической интеллигенции. Волховский алюминиевый комбинат — новостройка первой пятилетки. Вот-вот будет его пуск, а идет сплошной брак. Начали некоторые поговаривать: «вредительство», «вредители». Киров мудро посоветовал не торопиться с выводами, а создать бригаду из ученых и специалистов-практиков для изучения сложившегося положения. В результате были обнаружены нарушения в технологическом

процессе производства алюминия. Волховский алюминиевый комбинат был пущен несколько позднее, но зато алюминий пошел хорошего качества[266].

Я подробно остановилась на этих примерах, так как в них наиболее ярко проявилась позиция Кирова по одной из острейших проблем партии тех лет — ее отношения к научной интеллигенции. Он хорошо понимал, что наука, особенно прикладная, может на определенном этапе иметь отрицательные результаты, но и это тоже результат. Важно поддержать, помочь, ободрить. Ведь благодаря заступничеству Кирова была сохранена жизнь и возможность заниматься научной деятельностью целой плеяде будущих советских академиков. Без понимания этого трудно понять то хорошее отношение к Кирову, которое «ложилось в среде научной интеллигенции, оценить ту роль, которую он сыграл в становлении и развитии многих фундаментальных и прикладных исследований, активно способствуя организации новых научных учреждений. Ведь с 1928 по 1934 год их число в Ленинграде возросло с 86 до 165[267].

«Кирова, — отмечал академик А. А. Чернышев, — *отличала удивительная ясность ума, умение „на лету“ схватывать существо дела, быстрая реакция на новизну в научно-технических проблемах».* Так, оценив важность нового научного направления — химической физики, он оказал большую помощь Н. Н. Семенову — одному из основоположнике этого направления, впоследствии академику. С помощью Кирова в Ленинграде создавался Институт химической физики. *«У нового научного учреждения,* — писал в 1934 году Н. Н. Семенов, — *не было помещения, не хватало оборудования. Институтом заинтересовался С. М. Киров. Он приехал к нам, провел в институте несколько часов, внимательно осмотрел лаборатории… Вскоре он вызвал меня в Смольный и сам предложил конкретный план быстрого развертывания деятельности института. Своим сотрудникам он поручил помочь институту в осуществлении этого плана».*

Трудно складывались отношения Сергея Мироновича Кирова с великим русским физиологом Иваном Петровичем Павловым. Кирову никак не удавалось наладить с ним контакт. Как всегда этим воспользовались определенные круги, которые пытались использовать позицию Павлова в своих целях. Так, 2 ноября 1932 года Правление Дома Ученых обратилось к Кирову с письмом следующего содержания:

«Правление Дома Ученых обратилось к академику Павлову И. П. с просьбой написать статью в юбилейную газету, посвященную 15-летию Октября. Он отказался и мотивировал

следующим образом:

1. Голод в стране, даже ученые в ущерб науке занимаются вопросами питания.

2. Жилищный кризис и как следствие этого перенаселение, инфекционные заболевания.

3. Отсутствие научной мысли. Диалектика является принужденным методом научно-исследовательской работы.

4. ГПУ. Аресты интеллигенции по подозрению в хранении валюты. Содержание в камерах отвратительно.

Я не уезжаю за границу, — заявляет Павлов, — по двум причинам: во-первых, я — русский, а, во-вторых, здесь работа уже налажена, а за границей все заново организовывать, а на это много времени»[268].

Возникает вопрос: у кого из правления Дома Ученых могла возникнуть мысль просить И. П. Павлова написать статью в юбилейный номер газеты, посвященной 15-летию Октября? Ведь всем были известны его взгляды, его неприятие многих явлений, которые принесла революция. Великий миротворец, гуманист Иван Петрович Павлов выступал категорически против насилия, классовой борьбы, раскулачивания крестьянства, за социальную справедливость к представителям всех классов и сословий. Более того, в научных и партийных кругах хорошо было известно о тех неприязненных отношениях, которые сложились между И. П. Павловым и бывшими руководителями Ленинграда, прежде всего, Г. Е. Зиновьевым. Поэтому сам факт такого обращения к академику со стороны Дома Ученых нельзя расценить иначе, как провокацию, а послание на имя С. М. Кирова весьма смахивало на донос.

Киров оставил этот документ без внимания, но снова попытался наладить личный контакт с великим ученым. Этого ему сделать не удалось. Тогда С. М. Кирову пришлось прибегнуть к посредничеству. Посредником стал Николай Иванович Бухарин. В одном из писем (оно не датировано) Бухарин сообщает Кирову:

«Дорогой Сергей Миронович!

Посылаю тебе доклад + экз[емпляр] для Марии Львовны. Я сегодня уезжаю, не успел зайти к Павлову — так меня заездили, но я вернусь через несколько дней обязательно и постараюсь урегулировать дело…

Твой Николай»[269].

В чем же состояло «неурегулированное» дело? В 1934 году, в связи с 80-летием великого русского физиолога, намечалось переиздание ряда его книг. Так как отношения ученого с новой властью складывались, мягко говоря, неоднозначно, то, естественно, это отражалось в его произведениях, прежде всего, в

предисловиях. Киров и попросил Бухарина «урегулировать» этот вопрос с И. П. Павловым, попросив последнего написать новое предисловие. Удалась ли эта миссия Бухарину? Об этом следующее письмо:

«Дорогой Сергей Миронович!

Так как я, не смотря на всю свою настырность и надоедания Марии Львовны, тебя все же поймать не мог, но оставляю записку (сейчас уезжаю).

1. Дело с академиком Павловым… В статье, которую он прислал, конец он согласился снять.

2. О журнале (то, что мне говорил Позерн), он на все согласился.

3. Насчет книги (предисловие). Он уперся, говорит, что никак не может, что бы уже напечатано и т. д. Как я его не уламывал (более 3-х часов сидел, по этому пункту) ничего не добился.

Раньше говорил со Стецким, он тоже меня просил уломать, но говорил, что приказал печатать, если старик не согласится.

Я все употребил, но этого пункта не мог кончить победным концом.

Крепко жму руку. Твой Н. Бух.»[270].

Бдительно следили цензоры за опубликованными Павловым статьями. Маленький, но крайне интересный документ:

«ЛК ВКП(б)

Тов. Угарову.

Дорогой Александр Иванович.

Обращаю твое внимание на № 10 журнала „Вестник знания” (Леноблиздат), посвященного юбилею академика Павлова. Из 5 статей, опубликованных в журнале, ни в одной ни слова не говорится о том, что сделала для Павлова Советская власть и партия, и какие у него были ошибки.

Я уже обратил внимание Леноблгорлита на допущенную им ошибку и дал соответствующие указания.

Прошу тебя сделать необходимые указания и по линии самой редакции журнала.

С товарищеским приветом Б. Волин»[271].

Б. Волин (настоящая фамилия — Фрадкин) в 1931–1935 годах был главным цензором страны.

Наряду с литературной цензурой осуществляли свой контроль и органы НКВД. В зоне внимания последних находился и сам Иван Петрович Павлов и его дети. В совершенно секретном спецсообщении из Ленинградского УНКВД на имя Кирова сообщалось: *«Академик Павлов под влиянием своего сына Всеволода Павлова (выполняющего обязанности его секретаря) отказался от участия в юбилейных торжествах, вечером 26/IX*

выехал в Колтуши и распорядился никому не сообщать о его месте нахождения, так как он никого в день юбилея принимать не будет.

*Утром 27/IX туда прибыла вся семья Павловых. Весь день до обеда — Владимир Иванович Павлов (*второй сын академика*) упрекал Всеволода Павлова в „неблаговидных поступках" в отношении общественных организаций и дирекции ВИЭМ*[272]*, которые настаивали на торжественном проведении юбилея…*

В 15.45 27/IX в Колтушах было организовано торжественное вручение академику Павлову пакета Совнаркома СССР, содержащего в себе приветствие юбиляру…

Получив пакет академик Павлов был сильно растроган… После этого собрав всех членов семьи и зачитав приветствие Павлов заявил: „Я предполагал, что приветствие правительства будет только опубликовано в печати и никак не ожидал, что получу приветствие лично и за подписью Председателя Совнаркома Молотова. Теперь хватит. Больше я никого слушать не буду и если мне удастся дожить до следующего юбилея, то я буду поступать так, как подсказывает мне моя совесть. Я буду праздновать юбилей так, как это принято»[273].

Кстати, уже после празднования своего юбилея академик Павлов направил Бухарину письмо. В нем говорилось: *«Я действительно наделал массу глупостей со своим юбилеем и теперь не знаю, как из такого положения выбраться»*[274].

Ученики И. П. Павлова, да и он сам видели, как много делала советская власть, руководитель Ленинградской организации ВКП(б) С. М. Киров для обустройства лаборатории академика в Колтушах, снабжения ее необходимым оборудованием, собаками для опыта. И это примиряло Павлова с советской действительностью. Нельзя забывать, что он горячо любил свою страну. Но многое его и возмущало. Вряд ли можно считать случайностью письмо И. П. Павлова в правительство, написанное им после убийства С. М. Кирова 21 декабря 1934 года *«Мы жили и живем под неослабевающим режимом террора и насилия… Пусть, может быть, это временно. Но надо помнить человеку, происшедшему из зверя, легко падать и трудно подниматься. Тем, кто злобно приговаривает к смерти массу себе подобных и с удовольствием приводит это в исполнение, как и тем, насильственно приручаемым участвовать в этом, едва ли можно остаться существами думающими и чувствующими человечно. И, с другой стороны, тем, которые превращены в забитых животных, едва ли возможно сделаться существами с чувством собственного достоинства… Пощадите же нашу Родину и нас»*[275].

Операция — «блудный сын»

И еще судьба одного великого ученого — Петра Леонидовича Капицы, который, возможно, даже и не подозревал об этом, была связана невидимыми, но довольно прочными нитями с С. М. Кировым.

Во всех книгах, посвященных П. Л. Капице, говорится: в 1934 году вернулся из Англии на родину. И более ни слова. Почему он вернулся, что побудило его на этот шаг?

Мне удалось обнаружить в архивах документы, которые позволяют пролить некоторый свет на эту запутанную, почти детективную историю.

Общеизвестно: еще в 20-х годах Капица выехал в Англию в качестве научного сотрудника Кембриджского университета. Талантливый ученый, он вскоре становится директором Мондовской лаборатории, избирается членом Лондонского Королевского общества Великобритании. В начале 30-х годов П. Л. Капица — ученый с мировым именем.

В 1934 году по решению советского правительства Академия наук СССР меняет место своего постоянного пребывания с момента основания — Петербург — на Москву. По-видимому, в это время и была задумана операция по возвращению гражданина России Капицы в Советский Союз. Она разрабатывалась и осуществлялась одним из управлений НКВД СССР. В нее посвящается ряд партийных и советских работников: В. И. Межлаук, В. В. Куйбышев, Н. И. Бухарин, К. Е. Ворошилов, Г. Л. Пятаков, С. М. Киров. И, естественно, главный ее организатор — Сталин.

Исполнителями акции выступали ленинградские чекисты. Степень участия партийных и советских работников различна. Руководство города на Неве — С. М. Киров, а в его отсутствие — М. Чудов или Д. И. Угаров постоянно информировались чекистами о ходе операции, в то время как В. И. Межлаук и Г. Л. Пятаков были ее активными участниками. Обнаруженные документы — спецсообщения Ленинградского Управления НКВД, включающие донесения «сексотов», агентов наружного наблюдения, перлюстрацию адресованной Капице почтовой корреспонденции. Все документы подписывались Медведем и Строминым.

В сентябре 1934 года в Ленинграде состоялся Менделеевский съезд ученых-химиков. Оргкомитет съезда послал приглашение на съезд П. Л. Капице. Оно было подписано Н. Н. Семеновым и А, Ф. Иоффе. 7 сентября Петр Леонидович с женой Анной Алексеевной приехали в Ленинград[276].

Это была не первая его поездка в СССР.

Помимо активного участия в работе Менделеевского съезда,

Петр Леонидович Капица провел ряд встреч с видными учёными Советского Союза — Н. Н. Семеновым, А. Ф. Иоффе, А. Н. Крыловым, Ф. И. Щербатским. По всей вероятности, среди ближайшего окружения всех названных академиков были секретные сотрудники (сексоты) НКВД, которые информировали свое руководство о каждом шаге Капицы и всех его научных разговорах, не забывая и о самих академиках.

Между тем против Капицы началась подготовка массированной акции. 16 сентября в Кремле под председательством В. В. Куйбышева[277] состоялось заседание правительственной комиссии, на котором обсуждался вопрос о том, как оставить П. Л. Капицу в СССР. На этом заседании почему-то присутствовал и один из научных сотрудников Физико-технического института Д. Л. Талмуд. Не располагая стенограммой заседания (если она велась), не будем фантазировать. Писать надо только о том, что подлинно известно. А известно решение комиссии. Оно гласило: *«Исходя из соображений, что Капица оказывает значительные услуги англичанам, информируя их о положении в науке СССР, а также и то, что он оказывает английским фирмам, в том числе военным, крупнейшие услуги, продавая им свои патенты и работая по их заказам, запретить П. Л. Капице выезд из СССР»*[278].

Г. Л. Пятакову было поручено сообщить Капице о данном решении и вступить с ним в предварительные переговоры. Как свидетельствует документ, 21 сентября Петр Леонидович был официально приглашен к Пятакову, и последний предложил ему подумать о необходимости остаться и работать в Советском Союзе. Капица категорически отверг предложение. Свой отказ он мотивировал тем, что возвращаться в Советский Союз ему уже поздно: у него *«интересная научная работа»,* прекрасно *«оборудованная лаборатория, необходимый штат научных сотрудников»* и, наконец, он *«хорошо обеспечен материально»*[279]. Выслушав Капицу, Пятаков для окончания беседы предложил пройти к Валериану Ивановичу Межлауку — одному из замов Председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Капица оказывался в положении весьма затруднительном — под «обработкой» двух авторитетных по должности людей. Он уклонился от встречи с Межлауком и в тот же день поздно вечером выехал из Москвы в Ленинград.

А в городе на Неве Капицу уже ожидала телеграмма из Москвы, извещающая его о вызове в Москву к Межлауку. Телеграмму он просто проигнорировал. Тогда начались телефонные атаки Межлаука, его секретариата из Москвы. И тем не менее сначала Петр Леонидович отказывался самым

решительным образом от встречи с Межлауком. Однако после неоднократных телефонных переговоров, настойчивых просьб он 24 сентября дал согласие и выехал в Москву[280]. Там через два дня состоялась его встреча и беседа с В. И. Межлауком. Она продолжалась более трех часов, но, говоря языком дипломатов, в результате ее были только уточнены намерения сторон, соглашение достигнуто не было. В. И. Межлаук подтвердил: «*Правительство СССР считает выезд П. Л. Капицы заграницу нежелательным. Вместе с тем, правительство разрешает выезд заграницу его жены, предоставив ей право на вывоз привезенного из Англии автомобиля*»[281].

После всего случившегося — задержания, неприятных бесед, отсутствия привычной научной атмосферы, полной неопределенности в дальнейшем — состояние сорокалетнего ученого, прикипевшего всеми своими привычками, трудовым распорядком к милой его сердцу Англии, было напряженным. Об этом свидетельствовали его слова: *«Меня можно заставить рыть каналы, строить крепости, можно взять мое тело, но дух никто не возьмет. И если надо мной будут издеваться, то я быстро покончу счеты с жизнью любым способом, я скорее пущу себе пулю в лоб»*[282].

Человек действия, Капица стал предпринимать конкретные меры, направленные на возвращение в Англию. Прежде всего он решил встретиться с Будницким, заместителем директора Физико-технического статута, и постараться выяснить: отдано ли распоряжение о его задержании или же только о задержании визовых документов на отъезд в Англию. Это имело принципиальный характер, так как распоряжение задержании Капицы означало его арест, а ликвидация только выездной визы давала возможность вести борьбу за разрешение на выезд. Будницкий подтвердил: имеется распоряжение только о задержании документов на выезд. И, хотя Петр Леонидович иногда склонялся к пессимистическим мыслям и считал возможность своего отъезда за границе *«в сложившихся условиях — маловероятной»*[283], он продолжал борьбу. Капица намеревался лично обратиться к всемирно известным ученым Эрнсту Резерфорду, Полю Ланжевену и Альберту Эйнштейну, которые хорошо его знали, с просьбой поднять кампанию в мировой печати и среди общественности с требованием разрешения его выезда из СССР, и полагал также важным привлечь к борьбе за свое возвращение в Англию советских ученых. С этой целью, по его мнению, группа академиков могла бы выехать в Москву и обратиться непосредственно к Н. И. Бухарину, К. Е. Ворошилову и А. М. Горькому *«для*

организации, широкой кампании в защиту Капицы»[284].

Сказывались, конечно, плохое знание советских реалий и политическая наивность Петра Леонидовича. Они проявились также и в том, что он считал, что Сталин ничего не знает, поэтому *«надо постараться узнать, где находится тов. Сталин — в Москве или на отдыхе — и поставить его в известность о случившемся»*[285].

Между тем бесспорно одно: акция против П. Л. Капицы была предпринята с ведома и одобрения И. В. Сталина. Она разрабатывалась и контролировалась непосредственно наркомом НКВД СССР Ягодой и начальником секретно-политического отдела (СПО) наркомата Молчановым.

Естественно, задержание П. Л. Капицы в Советском Союзе не осталось незамеченным среди научной общественности и вызвало определенный резонанс. Так, академик Владимир Иванович Вернадский заявил:

«Если решение Правительства не пускать в Англию не будет отменено, произойдет международный скандал. Английское Королевское общество, членом которого состоит Капица, примет все меры к тому, чтобы вернуть Капицу. Наука — интернациональна и никому не должно быть запрещено работать там, где он хочет и на темы, которые он считает интересными»[286]. *Примерно в таком же духе высказался и академик Александр Евграфович Фаворский:* «По приказу творить нельзя. Капица откажется творить»[287].

Академик Алексей Николаевич Крылов обратился с просьбой к Президенту АН СССР академику Александру Петровичу Карпинскому выехать в Москву к Председателю ЦИК СССР М. И. Калинину с просьбой об оказании помощи для выезда Капицы за границу. Но болезнь и возраст А. П. Карпинского (88 лет) помешали ему совершить эту поездку.

Обобщая настроения советских ученых в связи с задержанием Капицы, одно из секретных донесений сообщало: «Перечисленные выше академики *(до этого назывались фамилии А. Н. Крылова, А. Ф, Иоффе, Н. Н. Семенова и др.* — А.К.*)* высказались в общем против принятого в отношении Капицы решения, считают недопустимым столь насильственное разлучение Капицы с его двумя детьми, живущими в Англии, получающими там воспитание, и разрушение его хорошо оборудованной лаборатории».

Между тем не прекращались попытки склонить Капицу принять «добровольное» решение остаться в Советском Союзе, Газета «Известия» 26 сентября 1934 года опубликовала его статью, где, рассказывая о проблеме получения жидкого гелия,

ученый писал и о своих творческих контактах с харьковскими коллегами в создании машины, предназначенной для этой цели. Капица придавал публикации большое значение. *«Появление этой заметки, — говорил он, — в правительственном органе для меня очень важно, и важно не для советской публики, а для внешнего мира. Теперь я сумею сообщить всем ученым заграницу и широкой иностранной публике, что гонение на меня ничем с моей стороны не вызвано. Наоборот, я помогал советским институтам и советской промышленности»*[288].

Но Капица не исключал и провокаций против себя. В одном из совершенно секретных спецсообщений НКВД говорится: «Если обо мне, — сказал Капица в беседе с нашим источником, — напишут в советских газетах, что я сам решил покинуть Англию и остаться в Советском Союзе, то этим мне навсегда отрежут пути заграницу и поставят в невыносимое положение перед Резерфордом и другими. Я всегда избегал политики и не позволю себя впутывать в нее»[289].

Весь октябрь 1934 года день заднем оказывалось психологическое и нравственное давление на Петра Леонидовича. С этой целью широко распускались о нем самые невероятные слухи. Среди них: «о том, что Капица работал на английскую разведку и пойман за руку», «что Капица собирал подробную информацию о положении дел на Дальнем Востоке (о строительстве второй колеи Сибирской магистрали, ее пропускной способности, о пограничных бетонных укреплениях, о заводах самолетостроения на Дальнем Востоке), дабы передать их англичанам»[290]. *Более того, в разговоре с академиком Н. Н. Семеновым Пятаков сделал «прозрачный» намек, который, конечно же, получил распространение среди ученых:* «Если слухи о секретной работе Капицы на англичан дойдут до ГПУ, то могут вызвать тяжелые репрессии по отношению к Капице»[291].

Разумеется, все эти слухи, намеки, угрозы оказывали отрицательного воздействия не только на Капицу, но и на других ученых. Как доносили источники в научных кругах, Капица стал поговаривать о том, чтобы перенести свою работу в Советский Союз, но *«для этого ему надо на полгода поехать в Англию»,* дабы *«ликвидировать дело с Резерфордом»*[292].

Некоторые известные ученые попытались обустроить Капицу в Советском Союзе. А. Ф. Иоффе вел переговоры с С. И. Вавиловым о работе Капицы в его институте. Подобный разговор состоялся у него и с Павловым, который сказал Иоффе, *«что мне и самому податься некуда».*

Деятельное участие в судьбе Петра Леонидовича принял и будущий Нобелевский лауреат Николай Николаевич Семенов. По-

видимому, это объяснялось тем, что он чувствовал свою моральную ответственность перед Капицей: ведь именно по его настоянию последнего пригласили на Менделеевский съезд.

Привыкший к определенному ритму научной жизни, пунктуальный и организованный Петр Леонидович Капица с трудом переносил вынужденное безделье. Однако на советы Семенова, что *«быть может лучше начать работать»,* неизменно отвечал: *«Давай не будем с тобой говорить на эту тему, а то с кем я ни говорил, то со всеми переругался и с тобой поругаюсь, а я этого делать не хочу»*[293].

Жил Капица в Ленинграде, по словам академика Федора Ипполитовича Щербатского, «в ужасных условиях. Квартира Капицы состояла из двух комнат в коммунальной квартире, где много посторонних жильцов. Квартира запущенная, грязная, имеет паразитов. В умывальной — очередь, уборной пользоваться нельзя из-за загрязнения»[294]. *Капица называл себя «безработным поневоле» и утверждал, что* «при таких бытовых условиях нельзя даже читать, не то что заниматься научной работой»[295].

Академик Н. Н. Семенов практически каждые два дня писал в КСУ (Комиссия содействия ученым при СНК СССР) о необходимости принятия мер по организации для Капицы лаборатории, если правительство действительно заинтересовано в том, чтобы он остался в Советском Союзе и умножал успехи отечественной науки. С этой целью Семенов предпринял попытки добиться свидания с С. М. Кировым и просить его о постройке для Капицы специального института. Однако Кирова в Ленинграде не оказалось, он находился в Казахстане. Пришлось снова и снова обращаться в Москву в КСУ. Но сочувствия к Капице Семенову здесь найти не удалось. Более того, «ходатаю» порекомендовали: *«оставить Капицу в покое и ждать, пока он сам не обратится в соответствующие советские учреждения с просьбой о создании ему лаборатории»*[296].

С этим советом Семенов не согласился. Он заявил, что имеет «намерение втянуть Капицу в круг советских ученых и готов с этой целью предоставить Петру Леонидовичу должность консультанта в своем Институте и этим создать видимость его участия в исследовательской работе».

По-видимому, к этому времени, то есть к концу сентября, советское правительство располагало информацией о реакции мировой научной общественности и, прежде всего, английской на свое решение: оставить Капицу в СССР. В спецсообщении НКВД на имя Кирова от 25 октября 1934 года говорится: «…25 октября из Москвы вернулся академик Семенов. В беседе с ним наиболее близко стоящими к нему научными сотрудниками, он сообщил

новости о физике Капица… Во время пребывания в Москве Семенов встречался с академиков Фрумкиным, вернувшимся из Англии. Фрумкин рассказал Семенову, что ему стало известно об оставлении Капицы в СССР еще в Англии от жены последнего. Когда жена Капицы обратилась по этому вопросу к директору Кэмбриджского университета — Розерфорд[297], он заявил ей: „Для меня не является неожиданностью задержание Капицы, я удивляюсь, как его не задержали во время его предыдущих поездок". Академик Фрумкин подчеркнул значительное полевение научных кругов Англии, растущее сочувствие к СССР… Основываясь на этом, Фрумкин выразил сомнение по поводу того, что история с Капицей способна вызвать сочувственные отклики в среде английской интеллигенции». *И далее:* «Посетивший на днях Капицу профессор Френкель высказал после визита мнение, что Капица изменился за последнее время в лучшую сторону, начинает уже говорить о работе и намерен начать ее в Харьковском Физико-техническом институте. Большую часть времени Капица проводит дома, посещает преимущественно академика Крылова и в последнее время — академика Щербатского. Ежедневно Капица бывает в театре»[298].

Так прошел почти месяц. В конце октября, точнее 27-го, к Капице домой пришел Д. Л. Талмуд, в разговоре с которым Капица сказал: «Я не оправдываю своей глупости, что так просто попался. Тщательно обдумав свое положение, я пришел к выводу: ни при каких обстоятельствах не возобновлять работу в Союзе. Меня невозможно взять измором, так как я состою в числе членов Английского Королевского общества, которые получают пожизненную ставку, независимо от места нахождения и выполняемой работы». «Кроме того, — продолжал он, — дальнейшие ходатайства не имеют смысла, так как советские ученые настолько забитые, молчаливые и покорные люди, что не в состоянии оказать какого-либо давления, заставить Правительство изменить свое решение»[299].

В этот же день Петр Леонидович написал довольно резкое письмо академику Семенову: «в результате их бесед он пришел к выводу: от былой их дружбы мало что осталось и, хотя он и дальше надеется сохранить с ним добрые отношения, однако вынужден просить завтра не приезжать»[300].

Последние дни октября Капица в основном общался с А. Н. Крыловым и Ф. И. Щербатским. Органы НКВД установили за ним непрерывное наружное наблюдение, его переписка вскрывалась и Просматривалась. Так, 29 октября дирекция института «Гипроазотмаш» обратилась к Капице с официальной просьбой ознакомить научных сотрудников института с

исследованиями Капицы в области низких температур. Петр Леонидович, не желая вступать в прямые контакты с советским институтом, чтобы не давать повод говорить о его готовности к сотрудничеству, переправил обращение в Англию — жене, с припиской: *«Ответь по-английски, что моя статья будет напечатана в английских журналах»*[301]. Органы НКВД, сняв копию письма Капицы, переслали ее С. М. Кирову.

31 октября Петру Леонидовичу Капице был вручен нарочным пакет из Москвы от В. И. Межлаука. В своем послании Межлаук предлагал Капице к 3 ноября представить предложения о его научной работе в СССР. Ознакомившись с содержанием пакета, Капица попросил нарочного зайти за ответом 3 ноября в 11 утра.

Привожу полностью текст ответа:

«Тов. Межлаук В. И.

В ответ на сношение Ваше (так в тексте. — А.К.) от 26 октября за № 29 с. м., которое было мне вручено только вечером 31 октября и в котором Вы предлагаете сообщить Вам о той научной работе, которую я предполагаю вести в СССР, сообщаю Вам: как Вам известно, мои основные работы до сих пор велись в области криогенно-магнитных изысканий, которые я вел в моем Институте в Кембридже. Эти работы относятся к сложным технически в области современной физики и требуют исключительно хорошо оборудованной технической базы и высококвалифицированных кадров сотрудников. В Кембридже я развивал свои работы 13 лет, причем мои сотрудники развивались вместе с тем, как создавались единственные и оригинальные приборы, коим оборудована моя лаборатория. При этом я располагаю услугами английской промышленности, которая благодаря кризису охотно бралась за индивидуальные проблемы.

Чтобы начать эту работу снова, надо создавать всю лабораторию, не имея кадров хорошо отработанных и специально обученных ассистентов и механиков, не имея чертежей, технических данных и пр. только под одним моим идейным руководством, в любой стране потребовалось бы несколько лет усиленной работы и это при хорошей поддержке со стороны промышленности. В Союзе, где технические ресурсы крайне загружены, многие материалы дефицитны, а главное при отсутствии подготовленных помощников, я не вижу возможности взять на себя ответственность за организацию научных исследований, аналогичных тем, над которыми я работал в Кембридже. Единственный способ это осуществить, как я уже говорил Вам, была бы посылка молодых ученых ко мне в лабораторию и постепенного переведения технического опыта из моей лаборатории в Кембридже в СССР.

Я еще раз хочу отметить, что два или даже три года тому назад я неоднократно предлагал послать наших молодых советских физиков работать у меня в Институте, и, представляя им эту возможность, будучи готов принять их вне очереди в ряду иностранцев, желающих у меня работать, я еще тогда указывал авторитетным лицам, что это единственный способ перевести мои работы в Союз. К моему глубокому сожалению, это исполнено не было. При имеющихся же теперь место условиях, я определенно считаю, что взяться за создание новой лаборатории не могу и поэтому я решил для работы в СССР переменить область моих научных изысканий.

Дело в том, что я давно интересуюсь так называемыми биофизическими явлениями, т. е. теми явлениями в живой природе, которые подлежат изучениями физическими законами. Я интересуюсь вопросами механизма мышечной работы. Эта область, как лежащая на границе двух областей знания, всегда была в загоне, несмотря на ее большой научный интерес. В последние годы A. V. Hill и его школа значительно продвинули эту область и его работы получили признание ещё несколько лет тому назад, когда ему была присуждена Нобелевская премия.

Близкое знакомство с Hill'ом, который часто пользовался моей консультацией по разным вопросам физики, дало мне возможность ознакомиться с направлениями и методами его работ.

В Союзе у нас никто этими вопросами не занимается, так как они требуют не громоздких и мощных установок, а малых чувствительных и точных приборов, то я предполагаю ими заняться. Кроме того, Hill, будучи по специальности математик, в своей работе несколько преувеличил термодинамические элементы мускульных процессов, оставляя несколько в стороне чисто физические, которые меня как раз и интересуют. Обращением к И. П. Павлову я выяснил, что общее направление этих работ им одобряется и что он также интересуется этими вопросами, хотя специально на них никогда не сосредотачивался. Вместе с тем, Иван Петрович любезно соглашается предоставить мне необходимое место и технические возможности у себя в лаборатории. Как только закончу проработку необходимой литературы, то приступлю к экспериментальной работе.

Если нашим научным учреждениям потребуются мои консультации, то само собой разумеется, что я охотно буду их давать, как делал это до сих пор.

П. Капица»[302].

Это письмо достаточно явно, на мой взгляд, свидетельствует о душевном волнении его автора, сознающего, с одной стороны, свою роль и предначертание в науке, а с другой — уже до конца

понимающего всю сложность своего положения. Надежды Петра Леонидовича на шумную кампанию протеста мировой научной общественности против его задержания в СССР не оправдались. Не получился демарш и у советских академиков. Они в основном выступали как просители за Капицу или в качестве примирителей задержанного академика с правительством, пытаясь уговорить обе стороны обойтись без конфронтации, прийти к согласию. И вряд ли можно сурово осуждать их за это. Реалии тех лет для научного мира печальны и трагичны. Многим ученым были памятны высылки за границу в начале 20-х годов виднейших представителей науки, слишком свежи были впечатления от процесса над «Промпартией» и «Шахтинского дела», частичкой которых было «Дело Академии наук». Тогда подверглись аресту, а затем ссылке академики С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле и другие. В феврале 1933 года был арестован известный ученый, философ-богослов П. А. Флоренский. Ряды независимых людей редели. В этих условиях защита П. Л. Капицы уже была мужественным поступком.

К сожалению, П. Л. Капица, живший с 1923 года в Англии и бывавший на Родине наездами, не до конца сначала осознавал крайне противоречивую обстановку тех лет. Наверное, этим можно объяснить его слова: «*советские ученые настолько забитые, молчаливые и покорные».* Однако уже к ноябрю 1934 года Петр Леонидович окончательно понял: его из страны не выпустят, и никто за него «голову на плаху не положит». Поэтому в начале ноября он выехал в Москву для переговоров об условиях своей работы в СССР.

Результатом этих переговоров стало обсуждение вопроса о П. Л. Капице в декабре 1934 года на Политбюро ЦК ВКП(б). Принятое постановление предусматривало: создание в Москве в системе Академий наук СССР для Капицы Института физических проблем, причем строительство лаборатории должно быть завершено к сентябрю 1935 года. Предполагалось также оснастить ее самым современным оборудованием, институт укомплектовать по усмотрению самого Капицы квалифицированными научными кадрами. Кроме того, постановление обязывало соответствующие советские учреждения создать для ученого максимум материальных благ: выделить квартиру в центре Москвы из 5–7 комнат, дачу в Крыму, персональную машину. Контроль за выполнением данного постановления был возложен в основном на Ягоду и Межлаука.

Вот какими сложными перипетиями, порой носящими едва ли не детективный характер, обрастает простая фраза: «В 1934 г. П. Л. Капица вернулся на Родину».

С. М. Киров был участником этой истории, он регулярно получал спецсообщения о ходе операции по возвращению «блудного сына» — Капицы, хотя и не играл в ней активной роли. Интересно в этой связи то, что в 1929 году, когда в Ленинграде возникло и развивалось знаменитое «Академическое дело», никто и не думал посвящать Кирова в его «секреты». Разгадка заключается, на мой взгляд, в том, что изменилось само положение С. М. Кирова в высшем эшелоне власти. Он не просто стал членом Политбюро, Оргбюро и секретарем ЦК ВКП(б) в свой последний год, он стал доверенным лицом Сталина, получающим всю информацию по Ленинграду.

Художники и время

Безусловно, нельзя судить прошлое мерками наших сегодняшних представлений, забывая, что события уникальны. Но уроки извлекать из нашего исторического опыта мы просто обязаны. В этом плане представляет определенный интерес отношение Кирова к художественной интеллигенции.

Впервые публикуемое письмо известной художницы Валентины Ходасевич и ее собрата по профессии В. Басова адресовано А. И. Угарову и датировано 9 ноября 1933 года. В нем говорится: «Тов. Угаров! Считаем совершенно необходимым, чтобы Вы внимательно прочли наше обращение, Потому, что факты, происшедшие на площади им. Урицкого[303] в этом году способны окончательно скомпрометировать идею достойного оформления города, как в глазах руководящих организаций, так и в среде художников, искренне стремящихся поднять дело оформления города на должную высоту.

Если Вы проследите результаты оформления города за несколько последних лет, то вы увидите, что наиболее интересные эскизы, утверждаемые праздничной комиссией, постоянно искажаются и не выполняются.

Так обстояло дело и 7-ого ноября 1933 г.»[304].

Действительно, у руководства Ленинграда было немало претензий к оформлению главных улиц и центральной площади города в дни октябрьских торжеств. Это и вызвало вышеприведенное письмо художников.

Киров почти сразу же после праздников уезжал на несколько дней из города. Прочитав письмо, он наложил резолюцию: «До моего возвращения». Это означало, что Киров хотел более глубоко ознакомиться с этой проблемой, обговорить ее с художниками. В результате, спустя почти шесть месяцев послание Ходасевич и

Басова направляется в комиссию по оформлению Ленинграда в связи с празднованием 1 Мая 1934 года с сопроводительной запиской Н. Ф. Свешникова: *«Мироныч очень просил учесть это письмо в работе первомайской комиссии»*[305].

Взаимоотношения среди писателей в те годы нельзя назвать простыми. Одни писатели пытались доказать свои преимущества перед другими, хлопотали о том, чтобы именно их произведениям предоставляли «зеленую улицу» для печати, переиздания, тиражирования. И все в те времена обращались со своими амбициями, претензиями, обидами в обком, к Кирову. Сколько же нужно было такта в этих условиях партийному руководителю в отношениях с деятелями культуры.

Писатель М. Чумандрин в своих воспоминаниях отмечал, что Киров очень много читал и хорошо знал не только классическую русскую и иностранную литературу, но и современную. Однако конкретные оценки старался высказывать осторожно, тактично, понимая, что слово партийного руководителя слишком много значит. *«Творческий процесс,* — говорил Киров, — *дело индивидуальное, руководить им крайне сложно».*

Еще в начале своей партийной работы в Ленинграде Киров получил вот такое письмо:

«В Ленинградский губком. Секретарю т. Кирову
от научного сотрудника, члена ВКП(б) Георгия Шидловского.
Заявление (в порядке информации)

В „Ленинградской правде“ (№ 52 от 4/III с. г.) читаем следующую рецензию некого Г. Струмилло на книгу К. И. Захарова-Цедербаум и С. И. Цедербаум «Из эпохи „Искры"» с предисловием Невского. Автор рецензии отмечал, что книга мемуарная, авторы меньшевики, освещают все с этих уклонов, хотя книга содержит много интересного материала».

Г. Л. Шидловский приложил к письму вырезку из газеты «Ленинградская правда». В ней были подчеркнуты абзацы, а на полях содержались заметки. Вроде: *«Хорош и т. В. И. Невский!»* Затем был приведен последний абзац рецензии: *«В мемуарах много интересного материала», который Г. Л. Шидловский оценил так: «Какая хамская рецензия! **Горячо** (*все подчеркнуто автором письма. — *А.К.) рекомендует рецензент **меньшевистскую** книгу, считая ее полезной.*

Рецензия коммерческая — хвалят, чтобы покупали. Дело в том, что т. Струмилло — служащий социально-экономического отдела редсектора Ленотгиза.

Я по делам губистпарта имею дело с редактором. Знаю т. Струмилло. Он — бывший сын генерала, бывший левый социалист-революционер, был преподавателем не так давно в каком-то

военвузе. Затем устроился в Ленгизе и при всех чистках уцелел. В 24-ом он подавал заявление о вступлении в ряды ВКП (речь идет о партии. — А.К.). Губком отвел его отчасти по моему протесту. Я со Струмилло имел дело по истпарту. Он давал нам в „Красную летопись" рецензии и статьи об эсеровщине. Была статья и о Дм. Богрове[306]*. В его статьях был народнический уклон…*

В свое время Истпарт имел эту книгу (Цедербаумов), которую рецензирует Струмилло. Мы ее не взялись издавать. Слишком субъективно меньшевистская.

Правда, она ***ценна****, как материал по истории нашей партии, но это не значит, что ее должен горячо рекомендовать „беспартийный" (в кавычках) рецензент — служащий…*

Заявляю обо всем потому, что „Ленинградская правда" орган губкома, в котором (губкоме) я работаю и потому, что я — сотрудник и работник большевистской „Правды" с 1912 года. (Не могу молчать, так сказать, что с большевистских страниц да на меньшевистскую мельницу воду льют подлипалы да пролазы!)

4/III-26. Член ВКП(б) с 1906 г. Г. Шидловский

Губистпартовец»[307]

С. М. Киров, только что ставший секретарем губкома, считал себя недостаточно компетентным в этих вопросах и поэтому обратился за помощью к Н. И. Бухарину, который в это время был редактором «Правды». 18 марта 1926 года на бланке газеты «Правда» пришло письмо на имя С. М. Кирова. В нем говорилось:

«…Ознакомившись с письмом Шидловского на Ваше имя считаем, что Шидловский перегибает палку. Книга снабжена предисловием Невского, подчеркнут меньшевизм авторов. Рекомендовать книгу было можно. Автор рецензии „горячо" рекомендовал книгу читателям — это несомненно ошибка…

Считаю недопустимым и необходимым указать, что тов. Шидловский, состоявший по его словам, сотрудником „Ленинградской правды" с 1912 г., не направил своего письма в редакцию „Ленинградской правды", не опубликовал его там? Откуда такая поспешность в заскакивании вперед по партийным инстанциям.

Член редколлегии „Правды" В. Астров»[308].

Сегодняшнему читателю, в первую очередь молодому, наверное, трудно понять подобное письмо. Ведь даже по тем временам письмо Шидловского выходит за рамки элементарной нравственности. Но не торопитесь судить его, это ведь был человек, прошедший подполье, тюрьму, ссылку. Он искренне верил в то, что писал. Интересно отметить, что сломался впоследствии, не выдержав ужасов сталинской тюрьмы, и В. Астров, ставший сексотом НКВД СССР.

Огромная борьба развернулась в Ленинграде вокруг журнала «Минувшие дни». 24 ноября (год не установлен) редактор журнала П. И. Чагин писал Кирову:

«Посылаю Вам экземпляр вышедшего у нас на днях альманаха „Минувшие дни" Перелистайте его в свободные минуты и убедитесь, что ничего ужасного и даже „желтого" в нем нет. Альманах, по моему мнению, сделан вполне культурно…

Дневник Вырубовой, из-за которого разбрелся весь сыр-бор… не бьет на сенсацию, а приобретает значение мемуарного „сырья", а рядовому читателю дает новое представление о Николае, не как об „идиотике“ и „теленке”, а как об изверге и садисте»[309].

Между тем на имя Кирова, в ЦК ВКП(б) шли письма с жалобами на П. И. Чагина, посмевшего издавать подобный журнал, на страницах которого печатались дневники Николая II, Вырубовой. В связи с этим Сергей Миронович потребовал от Чагина объяснений. Оно последовало ровно через месяц — 24 декабря.

«В дальнейшем мы предлагаем запрятать этот „Дневник" *(Вырубовой. —* А.К.*)* в середину альманаха и думаем, что последующие номера будут более выдержанными идеологически, чем это удалось в отношении первого №.

Гизовцы взъелись на нас по весьма понятной причине. После ликвидации „Прибоя" мы получили „Дневник" почти одновременно. Он попал и к нам и к ним. К нам рукопись, к ним — неправленный материал. Тов. Стецким наша тяжба с ГИЗом была раскрашена таким образом — половина „Дневника" должна сначала пройти в „Минувших днях”, после чего весь „Дневник“ будет выпущен отдельной книгой ГИЗом. Согласно этого договора со Стецким и действовали. Вы правы — компиляция в „Вечерке“ была сделана из рук вон плохо. Так что обложили Вы меня за это поделом. От вины за такого рода промашку я не отрекаюсь, хотя она приключилась в силу того, что я в день появления этого фельетона только что вернулся из Москвы и из-за опоздания поезда попал в редакцию после выхода „Вечерки" (в бытность в Москве — сомнительный материал согласовывался со мной по телефону…).

Что нужно ставить в вину — ставьте, за что нужно греть — грейте! Но разве плохо, если без сдачи идеологических позиций мы добиваемся больших тиражей, чем другие и ведем дело рентабельно? Разве нормально иметь право на существование таким журналам, как истпартовская „Красная летопись“ с ее 22 подписчиками (это — факт!)[310]. Разве правильно, что этот журнал из-за опасения конкуренции и потери даже 21 своих подписчиков, предъявлял нам требование писать в „Минувших

днях” о чем угодно, только не об истории революции, затрудняя чрезвычайно тем самым для нас выдерживание идеологической линии? Разве худо, наконец, что из заработанных нами средств обком получает сейчас взять 100–150 тысяч рублей для субсидирования партийной печати?

Искренне преданный Чагин»[311].

О позиции Кирова в этом вопросе ярче всего говорит телеграмма-автограф, отправленная из Ленинграда 10 февраля 1928 года.

«Москва, Молотову, Коссиору.

В секретариате ЦК стоит вопрос о запрещении печатать „Минувших дней”. Не знаю, чем это вызвано. Прошу не запрещать. Привет. Киров»[312].

Однако поддержка Кирова, его ходатайство успеха не имели. Журнал был закрыт.

Пожалуй, наиболее ярко высвечиваются черты кировского характера, его такт, интеллигентность, чуткость в отношениях с писателями в двух письмах.

Горький — Кирову. 20.VII.29 г.

«Убедительно прошу Вас вмешаться в это несправедливое дело. Пантелеев — талантливый парень, один из авторов крайне интересной книги „Республика ШКИД“. Несмотря на свою молодость, он уже хлебнул „горячего до слез“.

Таких парней надобно беречь.

Крепко жму Вашу руку. М. Горький».

И Сергей Миронович помог. Леонид Пантелеев был тогда освобожден. Дело в том, что Пантелеев «поссорился» с милицией. Его задержали. Ему грозил суд, причем задержан он был несправедливо, что и послужило основанием для письма Горького.

Другое письмо без даты.

«Глубокоуважаемый тов. Киров!

Ряд ленинградских писателей уполномочил меня на переговоры с вами по совершенно секретному делу огромной важности, затрагивающему не только честь и права писателей, но и достоинство советской власти и партии. Вследствие этого, настоятельно прошу уделить мне четверть часа для изложения Вам всех обстоятельств, принудивших писательские круги делегировать меня к Вам.

Борис Лавренев».

Киров принял ходока писателей. Это было осенью 1926 года. Вот как описывал суть этого сугубо «секретного» дела сам Борис Лавренев уже после XX съезда КПСС.

«В 1926 году отделом печати Губкома в Ленинграде

заведывал некий проходимец, склочник и провокатор, примыкавший к литературной группе „напостовцев" Зонин. Вся его деятельность в Ленинграде представляла собой отвратительное интриганство, натравливание одних писателей на других, сеяние розни и вражды, разведение всяческих сплетен и клеветы.

По прямой инициативе Зонина и его участии работники Ленинградского управления ОГПУ Петров и Каценбоген начали вызывать к себе поодиночке ленинградских писателей и, запугивая их всяческого рода угрозами, стали предлагать им стать секретными осведомителями ОГПУ, обещая материальное вознаграждение и содействие органов ОГПУ в их осведомительской работе.

Сейчас я уже не могу вспомнить полного перечня всех писателей Ленинграда, подвергшихся такой „обработке", но твердо помню, что называли Михаила Леонидовича Слонимского, моего большого друга Михаила Эммануиловича Козакова, Каткова, Надежду Рославлеву, Баршева, Василия Андреева, Михаила Борисоглебского. Одним из последних был вызван к Петрову я. В ОГПУ Петров и Каценбоген в течение трех часов вели со мной „беседу", всячески убеждая меня стать секретным осведомителем, то расписывая мне блага, которые ждут меня в случае моего согласия, то с неменьшим жаром угрожая тяжелыми последствиями в случае отказа, включительно до того, что меня перестанут печатать и, наконец, я могу быть репрессирован, как бывший офицер царской армии.

На мое замечание, что я не только бывший офицер царской армии, но и командир Красной Армии…, что во всех моих анкетах указано, что я служил в царской армии и что репрессии ко мне могли быть применены только в случае, если бы я скрывал свое офицерство, Петров заявил мне буквально следующее: — „Вы не знаете, что мы можем! ОГПУ может уничтожить любого человека так, что никто об этом знать не будет!" После этого „милого разговора", переговорив с товарищами, которых вызывали раньше меня, мы пришли к решению, уполномочившему меня все довести до сведения т. Кирова и просить его пресечь эту грязную провокационную работу…

Сергей Миронович принял меня, внимательно выслушал, внешне спокойно, но по его лицу я видел, что внутренне он глубоко возмущен и отпустил меня, сказав, чтобы мы не волновались и что ничего подобного не будет. Действительно, в тот же вечер ко мне домой примчались насмерть перепуганные Петров и Каценбоген, униженно просили извинения за „недоразумение" и Петров даже умолял меня „заступиться" за

него перед Сергеем Мироновичем, так как он „маленький человек“ и действовал по указанию Зонина. На этом действительно все закончилось и писателей оставили в покое…

Прощаясь, Сергей Миронович сказал: „То, что вы мне сообщили, дело, конечно, глупое и противное, но не нужно так нервничать. Вы, наверное, сами не замечаете, как вы взвинчены, а все происшествие этого не стоит. Дураки переусердствовали, будут одернуты и делу конец. Работайте спокойно".

Москва. 7 июля 1957 г. Борис Лавренев»[313].

Сложная обстановка в среде ленинградских писателей сохранялась и в тридцатые годы. Об этом свидетельствуют письма, посланные Кирову с интервалом немногим менее трех недель от двух писателей. Алексей Тверяк жаловался, что его «травят». Среди тех, кто особенно подвергал его гонениям, называя «кулацким писателем», А. Тверяк называл М. Чумандрина, Ю. Лебединского, Н. Брагина и Ив. Смирнова.

Ознакомившись с письмом, Киров попросил А. И. Угарова, бывшего в те годы секретарем Ленинградского горкома ВКП(б), внимательно разобраться в ситуации. Это было 7 июля 1933 года. А 4 августа, почти с подобным письмом к Кирову обращается писатель Дмитрий Четвериков. Он жаловался, что его не печатают, травят рапповцы, мешают ему в его творческой работе над романом об Эдисоне. И снова Киров просит Александра Ивановича Угарова вникнуть в существо вопроса, оказать помощь и содействие Четверикову[314].

Забегая вперед, скажем, что оба писателя — и Алексей Тверяк, и Дмитрий Четвериков впоследствии, уже после убийства Кирова были арестованы. Один из них — Алексей Тверяк погиб в лагерях, второй — Дмитрий Четвериков, пройдя все круги ада, остался жив. И кто знает сегодня, не сыграли ли свою роль в их трагической судьбе те «ярлыки» и так называемые «классовые оценки», которые «прилепили» к ним в 33-м. Важно подчеркнуть и другое, пока был жив Киров — репрессии не коснулись писателей города.

Справедливости ради надо отметить: Киров старался освободить лиц, подвергавшихся, по его мнению, необоснованным обвинениям, помогал тем, кто освободился из заключения, получить ленинградскую Прописку. И такие случаи были не единичны. Но так же следует сказать, что он входил в так называемую «тройку», его подпись стоит под списком лиц, подлежащих выселению из Ленинграда, как «классово-чуждых элементов» при проведении паспортизации 1933 года.

И все-таки каждый раз, когда к нему обращались лично и жалобы Доходили до него, Сергей Миронович пытался чем-то

помочь людям. Совершенно недавно при разборе библиотеки Сергея Мироновича в книге «Лейтенант П. П. Шмидт» было найдено интересное письмо к Кирову, которое публикуется впервые:

«Глубокоуважаемый Сергей Миронович, только что получила от Вас три письма в Москву и Вашу записку ко мне.

Не умею выразить Вам мою горячую признательность за Ваше отношение ко мне и моему сыну. Бывают в жизни минуты, когда словами не выразить чувств, которые наполняют душу!

Прошу Вас принять от меня в знак моего глубокого уважения и признательности мои воспоминания о брате (в III-м издании) Давно хотела прислать Вам их, но не решалась обращать Ваше внимание на эту, уже известную Вам книгу, только дополненную в этом издании моими пометками об интимных письмах Лейтенанта Шмидта.

Уважающая Вас. Анна Избаш.

7-го января 25 года. Баку»[315].

Среди бумаг, которые были изъяты у покойного Кирова, находилось письмо. Оно принадлежало представителю самой многочисленной части интеллигенции — сельской, и пришло на квартиру Сергея Мироновича в те дни, когда он находился в Москве на Пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1934 года. Уходя из дома, он взял его с собой, чтобы прочитать в Смольном. Вот оно:

«Шлют горячий привет дорогому брату две твои старенькие сестры — Анюта и Лиза и двое племянников Костя и Эмма. Последнее письмо твое мной было получено в 11 году из Владикавказа, а дальше растерялись мы все. О тебе думалось, что правительство расправилось окончательно и живым ты больше не существуешь… Нынче летом, узнав твой адрес имели большое поползновение съездить в Ленинград, но служебные дела не дали возможности… Если доживу до лета, то в 1935 году приедем вместе с Анютой…

Говори, доказывай колхозникам на собраниях с пеной у рта о наших достижениях и будущей нам лучшей жизни и в нашем уголке, а придешь домой досадно станет, так еще глухо, порой дико у нас. Прошлый год в нашем селении в первый раз увидели автомобиль, а за летевшим на днях аэропланом ребята бежали до конца деревни… Да что крестьяне и их дети. Сын техникум кончил, год работал, а не имел возможности видеть поезда.

Елизавета Мироновна Верхотина (Кострикова) 18.XI.1934 г. дер. Елькино, Елькинского с/с, Горьковского края»[316].

Этим письмом и без всяких комментариев мне и хотелось бы закончить главу.

Глава 3
Письма разных лет

Киров получал огромное количество писем. Его корреспондентами были люди, стоящие на различных ступеньках социальной жизни общества. Эти письма помогали ему глубже разобраться в том или ином явлении, получить важную информацию или поддержку.

Особый интерес представляет переписка С. М. Кирова с Валерианом Ивановичем Межлауком (членом Президиума ВСНХ СССР), с Серго Орджоникидзе и Николаем Ивановичем Бухариным, восемь неизвестных писем которого мне удалось обнаружить в различных архивах страны. Это письма единомышленников. Мне не хотелось бы их комментировать и тем самым навязывать читателю свое мнение, пусть читатель, ознакомившись с ними, подумает о сложностях и трудностях тех лет и сам сделает выводы — оценит и то, что было сделано партией по строительству нового общественного строя, и то, какие просчеты, ошибки и даже, к сожалению, преступления, ею были допущены.

«Дорогой Сергей Миронович!

Посылаю тебе стенограмму моей речи на Московской губпартконференции, как ты этого хотел. Она напечатана в бюллетене почти без всяких исправлений, выпушены только некоторые цифры…

Основная мысль, конечно, в рационализации, методах ее проведения и ошибках украинцев. Они (украинцы) очень живо на это отозвались и сегодня меня вызвали к т. Рыкову, где были его замы — Томский, Сталин, Болотов и Чубарь (*так в тексте*. — А.К.), и Чубарь произнес речь против меня. Рыков так и предложил назвать вопрос „О Межлауке и его методах управления". Украинцы подняли неимоверную бузу в Главметалле, где де сижу я (не то уралец, не то ленинградец, хотя я 26 лет прожил и проработал на Украине) и весь аппарат состоит из уральских и ленинградских товарищей. Поэтому мы их обижаем. Главный центр притязаний — **дизеля Балтийского завода**. Они выросли до размеров моей явно шовинистической линии по отношению к национальной политике на Украине. Весь народ меня в общем поддержал и Рыков, и Сталин отнеслись сочувственно. Вопрос о дизелях поручили рассмотреть Куйбышеву. Нужна теперь твоя поддержка. Чубарь договорился до того, что мы на Балтийском заводе будем строить стационарные,

а не судовые дизеля, что все суда для Черного моря строили в Ленинграде специально для угнетения украинских заводов и пр. Если можешь, напиши в ЦК ВКП и нам маленькую записку, почему дизеля для судовой программы следует построить у Вас. Весь материал в Судтресте есть. Сердечный привет.

Твой В. Межлаук»[317].

Положение в сельском хозяйстве находило свое отражение в письмах различных слоев трудящихся. Командир артиллерийского дивизиона, дислоцирующегося в Волховстрое, послал письмо командующему Ленинградским военным округом. В это время им был М. Н. Тухачевский. Он переслал письмо Кирову. Документ настолько колоритно отражает состояние и настроения крестьянства, что мне хочется привести его почти полностью.

«Тов. Командующий!

Когда человек болен, он льнет к другим, ждет помощи, защиты. Когда у человека переполнены чувства, он старается их больше выложить в различной форме. Я не хочу сказать, что апеллирую к Вам, я заранее, знаю, что Вы не повернете колеса революции, но я хочу одного, чтобы кто-нибудь из влиятельных лиц на это колесо подействовал. Мы в данное время ошеломлены успехами коллективизации в деревне. Наша печать ежедневно нас пичкает количественными успехами коллективов. Эффекта, правда, мы еще не знаем. Эффект может быть не ранее, чем через год… Я беспартийный, поэтому причислить меня к правым или левым не подходит. Контрреволюционером называть это настолько глупо, как глупо носить воду в решете… Я, командир, да еще с 12-летним стажем. Я прекрасно понимаю свою роль в „обществе“ и в государстве. Но ведь чтобы последняя роль хорошо выполнялась, нужно разделять, да не только разделять, но и защищать всю политику, проводимую государством под руководством ВКП(б)…

У нас в данное время появился какой-то специальный термин „Крестьянские настроения”.

У нас всякому человеку, пытающемуся сказать хоть долю истины о деревне, пришивают „кулацкий уклон", наша печать так безбожно ведет обман общественного мнения, что по ее „деревня в цвету".

В действительности не так. Я человек из деревни и имею, к несчастью, связь с деревней. Вот, что мне оттуда поведуют.

Передаю тем языком, как написано: „У нас сейчас происходит тяжелое положение. С нами обращаются, как в 1917 году… Нашим руководителям власти нельзя слова сказать, прошлые годы жили и переживали голодовку, разрушение гражданской войны и

думали, что вот переживем трудные моменты, тогда будем жить… А сейчас народ обозлился, что ничего ему не мило. Тянулся-тянулся и вытянулся весь в нитку, и в конце концов нитка лопнет, а тогда неизвестно к какому концу навязывать.

Вот первый пример: налог, страховка, самообложение, контрактация хлеба, свиней и всем видам, потом дополнительный хлеб, так что нет конца. Не знаешь, на какой осине удушиться. А сейчас взялись за коллективизацию, чтобы всех мужиков загнать в коллектив…

Придется вступать в коллектив, так что уполномоченные угрожают: если не пойдете в коллектив, то всю землю отберем. Ваня, за что же Вы боролись 12 лет, чтобы мы жили на свободе, а не под гнетом капитализма, а сейчас стало еще хуже. Один уполномоченный такую фразу объяснил на женском собрании: „мы не пожалеем пуль для таких элементов, которые не пойдут в коллектив…"[318]

За время пребывания моего в отпусках в деревне я видел действительно не прогресс, а как принято говорить — деградацию крестьянского хозяйства… чрезмерно вульгарно выражаясь, крестьяне ходят буквально яйцами сверкают… Правда, у этого крестьянина есть лошадь, корова и всякая такая принадлежность для обработки земли… Самое главное, что у него отсутствует это эффект товарности его производства. Если даже крестьянин и сможет что-либо продать, то отдает свой товар за бесценок по сравнению с ценами промышленных предприятий…

Вот почему крестьянину стало ничего не мило.

Помощник командира 34 отделения Артдивизиона. И. Рязанцев. 21/I-30 г. Баку»[319].

Не надо думать, что такое письмо было единственным в коллекции кировских писем. И. И. Литман, проживающий в Ленинграде по улице Некрасова, дом 28, кв. 24, сообщал Сергею Мироновичу следующее:

*«Решения XVII-ого съезда по животноводству будут выполняться с трудностями, т. к. возчикам невыгодно держать кобыл, т. к., имея кобылу — обязательна случка последней, а за это надо платить 40 руб., а затем месяц до жербования и 3 месяца после на ней работать нельзя, ее надо сдать на пункт и платить за корм по 5 руб. в день. Это невыгодно и они (*возчики. — *А.К.) стали кобыл всяческим образом ликвидировать»*[320].

Слушатель областной высшей колхозной школы Н. Качуро направил Кирову письмо такого содержания:

«…Рабочие недовольны политикой партии. Мотивы недовольства: голод, займы и как вывод из общих настроений — уничтожили людей, которые кормили рабочий класс (кулака)…

Мы в деревне разбили классового врага окончательно, подорвали его корни, но мы его не уничтожили. Он нашел новые формы борьбы и более успешно. Борьбу из деревни классовый враг стал переносить в город — в гущу рабочего класса…»

Автор письма подкрепляет это положение тем, что только из одного их села Западной области (объединявшей ряд регионов, примыкавших к Ленинградской области) уехало в Ленинград 80 человек.

«Это все кулаки, подкулачники, уголовники и раскулаченные… Партийные и профсоюзные организации плохо ведут работу среди сезонных рабочих и необходимо поставить вопрос об очистке рабочего класса»[321].

Вопросы колхозного движения волновали Сергея Мироновича. Он видел, что не все так ладилось там, как мечталось при принятии решения о их массовом создании. Опыт развития колхозного строительства выявил ряд трудностей. Сохранились кировские заметки о колхозах. Они несомненно представляют интерес, ибо показывают, в каком направлении развивались мысли Кирова по этой проблеме.

«Колхоз должен быть рентабельным, но инициатива должна быть у колхоза… Отсюда колхозная торговля — ведет к укреплению колхозов».

«Район должен знать колхозы, знать бригадиров в колхозах… Райколхозсоюз надо ликвидировать»[322].

Киров вычленяет три проблемы, которые, по его мнению, требуют, немедленного решения. Первая: повышение урожайности и ее учет. Вторая: организационное укрепление колхозов. Третья: форма оплаты труда в колхозах, трудодень как единица измерения.

Есть интересный кировский документ публикуемый впервые. Это его заметки о так называемой правой оппозиции. Написаны они карандашом на больших листах, свернутых пополам. Полностью этот документ пока расшифровать не удалось. Возможно это краткий конспект выступлений Томского, Рыкова, Бухарина на одном из пленумов ЦК ВКП(б), предположительно в 1929 году. Интересны те комментарии, которые сделаны Кировым к их выступлениям:

«О фракционности.

Не было (выделено Кировым. — *А.К.*)»

или «Может быть и правильная оппозиция.

Тайная борьба в партии.

Я должен бороться с Томским и наоборот?»[323]

Что это? Скорее всего — сомнения Кирова в правильности той линии, которая проводилась партией в отношении «правых».

Ведь вряд ли можно считать случайностью, что в этом же документе Киров любовно и уважительно называет лидеров правых «Три Иваныча» (по-видимому, речь идет об Алексее Ивановиче Рыкове, Николае Ивановиче Бухарине и Сергее Ивановиче Сырцове).

И все-таки поистине святая верность «генеральной линии» партии, забота об ее единство, подчинение партийной дисциплине взяли у Кирова верх. Он выступал с осуждением «правых уклонистов», критиковал их страстно и яростно. По заданию ЦК ВКП(б) (читай — по просьбе Сталина) выезжал по этому поводу в Закавказье. Произнес яркую обличительную речь против правых уклонистов на XVI съезде РКП(б) (июнь — июль 1930 года). *«…Надо прямо сказать*, — говорил тогда Киров, — *каждый лишний процент темпа в нашей индустриализации, каждый лишний колхоз — все это было достигнуто не только в борьбе с кулаком и прочими контрреволюционными элементами в нашей стране, это было достигнуто в борьбе против т. т. Бухарина, Рыкова, Томского и Угланова. (Бурные аплодисменты)»*[324].

Справедливости ради заметим, что в борьбе против «правых уклонистов» Киров не был одинок. П. П. Постышев: «Партия поставила этот вопрос очень жестко, и на этот вопрос тт. Рыков, Томский, Бухарин должны дать перед съездом недвусмысленный ответ». *Б. П. Шеболдаев:* «Я думаю, что именно на XVI съезде партии… мы должны крепко и решительно покончить с правой оппозицией». *А. И. Икрамов:* «Мы от них (*правых оппортунистов* — А.К.) будем требовать, чтобы именно они разоблачали свою теорию, антимарксистскую, антиленинскую теорию правых уклонистов»[325]. *В таком же духе выступали А. А. Жданов, И. Г. Кабанов и многие другие.*

Что это — массовое ослепление делегатов съезда? Безусловно, нет. Воспитанные в рамках жесткой партийной дисциплины, подчинения меньшинства большинству, укрепления монолитности и единства партии, они просто являлись людьми своей эпохи, своего времени. Это хорошо выражено в письме Григория Константиновича Орджоникидзе к Кирову. Оно датировано 29 июля 1929 года.

«Здравствуй, дорогой Сережа!

Ну и расчесали наших земляков[326], а они все ожидали, что Москва их защитит. Вот тебе и защита. Каша там заварилась здоровая. Едва ли с ней справится Гикало. Четверг приехал с Сосо и Климом[327] сюда. Завтра еду в Нальчик. Земляк настроен прекрасно. Много рассказывал, как вы с ним нажимали на „бедного“ Михайлова, доволен чертовски, что Михайлов

согласился на 10 тыс. тракторов. Здорово, по-видимому, выходим из сельскохозяйственного кризиса. Нынешнее расширение посевной площади уже окончательно, теперь же, подтвердило правильность нашей политической линии. Никогда так быстро и бесславно не проваливалась оппозиция, как это случилось с правыми чудаками. Черт с ними, жалеть не будем…

А хорошо, Кирыч, теперь у нас. Начинаем по-настоящему двигаться вперед. Если мы не дадим старой дедовской рутине тянуть себя назад, шагнем в ближайший год далеко-далеко.

Самое опасное место было — сельское хозяйство, а тут мы безусловно нащупали правильный путь. Как, дорогой, старые взгляды на развитие сельского хозяйства опрокидываются вверх ногами!

О себе ничего нового сообщить не могу. Палочки лезут по-прежнему. Что дальше будет — трудно сказать. Ничего не поделаешь, что будет, то будет.

Будь здоров! Крепко, крепко целую тебя.

Твой Серго»[328]

Это письмо, по-моему, весьма колоритно передает дух эпохи. Надежды и чаяния людей, живших в то время. Их желание сделать как можно больше для народа, для социализма. Они жили с этой верой. Безусловно, они сделали немало ошибок, первыми жертвами которых, как правило, сами и становились. Но жила в них романтическая героика первопроходцев.

Взгляды Кирова на коллективизацию были значительно сложнее, чем это сегодня представляется некоторым публицистам. Документы свидетельствуют, что на 20 февраля 1930 года, если в среднем по стране была коллективизирована половина крестьянских хозяйств, а в Московской области даже 70 %, то в Ленинградской области только 28 %. И это тоже факт, красноречиво показывающий Кирова-руководителя. С полным основанием он заявил на VIII партконференции Ленинградского военного округа: *«В Ленинградской области — так это случилось — также были допущены известные ошибки в деле коллективизации, но можно сказать не хвастаясь, в значительно меньшей степени, чем в некоторых других районах нашего Союза»*[329].

Позиция ленинградского руководителя несомненно тревожила Сталина. Вряд ли можно считать случайностью, что в начале 1932 года он прислал две телеграммы на имя Кирова. В первой он требовал закончить коллективизацию по Ленинградской области в 1932 году, а во второй — к концу 1933 года. Интервал между телеграммами — неделя. По-видимому, Киров звонил Сталину (а быть может, и ездил в Москву), убеждая

его в нереальности первых сроков, и добился своего. Эту принципиальную линию он продолжал и дальше. В сентябре 1934 года, когда Киров находился в Казахстане, в Ленинграде готовилась записка в ЦК по вопросам коллективизации области, не вышедшей к концу 1933 года на запланированные рубежи (к тому времени было коллективизировано только 56 % крестьянских хозяйств). Записку переслали Сергею Мироновичу. Он сделал по ее тексту много пометок-вопросов, суть которых — поиски причин низкой урожайности зерна и картофеля в колхозах, необходимость более выверенного обоснования размеров долгосрочного кредита, количества зерноочистительных машин, минеральных удобрений для колхозов области[330].

Киров просил товарищей задержать эту записку, а также записку о животноводстве до его возвращения в Ленинград. «Михаил, — *писал Киров Чудову,* — …я дал тебе краткую телеграмму по поводу плана о животноводстве, очевидно, она запоздала. У меня некоторые сомнения возникают по поводу темпов всей программы. **По-моему твердо говорить о программе можно, если есть данные по районам. Например, обеспечение, скажем, силосом**. (*Выделено в тексте.* — А. К). По общим областным данным оно выходит, а в районах, как всегда у нас бывает, пестрота. В материалах этих данных нет. В общем записка разработана неплохо, если, повторяю, есть районные данные»[331].

30-е годы отмечены в истории нашей страны массовым «раскулачиванием» крестьянства и значительными перегибами партии при проведении этой политики. Несомненно, этот процесс был характерен и для Ленинградской области. В 1930-г 1931 годах поданным, опубликованным старшим научным сотрудником Института истории Академии наук В. Н. Земсковым, в так называемую кулацкую ссылку по Ленинградской области было отправлено 8604 семьи. Характерная деталь: 5344 семьи фактически направлялись в другие районы этой же области. В другие регионы страны (Урал, Западная Сибирь, Восточная Сибирь, Якутия) — 3260 семей. Между тем в ряде других регионов — Московская область, Западная, Ивановская, Центрально-Черноземная, Нижегородский край — все высланные семьи направлялись в другие районы страны. Это объясняется не особой политикой ленинградского руководства, в том числе и Кирова, а тем, что в области находилось большое число объектов, где применялся труд спецпереселенцев: торфоразработки, лесозаготовки, Беломоро-Балтийский канал, Волховский алюминиевый комбинат, каскад электростанций на Свири и т. д. Более того, в Ленинградскую область с Урала выслали 1540

раскулаченных крестьянских семей[332].

Сомневался ли Киров в правоте политики партии по массовому изгнанию из деревни зажиточного крестьянства? Ответить на этот вопрос сегодня сложно. В официальных выступлениях он яро поддерживал политику партии в этом направлении. С другой стороны, есть ряд свидетельств лиц, которым Киров оказывал содействие, не допуская их раскулачивания.

Думается, что Николай Иванович Бухарин догадывался об этих сомнениях С. М. Кирова. Несмотря на то, что Киров выступал против «правого уклона», их отношения с Бухариным неизменно оставались хорошими. Бывая в Ленинграде, Николай Иванович почти всегда останавливался на квартире Сергея Мироновича. В своих письмах Бухарин обращался к нему не иначе, как «Дорогой Сергей Миронович!», «Сергей», «Сережа», а подписывал их «Твой Николай», «Твой Бухарин». Содержание посланий самое разнообразное. Помимо деловой информации, в их письмах шел живой обмен житейскими новостями: они сообщали друг другу мнение о книгах, журналах, разнообразных новостях науки, культуры.

В найденных мной письмах нет прямых слов о Сталине, партии, политической линии, но они содержат иногда интересные мелочи, позволяющие по-новому взглянуть на некоторые события. Выше я уже привела одно из писем Бухарина. Познакомлю читателя еще с двумя:

«Дорогой Сергей!

Посылаю тебе сборник Ак*[адеми]* Наук, посвященный Марксу. Это мое любимое дите. Очень прошу тебя посмотреть и, если можно, написать пару строк („похвалить”). Во всяком случае посылаю книгу со всякими, самыми лучшими приветами.

Твой Николай»[333].

Даты на письме нет. Скорее всего, оно относится к лету 1933 года, ибо упоминаемый сборник представляет материалы общего собрания Академий наук СССР, посвященного 50-летию со дня смерти Маркса. Бухарин выступал на нем с докладом «Учение Маркса и его историческое значение».

Другое письмо, точнее записка, относится к 1934 году. Предположительно его можно датировать мартом. В нем говорится:

«Дорогой Сергей Миронович!

Пользуясь случаем (я тебе звонил, но не дозвонился), прошу тебя помочь нам по двум вопросам:

1. Закрепить весь (*выделено в тексте.* — А.К.) дом за пром. выставкой[334], которая у Вас в Ленинграде есть.

2. Дать ленинградскому техпропу[335] тов. Эстеркина (зав. цехом на одном из важнейших заводов, хочет оттуда уходить).

Записку (деловую) по обоим вопросам пришлю дополнительно.

Привет. Твой Н. Бухарин»[336].

Сергей Миронович, получал и другие письма. Анонимные, ругательные, злые, порой провокационные. Приведу одно из таких, оно без даты. Все подчеркивания сделаны автором или авторами данного письма.

«Т. Киров.

В утренней „Красной" за 5 августа напечатаны прилагаемые вырезки: однократная заметка о субботнике, другая — объявление о субботнике. К сожалению, не прилагаю третьего приложения — твоего портрета в той же газете за 3 и 4 августа.

Слушай, друг мой! Не пора ли послать к черту все эти мобилизационные субботники, на который люди едут не только без всякого энтузиазма, но со злобой и гневом, обрекая свое последнее платье и обувь на гибель без всякой надежды на смену.

Секция РКИ на дорожном строительстве?! Прямо каррикатура на хозяйственное ведение в стране, претендующей на первенство в этом отношении во всем мире!..

Разве можно строить социализм в нашей стране, наступая всем фронтом…

Разве „ленинизм" это позволяет! Разве если бы был жив Ленин, был бы в настоящее время наблюдаемый и безусловно переживаемый населением хозяйственный бедлам?

Ильич так бы не поступил. А московский „ишак" — это упрямый осел на широкой русской перспективе[337] — гнет все в дугу без разбора.

Вы все обожрались от мяса. Все рабочие это говорят в один голос и говорят, что нами 140 млн. населением управляют террором.

Посмотри на свою „рожу", которую за три дня не обсеришь. Ты имеешь три автомобиля, питаешься так, как цари не жрали, а нас, несчастных, когда нет ни войн, ни эпидемий, ни стихийных бедствий, нарушаешь хозяйство, держишь в голоде. Сволочь ты несчастная и место тебе на виселице.

Недаром население СССР и мы, евреи, тысячами желаем выехать за границу и особенно в Америку. Рабочие — „Электроаппарат"»[338].

Как и любой пасквиль, письмо, конечно, содержит клевету: у Кирова была одна машина, питался он там, где заставало его время обеда. Это могла быть заводская или фабричная столовая, фабрики-кухни. Но чаще всего он обедал один раз — дома —

поздно вечером.

И другие письма. Тоже злые, но злость эта другая, идущая от сердца, от боли за то, что происходит в деревне, от горечи, что рушится в сельском хозяйстве что-то важное, нужное, необходимое, большие трудности переживает население: нет обуви, одежды, плохое питание. Как правило, все такие письма подписаны, хотя есть и анонимные. Познакомим читателя с ними. Вот одно из них (оно датировано 15 ноября 1932 года. Подписано членом ВКП(б) Максимовым. Зарегистрировано канцелярией С. М. Кирова 5 декабря):

«Посылая это письмо Вам, как руководителю Ленинградской организации ВКП(б) и члену Политбюро ЦК ВКП(б), я надеюсь, что при определении политики партии на ближайшее время вы учтете настроения и взгляды низового актива и рядовых членов партии излагаемые ниже… На XVI съезде партии Сталин говорил: „Люди, болтающие о необходимости снижения темпа развития нашей промышленности, являются врагами социализма, агентами наших классовых врагов…” Обещано было, что уже летом 1931 года мы будем иметь на земле рай… На практике получилось как раз обратное тому, что было сказано… Попробуйте купить сапоги, пальто, костюм, белье всякого рода (включая носовые платки), мануфактуру, мебель, примус. Нет, или совсем не найдете. Или найдете в комиссионных магазинах за такую цену, что если купить, то необходимо зарабатывать не менее 400 руб. в месяц. А продукты питания: где мясо, молоко, масло, крупа, мука, рыба. Их нет… Деревня же вообще ничего не получает… Кроме того, в таких хлебородных местах, как Украина — в этом году настоящий голод… В чем же причина создавшегося положения. По нашему мнению, основное — **в отступлении от ленинских** (*так в письме*. — А.К.) установок в политике… Если бы партия следовала этим указаниям, а не шла „напролом“ (как этого хочет т. Сталин), если бы в практике видели проверку теории, если бы открыто признавали допущенные ошибки, тогда бы не создавалось такого положения, кое мы видим сейчас»[339].

И еще одно:

«Товарищ Киров.

Я решил тебе написать, именно тебе, нужно бы написать Сталину, но ему письмо не дойдет. Неужели Вы всё руководители не видите, что ведете страну к гибели, и все октябрьские наши завоевания могут пойти насмарку».

Далее в письме говорится о тяжелом материальном положении рабочих и служащих, о спекуляции, отсутствии дисциплины, тысячных очередях, о голодухе, о том, что хорошо живут только «спекулянты, лишенцы[340], воры, жулики… Они

живут также, как стоящие у власти, имея хорошее снабжение и все дефицитное… Ленин этого бы не допустил… партия, особенно головка недостойна произносить имя Ленина… Рыков был человеком умным, но его забыли, Томский тоже был неплохой… Посмотрите торговые организации, из них половину (*людей в них.* — А.К.) нужно перестрелять при жизни… Фамилии своей не подпишу, боюсь как лозунгщика тебя»[341].

Письма к Кирову — как руководителю ленинградских коммунистов — несли огромную информацию для практических действий. И ленинградское руководство максимально пыталось облегчить положение жителей города. Киров лично занимался этими вопросами. Он принимал энергичные действия для снабжения ленинградцев товарами первой необходимости, продуктами питания. В 1932–1934 годах Сергей Миронович постоянно поддерживал связь с секретарем Запсибирского крайкома Р. И. Эйхе. Он договорился с ним о посылке в районы Западной Сибири группы уполномоченных из Ленинграда для заготовки и закупки у населения и колхозов мяса и зерна. Благодаря его настойчивости осенью 1933 года комиссия СНК СССР разработала проект постановления Совета Труда и Обороны о продовольственном снабжении Ленинграда в ноябре и декабре 1933 года. В. Куйбышев обратился тогда же к Сталину с просьбой рассмотреть и утвердить отдельные пункты этого постановления на Политбюро ЦК ВКП(б).

Они сводились к следующему:

«1. В связи с ростом населения Ленинграда установить контингент снабжаемого населения на декабрь 2740 тыс. человек вместо 2700 в III квартале. Обязать Ленсовет организовать более тщательную проверку выданных карточек[342]. Усилить борьбу за правильное снабжение контингента. Поручить Наркомснабу отпустить на декабрь месяц для снабжения населения муку, крупу, сахар, мясо и пр. продукты, исходя из указанных выше контингентов.

2. Отпустить в ноябре месяце Ленинграду дополнительно 1000 тонн хлеба.

3. В связи с недостатком 2 % отчисления от зернопоставок по Ленинградской области для снабжения сельскохозяйственных специалистов выделить дополнительно в распоряжение Ленинградского облисполкома для снабжения сельскохозяйственных специалистов 30 % от излишков хлеба, заготовленного сверх Госплана по Ленинградской области»[343].

Именно на этом проекте постановления Сталин написал свою резолюцию: *«Т. Куйбышеву. Население еще больше растет в Москве, однако, контингент не расширяется».* Что тут можно

сказать? «Кто смел, тот и съел», гласит народная мудрость. В отличие от Кирова и его окружения, партийные руководители в Москве такой проблемы не ставили, и она не получала своего разрешения. Сергей Миронович Киров ставил и разрешал. Проект постановления Совета Труда и Обороны о продовольственном снабжении Ленинграда в ноябре-декабре 1933 года получил одобрение Политбюро ЦК ВКП(б)[344]. Более того, в начале января 1934 года Сталин и Молотов своими телеграммами в адрес Среднеазиатского Бюро ЦК ВКП(б) потребовали строжайшего соблюдения хода вывоза мяса в Ленинград[345].

В те годы палитра социально-экономических отношений в стране была крайне сложна. Наряду с преодолением невероятных трудностей, вызванных как объективными обстоятельствами, так и субъективными ошибками, просчетами высшего политического руководства страны во главе со Сталиным, немало было героического, романтического в жизни советских людей, в том числе и ленинградцев. Однако были и отдельные представители различных социальных слоев населения, враждебно относящихся к советской действительности тех лет.

В Центральном, Ленинградском партийных архивах хранится немало писем, листовок, воззваний несомненно антисоветского содержания. В 10-ю годовщину Октября по городу и области хождение получило следующее воззвание:

«Все подлые чиновники и шкурники, затемняющие сознание трудящихся масс, прочь с нашей дороги! Вы наши заклятые враги. Мы Вам объявляем беспощадный террор, как единственный шаг вперед к просвещению трудящихся масс!

Партия рабоче-крестьянских передовиков».

Подобных листовок появлялось немало. Приведу еще одну, выпущенную к 15-й годовщине Октября. Она была отпечатана на машинке и опущена в почтовые ящики многих ленинградцев, проживающих на Васильевском острове. Вот ее содержание.

«Граждане!

Если вы не принадлежите к мучителям страны, перепишите это воззвание и разошлите по любым адресам справочной книги.

Чем больше Вы сделаете копий, тем скорее Комитет сможет поднять народ против угнетателей. Не будьте малодушны, не оставайтесь безучастны. Вы должны это сделать во имя спасения России.

Граждане!

15 лет тяготеет над Вами иго Советской власти. 15 лет люди чахнут в условиях рабства, голода, холода, невылазных кризисов и недостатков во всем…

Долой советскую принудиловку. Долой гнусную свору

коммунистов — душителей свободы.

За беспартийную власть! За свободный труд! За свободу слова и вероисповедования!

Комитет освобождения Родины»[346].

Таких воззваний, листовок было немало. Но и они отражали реалии тех лет, и забывать о них сегодня не следует, когда мы анализируем ситуацию того времени.

Были и другие письма. Письма-предупреждения. Передо мной письмо студента Ленинградского инженерного института путей сообщения Логинова, проживающего по адресу: ул. Чайковского, дом 52, кв. 8. Общежитие студентов. Дата: 2 июля 1933 года. Привожу его почти полностью:

«Т. Киров!

Извините меня, что я у Вас отрываю драгоценные минуты от Вашей работы, но это сообщение я не могу не послать Вам. Дело вот в нем. Однажды на представлении в цирке (числа не упоминаю) я сидел по соседству (по внешнему виду) с двумя иностранцами, от которых случайно, невольно подслушал некоторые слова и фразы. Они говорили по-немецки, но я сидел рядом и по-немецки, хоть и нехорошо, но понимаю. Они долго упоминали Вашу фамилию, компрометирующее письмо от Вашего имени (подобное письму Зиновьеву, как я понял) и фразу, которую передаю не полностью — „При отъезде его с Балтвокзала в марте ты будь готов", т. е. как потом я узнал при отъезде на дачу или в дом отдыха.

Затем самое подозрительное, что и заинтересовало меня, то же лицо прошептало своему собеседнику (фраза по-немецки: „Французский генеральный штаб наверное поможет тебе в эмиграции").

И после я много уловил слов вроде военных складов, заводов в ряде наших городов.

В общем люди были сильно подозрительны, принадлежащие к какой-либо контрреволюционной организации, работающие под опекой французской охранки или наподобие ее.

К Вам обращаюсь потому, что против Вас затеян шантаж. Лично сообщить не могу, ибо не пропустили, в ГПУ так же не пустили…

Заканчивая, я хочу лишь сказать, что Вы должны быть осторожнее при выездах, а особенно с Балтийского вокзала, если Вы выезжаете с него, ибо они этот вокзал упоминали.

Может быть, я ошибаюсь во всем этом, но все-таки по-моему — нет. Ну пока все»[347].

Вот такое письмо было получено С. М. Кировым. Придал ли он ему значение? Скорее всего нет, ибо оно осталось в личной

канцелярии Сергея Мироновича. Впрочем, можно допустить, что с письма была сделана и направлена в ОГПУ копия. Но так или иначе в Ленинградском партийном архиве такой документ обнаружен. Имеет ли он отношение к убийству Кирова или это была сверхбдительность, всего лишь фантазия студента Логинова? Сегодня ясно лишь одно, что Сергея Мироновича предупреждали о возможности покушения еще летом 1933 года, то есть за полтора года до его убийства, но вряд ли всерьез можно было воспринимать письмо Логинова.

Часть третья
Рикошет

Глава 1
Смерть Кирова

Первые сообщения и отклики

2 декабря 1934 года почти все газеты Советского Союза поместили следующее правительственное сообщение:

«1 декабря, в 16 часов 30 минут, в городе Ленинграде, в здании Ленинградского Совета (бывший Смольный), от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса, погиб секретарь Центрального и Ленинградского комитетов ВКП (большевиков) и член Президиума ЦИК СССР товарищ Сергей Миронович Киров. Стрелявший задержан. Личность его выясняется».[348]

Тогда же газеты сообщили, что для организации похорон Кирова образована правительственная комиссия в составе — А. С. Енукидзе, М. С. Чудова, П. А. Алексеева, Я. Б. Гамарника, Н. С. Хрущева, Н. А. Булганина. Было опубликовано извещение этой комиссии: похороны С. М. Кирова состоятся 6 декабря в 15.00 в городе Москве, на Красной площади[349].

Убийство — всегда трагедия. Оно внезапно обрушивает шквал горя на близких, родных, друзей.

Убийство политического деятеля, как правило, загадка. Оно таит неожиданность, порождает вопросы, слухи, легенды. И в этом убийство Кирова не было исключением.

Скупые слова правительственного сообщения, полное отсутствие в нем данных о личности убийцы почти сразу же породили слухи. *«Стрелявший задержан. Личность его выясняется»,* — говорилось в сообщении. Между тем личность убийцы была установлена сразу же. Буквально через несколько минут после рокового выстрела из кармана задержанного был извлечен партийный билет, где четко было написано: Николаев Леонид Васильевич. Год вступления в партию — 1924. Выдан Выборгским райкомом ВКП(б)[350].

Среди выбежавших на выстрелы из кабинета М. С. Чудова (второго секретаря Ленинградского обкома ВКП(б)) были люди, лично знавшие Николаева по совместной работе. Сразу же после прибытия сотрудников НКВД производилось опознание Николаева работниками Смольного.

Предоставим слово документу[351].

«В Центральный Комитет ВКП(б). Секретарю ЦК ВКП(б), председателю Комиссии Партийного Контроля тов. Н. И. Ежову

от бывшего члена ВКП(б), партбилет № 0569696, с 1926 года

В. Т. Владимирова.

1-го декабря 1934 года, вечером, после злодейского убийства С. М. Кирова, я, как старый работник аппарата, вместе с другими работниками был приглашен для опознания личности убийцы, т. к. последний симулировал невменяемость. Я, взглянув, сразу же заявил, что убийца является действительно Николаевым, ранее работавшим в аппарате Ленобкома (в 1931 или 1932 гг.). Позже, в тот день, в помещении управления Лен. Управления НКВД также твердо и уверенно подтвердил свое опознание вторично»[352].

В опознании Николаева участвовали работники Смольного Сайкин, Ларин, Петрошевич, Денисова и другие, о чем свидетельствуют документы их допросов.

Поэтому личность убийцы, несомненно, была установлена сразу же. Тем не менее в первом правительственном сообщении фамилия убийцы не была обнародована. И сразу возникает вопрос: почему? Думается, злого умысла здесь не было. Ведь следствие только начиналось. И здесь важно было не допустить поспешности. Вспомним хронику уголовных дел, мелькающую на страницах печати в наши дни. Ведь там весьма часто сообщается: *«Убийца задержан. В интересах следствия фамилия не сообщается».*

Однако 3 декабря Народный комиссариат внутренних дел Советского Союза сообщил в печати, что человек, стрелявший в Кирова, — *«служащий Ленинградской РКИ Николаев Леонид Васильевич»*[353].

Эти сведения о Николаеве не совсем соответствовали действительности. В момент убийства Николаев был безработным. Последнее место его работы — Институт истории партии[354].

Несомненно, как говорят в народе, тень на плетень навели и слова правительственного сообщения: *«…от руки убийцы, подосланного врагами рабочего класса».* 1 декабря 1934 года в 20.10 на 10-минутный инструктаж к Сталину в кабинет были вызваны А. И. Стецкий — заведующий отделом ЦК ВКП(б), одновременно являвшийся редактором журнала «Большевик», Л. З. Мехлис — редактор газеты «Правда», Н. И. Бухарин — редактор газеты «Известия» и М. А. Суслов, работавший с 1931 года в аппарате ЦКК-РКИ Комиссии Советского Контроля при СНК СССР. В кабинете Сталина находился в это время и Г. Г. Ягода. Точное содержание разговора неизвестно. Но поскольку все вызванные отвечали за средства массовой информации, можно предположить, что обсуждался текст, который необходимо дать в печати об убийце Кирова — Николаеве. Такой текст статьи был

составлен и 2 декабря прошел по всем средствам массовой информации[355]. Следствие только начиналось. И для столь категорического утверждения о «подосланном враге рабочего класса» вряд ли были тогда серьезные основания. Но сработало традиционное мышление руководящих партийных, советских работников и сотрудников НКВД. Тем более что большинство из них находились, несомненно, в определенном психологическом шоке.

«Убийство Кирова, — сказал мне в беседе, состоявшейся в 1988 году, один из оперуполномоченных Ленинградского управления НКВД тех лет Р. О. Попов[356], — *это было что-то ужасное. Все были растеряны. Сначала нам сказали, что он ранен. Ведь террористического акта такого масштаба не было после покушения на Ленина и Урицкого. Ведь был убит член Политбюро, Оргбюро, секретарь ЦК ВКП(б)».*

Первая реакция чекистов: этот акт совершен представителями белого движения. И, надо сказать, некоторые основания для подобных утверждений были. В Париже действовал Российский общевоинский союз — организация белых офицеров, силами которой уже было совершено несколько покушений на советской территории, чтобы «разрушить легенду о неуязвимости власти». Группе Виктора Ларионова, например, совершившей взрыв партклуба в Ленинграде в 1927 году, удалось благополучно вернуться за границу. Такие группы направлялись и в последующие Годы. Террором занимался также Народно-трудовой союз. Только в июне 1933 года НТС формально отказался от террора. В обращении «К новому поколению России» руководство организации заявило: «*Бесполезно убивать за тысячу верст от Москвы мелкого партийца или жечь стога сена в совхозах».* Однако НТС одобрил акт убийства Кирова[357].

Сегодня белая эмиграция нередко идеализируется, ее действия полностью реабилитируются. Но этот взгляд весьма далек от исторической действительности. Часть белой эмиграции активно отстаивала свои классовые интересы не только пером, но и террором.

Созданная в Белграде белогвардейская организация «Национальный Союз нового поколения» в ноябрьском номере своего листа «За Россию» в статье «Чего они боятся?» не просто прямо призывала к *«свержению вождей советской страны,* но и указывала, что *«действенным средством этого является индивидуальный террор».* Более того, в качестве одной из жертв в статье прямо называлась фамилия Кирова[358].

Все сведения о планах и намерениях подобных организаций ложились на стол наркома НКВД. Туда же поступали и данные

советской резидентуры, разбросанной по всей Европе. А они гласили, что готовится покушение на высшее руководство СССР. Можно ли было тогда на эти сведения не обращать ни малейшего внимания? Разумеется, нет. Ведь именно в 1934 году погибли в Марселе от рук террористов французский премьер-министр Л. Барту и король Югославии Александр.

Поэтому соответствующие службы в Советском Союзе придавали сообщениям из-за рубежа о проникновении террористов на нашу территорию особое значение. Об одной из таких операций по их поимке в Ленинградской области мне рассказывал мне сотрудник ОРУДа Ленсовета А. П. Пачинский: *«Это было летом 1934 года. Ночью меня срочно вызвали на службу. И предложили незаметно в сторону Сестрорецка провести несколько машин, в которых находились военные. В мою машину сел Фриновский.*[359] *Сначала я этого не знал. Но когда приехали наместо, нам сообщили, что белогвардейцы-террористы, обученные всем приемам стрельбы, заброшены в Ленинград убить Кирова, а на его похоронах совершить теракт против Сталина. В операции приняло участие около четырех тысяч человек. Нам дали словесные портреты террористов, но взять их не удалось. Они были обнаружены железнодорожной охраной и при перестрелке скрылись».*[360]

Эти воспоминания подтверждаются и Р. О. Поповым. Последний приводит даже такую деталь: за какие-либо сведения о террористах местным Жителям обещали корову. Ныне документально подтверждено: летом 1934 года по каналам РОВСа (Российского общевоинского союза) через Финляндию пытались перейти границу СССР член НТС Г. Н. Прилуцкий и его напарник. Чудом избежав ловушки НКВД, они возвратились за границу.[361]

В связи с этими фактами не приходится удивляться, что сразу же после убийства Кирова в качестве одной из версий сотрудники НКВД Ленинграда стали разрабатывать Николаева как одного из лиц, связанных с белогвардейцами за рубежом.

Отсюда и вопросы, которые поздно вечером 1 декабря по телефону задавал Г. Г. Ягода Ф. Т. Фомину, заместителю начальника Ленинградского управления НКВД: *«Одежда Николаева импортного или советского производства? А кепка? Нет ли на ней иностранного клейма?»*

Отсюда и «красный террор», когда практически без суда и следствия были расстреляны 103 человека, нелегально прибывших в Советский Союз из Польши, Румынии, Финляндии, Литвы якобы для участия в подготовке теракта против Кирова. В действительности же причины их возвращения были разные: у одних — тоска по Родине, у других — воссоединение с родными и

близкими. Среди, расстрелянных оказались и те, кто вообще не покидал пределов страны. Тех, кто жаждал мести, были единицы.

Александр Орлов в книге «Тайна сталинских преступлений» называет «басней» причастность ста четырех казненных белогвардейских террористов к убийству Кирова. И с этим вполне можно согласиться. Но совершенно ошибочным является его утверждение, что *«сто четыре человека никак не могли одновременно скрываться в Ленинграде. Все это выглядело тем более подозрительно, что, вопреки обыкновению, газеты, сообщая об их казни, не упомянули даже их имен».*[362] Увы, но последняя фраза не что иное, как обыкновенная ложь. Не знаю, какую цель преследовал беглый сотрудник НКВД, сообщая ее читателю. Во-первых, 103 расстрелянных проживали не только в Ленинграде, но и в Москве, Киеве, Минске. (Кстати, и приговор приводился в исполнение во всех этих городах.) Во-вторых, все их имена были названы в сообщениях НКВД СССР, опубликованных в газетах 6, 8, 11,18 декабря.

Сегодня можно лишь сожалеть об отсутствии открытого судебного процесса и тщательного расследования по делу каждого из 103 человек. Но несомненно одно: указанные расстрелы являлись ярким примером политики «красного террора». Убили одного — расстреляем 100 человек. И террор этот свидетельствовал: самой первой версией чекистов, которую они воспринимали как аксиому, было предположение, что убийство Кирова совершил человек, связанный с белогвардейским движением. Именно так оценивали свершившееся как простые люди, так и видные деятели партии.

«Смерть тов. Кирова — тяжелая утрата для рабочих, — говорил в Москве на митинге на заводе имени Сталина токарь Титов. — *…Безусловно, в этом убийстве участвовала заграница».*

А вот высказывание Николая Ивановича Бухарина: *«Не могла это сделать иностранная разведка. Они не допускают, чтобы их людей могли арестовать. Быть может, фашисты из группировки Геринга или Розенберга».*[363]

Совершенно противоположную точку зрения высказал издававшийся за рубежом (в Париже) «Социалистический вестник» 20 декабря 1934 года. Он поместил корреспонденцию из СССР автора, скрывшегося под псевдонимом «Т». *«В заговор белогвардейцев,* — писал неизвестный из Москвы, — *здесь не верит никто»*[364]. Правда, эту версию похоронили в декабре 1934 года, и больше она уже никогда не всплывала. С другой стороны, эти расстрелы, а также слова правительственного сообщения: *«подосланного врагами рабочего класса»* создавали атмосферу подозрительности, беспощадной ненависти и страха. И это нашло

свое отражение в выступлениях на митингах, в печати, по радио.

Уже 2 декабря «Ленинградская правда» привела первые отклики на трагедию в Смольном. *«Велика и обаятельна была личность Кирова — большевика, вождя, друга миллионов трудящихся»,* — писали в газете А. Афиногенов и Вс. Иванов. *«Горе — врагам»* — под таким заголовком в том же номере была помещена статья, подписанная группой писателей — М. Зощенко, О. Форш, М. Слонимским, А. Гитовичем, В. Кавериным, Е. Шварцем, Н. Заболоцким, В. Саяновым, А. Гореловым, В. Кетлинской и другими. *«Предательски убит Киров,* — говорилось в статье. — *…В восемнадцатом году наемники интервентов убили Урицкого… Сраженный врагами пал Володарский. В грудь Великого Ленина вошла отравленная пуля террористов».* Были и такие заголовки: *«Удесятерим нашу бдительность», «Пал жертвой террористического акта», «Требуем суровой кары», «Подлая рука контрреволюционного заговорщика».* Эти статьи отражали настроения рабочих «Красного путиловца», «Северной верфи», «Электросилы».

В ночь на 2 декабря 1934 года в механическом, 3-м цехе «Красного Путиловца» состоялся траурный митинг, посвященный памяти Кирова. Сообщение на нем сделал Карл Отс — директор завода. Он приехал прямо из Смольного, где находился с 15.00 1 декабря. Там он принимал участие в совещании у Чудова, а затем во всех совещаниях, посвященных трагическим событиям первого декабря. Еще до приезда правительственной комиссии из Москвы ленинградское руководство приняло решение — провести траурные митинги в вечерних и ночных сменах на всех крупных предприятиях, с сообщениями на них выступали секретари райкомов и директора предприятий — участники совещания у Чудова.

Траурное заседание, посвященное памяти С. М. Кирова в 3-м цехе, стенографировалось. Оно представляет особый интерес, так как проходило до выхода в свет всех газет страны и до сообщения об убийстве Кирова по радио. По сути, это первая реакция людей на смерть Кирова.

Обращает на себя внимание следующее: в сообщении Отса нет ни одного слова о том, что убийца Кирова связан с оппозицией, не называется и фамилия убийцы. *«Неслыханное преступление, Кирова убили, Кирова — нет, он умер», «Киров принадлежит к числу творцов, к числу столпов нашей партии», «В день смерти он вышел из своей квартиры и пошел к Смольному пешком… в стандартном своем пальтишке», «Подлый убийца, этот зверь долго, очень долго обдумывал свое убийство».*

Единственные слова с политическим подтекстом, которые

допустил в своем выступлении Отс: *«классовый враг не дремлет», «убийца Кирова — палач».*[365]

Коммерческий директор «Гипроазота» Д. Прохоров, услышав по радио правительственное сообщение, заявил: *«Значит террор — действительная форма борьбы».* По его мнению, *«убийца… это человек, который хотел воздействовать на массы. Вероятнее всего, это дело организации, и возможно большой, или дело эмиграции».* Развивая мысль о последствиях террора, он говорил: *«Первым последствием, несомненно, будут аресты, а вторым — переворот в политике. Реорганизация ОГПУ в НКВД означала смягчение борьбы, которое, в свою очередь, вызвано смягчением борьбы контрреволюции. Но убийство Кирова доказывает, что борьба продолжается, какая гарантия, что не будет поворота к массовым арестам и репрессиям».*[366]

Десятки тысяч писем, телеграмм шли в эти дни в Ленинградский обком ВКП(б). Слова в них были разные, но суть одна: требование применить к убийце самую суровую меру. Так, пионеры Мурманска[367], узнав о смерти Кирова, написали: *«Мы, пионеры г. Мурманска, отрядов 7-й и 5-й школы, узнав, что рукой классового врага был убит вождь ленинградского пролетариата и секретарь ЦК ВКП(б) тов. Сергей Миронович Киров, в ответ на убийство одного из лучших организаторов обязуемся: 1. Учиться без неудов. 2. Каждому пионеру не иметь ни одного замечания по дисциплине. 3. Организованно проводить свой досуг. 4. Включаемся в трибуну за культуру, проводимую „Ленинскими искрами". К убийце просим применить высшую меру социальной защиты (расстрел).*

Председатель совета отряда Крыжак»[368].

Не правда ли, дорогой читатель, страшно становится, когда читаешь такое письмо? Но оно было далеко не единственным. Прочтем еще один документ.

«В Смольный.

В Областной комитет ВКП(б).

Заявление

Прошу разрешить мне отомстить за вождя города Ленинграда, тов. Кирова… мы должны охранять всемирных вождей и если нашего одного вождя убили товарища Кирова, то попавших к нам классовых врагов… прошу дать мне их расстрелять под охраной и я бы стал стрелять не одной рукой, а с двух и сразу бы уложил двух как паразитов всемирного пролетариата, и всех бы я их перестрелял.

Прошу разрешить мне это сделать, пусть знают классовые враги как рабочий класс охраняет своих вождей…

Я лично беспартийный рабочий, бывший член партии и

работаю на заводе „Электроприбор" б. Вульфова 6/32, токарный цех, рабочий № 5924 Петроградского района…

Я очень рад буду, если вы разрешите мне отомстить за великого вождя тов. Кирова, прошу не отказывать мне.

Рябов»[369]:

Сегодня такое письмо покажется противоестественным, необыкновенно жестоким. Но тогда так думали, писали, говорили многие. И не только представители рабочего класса, но и деятели науки, литературы, искусства. Конечно, они не предлагали своих услуг в качестве палачей, однако тональность их выступлений способствовала созданию атмосферы всеобщего негодования и возмущения действиями «классовых врагов», которая послужила определенным фоном для проведения впоследствии массовых репрессий.

Академик А. Ф. Иоффе, например, писал: *«И выстрел, от которого погиб Киров, это выстрел злобного отчаяниям понимания безнадежности того дела, которое делает классовый враг».* А вот текст телеграммы, подписанной академиком Павловым, профессорами Орбели, Ушаковым, Аничковым, Бушмакиным, Савич, Вековым, Бауэром, Лангом.

«Совнарком СССР — В. М. Молотову.

Примите нашу скорбь по поводу внезапной смерти одного из крупнейших деятелей нашего Союза — Сергея Мироновича Кирова и глубокое возмущение совершенным злодеянием».

Следует отметить, что были и другие отзывы. Они не попали на страницы газет, но пополнили собой архивы органов НКВД и сыграли роковую роль в судьбе авторов. Так, в донесении из 28-й школы Василеостровского района сообщалось: *«После проведения по классам бесед-митингов 3-е ребят (Полотков, Александров, Иванов — не пионеры) высказались, что „лучше бы убили Сталина, чем Кирова". Были вызваны родители этих ребят, но сейчас еще не выявлено — влияние ли это семьи или просто ребята схулиганили, как говорят сами. Об этом сообщено, куда нужно».* Подобный документ из 15-й школы того же района гласил: *«Раппопорт, сын служащего, заявил: „убийство Кирова — есть героический поступок". Когда стали с ним говорить по этому поводу, он сказал, что „надо оценивать объективно, а объективно — это героический поступок"»*[370].

Весьма прозорливую оценку последствий гибели Кирова дал старший зоотехник Главного конеуправления страны Волковский: *«…за убийство пострадают невинные граждане, потому что будут искать организацию и, конечно, у кого есть какие-либо компрометирующие материалы в прошлом, тут их им и пришьют, что для постройки хорошей жизни мешает классовый враг, хотя*

бы его и не было».

Ему вторил академик И. П. Павлов. На очередной беседе со своими учениками и другими научными работниками в Физиологическом институте Академии наук он заявил: *«…Газеты раздули убийство Кирова в политическое событие… Вероятно, ревность или личные взаимоотношения вызвали эту смерть»*[371].

А один из постоянных авторов «Социалистического вестника» сообщал из Москвы 9 декабря: *«…Но толком никто ничего не знает. Даже видные коммунисты совершенно не осведомлены о том, что произошло собственно в Ленинграде, кто такой Николаев, каковы причины убийства, что означает новый припадок террористического бешенства. Поэтому все кругом полно шепотами и слухами — самыми противоположными и противоречивыми, но одинаково передаваемые, как полученные из самых достоверных источников… Отказываясь в этой громаде слухов разобраться, передам лишь, что удалось услышать самому… ленинградское убийство вовсе не носит политического характера, а произошло на романтической почве: Киров и Николаев не поделили между собой некой особы прекрасного пола»*[372].

Такая версия действительно имела распространение. Уже в декабре 1934 года был исключен из партии Бердыгин Петр Иванович, член партии с 1918 года, фрезеровщик завода «Светлана» — *«за распространение клеветнических слухов, порочащих С. М. Кирова».* 2 декабря в связи с убийством Кирова он заявил: *«Киров убит на почве ревности»* [373]. Это было расценено как контрреволюционное мнение. И надо сказать, что подобных заявлений было немало. Слесарь госзавода № 4 Ранковский Франц Адамович тоже, например, утверждал: *«Сергей Миронович Киров был убит Николаевым из-за ревности к жене»*[374].

А как восприняли убийство Кирова его облеченные властью товарищи по Политбюро и ЦК. Многие из них, пережившие Кирова на долгие годы, оставили воспоминания о тех днях. Феликс Чуев — автор записи бесед с крупнейшим советским государственным деятелем Вячеславом Михайловичем Молотовым, рассказывает:

«— Как Вы узнали о смерти Кирова? — Об этом я спрашивал Молотова в разные годы много раз.

— Я был в кабинете Сталина, когда позвонил Медведь, начальник Ленинградского ОГПУ, и сказал, что сегодня в Смольном убит товарищ Сергей. Сталин сказал в трубку: „Шляпы!"»[375].

В своих мемуарах, опубликованных в Лондоне в 1971 году, Никита Сергеевич Хрущев[376] вспоминает о гибели Кирова так:

«Все это началось однажды вечером в 1934 году. Зазвонил телефон, Я снял трубку. Это был Каганович. „Я звоню из

Политбюро. Приезжай сюда немедленно. Дело срочное".

Я отправился прямо в Кремль. Каганович вышел мне навстречу. Вид у него был ужасный. Я насторожился, готовый ко всему. „Что случилось?" — думал я про себя.

— Произошла ужасная трагедия, — сказал он, — в Ленинграде убили Кирова. Подробнее я расскажу об этом потом. Политбюро обсуждает этот вопрос, мы организуем делегацию для поездки в Ленинград: Сталин, Ворошилов, Молотов плюс делегация из 60 человек от московской партийной организации и рабочего класса Москвы. Делегацию представителей Москвы возглавишь ты. Мы будем там в почетном карауле, а затем сопровождать тело Кирова в Москву.

— Хорошо.

Я пошел прямо в МК, подобрал делегацию, в тот же вечер выехал в Ленинград. Сталина, Ворошилова и Молотова я не видел. Они ехали отдельно, в специальных вагонах.

Весь Ленинград показался мне погруженным в траур, хотя, возможно, я просто распространял на других свое собственное настроение.

Все мы совершенно не знали, что произошло. Знали только, что убили Кирова — некто Николаев, который был исключен из партии за участие в троцкистской оппозиции, из чего следовало, что за всем этим стоят троцкисты. Все мы испытывали искреннее возмущение и гнев»[377].

Не могу пройти мимо двух моментов, которые обращают на себя внимание в этом воспоминании Хрущева. Первый момент — он почему-то начисто «забыл», что являлся членом правительственной комиссии по организации похорон и именно в этом качестве присутствовал на заседании бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 2 декабря. Второй — 1 и 2 декабря ни в одном из многочисленных просмотренных мной документов не говорилось о том, что Николаев — троцкист. Поэтому, скорее всего, умозаключение Хрущева — это плод более поздних наслоений.

Одно несомненно: Ленинград был погружен в траур, и скорбь ленинградцев в связи с трагической кончиной Кирова была безмерна.

Смольный, 1 декабря

Пожалуй, ни одному дню в биографии Кирова не уделялось со стороны советских и зарубежных историков и публицистов столь огромное внимание, как этому — последнему, 1 декабря. Он не только поставил точку в жизни Кирова, но и вызвал поток

литературы, в которой по-разному описывались обстоятельства трагедии в Смольном и причины, которые ее породили. Замечу, что при этом основными аргументами являлись воспоминания, а также документу фальсифицированных московских процессов 30-х годов.

Полагаю поэтому, что только исследование всех обстоятельств убийства Кирова, выявление новых документов, особенно тех, которые длительное время хранились в особых и секретных папках различных архивов, их спокойное, отстраненное от личных симпатий и антипатий к политическим лидерам тех лет сопоставление позволяет объективно разобраться во всех тонкостях трагедии, разыгравшейся в Смольном.

Позволю себе процитировать, как различные авторы описывают обстоятельства убийства Кирова.

Александр Орлов: *«Вечером 1 декабря 1934 года Николаев вторично появился в Смольном с тем же самым портфелем, где вновь лежали записная книжка и револьвер. На этот раз Запорожец все предусмотрел. Получив пропуск, Николаев благополучно миновал охранников у входа и без помех вошел в коридор. Там никого не было, кроме человека средних лет, по фамилии Борисов, который числился личным помощником Кирова. В перечне работников Смольного он фигурировал как сотрудник специальной охраны НКВД, однако не имел ничего общего с охранной службой.*

Борисов только что приготовил поднос с бутербродами и стаканами чая, чтобы нести его в зал заседаний, где как раз собралось бюро обкома. Заседание бюро шло под председательством Кирова, и Николаев терпеливо ждал. Войдя в зал, Борисов сказал Кирову, что его зовут к прямому кремлевскому телефону. Спустя минуту Киров поднялся со стула и вышел из зала заседаний, прикрыв за собой дверь.

В тот же момент грянул выстрел. Участники заседания бросились к двери, но открыть ее удалось не сразу: мешали ноги Кирова, распластанного на полу в луже крови. Киров был убит наповал»[378].

В этом описании убийства Кирова соответствуют истине только две фразы. Первая — это произошло 1 декабря. Вторая — Киров был убит наповал.

Все остальное с начала до конца вымышлено автором. В приведенном отрывке у А. Орлова содержится 11 фактических ошибок. Перечислю наиболее важные из них.

Во-первых, Николаев никакого пропуска в Смольный от Запорожца не получал. Запорожца в это время вообще не было в Ленинграде. А смольнинский пропуск Николаев, по всей

вероятности, имел: до увольнения он работал в одном из подразделений Ленинградского обкома ВКП(б) — Институте истории партии, функционирующем на правах отдела, и пропуск у него мог быть не отобран.

Во-вторых, Борисов никогда не был личным помощником Кирова, о чем свидетельствуют документы обкома партии тех лет (книги приказов, ведомости на выдачу зарплаты, штатное расписание). Непростительно А. Орлову, бывшему сотруднику НКВД, не знать, что работники охраны политических деятелей уже тогда числились за соответствующими управлениями НКВД, и Борисов не был в этом отношении исключением. Он проходил по штату одного из отделов НКВД.

В-третьих, не было 1 декабря никакого заседания бюро обкома под председательством Кирова. И вообще в этот день он до своего кабинета не дошел.

Зачем А. Орлову потребовалось так извращать обстоятельства убийства Кирова? Нельзя забывать, что его книга вышла в 1953 году. Это был период «холодной войны». И весьма вероятно, что соответствующие службы США опекали беглого офицера НКВД, и кто знает — «кто заказывал и кто оплачивал музыку».

Впрочем, важнее другое. В своих мемуарах Орлов писал: *«Тайна убийства Кирова прояснилась* ***для меня по возвращении в Советский Союз в конце 1935 года****»* (выделено мной, — *А.К.*).

Из этого признания автора мемуаров следует, что Орлов приехал почти год спустя после убийства Кирова и пользовался в основном слухами, которые ходили тогда, да и позже, среди высшего эшелона работников НКВД.

А теперь предоставим слово зарубежному историку Роберту Конквисту. В книге «Большой террор», опубликованной в 1974 году, он писал:

«1 декабря 1934 года в пятом часу убийца Кирова, Леонид Николаев, проник в Смольный — в здание, где размещалось руководство Ленинградской партийной организации…

Вахтер наружной охраны проверил пропуск Николаева, который был в порядке, и пропустил его без всяких недоразумений. На внутреннем посту никого не было, и Николаев свободно ходил под богато украшенными сводами здания, пока, наконец, нашел коридор третьего этажа, куда выходили двери кабинета Сергея Кирова. У этих дверей убийца и стал терпеливо дожидаться.

Киров был занят составлением доклада о ноябрьском пленуме ЦК, с которого только что возвратился. Вскоре он должен был сделать свой доклад активу Ленинградской парторганизации, собравшемуся в конференц-зале на том же этаже. В 4 часа 30 минут Киров вышел из своего кабинета и пошел по направлению к

кабинету второго секретаря Ленинградского обкома, своего доверенного помощника Михаила Чудова. Он сделал всего несколько шагов, а потом Николаев вышел из-за угла, выстрелил ему в затылок из нагана и упал без чувств рядом с ним»[379].

Относясь к своему зарубежному коллеге с уважением, позволю себе отметить, что и здесь безошибочна только первая фраза. А далее следуют многочисленные неточности.

В то время в Смольном не было наружных постов. Вход в здание был свободным. В нем размещались обком и горком ВКП(б) (третий этаж), Ленсовет и облсовет (второй этаж), обком и горком ВЛКСМ (первый этаж). Кроме того, на первом этаже размещалась также многочисленные комиссии и секции, созданные при Ленсовете и облсовете.

Пост внутренней охраны находился между вторым и третьим этажами. Именно здесь требовалось предъявлять партийный билет с разовым пропуском или постоянный пропуск. Это вспоминают многие сотрудники, работавшие в те годы в различных организациях Смольного. Об этом свидетельствуют и документы тех лет.

Р. Конквист весьма красочно описал, как Николаев искал третий этаж. Но вряд ли в этом была необходимость: каждый, кто миновал пост внутренней охраны, сразу же попадал в коридор третьего этажа. Более тою, Николаев одно время работал в здании Смольного и, несомненно, хорошо знал расположение всех его помещений.

Николаев никак не мог ждать Кирова у его кабинета (тогда бы Киров, несомненно, его увидел). Более того, партийный актив Ленинградской организации ВКП(б) должен был состояться в Таврическом дворце, а не в конференц-зале, как об этом пишет Конквист. И наконец, конференц-зал (актовый зал) в Смольном находился на втором, а не на третьем этаже.

И вообще Киров 1 декабря не был в своем кабинете. Он попросту не дошел до него. Был он в пальто, фуражке. Кстати, его простреленная фуражка со следами запекшейся крови, пальто и гимнастерка с разрезами в области сердца (разрезали врачи для уколов) экспонируются в музее С. М. Кирова в С.-Петербурге.

В другой книге, «Сталин и убийство Кирова», Роберт Конквист говорит, что Киров был ранен, а потом скончался[380].

В действительности же Киров умер сразу после выстрела.

Теперь предоставим слово историку-публицисту А. В. Антонову-Овсеенко. В своей книге «Портрет тирана», опубликованной в 1980 году в США, он писал:

«1-го декабря в Таврическом дворце было назначено собрание партийного актива Ленинградской области. Киров дома заканчивал

тезисы доклада. Потом, вспомнив, что оставил в служебном кабинете необходимые цифровые данные, вызвал из гаража машину, предупредил о поездке в Смольный. Было около четырех часов пополудни.

Николаева снабдили пропуском в Таврический дворец. Он ждал прибытия Кирова. Неожиданно ему сообщили; что вождь заедет в Смольный. Там будет удобнее. И пропуск не нужен, достаточно партбилета.

Николаева спешно доставили к зданию обкома. Он прошел внутрь Смольного со своим неизменным черным портфелем, поднялся на третий этаж и направился в уборную: отсюда, из окна, виден парадный подъезд.

В здании Смольного Николаев ориентировался свободно, ведь сектор цен РКИ, в котором он ранее работал, помещался на первом этаже. Он знал, что коридор третьего этажа заворачивает круто влево к кабинету первого секретаря. Вот и автомобиль Кирова. Сергей Миронович входит в подъезд, поднимается по лестнице. Охранник на сей раз отстает на два лестничных марша. На этажах — ни одного дежурного. По инструкции Кирова везде должен сопровождать Борисов. Он постоянно дежурил возле кабинета Кирова, нес внутреннюю охрану. Борисов успел предупредить Кирова о Николаеве и странном благоволении к нему заместителя Медведя.

Сегодня Борисова нет. Его задержали в Управлении. Николаев чуть приоткрыл дверь, увидел в щель Кирова. Он шел по коридору один, охранник отстал. Николаев вышел из уборной, приблизился к Кирову на расстояние в два метра, достал из портфеля револьвер и, когда Киров завернул за угол, выстрелил в затылок. Затем он выстрелил в себя и упал рядом с убитым вождем…

Около шести часов вечера позвонил Николай Поскребышев и продиктовал текст официального сообщения ЦК:

„1 декабря в Ленинграде от предательской руки врага рабочего класса погиб выдающийся деятель нашей партии и т. д.“»[381].

В приведенном отрывке имеется такая достоверная информация: на 1 декабря в Таврическом дворце было действительно назначено собрание партийного актива, с утра Киров был дома, около четырех вышел из дома. Вот, пожалуй, и вся правда. А все остальное — из области фантазии.

Никакого пропуска (точнее, пригласительного билета) в Таврический дворец Николаев не имел. И никто его им не снабжал. Для того чтобы пройти в Таврический дворец, действительно нужен был специальный билет. С целью его получения Николаев и появился в Смольном около полудня. Шатаясь из кабинета в кабинет, он всюду высказывал одну-

единственную просьбу — дать ему билет на партийный актив. Одновременно Николаев интересовался, кто же будет делать на активе доклад. И получил информацию: Киров, но билета так и не раздобыл. Именно за эту информацию, *«недостойную членов партии болтовню и несоблюдение элементарных для каждого члена партии, а особенно сотрудников обкома, условий конспирации, выразившееся в даче сведений о работе обкома и, в частности, о товарище Кирове — Николаеву Л., который не имел никакого отношения к обкому»,* 7 января 1935 года были исключены из партии С. М. Петрашевич, В. П. Владимиров, Е. П. Карманова и другие.

Документально также установлено, что Николаев спрашивал билет у инструктора культпропотдела Е. Г. Шитик. *«Ко мне подошел небольшого роста черненький человек и сказал: „Здравствуй, т. Штеренсон". Я очень удивилась, т. к. меня очень мало кто знает под прежней фамилией. Я его спросила — „Откуда вы меня знаете?" — „Я вас знаю по Лужскому комсомолу", — ответил он».*

В билете Николаеву на партийный актив Е. Г. Шитик отказала.

Самое курьезное из утверждений Антонова-Овсеенко — все, что касается уборной, откуда якобы Николаев следил за парадным подъездом Смольного, ожидая приезда Кирова, а затем наблюдал за ним в щель двери уборной, когда Сергей Миронович шел по коридору.

Великий Д. Кваренги, автор проекта Смольного института, наверняка обиделся бы на автора этой «утки»: уборная, окна которой выходят на лицевой фасад! Замечательный зодчий разместил все подобные заведения в здании таким образом, что их окна выходили во внутренние дворы. Естественно, что из их окон и дверей никоим образом, даже при большом желании, даже при наличии оптических приборов, нельзя было видеть ни парадного (главного) подъезда Смольного, ни тем более главного его коридора.

Безусловной «липой» является утверждение об отсутствии Борисова (охранника Кирова) в Смольном. Предоставим слово документам. Вот выдержка из допроса Борисова 1 декабря 1934 года:

«Я встретил Кирова около 16 часов 30 минут в вестибюле главного подъезда и пошел за ним примерно на расстоянии 15 шагов, а на III-ем этаже расстояние увеличилось до 20–30 шагов». Борисова видели сразу же после убийства Кирова многие сотрудники Смольного, и все они отметили это в своих воспоминаниях, дали соответствующие показания вечером 1

декабря следователям Ленинградского УНКВД.

Попутно замечу, что личного секретаря Сталина, а с 1935 года — заведующего его канцелярией Поскребышева звали Александр Николаевич, а не Николай.

Читатели могут спросить: зачем вы привели три таких длинных отрывка? Отнюдь не случайно. Десятилетиями правда об убийстве Кирова искажалась, фальсифицировались события, факты. Сегодня сведения, сообщенные А. Орловым, Р. Конквистом, А. Антоновым-Овсеенко об обстоятельствах убийства Кирова, не только тиражируются такими журналами, как «Огонек», «Нева», «История СССР» (сейчас переименован!), но и получили широкое хождение в средствах массовой информации.

Ну а как же было в действительности?

25–28 ноября в Москве состоялся пленум Центрального Комитета, ВКП(б), который рассматривал два вопроса: 1. Об отмене карточной системы по хлебу и некоторым другим продуктам. 2. О политотделах в сельском хозяйстве.

28 ноября для участников пленума МХАТ дал спектакль «Дни Турбиных». Киров присутствовал на нем и поздно вечером вместе с другими ленинградцами — участниками пленума — «Красной стрелой» выехал в Ленинград.

Кстати, вопреки утверждениям писателя А. Рыбакова, в этот приезд в Москву Киров не виделся с Серго Орджоникидзе, который не участвовал в работе ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Дело в том, что, находясь в поездке по стране, Орджоникидзе заболел. У него внезапно открылось внутреннее кровотечение. В связи с этим 11 ноября 1934 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение *«командировать срочно в Тифлис для оказания врачебной помощи Орджоникидзе проф. Плетнева, Фроништейна и Левина»*. Более того, через неделю Политбюро опросом выносит вторичное постановление, обязывающее Орджоникидзе строго выполнять указания консилиума и не выезжать в Москву без разрешения врачей[382]. Орджоникидзе вернулся в Москву не ранее 30 ноября, и якобы имевшая место встреча Орджоникидзе с Кировым в конце ноября после пленума ЦК в Москве является вымыслом. Это подтверждается и воспоминаниями жены Орджоникидзе Зинаиды Гавриловны, написанными еще в 1935 году.

«…Мы приехали в Москву в последних числах ноября. Только что закончился пленум ЦК и Киров приезжал в столицу. Он говорил нашему шоферу: „Давно я не видел Серго. Чертовски хочется увидеть его…“

Серго не застал Кирова в Москве. В день приезда часов в 5

вечера он решил позвонить ему. Помню, я вмешалась в их разговор и крикнула в трубку: „Сергей Миронович, примите привет и от меня“»[383].

В день возвращения Кирова из Москвы, 29 ноября, газета «Ленинградская правда» поместила объявление: 1 декабря, в 18 часов во дворце Урицкого состоится собрание партийного актива Ленинградской организации ВКП(б). Порядок дня: итоги ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Вход по пригласительным билетам с обязательным предъявлением партбилета. Члены обкома и горкома ВКП(б) проходят по пропускам.

Замечу, что в плане работы Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) день проведения актива вообще не обозначен. Решение о проведении его было принято секретариатом Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) только 28 ноября. М. С. Чудов, приехавший из Москвы утром 28 ноября, «провел» это решение через секретариат вечером того же дня. Несомненно, оно было согласовано Чудовым с Кировым еще в Москве.

Практически всю первую половину дня 29 ноября Киров посвятил подготовке к собранию актива Ленинградской организации ВКП(б).

Он обзвонил многих секретарей райкомов партии, председателей исполкомов, встретился и долго беседовал с И. Ф. Кодацким (председателем Ленсовета), П. И. Струппе (председателем Облсовета), М. С. Чудовым. В тот же день под его председательством состоялся объединенный секретариат обкома и горкома ВКП(б), принявший решение о проведении 2 декабря объединенного пленума обкома и горкома ВКП(б) «О плане мероприятий Ленинградской партийной организации в связи с предстоящей отменой карточной системы на хлеб»[384].

Вечером 29 ноября Киров до глубокой ночи работал над докладом.

Жена Кирова, Мария Львовна, в то время чувствовала себя плохо и вместе с сестрой Рахилью Львовной жила на даче в Толмачеве. М. А. Сванидзе писала в своем дневнике: *«Зина (имеется в виду жена Орджоникидзе) поехала в Ленинград подготовить жену Кирова к этому удару, т. к. она лежит в больнице и все произошло в ее отсутствие»*[385]. Эти сведения, касающиеся Марии Львовны Маркус-Кировой, недостоверны. Она жила на даче в Толмачеве.

По свидетельству шофера Кирова, С. М. Юдина, 30 ноября Сергей Миронович побывал на строительстве «перемычки» на проспекте Стачек (недалеко от завода «Красный путиловец»), на новостройках Каменноостровского и Лесного проспектов, объехал Невский район[386]. Затем вернулся домой и снова до глубокой

ночи продумывал свое выступление.

Е. И. Ефремова-Дзен, длительное время работавшая в секретариате Кирова, писала в своих воспоминаниях:

«30/XI-1934 года в выходной день я была дежурная по секретариату. В 12 часов дня Сергей Миронович позвонил и спросил, есть ли газеты?.. Я ответила, что газеты только что получены и я сейчас их посылаю. Часов в 5 вечера Сергей Миронович позвонил и просил прислать постановление Обкома о выдаче хлебных карточек. В этот день Сергей Миронович готовился к докладу 1/XII. Еще через некоторое время он позвонил и попросил посмотреть приборы о подъеме воды… Часов в 10–11 вечера он последний раз позвонил и попросил пойти к нему в кабинет, найти в письменном столе коробку с карандашами и прислать к нему… Я пошла к нему в кабинет, открыла стол и нашла там… коробку с карандашами. В это время звонит телефон и Сергей Миронович говорит, что карандаши он нашел у себя дома и посылать не надо. Больше он в этот вечер не звонил»[387].

По воспоминаниям М. В. Рослякова и Н. Ф. Свешникова, утром 1 декабря Киров звонил в Смольный несколько раз, просил все готовящиеся для него материалы отправить к нему домой. Зафиксирован ряд его звонков в Смольный: Свешникову, Рослякову, Чудову[388].

Другой дежурный секретарь, Суомалайнен-Тюнккюнен, вспоминала: *«1-го декабря, около 12 часов, из дому звонил Сергей Миронович, сейчас я не помню, какие именно нужны были сведения, но помню, что он поручал звонить в Облгорготдел и сказал: „Скажите, чтобы он (тогда зав. облторготделом был т. Иванченко) как можно быстрее позвонил и сообщил бы точные данные". Это был мой последний разговор с Сергеем Мироновичем»*[389].

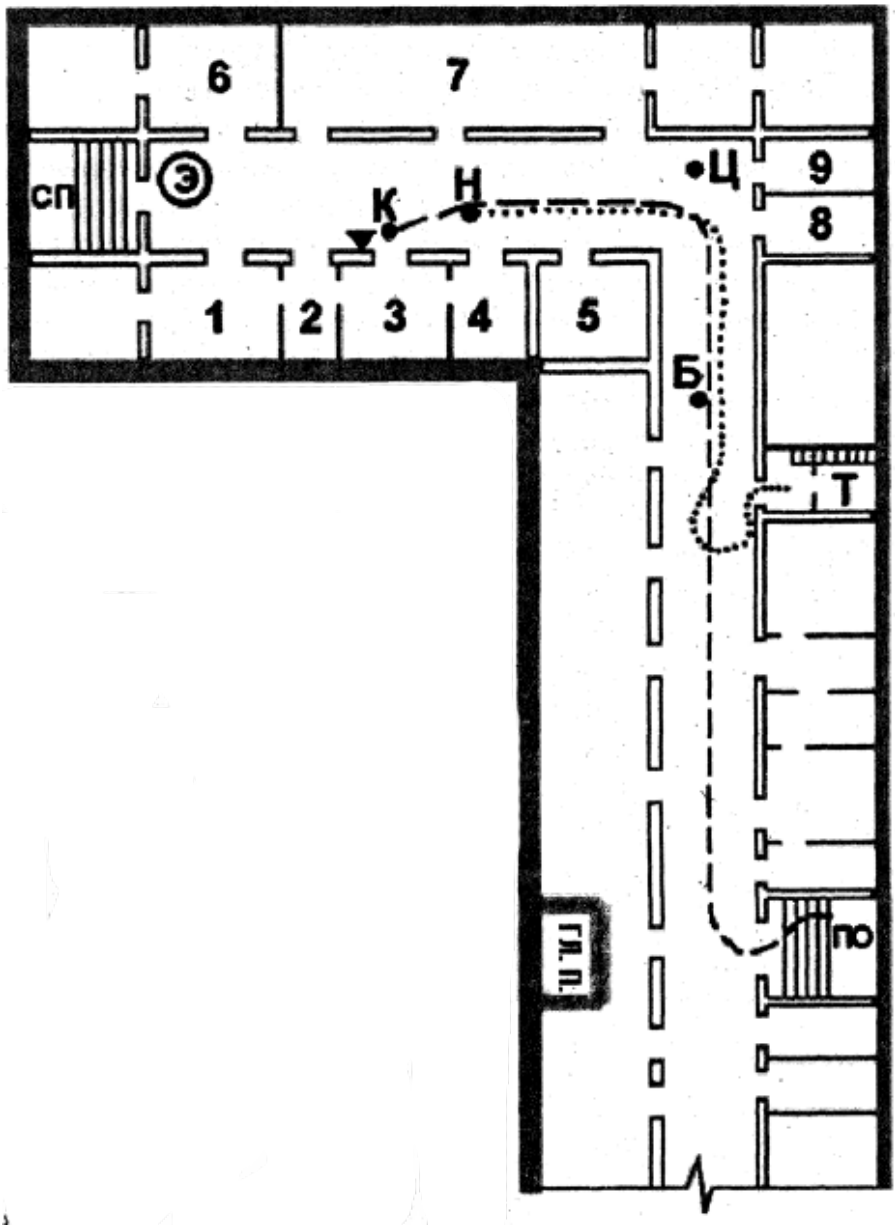
1 декабря несколько раз посетила Кирова дома М. Ф. Федорова — курьер Ленинградского обкома ВКП(б). *«Я в этот день была у Сергея Мироновича четыре раза*, — вспоминала она, — *возила к нему материалы. В этот день он не должен был быть в Смольном, так как готовился к докладу. Я поехала в 2 ч. 30 мин.*[390], *он сам открыл мне дверь, т. к. не было ни Марии Львовны, ни домработницы. Сергей Миронович принял материалы, и я у него спросила, нужно ли приехать еще. На это он мне сказал, что приезжать не надо»*[391].

В Смольный Киров звонил также около 15.00 и в 15 часов 15–20 минут. Дело в том, что в 15.00 у М. С. Чудова начиналось совещание: обсуждались практические мероприятия по отмене карточной системы. Присутствовало свыше 20 человек. Это были ответственные работники аппарата обкома и горкома ВКП(б),

некоторые первые секретари райкомов партии Ленинграда, председатели исполкомов городского и областного Советов, руководящие работники плановых, финансовых и торговых органов, несколько директоров крупнейших ленинградских заводов. Все они поименно установлены.

Должна огорчить публициста Якова Ракитянского, Бориса Осиповича Шифа среди них не было. Поэтому весь рассказ Шифа об убийстве Кирова, о якобы замеченном им охраннике Кирова скорее всего является мифом, сотворенным в более поздние годы[392]. Борис Осипович Шиф действительно с сентября 1932 года работал в Ленинграде — заведующим ленинградским отделением книгоцентра, так тогда называлась организация, занимающаяся реализацией книжной продукции. По своей должности Шиф никак не мог присутствовать на совещании у Чудова, ибо не имел никакого отношения к обсуждаемому вопросу — отмене карточной системы, увеличению производства хлебобулочных изделий и их товарообороту. В это время, согласно анкете, он не был руководителем издательства и членом лекторской группы обкома. Это пришло к нему позднее — в 1935 году, уже после смерти Кирова.

Ситуационная схема расположения основных свидетелей и участников убийства С. М. Кирова на третьем этаже Смольного в 16 час. 30 мин. 1 декабря 1934 г.

К — местоположение Кирова в момент убийства;

Н — позиция Николаева;

Б — позиция охранника Кирова Борисова;

Ц — позиция свидетеля Цукермана;

Э — электрики. Позиция свидетелей Платоча, Леонника и Васильева;

ПО — пост охраны между вторым и третьим этажами главного подъезда;

ГЛ.П. — главный подъезд Смольного;
СП — лестница секретарского подъезда;
Т — туалет с запасной лестницей;
1 — кабинет Кирова;
2 — приемная Кирова;
3 — кабинет Чудова;
4 — приемная Чудова;
5 — архив;
6 — столовая № 4;
7 — секретная часть особою отдела;
8, 9 — комнаты инструкторов;

Более того, соседней с кабинетом Чудова комнатой, куда якобы выходил звонить Шиф, были две приемные: одна — Чудова, где постоянно находился А. М. Филиппов, секретарь последнего, а вторая — приемная Кирова, где постоянно находился секретарь Кирова — Н. Ф. Свешников. Ни один из них при допросах не показал, что Шиф заходил к ним и пользовался их телефонами.

Что касается Шифа Бориса Осиповича, то он действительно допрашивался органами НКВД в декабре 1935 года, но не в связи с убийством Кирова, а по делу его родственника, родного дяди по матери — Д. Б. Рязанова — известного общественного и политического деятеля, одного из основателей Института марксизма-ленинизма. Замечу, что на допросе у оперуполномоченного 1-го отделения СПО Ленинградского УНКВД 25 и 27 декабря 1935 года на вопрос: *«Когда и где Шиф Б. О. встречался с Д. Б. Рязановым?»* Шиф ответил: *«На квартире своей матери в Москве. Последний раз в 1934 году. Месяца не помню».* Вскоре Шиф был арестован[393]. Поэтому тезис о том, что мать Б. О. Шифа *«в 30-е годы жила вместе с сыном в Ленинграде и он ей тогда рассказывал обо всем, назвал даже имя замеченного охранника Кирова»,* — на наш взгляд, весьма далеко отстоит от правды.

По свидетельству тех, кто был на совещании у Чудова, из телефонных переговоров было ясно, что Киров не собирался быть в Смольном. Около 16.00 Сергей Миронович позвонил в гараж, который находился в том же доме, где он жил, по ул. Красных Зорь, 26/28, и попросил своего второго шофера, Ф. Г. Ершова, подать машину. В 16.00 Киров вышел из дома. Пешком прошел несколько кварталов. У моста Равенства (Троицкий) сел в машину и поехал в Смольный. Вошел он в Смольный не через секретарский подъезд, а через главный.

Между вторым и третьим этажами его встретил секретарь

Хибиногорского горкома ВКП(б), член партии с 1917 года П. П. Семячкин. Он рассказывал в 1935 году:

«…С утра зашел в Смольный и пробыл там примерно до 16 часов, после чего начал спускаться с 3-го этажа вниз в столовую. В это время на лестнице второго этажа неожиданно встретил Сергея Мироновича, поздоровался и начал говорить, что собираемся отпраздновать пятую годовщину Хибиногорска, и шел с ним рядом в обратном направлении со 2-го на 3-й этаж. По дороге Мироныч мне сказал: „Сейчас иду к секретарям согласовывать проект решения по докладу на пленуме, завтра приди утром, и мы договоримся о порядке празднования". После этого разговора я простился с ним в коридоре третьего этажа и пошел вниз в столовую»[394].

В главном коридоре третьего этажа Киров встретился о референтом одного из отделов Н. Г. Федотовым, остановился с ним на несколько минут, поинтересовался, как идет обсуждение проекта резолюции, так как Н. Г. Федотов отвечал за подготовку проекта резолюции, которая должна была быть принята вечером на активе. И затем пошел вправо по главному коридору.

Сохранилось интересное свидетельство курьера М. Ф. Федоровой.

«…Я видела Николаева, который стоял у стенки. Я удивилась тому, что он, стоя у стенки, странно качался и одна его рука была заложена за борт. Я хотела подойти к нему, но не успела, о чем после очень жалела, т. к. если бы я подошла, то, конечно, отвлекла бы его внимание. Я не видела, что сзади шел Сергей Миронович. Я думала, что Николаеву худо».

Этот факт подтверждается и допросом Л. В. Николаева 3 декабря 1934 года. Его произвел зам. начальника особого отдела УНКВД по Ленинграду и области Сосновский. Привожу его почти полностью:

«Вопрос: Как вы попали 1 декабря в Смольный?

Ответ: Я прошел по партийному билету.

Вопрос: Когда вы прошли в Смольный?

Ответ: Примерно в 13.30 и находился там до 14.30, затем вышел, вернулся обратно в 16 ч. 30 мин.

Вопрос: Как вы провели этот первый час в здании Смольного?

Ответ: Сначала я обратился к тов. Денисовой, инструктору обкома, которая помещается с другой сотрудницей — Платоновской. Денисову я лично знаю с 1933 г. Я попросил ее дать мне билет на собрание партактива, но она мне в этом за неимением билетов, как она объяснила, отказала. Дальше на том же третьем этаже я встретил сотрудницу горкома ВКП(б) (газетный сектор) — Шитик-Штеренсон, у нее тоже просил билет

*и получил ответ, что она еще и сама не имеет билета. По тому же коридору (*т. е. главному коридору, *— А.К.) я встретил затем инструктора горкома Ларина, и у Ларина я попросил билет на активу но также получил отказ. После я встретил Смирнова, руководителя сектора партийных кадров обкома, у его кабинета попросил билет и получил ответ, что он, Смирнов, не имеет отношения к распределению билетов. Смирнов направил меня за получением билета в 450-ю комнату, но я туда не пошел, так как знал, что в этой комнате у меня нет никаких знакомых. Затем я направился к Петрошевичу, секретарю сельскохозяйственной группы, зашел к нему в кабинет, расположенный по левой стороне большого коридора и приблизительно 5 минут беседовал спим сначала на общие ничего не значащие темы, а потом попросил билет. Петрошевич мне сказал, что в настоящее время у него есть восемь билетов, и если останется, то он мне даст. Для этого Петрошевич попросил меня зайти вечером. Затем я сошел вниз, вышел из здания Смольного и гулял в течение часа… вернулся в Смольный. Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево (*т. е. направился к выходу, *— А.К.). Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне по правой стене коридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии 15–20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова, остановился и отвернулся задом к нему, так что когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10–15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста — я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз.*

Я повернулся назад, чтобы предотвратить нападение на себя сзади, взвел курок и сделал выстрел, имея намерение попасть себе в висок. В момент взвода курка из кабинета напротив выскочил человек в форме ГПУ и я поторопился выстрелить в себя. Я почувствовал удар в голову и свалился. Когда я очнулся и постепенно начал приходить в себя, я подумал, что сейчас умру. Ко мне кто-то подбежал, меня стали осматривать и унесли в комнату». [395]

Записано с моих слов правильно, мне прочитано
Николаев (автограф)

Под документом подпись-автограф Сосновского.

Практически это же показывал Николаев и на других допросах. Так, на допросе 2 декабря он сказал: *«Как только Киров*

прошел мимо меня, я пошел вслед за ним и с расстояния 2–4-х шагов выстрелил ему в затылок». Это же он подтвердил и на допросе 9 декабря. На вопрос *«Как вы провели день 1 декабря 1934 г. до момента убийства?»* Николаев ответил: *«В этот день должен был состояться актив по вопросам об итогах пленума. Я дважды звонил жене на службу и просил достать билеты на актив. К часу дня я выяснил, что жена не сможет достать билеты, поэтому после часа я поехал в Смольнинский райком партии — проспект имени 25 октября, где обратился к сотрудникам районного комитета Гурьянову и Орлову с просьбой дать мне билет на актив. Гурьянов отказал, а Орлов обещал, предложив придти за ним к концу дня.*

Для страховки я решил съездить в Смольный и там попытаться через знакомых сотрудников городского комитета получить билет. С 1 часа 30 минут дня до 2 часов 30 минут дня я находился в здании Смольного, „наган" был при мне… Встретил сотрудников Денисову, Шитик, Смирнова, Ларина, Петрошевича — у всех попросил билет. Только один Петрошевич обещал дать билет, но только к концу дня, В ожидании конца дня я решил погулять возле Смольного, полагая, что скорее всего получу билет у Петрашевича. По истечении часа вновь зашел в Смольный»[396]. Так цитирует часть допроса Николаева 9 декабря 1934 года доктор исторических наук Ю. Н. Жуков.

Из четырех допросов Л. В. Николаева, проведенных 1,2,3 и 9 декабря, ясно следующее:

Первое — Николаев совершенно определенно признается в убийстве Кирова.

Второе — нет никаких расхождений в описании самого характера убийства.

Третье — он называет целую группу людей, через которых пытался достать билет на актив.

Четвертое — на допросе 1 декабря объясняет мотивы убийства: *«Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, мое безработное положение и отсутствие материальной помощи со стороны партийных организаций. Веемое положение сказалось с момента моего исключения из партии (8 месяцев тому назад), которое опорочило меня в глазах партийных организаций. О своем материальном и моральном положении я многократно писал в разные партийные инстанции: Смольнинскому райкому партии, парткому института истории партии, обкому и ЦК ВКП(б), в Ленинградскую комиссию партконтроля, а также партконтролю при ЦК ВКП(б). Но ни от райкома партии, обкома, ЦК, ни на письма Кирову и Сталину не помогли, ниоткуда я реальной помощи*

не получил».

И последнее, пятое — до 4 декабря он категорически утверждал, что совершил убийство один. И сугубо по личным мотивам из-за неудовлетворенности своим материально-политическим положением.

Первый выстрел Николаева был услышан многими: всеми участниками совещания в кабинете Чудова, электромонтером и рабочими, работавшими в конце маленького коридора, почти у дверей столовой № 4, работниками архива и секретной части, кабинеты которых размещались напротив кабинетов Чудова, Кирова и их приемных.

На выстрел выскочили люди из многих кабинетов. Предоставим слово одному из них — М. В. Рослякову:

«В пятом часу мы слышим выстрелы — один, другой… Сидевший у входных дверей кабинета Чудова ***завторготделом А. Иванченко первым*** *(*выделено мной. — *А.К.) выскочил в коридор, но моментально вернулся. Выскочив следом за Иванченко, я увидел страшную картину: налево от дверей приемной Чудова в коридоре ничком лежит Киров (голова его повернута вправо), фуражка, козырек которой упирался в пол, чуть приподнята и отошла от затылка. Под левой мышкой — канцелярская папка с материалами подготовленного доклада: она не выпала совсем, но расслабленная рука уже ее не держит. Киров недвижим, как он шел к кабинету — головой вперед, а ноги примерно в 10–15 сантиметрах, за краем двери приемной Чудова. Направо от этой двери, тоже примерно в 10–15 сантиметрах, лежит какой-то человек на спине, ногами вперед, руки его раскинуты, в правой находится револьвер. Мышцы руки расслаблены»*[397].

Приблизительно такую же картину давал в показаниях 1 декабря и инструктор ленинградского горкома ВКП(б) М. Д. Лионикин:

«Я в момент выстрелов находился в прихожей секретного отдела областного комитета. Раздался первый выстрел, я бросил бумаги, приоткрыл дверь, ведущую в коридор, увидел человека с наганом в руке, который кричал, размахивая револьвером над головой. Я призакрыл дверь. Он произвел второй выстрел и упал. После этого я и работники секретного отделения вышли из прихожей в коридор. В коридоре на полу против двери в кабинет т. Чудова лежал Киров вниз лицом, а сзади, на метр отступя, лежал стрелявший в него человек, на спине, широко раскинув руки в сторону. В коридоре уже много собралось товарищей, в том числе тт. Чудов, Кодацкий, Позерн… Срочно была вызвана врачебная помощь. Стрелявший начал шевелиться, приподниматься. Я его поддержал, и начали обыскивать, отнесли в изолированную

комнату (информационный отдел. № 493). В это же время другие отнесли раненого т. Кирова в кабинет»[398].

Такую картину убийства рисуют и некоторые другие участники этого совещания, разнятся эти воспоминания только отдельными деталями. Так, один из них утверждает, что у Кирова была не папка, а портфель. И он лежал рядом с Кировым с левой стороны. Имеются различия в утверждениях о том, кто первым подбежал и поднял голову Сергея Мироновича, кто первым осмотрел карманы Николаева и вынул из них партбилет. Но за исключением этих деталей все очевидцы одинаково фиксируют количество выстрелов, положение тела Кирова и его убийцы.

Имелись и непосредственные свидетели драмы: в задней части маленького коридора работали электромонтер Смольного С. А. Платоч, хозяйственные рабочие Васильев и Леонник. Первоначально они не обратили внимания на вошедших в этот коридор Кирова и Николаева, но когда раздался первый выстрел, С. А. Платоч мгновенно оглянулся и прямо со стремянки, на которой работал, бросил в Николаева молоток, удар которого пришелся по голове и лицу убийцы. Скорее всего, именно по этой причине у последнего дрогнула рука, ему не удалось выстрелить себе в висок (как, по словам Николаева, он намечал) и пуля попала в стену ниже потолка. На допросе Платоч показал, что когда Николаев произвел второй выстрел, он был уже рядом с ним, ударил Николаева кулаком по голове и сбил с ног[399].

Борисов в это время находился, не доходя двух шагов до этого коридора. Сразу же после первого выстрела оперкомиссар Борисов стал вытаскивать из кобуры оружие, но последовал второй выстрел, электромонтер ударом по голове сшиб Николаева с ног, и тогда Борисов поспешил в комнату напротив кабинета Чудова, где помещалась секретная часть Смольного и оттуда позвонил начальнику комендатуры Смольного Михайльченко. Последний включил сирену — сигнал, который извещал всех сотрудников Смольного о том, что они должны оставаться на своих местах и не покидать их до особого распоряжения.

Что касается показаний Николаева на допросе 3 декабря 1934 года, что из комнаты напротив кабинета Чудова выбежал человек в форме ГПУ, то это вполне мог быть Борисов, бежавший встречать начальство из НКВД. Возможно, это был и сотрудник оперода УНКВД А. М. Дурейко, в задачу которого входило фланирование в коридорах третьего этажа Смольного (как в большом, так и в малом), и нельзя исключить, что он запоздал в выполнении своих функциональных обязанностей, хотя в своих показаниях 1 декабря сообщал: *«Узнав, что приехал т. Киров, я*

пошел по коридору и направился навстречу т. Кирову. Его сзади сопровождал т. Борисов. Через некоторое время, две-три минуты, раздались один за другим два выстрела. Побежавши на выстрелы, я увидел двух лежавших на полу. Тут уже набежало много народу, главным образом сотрудники областного комитета, здесь же я увидел т. Чудова, Я бросился к стрелявшему и тут же начал его обыскивать. У него при обыске был найден ряд документов. Во время прохода т. Кирова по коридору по нему ходило много народу»[400].

С. А. Платоч, монтер Смольного, на допросе 1 декабря сообщил: *«Дойдя по коридору до угла левого коридора… увидели, что с нами поравнялся т. Киров. Васильев попросил меня закрыть стеклянную дверь на левом коридоре, которая ведет в 4-ю столовую. Я побежал вперед т. Кирова шагов на 8, вдруг услыхал сзади выстрел. Когда я обернулся, раздался второй выстрел. Я увидел, что т. Киров лежит, а второй медленно сползает на пол, опираясь на стену (*на другом допросе он утверждал, что он его ударил кулаком. — *А.К.). У этого человека в руках находился наган, который я взял у него из рук. Когда я у стрелявшего в т. Кирова брал наган, он был как будто без чувств»*[401].

Газета «Московский комсомолец в Питере» в номере за 6–13 декабря 2000 года опубликовала небольшую заметку, посвященную убийству Кирова. В ней подвергается сомнению, что убийство Кирова совершил Николаев, утверждается, что в основе тогдашнего признательного показания Николаева лежит неправильная концептуальная позиция тогдашнего генерального прокурора СССР А. Я. Вышинского, считавшего *«признание царицей всех доказательств»,* и что если бы сегодня поручили опытному криминалисту расследовать это дело — обвиняемый Николаев превратился бы только в свидетеля.

Автор столь фантастической идеи — доктор юридических наук, ректор Северо-Западного филиала Российской Академии права Александр Бастыркин.

Что можно сказать по поводу этой «версии»[402]?

Подчеркну прежде всего, что с самого первого своего допроса и до показаний на суде Л. В. Николаев никогда не отказывался от того, что убийство совершил именно он. Более того, он гордился этим актом. Во-вторых, были прямые свидетели убийства. Неслучайно Николаев на допросе 3 декабря показал: *«первая половина маленького, бокового коридора была пуста».* Про вторую половину он ничего не говорил. Между тем в момент прохождения Кирова по большому коридору третьего этажа там находилось много людей: Н. Г. Федотов, П. Семячкин — с обоими Сергей Миронович разговаривал; в ту же сторону, что и Киров, но

впереди его шла с бумагами курьер Смольного Федорова; М. Е. Цукерман — директор цирка ожидал Позерна, находящегося на совещании у Чудова, курсируя у входа в маленький коридор. И наконец три работника хозяйственной части Смольного — электромонтеры и кладовщик находились в задней части маленького коридора и явились непосредственными свидетелями преступления — убийства Кирова Николаевым.

В-третьих, разные свидетели по-разному показывали положение нагана: Росляков — *«сам лично вынул револьвер из ослабевших пальцев Николаева»;* Михайльченко: *«наган лежал недалеко от руки Николаева на полу».* Интересно, если получить сильный удар (вторичный по голове) и быть сбитым с ног — смог ли бы Николаев удержать наган в руке. Кстати, допрошенный 1 декабря прямо в Смольном Борисов — охранник Кирова также показал, что Киров и Николаев лежали в 3/4 метра друг от друга. В стороне от них на полу лежал револьвер.

После вскрытия тела Кирова из его головы была извлечена пуля, так же как и пуля, находящаяся в стене, были подобраны две гильзы и наган, но никаких экспертных исследований по изъятому оружию и боеприпасам тогда не проводилось. Только в 1966 году была произведена. полная криминалистическая экспертиза, в результате которой установлено, что револьвер принадлежал Николаеву, пригоден к стрельбе, пуля, извлеченная из головы Кирова, выпущена из этого нагана. Гильзы, изъятые на месте происшествия, также из того же револьвера. В донной части оружия обнаружена кровь человека, установить групповую принадлежность ее из-за малого количества не представлялось возможным. Отравляющих веществ на пуле не выявлено.

Но об оружии и меткости стрельбы Николаева мы еще поговорим.

Через 5–7 минут после разыгравшейся трагедии прибежала доктор санчасти Смольного М. Д. Гальперина, которая уже стала заниматься Кировым профессионально. Он был перенесен в свой кабинет и положен на стол.

Через 10–15 минут появился начальник Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведь. Очевидцы описывают его так: кожаное пальто распахнуто, вид растерянный. Ведь всего несколько минут назад он вызвал машину, так как на 16.30 у него в Смольном была назначена встреча с Кировым[403], а спустя три минуты после вызова машины раздался зловещий звонок о несчастье с Сергеем Мироновичем. И Филипп Демьянович Медведь выскочил из кабинета. К этому времени, к 17.00, силами комендатуры Смольного были полностью перекрыты все входы, выходы, двери кабинетов третьего этажа. К 18.00 Медведь

подтянул к Смольному войска НКВД, и он был блокирован полностью. Дети служащих и других хозяйственных работников, которые жили во дворе Смольного, возвращаясь из школы, с катков, не могли попасть домой и проходили специальную проверку. Блокада была строгой. А после этого началась оперативно-следственная работа.

Почти одновременно с Медведем стали прибывать вызванные завгорздравотделом Богеном врачи. Время их прибытия, все их действия четко фиксировались документами, которые и послужили основой для составления акта и медицинского заключения о смерти.

Доктор Мария Давыдовна Гальперина в 1954 году принесла в «Ленинградскую правду» свои воспоминания, но опубликованы они были лишь через двадцать с лишним лет: *«…руки продолжают делать искусственное дыхание, но жизнь вдохнуть в него я не в силах. А может быть, я ошибаюсь, может вот эти профессора, которыми сейчас заполняется кабинет С. М. Кирова, его спасут? Их сейчас много в кабинете: профессор Добротворский, Гессе, доктор Вайнберг… В этот момент подошел крупнейший хирург страны профессор Джанелидзе, он спросил меня: „Кто первый видел Кирова после выстрела?" — „Я". — „Он был еще жив?" — „Нет, — ответила я, — он погиб сразу же". — „Так почему вы до сих пор делаете искусственное дыхание?" — „Потому что хочу его спасти". — „Не спасете уже, — с горечью отвечал профессор. — Все…. Перед смертью мы бессильны "»*[404].

Приводим полностью акт и медицинское заключение о смерти. Он написан от руки фиолетовыми чернилами и содержит стилистические поправки, внесенные красными чернилами. Установить автора поправок не удалось. В документе говорится:

«Тов. Киров был ранен в 16 час, 37 мин. около приемной тов. Чудова. При первом осмотре Богеном, Росляковым, Фридманом обнаружен тов. Киров лежащим лицом вниз с вытянутыми ногами и лежащими по бокам руками. Причем, изо рта и носа сгустками текла кровь; кровь частично была и на полу. В двух-трех шагах от него распластавшись лежал другой, не местный, человек.

Через 7–8 минут после этого тов. Киров был перенесен в его кабинет. В это время, при переносу тела явилась доктор Гальперина, которая констатировали цианоз лица, отсутствие пульса и дыхания, широкие не реагирующие на свет зрачки Сразу к ногам были положены горячие бутылки и произведет искусственное дыхание. При осмотре была констатирована рана в затылочной области. Впереди в лобной части слева оказалась большая гематома (кровоподтек). Была наложена давящая повязка и введена камфора по два. кубика три раза, кофеин два кубика два

раза. Продолжалось искусственное дыхание.

Прибыл врач Черняк в 16 ч. 55 мин.

Врач Черняк застал тов. Кирова на столе, полное отсутствие пульса и дыхания, цианоз лица, синюшность конечностей, расширенные зрачки, нереагирующие на свет. Была вспрыснута камфора и кофеин, продолжалось искусственное дыхание.

В 5 ч. 10 мин. прибыл доктор Вайнберг и доктор Фейертат, доктор Цацкин и сразу за ними профессор Добротворский (прибыл в 5 ч. 15 м.).

Профессор Добротворский констатировал резкий цианоз лица, расширение зрачков, нереагирующих на свет, полное отсутствие пульса и отсутствие сердечных тонов при выслушивании сердца. Было продолжено искусственное дыхание, был дан кислород и был вспрыснут внутрисердечно один куб. сантиметр адреналина, а также дигален. Было заметно, что синюшность теряется, продолжалось искусственное дыхание еще в течение минут 25-ти.

В 5 ч. 40 мин. прибыл профессор Джанелидзе.

Он застал тов. Кирова когда ему производилось искусственное дыхание. При исследовании констатировал: пульса и дыхания нет, тоны сердца не выслушиваются. Положение признано совершенно безнадежным. Несмотря на это, еще некоторое время производилось искусственное дыхание. Зрачки расширены до максимума и на свет не реагировали. Установлена смерть.

На фуражке тов. Кирова найдено сзади слева сквозное отверстие от пули. На черепе сзади на 5 пальцев от левого уха в области мозжечка имеется входное отверстие с небольшим кровоподтеком. Пальцами прощупывается входное отверстие пули в чешуе затылочной кости. Над левой надбровной дугой припухлость от подкожного кровоизлияния.

Заключение: Смерть наступила мгновенно от повреждения жизненно важных центров нервной системы».

На документе проставлены дата и время его составления: 1 декабря 1934 года, 19 часов 55 минут. Имеются подлинные подписи следующих лиц: Боген — завгорздравотделом; профессор Добротворский; профессор Джанелидзе; профессор Гессе; Г. М. Фридман; Доктор М. Д. Гальперина; И. Черняк; Д. Фейертат — хирург лечебной комиссии; доцент Цацкин — замзавгорздравотдела С. Мамушин — начальник санчасти НКВД; Вайнберг — зам. ответственного секретаря Ленлечкомиссии[405].

Под актом и медицинским заключением о смерти С. М. Кирова нет подписи его лечащего врача — известного профессора-терапевта Г. Ф. Ланга, хотя в некоторых публикациях говорится, что он в это время находился у тела Кирова. Не было его ни в Смольном 1 декабря, ни в больнице имени Свердлова,

куда было доставлено тело Кирова для патологоанатомического вскрытия. Его производили крупнейшие специалисты Ленинграда. Предоставим слово документу (дается в сокращенном виде):

«1934 года, декабря 2-го дня от 2-х до 5-ти часов утра по распоряжению Завед. Ленинградским Горздравотделом т. БОГЕН Д. Г. в секционной при больнице имени Свердлова, комиссией в составе профессора патологической анатомии 1-го ЛМИ ШОРА Г. В., профессора нормальной анатомии Военно-медицинской Академии ТОНКОВА В. Н., профессора хирургии Военно-Медицинской Академии ДОБРОТВОРСКОГО В. И., профессора рентгенологии Института Усовершенствования врачей РЕЙНБЕРГА С. А., старшего инспектора по судебно-медицинской экспертизе ИЖЕВСКОГО Н. И., начальника санчасти НКВД МАМУШИНА С. А., зам. отв. секретаря Ленлечкомиссии д-ра ВАЙНБЕРГА И. С., прозектора б-цы им. Свердлова ВИТУШИНСКОЮ В. И, главврача больницы им. Свердлова МАГИДСОНА Н. Я., д-ра ФРИДМАНА Г. М., произведено было судебно-медицинское исследование трупа секретаря ЦК, Ленинградского Областкома и Горкома партии Сергея Мироновича КИРОВА.

Предварительные сведения

…Труп т. Кирова С. М. был доставлен в больницу им. Свердлова в 10 ч. 55 м.[406] *и здесь были произведены 4 рентгеновских снимка черепа.*

На рентгеновских снимках черепа, произведенных в различных положениях исследования (в переднем (лобном), заднем (затылочном), в правом и левом положениях) определяется калиберная пуля — определяется в левой половине черепной полости на 2 см от височной поверхности черепа…

На покойном в момент выстрела находился головной убор в виде фуражки военного образца из сукна цвета хаки. Сзади на окольше фуражки влево на полтора сантиметра от заднего шва на 3–4 мм выше нижнего края околыша располагается отверстие от пули с темными, по-видимому, закопченными краями.

Наружный осмотр

Покойному 48 лет от роду. Покойный ростом 168 сантиметров, пикнического телосложения. Трупное окоченение хорошо выражено в мышцах нижней челюсти и мышцах нижних

конечностей. Покрой вы отлогих частей туловища, шеи и конечностей заняты темно-багровыми трупными пятнами, исчезающими при давлении пальцами. Ногти рук синюшны. Общий цвет кожи покровов бледный Волосы на голове густые, черного цвета, с небольшой проседью, длиною до 4–5 сантиметров. Лицо чистое. Глаза закрыты; зрачки умеренно расширены, причем левый зрачок немного больше, чем правый. Хрящи и кости носа на ощупь целы. В левом носовом ходе корочки запекшейся темно-красноватого цвета крови… В затылочной области волосы густо смочены жидкой кровью, выбегающей почти беспрерывной струйкой из имеющейся здесь раны кожных покровов.

Внутренний осмотр

После обычного кожного разреза под отвороченными на лицо покровами в левой лобной области обнаружен обширный кровоподтек размерами поперечный 14 см., верхне-нижний 5 см… <…> При отворачивании левого полушария головного мозга над левой половиной мозжечкового намета обнаружена пуля, немного помятая, но с цельной оболочкой (пуля тупоносая оболочечная калибра НАГАН). Левая половина намета порвана в двух местах: 1) около левой поперечной пазухи тотчас у входного отверстия пули и 2) на границе передней и средней трети намета. Вещество левого полушария мозжечка между этими двумя дефектами его поверхности размозжжено…

До производства судебно-медицинского исследования трупа с лица и обоих рук покойного профессором М. Г. Манизером сняты гипсовые слепки, а по окончании исследования в присутствии профессора В. Н. ТОНКОВА, прозектором В. И. ВИТУШИНСКИМ произведено бальзамирование тела.

Заключение

На основании обстоятельств дела и найденных при исследовании трупа С. М. КИРОВА изменений комиссия приходит к следующим выводам:

1. Покойный находился до данного происшествия во вполне удовлетворительном для своего возраста состоянии здоровья.

2. Смерть последовала в результате огнестрельного ранения черепа, сопровождавшегося тяжелым повреждением вещества мозжечка и левого полушария большого мозга, множественными переломами черепных костей, а также сотрясением мозга при

падении и ударе левой половиной лба о пол.

3. Расположение входного отверстия пулевого ранения влево и кверху на один сантиметр от наружного затылочного бугра и окончание пулевого канала у треугольного дефекта в области наружного конца надбровной дуги на границе ее со скуловым отверстием заставляет считать, что выстрел в данном случае был произведен сзади и снизу в направлении вперед и слета кверху.

4. Найденная при вскрытии тупоносая оболочечная пуля типа револьвера НАГАН определяет оружие, которым было совершено преступление. Обстановка нападения и направления пулевого канала позволяют считать, что выстрел был произведен на близком расстоянии.

5. Трещины черепа, распространяющиеся на значительную длину преимущественно спереди назад от упомянутого треугольного дефекта в лобной части могут быть объяснены падением тела на твердый пол и ударом лобной кости, уже поврежденной извнутри пулей.

6. Определенное рентгенографически положение пули носиком кзади и кверху, подтвержденное на вскрытии, находит себе объяснение в том, что пуля, раздробив кость и потеряв живую силу, повернулась осью и отклонилась назад, опустившись по пулевому каналу.

7. Полученное огнестрельное ранение черепа, сопровождавшееся столь тяжелыми повреждениями, должно быть отнесено по свойствам своим к разряду тяжких, безусловно смертельных телесных повреждений»[407].

Под документом стоят подписи всех лиц, названных в акте.

В бальзамировании тела С. М. Кирова В. И. Витушинскому помогал эксперт-криминалист А. Сальков, который оставил об этом воспоминания.

«…2-го декабря рано утром ко мне из горздравотдела приехал Суд[ебный] Мед[ицинский] эксперт доктор Владимирский, который сказал, что мне нужно немедленно прибыть в больницу им. Свердлова, где лежал погибший т. Киров. Когда я туда приехал, то увидел Сергея Мироновича, после вскрытия его тела, лежащим на столе, уже одетого в обычную его одежду: френч, брюки и русские сапоги. При этом я увидел, что на его лице были продольные царапины темно-багрового цвета, а один глаз сильно опухшим… В это время ко мне обратился представитель НКВД, распоряжавшийся здесь подготовкой перевезения тела тов. Кирова во дворец Урицкого, причем он предложил мне немедленно произвести туалет лица мертвого тов. Кирова путем устранения кровоподтека глаза и царапин на лице, полученных во время падения на пол… Мне было предложено всю операцию по удалению

повреждений на лице тов. Кирова произвести в течение 20–25 минут»[408].

Такая торопливость с бальзамированием С. М. Кирова объяснялась тем, что утром 2 декабря ожидалось прибытие в Ленинград правительственного поезда из Москвы.

В связи с актом-заключением о смерти Кирова в 80-е годы получило большое хождение в средствах массовой информации письмо профессора-медика Александра Григорьевича Дембо. Он тогда писал:

«Я был в кабинете заведующего медсектором Ленлечкомиссии И. С. Вайнберга, когда раздался звонок по „вертушке" и чей-то женский голос прокричал: „Кирова убили!“ Мы тотчас выехали в Смольный. К нашему удивлению, никакой охраны у кабинета Кирова не было. Он лежал на длинном столе, за которым, по-видимому, обычно проводил совещания. Профессор Добротворский велел мне и врачу хирургу Фейертату делать искусственное дыхание. Вскоре в кабинете появились еще два профессора — Дженелидзе и Ланг. Дженелидзе подошел к нам, посмотрел на Кирова и сказал (я точно помню его слова): „Зачем вы это делаете? Этот человек мертв. Мы еще 10–15 минут продолжали делать искусственное дыхание“»[409].

Далее Дембо вспоминал, что он дружил с работником Ленсовета Чудиным, часто бывал у него дома. Однажды поздно вечером он попросил Дембо срочно к нему прийти. Это было незадолго до убийства Кирова. Чудин был взволнован. Дело в том, что в 1934 году Чудин потерял мать, а затем жену, около него появился некто по имени Саша — молодой парень, который вел себя нагло, но ему все сходило с рук. Дембо застал Чудина в крайнем возбуждении, а в комнате поперек кровати в трусах лежал Саша с пулевым ранением в область сердца. В квартире Чудина находилась милиция. Вдруг приехала какая-то женщина, она закрылась с Чудиным в другой комнате, где между ними состоялся бурный разговор, вскоре женщина уехала, а Чудин выстрелил себе в сердце, но не попал, на «скорой» его якобы отправили в больницу Свердлова, где сделали операцию, но через несколько дней он скончался. Как якобы Дембо сообщила милиция, бывшая на квартире у Чудина женщина — жена начальника Ленинградского управления НКВД Ф. Д. Медведя.

В июле 1989 года А. Г. Дембо послал письмо в комиссию при Политбюро ЦК КПСС по дополнительному изучению материалов, связанных, с репрессиями 30–40-х годов. Письмо было адресовано М. С. Горбачеву. Кроме рассказа о Чудине, который лишь в деталях расходится с воспоминанием того же Дембо, хранящимися в Ленинградском партийном архиве, Дембо дает

также подробное описание того, что случилось в Ленинграде 1 декабря. В вольном изложении его дает Николай Зенькович.

«Дембо по распоряжению заведующего медсектора Ленлечкомиссии Вайнберга поехал на дежурной машине за профессором Добротворским и вместе с ним поднялся в кабинет Кирова… Дембо приводит много подробностей, в основном медицинских. Как пытались делать искусственное дыхание, как делали снимки черепа, как составлялся акт. Рентгеноскопия показала, что пуля лежала острием к входному отверстию, расположенному на затылке. Такое странное положение пули объяснялось тем, что выстрел был сделан с очень близкого расстояния, и она, ударившись о лобную часть, развернулась и произвела значительные разрушения в Мозгу. Смерть была мгновенной»[410].

Хорошо зная воспоминания А. Г. Дембо, я тем не менее ими никогда не пользовалась в своих работах, так как они вызывают много сомнений. Воспоминания Дембо, хранящиеся в ленинградском партийном архиве, идентичны интервью, данному им газете «Смена» 11 июля 1989 года. В них говорится: Дембо вместе с И. С. Вайнбергом прибыли в Смольный, профессор Добротворский уже находился там и велел ему и Фейертату делать искусственное дыхание Кирову. А в письме в Политбюро ЦК КПСС, подписанном июлем 1989 г., все излагается несколько иначе: по распоряжению И. В. Вайнберга Дембо поехал на дежурной машине за профессором Добротворским и вместе с ним поднялся в кабинет Кирова.

Сомнения в достоверности того, что Дембо мог находиться в Смольном после убийства Кирова, вызывают и следующие обстоятельства. Дембо отмечает, что его удивило отсутствие охраны у кабинета Кирова, а это далеко не так. Сразу же после убийства Кирова силами комендатуры Смольного были перекрыты все входы и выходы третьего этажа, у входа в маленький коридор, где находился кабинет Кирова, была выставлена дополнительная охрана. Сотрудники, чьи рабочие места находились в этом коридорчике, без ее разрешения не могли даже выйти в туалет.

Более того, все входящие к Кирову врачи фиксировались охраной пофамильно и по времени. Например: Черняк — 16.55; Вайнберг, Фейертат, Цацкин — 17.10; Добротворский — 17.15; Джанелидзе — 17.40. Фамилии Дембо — нет.

Замечу, снимки черепа Кирова производились уже в больнице, а посмертная маска с Кирова делалась рано утром 2 декабря, и к этому всему Дембо не имел никакого отношения.

Опытный журналист Татьяна Федорова, бравшая интервью у

А. Г. Дембо в июле 1989 года, спросила: почему в акте-заключении о смерти Кирова нет подписи Дембо. И получила ответ Александра Григорьевича: *«Я тогда был страшно обижен, видимо меня и Фейертата по молодости не взяли в расчет. Но теперь думаю: может, это оказалось к лучшему для меня!»*[411].

Однако здесь Александр Григорьевич Дембо явно лукавил. Время, когда Фейертат был допущен к телу Кирова, зафиксировано охраной — 17.10. И его подпись стоит под актом заключения о смерти Кирова. А вот подписи Дембо — нет.

Чтобы прояснить этот вопрос окончательно, я обратилась к личному делу А. Г. Дембо[412]. И тут выяснилось следующее. В больнице имени Свердлова А. Г. Дембо стал работать с декабря 1932 года в должности врача-терапевта, с 1936 года — врач экспертной лечебной комиссии, хотя в более поздних анкетах, заполненных им в 1938 году, сам Дембо отмечает более ранний год в качестве врача экспертной комиссии больницы им. Свердлова, а это, как говорят в народе, «две большие разницы». Доктор Вайнберг был ответственным секретарем Ленинградской лечебной комиссии при горздравотделе, и врачом этой комиссии Дембо стал только в 1936 году. Поэтому в Смольном в 1934 году его не было.

Что касается истории, рассказанной Дембо о Чудине, то, действительно, Чудин Борис Николаевич, 1905 года рождения, работал в должности управляющего делами Ленинградского Совета, был членом Ленинградского Совета 13-го созыва. До 1924 года Чудин работал в Карельском совнаркоме, до этого был в Красной Армии. Как он сам пишет в своей биографии:«*здоровье мое совершенно расшаталось — более пяти лет болел активной формой туберкулеза желез и легких. В связи с чем был переведен в Ленинград»,* где вместе с матерью проживал с 1912 года до ухода в Красную Армию. Сведений о жене и матери больше никаких нет. В учетной карточке члена партии Чудина Б. Н. отмечено *«покончил жизнь самоубийством 15 ноября 1934 г.».* Вопрос о самоубийстве Чудина 20 ноября 1934 года обсуждался на партийном собрании Ленсовета. Выступающие отмечали болезненное состояние организма Чудина, отсюда частые депрессии, хотя как работник — *«хороший, честный, исполнительный, политически грамотен, отзывчивый товарищ»,* авторитетен среди работников аппарата Ленсовета.

Жена Медведя — Раиса Михайловна Копыловская — красивая, женственная, одевалась со вкусом, не была обделена мужским вниманием. Слухов и сплетен о ней по городу в то время ходило немало. В том числе говорили, что ответственный работник Ленсовета покончил с собой из-за безответной любви к

Копыловской. Может быть и так, а может быть, из-за того, что туберкулез был неизлечим. Во всяком случае, к убийству Кирова самоубийство Б. Н. Чудина не имеет никакого отношения. Сама Раиса Михайловна трагически погибла в годы репрессий. И вряд ли стоило тревожить ее имя, тиражируя небылицы, рассказанные Дембо.

Похороны

Почти сразу же после устного вердикта врачей о смерти Кирова, задолго до написания ими акта и медицинского заключения, о случившемся в Смольном сообщают в Москву — Сталину.

Вот как описывает это один из руководящих работников Ленсовета тех дней М. В. Росляков:

«Появляется хирург Юстин Юлианович Джанелидзе. Он подходит к Кирову и сразу же обращается к коллегам: „Надо составлять акт о смерти”.

М. С. Чудов по кремлевской вертушке связывается с ЦК. Судя по разговору, у телефона оказался Л. М. Каганович. Чудов в несколько слов сообщает главное — Киров убит. Каганович заявил, что сейчас разыщет Сталина и они позвонят. Через несколько минут раздается звонок. Сталин у провода. Чудов сообщает, что Киров убит. Сталин, желая уточнить, задает какой-то вопрос, на который Чудов отвечает, что врачи здесь и составляют акт. Опять последовал вопрос, Чудов перечислил профессоров и, по указанию Сталина, попросил к аппарату Ю. Ю. Джанелидзе. Тот начал говорить по-русски, но потом, очевидно, по инициативе Сталина, перешел на грузинский, нам непонятный язык. Далее из ЦК последовало распоряжение — произвести вскрытие»[413].

А вот свидетельство официального источника — из журнала записей посетителей Сталина в Кремле 1 декабря 1934 года. Оно гласит: в 15.05 в кабинете Сталина в Кремле началось заседание. Кроме Сталина присутствовали: В. М. Молотов, Л. М. Каганович, К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов. После звонка из Смольного с сообщением о покушении на Кирова на Политбюро по указанию Сталина был вызван Ягода с группой работников НКВД — Паукер, Гулько, Петерсон. Ягода вошел в 17.50, а остальные работники после короткого инструктажа в 18.15 покинули кабинет.

Ягода остался на заседании Политбюро. В 18.20 туда же прибыли Орджоникидзе, А. И. Микоян, М. И. Калинин, в 18.25 — А. А. Андреев, в 18.30 — В. Я. Чубарь, в 18.45 — А. С. Енукидзе. В 20.10 заседание закончилось. Все приглашенные покинули

кабинет Сталина, за исключением Ягоды. На Политбюро обсуждались самые неотложные вопросы, связанные с организацией похорон С. М. Кирова, созданием комиссии по организации похорон и местом его захоронения[414]. Опросом членов Политбюро (это зафиксировано в документах) создается правительственная комиссия для организации похорон[415]. Одновременно партийным органам Ленинграда поручается разработать свои предложения.

1 декабря в 18.00 (время отмечено в документе) состоялось объединенное заседание бюро Ленинградского обкома и горкома ВКП(б). В решении говорилось: до прибытия правительственной комиссии поручить комиссии в составе П. Н. Королева (председатель), Б. П. Позерна, Л. К. Шапошниковой, И. И. Гарькавого, Н. Ф. Свешникова, И. С. Каспарова и др. разработать конкретные мероприятия, связанные о похоронами Кирова, и внести их на утверждение бюро обкома и горкома ВКП(б) и правительственной комиссии. Поручить Позерну немедленно выехать в Толмачево для извещения Марии Львовны о смерти Кирова. Поручить Медведю, Свешникову и Марии Львовне принять необходимые меры к тому, чтобы все документы и материалы, находящиеся в кабинете и квартире Кирова, были в полной сохранности[416].

Спустя некоторое время бюро обсудило практические мероприятия по организации похорон Кирова. Среди них — проведение траурных митингов рабочих вечерней и ночной смен, подготовка текстов сообщений о смерти Кирова от обкома, горкома ВКП(б), Ленсовета, ленинградских профессиональных союзов, а также организация сбора воспоминаний и документов о жизни и деятельности С. М. Кирова.

В Ленинградском партийном архиве хранится подлинный документ, написанный рукой Н. Ф. Свешникова:

«1-го декабря 1934 г. 21 час. 30 мин. Мы, нижеподписавшиеся, начальник Оперода Ленинградского УНКВД Губин, зав. особым секторов Дубровская составили настоящий акт в том, что произвели опечатание мастичными печатями кабинета товарища Кирова, состоявшего из двух комнат.

Наложены печати: одна на двери с внутренней стороны второй комнаты кабинета, а другая на двери кабинета, выходящей в приемную.

1 декабря 1934 г.»[417].

Под документом подписи всех трех названных лиц.

Тогда же была составлена опись всего, что было на письменном столе кабинета Кирова и в ящиках. Среди них различные мандаты, письма, конспекты его выступлений на

пленумах обкома и горкома, пометки Сергея Мироновича на листках блокнотов, альбомы, подаренные ему от заводов и фабрик.

Отдельно в пакет были сложены и описаны, а потом и опечатаны все документы и личные вещи, которые находилась при Кирове в момент его смерти. Среди них; карманные часы и ножик в футляре, пенсне, пятьдесят шесть червонных рублей, обломок расчески, два носовых платка, два небольших карандаша, мандат члена Президиума ЦИК СССР за № 178, пропуск № 1 на имя Кирова с грифом «Повсюду», пропуск на партийный актив на 1 декабря 1934 года во дворец Урицкого, лечебная записка от Ленинградской лечебной комиссии о состоянии здоровья Марии Львовны на 20 октября 1934 года, письма сестры Кирова Елизаветы Мироновны Верхотиной, работницы «Скорохода» Г. Либиной, телеграммы, сводки, спец. сообщения НКВД, конспект предстоящего доклада на партактиве 1 декабря на 66 страничках отрывного блокнота[418].

2 декабря в квартире С. М. Кирова в присутствии Н. Ф. Свешникова, начальника Управления НКВД по Ленинградской области Ф. Д. Медведя, сотрудников НКВД Буковского, Котомина, Мурзина осмотрены спальня, столовая, библиотека, кабинет. Все секретные материалы отнесены в отдельную комнату и опечатаны. Опечатан несгораемый шкаф, библиотека и книжная полка в кабинете. Печати сургучные, причем одна — Ленинградского обкома ВКП(б), другая — личная — начальника Управления НКВД[419].

Ключ от запечатанной комнаты передан на хранение Свешникову.

Документ написан химическим карандашом под копирку рукой Свешникова, всего в двух экземплярах. Один для него, другой — для Медведя. Все бумаги тщательно сберегались. Никто не мог взять ни одной из них. Например, для организации похорон Кирова понадобились его ордена, которые были опечатаны вместе с бумагами. В связи с этим уже 2 декабря в присутствии жены Кирова — Марии Львовны — зав. особым сектором обкома ВКП(б) Николай Федорович Свешников и два сотрудника НКВД Буковский и Василевский произвели вскрытие комнаты в квартире Кирова и взяли ордена. После этого все снова было опечатано двумя печатями: обкома и НКВД[420].

Среди тех слухов и легенд, которые распространяются сегодня, весьма живучим оказался миф, что все документы первого декабря были уничтожены, дабы скрыть все нити, могущие пролить свет на обстоятельства убийства. Могу заверить: ни одного документа, ни одного клочка из архива С. М. Кирова

тогда не пропало. Более того, решением Политбюро ЦК ВКП(б) была создана комиссия по сбору документов, воспоминаний. В ее состав входили: М. Д. Орахелашвили, М. С. Чудов, Б. П. Позерн и А. А. Жданов. Как только И. Д. Орахелашвили приехал в Ленинград, ему были переданы все ключи — от кабинета в Смольном, комнаты в квартире Кирова, а также сейфов и шкафов. В Ленинградском партийном архиве хранится подлинный документ — расписка Орахелашвили: *«Ключи от комнаты и несгораемого шкафа от Свешникова получил. Печать в сохранности».* Идентичная его расписка есть и по кабинету Кирова в Смольном[421].

Составление описей всех материалов делали Н. Ф. Свешников, В. П. Дубровская, А. А. Платонова. Последние трое долго работали вместе с Сергеем Мироновичем, и он им полностью доверял. Имеются свидетельства об этом самого Кирова. Так, в одном из писем жене в сентябре 1934 года он писал: *«Если тебе что-либо будет нужно, обратись к Свешникову, он поможет».* Или другое кировское замечание: *«…когда Николай Федорович на месте* (в Смольном. — *А. К), я всегда спокоен».*

В связи с кировским наследием 22 декабря за подписью Орахелашвили была направлена Жданову и Чудову записка:

*«Сбор, разбор и прием архива С. М. Кирова закончен. Фонд материалов, находившихся на квартире за все эти годы оказался весьма значительным. Материалы ЦК сданы в СО. (*Секретный Отдел. — *А.К.). Материалы обкома остаются здесь. Собственно личный архив Сергея Мироновича, сравнительно небольшой, состоит главным образом из 1) писем, обращений к нему (письма членов П.Б.* [Политбюро] — *тт. Сталина и Орджоникидзе отделены особо). 2) Конспекты к его докладам, лент переговоров по прямому проводу (записок периода Северного Кавказа — Астрахань, Тифлис — Баку). Обнаружена собственноручная запись краткой автобиографии (вероятно писал еще в Баку). Также две тетради с выписками из литературных произведений периода ученичества…*

Сегодня я выезжаю обратно в Москву»[422].

В целом кировский архив сохранился неплохо. Тем не менее на сегодняшний день мы не располагаем всеми письмами Кирова к Сталину и Сталина к Кирову. Поиск их, несомненно, важно продолжить.

Рано утром 2 декабря в Ленинград прибыл специальный литерный поезд. Из Москвы приехали: И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, А. А. Жданов, Г. Г. Ягода. Вместе с ними прибыла группа работников ЦК ВКП(б) и НКВД. Среди них: Н. И. Ежов, А. В. Косарев (генеральный секретарь ЦК

ВЛКСМ), Н. С. Хрущев, К. В. Паукэр, А. Я. Вышинский и другие.

Прямо с вокзала Сталин, Молотов, Жданов и Ворошилов направились в больницу им. Свердлова, где находилось тело С. М. Кирова, затем посетили его вдову и наконец прибыли в Смольный.

А. К. Тамми, сотрудник Ленинградского обкома ВЛКСМ тех лет (потом почти 20 лет проведший в лагерях), привел весьма интересную деталь, рассказывая о своей встрече со Сталиным в Смольном: *«Это было в главном коридоре. Вижу идет группа лиц. Смотрю, в середине — Сталин. Впереди Сталина шел Генрих Ягода с поднятым в руке наганом и командовал: „Всем лицом к стенке! Руки по швам!»*[423].

Согласно сохранившемуся документу, в 10 часов утра 2 декабря в Смольном состоялось заседание правительственной комиссии по похоронам Кирова. Присутствовали: Жданов, Чудов, Хрущев, Ягода, Угаров, Петр Алексеев, Гарькавый, Шапошникова, Кодацкий, Королев, Назаренко, Струппе, Каспаров, Паукэр, Грач, Гришин, Родинов, секретари райкомов партии Ленинграда. Она обсуждала такие вопросы: допуск к телу Кирова во дворец Урицкого 2 и 3 декабря, маршрут следования лафета с гробом Кирова по городу, отправка гроба с телом Кирова и венков в Москву, ленинградская делегация для похорон Кирова в Москве и траурные дни в Ленинграде.

В соответствии с принятым постановлением гроб с телом Кирова был установлен во дворце Урицкого. Допуск для прощания открылся 2 декабря в 18.00. По желанию трудящихся оно продолжалось и в ночь со 2 на 3 декабря. Доступ к телу был закрыт в 9.30 вечера 3 декабря. А в 10 вечера состоялся вынос гроба и установка его на лафет. По всему пути следования лафета ул. Воинова (Шпалерная ул. — *А.К.),* пр. Володарского (Литейный пр. — *А.К.*), пр. 25 Октября (Невский пр. — *А.К.)* стояли шпалеры рабочих и воинских частей[424].

Гроб с телом Кирова и венки от трудящихся города в тот же день, 3 декабря, были отправлены в Москву специальным вагоном поезда «Красная стрела». Этим же поездом уезжала и часть ленинградской делегации. Основная же делегация (насчитывающая более 1200 человек) уезжала 5 декабря. Отбор участников похорон Кирова был весьма строгим. На предприятиях и в учреждениях проходили общие собрания, где выбирались представители в состав делегации.

4 декабря в 13.30 к гробу Кирова, установленному в Колонном зале Дома Союзов, был открыт доступ трудящихся Москвы. В ногах Кирова на маленьких подушечках лежали две награды — орден Красного Знамени и орден Ленина.

М. А. Сванидзе — жена брата первой покойной жены Сталина, Екатерины Сванидзе — 5 декабря 1934 года записала в своем дневнике:

«У нас были особые билеты в Колотый зал, где лежал прах Кирова, доступней для посещения всеми… Посреди зала… стоял гроб, простой красный кумачевый гроб… Лицо было зеленовато-желтое, с заострившимся носом, плотно сжатыми губами, с глубокими складками на лбу и щеках, углы губ страдальчески серьезно опущены. У левого виска и на скуле синее пятно от падения. Кругом гроба много венков, красные ленты переплетены с подписями от всех организаций и товарищей. С правой стороны гроба на стульях сидит несчастная жена, ее две сестры и 2 сестры покойного Кирова… Мария Львовна Кирова была последнее время очень больна (у нее было кровоизлияние и частичная потеря речи), а тут нагрянуло такое большое горе, так что она совсем инвалид, заговаривается, плачет»[425].

В первой группе почетного караула стояли Енукидзе, Гамарник, Хрущев, Булганин.

«Со стороны головы покойного Кирова — продолжает М. А. Сванидзе, — *…появляется И*[осиф Сталин], *окруженный Ворошиловым, Молотовым, Орджоникидзе, Кагановичем, Ждановым, Микояном, Постышевым, Петровским и др. С другой стороны стоят уже Корк, Егоров и несколько членов Реввоенсовета… Играет музыка похоронный марш Шопена, шипят рефлекторы, щелкают аппараты, вертится киноаппарат. Все это длится несколько минут, но кажется тревожной вечностью…*

На ступеньки гроба поднимается Иосиф, лицо его скорбно, он наклоняется и целует лоб мертвого Сергея Мироновича. — Картина раздирает душу, зная, как они были близки, и весь зал рыдает»[426].

Многие из тех, кто стоял у гроба в суровые декабрьские дни, были впоследствии репрессированы: Енукидзе, Гамарник, Тухачевский, Корк, Антипов, Позерн, Смородин, П. Алексеев, И. Алексеев, Д. Лебедь, А. Киселев, Эйхе, Волцит, Чубарь, Рудзутак. Самое парадоксальное заключалось в том, что им в качестве одного из обвинений предъявлялась подготовка убийства С. М. Кирова. Некоторые из них были расстреляны. Другие — погибли при исполнении служебных обязанностей (как, например, первые Герои Советского Союза летчики Слепнев, Ляпидевский, Доронин). Третьи прожили долгую жизнь. Они оставили воспоминания. Этому печальному событию они, как бы мимоходом, с высоты своего последующего величия посвятили несколько строк.

Более одного миллиона трудящихся Москвы проводили

С. М. Кирова в последний путь.

Урну с прахом Кирова в Кремлевской стене устанавливал его большой друг Григорий Константинович Орджоникидзе[427].

Зинаида Гавриловна Орджоникидзе еще в 1935 году вспоминала: *«Серго чувствовал себя плохо. Из дома не выходил. Поэтому, когда я 1 декабря, придя с работы, узнала, что Серго куда-то ушел, то была очень удивлена… Когда он пришел домой, я не могла без страха смотреть на его убитый, горестный вид. „Я думал, — тихо проговорил он, — что Кирыч будет хоронить меня, а выходит наоборот". И заплакал. Как страшно, когда плачет мужественный, большой человек»*[428].

Трагедия в Смольном получила широкое освещение в газетах Англии, Франции, США, Германии, Турции, Японии. *«Киров,* — говорилось в „Манчестер Гардиан", — *пользовался чрезвычайно большой популярностью».* Дипломатический корпус в Москве выразил глубокое соболезнование руководству партии и страны в связи с гибелью Кирова.

Смерть Кирова потрясла советское общество. На митингах, Собраниях люди — коммунисты и беспартийные, пожилые и молодые, — объединенные единым порывом, требовали увековечить его память. Один из первых городов, который по просьбе трудящихся был переименован в город Киров, — Вятка. Уже 5 декабря 1934 года ЦИК Союза ССР за подписью Калинина и Енукидзе принял соответствующее постановление[429].

Инициатива, исходившая от трудящихся, беспартийных и коммунистов Ленинграда и области, об увековечении памяти Кирова, сводилась к следующему:

1. Переименовать г. Хибиногорск в Кировск.

2. Нарвский район города переименовать в Кировский. Завод «Красный путал овец», где Сергей Миронович почти девять лет состоял на партийном учете и к реконструкции которого имел самое непосредственное отношение, назвать Кировским заводом.

3. Улицу Красных Зорь, где жил Киров, переименовать в Кировский проспект.

4. Переименовать Крестовский, Елагин и Каменный острова в Кировские острова, создав на них образцовую базу культурного отдыха трудящихся, для чего ускорить строительство Центрального парка культуры и отдыха, присвоив ему имя Кирова.

5. Мост «Равенство» (бывший Троицкий) переименовать в Кировский мост.

6. Считать необходимым соорудить в Ленинграде в 1935 году памятник Кирову[430].

Эти предложения ленинградцев и были приняты ЦИК СССР. В

середине декабря «Ленинградская правда» опубликовала его постановление по данному вопросу[431].

После 1934 года в течение нескольких лет продолжалось присвоение имени Кирова городам, поселкам, тысячам различных предприятий в разных городах страны. По некоторым источникам, в СССР семнадцать городов и поселков носили имя Кирова, по другим — свыше тридцати.

Полагаю, что сегодня, когда мы стремимся возвратить народу историческую правду, не нужно творить новую ложь. Это касается и возвращения старых названий городам и поселкам. Нет никаких сомнений, например, что трудящиеся Вятки в страшные декабрьские дни сами и вполне искренне, а не под партийным диктатом ходатайствовали о присвоении городу имени их прославленного земляка. Конечно, вряд ли это было правильное решение, тем более что связи Кирова с Вяткой были не так уж и прочны. Но, возвращая городу название Вятка, не следовало бы сталь безапелляционно обвинять партию в том, что своими действиями в тридцатые годы она стремилась отнять у народа его историческую память. Ведь если идти в глубь веков, то окажется, что и Вяткой город стал называться только в 1783 году. А до этого был город Хлынов…

Глава 2
Во власти террора

Убийца

Кто же он, убийца Кирова? Очевидцы — те, кто, услышав выстрелы, выбежали первыми, писали: *«В двух шагах от него (*от Кирова. — А.К.*) распластавшись лежал другой, неизвестный, человек».* (Из воспоминаний М. В. Рослякова.) Стэра Соломоновна Горакова, работавшая с 17 июля 1931 года до 21 января 1935 года в аппарате горкома ВКП(б), вспоминала: *«…я открыла дверь комнаты, которая находилась напротив коридора, где был кабинет Кирова, и увидела, что на полулежал Николаев, а над ним стоял наклонившись начальник охраны Смольного — Михальченко*[432]. *Николаева я знала в лицо: когда я работала в парткабинете (он помещался во II эт.), напротив были комнаты РКИ, где тогда работал Николаев. Он часто заходил в парткабинет за газетой, журналом и т. д.»* [433]. Уже упоминавшаяся врач санчасти Смольного М. Д. Гальперина писала: *«…Пришла наша заведующая — доктор Тихан С. З. Она взволнованно заговорила. Звуки слов долетали до нас, но понять смысл слов в то мгновение было почему-то трудно. Наконец, поняла — „Убийца Николаев выстрелил и упал…“ что он кричал, она объяснить не могла».*

Действительно, после убийства Кирова и неудачной попытки застрелиться самому с Николаевым случилась истерика. Очевидцы, а их было немало, вспоминают, что Николаев не просто кричал, а выкрикивал вполне определенные фразы: *«Я ему отомстил! Я отомстил!»*

В суровые дни декабря тридцать четвертого советские газеты мало писали об убийце Кирова. И совсем перестали вспоминать позднее, когда на расстрел осуждались лица, безусловно непричастные к убийству Кирова.

Отсутствие информации об убийце породило мифы о нем. Так, Конквист и Антонов-Овсеенко утверждают, что Л. В. Николаев вступил в партию в 1920 году, участвовал в гражданской войне, в набегах продотрядов[434]. Так ли это? И вообще, кто же он, Леонид Васильевич Николаев? Террорист или жертва?

Наверное, и то и другое. Дабы понять побудительные мотивы, толкнувшие Николаева на этот страшный акт, необходимо всесторонне исследовать его жизнь, ничего в ней не

приукрашивая, ничего не скрывая, а заодно развенчать и некоторые мифы.

Леонид Васильевич Николаев родился 10 мая 1904 года в Петербурге, на Выборгской стороне, в семье рабочего. Через три года родилась сестра Анна. Была еще одна сестра, старшая — Екатерина, 1899 года рождения. В 1908 году их отец умер от холеры. У матери — Марии Тихоновны Николаевой в 1911 году появляется еще один ребенок, Петр, имевший уже другое отчество — Александрович[435].

В год рождения младшего сына Марии Тихоновне исполнился 41 год. Неграмотная, она бралась за любую работу, чтобы одеть, обуть, накормить детей. После революции была обтирщицей (уборщицей) трамвайных вагонов в трампарках им. Леонова и Блохина[436].

Жизнь семьи Николаевых была тяжелой. Нужда. Дети болели. Особенно болезненным рос Леонид. Рахит — распространенная болезнь детей питерских бедняков — привел к тому, что он долго (до 11 лет) не мог ходить. 4 декабря 1934 года на вопрос следователя при допросе: *«Что вы можете сказать о сыне?»* Мария Тихоновна ответила*: «Он рос очень болезненным. Болеть начал с года — английской болезнью* (рахит. — *А.К.): большой живот, суставы вывихнуты, не ходил до 11 лет* (выделено мной — *А.К.*), *два года лежал в больнице, в гипсе. Отец его пил запоем, Жили в сырой квартире — в подвале. После революции получили две комнаты в квартире по Лесному проспекту».*

Разные авторы называют разный возраст, когда Николаев начал ходить, то 7 лет, то 14 лет. Но думается, только матери дано знать всю правду о болезни сына.

Старшая дочь Екатерина рано вступила на трудовой путь: работала в бане, прачкой, рабочей в тресте зеленых насаждений. В 19 лет она стала членом партии большевиков.

Домашнее хозяйство вела бабушка. Она же присматривала и за детьми.

Шумные детские игры — лапта, городки, прятки — из-за болезни были недоступны Леониду. С завистью он смотрел на своих сверстников — дворовых мальчишек, бегавших и прыгавших. Среди них были и те, кого он впоследствии, в декабре 1934 года, оговорит на допросах, покажет на них, как на участников контрреволюционной группы (Соколов, Юскин, Котолынов). Учился Леонид неплохо. Много читал.

Мечтал выйти в люди. Интерес к книгам, журналам, газетам он сохранил на всю жизнь.

Единственным документом, проливающим свет на отношение уже взрослого Леонида Николаева к своей семье, является

приписная карта допризывника, заполненная им лично 4 мая 1926 года. На вопрос: состав семьи? — Николаев пишет 5 человек. И затем столбиком перечисляет:

«Отец — (прочерк. — *А.К.)*
Мать — 1870 г. р.
Сестра — 1907 г. р.
Братья — 1911 г.р. (так в тексте. — *А.К.)*
Бабушка — 1854 г. р.»[437].

Как видим, Николаев не пишет, что отец умер. Нет ни одного слова (причем ни в одной из найденных нами анкет) и о старшей сестре — Екатерине. Почему? Можно высказать только предположение. Воспоминания об отце ему почему-то были неприятны. Может быть, потому, что он пил. Ну а старшая сестра Екатерина к этому времени вышла замуж, имела свою семью и, как говорили в старину, была «отрезанный ломоть».

Жили в это время все Николаевы в одной квартире по адресу: Лесной проспект, д. 13/8, кв. 41. Квартироуполномоченной была старшая сестра Екатерина Рогачева. Она отвечала за состояние квартиры, своевременную оплату жилплощади и уборку мест общего пользования, следила, чтобы в квартире не жили и не ночевали люди без ленинградской прописки. Мать Николаева на упоминаемом мной допросе 4 декабря, который вел помощник начальника особого отдела УНКВД по Ленинградской области П. Н. Лобов, показала, что летом 1931 года Леонид Николаев получил квартиру в новом жилмассиве на Выборгской стороне — *«угол Лесного и Батенина направо»* — ул. Батенина дом 9/37, кв. 17. Он переехал туда со своей семьей. Замечу, что в «Обвинительном заключении по делу Николаева» и других документах фигурировал его старый адрес: Лесной пр., дом 13/8, кв. 41.

На другом допросе 11 декабря Мария Тихоновна утверждала: *«В материальном положении семья моего сына не испытывала никаких затруднений… Дети были также полностью обеспечены всем необходимым, включая молоко, масло, яйца, одежду, обувь»*[438].

Несомненными признаками благосостояния семьи являлось и то, что сам Л. В. Николаев имел велосипед (это служило признаком определенного достатка в те годы), а в 1933–1934 гг. Николаевы снимали частную дачу в таком престижном районе, как Сестрорецк.

Трудовая деятельность Николаева началась в Самаре, куда занесли его голодные годы гражданской войны. Шестнадцатилетним пареньком он стал секретарем сельского Совета, но вскоре уехал в Петроград. Здесь 28 мая 1921 года

Николаев устроился на работу в Выборгское отделение коммунального хозяйства Петросовета, в подотдел неделимого имущества, на должность конторщика. И это в то время, когда биржа труда задыхалась от десятков тысяч питерцев, желающих работать. Трудоустройство явно не обошлось без протекции. Предположительно ее оказал некто Иван Петрович Сисяев, 1874 года рождения, до 1914 года работавший токарем на Путиловском заводе, затем — в Государственном Дворянском Земельном и Крестьянском банке, вступивший в партию в 1920 году. И. П. Сисяев в 1921 году — сотрудник Петрогуботкомхоза. Косвенным доказательством такого предположения являются два обстоятельства. Первое — Сисяев проживал на Выборгской стороне, на улице Мерзавина, почти рядом с Николаевыми, и нельзя исключить их знакомства. Второе, более существенное — именно Сисяев дал Николаеву впоследствии рекомендацию для вступления в партию[439].

Однако в августе 1922 года Николаева увольняют с работы по распоряжению исполкома в связи с ликвидацией должности. К этому времени он уже вступил в ряды российских комсомольцев, установил контакты с Выборгским райкомом комсомола. Там заметную роль играли бывшие дворовые ребята Выборгской стороны. Среди них И. И. Котолынов, А. И. Толмазов. Надо полагать, не без их протекции он становится управделами Выборгского райкома комсомола. В то время функции управделами были весьма разнообразны: от ведения протокольных дел райкома комсомола до заведования его хозяйством.

Несмотря на то, что Николаев лично хорошо знал многих комсомольских руководителей района, на службе у него не все ладилось. Немые свидетели — документы, выявленные по крупицам в архиве, — отражают сложности в характере взаимоотношений Николаева с товарищами по работе.

Дважды Николаев подает заявления на бюро райкома комсомола с просьбой дать комсомольскую рекомендацию для вступления в партию — в феврале и октябре 1923 года. Оба раза бюро принимает положительное решение. И оба раза; Николаев этой рекомендацией не воспользовался. Почему? Ответа нет.

Между тем в июне 1923 года бюро Выборгского РК РКСМ рассматривает заявление Николаева «Об освобождении его от обязанностей управделами и отправлении его на производство». В принятом в связи с этим постановлении говорилось: *«Просить губком прислать нового управделами и по прибытии нового — освободить»*[440]. А 23 августа того же года на бюро райкома заслушивается новое заявление Николаева: *«Прошу*

откомандировать меня в Техартшколу» (Техническую артиллерийскую школу. — *А.К.)*. И краткое решение: «Отказать». Подписан документ Котолыновым[441]. Быть может, мстительный Николаев не забыл эту подпись в роковом 1934 году.

С октября 1923 года Николаев — ученик слесаря на заводе «Красная Заря». Здесь он вступает в партию. Найдены два интересных документа. Первый — протокол № 13 комиссии по приему в партию при Выборгском райкоме ВКП(б) от 4 марта 1924 года: *«Утвердить кандидатом по 1-й группе члена РКСМ ученика слесаря завода „Красная Заря" Николаева Л. В., работающего на заводе 1 год* (фактически 5 месяцев. — *А. К). Рекомендуют Сутуло и Сисяев».* Второй — выписка из протокола бюро Выборгского РК РКП(б) от 24 апреля 1924 года о принятии в рады РКП(б) по первой рабочей категорий. Рекомендующие те же[442].

Казалось бы, достигнута цель. Николаев стал рабочим, причем на престижном заводе. Но что-то у него опять не заладилось. От Николаева посыпались жалобы в партком о недополучении по подписке книг — сборников Ленина — и в связи с этим просьба: выплатить оставшиеся деньги. Не складываются отношения и с товарищами по работе. А отсюда жалобы, письма. Обратите внимание: Николаеву всего 20 лет. Интерес к политической литературе — Ленину. И одновременно сквалыжничество, склоки[443].

Сквалыжничеством Николаев занимался и впоследствии. Так, с апреля по август 1934 года он написал десятки писем, заявлений в самые разнообразные инстанции по различным вопросам: о снятии памятника Петру Великому, о сносе часовни, о переименовании парикмахерской, об установлении во дворе своего дома бюста Карла Маркса[444].

Ну а как же воспитывают молодого коммуниста? Очень просто. Коллектив завода «Красная Заря», стремясь, несомненно, избавиться от склочного Николаева, выдвигает его на ответственную работу[445].

1925 год — это год прохождения допризывной подготовки для всех, кто родился в 1904 году. Леонид Николаев является в призывную комиссию № 5 и получает отсрочку на 12 месяцев «по статье 15 приказа 1090 медицинской комиссии». В переводе на обычный язык это означает физические недостатки у призывника: длинные до колен (обезьяньи) руки, короткие ноги, удлиненное туловище.

В призывной карте на вопрос — служил ли добровольцем в Красной Армии? — Николаев пишет: не служил.

Через год, 29 октября 1926 года, медицинская комиссия

вновь отметает *«к военной службе негоден»* и опять называет ту же статью 15. Еще через год, 2 ноября 1927 года, ставится штамп *«годен к нестроевой службе»*. В том же деле хранится постановление призывной комиссии по рассмотрению жалоб на неправильно определенные льготы или заявления призывников. Из него следует, что в 1927 году Николаев подавал заявление с просьбой предоставить ему льготу — отсрочку от военной службы в связи с семейным положением. И получил отказ. Тогда он подал жалобу в вышеназванную комиссию и получил освобождение от нестроевой службы по семейному положению[446]. Но на военном учете Николаев состоял вплоть до разыгравшейся в Смольном трагедии.

Итак, вместо службы в Красной Армии Николаев оказывается в Лужском уездном комитете комсомола. Сохранился акт о приемке Николаевым дел по управлению делами Лужского укома РЛКСМ. Он подписан 28 января 1925 года. И здесь у Николаева тоже появились почта сразу некоторые шероховатости. А 21 мая аттестационная комиссия Лужского укома комсомола не утвердила его в должности. Формулировка*: «Как недавно прибывшего и не выявленного по работе»*[447].

Думается, что определенную роль здесь сыграл тот факт, что Николаев уклонялся от общественной работы. В марте он подал заявление с просьбой освободить его от руководства комсомольскими кружками[448]. Просьба удовлетворяется. Однако при аттестации это учитывается. Отсюда — *«не выявлен по работе»*.

В Ленинградском партийном архиве хранится одно-единственное выступление Николаева. Это его доклад 13 сентября 1925 года на совещании секретарей волостных комитетов комсомола Лужского уезда. Его название «О секретарской работе и информации». Замечу, что под «секретарской работой» подразумевается ведение протокольного хозяйства. Из стенограммы видно, что доклад Николаева весьма логичен, речь докладчика литературная, он профессионально грамотно ставит вопросы — как оформлять протоколы, подшивать документы, создавать архив[449].

И тем Не менее 8 декабря 1925 года бюро Лужского укома РЛКСМ, заслушав вопрос о работе Л. В. Николаева, принимает решение: *«т. Николаева с работы общего отдела снять и направить в распоряжение ЛГК*[450] *РЛКСМ»*[451].

Следует подчеркнуть: «снять». И обращаю внимание: Л. В. Николаеву всего 21 год, но его уже трижды снимают с работы. Выборгский райком комсомола: *«просить губком прислать нового управделами, а по прибытии нового — освободить»*; завод

«Красная Заря», избавляясь от склочного Николаева, выдвигает его на ответственную работу в область; бюро Лужского укома РЛКСМ: *«т. Николаева с работы общего отдела снять и направить в распоряжение ЛГК РЛКСМ»*. При этом не следует забывать, что он не прошел аттестацию в Лужском укоме комсомола. И везде молодой коммунист пишет жалобы, жалобы, жалобы… И везде отношения с товарищами по работе у Николаева складывались не лучшим образом. Но здесь, в Луге, он встретил женщину, которую полюбил и которая стала его женой.

Эго была Мильда Петровна Драуле, дочь латышского батрака, она родилась в 1901 году. Рано началась ее трудовая деятельность. В 1919 году Мильда Драуле вступает в партию. В период наступления Юденича на Петроград она лишь чудом избежала расстрела. Мильда была хорошо сложена, имела прекрасный цвет лица и роскошные рыжие волосы. Немногословная, сдержанная, отличная хозяйка, она пользовалась уважением товарищей в Лужском укоме партии, где работала заведующей сектором учета. Это подтверждается тем, что М. П. Драуле избиралась председателем товарищеского суда[452].

В Ленинград Николаев возвращается уже не один — с женой, сыном и тещей. Он устраивается на завод «Красный Арсенал». Сначала — слесарем, затем строгальщиком. Но рабочим Николаев так и не стал. Числясь им, он то заведовал красным уголком, то был конторщиком, то — кладовщиком. Однако и здесь его также увольняют с работы. Почему? Частично это проясняют документы партийной чистки 16 октября 1929 года цехячейки ВКП(б) мастерской завода «Красный Арсенал». Сохранился протокол этого собрания. В нем отмечено: «Николаев Л. В. — безработный». Предоставим слово одному из рабочих Грудину: *«По-моему неверно говорят, что Николаева уволили за самокритику* (так в тексте. — *А. К). Николаев сидел в кладовой и получал 6-ой разряд, как слесарь. Тогда он кричал, что это не дело, что вы мне так мало платите и просился на станок, и его перевели. Николаев стал зарабатывать 200 руб. А потом ушел в конторку мастера. И сидя в конторке мастера Карташева, тогда он молчал, а когда его сократили, то стал говорить, что его сократили за самокритику»*[453].

Собрание постановило: *«Считать проверенным. Оставить членом ВКП(б). Дать выговор за создание склоки через печать»*.

1929 год был особенно неудачным для Николаева. Работа на заводе не ладилась. Зарабатывал мало. А на иждивении у него в это время были трое. Мильда Драуле долго не могла устроиться на работу. Трудилась поденно чернорабочей на заводе

«Прогресс». А тут еще в феврале 1929 года народный суд Петроградского района на основании статьи 145, ч. 1 УК РСФСР, рассмотрев дело Л. В. Николаева о неосторожной езде на велосипеде, постановил *«оштрафовать его на 25 руб. и взыскать с Николаева в пользу пострадавшей Оймас Анны Петровны — 19 руб.»*.

В связи с этим инцидентом Николаев обсуждался на партийном комитете «Красного Арсенала» и заседании партийной тройки Выборгского районного комитета ВКП(б). Интерес представляет объяснительная записка, представленная Николаевым в Выборгский райком ВКП(б) Стиль и орфография документа полностью сохранены.

«Еще в сентябре месяце 28 г. в 10 ч. утра, проезжая на велосипеде по ул. Кр. Зорь по направлению Каменного острова в Дом отдыха, я имел несчастный случай, который произошел целиком по вине пешехода…

Перед партийным „судом“ указывая на это. обстоятельство, я хочу обратить внимание на все обстоятельства дела. Народный суд определил мою вину, …поскольку с моей стороны не было свидетеля, а произошло это потому, что я не полагал на такой исход дела. Как правило всегда судят ездока! И я стал жертвой осуждения из-за которого пострадал — „почему я не извинился“ и полной возможности выгоды в предъявленном мне иске! Присовокупляю, что в политическом отношения я чист, а за неосторожную езду прошу судить, не горазд!

Л. Николаев».

Партийная тройка Выборгской районной Контрольной комиссии ВКП(б) постановила: *«За неосторожную езду на велосипеде поставить Николаеву Л. „на вид"»*[454].

Вскоре Л. В. Николаев поступает на завод имени Карла Маркса на рабочую должность. Но и здесь «рабочий» — это только прикрытие. Фактически же он устраивается опять в «красном уголке».

Мною были просмотрены все личные дела Леонида Васильевича Николаева с момента его приезда в Ленинград и поступления на работу в Выборгское отделение коммунального хозяйства Петросовета до последнего места работы — инструктором по приему документов Института истории партии. Изучены дела партийных, комсомольских организаций всех первичных организаций, учреждений, заводов, цехов, где работал Николаев, тщательно проанализированы материалы чисток 1929 и 1933 годов, рассмотрены персональные дела Николаева в связи с разного рода его заявлениями в партийные органы. Нигде не удалось обнаружить документов, что Николаев Леонид

Васильевич работал на освобожденных комсомольских должностях на предприятиях, как считают некоторые авторы.

Единственные его общественные «нагрузки» на заводе «Красный арсенал» — входил в состав цеховой редколлегии, на «Красной Заре» — отвечал за распространение. подписки на ленинские сборники, был председателем ревизионной комиссии цеховой комсомольской организации. Числясь на рабочих должностях на всех заводах, он обычно помогал мастеру вести учет инструмента, деталей, помогал в закрытии нарядов.

Не соответствует действительности и утверждение Ю. Н. Жукова, что осенью 1930 года Николаев был якобы направлен в Восточно-Сибирский край на хлебозаготовки. Подобные списки проходили через обком партии, и фамилии Николаева среди них нет.

Чтобы внести полную ясность в вопрос о трудовой биографии Л. В. Николаева, позволю себе составить в хронологическом порядке список всех должностей, которые он занимал:

1. С января 1919 по 1920 г. — Самара, секретарь сельского Совета.

2. С 28 мая 1921 по 20 августа 1922 г. — Выборгский отдел коммунального хозяйства, конторщик.

3. С декабря 1922 по 1923 г. — Выборгский РК ЛКСМ, управделами.

4. С 1923 по 1925 г. — завод «Красная Заря», подручный слесаря.

5. С октября 1925 по декабрь 1926 г. — Лужский уком РЛКСМ, управделами.

6. С 1926 по 1928 г. — завод «Красный Арсенал», подручный слесаря.

7. С 3 июля 1928 по ноябрь 1929 г. — завод «Красный Арсенал», строгальщик.

8. С 1929 по 1932 г. — завод «им. Карла Маркса», строгальщик.

9. С мая 1932 г. по август 1932 г. — обком ВКП(б), референт кустарно-промысловой секции.

10. С августа 1932 г. по октябрь 1933 г. — Ленинградская областная РКИ, инспектор инспекции цен.

11. С 19 октября 1933 по 8 апреля 1934 г. — Институт истории партии, инструктор по приему документов[455].

Однако перейдем к более подробному рассказу о двух последних годах жизни Николаева. С завода имени Карла Маркса Николаев уходит в Ленинградский обком ВКП(б). В течение четырех месяцев, с мая по август 1932 года, он является референтом отдела кустарно-промысловой секции

Ленинградского обкома ВКП(б). Затем, в августе 1932 года, он становится инспектором инспекции цен. Удалось найти следующий документ на бланке Ленинградской Контрольной Комиссии ВКП(б) Рабоче-Крестьянской Инспекции:

«Управление делами.

Зачислить в группу Гуревича с месячным испытательным сроком инспектором Николаева Л. В. с 20 августа 1932 на оклад 250 руб. в месяц»[456].

На документе подпись самого председателя РКИ Н. С. Ошерова. Читатель вправе спросить: чего же тут особенного? Но дело в том, что все другие бумаги, поступавшие в РКИ, документально оформлялись несколько иначе. Были ходатайства трудовых коллективов, личные заявления и только затем направление в отдел кадров. Кто мог рекомендовать Ошерову Николаева? Возможно, что это был опять Иван Петрович Сисяев. Он длительное время работал в рабоче-крестьянской инспекции. Но, по всей видимости, был и еще один рекомендующий, и рекомендация эта была настолько весомой, что Ошеров принял Николаева в РКИ с рядом нарушений тех правил, которые были характерны для приема в это учреждение. Возникает вопрос: быть может, его лично знал сам Ошеров? Нет. Изучение биографии последнего убеждает, что жизненные пути Николаева и Ошерова пересеклись только в 1932 году.

И для полноты рассказа о Николаеве еще один документ: «Выписка из протокола № 4 открытого пленума Ленинградской городской и областной Контрольной комиссии по чистке от 23 октября 1933 года».

В этом документе представляет интерес два момента.

Первый — фиксация в протоколе рассказанной Николаевым автобиографии. *«Школу окончил в 16 году, затем был в учении у часовщика»* и *«В конце 20-х годов служил санитаром в 978 военном госпитале».*

Замечу, что ни в одной анкете никогда Николаев этих сведений не сообщал. Что это — случайность или забывчивость? А может быть, желание что-то скрыть.

Второй — это выступления в прениях. Было всего два выступающих. Привожу их выступления.

«Тов. Фукс: Николаев работал инспектором по ценам в области. Качество его работы не всегда было продумано. Еще одна плохая сторона — он думает всего можно добиться наскоком, не хочет работать над собой, хотя и может.

Кочнев: Надо Николаева предупредить, чтобы он над собой хорошо работал. Иначе… он сможет натворить много ошибок. Решение комиссии по чистке: считать проверенным»[457].

В период прохождения этой второй чистки Николаев уже работал в Институте истории ВКП(б). Приказом за № 74 директора института Отто Августовича Лидака с 16 октября 1933 года Леонид Васильевич, Николаев был зачислен в штат на должность инструктора истпарткомиссии.

Каким же образом оказался Николаев в институте?

14 октября 1933 года культпропотдел Ленинградского обкома ВКП(б) направляет директору института следующую депешу:

«Тов. Лидак! Сектор кадров направляет Николаева по договоренности для использования по должности.

Зав. сектором культкадров. (Подпись неразборчива)».

На обороте этого документа имеется такой текст:

«Тов. Хайкина. Прошу откомандировать тов. Николаева для работы в качестве инструктора.

15/X. Лидак»[458]

Это было последнее место работы Николаева. Судя по документам, к нему не было никаких претензий по работе. Он пытался повысить свой профессиональный уровень. Поступил учиться в Коммунистический университет. Увеличилась семья. Появился второй сын. Мильда Драуле с чисто технической работы в обкоме ВКП(б) (а она начала здесь работать в 1930 году, сначала учетчиком в секторе статистики, а затем — техническим секретарем сектора кадров легкой промышленности) перешла на работу в Управление уполномоченного наркомата тяжелой промышленности.

Это случилось летом 1933 года. В приказе по Управлению говорилось: *«Зачислить временно в счет имеющихся вакансий инспектором учраспреда Драуле М. П. с окладом 250 руб. до окончания срока партмобилизации т. Смирновой».*

С ноября 1933 года М. П. Драуле уже назначается инспектором управления по кадрам с окладом 275 рублей. А эти должности были отнюдь не технические[459].

Кто рекомендовал Драуле? Почему ей пришлось так быстро уйти из аппарата обкома на должность фактически занятую, ибо партмобилизация Смирновой была рассчитана на 4 месяца. Полагаю, что рекомендовать Драуле мог Георгий Иванович Пылаев — уполномоченный наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду и области, один из друзей Кирова. Быстрота перемещения Драуле из обкома ВКП(б) в Управление наркомата тяжелой промышленности по Ленинграду пока остается необъяснимой. Можно только высказать предположение: вероятно, ее пришлось срочно перевести в связи с появившимися слухами о ней и Кирове.

Как бы то ни было, семейные обстоятельства складывались у

Николаева не лучшим образом. А тут еще и на работе — новый конфликт. На этот раз с партийной организацией института. Весной 1934 года проводилась партийная мобилизация на транспорт. Выбор парткома института пал на Николаева. Он категорически отказался. Тогда партком исключил его из рядов ВКП(б) с формулировкой: *«За отказ подчиниться партдисциплине, обывательское реагирование на посылку по партмобилизации (склочные обвинения ряда руководящих работников-партийцев)»*.

3 апреля 1934 года был издан приказ № 11 директора института Лидака, согласно которому: *«Николаева Леонида Васильевича в связи с исключением из партии за отказ от парткомандировки освободить от работы инструктора сектора истпарткомиссии с исключением из штата Института, компенсировав его 2-х недельным выходным пособием»*. 8 апреля состоялось партийное собрание института. Оно подтвердило решение парткома.

Дважды — 29 апреля и 5 мая — состоялись заседания тройки по разбору конфликтных дел Смольнинского райкома ВКП(б). Выступая там, Николаев сказал: *«Не пошел в райком по предложению (*парткома института. — *А.К.) сразу потому, что меня раньше забраковали. После я пошел к Золиной, заполнил анкету»*. Представители же парткома Абакумов, Ямпольская говорили, что *«фактически т. Николаев не безработный, на транспорт идти отказался и если не нуждается, он найдет себе работу. В РК пошел после вынесенного решения парткома об исключении. Рассматривал посылку на транспорт, как наказание. Шло дело не о мобилизации, а об отказе»*.

В протоколе зафиксировано: *«Николаев держит себя не выдержанно, угрожает парткому, склоняется к признанию своих ошибок»*.

Тройка постановила: *«В виду признания допущенных ошибок — в партии восстановить. За недисциплинированность и обывательское отношение, допущенное Николаевым к партмобилизации — объявить строгий выговор с занесением в личное дело»*.

17 мая 1934 года бюро Смольнинского райкома ВКП(б) подтвердило это постановление.

5 июня и 3 августа 1934 года Николаев апеллирует в комиссию партийного контроля при Ленинградском обкоме ВКП(б). Он настаивает на снятии партийного взыскания и восстановлении на работе в Институте истории партии. Такую же просьбу он передал и Сергею Мироновичу Кирову[460].

Предлагалась ли ему другая работа? Секретари райкомов партии Милославский и Смородин позднее, уже в декабре 1934

года, после гибели Кирова, утверждали, что «да». Ему предлагали пойти на производство, к станку. Это было для Николаева неприемлемо. Хотя он и имел рабочую профессию слесаря, но, увы, руки у него были отнюдь не «золотые». На рабочем месте он зарабатывал крайне мало (от 70 до 120 рублей). Зато вполне соответствовал должности учетчика, кладовщика, заведующего «красным уголком», архивариуса. В РКИ, обкоме ВКП(б), в Истпарте Николаев зарабатывал от 250 до 275 рублей в месяц. Много это или мало? Сравним с подлинником расчетной книжки Кирова, выданной 17 февраля 1930 года. Рабочее время не нормировано. Оплата труда из расчета: а) основной оклад — 150 руб.; б) надбавка за ненормированное рабочее время — 150 руб. (с января 1934 года Киров стал получать как секретарь ЦК ВКП(б) 500 руб.). Поэтому Николаев требовал не просто должности, а «руководящей». Другая работа ему была не нужна[461].

Представьте себе человека с довольно приятным лицом, невысокого роста (150 см), узкоплечего, с короткими кривыми ногами, длинными руками, почти доходящими до колен. Человека крайне самолюбивого, эмоционального, честолюбивого, надменного, мстительного и даже злобного, как утверждали его родные, замкнутого и нервического.

Теперь вообразите этого маленького наполеончика без работы. Рядовую — ему не позволяет занять собственное «я», а руководящую — увы, больше не предлагают. Денег мало. Он вынужден жить на зарплату жены. Дома двое детей, теща, и куда бы он ни обращался за помощью, надеясь на справедливость, — всюду получал отказ. Конечному него был сложный и, судя по всему, трудный, неуживчивый характер. Но и в институте по отношению к нему явно была допущена социальная несправедливость. Белобилетника, освобожденного от службы в Красной Армии по физическим недостаткам, партком института мобилизует на транспорт, дирекция увольняет Николаева не потому, что он плохо работает, а потому, что отказался от «парткомандировки». Ему предлагается работа, но не престижная, да еще и с понижением в должности. К тому же появляются слухи, в которых имя его жены недвусмысленно связывается с именем Кирова. Соответствовали они действительности? Однозначно ответить на это трудно. Скорее «нет», чем «да». Но подобные слухи могли дойти до Николаева.

Обращает на себя внимание и тот факт, что ряд записей Николаева, сделанных в дневнике, а также в письмах, адресованных в разные инстанции, являются бессодержательными, маловразумительны, а иногда и просто

бессмысленными. Например такие: *«Людей много, но разницы в них мало. Кипучая деятельность человека создает фантазию и успокоение. Секрет жизни и благоразумие держится на преданности, но преданность это патриотизм, не более». «Нас не надо одевать в бронь, чтобы давить и убивать людей, а потом демонстрировать на площадях». «Я хочу умереть с такой же радостью, как и родился»*[462].

Очевидно, и в психическом плане у Николаева были проблемы. Фанатик, решивший войти в историю путем теракта, он, спровоцировав террор «классовый», увлек с собой в могилу великое множество невинных жертв.

И все-таки: почему вокруг личности убийцы Кирова роилось множество самых разнообразных слухов?

Выскажу некоторые предположения.

Во-первых, в декабре 1934 года в Смольном работало еще два Николаева. Денис Петрович Николаев — помощник Сергея Мироновича Кирова и Николаев Борис Иванович — инструктор одного из отделов обкома. Замечу, что именно Б. И. Николаев летом в 1932 и 1933 годах находился в военных лагерях[463]. Упоминаю об этом специально, так как получила несколько писем, авторы которых утверждали, что были вместе с убийцей в военных лагерях и учили его стрельбе. Подобные письма направлялись и в комиссии ЦК КПСС по расследованию обстоятельств убийства Кирова. Возможно, авторы писали правду по поводу обучения стрельбе, но учили они совсем другого Николаева, который, правда, как и Леонид Николаев, имел самое непосредственное отношение к обкому ВКП(б).

Во-вторых, фамилия Николаев является весьма распространенной. Более того, на территории Выборгского района Ленинграда проживали и работали два Леонида Васильевича Николаева. С биографией одного из них, убийцы Кирова, читатель уже познакомился. Теперь расскажем о другом.

Он также родился в Петербурге в 1904 году и тоже в семье рабочего. Принимал самое активное участие в Гражданской войне. Вернулся в родной город в 1925 году из Свердловска и с этого времени до самой смерти трудился рабочим на Государственном оптико-механическом заводе. Здесь прошел обе партийные чистки — 1929 и 1933 года. Его биография, рассказанная им самим при прохождении чистки в 1929 году, коренным образом отличается от биографии будущего убийцы Кирова. (Полностью протокол чистки дается в приложении.) Этот второй Л. В. Николаев служил в Красной армии, был механиком, а самое главное — умер он еще до убийства Сергея Мироновича — в мае 1934 года.

После убийства С. М. Кирова из партийного архива изъяли учетные карточки и личные дела обоих Николаевых. Глубоко исследовать все эти документы, а тем более проверить или перепроверить их по фондам других архивов, до середины 80-х годов было крайне трудно в силу ограничения доступа к ним. Отсюда слухи и мифы вокруг биографии Николаева — убийцы С. М. Кирова. На их создание влияло многое. Но прежде всего полное отсутствие информации как о результатах следствия, так и о личности убийцы, внезапная гибель М. В. Борисова — одного из охранников Кирова, политические процессы 30-х годов, где почти всем обвиняемым инкриминировалось убийство Кирова, и, наконец, лагерные «байки». Некоторые из них циркулируют еще и сегодня.

Николаев был арестован на месте преступления. После оказания ему первой медицинской помощи и произведенного опознания он был доставлен на Литейный, 4, в здание Ленинградского управления НКВД.

1 декабря медики осматривали Николаева дважды. Первый раз около 19.00 в управлении НКВД. В составленном ими акте отмечалось: Николаев на вопросы не отвечает, временами стонет и кричит. Пульс 80 ударов в минуту. Признаков отравления нет, имеются явления общего нервного возбуждения. Второй раз — после его доставки во 2-ю ленинградскую психиатрическую больницу. Николаеву проводили экспертизу врачи этой больницы: известный врач-психиатр Густав Владимирович Рейц с тремя коллегами: Н. Я. Гандельтан, Л. С. Рывлин, М. Е. Гонтарев. В заключении говорилось: *«…Николаев находился в кратковременном истерическом состоянии, при сильном сужении поля сознания, наблюдается ожог левой ноздри нашатырем и значительное выделение слюны. Из которого выведен мерами медицинского характера с применением двух ванн и душа, но повторение истерических припадков в дальнейшем возможно»*[464].

Заместитель начальника Управления Федор Тимофеевич Фомин впоследствии так описывал поведение Николаева в первые часы после ареста: *«Убийца долгое время после приведения в сознание кричал, забалтывался и только к утру стал говорить и кричать: „Мой выстрел раздался на весь мир“».*

По-видимому, Федор Тимофеевич допрашивал Николаева где-то после 10 вечера вместе с начальником УНКВД Ф. Д. Медведем, зам. начальника оперативного отдела Д. Ю. Янишевским и зам. начальника СПО Строминым. Допрос вел помощник начальника особого отдела УНКВД по Ленинграду и области Лобов. Полностью документ дается в приложении. Приведу лишь отдельные его фрагменты:

*«**Вопрос**: …Скажите, кто вместе с вами является участником в организации этого покушения?*

***Ответ**: Категорически утверждаю, что никаких участников в совершенном мной покушении на т. Кирова у меня не было. Все это я подготовил один, и в мои намерения никогда я никого не посвящал.*

***Вопрос**: С какого времени вы подготовлялись на это покушение?*

***Ответ**: Фактически мысль об убийстве т. Кирова у меня*

возникла в начале ноября 1934 г..

***Вопрос**: Какие причины заставили вас совершить это покушение?*

***Ответ**: Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, мое безработное положение и отсутствие материальной, а самое главное, моральной помощи со стороны партийных организаций».*

Под протоколом стоят два автографа: Лобова и «записано верно» — Николаева.

Допрашивался Николаев и в последующие дни. После формального заполнения следователями в протоколе обычных анкетных данных он продолжал стоять на своем: *«совершил индивидуальный террористический акт в порядке личной мести».* Присутствовавший на допросах Николаева 2 декабря бывший сотрудник УНКВД по Ленинградской области Исаков в своем объяснении 15 марта 1961 года, написанном для комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова, сообщил: Николаев находился *«в состоянии какой-то прострации», «очень долго вообще отказывался что-нибудь отвечать. По-моему, он тогда ничего не соображал… Он лишь плакал. По его словам, он достаточно натерпелся жизненных неприятностей от отсутствия к нему внимания со стороны горкома партии и лично С. М. Кирова… Николаев… вел себя как человек, находящийся в состоянии сильной депрессии, или аффекта. Он буквально каждые пять минут впадал в истерику, а вслед за этим наступало какое-то отупение и он молча сидел, глядя куда-то в одну точку»*[465].

Тем временем на Литейный свозили людей из Смольного для вторичного опознания Николаева. Среди них были Е. И. Карманова, И. П. Сайкин, С. М. Петрашевич, В. Т. Владимиров и другие. Все они его опознали.

Одновременно сотрудниками НКВД проверялись связи Николаева — по картотекам белогвардейских организаций, анархистов, эсеров, троцкистов. Бывший сотрудник УНКВД по Ленинграду и области Н. И. Макаров, принимавший в декабре 1934 года участие в расследовании дела, в объяснении от 6 апреля 1956 года и 22 января 1961 года утверждал: *«Я с полной ответственностью заявляю, что по учетным данным УНКВД на зиновьевцев и троцкистов Николаев не значился»*[466]. Дополнительный штрих к нашему исследованию дает беседа с Р. О. Поповым, работавшим в это время оперуполномоченным в политическом отделении Ленинградского управления НКВД и курировавшим картотеку учета троцкистов и зиновьевцев: *«Прибежал следователь Луллов: „Проверьте по всем картотекам*

Леонида Николаева". Его нигде не обнаружили по формулярам».

Тогда же, Вечером 1 декабря, сотрудники Ленинградского управления НКВД произвели обыск на квартире Николаева, составили опись изъятых материалов.

Николаев хранил дома все бумаги: мандаты, пропуска, удостоверения, льготные проездные билеты, самого разного характера справки и т. д. Следует обратить внимание на то, что в описи обыска не значатся так называемые «подметные письма», якобы адресованные Николаеву о существующих будто бы определенных отношениях между Кировым и женой Николаева Мильдой Драуле. Свидетельства о подобных письмах фигурировали в воспоминаниях, написанных в 70-х годах. Вопросы эту деликатную тему ставились на допросах как Николаеву, так и Мильде Драуле. И оба дали отрицательные ответы. Николаев, несомненно, очень любил свою жену. Он неоднократно говорил на допросах, что *«жена ничего не знала», «не догадывалась»,* просил о *«снисхождении к ней».*

Р. О. Попов рассказывал автору книги: *«В 8 или 9 утра 2 декабря в 631 комнате мы допрашивали с Пашей Малининым Мильду Драуле. Она провела ночь в холле, спала на стульях. Типичное чухонское лицо. Миловидная. Допрос продолжался около двух часов. Я писал протокол сам. Она считала его (*мужа. — *А.К.) скрытным человеком, никогда не слышала от него политических разговоров. Ходил угрюмый. У него ничего не получалось с работой, она считала его неудачником. Мне, говорит, сказали о ревности, что вы, кому это могло прийти в голову»*[467].

Между тем, как это выяснилось позднее, это был не первый допрос Мильды Драуле. Ю. Н. Жуков в своей статье «Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова» утверждает, что ее первый допрос начался ровно через 15 минут после рокового выстрела в Кирова в 16.45 в здании управления НКВД по Ленинграду и области. Вел его заместитель начальника 4-го отделения СПО Л. Коган.

Сначала мне показалось, что время допроса указано ошибочно. Но проанализировав весь материал, связанный с четой Николаевых, поняла, что допрос в указанное время вполне мог состояться. И вот почему: Николаев На допросе 9 декабря утверждал, что он дважды звонил жене в отношении билета на актив. К тому же в Смольном у Мильды оставались приятельские отношения с рядом сотрудников обкома, и некоторые из них вполне могли сообщить ей о настойчивых, упорных поисках билета Николаевым. И, зная о его неуравновешенности и мстительности, Мильда Драуле не могла не встревожиться этим обстоятельством и, естественно, приехала в Смольный, чтобы

повлиять на Николаева, но было уже поздно. Выстрел прозвучал. Она была задержана и отправлена на Литейный, 4. А для этого, действительно, достаточно всего 15 минут.

Но могло быть и иначе — Мильда Драуле работала в Ленинградском управлении тяжелой промышленности, которое находилось на канале Грибоедова, дом 6/2, а оттуда еще ближе к дому на Литейном, 4, где помещалось Ленинградское управление НКВД.

В общем, показания Мильды Драуле за 1, 3 декабря сводятся к следующему: *«У него (*т. е. Николаева. — *А.К.) были настроения недовольства по поводу его исключения из партии, однако они не носили антисоветского характера. Это была, скорее, обида на нечуткое, как он говорил, отношение к нему. В последнее время Николаев был в подавленном состоянии, больше молчал, мало со мной разговаривал. На настроение его влияло еще неудовлетворительное материальное положение и отсутствие возможности с его стороны помочь семье».*

Характеризуя Николаева как человека, Мильда Драуле отмечала, что он «*человек нервный, вспыльчивый», «**однако эти черты особо резких форм не принимали***»[468]. Обращаю внимание читателя на выделенные мной слова — по-видимому, все-таки эти черты характера принимали резкие формы, иначе Мильда Драуле не сказала бы о них. Мильда Драуле также показала, что он нигде не хотел работать. *«Он обращался в Смольнинский райком партии, но там ему работу не дали. На производство он не мог пойти по состоянию здоровья — у него неврастения и сердечные припадки».*

Показания Мильды Драуле о неуравновешенности и депрессиях Николаева подтвердили и другие свидетели. Двоюродный брат Николаева Г. Васильев на допросе 6 декабря показал, что отец Николаева был алкоголиком и передал своему сыну неустойчивую психику. В детстве Леонид был крайне раздражителен, злым и мстительным, и эти качества сохранились у него до последнего времени. Это же отмечала на допросе и родная сестра Николаева — Е. В. Рогачева[469].

Мильда Драуле также отмечала у Николаева наличие изредка сердечных припадков. Согласно ее показаниям, *«он вел дневник. Последний раз я знакомилась с его дневником летом… Сначала мы условились писать о детях, а потом дневник стал отражать упаднические настроения Николаева, который выражал тревогу по поводу материальной обеспеченности семьи. До августа 1934 г. я принимала участие в записях, в августе я находилась в отпуску в Сестрорецке, а после отпуска не помню, принимала ли участие»*[470].

Эти показания Мильды Драуле весьма интересны. Они четко отражают, что она знала о дневнике Николаева, о его упаднических настроениях, и не только по поводу материального положения семьи, но и его высказывания по поводу существующей партийной бюрократии, несправедливости к простому человеку и т. д. К августу 34-го Николаев прошел в качестве жалобщика все партийные инстанции в Ленинграде, и жена, естественно, была в курсе всех его настроений.

Все было не так просто и в семье Николаевых. С одной стороны, он все-таки ревновал жену. Не случайно в дневнике Николаева есть запись: *«М., ты могла бы предупредить многое, но не захотела».* Что могла предупредить жена Николаева? В очередной раз посодействовать его устройству на работу, естественно, хоть и маленькую, но руководящую. Или, быть может, походатайствовать о снятии с него партийного взыскания, пользуясь своими хорошими отношениями со многими партийными боссами: Ирклисом, Струппе, Пылаевым, Кировым. Что имел в виду Николаев в этой записке, сказать трудно. Сплетни о Мильде Драуле и Кирове действительно ходили по коридорам Смольного. Но вместе с тем многие, работавшие в Смольном, — А. В. Алексеева, Ольга Замотаева, А. К. Тамми, М. В. Росляков, отмечали, что Мильда Драуле являлась человеком серьезным, самостоятельным, много уделяла внимания детям, семье. Всегда вместе с Николаевым она навещала его мать — Марию Тихоновну. Поквартирный опрос жильцов дома по Лесному проспекту, дом 13/8, кв. 41, проведенный мной в 1984 году, показал, что оба они сторонились соседей, а дружили только с одной семьей — немцами по национальности, дальними родственниками владельца этого дома до революции.

Все соседи утверждали, что Драуле и Николаев уделяли большое внимание воспитанию детей. Кстати, это же подтвердила на допросах 1 и 3 декабря Мильда Драуле. Она говорила: *«… Читая книги, он* (т. е. Николаев. — *А.К.*) *делал иногда заметки, писал несколько раз свою автобиографию, причем он раз переписал ее печатными буквами. На мой вопрос, для чего он это делает, он объяснил мне, что хочет, чтобы старший сын Маркс мог ее читать и изучать. Высказал желание придать изложению автобиографии литературный характер, он для этого читал Толстого, Горького и других авторов, с целью усвоения, как он мне говорил, их стиля…»*

Людей, как правило, редко удовлетворяет суровая проза жизни. Наверное, поэтому Лидия Норд, опубликовавшая в 50-х годах в Париже книгу о Тухачевском, именно версии о романтических отношениях между женой Николаева и Кировым уделила основное внимание, описывая обстоятельства гибели

Кирова. Она собрала почти все «байки», ходившие в 30-е годы: якобы Запорожец по заданию Кремля нашел семейную пару, которой предстояло сыграть роковую роль в любовном треугольнике. *«Оба* (Николаевы. — *А.К.*), — писала Норд, — *отличались красивой внешностью и сильной привязанностью друг к другу… В Николаеве еще слишком сказываются такие пережитки буржуазной идеологии, как чувство собственника по отношению к жене и ревность…»* Норд подробно описывает, как секретный сотрудник НКВД — Николаева обольщает Кирова в правительственной ложе Мариинского театра. *«А тут музыка, которую Киров умел чувствовать, запах хороших духов, в полутьме силуэт молодой женщины, красоту которой он разглядел в антракте…»*[471].

Действительно, Киров любил музыку, понимал ее и неплохо пел сам, Однако все остальное, — не более чем плод богатой фантазий госпожи Норд, которой можно было бы дать, к сожалению, запоздалый уже совет — прежде чем фантазировать, ознакомиться хотя бы с фотографиями четы Николаевых.

Мне пришлось много беседовать с людьми, хорошо знавшими жену Николаева — Мильду Драуле. Одни утверждали: *«миловидная», «простоватая», «скромная»*. Другие: *«ничего особенного как женщина из себя не представляла», «была поглощена домашними делами — ведь у нее двое маленьких детей, больная мать», «она мало уделяла внимания своей одежде и внешности»*.

Вполне допускаю, что Николаев весьма страдал оттого, что жил на средства жены, которую любил и часто ревновал. Можно предположить, что отрицательное воздействие на него в этом отношении мог оказывать муж сестры Мильды Драуле — Ольги — Роман Маркович Кулишер. Он родился в Киеве в 1903 году в семье потомственных врачей, имевших до революции свою клинику. Учился в частной гимназии. В годы Гражданской войны был призван в Красную армию, где в 1921 году вступил в партию. В 1924 году Черниговская контрольная комиссия ВКП(б) исключила Кулишера из партии *«за развращенные половые действия, клевету и дискредитацию члена партии»*. Но затем ЦКК ВКП(б) после апелляции Кулишера восстановил его в партии. 22 октября 1927 года приказом по политотделу базы Черного моря он был уволен в долгосрочный отпуск в Ленинград, как выслуживший 4-летний срок военно-морской службы, и с декабря 1927 года он начинает работать агитпропом на фабрике «Возрождение». Рекомендован туда Выборгским райкомом ВКП(б).

29 января 1929 года дело Р. М. Кулишера рассматривалось на

заседании Президиума Выборгской районной Контрольной комиссии (протокол № 56). В протоколе отмечено: Кулишер держится на заседании крайне невыдержанно, обзывает секретаря парторганизации «сволочью». Суть дела в том, что несколько работниц фабрики подали заявление в партком на Кулишера, что он добивался их расположения, обещал жениться, а затем бросал. Кулишер все это отрицал, называл клеветой, дискредитацией его как члена партии. На заседании было принято решение: *«как разложившийся в моральном отношении элемент, дискредитирующий звание члена партии, Кулишера Р. М. из партии исключить»*[472].

Кулишер оказался в сложном положении. Его могла спасти при дальнейших апелляциях в вышестоящие партийные органы только женитьба. И он женится на Ольге Драуле. И таким образом, становится ближайшим родственником Л. В. Николаева. Восстанавливается в партии. И делает обычную карьеру лектора, пропагандиста, агитатора. Сестры Драуле жили дружно, часто встречались домами. Умный, начитанный, циничный, любитель пикантных анекдотов — таким предстает перед нами свояк Николаева. Мог ли такой человек служить для Николаева постоянным источником отрицательных эмоций и психологического прессинга? Несомненно. Кулишер вполне мог подначивать Николаева, используя слухи о Мильде Драуле и Кирове, бить по самолюбию Николаева, что ему — «такому честному, искреннему коммунисту» — не дают руководящей работы, а кругом немало проходимцев, и жуликов. Конечно, вряд ли Кулишер говорил о терроре и т. д., но отрицательное психологическое давление на неуравновешенного Николаева явно оказывал.

Ну а как же Мильда Драуле попала работать в Смольный? По всей вероятности, рекомендовать Драуле в Смольный мог Петр Андреевич Ирклис. Член партии с 1905 года, латыш по национальности, он хорошо знал Драуле. Вместе они были в Красной армии, под его началом она работала в Лужском укоме РКП(б). В конце 20-х годов Ирклис — заведующий отделом обкома. Он, безусловно, протежировал Драуле. Вряд ли можно считать случайностью, что она оказалась в обкоме ВКП(б) в должности учетчика сектора статистики и единого партбилета, ибо в подобном секторе работала и в Луге.

Не вызывает сомнения, что Киров хорошо знал Драуле, как, впрочем, и всех других технических сотрудников аппарата обкома. И, вопреки утверждению госпожи Норд, он познакомился с ней значительно раньше 1934 года. Замечу, что в 1933 году Мильда в Смольном уже не работала.

А. К. Тамми, на воспоминания которого я уже ссылалась, рассказывал: *«Киров и Драуле знали друг друга и всегда улыбались при встрече. Мне говорили о письме, которое было в кармане у Николаева. Подробности не помню. Но суть в том, что „Киров поселил вражду между мной и моей женой, которую я очень любил“. Не знаю, что заставило его написать такую грязь. Сергей Миронович был чистым человеком, и подозревать его в тайной связи нет никаких причин».*

Товарищи и соратники Кирова, люди, близко знавшие его, тоже возмущались подобными сплетнями — это отмечено во многих воспоминаниях.

При обыске у Николаева были найдены копии десятков писем в различные инстанции.

Считая себя незаслуженно обиженным, Николаев после обсуждения его Смольнинским райкомом ВКП(б) в мае 1934 года, который оставил его в рядах ВКП(б), но объявил строгий выговор, продолжал писать заявления в вышестоящие партийные органы, жалуясь на допущенную по отношению к нему несправедливость.

2 июля 1934 года партийная коллегия по Ленинградской области в составе тройки — Хасмана, Александрова, Яковлева — рассмотрела в присутствии Николаева его заявление, но не нашла оснований для смягчения взыскания. В документе говорится: *«Подтвердить решение Смольнинского РК ВКП(б) о вынесении Николаеву строгого выговора»*[473].

Николаев продолжал жаловаться. Сначала — в Ленинградский горком, потом — в обком ВКП(б). Но там отвечали: *«оснований для смягчения наказания нет».* Тогда в качестве главного адресата своих жалоб он избирает Политбюро ЦК ВКП(б).

В июле Николаев пишет письмо Кирову, в августе — Сталину, в октябре — в Политбюро ЦК ВКП(б).

Содержание всех трех писем по существу идентично. В письме на Имя Кирова он отмечал, что в течение ряда лет работал на ответственных должностях, активно боролся с «новой оппозицией», был верным сыном партии, но *«вот уже четвертый месяц сидит без работы и без снабжения*[474]*, однако на это никто не обращает внимания».* В письмах к Сталину и в Политбюро ЦК ВКП(б) Николаев жаловался на *«бездушное отношение»* со стороны *«бюрократических чиновников»*, утверждал, что он человек честный и принципиальный и *«страдает за критику»,* что у него тяжелое материальное положение, просил *«обеспечить его работой».* В письме в Политбюро, перечисляя свои обиды, он писал: *«Для нас, рабочего мода, нет свободного доступа к жизни, к работе, к учебе… Мы въехали в новую квартиру, но за нее дерут*

так, что нет никакого спаса… О войне предсказывают, как метеорологи о погоде… Пусть будет так — война неизбежна, но она будет разрушительна и спасительна. Не столько же пострадает народ, как в нашу революцию 17–30–50 млн. чел. — со всеми ее последствиями».

«Пошел 7 м-ц, — продолжал Николаев, — *как я сижу без работы и без снабжения, меня скоро с семьей (5 ч.) погонят из квартиры на улицу… Для меня становится странным, что в результате своей 18-летней работы и трудовой жизни, я начинаю думать о праве на жизнь… Везде, где я только желал через критику принести пользу дела… получал тупой отклик. Причиной этому является моя горячность, мое самопожертвование… Отсюда мне непонятно, почему я вышел из доверия, почему нет доступа к работе, к жизни, к учебе… Я прошу предоставить мне в первую очередь и в самом ближайшем времени санаторно-курортное лечение, но если нет этой возможности, то я должен бросить веру и надежду на спасение».*

Комиссия Партийного контроля при ЦК ВКП(б) рассмотрела жалобы Николаева в его присутствии в Ленинграде 29 октября и 2 ноября 1934 года и отклонила все его просьбы: снятие строгого выговора, вынесенного Смольнинским РК партии, восстановление на работе в Институте и направление на лечение в санаторий.

Между тем материальное положение семьи Николаевых продолжало оставаться тяжелым. Дневник Николаева отражает это. 11 июля он записывает в нем: *«Деньги на исходе, берем взаймы. Сегодня весь мой обед состоял из 2-х стаканов простокваши».* 21 ноября: *«Сегодня принес с огорода 1/2 мешка картошки. На лице у всех улыбка, радость. Изголодались до того, что хоть г… мешок принеси — рады будут…»*[475].

Все это, безусловно, сказывалось на душевном состоянии Николаева, у него усиливалось настроение безысходности, росли мстительность и злоба. Еще в августе он пишет письмо матери, озаглавливая его «Последнее прости». Письмо интересно прежде всего тем, что является определенным свидетельством нарастания у Николаева желания совершить террористический акт: *«Я сижу пятый месяц без работы и без хлеба. Однако я силен, чтобы начатое мною дело довести до конца… Это исторический факт. Нет, я ни за что не примирюсь с теми, с кем боролся всю жизнь… Скоро,* — пишет он, — *для тебя будет большое горе и обида — ты потеряешь меня безвозвратно… я благодарю тебя за жизнь, которую ты мне дала. Ты не унывай и не робей. Я хочу, чтобы ты взяла мое тело, захоронила бы там, где хочешь… на память моим детям. Прощай, дорогая моя мама… твой Леонид»*[476].

Скорее всего, так мог написать наивный, запутавшийся и в себе, и в противоречиях окружающего мира человек. С одной стороны, обиженный и озлобленный, и прежде всего на тех, кто стоял выше его по социальному статусу, на «сильных мира сего», которые не пустили его в свой круг избранных. А с другой стороны, человек, маниакально ощущающий себя героическим борцом за попранную справедливость. Годы пребывания в партии не прошли для Николаева даром — он и в свою жажду мести привнес политический подтекст.

На допросе 11 декабря 1934 года М. Драуле показала: *«Николаев обвинял ЦК ВКП(б) в том, что он ведет милитаристскую политику, тратя огромные средства на оборону страны, на строительство военных заводов, и поднимает для этого искусственный шум о готовящемся на СССР нападении… Эта шумиха, по его словам, рассчитана на то, чтобы отвлечь внимание трудящихся СССР от трудностей, вызываемых неверной политикой ЦК».* Драуле также утверждала, что *«особенно острый характер его настроение и озлобление против партийного аппарата приняли после исключения из партии».*

К следственному делу приобщен дневник Николаева. Правда, назвать его дневником в литературном понимании этого слова трудно. Это не хронологические записи, а, скорее, заметки, мысли, впечатления, записанные иногда на отдельных листках, блокнотах, тетрадях. Николаев в нем подробно описывает свои переживания, обиды, разочарования в Советской власти, коммунизме: *«Коммунизма и за 1000 лет не построить».*

Он пишет о своем желании отомстить *«бездушным чиновникам», «бюрократам»,* считает, что надо убить кого-либо из них — *«Лидака, Чудова»,* но *«лучше всего Кирова»;* совершив такой акт, он войдет в историю, ему будут ставить памятники, а его имя встанет в один ряд с Желябовым и Радищевым.

30 октября Николаев пишет новое письмо, и, хотя фамилии адресата нет, оно несомненно написано Кирову. В нем говорится: *«Т. К-в. Меня заставило обратиться к Вам тяжелое положение. Я сижу 7 месяцев без работы, затравленный за самокритику… Меня опорочили и мне трудно найти где-либо защиты. Даже после письма на имя Сталина мне никто не оказал помощи, не направил на работу… однако я не один, у меня семья… Я прошу обрат.[ить] В.[аше] вниман.[ие] на дела Ин.[ститу]та и помочь мне, ибо никто не хочет понять того, как тяжело пережив[аю] я этот момент. Я на все буду готов, если никто не отзовет.[ся], ибо у меня нет больше сил… Я не враг»*[477].

Позже, на допросах, Николаев будет утверждать, что он в это время еще верил, что на его письма откликнутся, ему помогут.

Так, в письме-завещании к жене он пишет: *«Мои дни сочтены, никто не идет к нам навстречу. Вы простите меня за все. К смерти своей я еще напишу Вам много».*

Сочинял Николаев и в тюрьме. Там им были написаны «Автобиографический рассказ», «Последнее прости…», «Дорогой жене и братьям но классу», «Политическое завещание» («Мой ответ перед партией и отечеством…»).

В них повторяются одни и те же слова: о бездушии, о несправедливости, о бюрократии, говорится о высокой миссии в истории народовольцев, о том, что он, Николаев, тоже готов выступить в роли разоблачителя пороков советского общества и даже пожертвовать собой ради справедливости во имя исторической миссии. И здесь же — выражение отчаяния и пессимизма, неверия в будущее, мысли о самоубийстве.

Судя по документам, Николаев морально был полностью готов к совершению террористического акта уже в начале ноября. Это подтверждается записями в его дневнике. Так, 9 ноября он пишет: *«Если на 15/X и на 5/XI я не смог сделать этого… то теперь готов — иду под расстрел, пустяки — только сказать легко».*

Из этой записи очевидно, что Николаев морально, духовно не готов был совершить теракт ни 15 октября (день задержания Николаева у дома Кирова), ни 5 ноября (на торжественном заседании, посвященном 17-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции)…

14 ноября новая запись: *«Сегодня (как и 5/XI) опоздал, не вышло. Уж больно здорово его окружали — как мал.[енького] вел.[и]. На вокз.[але] с Кр.[асной] стр.[елы]… Я сознаю наск.[олько] серьезное положн.[ие]. Я знаю, что если только взмахну, то мне дадут по шапке. Ведь 15/X только за попытку встретиться меня увезли в „Дом Слез" (Управление НКВД. — А.К.), а сейчас за удар получу 10 000 [ударов] и больше возможно.*

Удар должен быть нанесен без мал.[ейшего] промаха… 14/XI»[478].

Эта запись в дневнике была сделана в тот день, когда Николаев хотел первоначально совершить террористический акт. С этой целью он встречал на Московском вокзале поезд «Красная стрела», на котором Киров возвращался из Москвы с заседания Политбюро. ЦК ВКП(б), состоявшегося 13 ноября. Однако совершить убийство ему помешала охрана. Впоследствии на допросе Николаев показал: Кирова окружало слишком много людей, и я боялся попасть в кого-либо другого.

Тем не менее 21 ноября он вновь пишет Кирову. И снова умоляет «разобраться в его деле по справедливости», жалуется —

«я уже восьмой месяц без работы, у меня голодают дети».

До трагедии в Смольном оставалось десять дней. Как расценить это новое послание Николаева?

Полагаю, он бросался из одной крайности в другую. Стрелять страшно — в ноябре Николаев не сомневался, что это означает для него — расстрел. Приведенные записи из дневника являются ярким подтверждением этого. В связи с этим он предпринимает новую отчаянную попытку достучаться до высокого начальства. Недаром в народе говорят — «надежда умирает последней». Вполне возможно, что, направляя это письмо Кирову, Николаев надеялся на благоприятный исход своего дела. Но прорваться сквозь бюрократический заслон он не смог.

Между тем его не оставляет и мысль об отмщении за все, что с ним случилось. Поэтому одновременно с посланием к Кирову о помощи Николаев продолжает подготовку к теракту.

При аресте у Николаева изъят план убийства. Сначала я сомневалась в его существовании, считала его очередной «липой» НКВД. При этом исходила из того, что если следствие упорно доказывает версию заговора, да еще со «строжайшей конспирацией», то вряд ли на бумаге разрабатывается и сохраняется подробный план покушения, да еще вручается непосредственно исполнителю теракта. Но факт остается фактом: такой план существовал. Почерковедческая экспертиза установила — выполнен рукой Николаева.

Он представляет собой записи, сделанные на двух листах. Имеет заголовок «План». Точной даты на нем нет, но есть пометка «XI-1934 г.». На первом листе в левой части написано: *«Учет внешних и внутренних обст.[оятелъст]в».* К ним Николаев относил: отсутствие против него подозрений; энергичные действия, создание условий для теракта. Главным в успехе акции он считал смелость. По его мнению, следовало пойти и на хитрость: незаметно спрятать оружие, возможно даже для этого забинтовать левую руку или нести в ней пакет (портфель), но правая рука — всегда должна быть свободная. Другой тезис плана гласит: *«Внутр.[енние] пережс.[ивания] и сила воли (оконч. [ательное] реш.[ение])».*

Огромное внимание в плане уделяется разработке Николаевым возможного места совершения предстоящего преступления. Предоставим слово документу:

«1 от Х до Х треб.[уется] пробеж.[ать] 200 м.
Войти раньше К.[ирова]
Серия вопросов
1. Это д. 28
2. Спрос К.[ирова], п[исьмах], Н.[иколаева]

3. Ах… с Кронвер[кского]

4. Зачем

5. При входе К.[ирова] пойти навстречу приготов.[иться] 1. в уп[ор] или 2. сзади…

Дать 1, 2, 3… [выстрела] (при заблаговремен.[ной] подгот.[овке] кол.[ичество] б.[олъше])

II. Через 2–4 секунды послед.[ний] сзади К.[ирова]

III. 1. на уч. Ск.[ороходова]

2. М. Г. [Максима Горького]

3. у Д. Б. [Деревенской Бедноты]

При соотв.[етствующем] стеч.[ении] обст.[оятельств] после же 1-го в.[ыстрела] сделать набег на м.[ашину]

а) разб.[ить] стекло и пал.[ить]

б) отк.[рыть] дверцу…

IV. В См-м.[Смольном]

При перв.[ой] встрече

(овлад.[еть] дух.[ом] и решл.[ительно])»[479].

Эта часть плана нуждается в расшифровке. Николаев определил несколько мест возможного совершения террористического акта против Кирова. Условно их можно назвать так: 1. Дом 26/28 на улице Красных Зорь, где жил Киров. 2. 3 точки по маршруту правительственной трассы. 3. Смольный.

В первом случае от места «Х» (то есть там, где будет Николаев) до места «Х» (где будет Киров) требуется пробежать 200 шагов, войти раньше Кирова в парадную дома, задать ему серию вопросов, спросить его о письмах Николаева или спросить о Кронверкском проспекте.

Во втором случае акцию можно совершить в 3-х пунктах: 1. На пересечении ул. Красных Зорь с улицей Скороходова; 2. Или на пересечении ул. Красных Зорь с проспектом Горького; 3. Или на участке ул. Деревенской бедноты.

Место акции против Кирова в Смольном не конкретизировано. План предусматривал и способы совершения убийства: при входе Кирова в парадную стрелять в упор или сзади, сделать 1, 2, 3 выстрела, но заблаговременно подготовиться и к большему числу.

На намеченных пунктах правительственной трассы при соответствующем стечении обстоятельств после первого выстрела «сделать набег на машину» и охранников, разбить стекло, открыть дверцу и палить.

В Смольном при первой же встрече овладеть духом и действовать решительно.

Следует заметить, что, хотя полной фамилии человека, которого Николаев собирается убить, он не называет, это

несомненно Киров. Об этом свидетельствует адрес, где живет его предполагаемая жертва, расшифровка улиц на правительственной трассе и, наконец, упоминание Смольного.

Интересно отметить, что в «Плане» в конспективной форме изложены заметки Николаева, созвучные его рассуждениям, имеющимся в письмах, жалобах, дневнике. А именно:

«Мой тернист.[ый] путь (Автобиографический] расск.[аз]) Последн.[ие] Событ.[ия] (завещ.[ания], письмо на имя ЦК) Отсутств.[ие] перспектив 8 м-цев б/раб.[оты];

Надежда юнош.[ей] питает…

0 (ноль) внимания на заявл.[ения]

Против — вспыльч.[ивость], радост.[ь] и жал.[ость]

Момент и раск.[аяние]

Исторические] акты…

Мы и они…

Все остальное…

на уме»[480].

Таким образом, как видно из документов, мысль о свершении террористического акта, возникшая у Николаева еще в августе 1934 года, в ноябре оформилась уже в четко разработанный план.

В письме, озаглавленном *«Мой ответ перед партией и отечеством»* он писал: *«Как солдат революции, мне никакая смерть не страшна. Я на все теперь готов, и предупредить этого никто не в силах. Я веду подготовление подобно А. Желябову… И готов быть на это ради человечества, оставляя на добрых людей, — мать, жену и малолетних детей… Привет царю индустрии и войны Сталину…»*

На всех допросах 1–6 декабря Николаев продолжал утверждать: *«Я совершил индивидуальный террористический акт», «действовал один», «совершил убийство в одиночку».*

Допрашивал ли Сталин Николаева? Да. Это произошло 2 декабря 1934 года в Смольном. На допросе присутствовали: Ворошилов, Жданов, Молотов, Ягода, Чудов, Кодацкий, Медведь, Ежов.

В нашей и зарубежной исторической литературе воспроизводится такая схема. На вопрос Сталина: *«Зачем ты это сделал?»* Николаев якобы закричал, показывая в сторону Запорожца: *«Это они меня заставили. Это они».* Вот как описывает эту сцену А. Антонов-Овсеенко:

«Сталин спросил:

— Вы убили Кирова?

— Да, я… — ответил Николаев и упал на колени.

— Зачем вы это сделали?

Николаев указал на стоящих за креслом Сталина начальников

в форме НКВД:

— Это они меня заставили! Четыре месяца обучали стрельбе. Они сказали мне, что…»

Сцена весьма красочная, но в ней нет одного — правды! Установлено абсолютно точно, что Запорожца в это время вообще не было в Ленинграде, а не только в Смольном. Не присутствовал на допросе и прокурор Ленинграда Пальгов, ибо с 19 ноября 1934 года он находился в отпуске, а исполнял обязанности прокурора его заместитель Лапин. Пальгов приехал в Ленинград перед объединенным пленумом обкома и горкома ВКП(б) 11–12 декабря 1934 года[481]. Поэтому утверждения бывшего партследователя КПК при ЦК КПСС Ольги Григорьевны Шатуновской о том, что старые большевики Опарин и Дмитриев могли якобы со слов М. С. Чудова и Пальгова рассказать ей о ходе допроса Николаева Сталиным в Смольном, на наш взгляд, являются недостоверными.

Куда более достоверные сведения о допросе Николаева сообщил Феликсу Чуеву В. М. Молотов: *«…говорили с убийцей Кирова Николаевым.*

Замухрышистого вида, исключен из партии. ***Сказал, что убил сознательно, на идеологической основе*** *(*выделено мной. — *А.К.). Зиновьевец. Думаю, что женщины там ни при чем. Сталин в Смольном допрашивал Николаева.*

— Что из себя представлял Николаев?

— Обыкновенный человек. Служащий. Невысокий. Тощенький… Я думаю, он чем-то был, видимо, обозлен, исключен из партии, обиженный такой. И его использовали зиновьевцы. Вероятно, не настоящий зиновьевец и не настоящий троцкист.

— Осужден был не один Николаев, а целый список, — говорю я.

— Дело в том, что не за покушение они были осуждены, а за то, что участвовали в зиновьевской организации. А прямого документа, насколько я помню, что это было по решению зиновьевской группы, не было.

Поэтому он как бы отдельно выступал, но по своему прошлому он был зиновьевец»[482].

Что несомненно соответствует действительности из высказываний Молотова, это описание внешнего вида Николаева, его психологического состояния и вывод Вячеслава Михайловича о мотивации убийства — невысокий, тощенький, обиженный, обозленный, убил сознательно, по идеологическим мотивам. По всей вероятности, Николаев что-то говорил о своем исключении из партии, и это засело в памяти Молотова. Интересна фраза Молотова: *«не настоящий зиновьевец, не настоящий троцкист»,* — по-видимому, это сложилось из того общего «бреда», что кричал Николаев. Он действительно не имел никакого отношения ни к

одной оппозиции, и никакого документа, вынесенного оппозицией по поводу убийства Кирова, не было.

Между тем имеются свидетельства, что привезенный из тюрьмы в Смольный Николаев впал в реактивное состояние нервического шока, никого не узнавал, с ним началась истерика, и он закричал: *«Отомстил», «Простите», «Что я наделал!»*. Более того, после возвращения из Смольного Николаеву оказывалась медицинская помощь врачами-невропатологами.

Никаких официальных записей допроса Николаева в Смольном не велось. Но сохранился рапорт сотрудника НКВД, охранявшего Николаева в камере. Это Кацафа. В своем объяснении он писал: *«Охрана Николаева нам была поручена сразу же, как его допросил Сталин в присутствии Молотова, Ворошилова, Ежова, Косарева и руководства НКВД во главе с Ягодой. Передавая мне Николаева в Смольном, заместитель начальника оперода НКВД Гулысо сказал, что этот подлец Николаев в очень грубой форме разговаривал со Сталиным, что отказался отвечать на его вопросы. На вопросы Ворошилова Николаев отвечал охотно, но на вопрос, почему он стрелял в Кирова, ответил, что ему не давали работы, что семье и ему не давали путевок на курорт, несмотря на то, что семья его и сам он больные люди, и т. п.»*[483].

После того как Николаев в камере окончательно пришел в себя, он сказал Кацафе: *«Сталин обещал мне жизнь, какая чепуха, кто поверит диктатору. Он обещает мне жизнь, если я выдам соучастников. Нет у меня соучастников»*[484].

Следует сказать: до тех пор пока во главе Ленинградского управления НКВД стоял Ф. Д. Медведь, на допросах Николаева всегда присутствовали руководители отделов этого управления, Николаев твердо стоял на своем: совершил убийство Кирова один.

3 декабря старое руководство Ленинградского управления НКВД провело последний допрос Николаева.

Вечером 3 декабря руководство Ленинградского УНКВД было отстранено от дознания. Имеется документ, последний из подписанных Ф. Д. Медведем в должности начальника Ленинградского управления НКВД, — письмо, адресованное Н. С. Ошерову и Т. С. Назаренко. На нем проставлены дата и время: 3 декабря, 16 часов 15 минут. В письме говорится: *«Ставим в известность, что по предложению НКВД СССР о личности убийцы Николаева Леонида Васильевича никаких сведений какого-либо характера никому не давать, в том числе учреждениям и корреспондентам, особенно корреспондентам иностранных газет»*. Документ имеет гриф «строго секретно». Отпечатано

четыре экземпляра, найдено три. Первый экземпляр не содержит никаких пометок. На втором (а возможно, на третьем) экземпляре чьей-то рукой карандашом вписаны еще две фамилии адресатов: П. И. Струппе и Н. Ф. Свешников. Кто вписал их, установить не удалось. Важно другое — это не рука Ф. Д. Медведя. Неизвестно и время посылки экземпляра с карандашными пометками.

Загадочен подбор адресатов: Наум Самуилович Ошеров, несомненно, хорошо знал Николаева, ведь это он брал его в РКИ. Николаева могли знать Н. Ф. Свешников и П. И. Струппе. Напомню: Н. Ф. Свешников — секретарь Кирова, заведующий особым сектором обкома. Петр Иванович Струппе с августа 1929 по июнь 1930 года был секретарем Выборгского райкома ВКП(б). Пока не ясно, почему документ был адресован также ответственному работнику Ленсовета Титу Степановичу Назаренко.

Вечером 3 декабря по распоряжению наркома НКВД СССР Генриха Ягоды временно исполняющим обязанности начальника Ленинградского управления НКВД был назначен Я. С. Агранов. 4 декабря об этом известили центральные газеты[485]. Через несколько дней на эту должность был назначен Л. Заковский. Тогда же были отстранены от ведения следствия и ленинградские чекисты Ф. Т. Фомин, А. С. Горин-Лундин, П. И. Лобов, А. А. Масевич и др. В тот же день состоялось объединенное бюро обкома и горкома ВКП(б). В принятом им решении указывалось, что бюро всецело одобряет приказ НКВД СССР о смещении с должности Медведя, Фомина и ряда ответственных работников Ленинградского управления НКВД и предании их суду за халатное отношение к своим обязанностям по охране государственной безопасности в Ленинграде. Этим же решением Медведь и Фомин выводились из состава бюро обкома и горкома. Одновременно было предложено вывести Медведя из состава президиума Облисполкома и Ленсовета. Бюро обратилось в ЦК ВКП(б) и к наркому внутренних дел Ягоде с просьбой срочно принять меры по проверке и укреплению аппарата уполномоченных НКВД Ленинграда. Оно предложило всем организациям и каждому члену партии *«максимально усилить свою бдительность и оказать всемерную поддержку и помощь новому руководству Управления НКВД по Ленинградской области в борьбе со всякого рода вылазками классовых врагов»*[486].

Что же произошло в период между 2 и 3 декабря? Почему столь поспешно были смещены ленинградские чекисты? И есть ли здесь связь со следственным делом Николаева? Безусловно, события тех дней связаны в единое целое. Отрицать это, по меньшей мере, бессмысленно. Но не менее опасен и упрощенный

подход к ним.

Примером может служить опубликованная 1 декабря 1990 года в ленинградской газете «Смена» статья историка Евы Пашкевич «Отпечатки пальцев Сталина никогда не будут найдены». Замечу, что автор длительное время преподавала историю КПСС и должна бы знать цену фактам. Кстати, ни в одном фонде архивов, где хранятся самые различные документы о Кирове, Е. Пашкевич не работала. Но предоставим ей слово: *«Третья история изложена в стенограмме Д. Лазуркиной, а также известна из другого источника*[487]*. На ноябрьские праздники 1934 года в подвыпившей компании сотрудников Ленинградского УНКВД шел разговор о том, что Кирову осталось недолго жить. Жена одного из них попыталась было сообщить об этом П. Струппе, но не была к нему допущена и оказалась в психушке. После убийства Кирова она все-таки пробилась в Смольный к самому Сталину. Он ласково принял ее, но потом она исчезла…»*

Действительно, имеются воспоминания Доры Абрамовны Лазуркиной, 1884 года рождения, члена партии с 1902 года, наговоренные ею на магнитофон незадолго до кончины в 1971 году. Эти воспоминания содержат много неточностей. Так, Дора Абрамовна утверждала, что присутствовала при разборе апелляции Николаева в Смольнинском РК ВКП(б). Ей изменила память. Все лица, присутствовавшие там, обозначены в соответствующих документах. Фамилии Лазуркиной в них нет и быть не могло. До января 1934 года она действительно являлась членом президиума Ленинградской областной контрольной комиссии ВКП(б), но затем была переведена на работу ответственным инструктором культпропотдела горкома ВКП(б) [488].

Нельзя отрицать и того, что Лазуркина много слышала об убийстве Кирова, поскольку одновременно она была членом парткома партколлектива обкома и горкома ВКП(б), принимала участие в подготовке ряда дел коммунистов — работников Смольного, прямо или косвенно связанных с убийством Кирова. Все они (Шитик, Владимиров и др.) были исключены из партии в начале января 1935 года. Большинство из них тогда же было арестовано. Их вина заключалась лишь в том, что 1 декабря 1934 года, зная Николаева лично, они разговаривали с ним. Шитик, как уже говорилось, отказала Николаеву в билете на партактив. Владимиров сообщил ему, что доклад будет делать сам Киров. Стенограммы, протоколы партбюро и собраний Смольного свидетельствуют, что Дора Абрамовна играла на них роль одного из главных «обвинителей», называя Шитик *«троцкисткой»,* распространителем *«контрреволюционных слухов об убийстве*

Кирова»[489].

Прежде чем привести воспоминания самой Д. А. Лазуркиной, относящиеся к 1971 году, читателю будет небезынтересно узнать, что говорила, как действовала Дора Абрамовна в те трагические дни в Смольном. Это позволит более критически отнестись ко всему, сказанному ею.

28 января 1935 года непосредственно «тов. Лазуркиной» зам. начальника СПО УГБ Ленинграда Стромин направляет следующий документ: *«СПО УГБ НКВД по Л.О. были получены сведения о том, что в Управлении Ниточного треста в связи с убийством т. Кирова распространяются провокационные слухи и сплетни.*

Произведенным расследованием установлено, что первоисточником слухов является сотрудница Смольного — Шитик Евгения Герасимовна.

Шитик Евгения ***еще до опубликования в газетах фамилии убийцы рассказала проживающим вместе с ней в квартире, что тов. Кирова убил Николаев, что следствие задерживается из-за того, что убийца сильно избит — у него выкручены руки из ключиц и лежит при смерти*** *(*выделено мной — *А.К.).*

Проживающие с Шитик в одной квартире — гр. Юрьева-Куляшева и Шитик Ольга Герасимовна — сотрудница кооператива „Кр. Звезда“ в свою очередь передали полученные ими сведения своим знакомым и сослуживцам, чем способствовали появлению в городе провокационных слухов, связанных с убийством тов. Кирова.

Гр. Шитик, Ольга, сотрудница кооператива „Кр. Звезда”[490] *привлекается нами к ответственности».*

К этой справке был приложен протокол допроса Юрьевой-Кулешовой, произведенный следователем. Она показала: *«На следующий день после убийства тов. Кирова она (*Ольга Шитик. — *А.К.) рассказала мне, что „убийство совершено в Смольном. Убийца Николаев сам пытался покончить с собой, с каковой целью произвел в себя выстрел, пуля прошла по лицу и засела в потолке. Сразу же после произведенного выстрела в себя, Николаев был схвачен находившимися там монтерами и связан проволокой Этими же словами я на базе и делалась с некоторыми сотрудниками».*

На вопрос следователя, что известно о связях Евгении Шитик с Николаевым, Юрьева-Кулешова ответила: *«Со слов Ольги Шитик мне известно, что ее сестра Евгения знакома с Николаевым, что перед убийством т. Кирова — Николаев заходил к ней в служебный кабинет. Далее говорила, что Николаев тоже работает в Смольном. Мне известно, что Ольга и Евгения Шитик являются членами ВКП(б). Муж Ольги — Михаил Борисович Падво (директор*

театра Мюзик-Хола) тоже член ВКП(б). Состоял ли кто либо из них в оппозиций, мне неизвестно.

Записано с моих слов верно и мной прочитано. Юреева-Кулешова».

Предоставим слою и самой Д. А. Лазуркиной, которая, выступая 1 февраля 1935 года на заседании парткома ленинградского обкома и горкома ВКП(б), говорила: *«…После событий 1 декабря каждый из нас, в особенности парткомы, занялись изучением своего состава и стали искать нет ли лиц, которые принимали участие в оппозиции и тов. Шитик, как парторганизатор, должна была также пересмотреть у себя свой состав группы. Когда ее спросили почему она этого не сделала, она ответила, что от Альберга (*член парткома. — *А.К.) получила поздно предложение, в трамвае, т. е. встала на формальную точку зрения. Независимо от того, где она получила такое указание, она сама, как член партии, должна была взять на просмотр свой состав. Это формальное отношение, а не большевистское заявление.*

Все, что имеется в деле т. Шитик рисует ее, как большевика, как члена партии, который вместо того, чтобы вести большевистскую борьбу, сама покровительствовала своим оппозиционерам, не выявляла, не боролась, не давала сведений парторганизации о том, что у нее в родстве имеется такой оппозиционер. Кроме того, товарищи, вы знаете, как мы боролись со всякими слухами, со всякими сплетнями в связи с убийством тов. Кирова, а тов. Шитик являлась распространителем таких сплетен. Она явилась к своей сестре и рассказала о том, что Кирова убил Николаев, о том, что он стрелял в себя, о том, что Николаев про силу нее билет на актив. По сведениям, которые имеются у меня, т. Шитик рассказала своей сестре… что его связали чуть ли не ремнями, избили его и на этом основании следствие затягивается. Это Шитик все отрицает… Таким образом рассадником контрреволюционных слухов была Евгения Шитик… такому члену партии не место в рядах коммунистической партии»[491].

И 1 февраля 1935 года Е. Шитик исключили из партии. Ее арестовали в 1935 году, Д. А. Лазуркину — в 1937 году. Еще до XX съезда партии Дора Абрамовна появилась в Ленинграде. На партийном учете она состояла в музее С. М. Кирова, который с 1938 года находился в особняке Кшесинской. Попутно замечу, что впоследствии он был закрыт по личному указанию Н. С. Хрущева, заявившего, что *«развели тут в Ленинграде культ личности Кирова».* Автор данной книги работала тогда в музее Кирова. Д. А. Лазуркина любила выступать перед нами — молодыми

сотрудниками: рассказывала о своих встречах с Лениным, о том, как распространяли «Искру», но никогда не говорила об обстоятельствах убийства С. М. Кирова, хотя Сталин был уже мертв, а Берия — расстрелян.

Вернемся к более поздним воспоминаниям Д. А. Лазуркиной. Тогда ей было 87 лет.

«Когда Кирова убили, — говорила она, — *прибежал ко мне секретарь Струппе — Иовлев… стал плакать: „Я совершил преступление", — говорит. И рассказал вот что. Месяц назад к нему пришла женщина и требовала обязательно встречи со Струппе… Он сказал, что Струппе нет. Он уехал в область… И тогда она сказала вот что… „позавчера, в воскресенье, наше НКВД было в Детском Селе, там собрались руководящие работники НКВД… Они напились, и было слышно, что они говорили об убийстве Кирова"… И вот Кирова убили пришел ко мне Иовлев на другой день со слезами, убитый тем, что не рассказал сразу, месяц назад, когда была у него эта женщина. Я сказала: „Знаешь что, идем сейчас же, приехала комиссия по расследованию убийства Кирова, приехал Ежов. Пойдем к нему…" Пришли. Он выслушал, сказал: „Я должен пойти к Сталину"».*

Д. А. Лазуркина перепутала. Леонид Львович Ильев (а не Иовлев), 1904 года рождения, уроженец г. Борисова Тамбовской губернии, член партии с 1921 года — работал в аппарате Ленинградского горкома ВКП(б) с 1932 года и был не секретарем Струппе, а непосредственным начальником Д. А. Лазуркиной — заместителем заведующего культпропотделом. Секретарем же П. И. Струппе с 1931 по апрель 1937 года был Иван Павлович Ильин, член партии с 1918 года[492].

«Женщина» — тоже лицо вполне реальное, но на самом деле все было, мягко говоря, несколько иначе. Женщину разыскали 3 декабря. Сталин действительно беседовал с ней. Это была Мария Николаевна Волкова, родившаяся в селе Ильинское, Череповецкого района, Вологодской губернии в семье лесничего. Она окончила четыре класса церковноприходской школы. Хотела учиться в гимназии, но произошла революция. Она вышла замуж, родила дочь. В середине 20-х годов сгорел дом отца со всем имуществом, и некогда зажиточная семья осталась без средств к существованию. В начале 30-х годов Волкова появилась в Ленинграде. Надо было куда-то устраиваться работать. И подалась она в няньки к секретарю Струппе И. П. Ильину, у которого было двое малолетних сыновей. По совместительству нянька являлась секретным сотрудником Ленинградского ОГПУ. Причем стала она им по доброй воле и оставалась в этом качестве до самой своей смерти, которая настигла ее в психиатрической

больнице на Пряжке в начале 70-х годов.

«У матери, — вспоминала ее младшая дочь, — *всегда был тяжелый характер, высокомерный, подозрительный. Она, конечно же, была начитанней своих односельчан. И память у нее была отличная. Ей бы не в колхозе работать, а какую ни есть кожаную куртку, хоть небольшого, да начальника».* Такую власть Волковой давала должность сексота. И она старалась вовсю[493].

М. Н. Волкова была сожительницей сотрудника НКВД. В доме отдыха НКВД она могла быть и в этом качестве, и по должности сексота. Руководящие работники НКВД в том доме отдыха не бывали. Но тем не менее Мария Николаевна действительно рассказала Ильину, секретарю Струппе, о якобы существующем среди сотрудников НКВД заговоре с целью убийства Кирова. Что же предпринял Ильин? И тут вырисовывается несколько иная картина, чем та, которую рассказывала Лазуркина, а вслед за ней Е. Пашкевич и другие публицисты. Дело в том, что Ильин сразу же сообщил об этом в НКВД.

Когда в 1937 году Ильина исключали из партии, этот факт фигурировал в одном из выступлений в защиту Ильина: *«…Ильин в 1934 году предотвратил теракт на т. Кирова и т. Рубенов (*уполномоченный Комитета партконтроля ЦК ВКП(б) по Ленинграду и области. — *А.К.) сказал, что это обстоятельство надо учесть. Ильин использовал свой долг гражданина, ему стало известно, что готовится теракт и он сообщил об этом в НКВД»*[494].

Не сомневаюсь, что этот факт тщательно проверялся в НКВД. И его просто проигнорировали. Почему? Ответ на этот вопрос могут дать документы работника Ленинградского УНКВД Георгия Алексеевича Петрова, осужденного Военной коллегией Верховного суда СССР в Москве 23 января 1935 года по статье 193, п. 17. Он обвинялся *«в неприятии мер и своевременном выявлении и пресечении деятельности в Ленинграде контрреволюционной террористической зиновьевской группы — в том числе убийцы тов. Кирова — злодея Л. Николаева, хотя они имели все необходимые для этого возможности».* Кстати, Г. А. Петров — единственный из 12 ленинградских чекистов, проходивших по этому процессу, полностью реабилитирован 20 октября 1966 года. 32 года доказывал он свою невиновность и алогичность, абсурдность доноса Волковой.

Слово за документом. *«…Во второй половине 1934 года,* — писал Г. А. Петров, — *уполномоченный III отделения НКВД по Ленинградской области (я в то время работал оперуполномоченным 2-го отдаления Особого Отдела) Григорий Ильич Драпкин передал мне письмо, написанное малограмотным*

почерком за подписью Волковой, которая сообщала, что в Ленинграде существует контрреволюционная организация „Зеленая лампа" в количестве 700 чел.».

Проработкой всех сообщенных Волковой данных поручено было заниматься Г. А. Петрову и его группе; Он вызвал Волкову. *«…Я спросил,* — продолжает Петров, — *откуда она узнала численность и ее название — она ничего ответить не могла. При последующих встречах Волкова также давала неправдоподобные материалы: то она, будучи в гостях у одного знакомого ей путиловского рабочего на квартире, обнаружила корзину с человеческим мясом, то у других своих знакомых обнаружила машинку для печатания червонцев, то ее втолкнули в легковую машину и увезли под Ленинград в пригородное местечко Лигово, где она в подвале обнаружила ящик со снарядами и в доказательство развернула платок и вынула из него гильзу старого образца, которую держат на столе для карандашей. Со слов Волковой, на квартире в Лигово проживал руководитель „Зеленой лампы", бывший царский генерал Карлинский… Ни один из этих материалов после тщательной проверки подтвержден не был».*

Результаты всех проверок по доносам М. Н. Волковой Петров доложил на оперативном совещании, которое проводил Ф. Д. Медведь. Высказались почти все присутствующие. Суть их сводилась к тому, что *«Петров тратит впустую время»,* проверяя *«заведомо ложные агентурные сведения»*[495]. В заключение Ф. Д. Медведь сказал, что *«Волкова является социально-опасным элементом, поскольку клевещет на людей и неправильно информирует в своих письмах органы»*. Тогда же на совещании попросили начальника санчасти НКВД С. А. Мамушкина показать Волкову специалистам-психиатрам. Профессор, осмотревший ее, высказался за дальнейшее ее обследование в стационаре. Тут же было выписано направление и Волкову поместили в знаменитую психиатрическую Обуховскую больницу. Предположительный диагноз — врожденная шизофрения — полностью подтвердился.

Именно из психлечебницы Волкову и доставили к Сталину в Смольный.

3 декабря Сталин допрашивал Г. А. Петрова. Присутствовали Ягода, Ворошилов, Молотов, Жданов, руководство Ленинградского НКВД. *«…Сталин и Ягода,* — писал Г. А. Петров, — *задавали мне ряд вопросов по материалам Волковой. Я объяснил, что все материалы Волковой не соответствуют действительности, т. к. они были оперативно и тщательно проверены и ничего в них не подтвердилось».*

Мной процитирован документ, адресованный Г. А. Петровым в Прокуратуру СССР в 1956 году, но подобные заявления

делались им неоднократно — в 1939, 1948, 1951 годах. Георгий Алексеевич Петров не был наивным человеком, он прошел «школу» лагерей. Наверняка, как бывший работник НКВД, знал многое, в том числе и методы расправы с неугодными. И даже в то время продолжал доказывать, что сексот Волкова давала абсурдные, лживые агентурные сведения самого фантастического характера.

Можно ли верить после этого другим сообщениям Волковой? Например, эпизоду, якобы имевшему место в Детском Селе, пересказанному Лазуркиной с чужих слов и столь некритически воспроизведенному Евой Пашкевич в газете «Смена».

Сама Волкова в конце 30-х годов и позднее рассказывала о «заговоре» в самых разных вариациях. *«Подозрительная», «мстительная»,* — говорила ее родная дочь. А ей было за что мстить работникам Ленинградского управления НКВД — ведь это они поместили ее в психиатрическую больницу. Волкова любила воспроизводить дочерям рассказ о своей встрече со Сталиным. Известный ленинградский журналист В. М. Бузинов, впервые опубликовавший материал о Волковой, писал: *«Она многократно повторяла его дочерям. Все предстает в нем, как в волшебной сказке, где силы добра в конце концов одолевают силы зла. В этой „сказке“ Волкова вместе со Сталиным едет в машине, а город в траурных флагах, и она узнает, что убит Киров. Она плачет, а Сталин успокаивает ее, протягивает ей платок, чтобы она вытерла слёзы».* Замечу, что это не вымысел В. М. Бузинова. По его словам, именно так М. Н. Волкова описывала первую встречу со Сталиным своим дочерям[496].

Как видим, фантазия Волковой не знала пределов. Так можно ли было вообще серьезно относиться ко всему, о чем осведомляла данный сексот?! Волкова действительно была серьезно больна. Ведь она официально состояла на учете в психиатрическом диспансере до самой своей смерти и до самой своей смерти было сексотом НКВД, давая агентурные сведения как на рядовых граждан, так и на руководителей Ленинграда. Чего стоили эти сведения, легко можно представить. Однако им, как видим, в политических целях верили, и они поломали не одну человеческую судьбу.

Проверялось ли дело «Зеленая лампа» в более поздние времена? Да. Созданная комиссией Политбюро ЦК КПСС группа следователей Прокуратуры СССР и КГБ СССР более двух лет весьма тщательно изучала дела давно минувших дней, связанные с убийством Кирова. Предоставим слово старшему прокурору Управления Прокуратуры Союза ССР Ю. И. Седову*: «Мы подняли некоторые архивы, которые, по понятным причинам, не любят*

посторонних глаз и до сих пор закрыты. Это — агентурные разработки на лиц, причисленных к зиновьевцам и другим видным оппозиционерам. Речь, например, идет об организации под кодовым названием „Зеленая лампа", о личности бывшего агента НКВД Волковой… „Неутомимо" трудились агенты ОГПУ, письменно докладывающие своим шефам о каждой встрече, вечеринке, поездке в другие города, о так называемых оппозиционерах, писали даже об их выпивках, интимных связях. На каждое конкретное лицо заводилось дело-формуляр, где концентрировались все донесения… Дурно, тень дурно пахнет от этих доносов»[497].

Доносы бывшего агента НКВД Волковой оказались фальсификацией.

Ради объективности следует сказать, что это было не первое предупреждение о возможном теракте против Кирова. Практически начиная с первого дня работы в Ленинграде ему угрожали. Ранее я уже знакомила читателя с листовками, воззваниями, письмами. Подобные документы были и во все последующие годы, включая 1934-й. Приходили и другие письма. Письма-предупреждения. Большинство из них подписаны, содержат адрес отправителя.

Действительно, угроз, писем-сообщений о готовящихся против Кирова терактах было немало. И каждый такой факт анализировался. Более того, осенью 1933 года по требованию Ф. Д. Медведя была усилена охрана Кирова и выделена машина сопровождения.

До лета 1933 года охрана Кирова состояла из трех человек: М. Борисова, Л. Буковского и неофициального сотрудника УНКВД — швейцара дома, где жил Киров. Первые двое охраняли Кирова в Смольном, в поездках по городу, на охоту, в командировках. Охрану Кирова осуществляли также оба его шофера — Ершов и Юдин, хотя и числились оба за Управлением делами обкома ВКП(б), но фактически являлись негласными сотрудниками ГПУ.

Со второй половины 1933 года численность гласной и негласной охраны Кирова возросла до 15 человек. При поездках Кирова по городу и вне его выделялась автомашина прикрытия с двухсменной выездной группой. По данным, приведенным в статье Ю. Н. Жукова «Следствие и судебные процессы об убийстве Кирова», охрана Кирова в день 1 декабря 1934 года была организована следующим образом.

Согласно показаниям оперативников, записанным 1 декабря, в 9.30 утра на дежурство у дома 26/28 по улице Красных Зорь, где жил Сергей Миронович, заступили два оперативника: П. П. Лазюков и К. М. Паузер. В 16.00 Киров вышел из дома и направился пешком в сторону Троицкого моста. Впереди них шел

оперативник Н. М. Трусов, на расстоянии 10 шагов сзади шли Лазюков и Паузер.

Около Троицкого моста Киров сел в свою машину, охрана — в свою. Их путь лежал к Смольному. Машина Кирова подъехала к решетке главного входа в здание Смольного и остановилась. Паузер выскочил из машины и стал впереди нее, Лазюков — остался позади машины. У калитки Смольного Кирова встречали оперативники Александров и Бальковский. Все двинулись к входной двери главного подъезда Смольного, где в вестибюле остались Паузер и Лазюков.

Дальше действия развивались так. Когда все оказались в вестибюле Смольного, то Киров пошел вперед. Вместе с ним двинулись: М. Борисов, встречавший Кирова у подъезда Смольного, и помощник коменданта Смольного Погудалов, за ними пошли оперативники Александров и Бальковский. Последние трое — Александров, Бальковский и Аузен — довели Кирова до дверей, ведущих на верхний этаж, и спустились вниз.

Дальше по третьему этажу коридора Смольного на расстоянии 20 шагов Кирова сопровождал только Борисов, А навстречу ему двигался другой оперативник — А. М. Дурейко. Нельзя исключить, что между ними произошел обмен двумя-тремя словами, как это бывает между сослуживцами. И это стоило жизни Кирову. Объективно и Борисов, и Дурейко допустили халатность в исполнении своих служебных обязанностей. Но думается, не более того.

Общеизвестно, что после изменения режима охраны Киров тяготился ею. Он любил ходить пешком, общаться с ленинградцами в неофициальной обстановке, ездить трамваем, заходить в магазины. Он заявлял Медведю*: «Дай тебе волю, ты скоро танки возле моего дома поставишь».* Танки Медведь не поставил, но около дома Кирова был выставлен постоянный милицейский пост.

Эпизоду с Волковой автор совершенно сознательно отвел такое большое место. Слишком Много мистификаций связывается в нашей печати с именем Волковой и ролью Д. А. Лазуркиной в этом вопросе. Безусловно, здесь использован далеко не весь материал, которым располагает автор. Но думается, ищущий правду читатель может составить и из приведенных сведений вполне объективное мнение.

Как мы знаем, донос Волковой, несмотря на явную абсурдность, тем не менее сыграл зловещую роль в расследовании обстоятельств убийства Кирова. Именно 3–4 декабря центр следственной работы переносится на поиск «внутренних врагов».

Но весьма сомнительным представляется утверждение академика А. Н. Яковлева, что *«Сталин приехал в Ленинград с готовыми, продуманными идеями, и они тут же начали претворяться в жизнь. Сталин сразу же сказал о том, что это дело рук зиновьевцев».*

В качестве доказательства этой версии он приводит три документа.

Первый. Заявление Н. И. Бухарина в ЦК ВКП(б) от 12.01.37 года:

«…Я на второй, если не ошибаюсь, день знал о том, что Николаев — зиновьевец: и фамилию, и зиновьевскую марку сообщил мне Сталин, когда вызывал в П. Б…»

Второй. На очной ставке с Радеком, проведенной 13 января 1937 года в ЦК ВКП(б) Сталиным, Молотовым, Ворошиловым и Ежовым, Бухарин подтвердил свое заявление и показал:

«На второй день после убийства Кирова я вместе с Мехлисом был вызван в Политбюро, и тов. Сталин мне сказал, что Киров убит зиновьевцем Николаевым. Сталин подтвердил содержание своего разговора с Бухариным, однако поправил, что это было ***„скорее всего на восьмой день”*** *(*выделено мной. *— А.К.)».*

Третий документ: Сообщение Ежова на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) в 1937 году о том, в каких условиях проводилось следствие по убийству Кирова: *«…т. Сталин, как сейчас помню, вызвал меня и Косарева и говорит: „Ищите убийц среди зиновьевцев“. Я должен сказать, что в это не верили чекисты и на всякий случай страховали себя еще кое-где и по другой линии, по иностранной… Не случайно, мне кажется, что первое время довольно туго налаживались наши взаимоотношения с чекистами, взаимоотношения чекистов с нашим контролем. Следствие не очень хотели нам показывать. Пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: „Смотрите, морду набьем”».*

Попытаюсь показать неубедительность и доказательств и вывода уважаемого академика о том, что Сталин приехал в Ленинград «с продуманными идеями».

Бухарин дважды (2 и 13 января 1937 года) утверждал, что ***«на второй день после убийства Кирова»*** (выделено мной. *— А.К.)* он был в Политбюро у Сталина, который заявил, что убийца Кирова — зиновьевец Николаев. Новее дело в том, что 2 и 3 декабря Сталин находился в Ленинграде, а Бухарин, как известно, оставался в Москве. Поэтому он никак не мог быть приглашен к Сталину 2 декабря в Политбюро. Сейчас можно твердо утверждать: встреча Бухарина и Мехлиса со Сталиным состоялась 1 декабря 1934 года в 20 часов 10 минут. Она продолжалась всего

10 минут. По-видимому, два редактора важнейших газет, «Правды» и «Известий», приглашались Сталиным по поводу публикаций в газетах сообщений о смерти Кирова. Но ни 2 декабря, ни в последующие несколько дней ни одна из газет не напечатала ни одного сообщения о том, что к смерти Кирова причастны зиновьевцы[498].

Замечу, что Сталин, который присутствовал 13 января 1937 года на очной ставке Бухарина с Радеком, подтверждает тот факт, что разговор с Бухариным об убийстве Кирова «зиновьевцем Николаевым» действительно имел место, как мы уже подчеркивали, но *«скорее всего на восьмой день».* А это, на мой взгляд, весьма существенное обстоятельство, ибо если Сталин приехал с продуманным планом обвинения зиновьевцев в убийстве Кирова, то он мог являться (конечно, предположительно и в этом случае) организатором этого убийства, если же нет, то убийство было действительно совершено одиночкой, что неоднократно и подтверждалось следствием. Сталин же, поддержав удобную для него версию о зиновьевском заговоре, просто цинично использовал убийство в своих политических целях.

Что думал Сталин о трагическом выстреле в Смольном 1 и 2 декабря — никому не известно.

Занимаясь более сорока лет изучением обстоятельств убийства, проанализировав горы архивных материалов, позволю высказать свое суждение по данному вопросу.

Скорее всего, Сталин приехал в смятенном состоянии. Никаких продуманных идей и определенного плана действий в отношении зиновьевцев у него не было. Допрос Николаева 2 декабря тоже ничего не дал, хотя Сталин обещал Николаеву сохранить жизнь, если он выдаст сообщников. Последний, кроме истерических выкриков *«Я отомстил!», «Простите»,* ничего ему не сообщил.

И тогда он воспользовался теми сведениями, которые пришли к нему через Лазуркину и Ежова: сексот Волкова *«все знала», «предупреждала»* о *«целой контрреволюционной организации»*! Превратить же организацию *«кулаков и подкулачников»* (а по мнению Волковой, они составляли ядро организации) в организацию *«зиновьевцев»* труда для Сталина не составило.

В этом свете третье доказательство, которое приводит А. Н. Яковлев, — выступление Ежова на февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) — заслуживает внимания. Ежов, несомненно, правильно передал свой разговор со Сталиным. Однако точной даты состоявшейся беседы Ежов не называет, отмечая только, что она проходила перед отъездом Сталина в Москву.

Сталин и его ближайшее окружение отбывали в Москву поздно вечером 3 декабря. К этому времени Сталин успел побеседовать с Волковой, допросить оперуполномоченного НКВД Петрова, дать указания о снятии руководства Ленинградского управления НКВД. Но, будучи крайне подозрительным, недоверчивым, Сталин, конечно, оставил здесь часть «своих людей» — Агранова, Миронова, Ежова, Косарева, Цесарского, Вышинского, причем, думаю, с каждым *«весьма доверительно обговаривал задачи».* Так, Н. И. Ежову и А. В. Косареву было доверено *«налаживать взаимоотношения с чекистами»* и вести обработку бывших комсомольских вожаков. И они присутствовали на многих допросах, выступая иногда как «друзья», «искренне» советуя обвиняемым «разоружиться», тепло вспоминали юность и давили, давили на психику подследственных.

Именно с 4 декабря на Николаева усилили психологический, а возможно, и иной прессинг для получения показаний в нужном следователям русле: убийство совершено не одним Николаевым, а целой «контрреволюционной группой».

Поэтому перед Аграновым и группой следователей, приехавших вместе с ним в Ленинград — Мироновым, Люшковым, Дмитриевым, Заковским и другими встала задача: найти подходящих лиц для включения их в так называемую «контрреволюционную группу». Зацепкой для этого послужили ряд обстоятельств. Первое — запись в дневнике Николаева: *«Я помню, как мы с Иваном Котолыновым ездили по хозяйственным организациям для сбора средств на комсомольскую работу. В райкоме* (Выборгском. — *А.К.) были на подбор крепкие ребята — Котолынов, Антонов, на периферии — Шатский».*

Второе обстоятельство — Котолынов и Шатский уже проходили по картотеке НКВД как бывшие участники троцкистско-зиновьевской оппозиции. Бывший уполномоченный, уже не раз упоминавшийся Р. О. Попов в беседе со мной рассказывал: *«У нас везде были осведомители, в том числе и в партийных органах. Указание „разрабатывать" членов партии за неосторожные разговоры шло от Молчанова (*начальник СПО НКВД СССР. — *А.К.) со ссылкой на личное указание Сталина. Мы точно знали, кто и где ведет антисоветские разговоры, плохо отзывается о Сталине. На каждого вели формуляры, Котолынов, Мандельштам числились в картотеке. Конечно, об их причастности к „ленинградскому центру" тогда и речи не было, но ордера на их арест были выписаны еще в октябре 1934 г. Однако Киров не дал согласия на арест и отверг обвинения против них как несостоятельные»*[499].

Третий «факт» в подтверждение версии заговора чекисты

нашли довольно легко, Дело в том, что Николаев покушался на самоубийство.

В связи с этим в камере с Николаевым постоянно находились сотрудники НКВД — Кацафа, Гузовский и Радин. Все их разговоры с Николаевым фиксировались и специальными рапортами доносились Агранову. В ночь на 4 декабря дежурил Кацафа. Утром он сообщил в рапорте, что во сне Николаев якобы произнес: *«Если арестуют Котолынова, беспокоиться не надо, он человек волевой, а вот если арестуют Шатского — это мелюзга, он все выдаст». Сразу же Агранов сообщил Сталину по прямому проводу: «Агентурным путем со слов Николаева Леонида вычленено, что его лучшими друзьями были троцкисты — Котолынов Иван Иванович и Шатский Николай Николаевич… Эти лица враждебно настроены к тов. Сталину… Котолынов известен наркомвнуделу как бывший активный троцкист-подпольщик»*[500].

4 декабря Николаева допрашивали уже новые следователи. На допросе Николаев признался, что он лично знает Котолынова, Шатского, Бардина. Но ни в каких группировках с ними не состоит. Никакого участия в убийстве, которое он совершил, они не принимали. Передаивая Сталину в Москву материалы допроса Николаева от 4 декабря, Агранов писал*: «Николаев держится крайне упорно».*

6 декабря Николаев фактически подтвердил свое прежнее показание: *«Я не привлек Котолынова, так как хотел быть по своим убеждениям единственным исполнителем акта над Кировым».*

Хотя Николаев так никого и не назвал, 5 декабря были арестованы Иван Иванович Котолынов и Николай Николаевич Шатский.

Давление следователей на Николаева усиливалось. Допрос следовал за допросом. 6 декабря три следователя: Агранов, Миронов, Дмитриев — допрашивали Николаева семь раз. Именно в этот день он впервые показал, что Котолынов и Шатский являются участниками «террористического акта», но не привел в подтверждение ни одного конкретного доказательства[501].

6 декабря последовала новая волна арестов. Были взяты бывшие комсомольские активисты Георгий Васильевич Соколов, Игнатий Григорьевич Юскин, Владимир Васильевич Румянцев, которых Л. В. Николаев знал с детства.

7 декабря Николаев объявил голодовку. Отказался идти на допрос. Пытался покончить жизнь самоубийством.

Чем было продиктовано его поведение? Выскажу некоторые предположения. Можно во многом обвинить Николаева. Но все документы о Николаеве свидетельствуют об одном: он был

человек искренний и по-своему честный. Оболгав 6 декабря на допросе своих товарищей, он морально, психологически тяжело переживал свое предательство. Поэтому сначала он объявляет голодовку, а когда ему пригрозили искусственным кормлением, решил свести счеты с жизнью, но дежурившие в камере Николаева сотрудники НКВД предотвратили самоубийство.

7 и 8 декабря Николаева насильно доставляли на допросы. Конвойные несли его. А он кричал: *«Это я, Николаев! Меня мучают, запомните».* На одном из допросов в эти дни он пытался снова покончить с собой, пытался выпрыгнуть из окна 4 этажа, но ему снова помешали[502].

7 декабря был арестован Николай Семенович Антонов, 8 декабря наступила очередь Василия Ивановича Звездова, Льва Осиповича Ханта, Андрея Ильича Толмазова. Все они были связаны с Николаевым по работе в Выборгском райкоме комсомола.

На Николаева усиливается моральное давление. Ему обещают сохранить жизнь в обмен *«на чистосердечное признание о контрреволюционной, террористической группе».* Создают ему особые условия в камере: усиленное питание с вином, ванна. Причем делалось это по личной рекомендации Сталина Агранову: *«…подкормите Николаева, купите ему курочек и др. продуктов, кормите его, чтобы он окреп, а потом расскажет, кто им руководил, а не будет говорить, засыпем ему — все расскажет и покажет».*

Особые условия убийце Кирова создавали только с одной целью — фабрикации «дела ленинградского центра». В него «вошли» лица, которых либо действительно знал Николаев, либо ему их подсказали следователи. Наверное, не случайно последними были арестованы лица, которых Л. В. Николаев фактически почти не знал. 10 декабря были взяты Николай Петрович Мясников, Владимир Соломонович Левин, Лев Ильич Сосицкий. Последним был арестован Сергей Осипович Мандельштам.

Теперь в бой вступили средства массовой информации. На все лады радио, газеты твердили: Николаев *«вышел из зиновьевской оппозиции», «она его вспоила духовно»,* затем — *«о контрреволюционной террористической группе»,* а потом уж — о Зиновьеве и Каменеве как ее духовных наставниках. Итак, заговор готов. Можно было широко развернуть атаку на зиновьевцев, используя их же метод ведения борьбы против большинства членов ЦК ВКП(б) в 1925 году: *«Говорить о разногласиях с ЦК в четверть голоса — на районных конференциях Ленинграда, вполголоса — на губпартконференции и в полный голос — на съезде*

партии». Ситуация, конечно, иная, более драматическая, но прием тот же. Сначала в печати утверждается, что Николаев вышел из зиновьевской оппозиции, она его вспоила духовно, затем сообщается о контрреволюционной, *«террористической группе»,* а потом говорится о *«зиновьевском охвостье»* с упоминанием имен Зиновьева, Каменева и других.

Одновременно делается попытка «привязать» Николаева к Троцкому. Для этого используется операция «Консул». Этим кодом шифровался консул Латвии Бисенекс, который якобы должен был связать Николаева с Троцким. Показания Николаева по этой версии есть в следственном деле. Они проходят и в обвинительном заключении, опубликованном 27 декабря. Но материалами дела эти показания Николаева, данные им на себя и на Котолынова, не подтверждаются, так же как не подтверждаются и якобы полученные ими от консула Латвии 5000 руб. на контрреволюционные нужды. Деньги при аресте были изъяты, но не у Николаева, а у его матери, которая в трамвайном парке иногда ссужала деньги водителям, слесарям под проценты и накопила их «на старость» — как она объяснила на следствии.

Необходимо отметить, что на первых допросах Николаев вообще отрицал какую-либо связь с иностранцами. Затем (наверняка не без помощи следователей) он «вспомнил» о своей встрече консулом, однако категорически отрицал получение от него денег. Лишь потом он заявил о получении денег.

Что касается Ивана Котолынова, то он категорически отрицал все показания Николаева в отношении версии «Консул», объявив, что никогда никакого посольства не посещал, никаких денег не получал и показания Николаева в этой части являются *«исключительной клеветой».*

При этом Котолынов обвинил Николаева в тем, что он живет не по средствам, снимает дачу для семьи в Сестрорецке.

На мой взгляд, весьма интересными являются данные, которые приводит исследователь Ю. Н. Жуков в своей статье «Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова». Заслуживают внимание прежде всего три момента. В ночь на 2 декабря 1934 г. в 0.40 в Москву Медведь отправил Ягоде телеграмму: *«в записной книжке Николаева запись: „герм.[анский] тел. 169–82, ул. Герцена, 43“»*[503] (это действительно был адрес германского консульства). Второе — оказалось, что Николаев неоднократно летом-осенью 34-го посещал германское консульство, после чего всякий раз направлялся в магазин Торгсина, где покупки оплачивал дойч-марками.

6 декабря Николаева стали расспрашивать, когда он

обратился в германское консульство. *«В телефонной книжке,* — заявил Николаев, — *я нашел номер телефона германского консула и позвонил туда. Я отрекомендовался консулу украинским писателем, назвал вымышленную фамилию и просил консула связать меня с иностранными журналистами, заявив, что имею материал для использования в иностранной прессе»*[504].

Исключить подобные связи Николаева нельзя. Еще живя в доме 13/8 по Лесному проспекту, Николаев и Мильда Драуле, как мы помним, дружили с одной немецкой семьей, эта связь не прекратилась и после переезда Николаевых на ул. Батенина. Возможно, у Николаева появились мысли об использовании иностранной прессы для рассказа о своем тяжелом положении, о допущенных по отношению к нему несправедливостях и т. д. Отсюда звонки и походы в германское консульство. Можно предположить, что после душещипательного, слезливого рассказа Николаева он действительно получил от консула небольшую денежную помощь.

Но тем не менее «германский след» позволил следствию разыграть операцию «Консул», привязав к ней Троцкого.

Следует подчеркнуть, что Троцкий нигде не выразил соболезнования, сочувствия в связи с трагической гибелью Кирова. Волновало его только то, что мировая печать недвусмысленно связывала убийство Кирова с версией о посреднике — консуле. Газета «Юманите» писала: *«Руки Троцкого красны от крови пролетарского вождя… Консул служил связующим звеном между Троцким и группой убийц в Ленинграде».*

Версия о связи Николаева с Троцким через посредничество консула ставит больше вопросов, чем содержит ответов. **Почему Николаев только на двадцатый день при допросе «вспомнил» о дипломате, который якобы предложил ему помощь, чтобы установить связь с эмигрантом Троцким, и попросил письмо для этого? Почему инициатива исходила от самого консула? Было ли письмо написано и передано? Был ли ответ? Ведь это, казалось бы, очень важно для следствия. Однако на следствии вопрос о связях Николаева с Троцким вообще не получил никакого объяснения**.

Логичнее всего предположить, что никакого консула не было вовсе и что все эти тайные встречи, деньги, письмо для Троцкого — игра воображения Николаева, а точнее, его следователей. Но как бы то ни было, версия о дипломате попала в прессу. Консульский совет дипломатов потребовал от Советского правительства объяснений, и оно вынуждено было 2 января 1935 года назвать имя консула. Совет согласился на высылку дипломата из Советского Союза. Тогда, в 1935 году, фамилия

консула в нашей печати не называлась, но когда шел процесс правотроцкистского блока в марте 1938 года, тайна раскрылась, имя консула — Бисенекс, страна — Латвия.

Конечно, нельзя всерьез говорить о причастности Троцкого к операции «Консул» — никакими документами это не подтверждается. А что думал об этой акции он сам? Предоставим ему слово. В «Бюллетене оппозиции» (январь 1935 г.) говорилось: *«…само ГПУ, через действительного или мнимого консула, финансировало Николаева и пыталось связать его с Троцким»*.

Далее Троцкий пишет, что ГПУ, зная о намерениях Николаева, возможно, и не имело в виду убийство Кирова. Задача состояла в том, чтобы подготовить «заговор оппозиции», запутать в нем оппозиционеров (в том числе и Троцкого), а в последний момент раскрыть «покушение» И ударить по оппозиции. Однако *«прежде чем „Консул" успел подготовить политический выстрел против Троцкого, Николаев спустил затвор против Кирова…»*[505].

Неожиданный поворот. Маловероятный. И все же интересы истины требуют проверить и это предположение.

В начале 1941 года, после присоединения Латвии к Советскому Союзу, бывший консул Латвии в Ленинграде Бисенекс, будучи арестованным, категорически отрицал какую-либо связь с Николаевым и Котолыновым. Не было установлено таких данных и в результате проверки; архивов МИД Латвии.

Не имея серьезных доказательств о причастности Троцкого к убийству Кирова, следствие в декабре 1934 года только лишь продекларировало версию «Консул», бросив, на всякий случай, камень в сторону Троцкого.

А теперь подведем предварительный итог: следствие полностью проигнорировало признательные показания Николаева: *«я совершил индивидуальный террористический акт», «я ему отомстил!»* и т. п. Почему? Выскажем свои предположения и попытаемся понять логику следователей.

Выстрел в состоянии аффекта, преднамеренное убийство по личным мотивам не устраивали тех, кто не исключал возможности, а может быть, и искренне был убежден в версии «организованного заговора». И прежде всего Сталина.

Вот почему следователи весьма целеустремленно и настойчиво после 4 декабря добиваются от Николаева признания в том, что *«он был членом подпольной, контрреволюционной организации», что ее «участники стояли на платформе троцкистско-зиновьевского блока», «с Кировым у бывшей оппозиции имеются свои особые счеты в связи с той борьбой, которую он организовал против ленинградских оппозиционеров»*[506].

Именно поэтому следствие неуклонно фабриковало версию

заговора.

Дело «Ленинградского центра»

Следствие, поставив знак равенства между участием в оппозиции и террористической деятельностью, тем самым сформулировало формулу обвинения. Осталось совсем немного: добиться от Николаева нужных показаний и подобрать состав «контрреволюционной группы» из числа бывших оппозиционеров.

4, 5, 6, 7, 8 декабря Николаев признал свое знакомство с рядом известных оппозиционеров — Котолыновым, Шатским, Румянцевым.

А затем стал давать и другие нужные следователям показания. Например, такие:

«Группа Котолынова подготовляла террористический акт над Кировым, причем непосредственное его осуществление было возложено лично на меня.

Мне известно от Шатского, что такое же задание было дано и его группе, причем эта работа велась ею независимо от нашей подготовки террористического акта.

Шатского впервые я встретил в 1933 г. Следующая встреча у нас была летом 1934 г. на улице Красных Зорь, дом 28, где Шатский проводил наблюдение за квартирой, устанавливая все передвижения Кирова. Делал он это в целях подготовки террористического акта».

«Котолынов сказал, что… устранение Кирова ослабит руководство ВКП(б)… Котолынов проработал непосредственно со мной технику совершения акта, одобрил эту технику, специально выяснял, насколько метко я стреляю; он является непосредственным моим руководителем по осуществлению акта. Соколов выяснил, насколько подходящим является тот или иной пункт обычного маршрута Кирова, облегчая тем самым мою работу… Юскин был осведомлен о подготовке акта над Кировым: он прорабатывал со мной вариант покушения в Смольном.

Звездов и Антонов знали о подготовке акта… Они были непосредственно связаны с Котолыновым…»[507].

Следует отметить, что Левин, Котолынов, Румянцев, Мандельштам, Мясников, Сосицкий, Шатский, Юскин, Ханик, Звездов, Антонов, Толмазов, Соколов на допросах, а также на очных ставках с Николаевым первоначально категорически отрицали свою принадлежность к делу так называемого «ленинградского центра», утверждали, что они не поддерживали каких-либо постоянных связей с Николаевым, заявляли, что о

готовящемся Николаевым убийстве Кирова они не знали и к совершению этого преступления не причастны.

После окончания предварительного следствия некоторые обвиняемые обратились с заявлениями, в которых также отвергали свое участие в убийстве Кирова. Так, Румянцев в заявлении от 27 декабря указывал: *«…Мне предъявлено обвинение тов. Мироновым по ст. 58–8 и 58–11 УК в том, что я являюсь одним из руководителей контрреволюционной организации в Ленинграде, ставшей на путь террора. Это простая и роковая ошибка»*[508].

Действительно, внимательно анализируя документы по делу так называемого «ленинградского центра», видишь, как много в нем, как говорится в народе, шито белыми нитками. Судебное разбирательство проводилось с грубейшим нарушением закона. Аресты лиц, привлеченных к уголовной ответственности вместе с Николаевым, проводились без санкции прокурора; протоколы некоторых допросов готовились заранее, в них отсутствуют подписи допрашиваемых лиц, иногда нет дат, времени и места проведения допросов. После окончания расследования обвиняемые с материалами дела не были ознакомлены, и их письменные ходатайства об этом не были удовлетворены.

Более того, в материалах дела содержится немало противоречивых данных. Как, например, относиться к следующему факту: при задержании Николаева был найден и «приобщен к делу» в качестве одного из доказательств подробно разработанный план покушения, *«датированный 1-м ноября»* с таким комментарием следствия: *«…вся работа подпольной контрреволюционной террористической группы протекала в условиях строгой конспирации»*[509].

Но, во-первых, план о котором я уже подробно рассказала читателю, не имеет точной даты; во-вторых, выполнен рукой самого Николаева; в-третьих, содержит весьма убедительные доказательства того, что Николаев собирался совершить акцию против Кирова, не только в Смольном, но и в других местах. А это уже не согласуется с более поздними показаниями Николаева о якобы существовавших двух террористических группах, из которых одна (Шатского) должна была совершить убийство Кирова около его дома, а другая (Котолынова, где исполнителем был Николаев) — в Смольном. И наконец, если подпольная деятельность террористической организации *«протекала в условиях строгой конспирации»* и именно она разрабатывала план, то вряд ли он мог быть у рядового исполнителя, да еще с его личными заметками!

Другое дело, если организатор и исполнитель был в одном-

единственном лице, да к тому же с настроением «войти в историю», взять на себя роль мессии, с всепоглощающей жаждой мести. Тогда такой план логичен и вполне объясним.

Есть в деле и другие противоречия. Так, в «Обвинительном заключении» говорится, что во главе заговора стоял «ленинградский центр» в составе восьми человек. Это же число впоследствии будет фигурировать и в приговоре. Но интересно, что в протоколах допроса называется разное количество его членов и разные имена. Кстати, никто из тех, кто дал показания о «ленинградском центре», в числе его членов не назвали ни Николаева, ни Шатского.

Впрочем, это не помешало следствию ввести их обоих в этот таинственный «центр». Более того, никаких документов или свидетельских показаний о деятельности «центра» вообще нет. Парадокс: обвинение держится исключительно на признании некоторых обвиняемых, что такой «центр» существовал, и о том, кто, по их мнению, в него входил. Но никто из них не дал показаний, что данный «центр» делал!..

Как ни усердствовало следствие, из 14 человек, привлеченных по делу «ленинградского центра», только трое (не считая Николаева) — Звездов, Соколов, Антонов — на предварительном следствии на допросе признали свою причастность к убийству Кирова. Девять обвиняемых признали лишь свою принадлежность в прошлом к оппозиции, а Шатский ни в чем себя виновным не признал.

Несомненно, все сопроцессники Николаева (кроме него самого и Юскина) являлись в прошлом активными оппозиционерами. Подписи некоторых из них стояли под так называемыми платформами «13» и «83», участники которых еще 1927 году обратились в ЦК с рядом требований, расходившихся с генеральной линией партии. Одни из них (Левин, Румянцев) исключались из партии XV съездом ВКП(б), другие — ЦКК ВКП(б); некоторым — губернские, областные контрольные комиссии ВКП(б) вынесли различные партийные взыскания. Впоследствии они были восстановлены в партии. К 1934 году вне ВКП(б) оставался только один — Н. Н. Шатский, исключенный в 1927 году и не пожелавший подать заявление о своем восстановлении.

Кто же они — участники декабрьского процесса 1934 года?

Все сопроцессники Николаева горячо восприняли Октябрьскую революцию. Из 14 человек, кроме него, только один — Антонов не прошел горнило Гражданской войны. Все они искренне верили в идеалы социальной справедливости, в победу мировой пролетарской революции. Четверо из них в прошлом —

кадровые военные, семеро — бывшие комсомольские работники, двое — хозяйственники. Все тринадцать жили, работали, учились в Ленинграде. И за всеми ними, начиная с 34-го, 56 лет как тень следовали слова — «убийцы Кирова». И думаю, они заслуживают того, чтобы о каждом из них сказать несколько слов.

Итак, 5-го декабря 1934 года был арестован первый из обвиняемых — Иван Иванович Котолынов — студент последнего курса Ленинградского индустриального института. Он родился в Петербурге в рабочей семье. Был на руководящей комсомольской работе: ответственный организатор (секретарь. — *А.К.)* Выборгского райкома РКСМ, секретарь Ленинградского губкома комсомола, член ЦК РКСМ, член КИМа (Коммунистического Интернационала молодежи). XV съезд ВКП(б) исключил его из рядов партии *«за фракционную деятельность в составе „новой оппозиции"».* Как и многие оппозиционеры, он подал заявление в ЦКК ВКП(б) с признанием своих ошибок. В 1928 году его восстанавливают в партии. Котолынову было в то время всего 23 года. Могли ли измениться его взгляды на процессы, происходящие в обществе? Несомненно. Не случайно областной комитет ВКП(б) в числе так называемой «парттысячи» направляет его на учебу в институт. Здесь он активно включается в общественно-политическую жизнь и даже становится руководителем факультетского партбюро[510].

Котолынову вменялось в вину, что он как *«активный член подпольной контрреволюционной группы, образовавшейся в Ленинграде из бывших зиновьевцев несет ответственность за это преступление* (убийство Кирова — *А К.)». «Мне еще задавали вопрос,* — говорил на суде Котолынов, — *как вы скатились в контрреволюционное болото. Я должен сказать, что 7 ноября*[511] *мы уже фактически скатились в контрреволюцию. 15-й съезд нас одернул и предупредил, но мы не останавливались и продолжали вести борьбу против партийного руководства, входили в партию организованно, не разоружившись… Выстрел в Кирова фактически остановил к/р зиновьевщину. Это чудовищная плата, но это сигнал к тому, что к/р зиновьевщина должна быть уничтожена».* И в другом месте: *«Какая бы кара ни была мне предназначена партией и пролетарским государством, я буду умирать с лозунгом: „Да здравствует ленинская партия и ленинское руководство великого вождя т. Сталина, долой Зиновьева“, мне так хочется крикнуть: „Будьте же вы прокляты, Зиновьев, Каменев, Евдокимов"».*

Котолынов уже знал, что обвинительное заключение требует для него и для всех расстрела. Произнося на суде эту свою речь, представляется мне, он думал не столько о себе, сколько о своих

близких, родных, об их участи. И последнее, он несомненно раскаивался в своей безграничной вере в Зиновьева. Молодость часто ошибается в своих кумирах, а Котолынову на момент суда исполнилось только 24 года.

Но именно эта прошлая вера была той тоненькой нитью, которая позволила следствию впоследствии связать «Ленинградский центр» с «Московским центром», сфабриковать дело против Зиновьева, Каменева, Куклина, Евдокимова и других, многие из которых в прошлом — руководящие работники Ленинграда.

Вместе с Котолыновым в тот же день был арестован самый стойкий обвиняемый на процессе 1934 года — Николай Николаевич Шатский. В «Обвинительном заключении» о нем говорится: *«Виновным себя не признал, но изобличается показаниями Николаева, Котолынова, Румянцева; Мандельштама и др.».* А эти показания сводились только к одному: все они, в том числе и Шатский, участвовали «в оппозиционной деятельности». Но Шатский и в этом себя виновным не признал и никого не оговорил.

Родился Николай Николаевич в 1889 году в Тульской губернии, имел высшее образование В 24 года вступил в партию, принимал активное участие в общественно-политической жизни страны. Покаянных писем с осуждением своих ошибок за участие в оппозиции и просьбой восстановления в партии не писал. Последнее место работы — инженер Ленинградского электротехнического института[512]. «Виновным себя ни в чем не признаю и отвечать на вопросы не буду», — это были неизменные слова Шатского на всем протяжении следствия.

6 декабря был арестован еще один бывший лидер ленинградских комсомольцев — Владимир Васильевич Румянцев. Было ему в это время 32 года. Он прошел трудную школу жизни: ученик слесаря, рассыльный на фабрике «Невка», грузчик на железной дороге. В Гражданской войне — рядовой красноармеец. Здесь, на фронте, в мае 1920 года становится членом РКП(б). После демобилизации Румянцев вскоре становится заведующим экономическим отделом губкомсомола, а потом организатором Московско-Нарвского РЛКСМ. Делегат XIII и XIV съездов ВКП(б), он по решению XV съезда партии исключается из ее рядов за участие в деятельности «новой оппозиции». В октябре 1928 года его восстанавливают в рядах ВКП(б).

На следствии Румянцев признал себя «виновным лишь в принадлежности к подпольной группе зиновьевцев»[513], но категорически отверг свое участие в контрреволюционной террористической группе в «ленинградском центре».

В тот же день, 6 декабря, были арестованы еще двое: Соколов Георгий Васильевич и Юскин Игнатий Григорьевич. Оба они знали Николаева с детства, жили все трое на Лесном проспекте Выборгской стороны.

Соколову в год ареста исполнилось 30 лет. Активный комсомолец, он вместе с Леонидом Николаевым работал в Выборгском райкоме комсомола. Потом Соколов ушел на завод «Красный выборжец», откуда был рекомендован в числе «парттысячи» на учебу в Электросварочный институт. Здесь он прошел чистку партии. В характеристике Соколова, составленной для комиссии по чистке, отмечалось: *«…ни в каких оппозиционных группировках участие не принимал».* По спецнабору ЦК ВКП(б) 1933 года был отобран и решением секретариата Ленинградского горкома ВКП(б) от 11 октября 1933 года командирован для учебы в Военно-морскую академию РККА имени Ворошилова. Свое непосредственное участие в подготовке Николаевым убийства Кирова не признал, но заявил, что слышал о намерении Николаева совершить подобный акт и обещал ему достать билет на партийный актив. Следствие приложило немало усилий, чтобы доказать именно это положение. Вероятно, по замыслу авторов сценария дела «Ленинградского центра», Соколов хорошо «вписывался» в роль террориста. Слушатель военной академии, хороший знакомый Николаева[514]. Скорее всего, признательные показания Соколова были получены путем сильного психологического прессинга: партия так много для тебя сделала, хотела, чтобы ты стал морским офицером, а ты не хочешь оказать помощь следствию…

Что касается Игната Григорьевича Юскина, то его главная «вина» состояла в постоянном общении с Николаевым, особенно в детстве. Ведь это он помогал больному Леониду Николаеву спускаться по лестнице на улицу, чтобы тот, сидя на скамейке, мог посмотреть на шумные игры ребят, а потом на руках поднимал его по лестнице домой. Будучи на шесть лет старше Николаева, Игнат Григорьевич отличался душевной добротой, состраданием, отзывчивостью.

Как и многие его сверстники из рабочих семей, Юскин с оружием в руках защищал идеалы Октября. Вернулся он в Питер в 1922 году и пошел работать — сначала слесарем на завод «Рено», а потом по той же специальности — на «Русский дизель». Рабочий высокой квалификации, пытливый, вдумчивый человек, Юскин получает путевку на учебу в Ленинградскую промышленную академию. В 1924 году становится членом РКП(б). Ни в какой оппозиционной деятельности он, конечно, никогда не участвовал.

В «Обвинительном заключении» сказано: Юскин «*признал,*

однако, что знал о подготовляемом убийстве т. Кирова». Это ложь. Материалы следственного дела свидетельствуют: Юскин полностью, упорно и последовательно отрицал свою вину. На очной ставке с Николаевым он категорически опровергал утверждения Николаева: *«Я говорил Юскину о предполагаемой акции против Кирова».* Но участь Юскина была решена[515].

7 декабря 1934 года на Литейном, 4, появился новый арестованный по делу «Ленинградского центра». Это — Николай Семенович Антонов. Он, несомненно, хорошо знал Николаева еще по Выборгскому крайкому комсомола, а потом по совместной работе на заводе «Красный арсенал».

В своей анкете-биографии Антонов писал*: «Родился 23 апреля 1903 г. в Петербурге, в семье рабочего. В комсомоле с 1917 года. В партию принят в мае 1922 г. после XI съезда РКП(б) без кандидатского стажа. Страдаю физическим недостатком: плохое зрение».* В силу этого Антонов не принимал участия в Гражданской войне. Он активно действовал в оппозиции, будучи сторонником Зиновьева, Евдокимова, Куклина. Со строгим партийным взысканием Антонов был направлен в 1926 году на работу в Вологодскую губернию.

Жила в Антонове неиссякаемая тяга к знаниям. В письме в Ленинградский обком ВКП(б) в 1928 году он писал, что отошел от оппозиции *«не формально, а по существу», «уровень моих знаний невелик»,* поэтому *«считаю целесообразным послать меня на рабфак…, так как не имею достаточных знаний для будущего».* Обращаясь с просьбой вернуть его в Ленинград, Антонов указывал, что *«в родном городе остались находящиеся на его иждивении мать, брат, сестра. А здоровье все ухудшается. Открылась язва, быстро прогрессирует близорукость… Я болею, вынужден выйти на пенсию, которая не мажет обеспечить 4 человек… Прошу областной комитет дать мне возможность на практической работе исправить ошибки, допущенные мной в прошлом».*

В феврале 1928 года он уже работал фрезеровщиком на заводе «Русский дизель», а два года спустя в числе «парттысячи» был направлен на учебу в Ленинградский индустриальный институт[516].

Задаю себе вопрос: почему же на допросах Антонов признал себя полностью виновным? И представляю себе больного, полуслепого человека в одиночной камере, оглушенного страшным обвинением, ложными оговорами Николаева. И становится понятно, какие муки физические и духовные испытывал он, признавая свою вину в убийстве Кирова, не будучи к нему причастным.

8 декабря 1934 года сразу три человека пополнили камеры внутренней тюрьмы НКВД на Литейном, 4. Это: Звездов Василий Иванович, Ханик Лев Осипович, Толмазов Андрей Ильич.

Василий Иванович Звездов — потомственный рабочий. В момент ареста ему был 31 год. За плечами — обычная биография комсомольского активиста тех лет: с 16 лет — в комсомоле, в 20 лет — член партии.

В годы Гражданской войны защищал с оружием в руках идеи Октября. Затем — демобилизация, возвращение в Петроград и снова активная комсомольская работа. В его личном деле собственной рукой написано: *«поддерживал оппозицию с 1925 г., посещал фракционные собрания».* В феврале 1926 года направляется на работу в Псковский губком партии, затем возвращение в Ленинград и направляется Василеостровским РК ВКП(б) на учебу сначала на рабфак, а потом в вуз (Ленинградский индустриальный институт)[517].

Так почему же, пусть только на одном из допросов, Звездов все-таки признал свою вину? (Хотя и сам факт признания можно поставил» под сомнение — ведь не все протоколы подписаны Звездовым.) Возможно потому, что всему есть предел и «немногие для вечности живут». По-видимому, Звездов не смог выдержать изощренного давления следователей. Ведь допрос обвиняемых вел сам заместитель начальника НКВД Агранов. «Помогали» ему заместитель председателя КПК при ЦК ВКП(б) Ежов и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. В. Косарев. Последний присутствовал на допросах почти всех бывших комсомольских лидеров, убеждая их сознаться в содеянном.

Так было и с Андреем Ильичом Толмазовым.

Имя Андрея Толмазова пользовалось популярностью среди питерской молодежи. Он представлял ее интересы еще на I съезде РКСМ. Крестьянский сын, он родился в последнем году уходящего XIX века в многодетной семье в Тверской губернии. Трудиться начал 13-летним мальчиком. Его первым местом работы стал завод «Красный арсенал». Добровольцем пошел он в Красную армию. После возвращения с фронта Андрей Толмазов в течение ряда лет — секретарь Выборгского райкома комсомола. Известный питерский рабочий революционер Фокин дает ему рекомендацию в партию. В 1924 году Толмазов — ответственный секретарь губкома комсомола, В феврале 1925 года в Актовом зале Смольного открылась очередная XI партконференция комсомола.

В ее работе участвовали 17 губернских и областных организаций комсомола, приглашенных губкомом РЛКСМ Ленинграда. Это широкое представительство комсомольцев из

других регионов страны без согласия ЦК и послужило поводом для обвинения члена ЦК РЛКСМ, секретари губкома комсомола Андрея Толмазова в оппозиционной деятельности.

Не следующий день после открытия конференции решением Политбюро ЦК РКП(б) Толмазов снимается с комсомольской работы. Ленинградский губком РКП(б) направляет его в качестве секретаря партколлектива завода «Красный выборжец», где он избирается делегатом на XIV съезд ВКП(б). Активный сторонник Зиновьева, Толмазов вскоре после съезда направляется инструктором Псковского потребительского союза кооператоров.

В личном деле А. И. Толмазова, большинство страниц которого составляют документы, заполненные им собственноручно, есть и такой: *«До XV съезда ВКП(б) был в оппозиции, дал свою подпись под платформу „13“. После XV съезда подал заявление о признании своих ошибок. Псковская Контрольная Комиссия поставила „на вид" за организационную связь с оппозицией».* Партвзыскание было снято с него в 1931 году. По возвращении в Ленинград Толмазов сначала работает председателем Севзапсоюза потребкооперации, а затем в апреле 1934 года по рекомендации С. М. Кирова его направляют зам. директора по рабочему снабжению на завод «Красный путиловец»[518].

Делегат первых шести съездов комсомола, XIII и XIV съездов партии, Андрей Ильич на следствии признал себя виновным лишь «*в принадлежности к подпольной группе бывших зиновьевцев».*

В этом признался на следствии и Лев Осипович Ханик. Он родился в 1902 году в рабочей семье, рано начал трудиться, затем Красная армия, фронт. После демобилизации — на руководящей комсомольской и партийной работе: Выборгский райком, Кронштадт. За участие в оппозиции имел выговор.

Не будем делить историю и людей, живших в то или иное время, на тех, кто лучше, и на тех, кто хуже. Вспомним, что писал А. Твардовский: «так это было на земле». Были оппозиционеры, но были и те, кто подробно информировал партийные, может быть, и другие органы о каждом шаге «инакомыслящих». Так, в одном из доносов на Ханика еще в сентябре 1927 года говорилось: *«На квартире Ханика в Ленинграде собиралась определенная группа членов партии — оппозиционеров, где велась антипартийная работа, составлялись, обсуждались и размножались оппозиционного характера материалы и письма, обсуждались методы и тактика работы среди членов партии. Касаясь внутрипартийного положения, Ханик 1 апреля 1927 г. указывал, что дела во многих ячейках плохи, члены партии покидают партию (например, на „Красном треугольнике“ из партии вышло*

10 %). Что в самом Политбюро неблагополучно, что там образовано 3 группы: 1) Томский с Бухариным, 2) Рыков и 3) Сталин, что Сталин на основании физических разговоров должен балансировать и что такое положение долго продолжаться не может»[519].

Документы архива свидетельствуют, что в 1929 году Л. О. Ханику дважды выносились партийные взыскания: одно — *«за выпивку и нарушение партэтики»,* второе — *«за устройство на работу чуждых элементов, склоку и нетактичное поведение»*. Третий выговор был в ноябре 1933 года *«За игнорирование парторганизации и приказов директора».*

Наверное, у Ханика был непростой характер. Он имел свое мнение и всегда его отстаивал. Это зачастую служило источником конфликтных ситуаций. Возможно, Ханик допускал критические замечания в адрес Сталина, политики партии, но он, безусловно, не был «врагом народа» и тем более не принимал участие в убийстве Кирова.

Между тем 10 декабря 1934 года органами НКВД в Ленинграде были арестованы еще три члена пресловутого «Ленинградскою центра»: Владимир Соломонович Левин, Лев Ильич Сосицкий, Николай Петрович Мясников. Что их объединяло?

Во-первых, все они до ареста вообще не знали о Николаеве. На допросах, очных ставках они категорически отрицали знакомство с Николаевым.

Во-вторых, все трое прошли через Гражданскую войну в качестве командиров. Так, Сосицкий прослужил в Красной армии 9 лет. Последняя его должность — военком 58-го стрелкового полка. С первых дней 1918 года служил в армии и Левин. В 1926 году его увольняют в запас с должности начальника политотдела Петроградского укрепрайона. Почти десять лет отдал Красной армии Мясников. Место его службы — различные регионы Сибири.

В-третьих, все они сторонники Троцкого, Лашевича. Разделяли взгляды последних по ряду проблем развития страны. Подпись Сосицкого стояла под оппозиционными платформами «13» и «83». За участие в оппозиции Сосицкий и Левин XV съездом исключались из партии. Не избежал этой участи и Мясников, изгнанный из партии Сибкрайкомом ВКП(б) в 1927 году.

Левин, Мясников и Сосицкий подавали апелляции в вышестоящие органы партии и были восстановлены в ее рядах. Однако из армии — демобилизованы. На гражданке их жизнь складывалась нелегко. Длительное время они находились без

работы. Представляет интерес письмо В. С. Левина, написанное летом 1927 года. Приведу его почти полностью:

«Председателю ЦКК ВКП(б) Орджоникидзе, копия Зиновьеву и секретарю Ленинградского губкома тов. Кирову.

В начале июня 1927 года снят с должности зав. аптекой Центрально-Городского района и направлен в распоряжение Севзапбюро ЦК, которое направило в Череповец — зав. аптекой. Для меня полная неожиданность. Попытки связаться с кем-либо из руководящего состава губкома — безуспешны. 6 дней простоял у кабинета Кирова. Секретарь отвечает, то нет, то — занят, принять не сможет. Орграспред губкома Комаров отказался выслушать».

Какова же была реакция Кирова на это письмо? Вместо Череповца Левин был направлен на работу в Лугу. Исходя из реальной ситуации тех лет, это был гуманный акт.

В Луге, как мы помним, работал Николаев. Однако знакомство их не состоялось, ибо, когда Левин приехал, Николаев уже покинул этот уездный городок. В 1928 году Левин возвращается в Ленинград. Следует отметить, что в конце 1932 года Владимира Соломоновича командируют в Западную Сибирь — необходимо было ускорить мясозаготовки, быстрее отгрузить продукты в Ленинград. Это было ответственное задание. (Напомним, что в ряде регионов страны был тогда голод.) Командировочное удостоверение было подписано Кировым[520], который придавал этой миссии очень большое значение, лично беседуя с каждым своим эмиссаром. Вероятнее всего, беседа состоялась и с Левиным.

Сосицкий и Мясников тоже вернулись в Ленинград. После некоторых мытарств они заняли руководящие должности. Сосицкий стал директором авторемонтного завода имени Ленсовета, а Мясников — заместителем заведующего орготдела Ленсовета.

В ходе следствия двое — Мясников и Левин — признали себя виновными *«лишь в принадлежности к подпольной группе бывших зиновьевцев»,* Сосицкий же заявил и «о своей принадлежности к „Ленинградскому центру"», и о том, что *«слышал о террористических настроениях».*

Итак, все трое дали признательные показания на допросах. И пусть признали не все, что предъявлялось следствием, но все-таки кое-что признали. Почему? Сначала замечу, что не все протоколы допроса ими подписаны. Следовательно, нельзя исключить фальсификации. Но на некоторых — их собственноручная подпись. Предположить опять-таки можно одно: сказалось моральное состояние обвиняемых, вызванное одиночным

заключением и мощным психологическим прессингом со стороны следователей. Обдумывая в камерах свое положение, они не сомневались, что их ждет расстрел. Ведь до своего ареста они успели ознакомиться с Постановлением ЦИК СССР от 1 сентября. Нельзя исключить и того влияния, которое оказывала на обвиняемых социально-политическая атмосфера, царившая в стране после убийства Кирова. Следователи, вероятно, не упустили возможность использовать ее для давления на своих «подопечных». Можно предположить, в какое отчаяние ввергали обвиняемых митинги, партийные собрания с резолюциями «расстрелять!», «уничтожить!» и т. п.

Согласно документам следствия, из 13 членов партии (включая и Николаева) — 12 были исключены из рядов ВКП(б) — 15 декабря и только один — Мясников — 20 декабря (четырнадцатый — Н. Н. Шатский был беспартийный). Важно отметить, что партийные собрания в коллективах, где они состояли на партучете, прошли позднее. Фактически они одобрили то, что уже было решено заочно вышестоящими партийными органами. Такая практика имела широкое распространение в те годы, хотя это являлось грубым нарушением действующего тогда Устава ВКП(б), согласно которому член партии сначала должен был обсуждаться в первичной партийной ячейке. Так, Мясников по материалам следствия исключен 20 декабря, а собрание в его партийной организации прошло 25 декабря.

В Ленинградском партийном архиве хранится протокол этого общего закрытого собрания. Присутствовало — 316 человек. Уклонились от участия в нем 108 человек, из них «по неуважительной причине» — 46. Сегодня не представляется возможных установить имена тех, кто «уклонился», но уже одно нежелание участвовать в подобном акте, отличает их как людей порядочных.

Официально повестка дня партийного собрания называлась: «Итоги ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) (доклад секретаря Смольнинского РК — Касимова)».

О чем же говорили выступающие в прениях?

«Плуме (Ленплан): Убийство Кирова — удар врагов в сердце партии. Требую суровой расправы с белобандитами, убившими Кирова.

Вреде (Ленсовет): В свое время разделял взгляды оппозиции. Считаю своим долгом сегодня еще раз от нее отмежеваться. Мое положение еще более тяжелое. Мясников — мне родственник, мы женаты на родных сестрах, но заверяю, что с Мясниковым в его грязных делах ничего общего не имею.

Антонов (секретарь парткома Облик. и Ленсовета). Задает вопрос: О чем ты на днях звонил Казутовой?

Ответ: — Я с ней советовался, как бы сообщить жене Мясникова, чтобы она отреклась от этого прохвоста и написала через НКВД письмо. Жена Мясникова — член ВКП(б) и она вначале не верила преступлению своего мужа, но когда убедилась, то послала ему письмо с проклятием…

Баринов (Облик): В 32-м году Мясников выпустил книгу „Советский день", в которой протаскивал троцкизм. Партком потребовал снятия его с работы, но из этого ничего не вышло.

Ефимов (Ленсовет): Смотрите до чего обнаглел враг. После убийства Кирова подлец Мясников пришел к Кодацкому и предложил включить в наказ пункт о революционной бдительности, мотивируя убийством Кирова.

Касс (Ленсовет): Я докладывал на избирательной комиссии о плохой явке семей рабочих на выборные собрания. Из этого сделал вывод, что это дело классового врага. На комиссии присутствовали — Кодацкий, Угаров, но на мое заявление они внимания не обратили. А после заседания мне Мясников сказал, что нельзя видеть в пустяках классовую борьбу… Вот вам его лицо, и этот прохвост Мясников был вхож к нашим руководителям и пользовался у них уважением. Посмотрите, все бывшие оппозиционеры устроились на тепленьких местах, а мы прохлопали.

Ибрагимов (Облик): Я не верю ни одному бывшему оппозиционеру, многих из них нужно исключить из партии, террористов — врагов народа — физически истребить. По-моему, преступление Зиновьева, Каменева и других руководителей оппозиции не меньше преступления Николаева и всем им одна дорога.

Антонов: Я призываю вас на деле показать нашу большевистскую бдительность. Город Ленина нужно очистить от всего контрреволюционного охвостья»[521].

Такова была действительность, атмосфера тех лет. Вдумайтесь в смысл сказанного на собрании. Жене предлагают написать письмо на мужа в НКВД. И она его написала, да еще и с проклятиями. Еще нет обвинительного заключения прокуратуры, суда, но Мясников уже «убийца», «враг». «Террористов — врагов народа — истребить физически!». И наконец, общее настроение по отношению к оппозиционерам — «ни одному» не верить, причем уже поставлены в один ряд Николаев, Каменев и Зиновьев.

Безусловно, подобная атмосфера всеобщей ненависти оказывала громадное воздействие на душевное состояние

арестованных, заставляла их на допросах признаваться не только в причастности к оппозиционной деятельности, но и к подпольным троцкистско-зиновьевским группам.

Последним, 13-го декабря был арестован Сергей Осипович Мандельштам, уроженец г. Риги, член партии с 1917 года. Ему было 38 лет. Он рано начал трудиться на прославленном Путиловском заводе, затем четыре года провел на фронтах гражданской войны, после демобилизации вернулся на свой завод. Сторонник Зиновьева, Мандельштам вскоре после XIV съезда ВКП(б) направляется на работу в Архангельскую губернию, где губернской контрольной комиссией ВКП(б) в 1928 году исключается из партии. После неоднократных обращений в Ленинградский обком партии, ЦК ВКП(б) в апреле 1929 года Сергея Осиповича восстанавливают в правах члена ВКП(б) с отметкой в партдокументах о пребывании вне партии с января 1928 по апрель 1928 года. Ему разрешают вернуться в Ленинград. Перед арестом он работал заместителем руководителя экономического сектора «Гипромеза»[522].

Еще по совместной работе на Путиловском заводе Мандельштама хорошо знал Н. И. Ежов. Видимо, «по знакомству», он лично допрашивал его. Бывший чекист Р. О. Попов рассказывал об этом так: *«Мне позвонил Луллов* (зам. начальника одного из отделений СПО. — *А.К.*), *попросил срочно зайти к нему. Я пришел. У него сидел арестованный. Луллов сказал „покарауль" и вышел. А через несколько минут вернулся, но уже вместе с Ежовым и А. Косаревым. Ежов подошел к арестованному, сел сбоку на край стола, назвал его „Сергеем" и стал вспоминать, как они вместе работали на Путиловском заводе и боролись там с меньшевиками. А потом Ежов стал убеждать Мандельштама сознаться в преступлении против Кирова, говоря: „Вы подали заявление об отказе от своих взглядов, но сами сохранили их, встречались, культивировали ненависть к руководству партии — Сталину, Молотову, Кирову, хотя имя его не называли, вербовали своих сторонников, выступали против диктатура пролетариата“»*.

В ходе следствия Мандельштам признал себя виновным как в принадлежности к подпольной группе бывших оппозиционеров, так и в том, что он является членом «Ленинградского центра». Однако, несмотря на все ухищрения Ежова, отказался признать себя виновным в убийстве Кирова.

Пока на заводах и фабриках, вузах и учреждениях шли собрания, а на улицах — митинги, на Литейном 4 — в здании УНКВД по Ленинградской области следственная бригада во главе с Я. С. Аграновым и представителем Прокуратуры СССР

Л. Р. Шейниным лихорадочно заканчивала работу по «увязке» всех материалов следственного дела.

22 декабря Наркомат Внутренних дел СССР опубликовал наконец данные «предварительного расследования», согласно которым убийство Кирова было совершено Николаевым в качестве члена «*террористической подпольной антисоветской группы, образовавшейся из числа участников бывшей зиновьевской оппозиции в Ленинграде*».

На следующий день, 23-го, НКВД СССР сообщил об аресте 15 видных вождей бывшей левой оппозиции. Среди них; Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бардин, Куклин и другие, многие из которых жили и работали в Ленинграде до появления там С. М. Кирова.

И наконец, 27 декабря публикуется «Обвинительное заключение» по делу Николаева, Котолынова и других.

Суд

«Обвинительное заключение по делу Л. В. Николаева, И. И. Котолынова, Н. П. Мясникова, Н. Н. Шатского, С. О. Мандельштама, Г. В. Соколова, И. Т. Юскина, В. В. Румянцева, В. И. Звездова, Н. С. Антонова, А. И. Толмазова, В. С. Левит, Л. И. Сосицкого, Л. О. Ханика, обвиняемых в преступлениях, предусмотренных статьями 58–8 и 58–11 Уголовного кодекса РСФСР было подписано следователем по особо важных делам Прокуратуры СССР Л. Шейниным, заместителем Генерального прокурора СССР А. Вышинским. Его утвердил Генеральный прокурор СССР И. Акулов»[523]

Впоследствии, уже после XX съезда КПСС, давая объяснения в комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова, Лев Шейнин сказал: *«Обвинительное заключение писал лично Вышинский… Он же два-три раза ездил с Акуловым в ЦК к Сталину, и тот лично редактировал это обвинительное заключение. Я это знаю со слов Вышинского, который восторженно говорил о том, как тщательно и чисто стилистически редактировал Сталин этот документ и о том, что Сталин предложил раздел „формула обвинения"»*[524].

Проект обвинительного заключения и приложенная к нему записка Ежова и Акулова с просьбой обсудить проект были направлены в ЦК ВКП(б). На записке Сталин поставил резолюцию: *«Молотову и др. членам ПБ* (Политбюро. — *А.К.). Предлагаю собраться завтра или сегодня ночью. Лучше сегодня в 9 часов»*[525].

25 декабря обвинительное заключение обсудили члены Политбюро, а через два дня оно было опубликовано.

Что бросается в глаза даже при поверхностном анализе обвинительного заключения?

Тщетны попытки найти в этом документе какие-либо разъяснения по поводу причастности к убийству Кирова 103 расстрелянных «белогвардейцев». Хотя о них много сообщала пресса в первые дни декабря, правда, тоже не приводя никаких конкретных фактов о подготовленных или совершенных этими осужденными террористических актах.

В «Обвинительном заключении» не получила своего развития и убедительной аргументации и версия «Консул». Однако упоминание о ней там есть.

Вопреки имеющимся у следствия материалам, в «Обвинительном заключении» не получила никакого отражения

версия убийцы-одиночки. Напомню еще раз, в течение 8 дней на допросах Николаев неоднократно заявлял: *«Я отомстил!», «совершил террористический акт в одиночку!».* Более того, следствие располагало и вещественным доказательством по этой версии: дневником Николаева, копиями его писем и жалоб в различные инстанции, а также собственноручно написанным подробным планом совершения убийства. Наконец, следствию были хорошо известны и мотивы, которыми руководствовался Николаев, совершая этот теракт.

Как и следовало ожидать, в «Обвинительном заключении…» главное внимание уделялось изложению версии организованного заговора. Она получила прямое отражение даже в названии самого документа — *«Обвинительное заключение по делу Л. В. Николаева, И. И. Котолынова, Н. П. Мясникова, Н. Н. Шатского, С. О, Мандельштама, Г. В. Соколова, И. Т. Юскина, В. В. Румянцева, В. Л. Звездова, Н. С. Антонова, А. И. Толмазова, В. С. Левина, Л. И. Сосицкого, Л. О. Ханика, обвиняемых в преступлениях по статьям 58–8 и 58–11 Уголовного кодекса РСФСР».*

По статье 58–8 привлекались лица, совершившие террористические акты против представителей советской власти или участвующие в их выполнении. По статье 58–11 — каралась всякого рода организационная деятельность, а равно и участие в контрреволюционной пропаганде и организации.

Таким образом, привлечение по этим статьям автоматически обозначало обвинение в контрреволюционном заговоре, преследующем террористические цели.

«Мотивами убийства Кирова, — говорилось в этом документе, — *совершенного антисоветской подпольной троцкистско-зиновьевской группой, явилось стремление этой группы отомстить Кирову за разгром бывшей зиновьевской оппозиции, дезорганизовать советское и партийное руководство страны и добиться таким путем изменения его политики».*

После публикации «Обвинительного заключения» продолжалась обработка общественного мнения. Уже 27 декабря повсеместно прошли собрания и митинги, главное требование которых — требование *«немедленного расстрела всех членов контрреволюционной террористической организации».* Реакция на «Обвинительное заключение» советской интеллигенции тех лет ошеломила Запад, в том числе и представителей российской социал-демократии, бывшей в эмиграции. Поэты, писатели, артисты, инженеры, ученые — эта «новая знать» советской страны, — отмечал журнал меньшевиков «Социалистический Вестник», — *«состязаются друг с другом в кровожадной истерии»,*

при этом они быстрее всех сориентировались *«какой собственно политической реакции добивается диктатура»*[526].

В «Правде» Михаил Кольцов поместил статью «Убийцы из „Ленинградского Центра"», клеймя позором предательство «жалких подонков бывшей зиновьевской оппозиции», призывая к повышению классовой бдительности, беспощадной борьбе с изменниками и предателями. Он требовал скорейшего расстрела всех причастных к теракту против Кирова. Через пять лет Кольцов сам взойдет на эшафот. Вот уж поистине прав был Тютчев: *«Нам не дано предугадать, как слово наше отзовется…»*

Публикация «Обвинительного заключения», одобрение его широкой общественностью, ее требования — немедленного расстрела всех участников подпольной, контрреволюционной, антисоветской группы, состоящей из сторонников троцкистско-зиновьевской оппозиции, завершили подготовку к судебному процессу над 14 обвиняемыми.

Сам процесс, по мнению тех, кто его готовил, должен был пройти быстро. Ведь согласно постановлению, принятому еще 1 декабря 1934 года Президиумом Верховного Совета СССР за подписью Калинина и Енукидзе, предписывалось: *«…вести дело обвиняемых в подготовке или свершении террористических актов ускоренным порядком; судебным органам — не задерживать исполнения приговоров о высшей мере наказания из-за ходатайств преступников данной категории о помиловании… Органам Наркомвнудела — приводить приговоры о высшей мере наказания в отношении преступников вышеуказанных категорий немедленно по вынесении судебных приговоров»*[527].

Текст постановления написан рукой Кагановича. Однако, несомненно, Сталин принимал участие в его составлении. Некоторые публицисты и историки утверждают, что оно вообще было написано Сталиным еще до 1 декабря, так как, мол, у него в этот день было мало времени. И на этом основании заявляют о причастности Сталина к трагедии в Смольном, о которой он якобы знал заранее, а потому и заранее готовился к массовым репрессиям. Но аргумент о «нехватке времени», по-моему, не выдерживает критики. Времени для написания постановления у отъезжающих в Ленинград членов Политбюро (в том числе и Сталина) было более чем достаточно. Об убийстве Кирова Чудов сообщил Сталину почти сразу же после 17.00. Последний немедленно собрал высшее руководство страны. В Ленинград Сталин и его спутники выехали через 6–7 часов. Так что время для подготовки документа было. Более того, при внимательном чтении постановления создается впечатление: его авторами владело одно чувство — ярость. Отсюда — юридические его

неточности. Типа: *«судебным органам не задерживать исполнение приговоров»,* хотя общеизвестно, что судебные органы этим никогда не занимались, они лишь выносили приговоры. Поэтому, думаю, не случайно через несколько дней появляется другое постановление — *«О расследовании и рассмотрении дел о террористических актах против работников Советской власти и внесении изменений в действующие уголовно-процессуальные кодексы».* Приведу его полностью:

«1. Следствие по этим делам заканчивается в срок не более десяти дней.

2. Обвинительное заключение вручать обвиняемым за одни сутки до рассмотрения дела в суде.

3. Дело слушать без участия сторон.

4. Кассационного обжалования приговоров, как и подачи ходатайств о помиловании, не допускать.

5. Приговор к высшей мере наказания приводить в исполнение по вынесении приговора»[528].

С точки зрения юридических норм этот документ был более грамотным, а с точки зрения моральных принципов более жестоким. Это сразу же заметил великий физиолог академик И. П. Павлов: *«…никакой защиты, никакой кассации осужденным. Убийцу царя, освободившего крестьян* (Александра II. — *А.К.*) *и сделавшего немало хорошего, судили 50 лет тому назад судом с защитой и кассацией»*[529].

Первыми, испытавшими на себе всю тяжесть этого постановления, были участники так называемого «Ленинградского центра».

Однако как ни старались следователи самых высоких рангов, в десятидневный срок они уложиться не смогли. В связи с этим они обратились с просьбой продлить следствие еще на 10 дней и получили на это разрешение.

19 декабря 1934 года следователь по важнейшим делам при прокуратуре Союза ССР Шейнин допрашивал Ивана Ивановича Котолынова.

Котолынов: *«Показания, данные ранее, подтверждаю. Я видел Николаева в последний раз летом 1932 или 1933 года, встретив его в райкомовской столовой. При этой встрече с Николаевым не вел никаких политических разговоров… С Николаевым у меня не было вражды и у него нет причин меня оговаривать…»* Протокол допроса подписали: Котолынов (Записано верно), следователь Шейнин, прокурор Союза ССР Акулов и зам. прокурора Союза ССР Вышинский (см. приложение к книге).

После ознакомления с обвинительным заключением 27 декабря 1934 года Котолынов пишет заявление в Военную

коллегию Верховного Суда СССР: *«…я должен сообщить следующее:*

1. О существовании контрреволюционной террористической подпольной группы из числа участников бывшей зиновьевской группы мне ничего не было известно и к такой группе я лично не принадлежал. Я принадлежал к нелегальной группе бывшей зиновьевской оппозиции.

2. Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ни политических настроений, ни политических взглядов Николаева я совершенно не знал, также я не знал, принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зиновьевской оппозиции…

Что касается показаний Николаева обо мне — есть просто ложь, клевета или бред сумасшедшего»[530].

Закрытое судебное заседание Военной коллегии Верховного Суда СССР по делу Николаева и других происходило в Ленинграде. Началось оно 28 декабря в 14 часов 20 минут и продолжалось до 6 часов 40 минут 29 декабря. Председательствовал на суде В. В. Ульрих, членами Военной коллегии выступили И. Матулевич и А. Горячев, секретарем коллегии являлся Батнер. В процессе суда было допущено значительное процессуальное нарушение — главный обвиняемый Л. В. Николаев допрашивался в отсутствии остальных обвиняемых.

Автор книги располагает частично ксерокопиями судебных заседаний и допросов на суде отдельных обвиняемых. Они публикуются в приложении. Однако некоторые допросы, в том числе перекрестные, по-моему, заслуживают того, чтобы их привести и здесь:

«Николаев: Ты обещал билет мне доставать по своей линии. Ты сказал „я пойду, достану…” (имеется в виду билет на актив в Таврический дворец. — А.К.)

Соколов: Да, я это сказал, что пойду достану билет, потому что надеялся достать билеты в Облисполкоме.

Председатель: Вы знали, что Николаев имеет террористические настроения?

Соколов: Знал…

Председатель: Подсудимый Котолынов, признаете себя виновным в предъявленных обвинениях?

Котолынов: Нет, не по всем пунктам…

Председатель: Вы принадлежали к контрреволюционной организации в Ленинграде?..

Котолынов: Дело в том, что XV съезд ВКП(б) принял решение о роспуске фракций и группировок, в противном случае это будет считаться контрреволюционной организацией. Говорилось о

роспуске зиновьевской фракции, но она распущена не была и продолжала существовать, влача жалкое существование, т. к. люди между собой встречались, обменивались информацией, велись разговоры…

Председатель: Вы помните очную ставку между вами и Николаевым по поводу разговора о совершении террористического акта над Кировым. Вы сегодня в каком настроении: будете подтверждать или отрицать.

Котолынов: Это зависит не от моего настроения. Мои показания обусловлены не настроением, а тем, что было и чего не было. То, что было я могу сказать; чего не было — я категорически буду отрицать по-прежнему.

Председатель: Вы же подтвердили 6-ть вариантов Ваших показаний, что руководители московской и ленинградской организаций систематически проводили мысли, которые создавали террористические настроения у ваших единомышленников, и Николаев говорит, что в результате разговора с Вами у него тоже появились террористические настроения.

Котолынов: Это неправда, что в результате разговоров со мной, потому что я не виделся с ним с 1924 года, если не считать мимолетную встречу летом 1932 года или 1933 г. в столовой.

Председатель: Подсудимый Николаев, что Вы скажете в отношении слов Котолынова о том, что он с Вами не виделся в последнее время и не имел разговоров террористического характера. Как было на самом деле.

Николаев: Котолынов меня возможно не узнает и забыл с 1924 года, в то время как я был связан с Антоновым до последних дней. Мои с ним встречи в 1934 г. опять возобновили. Знаю Котолынова с 1923 г. Из бесед с Шатским я узнал, что вокруг Котолынова группируются старые комсомольцы-оппозиционеры, и когда Шатский сделал мне предложение вступить в организацию, поговорить с группой Котолынова, то я прежде всего обратился к Котолынову, затем вел разговоры с отдельными товарищами.

Котолынов являлся, безусловно, нашим руководителем, руководителем нашей группы. О террористических настроениях против руководителей партии, Советской власти, в частности, против Сталина — мы с ним при встрече в сентябре-октябре говорили.

Котолынов: Позвольте мне сказать.

Председатель: Пожалуйста.

Котолынов: Как и всякое ложное показание имеет внутренние противоречия, так и показания Николаева. Он говорит, что лично виделся со мной и заявляет, что Котолынов не мог не знать через других товарищей. Нужно сказать прямо, с 1923 по 1933 виделся

ты с Котолыновым? Ответь прямо и четко?

Председатель: Вы говорите суду и не обращайтесь к Николаеву».

Документы судебного заседания столь обширны, что нет никакой возможности привести их целиком даже в приложении. Но не могу не ознакомить читателя хотя бы с небольшими отрывками из последних выступлений подсудимых перед оглашением приговора:

«Юскин: Я не могу сказать, что знал о террористическом акте… За все время пребывания в партии не участвовал ни в каких оппозициях, не был ни в каких оппозиционных группах… Прошу великодушно судей дать мне возможность на самых тяжелых участках работы в концлагерях по капельке отдать свою жизнь, чтобы хотя этим загладить свою вину перед партией, перед моим классом.

Соколов: Яне знал, что Николаев персонально должен убить Кирова… Учитывая тяжесть преступления, я просил бы суд дать мне возможность всеми силами, всей жизнью, трудом, работой смыть это пятно и вымолить прощение у партии и Советского правительства…

Толмазов: Я членом центра не был, об убийстве Кирова и вообще о террористических актах разговора не было. Террористическая деятельность прошла мимо меня…

Шатский: Никакой связи с террористической группой я не имел и о подготовке теракта над Кировым не знал…

Ханик: Я категорически отрицаю, что знал Николаева, я не контрреволюционер, те подлец, а сын рабочего класса.

Румянцев: К террористической группе не принадлежал, о ее существовании не знал.

Мандельштам: Категорически отвергаю свое участие в террористических действиях.

Звездов: Мысль о теракте не приходила в голову.

Левин: Я сам Николаева вижу в первый раз, до этого дня с ним не встречался.

Мясников: Никакой связи с контрреволюционной, террористической группой не имел, ни о каких подготовках терактов над Сталиным и Кировым ничего не слышал и не знал, виновным себя не признаю.

Котолынов: С полной ответственностью в последний раз заявляю, что я виноват в контрреволюционной зиновьевщине. Я морально отвечаю за тот выстрел, который был сделан Николаевым, но в организации этого убийства я участия не принимал. Вот этого человека — Юскина — я первый раз вижу; этого человека Соколова — первый раз вижу. Я действительно

знал Антонова, действительно знал Звездова, с которыми встречался по Институту, но я никогда от них не слышал об убийстве Кирова. Поэтому я их прошу — в последний раз сказать — правду[531]. *…Я пришел в комсомол в 14 1/2 лет, в партию — 15 1/2 лет. Мы привыкли работать с утра до вечера, не считаясь со здоровьем, ни с силами. У нас самое высокое, самое дорогое была — партия. Партия была все. У нас была беззаветная любовь к вождям… С тех пор, как мне стали говорить о Николаеве и т. д., я просто не верил… Я об этом говорил Миронову и Дмитриеву. В течение последних дней мне все на следствии заявляли: ты лжешь, все нити ведут к тебе и ты задерживаешь следствие. Я рассказал все, разоружился до конца. Десять дней я находился в таком напряженном состоянии, что смерть — это для меня не самое страшное. Что я хочу сказать. — Я стою буквально на коленях перед судом и клянусь, что ни от Антонова, ни от Звездова, ни от Николаева ничего не слышал о террористическом акте. Я в своем слове даже ничего не говорил в свою защиту. Я говорил, что требую суровой кары, несмотря на то, что жизнь моя сложилась очень исковерканно».*

После выступления Котолынова суд удалился на совещание для вынесения приговора. В 6 часов 40 минут 29 декабря суд возвратился с совещания и огласил приговор.

Несмотря на отсутствие вещественных доказательств, полностью отрицание своей вины по всем пунктам предъявленного следствием обвинения, все 13 человек, а также Николаев (полностью признавший свою виновность и давший показания, несомненно, ложные, против всех других) были приговорены Военной Коллегией Верховного Суда СССР к расстрелу с конфискацией всего лично принадлежащего им имущества.

Впрочем, вряд ли был вообще возможен другой приговор. Уже после XX съезда КПСС, в 60-е годы, давая объяснения в комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова, три, причем весьма ответственных и несомненно знающих участника этого процесса, Горячев, Матулевич и Батнер, рассказывали: Сталин вызвал Ульриха и Вышинского в Москву для согласования приговора и организации процесса. Ульриху было приказано с процессом управиться за два дня, а всех обвиняемых приговорить к расстрелу. Приговор был отпечатан на пишущей машинке в Москве, и привез его с собой в Ленинград Вышинский.

Но, вероятно, на заседании выездной сессии Военной коллегии Верховного Суда СССР в Ленинграде у Ульриха возникали какие-то сомнения как в целесообразности продолжения суда, так и в мере наказания подсудимым,

предусмотренной привезенным из Москвы приговором. Есть сведения, что Ульрих дважды звонил Сталину, но последний потребовал продолжить процесс и всех обвиняемых — расстрелять.

Эти утверждения Горячева, Матулевича и Батнера заслуживают доверия. Они подтверждаются свидетельством перед той же комиссией Г. А. Аристовой-Литкенс. Сожительница Ульриха, она присутствовала на всех заседаниях судебного процесса и несомненно владела обширной закулисной информацией.

По ее словам, после первого признания Николаева на суде: *«я действовал в одиночку»,* Ульрих действительно хотел возвратить дело на доследование и звонил Сталину, но тот сказал: *«Какие там еще доследования. Никаких доследований. Кончайте… процесс».* Вторично Ульрих разговаривал со Сталиным перед вынесением подсудимым смертного приговора, напоминая об обещании Сталина Николаеву 2 декабря (сохранить жизнь в обмен на выдачу соучастников). Фраза Сталина звучала категорично: *«…всем должна быть одна мера — расстрел»*[532].

Вокруг этого судебного процесса вообще ходит немало легенд. При этом чаще всего ссылаются на фамилию Гусева. Так кто же он? Сотрудник центрального аппарата НКВД, он персонально нес охрану Николаева на суде. Уже после XX съезда КПСС он рассказывал членам комиссии по расследованию обстоятельств убийства Кирова о том, что Николаев после своих вторичных показаний кричал: *«Что я сделал! Что я сделал! Никакого центра не было! Теперь они меня подлецом назовут. Все пропало».* А когда был оглашен приговор, он воскликнул: *«Обманули!».* И стукнулся головой о барьер. *«Это жестоко. Неужели так?», «Не может быть… Обманули!»* Далее Гусев утверждал, что Николаев был уверен: ему определят срок в 3–4 года[533].

Если исходить из того, что рассказ Гусева достоверен, а скорее всего так оно и было, то цена ложного оговора Николаевым невинных людей — его жизнь и небольшой срок тюремного заключения.

Итак, все 14 человек были приговорены к расстрелу. Теперь мы знаем, когда и как приводился в исполнение этот приговор.

В спецдонесении от 29.12.34 года в Москву Агранов указывал: *«Почти все обвиняемые выслушали приговор подавленно, но спокойно».* Присутствовавший при расстреле осужденных чекист Кацафа показал: *«Вначале были расстреляны Николаев, Шатский, Румянцев и другие; Котолынов остался последним. С ним стали беседовать Агранов и Вышинский. Они ему сказали: „Вас сейчас*

расстреляют, скажите все-таки правду, кто и как организовал убийство Кирова. На это Котолынов ответил: „Весь это процесс — чепуха. Людей расстреляли. Сейчас расстреляют и меня. Но все мы, за исключением Николаева, ни в чем не повинны…”»[534].

Все четырнадцать человек были расстреляны через час после вынесения приговора утром 29 декабря. Командовавший расстрелом комендант Ленинградского управления НКВД некто Матвеев потом рассказывал сослуживцам: «*…Я поднял Николаева за штаны и заплакал — так мне было жалко Кирова».*

Спустя 56 лет, 30 ноября 1990 года состоялся пленум Верховного суда СССР. Он рассмотрел протест и. о. Генерального прокурора СССР по делу Л. В. Николаева, И. И. Котолынова, Н. Н. Шатского, В. В. Румянцева, С. О. Мандельштама, Н. П. Мясникова, В. С. Левина, Л. И. Сосицкого, Г. В. Соколова, И. Г. Юскина, В. Л. Звездова, Н. С. Антонова, Л. О. Ханика, А. Л. Толмазова. Приговор выездной сессии Военной коллегии Верховного суда СССР, вынесенный 29 декабря 1934 года, был признан незаконным и отменен. Уголовное дело в отношении 13 ленинградцев, расстрелянных по этому приговору, было прекращено за отсутствием в их деяниях состава преступления.

Справедливость по отношению к ним спустя пятьдесят шесть лет восторжествовала.

Приговор в отношении Л. В. Николаева по статье 58 п. 8 УК РСФСР оставлен без изменений[535].

И все-таки необходимо ответить еще на один вопрос, стоящий в эпицентре всех дискуссий, которые развернулись вокруг убийства С. М. Кирова. Стоял ли Сталин за спиной Николаева? Направлял ли он руку НКВД? И вообще — какие отношения были между Кировым и Сталиным?

Глава 3
Мифы и реальность

Сталин и Киров

Труден путь к исторической правде. Особенно труден тогда, когда какое-либо событие используется в политических целях. Убийство Кирова относится к этому разряду.

Оно было той козырной картой, которая разыгрывалась многими политическими лидерами в своих целях. Сначала ее цинично использовал Сталин для укрепления режима личной власти, создания в стране обстановки страха и беспрекословного повиновения. Затем трагическим выстрелом в Смольном воспользовался Н. С. Хрущев для развенчания культа личности великого диктатора.

И наконец, сегодня в условиях вседозволенности и так называемого плюрализма появились статьи, авторы которых не затрудняют себя поисками документов, не обременены стремлением объективно разобраться в том, что же случилось 1 декабря 1934 года. Их главная цель — еще раз заявить, что «Сталин — убийца Кирова», не располагая при этом ни прямыми, ни косвенными доказательствами, но широко используя мифы, легенды, сплетни. Единственная объективная передача по телевидению, посвященная убийству Кирова, была в рубрике «Кремль-9».

Не претендуя на абсолютную истину, хотелось бы высказать некоторые соображения по поставленному вопросу: Сталин и Киров.

А. Антонов-Овсеенко называет Софью Львовну Маркус — сестру жены Кирова — «крестной» матерью Сергея Мироновича в его революционной деятельности. Но это не соответствует действительности.

Партийная деятельность Кирова началась в Томске в 1904 году. Там он активно участвовал в первой русской революции. Трижды сидел в тюрьме. Оттуда вынужден был бежать на Северный Кавказ и оказался во Владикавказе. Шел 1909 год.

Софья Львовна Маркус начинала свою революционную работу в Екатеринославе, в январе 1905 года она приехала в Петербург и оказалась в тюрьме. После освобождения около двух лет прожила в Москве, затем — Симбирск, Баку, откуда в 1910 году приехала снова в Петербург и поступила на Высшие курсы им. Лесгафта.

О. Г. Шатуновская ошиблась, когда в газете «Сельская жизнь» от 23 сентября 1990 года написала, что С. Л. Маркус — член партии с 1911 года. В действительности у нее партстаж с 1905 года. В своих автобиографиях она неоднократно указывала: познакомилась с Кировым во Владикавказе *«в 1911 году летом, когда приезжала на каникулы из Петербурга к родным».* И потом они встретились уже после Октябрьской революции.

С. М. Киров играл заметную роль в социал-демократическом движении Северного Кавказа. Он был хорошо известен тамошним социал-демократам: С. Г. Буачидзе (член партии с 1902 г.), И. Д. Орахелашвили (член партии с 1903 г.) и многим другим, в том числе, вероятно, и Сталину.

Первая (личная) встреча Кирова и Сталина, скорее всего, произошла в октябре 1917 года, когда в Петрограде работал II Всероссийский съезд Советов, делегатами которого они оба были. Сталин, бывший уже в то время членом Политического бюро ЦК РСДРП(б), окружал особым вниманием социал-демократов Северного Кавказа и Закавказья.

Достоверно известно, однако, что в мае 1918 года Сталин собственноручно написал Кирову рекомендательное письмо «в Наркомат внутренних и внешних дел» (так в документе. — *А. К),* указав, что предъявитель его заслуживает «**полного доверия**» (выделено мной. — *А.К.).* Можно допустить (прямых документов нет, но многие «воспоминатели» признают это), что они встречались в года Гражданской войны, имеются шифротелеграммы за подписью Кирова и Орджоникидзе в адрес Сталина. Их знакомство продолжилось и упрочилось, когда Киров стал. работать в Азербайджане. Найдены письма и телеграммы Кирова и Орджоникидзе к Сталину и Сталина к ним обоим, позволяющие судить об их дружеских отношениях.

Так, в щифротелеграмме Кирова к Сталину 29 июля 1922 года сообщается: *«Поручение ЦК от 24 мая мною получено и принято к исполнению».* Еще раньше, 4 февраля, тому же адресату он сообщает: *«…За последнее время на, Кавказе заметно такое явление: почти во всех городах и областях Сев. Кавказа и Азербайджана развивается усиленная агитация против партийных и советских работников, особенно ответственных…».*

Помимо деловых, были и другие — сугубо личные — письма и телеграммы. Приведу лишь одно из писем. Сталин — Орджоникидзе. Сочи. 30 июля 1925 года:

«…Обрати серьезное внимание на себя хоть раз в жизни и лечись по-человечески… Пойми, что уже не так здоров и не так молод…

А Киров что делает там? Лечится от язвы нарзаном? Ведь

этак можно доканать себя. Какой знахарь „пользует“ его? Долго ли пробудете в Кисловодске?

Я думаю направиться в Крым. Лечусь аккуратно. Мацестинская вода действует много лучше, чем ессентукские грязи.

Как бы нам повидаться? Не можете ли как-нибудь заехать в Сочи? Или, может быть, мне заехать к Вам?

Твой Сталин»[536].

Затем Сталин направляет весьма теплую телеграмму Кирову о том, что он сам приедет в Кисловодск. И действительно, в 1925 году они все трое отдыхали в Кисловодске.

Сталин, вопреки желанию Кирова и сопротивлению Орджоникидзе, настоял на посылке Сергея Мироновича в Ленинград.

Сталин способствовал укреплению позиций Кирова в Ленинграде. Не любивший выезжать из Москвы, Сталин трижды приезжал в Ленинград. В апреле 1926 года, в 1928 и 1933 годах. И почти каждый раз встречался с партийным активом. Причем, за исключением 1926 года, Сталин останавливался на квартире у Кирова.

17 июля 1928 года Киров пишет жене:

«Дорогая Маруся!

Письмо твое получил. Ответил телеграммой… Был у меня два-три дня Сталин. Съездили с ним на Волхов, позавчера Сталин уехал. Ты спрашиваешь об отпуске. Я мог бы поехать в отпуск и 5, и 10 августа, но дело в том, что с 1-ого августа начинается охота. Спутники мои, конечно, ждать меня не станут… Вот почему я решил начать отпуск с 1-ого августа. Едем довольно далеко…

Целую, твой Сергей»[537].

Летом 1926 года Киров становится кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б), а в июле 1930 года — членом Политбюро. И хотя статьи Кирова нет в сборнике «Сталин», выпущенном ГИЗом в 1929 году тиражом 300 тыс. экземпляров в связи с 50-летием Сталина (замечу, что среди его авторов значатся Калинин, Каганович, Куйбышев, Ворошилов, Куусинен, Мануильский, Крумин, Адоратский, Н. Попов, Микоян, Орджоникидзе, Ярославский, Бубнов, Савельев, Енукидзе, Д. Бедный), на юбилейных торжествах у Сталина он был.

В 1931 году Киров и Сталин вместе отдыхали в Сочи. Правда недолго, так как в августе Киров уехал на охоту. Так он обычно начинал свой отпуск..

5 сентября 1931 года Н. С. Аллилуева пишет в письме к Сталину: *«Звонила Кирову, его нет сейчас в Ленинграде, когда*

будет позвонит мне, но фактически я не знаю даже о чем с ним говорить, т. к. это поручение, мне кажется, было сделано не серьезно»[538].

9 сентября того же года Сталин сообщает в Москву жене: «*Приехала Зина*[539] *(без жены Кирова)».* А через два дня Надежда Сергеевна пишет Сталину: *«Звонила Кирову, он решил выехать к тебе 12/IX, но только усиленно согласовывает средства сообщения. О Громме*[540] *он расскажет тебе все сам».* Еще 11 сентября Киров из Москвы отправил Сталину шифротелеграмму с просьбой разрешить вылететь самолетом, в ответной телеграмме (тоже шифровке) Сталин ответил: *«не имею права и никому не советую давать разрешения на полеты. Покорнейше прошу приехать железной дорогой. Сталин».* 19 сентября 1931 года Сталин пишет: *«Здравствуй, Татька!.. Здесь погода хорошая. Я с Кировым проверили вчера ночью (в 12 ч.) температуру внизу на Пузановке* (так в тексте. — *А.К.*) *и вверху, где я теперь живу …С Кировым провели время хорошо»*[541].

После самоубийства Н. С. Аллилуевой Сталин сам позвонил Кирову и попросил приехать на ее похороны. И с этого времени, бывая в Москве, Киров почти всегда останавливался на квартире у Сталина.

З. Г. Орджоникидзе писала в 1935 году: *«…Бывая в Москве, Киров всегда останавливался у нас, но после смерти Надежды Сергеевны у нас чаще всего ночевал кировский портфель, а сам он пропадал у Сталина, туда часто на ночь уходил и Серго».*

Это же подтверждает и С. Л. Маркус, на воспоминания которой так любит ссылаться Антонов-Овсеенко. Она их написала в 1940 году, но после XX съезда собственноручно вторично отредактировала, подписала и поставила дату — январь 1959 года, при этом приводимый ниже факт не подвергся редакции: *«За последние годы после смерти жены Сталина у Сергея Мироновича со Сталиным установилась дружба. Когда Сергей Миронович приезжал в Москву, он всегда останавливался у Серго, который без Сергея Мироновича не садился ни завтракать, ни обедать. В последние годы он тоже заезжал к Серго, завтракал с ним, оставлял портфель, уходил в ЦК. Но после заседаний в ЦК Сталин уже не отпускал Кирова и Киров заходил за портфелем только перед отъездом…»*[542].

Способствовал ли Киров созданию культа личности Сталина?

Несомненно.

17 декабря 1929 года состоялся пленум Ленинградского обкома ВКП(б). Он обсуждал вопрос об укреплении пролетарского руководства коллективизацией сельского хозяйства в связи с решением ноябрьского пленума ЦК ВКП(б). Пленум обкома был

плановый, никакого специального пленума в связи с 50-летием Сталина, как это утверждают некоторые публицисты, Киров не собирал. Но он выступил на этом заседании и произнес зажигательную речь в честь юбиляра: *«…если кто-нибудь, прямолинейно и твердо, действительно по-ленински, невзирая ни на что отстаивал и отстаивает принципы ленинизма в нашей партии, так это именно товарищ Сталин… Надо сказать прямо, что с того времени, когда Сталин занял руководящую роль в ЦК, вся работа нашей партийной организации безусловно окрепла… Пусть наша партия и впредь под этим испытанным, твердым, надежным руководством идет и дальше от победы к победе».*

Эта речь Кирова мало чем отличается от тостов и приветствий застойного времени, в дни юбилеев *«дорогого Леонида Ильича Брежнева»* или *«дорогого Никиты Сергеевича».*

Внимательно проанализировав все выступления Кирова и других деятелей ближайшего сталинского окружения (Молотова, Орджоникидзе, Хрущева, Микояна, Кагановича, Ежова и др.), а также тех, кто сначала, пусть даже непродолжительное время, выступал в качестве попутчика «вождя всех эпох и народов» (Зиновьева, Каменева, Бухарина, Радека, Пятакова и др.), можно сделать вывод: Сталина славили все. Одни в силу ораторского мастерства делали это более искусно (Киров, Бухарин), другие — менее. Особенно ярко это проявилось на XVII съезде партии. Приведу лишь некоторые выдержки из выступлений делегатов:

«Под руководством партии и нашего вождя и учителя товарища Сталина мы будем добиваться и добьемся в ближайшие годы новых побед в борьбе за бесклассовое общество» (Андрей Бубнов); *«Мы — единственная страна, которая воплощает прогрессивные силы истории, и наша партия и лично товарищ Сталин есть могущественный глашатай не только экономического, но и технического и научного прогресса на нашей планете… Да здравствует наша партия, это величайшее боевое товарищество… мужественных революционеров, которые завоюют все победы под руководством славного фельдмаршала пролетарских сил, лучшего из лучших — товарища Сталина»* (Николай Бухарин); *«Под руководством Центрального Комитета, вокруг гениального вождя товарища Сталина…»* (Никита Хрущев); *«Сталин был душой всей нашей политики» (Серго Орджоникидзе); «Мы не смогли бы на XVII съезде торжествовать наши величайшие победы, если бы товарищ Сталин так прекрасно не повел вперед дело, оставленное Лениным. Товарищ Сталин высоко поднял теоретическое знамя, оставленное Лениным, и ведет нашу партию так, как вел ее Ленин»* (Анастас Микоян); *«Все свои ошибки осознал достаточно, я повторяю и говорю: голосуй с товарищем Сталиным*

— *не ошибешься»* (Петр Преображенский).

На XVII съезде ВКП(б) в 1934 году Киров в прениях по отчетному докладу ЦК выступал последним. Его встретили овацией (так же встречали Сталина, Кагановича, Орджоникидзе, Ворошилова). Название его речи: *«Доклад товарища Сталина — программа всей нашей работы».* Мануильский, секретарь исполкома Коминтерна, член партии с 1903 года, впоследствии скажет: *«Вся партия помнит речь тов. Кирова на XVII партийном съезде».* Но эта речь была и гимном и Сталину. Ведь именно Киров предложил делегатам XVII съезда ВКП(б) не принимать на съезде развернутой резолюции по отчетному докладу ЦК, а *«принять к исполнению, как партийный закон все положения и выводы отчетного доклада товарища Сталина»*[543].

Можно ли считать случайностью, что Сталин после выступления Кирова от заключительного слова отказался? Думается, нет. И предложение Кирова, и его выступления как на съезде, так и 31 января перед трудящимися Москвы на Красной площади, где он произнес здравицу в честь «*славного, несгибаемого, великого руководителя и стратега Сталина»,* вероятно, были заранее обдуманы и обговорены на кремлевской квартире Сталина, где в дни XVII съезда жил Киров.

Многочисленные документы неоспоримо свидетельствуют, что многие, очень многие представители старой ленинской гвардии сыграли огромную роль в возвеличивании и обожествлении Сталина. Не остался в стороне от этого и Киров. Как тут не вспомнить Твардовского:

> О людях речь идет, а люди
> Богов не сами ли творят!

Однако, дорогой читатель, можем ли мы сегодня строго судить их за создание столь благоприятной атмосферы для апологетики вождя, провозглашения культов и культиков? Разве сейчас наше общество, пройдя через горький исторический опыт культовых обрядов 30, 50, 70-х годов, не пытается возродить их, создавая культики национальных героев национальных суверенитетов отдельных «демократических» лидеров? А ведь наше общество сегодня — это не безграмотная и полуграмотная Россия 30-х годов, только что прошедшая горнило революции и Гражданской войны, ожесточенная и непримиримая к «классовым врагам», в основе; своей не верящая ни в бога, ни в черта, но в целом фанатично веривша в социалистическое будущее. И эта вера помогала жить, строить заводы, фабрики, дома, помогала отстоять Родину от агрессии фашизма.

Киров, как и многие руководители той поры, искренне верил в светлое будущее, работал по восемнадцать-двадцать часов в сутки ради него, был убежденным коммунистом и так же убежденно славил Сталина во имя укрепления партии и советской страны, ее процветания, ее могущества. Возможно, эта неистовая вера была трагедией целого поколения.

Более того, вряд ли в это время Киров задумывался над тем, что дифирамбы, которые все так щедро расточали Сталину, могут привести к его культу. Между прочим, сам Киров не любил, когда отмечали его заслуги, его роль в том или ином деле. Его отличала скромность, он остро критиковал все виды проявления комчванства.

Киров не был и не мог быть соперником Сталина, как утверждают иные. До приезда в Ленинград популярность Кирова ограничивалась территорией Закавказья. Да и там она носила достаточно ограниченный характер. В 20-е годы здесь были свои вожди: Нариманов, Квиркелия, Кавтарадзе, Орджоникидзе, Мдивани. Киров не владел ни одним из языков народов, населяющих этот регион. Его популярность зиждилась не столько на политических качествах, сколько на чисто человеческих чертах характера: терпимости к другому мнению, уважению культуры и традиций других народов. Александр Леонович Мясников, председатель Союзного Совета ЗСФСР, первый секретарь Заккрайкома РКП(б), трагически погибший в 1925 году при аварии самолета, называл Кирова *«выдающимся деятелем партии в Закавказье». «Без него,* — отмечал он, — *мы наделали бы массу ошибок.* ***Он умел всех нас примирить, объединить, не терпел восточной дипломатии и коварства»*** (выделено мной. — *А.К.).*

Действительно, Киров был открытым человеком, не любил интриганства, не прощал лжи и обмана. Имеются два интересных документа, проливающих дополнительный свет на эту сторону его личности. Речь в них идет о члене партии с 1917 года А. Г. Ханджяне, который работал вместе с Кировым в Ленинграде. Центральный Комитет ВКП(б) в связи с просьбой ЦК Компартии Армении отозвать Ханджяна для работы в республике поставил этот вопрос перед Кировым. Последний стал возражать. Тогда ЦК ВКП(б) заявил, что этот вопрос будет снят, если Киров сможет уговорить первого секретаря Заккрайкома ВКП(б) Орахелашвили оставить А. Г. Ханджяна в Ленинграде. 12 января 1928 года Киров посылает следующую телеграмму:

«Тифлис. Заккрайком. Орахелашвили.

Цека Армении просит откомандировать Ханджяна[544]. *Убедительно прошу снять этот вопрос следующим основанием. Первое. Мы решительно возражаем. Второе. Ханджян*

категорически отказывается. Третье. Ханджиян существующей обстановке и его настроении пользы не даст. Чтобы не вышло ошибки не настаивай. Телеграфируй ответ»[545].

Не будем сейчас обсуждать, насколько серьезны были обоснования Кирова. Но согласие Орахелашвили было Кировым получено. Однако в ЦК ВКП(б) Орахелашвили дал другой ответ, так как 17 мая того же года Киров собственноручно пишет новую телеграмму:

«Тифлис. Заккрайком. Орахелашвили.

Крайне удивляюсь твоему отношению вопроса о Ханджяне. Полагаю, что мы с тобой договорились о том, что на Ханджяне вы больше не настаиваете, а в Москву ты сообщил другое. Повторяю, что ты ставишь меня невозможное положение. Прошу телеграфировать срочно ваши истинные намерения»[546].

Думается, что именно эти свойства кировского характера ценил и Сталин. Они были основой их отношений. Как свидетельствуют современники, Киров мог возражать Сталину, приглушать действие таких отрицательных черт характера Сталина, как подозрительность, грубость. Он искренне восхищался Сталиным, верил ему. Будучи заядлым охотником и рыболовом, он часто посылал в Москву свежую рыбу, дичь. И Сталин настолько доверял Кирову, что не раз приглашал его совместно париться в бане. Среди прочих смертных такой чести удостаивался только начальник его личной охраны генерал Власик. Не следует забывать, что, будучи человеком с физическим недостатком, Сталин фактически никому не показывался в «костюме Адама». С Кировым же он вместе купался в Сочи, играл в городки. Имеются многочисленные фотографии Сталина и Кирова в сугубо домашней обстановке. Большая их часть относится к 1934 году.

Охрана Сталина, а лица, ее составляющие, обычно бывают в курсе всех; личных привязанностей и взаимоотношений охраняемого, в один голос твердили: между Сталиным и Кировым существовали дружеские, доверительные отношения. Так, один из охранников Сталина — А. Т. Рыбин писал: *«не могу согласиться, что они (*взаимоотношения между Сталиным и Кировым. — *А.К.) были холодными. Тут уместно вести речь не просто о дружестве, но об отношениях задушевных, чему я лично свидетель. Мне неоднократно приходилось видеть их вместе на ближней даче, на юге во время городошных баталий. Сталин играл в паре с рабочим по кухне Харьковским, а Киров с Власиком. Было видно, что Сталина и Кирова связывают глубокие чувства»*[547].

Отстаивая версию о соперничестве Кирова и Сталина, А. Антонов-Овсеенко и А. Рыбаков связывают это с XVII съездом

партии. Аргументируя свою позицию, они утверждают, что именно поэтому Киров не председательствовал ни на одном заседании XVII съезда ВКП(б), а в Ленинграде не выступил на партийном активе с докладом об итогах съезда.

В действительности дело обстояло значительно проще.

На XVII съезде Киров был избран в президиум съезда, почти постоянно находился там, избирался в комиссии для редактирования резолюций съезда по докладам о плане 2-й пятилетки и по организационным, вопросам, и только когда шло их принятие, он спустился в зал к ленинградской делегации и голосовал вместе с ней. Не председательствовал он потому, что приехал на съезд будучи больным гриппом, более того, сама возможность поездки Кирова на съезд висела на волоске из-за его болезни. В лечебном деле С. М. Кирова его домашний врач профессор Г. Ф. Ланг 16 февраля 1934 года записывает *«…болел около 1 месяца гриппозной инфекцией в форме гриппозного ларингита и ринита. В Москве на съезде пришлось выступать с речью, после чего явления ларингита обострились. 3/II был осмотрен в Москве профессором Воячеком, который назначил полоскание»*[548].

Как известно, на съезде Киров был избран в состав Центрального Комитета, а на пленуме ЦК 10 февраля — членом Политбюро, Оргбюро и секретарем ЦК ВКП(б) с оставлением на работе в Ленинграде. Вокруг этого тоже существует немало домыслов.

В Ленинградском партийном архиве хранятся воспоминания ленинградца, заведующего облгорфинотделом Михаила Васильевича Рослякова, члена партии с 1918 года, делегата XVII съезда ВКП(б) с совещательным голосом. В них он рассказывает, якобы со слов Кирова, о том, что произошло при предварительном обсуждении кандидатур будущих секретарей ЦК на Политбюро ЦК. Оно состоялось накануне созыва пленума ЦК. Дело обстояло так: *«На заседании Политбюро Сталин предлагал сделать Кирова секретарем ЦК с освобождением от работы в Ленинграде. Киров стал решительно возражать против этого, он мотивировал тем, что ему надо закончить в Ленинграде вторую пятилетку и окне подготовлен для работы в центре. Кирова поддержали Орджоникидзе и Куйбышев. Не встретив согласия, Сталин ушел с заседания Политбюро. После этого члены Политбюро предложили Сергею Мироновичу идти к Сталину и искать приемлемый выход. Он был найден в компромиссном решении: Киров избирается секретарем ЦК с оставлением на работе в Ленинграде. А для работы в ЦК ВКП(б) из Горького берут Жданова. Это было неожиданное решение для членов Политбюро,*

ибо Горьковская организация ВКП(б) — одна из крупных — теперь не была вообще представлена в Центральном Комитете. Поэтому уже после съезда опросом делегаций вводится в состав ЦК новый член — 68-й по счету — Э. К. Прамнэк (второй секретарь Горьковского крайкома ВКП(б). — *А.К.*)».

Свидетельство Рослякова имеет косвенное документальное подтверждение. В протоколе № 1 заседания пленума ЦК ВКП(б) XVII созыва, состоявшегося 10 февраля 1934 года, имеются списки членов Центрального Комитета и кандидатов в члены ЦК, предложенные на совещаний представителей делегаций. Фамилии Прамнэка там нет. Нет его и среди присутствующих членов и кандидатов в члены ЦК на этом пленуме ЦК ВКП(б)[549]. Поэтому, несомненно, Прамнэк был введен в состав ЦК после съезда. И это, естественно, противоречило всем внутрипартийным и уставным нормам.

Другим аргументом личного соперничества между Кировым и Сталиным служит легенда о якобы готовящемся избрании на XVII съезде С. М. Кирова Генеральным секретарем ЦК ВКП(б). В связи с этим хотела бы обратить внимание: ни на одном съезде партии ее Генеральный секретарь не избирался. Он всегда избирался только на пленуме ЦК.

Большую роль в создании и распространении этой легенды сыграли устные и печатные выступления делегата XVII съезда от московской организации В. М. Верховых. В ноябре 1960 года в своей записке в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС он сообщал: *«…в процессе работы съезда… в ряде делегаций были разговоры о Генеральном секретаре ЦК. В беседе с Косиором последний мне сказал: некоторые из нас говорили с Кировым, чтобы он дал согласие быть Генеральным секретарем. Киров отказался, сказав: надо подождать, все уладится»*[550].

Об этом же говорила в своем заявлении в КПК при ЦК КПСС в ноябре 1960 года З. Н. Немцова, присутствовавшая на съезде с гостевым билетом. Про разговоры о выдвижении Кирова на пост Генерального секретаря ей рассказывали делегаты в гостинице, но *«когда об этом доложили Кирову, он отверг это предложение и дал делегатам взбучку»*[551].

Однако в КПК при ЦК КПСС давались и противоположные сведения. Так, К. С. Сидоров, делегат ленинградской партийной организации, в своем объяснении в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС 28 июля 1965 года писал: *«В период съезда… никаких разговоров о выдвижении Кирова в Генеральные секретари не слышали, да и не могли они высказываться»*[552]. А. Г. Слинько, делегатка съезда также от ленинградской организации, писала в КПК 4 апреля 1967 года более

определенно: *«Я твердо помню, что никаких разговоров о выдвижении Кирова на пост Генсека вместо Сталина я не слыхала»*[553].

Спустя четверть века бывшие делегаты XVII съезда обменялись своими впечатлениями по вопросу: выдвигали или не выдвигали Кирова на должность генсека. Итог: «да» — два голоса, «нет» — два голоса. Возникает вопрос: так выдвигали Кирова генсеком или нет? Полагаю, что нет. Но не исключено, что кто-то весьма осторожно пытался раздуть искру недовольства против Сталина. Нельзя исключить и его вчерашних оппонентов, которые, конечно, были недовольны действиями Сталина, уже достаточно настрадались от него, но были допущены на съезд и там славили Сталина, скорее неискренне. Однако эта искра была такой слабой, что даже в материалах ОГПУ по охране XVII съезда ВКП(б) каких-либо данных о разговорах относительно Сталина и Кирова не зафиксировано. Понятно, что подобные разговоры велись шепотом, и все же, если бы они были частыми — бдительные чекисты не прошли бы мимо них.

Немало легенд ходит и вокруг несогласия Кирова занять якобы предложенный ему пост генсека. З. Н. Немцова заявляет, что ей рассказали об этом делегаты в гостинице, которым *«Киров дал взбучку и отверг это предложение»*[554].

О. Г. Шатуновская утверждает, что *«во время XVII партсъезда… в квартире Серго Орджоникидзе прошло тайное совещание некоторых делегатов — Косиора, Эйхе, Шеболдаева, Шаранговича и других. Они считали необходимым устранить Сталина с поста генсека и предлагали Кирову заменить его, но тот отказался»*[555].

И наконец, Андреев письменно показал, что личный друг Кирова А. М. Севастьянов якобы в 1956 году рассказал ему, что будто бы Киров, беседуя с ним, говорил о реорганизации поста генерального секретаря и замены Сталина Кировым, и первый похвалил Кирова за то, что он ему все сообщил, назвав Кирова настоящим другом[556].

Что меня смущает как исследователя? Детали в преподнесении этих фактов. Позволю себе все это проиллюстрировать.

Комиссия Политбюро, в которой работала О. Г. Шатуновская, в 1960 году взяла показания у С. Л. Маркус — сестры жены Кирова. Она *«например, показала, что во время XVII партсъезда состоялось* ***тайное совещание старых большевиков*** *(*выделено мной. — *А.К.) (Косиор, Эйхе, Шеболдаев, Шарангович и др.), на котором было решено заменить Сталина на посту генсека Кировым. Правда, Киров наотрез отказался. Сталину каким-то*

образом обо всем стало известно — он вызвал Кирова к себе. Сергей Миронович ничего отрицать не стал. Более того, заявил Сталину прямо, что тот своими действиями вызвал недовольство ветеранов партии… Как помнила Софья Львовна, Киров вернулся из Москвы подавленный. Он говорил, что теперь его голова на плахе»[557].

Примерно это же показали Елена Смородина (жена репрессированного комсомольского вожака Ленинграда Петра Смородина), а также Алексей Севостьянов, старый друг Кирова. Летом 1934 года, отдыхая в Сестрорецке, Киров делился с ним своими невеселыми мыслями: *«…„Сталин теперь меня в живых не оставит". Семья с тех пор стала жить в постоянном страхе»*[558].

Несколько слов по поводу Софьи Львовны Маркус. В 1960 году ей было 79 лет (по паспорту она несколько моложе, ибо он выдавался с «ее слов». — *А.К.*). Я знала С. Л. Маркус в 1952–1955 годах, когда работала в музее С. М. Кирова в Ленинграде. Тогда она была несколько моложе. Но это был старый больной человек, страдавший склерозом, плохо помнивший людей. Более того, вряд ли вообще мог состояться подобный разговор между Кировым и Софьей Львовной в 1934 году после съезда.

И причин тут несколько. С. Л. Маркус жила до смерти Кирова в Москве, в Ленинграде она появилась лишь после, его гибели, и то жила отдельно от вдовы Кирова. Сергей Миронович, бывая в Москве, никогда не навещал С. Л. Маркус — отношения между ними были более чем прохладные. И наконец, в 1959 году она собственноручно отредактировала свои воспоминания об отношениях Сталина и Кирова, описав их в самых восторженных тонах.

Что касается воспоминаний Елены Смородиной, то замечу, что муж ее в 1934 году уже почти десять лет как не был комсомольским вожаком, а был на партийной работе, в 1934 г. — секретарем Выборгского райкома ВКП(б) г. Ленинграда. Естественно, Киров его хорошо знал, но доверительного разговора о Сталине Киров с ним, а тем более с его женой — вести не мог.

В отношении Алексея Севостьянова возможно допустить, что какой-то разговор с Кировым состоялся. Но возникает вопрос: когда? С конца июля до конца сентября Сергея Мироновича в Ленинграде не было. Семья Кировых — он и Мария Львовна жили на даче в Толмачеве. Это подтверждается документами и воспоминаниями, относящимися к 1935 году.

И последнее, вряд ли Киров мог сказать тогда, в 1934 году — *«Сталин теперь меня в живых не оставит»,* ибо в те годы Сталин прибегал в основном к другим способам воздействия на своих

политических противников: исключение, отстранение от должности, ссылка, моральное унижение. И сама эта фраза, якобы сказанная Кировым, относится к лексике более позднего времени — второй половины 30-х годов.

Настораживает меня как исследователя и другое. Первое: никто сам не был **прямым свидетелем** или **участником** подобного разговора о замене Сталина Кировым. Второе: все говорят об этом с чужих слов — Росляков ссылается на Кодацкого, Верховых — на Коссиора, Андреев — на Севостьянова, Немцова — на делегатов XVII съезда ВКП(б), причем не помнит даже фамилии тех, кто об этом говорил. В третьих, могло ли **на квартире Орджоникидзе — одного из самых преданных Сталину людей в дни работы XVII съезда партии состояться подобное совещание, да еще с повесткой дня об отстранении Сталина от должности**. В это время Орджоникидзе боготворил Сталина: Позднее, в 1936–1937 годах, подобное совещание могло бы иметь место. Думается, что все разговоры о тайном совещании, о замене Сталина Кировым являются мистификацией. Нельзя не учитывать и еще одного обстоятельства: почему-то все эти утверждения появились не после XX съезда партии, когда воспоминатели вернулись из тюрем и лагерей, не в 1957 году, когда работала первая комиссия по расследованию обстоятельств убийства Кирова, а только в 1960 году, и как «по команде»: Немцова, Маркус, Маховер и другие. Ведь даже Андреев написал свое письмо в КЛК в 1960 году, хотя Севостьянов рассказал ему об этом в 1956 году.

И последнее — самое главное. Вряд ли можно поверить, что именно Киров был той фигурой, которая могла стать, по мнению делегатов, антиподом Сталина на посту генсека. Масштаб не тот. Он не имел никогда собственных политических программ, был несопоставим и несоизмерим со Сталиным как политический деятель. На заседаниях Политбюро он не был инициативен, если только вопрос не касался Ленинграда. Хрущев писал о Кирове: *«В принципе, Киров был очень неразговорчивый человек. Сам я не имел с ним непосредственных контактов, но потом расспрашивал Микояна о Кирове… Микоян хорошо его знал. Он рассказал мне: „Ну, как тебе ответить? На заседаниях он ни разу ни по какому вопросу не выступал. Молчит, и все. Не знаю я даже, что это означает"»*[559].

Все имеющиеся и доступные историкам документы свидетельствуют, что Киров был верным, последовательным сторонником Сталина, возглавляя влиятельную партийную организацию страны, был значительной, но не самостоятельной политической фигурой.

Скорее всего, на создание мифа о Кирове как о политическом вожде, крупнейшей фигуре в политической жизни страны, повлияла его трагическая гибель и та пропагандистская кампания, которая развернулась после смерти Кирова. Ежегодно отмечался день его траура. Появлялись десятки воспоминаний, статей, посвященных жизни и деятельности Кирова, все больше и больше превозносились его заслуги. Постепенно складывался образ Кирова — великого государственного, партийного, советского деятеля.

Не следует забывать, что вспоминали люди, прошедшие через сталинские лагеря, тюрьмы, величайшие несправедливости. Люди, до этого верившие в Сталина, обожествлявшие его. Отсюда их резко негативное отношение к своему свергнутому с пьедестала недавнему божеству, желание вместо него найти нового идола, якобы из зависти убитого этим «божеством». А мы оказываемся иногда неспособны критически оценить красиво упакованную ложь. Между тем, уже вскоре после XVI съезда ВКП(б) постановления ЦК, совместные постановления ЦК ВКП(б) и Совмина СССР подписывались Сталиным так: «*секретарь ЦК ВКП(б)*». А не *«Генеральный секретарь ЦК ВКП(б)»*. И это вряд ли можно считать случайностью. По-видимому, шла большая политическая игра со стороны Сталина. Он уже считал свое положение в партии достаточно прочным среди других секретарей, тем более что последние состояли в основном из надежных и преданных ему людей. Отказ от подписи в качестве Генерального секретаря давал возможность прослыть «демократом», отвести от себя обвинения «в авторитарном режиме в партии», «диктатуре». Ведь именно в этом его справедливо обвиняли Мартемьян Рютин и его сторонники. Поэтому нельзя не обратить внимания на содержащуюся в заявлении в КПК при ЦК КПСС Михаила Васильевича Рослякова фразу о. том, что во время работы XVII съезда председатель Ленгорисполкома И. Ф. Кодацкий, делегат с решающим голосом, сказал ему: *«Некоторые делегаты имеют мысль ликвидировать пост Генерального секретаря ЦК в духе ленинских замечаний»*[560]. Однако ни на одном заседании XVII съезда партии, ни на первом пленуме ЦК ВКП(б) — 10 февраля 1934 года, решавшем организационные вопросы, проблема Генерального секретаря вообще не поднималась. Эта должность была введена в 1922 году вопреки уставным нормам, не была зафиксирована Уставом ВКП(б) на XIV съезде партии и «тихо отмерла» после XVIII съезда партии.

Еще больше домыслов и слухов в связи с Кировым и Сталиным существовало вокруг результатов голосования На XVII

съезде ВКП(б). Некоторые публицисты, писатели утверждали, что фальсификация итогов голосования была организована Кагановичем с ведома Сталина, так как против него голосовало более 300 делегатов[561]. Самая большая мистификация по результатам голосования на XVII съезде допущена автором документальных рассказов Львом Разгоном. Будучи на этом съезде по пригласительному билету, он, по его утверждению, умудрился присутствовать на закрытом заседании (!!!), где оглашались результаты голосования. В стенограмме съезда говорится: *«Следующее заседание закрытое, присутствуют на нем только делегаты с решающим голосом* (выделено мной — *А.К.)».* А пропускная система на съездах тогда была весьма жесткой.

Официально итоги выборов в центральные органы партии на XVI съезде были объявлены 10 февраля 1934 года на заседании съезда и 11 февраля уже были опубликованы в печати. В том же году они были напечатаны в стенографическом отчете XVII съезда. ВКП(б), но ни в печати, ни в статотчете не сообщалось количество голосов, поданных «за» и «против».

Основным источником, питавшим версию о фальсификации итогов выборов на XVII съезде ВКП(б), был делегат этого съезда от Московской организации В. М. Верховых. В своей записке от 23 ноября 1960 года в КПК при ЦК КПСС он писал: *«Будучи делегатом XVII съезда…, я был избран в счётную комиссию. Всего было избрано 65 или 75 человек, точно не помню. Тоже не помню, сколько было урн — 13 или 15… В голосовании должно было 1225 или 1227. Голосовало 1222. В итоге голосования… наибольшее количество голосов „против“ имели Сталин, Молотов, Каганович, каждый имел более 100 голосов „против", точно теперь не помню…, но кажется, Сталин 125 или 123»*[562].

В ноябре 1960 года О. Г. Шатуновская обратилась к члену Президиума ЦК КПСС, председателю КПК при ЦК КПСС Н. М. Швернику: *«В связи с Вашим поручением об изучении дела об убийстве С. М. Кирова возникла необходимость ознакомиться с протоколами счетной комиссии 17-го съезда партии, хранящимися в Архиве ИМЭЛа. Прошу Вашего согласия»*[563]. Такое согласие было получено. И тогда, в ноябре 1960 года, комиссия в составе члена Комитета партийного контроля при ЦК КПСС О. Г. Шатуновской, зам. директора Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС Н. В. Матковского, ответственного инструктора Комитета партийного контроля А. И. Кузнецова и заместителя заведующего Центрального партийного архива Р. А. Лаврова вскрыла опечатанные документы счетной комиссии XVII съезда ВКП(б).

При ознакомлении с материалами счетной комиссии

установлено: мандатная комиссия съезда утвердила 1225 мандатов (из 1227) делегатов с решающими голосами. Участвовало в голосовании 1059 делегатов:, 166 человек, утвержденных мандатной комиссией, не приняли участия в голосовании. В документах отсутствует ведомость по выдаче делегатам съезда бюллетеней для голосования. Бюллетени не пронумерованы и не подшиты. Нет сведений об общем числе отпечатанных бюллетеней, а также нет акта об их использовании. Председателем счетной комиссии был делегат от киевской организации В. П. Затонский, секретарем — делегат от ленинградской организации М. А. Освенский.

Как отмечено в протоколе счетной комиссии, делегаты съезда для проведения голосования были распределены по порядковым номерам мандатов на 13 групп, и каждая из них опускала бюллетени в свою урну. К протоколам счетной комиссии приложен экземпляр бюллетеня — *«Список членов и кандидатов ЦК ВКП(б), предлагаемых совещанием представителей всех делегаций съезда»,* в котором отмечено число голосов, поданных «за». На экземпляре имеется запись:«*Число голосов, полученных перечисленными товарищами, удостоверяем. Предс[едатель] счетной комиссар Затонский, секретарь к[оми]ссии Освенский».*

Согласно этому документу, при выборах в члены ЦК единогласно (1059 голосов — «за») избраны М. И. Калинин и И. Ф. Кодацкий. Пять человек (Г. М. Кржижановский, Д. З. Мануильский, И. А. Пятницкий, Д. Е. Сулимов, Р. И. Эйхе) получили «против» по одному голосу. Пятеро (П. А. Алексеев, К. Е. Ворошилов, Я. Б; Гамарник, Н. К. Крупская, И. П. Румянцев) — по два голоса «против». По три «против» получило также пять делегатов (В. И. Иванов, В. Г. Кнорин, А. И. Микоян, Г. К. Орджоникидзе, И. В. Сталин). Против И. Д. Кабанова, С. М. Кирова и М. М. Литвинова было подано четыре голоса. Остальные делегаты получили «против» еще больше. Причем наибольшее число поданных голосов «против» было у Я. А. Яковлева (118)[564].

Если даже допустить, что все указанные выше 166 делегатов также участвовали в голосовании, то максимальная сумма голосов, поданных против Сталина, составила бы 169. Однако категорически настаивать на этом вряд ли правильно, так как нельзя исключить и того, что эти делегаты действительно не участвовали в голосовании.

Среди тех, кто уехал с XVII съезда раньше времени и не принимал участия в голосовании по выборам руководящих органов, была П. Ф. Куделли (делегат XVII съезда ВКП(б) с решающим голосом). Почему она уехала? Думаю, ключ к

пониманию ее отъезда содержит письмо, которое направила 20 февраля 1934 года Кирову. Его содержание выходит за рамки частного письма.

«Уважаемый т. Киров!

На 17-ом съезде в частном разговоре с Нетупской и Лазуркиной в номере гостиницы, где мы трое помещались, я допустила весьма неудачное выражение, в которое отнюдь не вкладывала того содержания, какое вывели из него мои собеседницы.

Меня обвиняют, что будто у меня отрыжка зиновьевщины».

Далее П. Ф. Куделли писала, что это, естественно, не так. Но работать ей стало крайне трудно, ей не доверяет даже ее организация. *«Прошу, — писала она, — снять с меня всяческие подозрения и верить, что я была, есть и буду твердым непоколебимым партработником, буду работать по мере сил в полном согласии с нашей партией под руководством нашего вождя тов. Сталина»*[565].

Наверное, были и другие делегаты, которые по тем или иным причинам уезжали со съезда. Возможно, некоторые не голосовали.

Ольга Григорьевна Шатуновская передала в редакцию «Аргументов и фактов» материал по расследованию обстоятельств убийства Кирова. *«При выборах ЦК на съезде (*имеется в виду XVII партсъезд. *— А.К.) фамилия Сталина была вычеркнута в 292 бюллетенях, —* утверждает она. *— Сталин приказал сжечь из них 289 бюллетеней, и в протоколе, объявленном съезду, было показано всего 3 голоса против Сталина.*

Комиссия Президиума, ознакомившись в Центральном партийном архиве с бюллетенями и протоколами голосования, установила факт фальсификации выборов»[566].

Но обращает на себя внимание факт; никто не видел вычеркнутых бюллетеней, нет ни одного показания, в том числе и В. М. Верховых, что бюллетени были сожжены. Да и 125 (или 123) голосов против Сталина, о которых говорил Верховых, — это ведь не 292. И последнее: комиссия Президиума ЦК КПСС, в которой участвовала и Шатуновская, приводит в представленном в ЦК КПСС заключительном документе факты нарушения — отсутствие списка выдачи бюллетеней, их нумерации и прошивки перед сдачей в архив, отсутствие акта всех отпечатанных и израсходованных бюллетеней, но в заключении нет ни одного слова о фальсификации итогов выборов.

Нельзя, наконец, сбрасывать со счета и свидетельства других, оставшихся в живых в 60-е годы 63 делегатов съезда, в том числе и двух членов счетной комиссии. Один их них — Н. В. Андреасян в своем объяснении в ноябре 1960 года писал:

«Помню наше возмущение по поводу того, что в списках для тайного голосования были случаи, когда фамилия Сталина оказалась вычеркнутой. Сколько было таких случаев, не помню, но, кажется, не больше трех фактов». Делегат от сталинградской организации С. О. Викснин 14 января 1961 года, тоже член счетной комиссии, заявлял: *«Сколько против Сталина было подано голосов не помню, но отчетливо припоминаю, что он получил меньше всех голосов „за"»*[567]. Еще один делегат — К. К. Ратнек (от Белоруссии) 13 января 1961 года говорил в КПК при ЦК КПСС: *«Среди делегатов были разговоры, что против Сталина было подано несколько голосов, что-то 5–6. О том, что против Сталина было подано значительно больше голосов, я узнал лишь после 1953 года»*. Другой делегат — от Восточносибирской организации — Я. М. Струмит 5 января 1961 года заявил: *«Против Сталина было 2–4 голоса, точно не помню»*[568].

Меня не оставляет мысль — почему О. Г. Шатуновская, а вслед за ней и некоторые другие ссылаются в основном на В. М. Верховых, почему не приводят свидетельства других лиц.

Нет, не убеждает меня версия о подтасовке, фальсификации результатов выборов XVII партсъезда. Для того чтобы делать подобные выводы, нужен иной, научный подход, изучение вопроса в более широкой исторической ретроспективе. Возможно, если бы мы подняли материалы счетных комиссий других съездов, то обнаружили бы подобную же картину. А тогда можно было бы говорить об одной из типичных русских бед — о несобранности, о неразберихе, но никак не о фальсификации. Вспомним голосование при выборах президента СССР в марте 1990 года. Было роздано 2000 бюллетеней. При вскрытии урны обнаружено 1878. А куда делись остальные 122 бюллетеня?[569] Ведь счетная комиссия никак не отразила это обстоятельство в своем протоколе.

Закончить этот эпизод с голосованием предоставим Н. С. Хрущеву. Ведь на XVII съезде он впервые избирался в состав ЦК ВКП(б). Согласитесь, это памятное событие. И оно не могло пройти для человека бесследно. Хрущев вспоминал впоследствии: *«На XVII съезде партии в 1934 году я был избран в ЦК ВКП(б), Процедура выборов показалась мне весьма демократичной… Помню, что на XVII съезде партии за Сталина проголосовали не единогласно. Шесть человек голосовали против него. Почему я это так хорошо запомнил? Потому, что когда называли мою фамилию — „Хрущев!" — оказалось, что мне тоже не хватило всего шести голосов для единогласного избрания»*[570]. Хрущеву немного изменила память. Против него голосовало 22 делегата. Однако несомненно — если бы против Сталина действительно голосовало

около 300 человек, то Хрущев это обязательно бы запомнил и не оставил бы без внимания в своих воспоминаниях. Не на каждом съезде против политического лидера голосует такое большое число делегатов!

Некоторые публицисты утверждают, что якобы Киров выступал против Сталина на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б). Это касалось дела Рютина, снабжения Ленинграда и т. д. Изучение документов Политбюро показывает: подобного рода утверждения далеки от истины. 16 октября 1932 года Политбюро рассмотрело и приняло постановление Президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября того же года «О контрреволюционной группе Рютина, Галкина, Иванова и других». Оно гласило: согласиться с постановлением президиума ЦКК ВКП(б) от 9 октября «О контрреволюционной группе Рютина, Галкина, Иванова и других». Президиум ЦКК предлагал коллегии ОГПУ по отношению ко всем организаторам и участникам группы Рютина принять «*соответствующие меры судебно-административной ответственности, отнесясь к ним со всей строгостью революционного закона*»[571].

Не было Кирова и тогда, когда на объединенном заседании Политбюро и президиума ЦКК обсуждали и одобряли решение президиума ЦКК об исключении из партии Эйсмонта, Толмачева и передаче дела в ОГПУ[572].

Отсутствие Кирова на этих заседаниях никак не связано с его особой позицией по обсуждавшимся на них вопросам. Все обстояло значительно проще. Сначала ему решением Политбюро ЦК ВКП(б) был предоставлен отпуск на полтора месяца, а затем он заболел и находился на излечении под присмотром врачей в Толмачеве.

Анализ материалов Политбюро ЦК ВКП(б) свидетельствует, что Киров часто отсутствовал на его заседаниях. В 1932 году состоялось 37 заседаний Политбюро, Киров был 9 раз. В 1933 году Политбюро состоялось 25 раз, а Киров был 6 раз. Такая же картина наблюдалась и в 1934 году. Думается, что Киров органически врос в партийную, хозяйственную жизнь Ленинграда, старался не покидать город надолго. А если ему случалось уезжать, то шла интенсивная переписка с Ленсоветом, обкомом партии.

Интересно отметить, что когда Киров был в Москве, то все телеграммы из Ленинграда шли в его адрес через секретариат Сталина. На ряде найденных нами телеграмм, относящихся к 1934 году, стоят подписи: *«передала — Дубровская»* (телеграфист-шифровальщик секретариата обкома В. П. Дубровская. — *А.К.), «принял — Поскребышев»* (А. Н. Поскребышев — зав. особым

сектором, секретарь Сталина. — *А.К.)*[573].

Известно, что Сталин строго следил за посещаемостью членами Политбюро ЦК его заседаний. Обращал ли он внимание на отсутствие Кирова? Не раз. Так, 1 марта 1933 года на заседании Политбюро обсуждались ленинградские вопросы: утверждение изменений в составе секретариата Ленобкома ВКП(б) и военном складе 54. Первый был решен, а второй по предложению Сталина отложили «ввиду отсутствия Кирова». 8 марта вопрос «о складе 54» рассматривался вторично. И вновь принимается постановление: *«Отложить, обязав т. Кирова приехать в Москву к следующему заседанию».* Киров 8 марта выступал в Ленинграде на торжественном заседании, посвященном Международному женскому дню, однако вечером 8-го он срочно уезжает в Москву. В записке Чудову пишет, что *«состоялось заседание ПБ»* и он *«хочет провентилировать»* некоторые вопросы, *«посоветоваться кой с кем».* Цель этого однодневного визита в столицу прояснилась на очередном Политбюро ЦК — 20 марта. Вел его Сталин. Киров отсутствовал. Вопрос вносил Ворошилов. В постановлении «О складе 54» говорилось: *«…Принять к сведению, что т. Ворошилов и Киров договорились насчет ограничения затрате текущим году всего 1 млн. руб. (500 тыс. — НКВМора и 500 тыс. — Ленсовета) с тем, что остальная сумма будет предусмотрена бюджетом будущего года»*[574].

Документы Политбюро также свидетельствуют, что Киров не играл значительной роли в его деятельности. Председателями, заместителями всевозможного рода комиссий, создаваемых в Политбюро, были другие лица. Они же активно участвовали в обсуждениях. Это: Рудзутак, Постышев, Каганович, Микоян (кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б)). Однако решающее слово всегда было за Сталиным. В его отсутствие Политбюро ЦК в 1934 году вел Каганович и он же подписывал протоколы и другие документы.

Однако уже во второй половине 1933 года и особенно в 1934 году, когда Киров стал членом Оргбюро, секретарем ЦК ВКП(б), Сталин пытается активизировать его деятельность, вывести его на общесоюзный уровень партийного руководства. Так, в июне 1933 года при обсуждении на Политбюро ЦК вопроса о Музтресте СССР по предложению Сталина Кирова вводят в состав комиссии по проверке работы Музтреста по производству граммофонных пластинок. Спустя некоторое время, как отмечено в протоколе № 139, Политбюро рассматривает вопрос по результатам работы комиссии, возглавляемой Кировым, о центральной радиолаборатории ВЭСО, которая будет обслуживать «нужды ВИЭ

медицины». Кстати, Киров на самом заседании бюро опять не присутствовал. Замечу, что не было его и при принятии постановления ЦК ВКП(б) «О состоянии и мерах по улучшению производства граммофонных пластинок и музыкальных инструментов».

Сравнительно лояльное отношение Сталина к отсутствию Кирова на многих заседаниях Политбюро можно объяснить, наверное, не только его расположением к последнему, но и тем, что ленинградский регион успешно вносил свою, и притом большую, лепту в дела страны. Напомню, что удельный вес ленинградской промышленности по отношению к общесоюзной составлял более 10 процентов, причем в машиностроении почти 25, а в электротехнике — 65 процентов, она давала 100 процентов апатитов, соответственно столько же линотипов, 49,2 процента алюминия и пишущих машинок. И громадную роль во всем этом играл С. М. Киров.

Приведенные факты лишний раз неопровержимо свидетельствуют, что мнение о соперничестве Сталина и Кирова на политической арене глубоко ошибочно. Не случайно в таком качестве Кирова не воспринимали и политические лидеры тех лет. В 1990 году опубликован четырехтомник архива Л. Д. Троцкого за 1923–1927 годы. Киров упоминается в именном указателе томов 5 раз, в то время как Микоян — 19, Рудзутак — 9 раз. А ведь Троцкий знал Кирова весьма неплохо. Найдено немало шифротелеграмм С. М. Кирова, члена реввоенсовета XI Красной Армии, адресованных Троцкому. Определяя одно из течений партии как «аппаратно-центристское», Троцкий назвал его вождями Сталина, Молотова, Угланова, Кагановича, Микояна и только затем — Кирова. В других своих выступлениях Лев Троцкий заявлял о *«недостаточной политической грамоте Кирова»*. И уже после смерти Сергея Мироновича он снова писал о нем как о *«серой посредственности», «среднем болване»*, каких *«у Сталина много»*.

Сочи и Казахстан

Исследование взаимоотношений между Кировым и Сталиным в трагедийном тридцать четвертом было бы весьма неполным без двух месяцев — августа и сентября.

Кавказ и Казахстан разделены десятками тысяч километров, но в жизни С. М. Кирова они слиты: август 1934-го он проводит в Сочи, сентябрь — в Казахстане. Именно эти два месяца приковывают сегодня внимание историков, публицистов, всех, кто интересуется жизнью и деятельностью Кирова. Многие считают[575], что именно эти два месяца породили противоречия, столкновения, конфликты, приведшие к его гибели. Лучшим доказательством в поисках истины при ответах на эти вопросы являются много раз выверенные и перепроверенные документы, факты, свидетельства тех лет.

В августе 1934 года Киров отдыхал вместе со Сталиным и Ждановым в Сочи. В Центральном и Ленинградском партийных архивах хранится несколько писем, телеграмм, посланных Сергею Мироновичу из Ленинграда. В них сообщается, как идут дела по заготовке торфа, его вывозке, получению цветного металла из старых латунных гильз, заготовке сена, уборке зерновых и овощных культур. Для нас они важны не столько содержанием, сколько датами их отправления. Не меньшая ценность — ответные письма Кирова из Сочи. Почему? Эти документы позволяют более точно установить время пребывания Кирова в Сочи, а также его настроение, состояние. Тем самым вносится ясность в такие проблемы, поднимаемые сегодня публицистами, как продолжительность отдыха (два-три дня или месяц?), участие Кирова в составлении замечаний на конспекты учебников истории СССР и новой истории.

Киров выехал из Ленинграда в конце июля. 3 августа в 6 час. 20 мин. утра ему из Ленинграда направляется в Сочи первая найденная нами телеграмма. Потом они шли регулярно. Так, М. С. Чудов сообщал 13 августа: *«Работа идет нормально, отдыхай, не беспокойся»* или несколько дней спустя: *«Отдыхай, не беспокойся, текущую работу выполним, а более крупные вопросы, связанные с хозяйством 35, подготовим, обговорим, когда приедешь»*[576].

Пребывание Кирова в Сочи подтверждается и его письмами к жене. В конце июля он сообщал Марии Львовне Маркус:

«Вышло так, что мне пришлось поехать на юг. Через несколько дней буду в Сочи, а затем вскоре обратно. Думаю, что 10 августа

буду в Ленинграде. Сделаю все, чтобы быть, так как чувствую, что жара поторопит меня… Может, конечно, случится и так, что к 10-му августу не успею»[577].

В это время Мария Львовна находилась тоже на юге, где лечилась в одном из санаториев от бессонницы, постоянной головной боли, нарушения гормональной системы. В небольшой открыточке, отправленной ей еще в середине июля, Киров, в частности, просил ее быть скромнее: *«Только, пожалуйста, не афишируйся, живя в циковском* (имеется в виду санаторий ЦИК СССР. — *А.К.) доме»*[578].

Потом из Сочи, а к этому времени М. Л. Маркус уже находилась в Ленинграде, Киров направил ей несколько писем. Одни из них датированные, другие нет, но все они сугубо личные. Для нас они представляют интерес прежде всего потому, что отражают настроение Кирова, позволяют уточнить продолжительность его пребывания в Сочи. *«Пишу из Сочи, где нахожусь уже несколько дней,* — сообщает он в середине августа. — *Здесь можно хорошо отдохнуть, но для этого надо приехать, видимо, значительно позднее. Сейчас здесь невыносимая жара. Не ходить, не играть, скажем в городки, совершенно невозможно…»*[579].

«Думаю посидеть здесь еще до 20 августа, хотя я не уверен. Главное самочувствие плохое, а тут еще жара, даже спать невозможно как следует». Или такая строчка из другого письма к Марии Львовне: *«От такой жары я давно отвык и она портит все»*[580].

И вот новое письмо. Оно датировано 16 августа 1934 года. Адресат тот же — Мария Львовна: *«Надоело мне здесь чертовски, держу курс, чтобы 20/VIII — выехать. Очень плохая здесь погода. Была сплошная жара, потом 6 дней и ночей — сплошной дождь…. Теперь снова наступила изнуряющая жара… Во всяком случае 20–21 августа думаю выехать из этого пекла»*[581].

В воспоминаниях С. Л. Маркус, свояченицы Кирова, утверждается, что в Сочи Сталин, Киров и Жданов работали над замечаниями по конспектам учебников по истории СССР и новой истории. Впервые эти замечания были опубликованы уже после смерти Кирова, в 1936 году. Существует мнение, что Киров якобы не принимал участия в их написании. Так ли это? Теперь можно сказать однозначно: несомненно принимал.

13 августа 1934 года членам и кандидатам в члены Политбюро ЦК ВКП(б) на бланке ЦК ВКП(б) были разосланы замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР. Не будем цитировать этот документ полностью. Приведем лишь, на наш взгляд, наиболее важные, принципиальные положения.

«Группа Ванага не выполнила задания и даже не поняла самого задания. Она составила конспект русской истории, а не ***истории СССР*** *(*выделено в тексте. *— А.К.), т. е. истории Руси, но без истории народов, которые вошли в состав СССР (не учтены данные по истории Украины, Белоруссии, Финляндии и других прибалтийских народов, северокавказских и закавказских народов, народов Средней Азии и Дальнего Востока, а также волжских и северных народов — татары, башкиры, мордва, чуваши и т. д.) …В конспекте не подчеркнута аннексионистско-колонизаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками („царизм — тюрьма народов"). <…> Конспект не отражает роли и влияния западноевропейских буржуазно-революционных и социалистических движений на формирование буржуазно-революционного движения и движения пролетарско-социалистического в России…*

В конспекте не учтены корни первой империалистической войны и роль царизма в этой войне, как резерва для западноевропейских империалистических держав, равно, как не учтена зависимая роль русского царизма и русского капитализма от капитала западно-европейского. Ввиду чего значение Октябрьской революции, как освобождение России от ее полуколониального положения, остается немотивированным.

В конспекте не учтено наличие общеевропейского политического кризиса перед 1-й мировой войной… ввиду чего значение Советов с точки зрения мировой истории, как носителей пролетарской демократии и органов освобождения рабочих и крестьян, остается немотивированным.

В конспекте не учтена борьба течений в правящей коммунистической партии СССР и борьба с троцкизмом, как с проявлением мелкобуржуазного течения…

Вообще надо сказать, что конспект составлен крайне неряшливо и не совсем грамотно с точки зрения марксизма…

Мы уже не говорим о неточном стиле конспекта и об игре в „словечки", вроде того, что Лжедмитрий назван „Дмитрием названным“ или вроде торжества старых феодалов в XVIII веке. Речь идет о создании учебника, где должно бить взвешено каждое слово и каждое определение, а не о безответственных журнальных статьях, где можно болтать обо всем и как угодно, отвлекаясь от чувства ответственности»[582].

Замечания на конспект были датированы 8 августа и подписаны И. Сталиным, А. Ждановым и С. Кировым. Точно такие же замечания были составлены и по поводу конспекта учебника новой истории.

Не буду касаться идейно-содержательных аспектов этих

замечаний — многие из них сегодня могут быть, конечно, оспорены. Для меня важно подчеркнуть, что Киров принимал участие в их написании. Сергей Миронович был для своего времени образованным человеком. Его личная библиотека, которую он собирал четверть века, насчитывала более 20 тысяч книг. Нет, кажется, такого вопроса, по которому нельзя было бы найти книг в его библиотеке. Об этом свидетельствует даже самый беглый их просмотр: марксистско-ленинская литература, русская, иностранная и советская художественная беллетристика. Внушительны разделы книг по философии, мировому и народному хозяйству СССР, политэкономии, истории революционного движения, истории партии, технике, естествознанию, искусству. Немало книг по сугубо специальным отраслям знаний: военному делу, финансам, лесному хозяйству и рыбному делу. Отдельно стоит шкаф, в котором вся литература — о Ленинграде и Ленинградской области.

Большинство книг содержат пометки Сергея Мироновича. Что же особенно интересовало этого человека?

Прежде всего — философия. Перед нами книга с большим числом пометок Кирова (вопросительные и восклицательные знаки, подчеркивание слов, предложений, пометки на полях). Она называется «Введение в философию». Автор — профессор Т. Челпанов. Год издания 1907. Наибольший интерес у Сергея Мироновича вызвали главы «Задача философии», «Отношение философии к наукам», «О свободе воли». Сразу же после выхода книги В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» в 1909 году — это отмечается во многих воспоминаниях — Сергей Миронович внимательно ее изучил. Но ни в одном из писем этого периода, ни в одной из статей, опубликованных в «Тереке», ни прямо, ни косвенно не прослеживается прочтение этой ленинской работы. Да, полагаю, что проблемы, в ней поднятые, были в то время для Кирова слишком сложны. Поэтому, когда в 1934 году Партиздат опубликовал «Протоколы совещания расширенной редакции газеты „Пролетарий". Июнь 1909 г.», на котором обсуждались поднятые Лениным философские вопросы, они были прочитаны Кировым самым внимательным образом. На 284 страницах книги содержится 89 его пометок. Что особенно привлекло Кирова? Например, следующая фраза из выступления Градского (Л. Б. Каменева): «*…Для меня важно, что богостроительство есть скрытая форма борьбы с марксизмом, и Луначарский дойдет до крайних пределов критики марксизма и тем самым исключит себя из партии».* Многие места протоколов не просто подчеркнуты, но и содержат карандашную пометку «прочесть». По-видимому, многие проблемы были для Кирова

новы.

Киров был хорошо знаком с философскими работами Ф. Энгельса, Г. Плеханова, А. Бебеля, Ф. Лассаля. Интересно, что в брошюре И. Майского «Август Бебель» (М., 1923), в которой всего 59 страниц, Кировым сделано 15 закладок. Он глубоко изучал отечественную историю, работы П. Е. Щеголева, А. Е. Преснякова, М. В. Нечкиной, М. Н. Покровского, «Записки декабриста Н. И. Лорера», книгу А. А. Шилова «Каракозов и покушение. 4 апреля 1866 г.».

Сергей Миронович интересовался и историей политических партий и течений. Познакомился с воспоминаниями П. Н. Лепешинского «На повороте», следил за публикациями по этим вопросам в журналах «Красная новь» и «Каторга и ссылка»; летом 1934 года он прочел «Всемирную историю» Ф. К. Шлоссера и «Очерки по истории русской культуры» А. П. Милюкова. Напомню читателю, что еще 31 июля 1931 года ЦК ВКП(б) опубликовал решение об издании «Истории гражданской войны», и Киров был введен в состав редколлегии. Так что не приходится сомневаться, что благодаря своей эрудиции Киров вполне мог быть привлечен к составлению замечаний по конспектам учебников, предназначенных для изучения отечественной и общеевропейской истории в школе.

Полагаю, что было еще одно обстоятельство, которое повлияло на Кирова и заставило его принять приглашение Сталина участвовать в составлении замечаний. Его беспокоило состояние школьного образования. В апреле 1934 года ЦК ВКП(б) принял два постановления: «О проработке решений XVII съезда партии в начальной школе» и «О перегрузке школьников и пионеров общественно-политическими заданиями». В них отменялась как ошибочная директива наркомпроса о портике проработки в начальной и средней школе решений XVII съезда[583]. Признавались вредными такие методы проработки общеполитических вопросов, как «политлотерея», «политудочки», «политбои». Эти методы, говорилось в постановлениях, недопустимы, они ведут к механическому зазубриванию учащимися отдельных формулировок. Постановления потребовали не допускать перегрузки детей общественно-политическими заданиями в средней школе[584].

В июле 1934 года в Ленинграде состоялся пленум городского комитета ВКП(б). К нему для Кирова были подготовлены документы, которые назывались «Факты о школе». Они свидетельствовали о крайне низких знаниях учащихся начальных школ в области отечественной истории, географии, природоведения. Например, на вопросы по географии школьники

отвечали: *«Облако состоит из солнца, луны и тучи»* или: *«Чтобы найти в любом месте меридиан, надо взять глобус»*[585] и т. д.

Выступление Кирова на этом пленуме Ленинградского горкома ВКП(б), посвященное проблемам изучения истории, во многом — и по смыслу, а иногда и текстуально — совпадает с замечаниями по конспектам учебников истории, что позволяет сделать вывод и о его авторском вкладе в этот коллективный труд.

Итак, 14 августа Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило замечания на конспекты учебников по истории СССР и новой истории. Сталин, Киров и Жданов были в это время в Сочи. Они вернулись в Москву не позднее 23 или 24 августа. 25 августа состоялось заседание Политбюро ЦК, в котором все они принимали участие. Киров вернулся в Ленинград не раньше 26 августа.

Вскоре Киров поехал в Казахстан. Есть немало домыслов и по этому поводу. Некоторые публицисты утверждают, что Сталин так хотел избавиться от Кирова в Сочи, что прямо оттуда отправил его самолетом в Казахстан. Другие убеждены, что это была ссылка Кирова.

Как же было в действительности?

Из Сочи Киров вернулся сначала в Москву, а потом в Ленинград. Пробыл здесь несколько дней, затем выехал в Москву и только 4 сентября отбыл в Казахстан. Об этом неоспоримо свидетельствуют документы, в одном из которых, хранящемся в Ленинградском партийном архиве, говорится:

«16 декабря 1934 г. Агранову.

Справка

Сообщаю, что Сергей Миронович Киров уехал из Ленинграда 24 июля и вернулся 30 августа с. г.

3 сентября в связи с решением ЦК ВКП(б) он выехал в Москву, а потом в Казахстан и вернулся в Ленинград 30 сентября, приступив к работе в Смольном 1 октября 1934 г.

Зав. особым сектором Ленинградского обкома Свешников»[586].

Карандашом помечено *«Справка нужна для следствия»*.

Возможно, Киров вернулся несколько раньше, ибо в одном из блокнотов, хранящемся в Центральном партийном архиве, записано: *«Материалы, посланные на квартиру т. Кирову 27 августа 1934 г.»*. Среди них: три записки Вейстана о ходе рыбного лова, информация о работе железной дороги и о выполнении лесозаготовок III квартала, различные радиосообщения[587]. Немного ниже другая запись (та же рука Н. Ф. Свешникова): *«Материалы, посланные на квартиру т. Кирова 28 августа 1934 г.»*. Они обширны. Назову лишь некоторые: Бюллетень комиссии партийного контроля при. ЦК ВКП(б) № 7, три записки

Буденного (зав. отделом обкома. — *А.К.)* о добыче и сушке топлива, стенограмма Пленума ЦК ВКП(б), состоявшегося 29 июня — 1 июля 1934 года, протокол заседания Политбюро от 26 августа, записки Ф. Д. Медведя, телеграмма Блюхера и другие документы[588].

Многие из них имели гриф «секретно», «сов. секретно». И если бы Кирова не было в Ленинграде, то Они должны были бы ждать его возвращения в сейфах особого сектора обкома ВКП(б).

Киров выехал из Ленинграда в Москву 3 сентября, а затем уже поездом в Казахстан. Это подтверждается документально. Сохранились два кировских письма жене Марии Львовне и конверты к ним. Одно из них опущено на ст. Раменское Московской области и имеет штамп 4 сентября. Оба письма сугубо личные. И для нас важно не их содержание, а констатация самого факта: 4 сентября Киров выехал специальным поездом в Казахстан из Москвы. Другое письмо от 5 сентября. Кстати, Мария Львовна ответила на оба эти письма телеграммой, в одной из них сообщила: *«Седьмого уезжаю отдыхать Толмачево».*

Вместе с Кировым для оказания помощи Казахстану в проведении уборки выехала группа ленинградцев. Киров как член Политбюро, Оргбюро и секретарь ЦК ВКП(б) несомненно знал о подготовке решений об отмене карточной системы на хлеб с января 1935 года. Помнил он, безусловно, и о страшном голоде на Украине и в Поволжье в 1932 и 1933 годах, связанном не только с засухой, но с неправильными действиями руководства страны в проведении хлебозаготовительной камлании, с грубыми ошибками и просчетами. Известно, что Ленинград серьезно в эти годы от голода не пострадал, но сюда приезжали беженцы из других районов страны, зачастую утром на Московском, Витебском вокзалах, Литовском проспекте находили их трупы. Кроме того, существовала жесткая карточная система распределения продуктов, и хотя население города не голодало, но недоедало: хлебобулочные нормы были низки, не хватало масла, мяса, жиров.

Киров хорошо представлял важность уборочной кампании для судеб страны. Сталин, направляя Кирова в Казахстан, был весьма обеспокоен медленной уборкой богатейшего урожая зерна, выращенного там. Он полагал, что Киров с его талантом организатора решит эту очень непростую проблему. Поэтому нельзя рассматривать поездку Кирова в Казахстан как свидетельство стремления Сталина избавиться от него — это значит очень смутно представлять обстановку того времени.

Добавлю для сведения любителей мифотворчества, что 31 августа за подписью Сталина и Молотова было принято

постановление ЦК и СНК СССР, и довольно жесткое, о проведении хлебозаготовительной кампании. Среди многих мер оно предусматривало направить Молотова — в Западную Сибирь, Кагановича — на Украину, Кирова — в Казахстан, Ворошилова — в Белоруссию и Западную область, Микояна — в Курскую и Воронежскую области, Чубаря — в Средневолжский край, Жданова — в Сталинградский край, Чернова — в Челябинскую область, Клейнера — в Саратовский край. В разные районы страны были направлены также группы комиссии партийного и советского контроля[589].

Принятие таких экстраординарных мер диктовалось крайне тяжелым положением в хлебоуборочной кампании. В постановлении говорилось: *«Последние три недели августа… дали резкое понижение хлебозаготовок. Если в прошлом году за третью пятидневку августа поступило хлеба по Союзу — 94,5 млн. пудов, то в этом году за ту же пятидневку — 84,9 млн. пудов. За четвертую пятидневку в прошлом году — 94,8 млн. пудов, в этом году — 87,8 млн. пудов. За пятую пятидневку в прошлом году — 98 млн. пудов, в этом году — 78,5 млн. пудов»*[590].

Падение хлебозаготовок в 1934 году более чем на 36 млн. пудов грозило поставить под угрозу срыва решение такой проблемы, как отмена карточной системы. В этих условиях и был предпринят уже отработанный метод — посылка уполномоченных в разные регионы страны. Мы можем сегодня — вполне обоснованно и справедливо критиковать командно-административную систему и те методы, которые тогда применялись. Но и забывать о том, что в те времена эти меры давали определенный эффект, мы, по-моему, тоже не вправе.

Кроме того, в Казахстане у Кирова были и свои личные интересы. Первым секретарем Казахстанского крайкома ВКП(б) был Левон Мирзоян — один из его друзей по Закавказью. Сохранилась обширная переписка между Кировым и Мирзояном. Она свидетельствует, что Л. Мирзояну было крайне трудно работать в Казахстане: он жаловался, нервничал, просил Сергея Мироновича ему помочь.

Представляет интерес телеграмма Кирова: *«Алма-Ата. Молния. Мирзояну. Случайно стало известно, что на вокзале Алма-Ата готовится встреча. Если это так категорически протестую. Настаиваю никаких встреч, рапортов и пр. Прошу учесть цель поездки»*[591].

Алма-Ата, Актюбинск, Семипалатинск, Караганда, Петропавловск — это города, которые Киров не только посетил, но и где выступал, встречался с людьми, беседовал, советовал. Одновременно он решал большой круг и других важнейших

вопросов: о стационарных зернохранилищах, об улучшении материального положения спецпереселенцев, о необходимости ускорения строительства на железнодорожных участках Рубцовск — Ридцер, Караганда — Балхаш и укрепления прокурорского надзора в Восточной области Казахстана.

Положение в Казахстане было сложным. Помимо Кирова информация шла и от уполномоченного партконтроля ЦК ВКП(б) в Казахстане В. Шаранговича. В Центральном партийном архиве хранится ряд его телеграмм. Шарангович предлагал *«решительно ударить по саботажу хлебоуборки, организуемыми кулацкими элементами, сейчас же очистить актив от враждебных и полувраждебных элементов, увеличить план хлебосдачи совхозам Казахстана».*

Замечу: в телеграммах, письмах, сообщениях, которые слал Киров, не было подобных формулировок. Говорилось лишь об отсутствии нормального хода хлебозаготовок, о сложностях и трудностях хлебозаготовительной кампании в Казахстане. Правда, и он прибегал к испытанному методу — кадровым перемещениям. Например, в телеграмме на имя Жданова Киров сообщал: *«Ни в коей мере не обеспечивает нормальный ход хлебозаготовок руководство Алма-Атинской обл. секретарь обкома Тоболов. Предлагаю немедленно снять и заменить его начальником политотдела Туркестана — Сибирской жел. дороги Киселевым, знающего область. Вместо Киселева можно назначить начальника политотдела второго района, который по заявлению Мирзояна справится с делом. Жду срочного ответа»*[592].

Итогом поездки Кирова по Казахстану стало совместное заседание Казахстанского крайкома ВКП(б) и Совнаркома, обсудившее ход уборочной кампании. Киров принимал в нем самое непосредственное участие. Постановление, принятое на этом совещании, содержит кировские пометки и представляет определенный интерес. Приведу его с поправками Кирова: *«… Несмотря на указание ЦК ВКП(б) и СНК СССР о всемерном усилении уборочных работ и хлебосдачи… особенно отстают Восточно-Казахстанская, Алма-Атинская и Карагандинская области…*

Алма-Атинский обком и особенно его первый секретарь… деморализовал партийные организации, допустил срыв установленного правительством задания. Исходя из этого снять с работы… Тоболова [и объявить выговор всем членам бюро].

Предупредить секретаря Кеченского райкома, секретаря Урджарского райкома и начальников политотделов (Кугалинской и Урджарской МТС), [что если к 10 октября не будет обеспечено ликвидации отставания от выполнения плана, они будут сняты с

*работы и отданы под суд]. (*Слова в квадратных скобках вычеркнуты Кировым. *— А.К.)».*

Как видим, кировские формулировки отличаются от формулировок, предложенных Шаранговичем. Нет ярлыков, нет таких слов, как «вредительство», «враждебность» и т. д.

Быть может, Киров был слишком мягок? Я бы этого не сказала. В том же постановлении есть и такое предложение: *«Зам. председателя Карагандинского облисполкома тов. Козловцева за несвоевременный выезд на хлебозаготовки и уборочную и за пьянку в районах снять с работы и исключить из партии»*[593].

В Казахстане Киров столкнулся с тяжелым положением спецпереселенцев (точнее — «раскулаченных» крестьян). Он считал, что во многих случаях виноваты уполномоченные НКВД, и потребовал от Ягоды примерно наказать нескольких отъявленных мерзавцев из его ведомства. Более того, одной из причин такого положения он считал нарушение *«революционной социалистической законности».* В связи с этим Киров потребовал снятия с работы прокурора Восточно-Казахстанской области. 20 сентября Вышинский передал в Семипалатинск для передачи Кирову телеграмму следующего содержания: *«Веселкин отозван. Временно прокурором Восточно-Казахстанской области направлен Аджаров. Ближайшие дни обеспечим усиление прокуратуры, суда»*[594].

Интересно и другое: после отъезда Кирова из Казахстана все дела по укреплению органов прокуратуры и суда были приостановлены. Мирзоян немедленно сообщил об этом Кирову в Ленинград. И 1 ноября 1934 года последний направил в Москву, в ЦК ВКП(б), Жданову такую телеграмму: *«Обещанный прокурор Восточной области до сих пор не прибыл. Положение облпрокуратуры на Востоке нетерпимое. Убедительно прошу ускорить командирование облпрокурора Восточной области Казахстана»*[595]. Замечу, эта депеша шла уже в ЦК, а не Вышинскому, как было ранее.

Могла ли такая кировская настойчивость в наведении порядка и социалистической законности понравиться ближайшему сталинскому окружению? Тому же Ягоде или Вышинскому. Скорее всего — нет.

А теперь сделаем небольшое отступление, которое позволит нам поближе познакомить читателя с семьей Сергея Мироновича Кирова, тем более что вокруг обстоятельств его семейной жизни существует немало мифов.

В период нахождения Кирова в Казахстане состояние здоровья его жены — Марии Львовны Маркус ухудшилось. 11 сентября 1934 года Чудов сообщил Кирову: *«Мария Львовна*

отдыхает в Толмачево. Договорился с Шеболдаевым (секретарь Ростовского крайкома ВКП(б). — *А.К.) об. откомандировании в наше распоряжение сестры Марии Львовны. На днях будет в Ленинграде и будет отдыхать с Марией Львовной»*[596]. Речь шла о Рахили Львовне Маркус, члене партии с 1925 года, враче по образованию и призванию, человеке удивительного такта, душевности, очень начитанном. Она была добрым другом семьи Кировых. И до самой кончины Марии Львовны Маркус в 1945 году она жила вместе с ней в кировской квартире. Умерла Рахиль Львовна в 1959 году, а в 1962 году скончалась Софья Львовна — старшая из сестер.

А. Антонов-Овсеенко писал: *«…**в 1958 году***[597] *(*выделено мной. — *А.К.) в ЦК с письмом обратилась старшая сестра жены Кирова Софья Львовна Маркус, жившая вместе с ними. Сергей Миронович после каждого своего возвращения из Москвы с большой тревогой рассказывал о взаимоотношениях со Сталиным. Рассказывал также о совещании на квартире Серго».* То же самое неоднократно высказывала и О. Г. Шатуновская[598].

Что сказать по этому поводу? Письмо в ЦК действительно было. В нем Софья Львовна подвергала жесткой критике одну из книг за искажение фактов биографии Марии Львовны, указывая, что последняя никогда не училась в гимназии, она окончила двухлетнюю школу, работала девочкой в шляпном магазине Гешлина, затем продавцом, потом кассиром и была малообразованным человеком. Письмо датировано 1958 годом[599]. Что касается утверждения о совместном проживании трех сестер, то должна заметить, что Софья Львовна жила до 1935 года в Москве, а появившись в Ленинграде после смерти Кирова, длительное время была прописана по другому адресу, хотя, несомненно, часто пользовалась гостеприимством вдовы Кирова. И наконец, в январе 1959 года Софья Львовна в своих воспоминаниях, отрывок из которых уже цитировался, писала *«о великой дружбе Сталина и Кирова»*…

Надо сказать, что очевидцы тех лет, обслуживавшие семью Кирова при его жизни и после смерти, говорили: С. М. Киров с большой симпатией относился к Рахиль Львовне и иронически к Софье Львовне. Косвенным подтверждением этим свидетельствам могут служить письма друга юности Кирова Герасима Шпилева к Сергею Мироновичу, где немало пишется о С. Л. Маркус, о том, как к ней несправедливо относятся. И во всех письмах — просьба помочь С. Л. Маркус. Эти письма Шпилева наводят на мысль: а так ли уж Софья Львовна была близка к Кирову при его жизни, как она пыталась представить это впоследствии? Почему вопрос о получении путевок в санатории, о ненормальных отношениях с

сослуживцами, о якобы несправедливом отношении к ней вышестоящего начальства, о посылке ее на учебу решался Софьей Львовной через друга Кирова еще по Томску — Шпилева. Однако делать определенные выводы по столь щекотливому вопросу все-таки не берусь…

Мария Львовна Кирова до самой своей смерти находилась на полном государственном обеспечении. Никто и никогда из ближайших родственников Кирова и его жены не репрессировался. Маркус-Кирова похоронена на Волковом кладбище, ее сестры — на Коммунистической площадке Охтинского кладбища.

Это небольшое отступление о сестрах Маркус сделано мной не случайно. Мифотворчество не миновало и их. В 1989 году еженедельник «Собеседник» опубликовал воспоминания бывшего секретаря ЦК ВЛКСМ В. Пикиной, арестованной вместе с А. Косаревым и прошедшей все круги лагерного ада. Так вот, она утверждает, что сидела вместе с родной сестрой жены Кирова — некоей Власовой.

Власова вполне реальное лицо, она являлась ближайшей подругой С. Л. Маркус, работала в Институте марксизма-ленинизма при ЦК ВКП(б), там была исключена из партии, а затем арестована.

Какую же позицию в те дни занимала ее подруга — Софья Львовна Маркус?

Не будем домысливать и фантазировать. Пусть опять говорит документ:

«Секретарю парткома Музея С. М. Кирова тов. Сюннербергу.

С. Л. МАРКУС, чл. п. с 1905 г. п/б № 2435580.

Заявление

Настоящим должна довести до сведения парткома, что я допустила грубейшую политическую ошибку, выразившуюся в притуплении революционной бдительности.

В Москве органами НКВД арестована работник ИМЭЛ, Власова, с которой я была связана по подпольной партийной работе с 1904 года. С 1924 по 1926 год работала с ней в пропгруппе ЦК ВКП(б). Последние годы связь была бытовая. С 1931 г. по 1935 год жила с ней на одной квартире в Москве. С 1935 года — отдельные встречи во время моих приездов в Москву (я останавливалась у нее на квартире) и переписка…

Парткомитет был прав, исключивши Власову из партии. Партком ИМЭЛ проявил больше политической дальнозоркости, чем я, которая слепо доверяла ей до последнего времени.

Тяжела моя вина перед партией. Оправдания я себе не нахожу. Особенно мучает и угнетает меня сознание: имею ли я право в

настоящее время оставаться в музее С. М. Кирова на руководящей работе.

С. Маркус. 23/11–39 г.»[600]

Не буду комментировать это заявление — по-моему, оно говорит само за себя. Подведу лишь итог: материалы и документы, которые я пыталась представить читателю в наиболее полном виде, опровергают домыслы отдельных историков и публицистов о *«ссылке»* Кирова в Казахстан, о якобы *«сложных отношениях между Сталиным и Кировым незадолго до убийства».* Они свидетельствуют: многие воспоминатели 60–70-х годов зачастую ошибаются не только в оценке фактов, но и в их изложении. К сожалению, память человеческая — инструмент, далекий от совершенства. Она субъективна и подвластна времени.

И снова о Сталине

Кто же является действительным автором идеи о причастности Сталина к убийству Кирова? Лев Давидович Троцкий. Именно он первым выдвинул эту версию. Аргументация его была такова: снята с работы и привлечена к ответственности большая группа (12 человек) сотрудников Ленинградского управления НКВД. *«Безусловно*, — писал Троцкий, — *сами бы они не пошли по собственной инициативе на убийство Кирова, если бы не было прямого, в той или иной форме, указания Сталина»*[601].

На XX съезде КПСС эту версию фактически повторил Никита Сергеевич Хрущев. Правда, он не был столь категоричен, как Троцкий.

«…Обстоятельства, связанные с убийством Кирова, до сих пор таят в себе много непонятного и загадочного и требуют самого тщательного расследования. Есть основания думать, что убийце Кирова — Николаеву кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова. За полтора месяца до убийства Николаев был арестован за подозрительное поведение, но был выпущен и даже не обыскан. Крайне подозрительным является то обстоятельство, что когда прикрепленного к Кирову чекиста 2-го декабря 1934 г. везли на допрос, он оказался убитым при „аварии" автомашины, причем никто из сопровождающих его лиц при этом не пострадал»[602].

Сравнительно недавно стало известно, что этот доклад для Хрущева писал П. Н. Поспелов. Уже после XX съезда КПСС он пишет специальную записку об убийстве Кирова. Можно согласиться с комментарием автора, опубликовавшего эту

записку. *«…Документ Поспелова крайне чуткая реакция на настроения высшего руководства* (выделено мной. — *А.К.)».* Анализ записки подтверждает этот вывод.

С одной стороны, в ней приводятся материалы допросов Николаева, а также показания отдельных его сопроцессников на заседании Военной коллегии Верховного суда СССР 28–29 декабря 1934 года. Все они свидетельствуют, никто, кроме Николаева, виновным себя в организации, подготовке теракта против Кирова не признал.

С другой стороны, П. Н. Поспелов в весьма уклончивых выражениях высказывает мысль: убийству Кирова способствовали чекисты, которые сами на это не пошли бы никогда, если бы не получили указания в полуофициальной форме от некоей самой высокой «инстанции» (то есть от Сталина). Аргументируя причастность этой «инстанции» к убийству Кирова, Поспелов приводит доводы, взятые им из документов процессов 1936, 1937 и 1938 годов. Они сводятся к следующему:

1. Убийство Кирова произошло потому, что его охрана способствовала этому. Так, Л. Николаев, арестованный 15 октября 1934 года, был освобожден по указанию начальника оперода[603], в свою очередь получившего подобное распоряжение от заместителя начальника Ленинградского управления НКВД Ивана Запорожца.

2. Генрих Ягода летом 1934 года получил указания от Авеля Енукидзе не мешать убийству Кирова. При этом Енукидзе мог выступать в роли либо одного из руководителей правотроцкистского центра, либо доверенного лица Сталина.

3. Ягода не понес никакого взыскания и ответственности за такой позорный прорыв в работе НКВД, как убийство Кирова. Арестованный впоследствии Енукидзе на допросах утверждал: Ягода виноват в убийстве Кирова, о чем прямо говорил Орджоникидзе на одном из заседаний Политбюро ЦК ВКП(б).

Все эти аргументы, приводимые Поспеловым, зачастую текстуально совпадают с тем, что писал об убийстве Кирова Лев Троцкий в своем изданном за границей в 1934–1939 годах «Бюллетене оппозиции».

Однако Поспелов прямо не обвиняет Сталина в причастности к убийству Кирова. Это делает Хрущев в своем заключительном слове на XXII съезде КПСС. И в подтверждение этого приводит ряд доводов:

«Обращает на себя внимание тот факт, что убийца Кирова раньше дважды[604] *был задержан чекистами около Смольного и у него было обнаружено оружие. Но по чьим-то указаниям оба раза он освобождался… И почему-то получилось так, что в момент*

убийства начальник охраны Кирова далеко отстал от С. М. Кирова, хотя он по инструкции не имел права отставать на такое расстояние от охраняемого.

…Когда начальника охраны Кирова везли на допрос, а его должны были допрашивать Сталин, Молотов и Ворошилов, то по дороге, как рассказал потом шофер этой машины, была умышленно сделана авария теми, кто должен был доставить начальника охраны на допрос. Они объявили, что начальник охраны погиб в результате аварии, хотя на самом деле он оказался убитым сопровождавшими его лицами.

Таким путем был убит человек, который охранял Кирова. Затем расстреляли тех, кто его убил. Это, видимо, не случайность, это продуманное преступление. Кто это мог сделать?»

Заметим, что теперь Хрущев говорит уже о **двух** задержаниях Николаева сотрудниками НКВД, а также об **умышленности аварии и об убийстве начальника охраны** сопровождавшими его лицами.

Что должно было насторожить объективного исследователя в этом заявлении Н. С. Хрущева?

Конечно, неточности. Николаев задерживался охраной Кирова один-единственный раз — 15 октября 1934 года. При аварии машины погиб рядовой охранник, а не начальник охраны Кирова.

Не могло не насторожить и то, что на этом же съезде в выступлении председателя КГБ А. Н. Шелепина ничего не говорилось о причастности Сталина к убийству Кирова. И вдруг Хрущев в заключительном слове произносит нечто другое. Чем можно объяснить такое расхождение? Думаю, что по такому важнейшему вопросу: причастен или непричастен Сталин к убийству Кирова — версии прорабатывались и обсуждались среди высшего политического руководства страны самым тщательным образом.

Как известно, сразу же после XX съезда КПСС 13 апреля 1956 года Президиум ЦК КПСС принял решение о создании комиссии под председательством Молотова для проверки обстоятельств, связанных с убийством Кирова и репрессиями против других лиц, осужденных по политическим мотивам. Через год, в апреле 1957 года, комиссия пришла к выводу: убийство Кирова совершил Л. Николаев, который никогда не был связан с троцкистско-зиновьевской оппозицией[605]. Однако никакого официального решения по результатам работы этой комиссии принято не было. По-видимому, это было вызвано теми сложными отношениями, которые уже сложились к этому времени между Н. С. Хрущевым, с

одной стороны, и В. М. Молотовым, Л. М. Кагановичем и Г. М. Маленковым — с другой. Возникшие между ними разногласия касались самых разнообразных вопросов внешней и внутренней политики страны, в том числе, несомненно, были противоречия и по реабилитации осужденных по политическим процессам 30–40-х годов.

В 1960 ходу дело об убийстве Кирова проверялось вторично вновь созданной Президиумом ЦК КПСС комиссией под председательством Н. М. Шверника. Результатом ее явилась итоговая записка, в которой говорилось: *«…убийство С. М. Кирова было организовано и осуществлено работниками НКВД по указанию Сталина. Охранник С. М. Кирова оперкомиссар Борисов, вызванный на допрос к Сталину, погиб не в результате автомобильной аварии, а был умышленно убит сопровождавшими его работниками НКВД»*[606].

В связи с тем что это заключение не было подтверждено достаточно вескими и серьезными доказательствами, в мае 1961 года под председательством Н. М. Шверника создается новая комиссия по расследованию обстоятельств убийства Кирова. В нее входили представители КПК при ЦК КПСС, в том числе О. Г. Шатуновская, П. Н. Поспелов — директор Института марксизма-ленинизма, представители КГБ и Прокуратуры СССР.

Комиссия проделала огромную работу, она подняла и пересмотрела дела коммунистов, проходивших по делу об убийству Кирова, опросила как тех, кто вернулся из лагерей, так и тех, кто там не был. В результате было получено много показаний, писем, заявлений, объяснительных записок. Некоторые лица давали объяснения по нескольку раз, причем первые объяснительные записки начисто опровергались последующими. Большинство из тех, кто прошел через эту комиссию, сами не были очевидцами трагедии в Смольном, а где-то и что-то когда-то им кто-то рассказывал. Противоречивость, субъективность подобных документов не вызывает сомнений. И примеров тому немало. Естественно, противоречивыми оказались и результаты работы комиссии. Правда, в справке, написанной и подписанной **всеми** ее членами, в том числе и О. Г. Шатуновской, делается вывод: *«Николаев был террористом-одиночкой и Сталин использовал убийство Кирова для физической изоляции и уничтожения как лидеров зиновьевской оппозиции, так и бывших их сторонников»*. То есть фактически был подтвержден вывод комиссии 1957 года. Но большинство членов комиссии, в том числе и О. Г. Шатуновская, высказали мнение, что обстоятельства убийства Кирова нуждаются в более глубокой проверке[607]. Такого же мнения придерживался и Н. С. Хрущев. Выступая на

XXII съезде 27 октября 1961 года и останавливаясь на обстоятельствах убийства Кирова, он подчеркнул: *«надо еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели. Чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова, тем больше возникает вопросов».*

В том, что говорил Н. С. Хрущев на съезде, за исключением отдельных деталей, ничего принципиально нового не было. Многое было известно и раньше из судебного отчета по делу так называемого антисоветского правотроцкистского блока, проходившего в Москве в марте 1938 года.

Вот, например, показания Ягоды на этом процессе: *«В 1934 году, летом, Енукидзе сообщил мне о состоявшемся решении центра право-троцкистского блока совершить убийство Кирова. В этом решении принимал непосредственное участие Рыков. Мне стало известно, что троцкистско-зиновьевские тергруппы ведут конкретную подготовку этого убийства… Енукидзе настаивал на том, чтобы я не чинил никаких препятствий этому делу. В силу этого я вынужден был предложить Запорожцу, который занимал должность зам. начальника Управления НКВД в Ленинграде, не препятствовать совершению террористического акта над Кировым. Спустя некоторое время Запорожец сообщил мне, что органами НКВД задержан Николаев, у которого были найдены револьвер и маршрут Кирова, и Николаев был отпущен…»*

Тогда же П. П. Буланов (личный секретарь Ягоды с 1929 года, затем до конца марш 1937 года — секретарь наркомата внутренних дел) показал следствию: *«…Ягода рассказывал мне, что сотрудник Ленинградского управления НКВД Борисов причастен к убийству Кирова. И когда члены правительства, приехавшие в Ленинград, вызвали этого Борисова в Смольный — допросить его в качестве свидетеля, то Запорожец, будучи встревожен и опасаясь, что Борисов выдаст тех, кто стоял за его спиной, решил убить его. По указанию Ягоды Запорожец устроил так, что машина, которая везла Борисова в Смольный, потерпела аварию, Борисов был в этой аварии убит».*

Это я привела отрывки из отредактированного и изданного «Судебного отчета по делу антисоветского „правотроцкистского блока"» (с. 493–494). Так как сегодня высказываются мнения, что отчет был фальсифицирован, приведу неправленную стенограмму этого же показания Буланова:

«…Боюсь точно вам сказать — рассказ [Ягоды] был достаточно сумбурный, но у меня осталось в памяти и то, что комиссар Борисов, который был единственный участник убийства, который должен был дать членам правительства, которые сами выехали туда и производили расследования, должен был дать

показания, что Ягода там был тоже, что этот комиссар Борисов не смог явиться на допрос и был убит при аварии машины. Когда он мне рассказал о том, что он был осведомлен об убийстве, мне стала тогда понятна та необычная для Ягоды забота, которую он проявил, когда Медведь, Запорожец и остальные сотрудники по требованию были арестованы и преданы суду»[608].

На допросах Ягода и его секретарь могли признаться в чем угодно. Когда бьют по ногам, ребрам, почкам резиновыми палками, когда пытают — не все выдерживают. Бывший нарком НКВД не выдержал, что уж говорить о его секретаре. Кстати, следователем Ягоды был Л. М. Заковский, которому экс-шеф НКВД в свое время протежировал.

Не стоило бы, наверное, сегодня и вспоминать об этих оговорах и самооговорах — кто же не знает им цену. Но приходится, когда читаешь в статье уважаемого академика А Н. Яковлева («О декабрьской трагедии 1934 года». Правда. 1991, 28 янв.): *«Мы также не знаем, о чем шла речь на закрытых заседаниях процесса, где давал показания Ягода. Были ли предприняты попытки выяснить, какие дела Ягода попросил суд рассмотреть отдельно и на закрытом заседании? У Ягоды был один и единственный начальник — Сталин. Шла ли речь о нем на закрытых заседаниях коллегии?*

Как вел себя Ягода в преддекабрьские дни и в первой половине дня 1 декабря 1934 года? Где он был, что делал, кого принимал, к чему проявлял интерес, был ли на приеме у Сталина?».

Увы, не могу ответить на вопрос, как вел себя Ягода в преддекабрьские дни 1934 года. Но известно, что 1 декабря Ягода был вызван к Сталину уже после убийства Кирова в Ленинграде. Время прибытия в кабинет Сталина зафиксировано 17 ч. 50 мин. Значит, к этому времени он уже получил сообщение из Ленинграда, а время ухода Ягоды также отмечено — 20 ч. 30 минут. Кроме Сталина, Ягода был последним человеком, согласно записи посетителей, покинувшим кабинет Сталина в Кремле. А интерес у всех присутствовавших там был один — похороны Кирова.

Закрытые заседания действительно проводились по просьбе Ягоды. Скорее всего потому, что на них говорилось о личных отношениях Ягоды с семьей Горького. Эта тема настолько деликатная, что мы ее касаться не будем, но она тесно переплеталась с признаниями Ягоды во многих грехах. Однако на этих закрытых заседаниях Ягода не касался ни Сталина, ни Кирова. *«Диву даешься,* — пишет доктор исторических наук, автор пока единственного в стране биографического очерка о Г. Ягоде, В. Некрасов, *как он раскаивается во всех мыслимых и немыслимых*

грехах: в том, что был одним из руководителей правотроцкистского подпольного блока с целью свержения Советской власти и восстановления капитализма; и в соучастии по делам об убийстве С. М. Кирова, В. Р. Менжинского, В. В. Куйбышева, А. М. Горького и его сына М. А. Пешкова; и в покушении на жизнь Ежова, и в помощи иностранным шпионам и т. д.»[609]

Кстати, Генрих Ягода перед тем, как ему на процессе 1938 года был вынесен смертный приговор, отверг обвинения в организации убийства Кирова и в шпионаже в пользу иностранных государств. *«Нет,* — говорил Ягода, *— в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки».* И далее: *«Неверно не только то, что я являюсь организатором, но неверно и то, что я являюсь соучастником убийства Кирова».*

Замечу, что весь текст выступления Ягоды полностью опубликован в судебном отчете по делу правотроцкистского блока еще в 1938 года и мне кажется, Александр Николаевич Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС и председатель по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями 30–40-х годов, при желании вполне мог бы найти ответы на поставленные им перед самим собой вопросы.

Имеется один документ, который позволяет в несколько ином свете взглянуть на отношения между Ягодой и Сталиным. Это небольшая записка. Она собственноручно написана Сталиным. *«Т. Менжинский! Прошу держать в секрете содержание нашей беседы о делах в ОГПУ (пока-что!). Я имею в виду коллегию ОГПУ* ***(включая и Ягоду)*** *(*выделено мной. *— А.К.), члены которой не должны знать пока-что содержание беседы. Что касается секретарей ЦК, с ними можно говорить совершенно свободно. Привет! И. Сталин»*[610]. При таких отношениях вряд ли можно быть сообщником в убийстве Кирова.

Предположительно, данная записка написана Сталиным в 1934 году и, по-видимому, беседа была посвящена предстоящим преобразованиям всей системы правоохранительных органов, проведенной в июле 1934 года. Как видим, все было не так уж просто во взаимоотношениях Сталина и Ягоды. Не следует также забывать, что были расстреляны, репрессированы и скончались в тюрьмах, лагерях и ссылках 15 ближайших родственников бывшего наркома: его жена, старики-родители, пять сестер с мужьями. А. К. Тамми, на воспоминания которого автор уже ссылался, в Норильске находился с родной сестрой Г. Ягоды, которая утверждала: *«В убийстве Кирова — Ягода не виноват!».* И

эти нюансы также необходимо учитывать при анализе трагедии 1 декабря.

Полагаю, нельзя не учитывать и материалы, опубликованные в журнале «Известия ЦК КПСС» № 7 за 1989 год. По-видимому, Ягода сначала оказал пусть хоть и слабое, но сопротивление Сталину в его стремлении сфальсифицировать ход следствия по делу Л. В. Николаева, иначе откуда бы появилось утверждение Ежова: *«…пришлось вмешаться в это дело т. Сталину. Товарищ Сталин позвонил Ягоде и сказал: „Смотрите, морду набьем“».* Если допустить, что это так и было, то Ягода стал, несомненно, соучастником Сталина в фальсификации этого и других процессов. Но согласитесь, это ведь не организация убийства!

Казалось бы, высокая степень информированности академика А. Н. Яковлева не позволяет не знать ему следующие факты.

На одном из допросов Л. В. Николаев показал, что первоначально он собирался убить С. М. Кирова 14 ноября 1934 года. И с этой целью он встречал его на Московском вокзале в Ленинграде. Но стрелять не стал, так как Сергея Мироновича встречало большое количество людей. И потому, смешавшись с толпой встречающих, затерялся. Зафиксировала ли Николаева охрана Кирова в тот день? Нет. Об этом на допросе рассказал сам Николаев. Тем не менее пошли легенды о якобы двух задержаниях Николаева (15 октября и 14 ноября). Хотя, повторяю, 14 ноября его никто не задерживал.

Замечу также, что в некоторых воспоминаниях утверждается, что многие жалобщики пытались лично вручить свои письма и заявления С. М. Кирову, считая (вполне справедливо), что иначе их документы могут затеряться в бюрократических дебрях. А потому просители караулили машину Кирова либо у его дома на улице Красных Зорь, либо у Смольного. Только этим и объясняется, что при первом задержании Николаев был отпущен.

Уже будучи арестованным, Николаев на допросах показал: встретил Кирова 15 октября у Дворца Урицкого, шел за ним до самого дома, подойти к нему не решался, так как Киров шел вместе с Чудовым. *«Когда Сергей Миронович вошел в парадную дома, я двинулся за ним, но, был задержан постовым милиционером, доставлен в 17 отделение милиции, где меня обыскали, а затем отправили в Управление НКВД, на Литейный 4»*[611].

В следственном деле Николаева имеются показания начальника оперотдела УНКВД по Ленинградской области Рубина и начальника отделения охраны М. И. Котомина. В них говорится: *«…в НКВД мы Николаева допросили. Он предъявил партийный билет, сказал, что ранее работал в Смольном и собирался*

обратиться к Кирову с просьбой о своем трудоустройстве. После пятнадцатиминутной беседы мы Николаева отпустили»[612].

Подчеркиваю еще раз: это — единственное задержание Николаева до трагедии в Смольном.

Ошибочными являются мнения Р. Конквиста и А. Антонова-Овсеенко о том, что распоряжение отпустить Николаева отдал И. В. Запорожец. Замечу, что эти слова впервые произнес Ягода на процессе правотроцкистского блока в 1938 году: *«Запорожец отпустил Николаева по моему указанию».*

В действительности Запорожец не имел никакого отношения к освобождению Николаева 15 октября. Это подтвердил почти 30 лет спустя бывший оперсекретарь особого отдела УНКВД по Ленинградской области А. Аншуков. В своем объяснении в комиссию по расследованию обстоятельств убийства Кирова 22 ноября 1963 года он писал: все эти показания Ягоды *«сплошные измышления следователей. Утверждаю, что к освобождению убийцы Николаева 15 октября И. В. Запорожец никакого касательства не имел, да и не мог иметь, потому что Николаев был задержан на правительственной трассе опородчиком (*сотрудником оперативного отдела. — *А.К.) и был доставлен в четвертое отделение (*НКВД — *А.К.) …Запорожец, как зам. нач. Управления, не касался к руководству опородом. За всю историю этого отдела, как только на него возложили функции несения охраны правительства, над этим отделом шефство осуществлял лично товарищ Медведь…*

Во-вторых, в ту пору, когда Николаев был задержан, то есть 15 октября, Запорожец лежал в санотделе, его нога была в гипсе, так как в конце августа или начале сентября на конноспортивных соревнованиях, проходивших на стадионе „Динамо” лошадь Запорожца споткнулась, он упал через голову коня, повредил себе ногу, и гипс был снят… незадолго до празднования XVII годовщины Октября. Когда Запорожец лежал в гипсе, — свидетельствовал далее А. Аншуков, — он не занимался делами никаких отделов НКВД, даже делами Особого отдела, начальником которого был по штату»[613]. Правдивость показаний А. Аншукова подтверждается и другими документами: лечебным делом Запорожца, справкой медкомиссии о необходимости продолжения лечения, решением секретариата обкома ВКП(б) от 11 ноября 1934 года о предоставлении Запорожцу внеочередного отпуска по болезни[614] и его отъезде в Хосту 14 ноября. Вернулся он из отпуска в Москву на похороны Кирова, то есть 6 декабря 1934 года. И вскоре был арестован.

Мифологией обросла и история трагической гибели охранника Кирова М. В. Борисова. В основе этой мифологии все

те же «чистосердечные» признания и «доказательства», выбитые из подследственных в недоброй памяти 37–38 годах, и последующие, спустя десятилетия, рассказы-воспоминания тех, кто тогда выжил.

Но попробую изложить эту переполненную домыслами историю по порядку.

Первоначально у С. М. Кирова было два телохранителя. Один — Борисов Михаил Васильевич, 1881 года рождения, член партии с 1931 года. Он встречал Кирова в Смольном 1 декабря. И дал показания в форме рапорта об этом дне. Оно есть в следственном деле. Другой — Лев Фомич Буковский, 1896 года рождения, член партии с 1916 года. Оба они сопровождали Кирова в поездках на заводы, фабрики, охоту, в командировках и т. д.[615]

И Борисов, и Буковский — оба были беспредельно преданы Кирову. Один из них погиб 2 декабря. Другой — в кровавом 1937-м.

Личному охраннику Кирова — Михаилу Васильевичу Борисову шел уже 53 год. И Филипп Демьянович Медведь справедливо полагал, что для этой должности Борисов староват. Но за своего охранника заступился Киров. И было принято компромиссное решение: Борисов оставался в охране Кирова, но нес ее в основном в Смольном. В его обязанности входило встречать Кирова у Смольного, сопровождать его по зданию. М. В. Борисов охранял Кирова с момента приезда в Ленинград, то есть с 1926 года, был ему лично предан, но, ради справедливости, следует сказать, что возраст брал свое и, возможно, в какой-то степени он стал менее профессионален; тем более что в те годы, по большому счету, профессионалов-охранников вообще не готовили. Их отбирали по принципу классовой принадлежности и умению метко стрелять.

Охранять Кирова было нелегко. Многие работавшие с Кировым в те годы отмечали, что тот не любил, когда за его спиной ходила «тень». В одних воспоминаниях зафиксирован случай, когда Сергей Миронович просто перехитрил охрану и сбежал от нее, вызвав большой переполох. Насколько это верно — сегодня сказать трудно, но он часто игнорировал отдельный подъезд (в простонародье — «секретарский») в Смольном, входил через главный.

Что же все-таки произошло с Борисовым? Версий существует достаточно много, например, один из воспоминателей даже утверждал, что Борисова «убили еще 1 декабря». Совершенно другую картину рисует уже неоднократно упоминавшийся Р. О. Попов: *«Сегодня многие упрощенно представляют обстановку 2 декабря в Ленинграде. Ведь приехало много начальства. Все*

легковые машины, и не только УНКВД, были в разгоне. Сталин захотел допросить Борисова. Последовал его звонок Агранову и Борисова срочно повезли на грузовой машине. Единственной, которая оказалась в гараже НКВД на Литейном 4. Сопровождали Борисова дежурившие в тот день сотрудники оперативного отдела. Одного сопровождающего я знал — Малий, он как-то отдыхал вместе со мной. Фамилии второго не помню. Как мне рассказывали: один из сопровождающих сел в кабину, а второй в кузов — на пол. Про Борисова мне сказали, что он сидел на облучке полуторки, и когда чуть-чуть не произошло столкновение с выскочившим из-за угла грузовиком, то полуторка резко отвернула и Борисов ударился о фонарный столб, а потом упал вниз головой на тротуар».

Однако, в отличие от Попова, никто из остальных участников происшествия не упоминал ни о фонарном столбе, ни о встречной машине. Все они все время говорили: что-то случилось с машиной и она на большой скорости — почти 50 км в час — врезалась в стену дома.

Сразу же после аварии Д. З. Малий, Н. И. Виноградов и Н. С. Максимов (оперативный работник, сопровождавший М. В. Борисова до машины перед отъездом в Смольный, — *А.К.)* были арестованы. Вместе с ними 2 декабря 1934 года был задержан и водитель машины В. М. Кузин. Всех их допрашивали по отдельности. Каждый из них на допросе показал: во время движения по улице Шпалерной автомашину внезапно и резко бросило вправо, она потеряла управление, въехала на тротуар и правой стороной ударилась о стенку дома. Борисов, сидевший у правого борта кузова автомобиля, ударился о стенку дома, получил смертельные повреждения и, не приходя в сознание, скончался[616].

Эти показания подтверждаются выводами технической экспертизы, указавшей в своем заключении от 2 декабря, что *«причиной самопроизвольного поворота машины вправо и ее аварии явилась неисправность передней рессоры автомобиля, а повышенная скорость движения этому способствовала»*[617].

Борисов, которого после аварии перевезли в Николаевский военный госпиталь, вскоре там скончался. В медицинском заключении о смерти говорилось: *«Повреждение костей черепа произошло от удара очень значительной силы головой о твердый плотный предмет, например, каменную стену. Направление удара было сзади наперед и справа налево и удар этот мог быть получен при резком повороте автомобиля влево от стены. Можно полагать, что покойный в момент удара находился на правом борту автомобиля правым плечом впереди и после удара мог быть*

отброшенным в кузов. Осаднение бедра, левой надлопаточной области и осаднение кожи головы слева кровоизлиянием могли произойти при падении в кузов автомобиля и значения для ускорения смерти не имеют».

Акт судебно-медицинской экспертизы был подписан 4 декабря 1934 года[618].

Подробно останавливаюсь на этом моменте потому, что и сегодня существуют кривотолки и домыслы по поводу акта судмедэкспертизы. Так, в уже упоминавшейся мною статье академик А. Н. Яковлев писал: *«…имеется письмо бывшего начальника лечебно-санитарного отдела Ленинградского управления НКВД С. А. Мамушина о том, что смерть Борисова была предумышленным убийством, а не несчастным случаем. Мамушин сам был членом медицинской комиссии и пишет, что ее „заключение о смерти Борисова было сделано вопреки фактам обследования. Вскрытие черепа Борисова показало наличие многочисленных радиально расходящихся трещин черепа, что было следствием удара по голове тяжелым предметом, тогда как в заключении было написано, что была найдена одна трещина черепа, которая свидетельствовала об ударе головой о каменную стену. Свидетельства С. Мамушина требуют тщательного изучения и приобщения к делу“».*

Должна согласиться с Александром Николаевичем Яковлевым: свидетельство Мамушина действительно требует «тщательного изучения». Только в несколько ином аспекте. Дело в том, что существуют большие сомнения по поводу авторства письма, приводимого академиком в качестве доказательства. Сам С. А. Мамушин, начальник санчасти НКВД, наряду с другими экспертами подписавший акт судебно-медицинской экспертизы в 1934 году, подтвердил это заключение и после своей реабилитации в комиссии по расследованию обстоятельств убийства С. М. Кирова. В возрасте 78 лет, страдая сильной глаукомой, при неосторожном переходе улицы он трагически погиб — попал под машину. Это случилось в 1966 году.

И вот спустя почти двадцать пять лет после его смерти в комиссию по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавлял А. Н. Яковлев, поступает письмо Мамушина, в котором он подвергает сомнению этот акт судебно-медицинской экспертизы. Письмо якобы поступило от сына Мамушина. Но его сын погиб на фронте в Великую Отечественную войну. Дочь — Наталия Сергеевна Мамушина — никакого письма отца в ЦК КПСС не направляла. Быть может, следовало бы провести экспертизу письма и установить: написано ли оно самим Мамушиным или фальсифицировано кем-то другим?

Что же касается самого акта экспертизы 1934 года, то подчеркну главное. В 1967 году проводилась комплексная автотехническая и судебно-медицинская экспертиза по аварии автомашины и факту смерти оперкомиссара М. В. Борисова. Был эксгумирован труп Борисова. Выводы экспертизы таковы: основной причиной автодорожного происшествия могла явиться техническая неисправность переднего моста автомобиля (передней рессоры), которая способствовала возникновению самопроизвольного поворота автомобиля. Повреждения в области головы Борисова, двусторонний ушиб легких и ссадина в области левой лопатки могли образоваться в условиях данного дорожно-транспортного происшествия. Эти повреждения могли возникнуть одномоментно от удара большой силы о тупой предмет во время аварии автомобиля, как это отображено в материалах дела 1934 года.

Ко всему сказанному добавлю: повторная судебно-медицинская экспертиза проводилась военно-медицинскими экспертами и в 1989 году. В ходе ее изучались акты патологоанатомического вскрытия оперкомиссара М. В. Борисова в 1934 году и эксгумации трупа в 1967 году. Она подтвердила точность экспертизы 1934 года.

Казалось бы, какие могут быть кривотолки? Но мифы — потому и мифы, что существуют совершенно самостоятельно, независимо и от исторических фактов, и от неоднократно доказанных истин. Поэтому вернемся к обстоятельствам гибели Борисова, в 1934 год.

Хотя уже к 5 декабря было точно установлено, что Борисов погиб в результате аварии автомобиля по причине его технической неисправности, Н. И. Виноградов, Д. З. Малий и В. М. Кузин были оставлены под стражей и расследование дела о причинах гибели М. В. Борисова было продолжено.

Теперь его возглавили другие лица — зам. наркома внутренних дел Агранов, зам. председателя Комиссии партийного контроля Н. И. Ежов и генеральный секретарь ЦК ВЛКСМ А. Косарев. С их участием все участники, дорожного происшествия были передопрошены. Как свидетельствуют протоколы допросов, Агранов, Ежов и Косарев ставили вопросы жестко, целеустремленно, с обвинительным уклоном, добиваясь от Кузина, Малия, Виноградова признания в умышленном убийстве М. В. Борисова. Арестованные категорически отвергли все предъявленные им обвинения, заявляя, что Борисов погиб трагически, неслучайно во время аварии неисправной машины[619].

12 декабря 1934 года был произведен повторный осмотр

места аварий машины. В ходе его на металлической вилке, крепящей водосточную трубу к стенке дома, о которую ударился автомобиль под управлением водителя Кузина (кстати, Кузин при данном эксперименте не отрицал, что за рулем автомобиля находился он сам лично. — *А.К.),* был обнаружен обрывок ткани. По заключению специалистов, этот кусок ткани идентичен ткани пальто погибшего Борисова, причем в области спины данного пальто выявлены разрывы ткани.

Однако следственное дело по факту гибели Борисова продолжалось вплоть до января 1935 года, когда оно было прекращено. В заключительном документе дела говорилось: *«поскольку подозрения в умышленном убийстве оперкомиссара Борисова не подтвердились… Смерть сотрудника оперотдела Борисова последовала вследствие несчастного случая во время аварии автомобиля»*[620].

Н. И. Виноградов, Д. З. Малий и В. М. Кузин были из-под стражи освобождены. Первые двое сразу же приступили к исполнению своих должностных полномочий в УНКВД по Ленинграду и области. Замечу, был уже новый начальник Управления — Л. Заковский, и он, несмотря на все, что с ними случилось, оставил их на работе. Что же касается Кузина, то он уехал на родину в деревню, пробыл там недолго, а потом вернулся в Ленинград и устроился на работу шофером в Судоверфь НКВД.

Но приближался 1937 год. Наркомом НКВД стал Н. И. Ежов. Началась колоссальная чистка аппарата НКВД. Она прежде всего коснулась руководящего состава. 30 апреля 1937 года был арестован бывший зам. начальника оперативного отдела УНКВД по Ленинградской области А. А. Губин. Больше месяца продолжались его интенсивные допросы, с применением пыток, побоев. Результатом этого явилось заявление, написанное Губиным 4 июня 1937 года на имя Ежова. В нем он заявлял, что якобы *«…после убийства Кирова Паукером при моем участии был убит Борисов с целью сокрытия следов убийства, так как Борисов являлся единственным свидетелем убийства Кирова»*[621].

По-видимому, в следственной версии что-то, как принято говорить, «не состыковывалось». Начальник оперативного отдела НКВД К. В. Паукер, которого Губин назвал в качестве организатора убийства Кирова, по этому делу не был даже допрошен. Не были по этому факту Допрошены такие руководящие работники НКВД, как Агранов, Прокофьев, Буланов, Миронов, которые впоследствии также обвинялись в организации убийства Кирова. Зато появились «пешки».

10 июня 1937 года Губин заявил на допросе, что входил в

состав контрреволюционной группы, членами которой также являлись Малий, Виноградов, Максимов, Хвиюзов, их целью была ликвидация Борисова[622].

Еще после первого показания Губина в период с 5 по 11 июня были арестованы Малий, Виноградов, Максимов, Хвиюзов, Кузин. Всем им было предъявлено обвинение в убийстве М. В. Борисова. На первых допросах все они отрицали умышленное убийство, говорили о случайной аварии машины.

16 июня 1937 года В. М. Кузина стали допрашивать весьма интенсивно. Первоначально он категорически отрицал преднамеренное убийство Борисова, но затем, после перерыва в допросе, где его били и пытали, вдруг заявил: во время движения машины Малий резко вырвал у него рулевое управление и так же резко направил руль вправо, в результате чего произошло столкновение с домом и при этом погиб Борисов[623].

Малий и Виноградов держались на допросах очень стойко. Они полностью отвергали последнее показание В. М. Кузина о предумышленной аварии не только на допросах, но и на всех очных ставках с ним. Более того, они называли ложными показания Губина о существовании контрреволюционной группы заговорщиков с целью убийства Борисова по заранее разработанному плану[624]. При этом они доказывали: кто заранее мог знать, что Сталин захочет допросить Борисова, что именно они в этот день чисто случайно оказались дежурными опередчиками. Вдруг Сталин надумал бы допросить Борисова 3 декабря, и тогда бы уже дежурили другие опередчики, поэтому показания Губина — сплошная фальсификация, ложь.

Однако спустя месяц после ареста на интенсивных допросах с пристрастием, пытками, избиениями Малий и Виноградов признались, что являются участниками контрреволюционной группы и аварию, при которой погиб Борисов. совершили преднамеренно.

Дольше всех держался Максимов. Он на допросах упорно отрицал наличие заговора с целью ликвидации Борисова и свое участие в нем. Но 23 августа 1937 года Максимов заявляет на допросе, что он отказывается от этих показаний, *«просит считать их аннулированными»* и *«свои показания на следствии о своей контрреволюционной деятельности я целиком подтверждаю»*[625].

Надо ли говорить еще раз о том, какими методами были получены эти признательные показания. И все же приведу свидетельства. Так, единственный оставшийся в живых водитель В. М. Кузин спустя десятилетия пояснил: *«после ареста 1937 г. на допросах били, не разрешали садиться и требовали признаться в принадлежности к контрреволюционной группе, после чего я стал*

подписывать все протоколы допросов, не читая их». Подобные меры применялись и к другим подследственным. Бывший следователь УНКВД по Ленинградской области С. К. Якушев, проводивший расследование по делу Малия, Виноградова, Максимова 20 апреля 1956 года, будучи опрошенным, показал: *«Я помню, что по указанию руководства управления, арестованного Малия бил Рубинчик. Бил ли Малия я, припомнить не могу»*[626]. Р. О. Попов рассказывал автору книги: *«В 1937 году всех сопровождавших Борисова оперодчиков снова допрашивали, а потом расстреляли. Следователь Резников, имя-отчество не помню, рассказывал мне: „Я его (Малия) держал на «конвейере» 15 суток". За «15 суток на „конвейере" что хочешь скажешь…»*[627].

В судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР Д. З. Малий, Н. И. Виноградов, Н. С. Максимов отказались от всех своих показаний, данных на предварительном следствии, заявили, что они неправдивы, и давая такие показания, они пытались сохранить себе жизнь. Тем не менее в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР, состоявшемся 2 сентября 1937 года, Виноградов, Максимов, Малий, обвиненные в совершении преступлений, предусмотренных статьями 58–8 и 58–11 УК РСФСР, были признаны виновными и приговорены к расстрелу с конфискацией имущества. Суд продолжался всего 20 минут[628].

Трое невинно расстрелянных ушли из жизни, так и не признав своей вины. Брат Малия — В. З. Малий в своем объяснении в КПК при ЦК КПСС 18 декабря 1964 года писал: *«В 1937 году я приехал в отпуск домой и мать показала мне записку брата следующего содержания: „Дорогие родные, я нахожусь в заключении. Верьте, я невиновен. Моим делом будет разбираться сам Сталин"».*

Шофер машины В. М. Кузин через 11 дней, в течение которых он отрицал заговор, предумышленное убийство оперкомиссара Борисова, а потом «сознался» в этом, — был приговорен к длительному сроку тюремного заключения. Пройдя тюрьму, лагерь, ссылку, Кузин остался жив. Замечу, что он фамилии своей никогда не менял, хотя некоторые публицисты и утверждали, что якобы Кузин чудом остался жив только потому, что ему по «закону» лагерного братства поменяли фамилию.

В. М. Кузин и стал главным «свидетелем» версии о предумышленном убийстве охранника Борисова, вновь всплывшей после заявлений Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС. Правда, Кузин несколько раз менял свои объяснения, давая их в различные комиссии по расследованию обстоятельств гибели Кирова и его охранника. Но наибольший интерес представляет

его письмо в Комиссию партийного контроля при ЦК КПСС, направленное в феврале 1956 года. Приведем его почти полностью: *«Виноградов и Борисов сели в кузов грузовой машины, а Малий сел со мной в кабину. По дороге Малий все время торопил меня. Переезжая улицу Потемкина, Малий вырывает у меня руль и направляет машину на стену дома, а сам пытается выскочить из кабины. Я его задерживаю и не даю ему выскочить. Машина открытой правой дверцей ударилась о стену дома, в результате было стекло дверки разбито. Когда я остановил машину и вышел, посмотрел в кузов, Виноградова в кузове было, а он бежал, я вскочил в кузов и увидел, что в кузове лежит убитый Борисов, правый висок был в крови. Я закричал — убили, убили. В это время ко мне подошел Малий и сказал — не кричи, а то будет и тебе, и сам Малий скрылся. Я после этого Малия и Виноградова не видел до моего освобождения из-под ареста (*имеется в виду январь 1935 г. — А.К.*).*

Когда Виноградов и Малий скрылись, я подошел к милиционеру и просил вызвать автоинспектора. В это время ко мне подъехал Гусев — работник НКВД, и меня арестовал. В этот день в четыре часа меня допросил сотрудник НКВД [Агранов Я. С.], *который имел знаки различия — четыре ромба, спросил только анкетные данные. После этого меня посадили в камеру. Дело вел работник Московского НКВД Черток с двумя ромбами. В кабинете были Виноградов, Малий и Фаюзов* (правильно Хвиюзов — начальник I отделения оперотдела УНКВД Ленинградской области. — А.К.*) — работник управления НКВД. Работник Управления НКВД с четырьмя ромбами нам объявил, что мы оправданы, что Борисов не был убит умышленно, а убит при аварии машины от удара о водосточную трубу. При выходе из Управления Фаюзов сказал мне, что — вы все освободились благодаря меня.*

После этого я поступил на работу на судоверфь НКВД шофером, где проработал до 1937 года. Шестого июня 1937 года я был снова арестован по этому делу. На очной ставке с Малий он признался, что он прыгал из кабины, я считаю, что Борисов был убит не при аварии машины. Об этом я говорил и на следствии»[629].

Сколько противоречий и неточностей в этом маленьком письме. В свое время Шатуновская так расстраивалась, что оно пропало. К нашему счастью, оно сохранилось. А теперь давайте его проанализируем.

Машина ударилась о стену дома, на которой находилась водосточная труба, правым боком с очень большой силой (50 км/час), дверца от удара могла приоткрыться, Борисова по инерции движения машины понесло сзади к переду, потом сильнейший

удар о стену и падение в кузов машины.

Малий, естественно, торопил Кузина и наверняка говорил ему: «быстрее, быстрее» — ведь Борисова должен был в Смольном допросить Сталин, а с машиной случилась авария. Возможно, Малий даже пытался повернуть руль, а увидев все, что случилось, — они не сбежали, как пишет Кузин, а побежали сообщить о случившемся своему начальству. Замечу, что Борисов не был убит на месте в результате аварии, а был тяжело ранен. Он скончался, как я уже упоминала, в ночь на 4 декабря. Откуда Кузин так уверенно заявляет, что *«убит»!*

Далее, можно ли поверить, что В. М. Кузина сразу допросил Агранов, для того только, чтобы узнать его анкетные данные? Безусловно, нет. Их всех: Малия, Кузина, Виноградова, Максимова — развели по одиночным камерам, и каждого допрашивали в отдельности по всем мельчайшим подробностям аварии машины, сравнивали их показания с актом трассо-технической экспертизы машины, и только тогда, когда уже получили результаты медицинской экспертизы вскрытия Борисова, пришли к выводу: все показания Кузина, Малия, Виноградова сходятся во всех деталях. Только после этого 5 декабря 1934 года пришли к заключению: М. В. Борисов погиб в результате неисправности автомашины. Следовательно, в 1934 году Кузин говорил другое, нежели писал в 1956 году. Более того, напомню еще раз, что с 6 по 16 июня 1937 года он так же говорил о неисправности автомобиля, и только после того, как при допросе 16 июня к нему были применены недозволенные методы ведения следствия, Кузин, по его собственному признанию, *«стал подписывать все протоколы допросов, не читая их».*

В. М. Кузин пишет, что на очной ставке в 1937 году Д. З. Малий сам признался в организации аварии с целью умышленного убийства Борисова. Читаешь это и думаешь, ну зачем было В. М. Кузину писать прямую ложь в 1956 году? И понимаешь: им владел страх, что его разоблачат как клеветника, повинного в смерти трех товарищей по несчастью.

Не думаю, что мы должны его строго судить за это. Человек слаб, а память его несовершенна. Иногда мне даже кажется, что после пережитого Кузин и сам уже в точности мало что помнил (не случайно путался в своих объяснениях различным комиссиям — даже в том, была авария или ее не было вовсе). Да и партследователи КПК при ЦК КПСС, ориентированные на «удобную», «нужную» версию, могли оказать на него психологическое давление.

Теперь попробуем разобраться, почему, не располагая вескими уликами, Хрущев все-таки пытался убедить делегатов

XXII съезда КПСС в причастности Сталина к трагедии тридцать четвертого года?

Критика культа личности Сталина и его ближайшего окружения на том съезде носила весьма острый характер. Возьмите стенографический отчет съезда, прочтите, и станет ясно: именно тогда партия публично, открыто покаялась в массовых репрессиях, допущенных Сталиным, впервые приводились документы, которые сегодня преподносятся многими публицистами как открытия. Для большинства делегатов этого съезда они явились неожиданностью. Наверняка не все делегаты согласились с такой негативной оценкой сталинского периода. Но, воспитанные в рамках жесткой партийной дисциплины, они дружно голосовали «за». Впереди же предстояло принятие постановления «О мавзолее Владимира Ильича Ленина», второй пункт которого гласил: признать нецелесообразным дальнейшее пребывание саркофага с гробом Сталина в Мавзолее. Как в этом случае поведет себя съезд?

Хрущев, понимая всю сложность момента, чувствовал: нужны очень веские аргументы — своеобразный психологический удар по сторонникам «вождя народов». Таковым в тот критический момент могла стать уже прозвучавшая когда-то (и потому беспроигрышная для Хрущева) версия сталинского заговора против Кирова. Отсюда определенные «перехлесты», неточности и характерная для Хрущева эмоциональность.

Остается добавить, что почти сразу же после XXII съезда КПСС под председательством А. Пельше была создана новая комиссия ЦК КПСС по расследованию обстоятельств убийства Кирова. В ее состав вошли представители Прокуратуры СССР, КГБ СССР и ЦК КПСС. Комиссия работала почти 3 года (1963–1967 гг.) Было опрошено большое число лиц, работавших или встречавшихся с Кировым, получены объяснения от бывших работников НКВД, Прокуратуры и Верховного Суда СССР, имевших отношение к трагическим годам, изучено огромное количество архивных документов, проведены различного характера экспертизы, проверено сотни писем и заявлений, содержащих самые противоречивые сведения. Результатом этого напряженного труда большого числа лиц явилось заключение: убийство Кирова совершил Николаев, Борисов погиб случайно при автомобильной катастрофе.

Но миф все-таки живет. В совсем недавние времена гласности и плюрализма многие наши журналы охотно предоставляли страницы для воспоминаний бывшего энкавэдэшника-перебежчика А. Орлова и трудов Роберта Конквиста. Их писания и сегодня заполнили книжные развалы. Но не мешало бы дать

слово и их оппонентам. Нет, не историкам, постоянно живущим в многострадальной России. Ведь истиной для многих редакторов ныне является лишь то, что вещает заграница, особенно США или Япония. Вот и напечатали бы известного американского советолога Адама Улама, который утверждал: «*Вряд ли Сталин хотел бы создать прецедент успешного покушения на высокопоставленного советского чиновника»,* поскольку это могло бы поощрить организацию покушения на него самого. Более того, А. Улам отвергает и тезис о том, что будто бы Киров возглавлял «либеральное» крыло в Политбюро, был соперником Сталина. Он считал, что это все — ***«сформулированные позже и не опирающиеся на факты предположения*** (выделено мной. — *А.К.)»*[630].

И если уж журнал «Огонек» распахнул свои страницы для бывшего офицера госбезопасности А. Орлова (сбежавшего на Запад и собравшего сплетни, ходившие в связи с убийством Кирова в НКВД), то почему бы не дать слово бывшему комиссару госбезопасности 3-го ранга Г. С. Люшкову[631], который непосредственно участвовал в расследовании обстоятельств убийства Кирова и находился в Ленинграде со 2 до 30 декабря 1934 года. Правда, в июне 1938 года Люшков (тогда уже — начальник Дальневосточного управления НКВД) тоже сбежал — в Японию. Но если первый писал «понаслышке», то второй-то — подлинный очевидец. В японском журнале «Киицо» в апреле 1939 года Люшков публикует материалы, в которых категорически отвергает причастность Ягоды к заговору против Кирова. Люшков находился на Литейном пр., д. 4, в НКВД — радом с Аграновым, когда Сталин позвонил последнему и приказал направить Борисова для допроса в Смольный. Агранов сразу же отдал соответствующее распоряжение. С момента звонка Сталина до момента аварии машины с Борисовым, как указывал Люшков, прошло **всего 30 минут**. И можно согласиться с мнением Люшкова: этого времени просто недостаточно для организации убийства Борисова.

Еще ранее, 3 июля 1938 года, Г. С. Люшков в японской газете «Иомиури» заявил: *«Я до последнего времени совершал большие преступления перед народом, так как я активно сотрудничал со Сталиным в проведении его политического обмана и терроризма. Я действительно предатель. Но я предатель только по отношению к Сталину… Я впервые почувствовал колебания со времени убийства Кирова Николаевым в конце 1934 года. Этот случай был фатальным для страны так же, как и для партии. Я был тогда в Ленинграде. Я не только непосредственно занимался расследованием дела об убийстве Кирова, но и активно принимал*

участие в публичных процессах и казнях, проводившихся после кировского дела под руководством Ежова. Я имел отношение к следующим делам:

1. Дело так называемого ленинградского центра в начале 1935 года[632].

2. Дело террористического центра о заговоре против Сталина в Кремле в 1935 году…

Перед всем миром я могу удостоверить с полной ответственностью, что все эти мнимые заговоры никогда не существовали, и все они были преднамеренно сфабрикованы.

Николаев, безусловно, не принадлежал к группе Зиновьева. Он был ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника»[633].

Вывод, с которым, безусловно, можно согласиться.

В заключение этого раздела остановлюсь на некоторых вопросах, которые волнуют наиболее дотошных читателей.

Некоторые задают вопрос: почему во время аварии больше никто не пострадал, кроме М. В. Борисова? Это не так. Пострадали: были ушибы, гематомы и у Виноградова, и у Малия, и у Кузина. Но позволю себе напомнить — Борисов сидел в кузове справа, трое остальных участников драмы разместились так: двое — в кабине (шофер и Малий) и один — Виноградов — сидел в кузове грузовика, слева. Так как машина ударилась о стену дома правым бортом, то естественно, что основной удар принял Борисов.

А могла ли быть авария с машиной, на которой везли М. В. Борисова, случайной? Вполне могла. В 1934 году в Ленинграде значительно возросло число автомобилей, а качество подготовки шоферов резко отставало. В связи с этим бюро обкома ВКП(б) в октябре 1934 года, как уже говорилось во второй части, даже обсуждало проблему улучшения качества подготовки шоферов, повышение требовательности за соблюдение правил дорожного движения, усилило службу ОРУД. Наконец, нельзя упускать из виду, что по звонку Сталина из Смольного — срочно доставить Борисова, была взята фактически единственная находящаяся в гараже НКВД машина. Все остальные были в «разгоне».

И еще о двух моментах, которые вызывают сомнение у читателей и служат предметом спекуляций у авторов версии о причастности Сталина к убийству Кирова. Первый: где достал Николаев оружие? Второй: о литерном поезде и телеграмме, отправленной из Москвы.

Итак, откуда у Николаева оружие? Мне приходилось уже

писать об этом. Оружие у него было давно. Скорее всего, с Гражданской войны, как всякий мальчишка, он «разжился» им, ибо на полях и в лесах его было немало. Во всяком случае, когда он работал в Луге в 1925 году, Николаев подтвердил наличие у него нагана собственноручной подписью в одном из документов. В 1990 году помощник начальника следственного отдела КГБ СССР А. Я. Валетов в интервью корреспонденту газеты «Правда» В. Поштаеву на подобный вопрос последнего ответил так: «*Достоверно выяснено и документально подтверждено, что револьвер Николаев приобрел еще в 1918 году, на это огнестрельное оружие ему 2 февраля 1924 года органами власти выдано соответствующее разрешение за № 4396. 21 апреля 1930 года оно перерегистрировано и тогда же на оружие Николаеву вручено удостоверение за № 12296».* Этот документ был действителен до 21 апреля 1931 года. На оборотной стороне удостоверения есть два оттиска штампа магазина об отпуске Николаеву в 1930 году 28 штук патронов[634].

Как ни прискорбно разочаровывать поклонников А. Орлова — он снова лжет, когда утверждает, что револьвер системы «наган» вручил Николаеву И. В. Запорожец.

Замечу, что хотя Николаев Л. В. не проходил действительную военную службу, но с 1927 года состоял на военном учете, был членом спортивного клуба «Динамо», любил пострелять в тире.

Аргументируя причастность Сталина к убийству Кирова, Е. Пашкевич в газете «Смена» 1 декабря 1990 года приводит еще одну из легенд, бытующих в народе: *«Следует выяснить, действительно ли 28 ноября 1934 года на имя начальника Октябрьской железной дороги была получена правительственная телеграмма, в которой предписывалось встретить 1 декабря правительственный поезд. Эта телеграмма была случайно обнаружена ленинградским историком Э. Гермайзе в архиве Октябрьской железной дороги: он работал над историей дороги (книга вышла в 1951 году)».*

Воистину, блажен, кто верует. Но долг историка — проверять все. Могу заверить читателя: не телеграмма, а шифротелеграмма, причем не одна, а несколько, действительно существуют. Имеется шифротелеграмма, переданная из Москвы в ночь с 1 на 2 декабря (а не от 28 ноября), сообщающая, что литерный поезд вышел из Москвы, с указанием времени отправления. Более того, со всех крупных узловых станций Октябрьской железной дорога также шли шифротелеграммы о следовании этого поезда, причем шли в два адреса: начальнику Октябрьской железной дороги и начальнику УНКВД Ленинграда.

Кстати, даже тогда, когда Сталин приезжал в 1926, 1928,

1933 годах в город на Неве, шифротелеграммы отправлялись не только из Москвы, но и с других крупных станций. В последующие после убийства Кирова годы охрана поезда, на котором следовал Сталин, была усилена. И так же, как в дореволюционное время при следовании царского поезда, выставлялись с определенным интервалом специальные посты вдоль всего железнодорожного полотна.

Замечу, что провозглашение «истин» — занятие, несомненно, более легкое, чем поиск доказательств. И думаю, что в таком сложном деле, как убийство Кирова, не надо нагнетать страсти. Сегодня многие фактически действуют так. И на основе частушек, якобы народных, типа *«Огурчики, помидорчики, Сталин Кирова убил в коридорчике»* — выносят свой вердикт. Полагаю, что если историки будущего станут оценивать развитие нашей страны на рубеже 80–90-х годов по тем частушкам, которые бытуют среди народа, то это вряд ли явится отражением реалий этих дней. Как свидетельствуют факты, индивидуальные террористические акты возможны и ныне. Напомню только о двух таких эпизодах: о попытках покушения на Л. И. Брежнева офицером Советской армии Ильиным и на М. С. Горбачева ленинградским слесарем А. Шмоновым. Судебно-психиатрическая экспертизы, признала их обоих душевнобольными. К сожалению, по отношению к Николаеву подобной экспертизы не проводилось.

Утверждая, что Сталин непричастен к убийству Кирова, я вместе с тем глубоко убеждена, что он использовал трагический выстрел в Смольном для расправы со своими политическими противниками. Очевидцы прощания Сталина с телом Кирова во дворце Урицкого единодушно утверждают: поцеловав Сергея Мироновича в лоб, Сталин сказал: *«Спи спокойно, мой дорогой друг, мы за тебя отомстим».* Страх легко превращается в агрессивность, репрессии создают иллюзию силы, порождают жестокость.

Глава 4
Жертвы политических игр

Убийство Кирова стало прологом массовых репрессий в стране. Первыми испытали их на себе ленинградцы. Начиная со 2 декабря 1934 года в городе начались аресты. Почти одновременно развернулась мощная кампания в форме митингов, партийных собраний с осуждением убийства Кирова, с требованием предать самой жестокой каре его убийц.

Тем более что основания для того, чтобы разделаться с сопроцессниками Николаева, были: почти все они дали признательные показания; на их квартирах нелегально устраивались встречи с приезжавшими в Ленинград Зиновьевым, Каменевым, Бакаевым, Евдокимовым, Сафаровым; при обысках у некоторых из них были обнаружены «платформа» группы Рютина, завещание Ленина (в то время запрещенное. — *А.К.),* различные групповые письма бывших руководителей оппозиции в адрес ЦК ВКП(б). У К. Н. Емельянова изъяли не без подсказки бывших оппозиционеров почти весь архив «ленинградской оппозиции». И наконец, у большей части арестованных нашли оружие, которое они хранили с времен Гражданской войны, без его регистрации.

8 декабря 1934 года был арестован А. М. Гертик[635] — один из видных в прошлом деятелей ленинградских большевиков, работавший в это время помощником управляющего Объединенным научно-техническим издательством. А он назвал на допросах в качестве своих самых близких товарищей — И. П. Бакаева, Г. Е. Евдокимова, И. С. Горшенина. 14 декабря 1934 года в протоколах очередных допросов были зафиксированы фамилии Г. Зиновьева, Л. Б. Каменева, Г. И. Сафарова.

6–7 декабря в газетах появились первые статьи, клеймящие оппозиционеров. А затем пошли митинги, собрания, с осуждением тех, кто убил Кирова, с требованием принять к ним самые решительные меры.

15 декабря состоялся объединенный пленум обкома и горкома ВКП(б). С докладом «Об итогах ноябрьского пленума ЦК ВКП(б)» выступил А. А. Жданов. В нем он не только подверг резкой критике лидеров бывших оппозиционеров, но непосредственно связал их с участием в убийстве Кирова. В резолюции пленума Ленинградских областного и городского комитетов ВКП(б) говорилось: *«Пролетарская революция безжалостно раздавит контрреволюционные подонки бывших зиновьевцев».*

На следующий день — на пленуме, также объединенном, обкома и горкома ВКП(б) М. С. Чудов предложил утвердить решение бюро обкома и горкома ВКП(б) назначить начальником УНКВД по Ленинградской области Л. М. Заковского и ввести его в состав пленума обкома и горкома партии, а также в члены бюро этих партийных органов. Решение принимается единогласно[636].

Тогда же М. С. Чудов объявил, что в 9 часов вечера 16 декабря состоится закрытый пленум обкома и горкома ВКП(б), где *«тов. Агранов сделает краткие сообщения о тех следственных материалах, которые у него имеются по убийству Кирова»*[637].

«Как член обкома партии, — писал спустя двадцать два года в своих воспоминаниях М. В. Росляков, *— я был на этом пленуме. Он проходил в Смольном, в комнате, именуемой теперь Шахматным залом. Вел пленум Чудов, Жданов присутствовал. Агранов сделал краткое сообщение, сосредоточил внимание на том, что убийство организовано молодежной частью бывшей зиновьевской оппозиции в лице Котолынова И. И., Румянцева В. В., Шатского Н. Н. и других. Идейными вдохновителями, по определению, высказанному Аграновым, явились вожаки оппозиции: Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев и другие — видные в прошлом активисты Ленинграда.*

Атмосфера на пленуме была более чем напряженной, в зале гробовое молчание — ни шепота, ни шороха, и слышны только голоса выступающих товарищей. Ораторов всех не припомню, но их было мало. Сообщение Агранова создало сумятицу в умах и сердцах многих участников пленума, но, конечно, никто не решился высказать сомнения; да тогда еще верили в то, что партия не ошибается в оценке событий»[638].

Среди выступавших были Смородин и Милославский, ибо именно они заявляли, что *«Николаеву предлагалась работа после увольнения его из института, но он отказался».*

Замечу, что ни доклад Жданова, ни сообщение Агранова не нашли 16–17 декабря своего отражения в прессе. Доклад Жданова был опубликован в конце декабря 1934 года в «Ленинградской правде». Однако стенограммы как доклада, так и сообщения до сих пор не найдено в Ленинградском партийном архиве. Интересно другое — 18 декабря «Ленинградская правда» опубликовала передовую статью, в которой Зиновьев и Каменев названы *«фашистским отребьем».* Такая формулировка свидетельствовала о том, что всякие политические, юридические, да и нравственные тормоза в отношении к бывшим оппозиционерам отпускались. Отмечу, что никаких официальных обвинений и доказательств в советской печати в их адрес не было высказано.

Передовая «Ленинградской правды» сыграла роль детонатора. Печать, митинги, партийные собрания выдвигали требование: *«Очистить Ленинград от троцкистско-зиновьевского охвостья».* Обстановка нагнеталась, в состояние политической истерии приводилось все большее число людей. Наряду с митингами в декабре 1934 года осуждение оппозиционеров в связи с убийством Кирова проходило и на партийных собраниях. На них во многих выступлениях звучала мысль: ответственность за убийство Кирова должны нести Зиновьев и его единомышленники. Присутствующие же на собраниях бывшие участники оппозиционных дискуссий заявляли, что оказались в оппозиции случайно — *«по причине политической безграмотности».* И зачастую это действительно так и было. Ведь многие из них шли за лидерами, не особенно хорошо разбираясь в их программах. Однако покаяние бывших участников оппозиции не производило никакого впечатления на окружающих.

На фабрике «Красный ткач», например, на партийном собрании, выступая уже после покаяния оппозиционеров, некто Баранов сказал: *«Нечего вымышлять на счет политической неграмотности. Ведь не все же политически неграмотные пошли с Зиновьевым. Мы вам теперь не верим. Будем вас проверять»*[639].

На партсобрании заводоуправления «Красный путиловец» член партии Котиков говорил: *«Не все здесь сидящие раскаиваются… Например, Блинов сидит, как воды в рот набрав. У нас на заводе около 700 человек, которых надо выгнать с завода с треском»*[640].

На костеобрабатывающем заводе бывший оппозиционер Сасуров[641] заявил: *«За прошлое надо сказать Зиновьеву спасибо, а за настоящее — отвечай!»* Его слова потонули в криках: *«Голову надо оторвать этим оппозиционерам, а не спасибо говорить!»*[642]

Особенно тенденциозны были партийные собрания, на которых осуждались арестованные по делу «Ленинградского центра». 21 декабря такие собрания прошли в цехах «Красного путиловца». Обсуждался уже исключенный из партии шесть дней назад и находившийся под арестом с 8 декабря заместитель директора завода А. И. Толмазов. Еще не было опубликовано «Обвинительное заключение», шло следствие, но соответствующее общественное мнение фактически уже было сформировано. Рабочий из 3-го цеха, где до самой смерти состоял на партучете Киров, сказал: *«Никакого разговора о моральной ответственности. Участники группы должны нести физическую ответственность. Всем им — Николаеву, Зиновьеву и прочим — одна мера!»*

Приблизительно так же говорили и коммунисты

заводоуправления, которые хорошо знали Толмазова: *«Кто поверит бывшим оппозиционерам в искренности, — заявил Зарубаев, — когда в аппаратах заводоуправления и в отделе снабжения работают бывшие офицеры и белогвардейцы. На секретных заказах сидят бывшие дворяне, офицеры и т. п. Мы все время находим притаившуюся сволочь в наших отделах. Пора перейти от слов к бдительности и делу»*[643].

Такова была действительность, атмосфера тех лет. Подобные партийные собрания проходили на заводах, фабриках, в институтах. Читая документы, поражаешься той быстроте, с какой руководители всех рангов реагировали на дело «Ленинградского центра», проявляя при этом завидную оперативность в информации о своей бдительности.

Ярким примером этого может служить реакция руководства Промышленной академии на арест и расстрел И. Г. Юскина. 1 января 1935 года за подписью директора академии В. Куджива в Москву ушла телеграмма следующего содержания.

*«ЦК ВКП(б). Промкадры. НКТП (*Наркомат тяжелой промышленности. *— А.К.). Тов. Петровскому.*

Настоящим сообщаю о мероприятиях в академии, в связи с тем, что во 2-й группе 2-го курса машиностроительного факультета Лен. промакадемии оказался один из организаторов убийства Кирова — студент Юскин И. Г., приговоренный Военной коллегией Верховного суда к расстрелу. Исключены были три человека, дружившие с Юскиным. Группа была расформирована».

Так каждый из тех, кто был арестован по делу о принадлежности к «Ленинградскому центру», сам, в свою очередь, становился источником очередной эпидемии политического террора, поражавшей все новых и новых людей.

При личном участии Сталина подготавливалось закрытое письмо ЦК ВКП(б) под названием: «Уроки событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова». Письмо адресовалось всем партийным организациям страны. В нем огульно обвинялись без всяких доказательств все бывшие зиновьевцы. *«Они,* — говорилось в письме, — *стали на путь двурушничества, как главного метода своих отношений с партией… стали на тот же путь, на который обычно становятся белогвардейские вредители, разведчики и провокаторы».* Далее следовала прямая директива об арестах зиновьевцев: *«В отношении двурушника нельзя ограничиваться исключением из партии, — его надо еще арестовать и изолировать, чтобы, помешать ему подрывать мощь пролетарской диктатуры».*

17 января 1935 года Сталин разослал письмо членам Политбюро ЦК с просьбой в тот же день обсудить и принять его.

18 января оно уже было разослано всем организациям

ВКП(б).

Страну охватил новый приступ вакханалии бдительности, шпиономании, разоблачительства. Казалось бы, нужно попытаться переломить ее, потому что страсти захлестывали людей, эмоции начинали преобладать над разумом. Но что предпринимает ЦК? Он делает вопреки здравому смыслу невероятный ход. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) от 18 января 1935 года «Об уроках событий, связанных со злодейским убийством тов. Кирова» после обсуждения в партии передается на обсуждение в комсомол.

Комсомольцы были в восторге от такого доверия и принялись активно за дело. Приведу два примера.

Типография, Центральный городской район, выступает некто Гуревич: *«Каждый комсомолец должен исполниться гордостью за то, что партия довела до нас такое замечательное письмо. Зиновьевско-белогвардейское охвостье пыталось привлечь молодежь, но им это не удалось».*

Карбюраторный завод, некто Элькин: *«Тот факт, что ЦК ВКП(б) доверил нам проработку этого письма, говорит о том, что нам нужно быть бдительными как никогда».* Закрытое письмо Центрального Комитета способствовали нагнетанию напряженности, созданию базы для массовых репрессий.

26 января опросным порядком Политбюро ЦК Принимает следующее постановление:

«О зиновьевцах.

а) выслать из Ленинграда 663 зиновьевца на 3–4 года;

б) группу бывших оппозиционеров, членов партии в количестве 325 человек, откомандировать из Ленинграда в другие районы страны».

И сразу же развила бурную деятельность особая комиссия Ленинградского обкома ВКП(б). Ее возглавил заведующий организационно-распределительным отделом обкома П. Л. Низовцев. Именно эта комиссия готовила списки коммунистов на исключение из партии и административное выселение из Ленинграда. Первичный материал для комиссии поставляли райкомы партии. Списки бывших оппозиционеров заверялись личной подписью первого секретаря райкома ВКП(б). Некоторые райкомы включали в подобные списки 2–3 человек, тех, кто действительно активно участвовал в оппозиционных распрях. Другие включали на первых порах сразу по тридцать и более человек. Причем среди них зачастую появлялись и те, кто только один раз голосовал за оппозицию.

Ради объективности надо отметить, что первые списки участников троцкистско-зиновьевской оппозиции стали

создаваться еще в 1928 году. Уже тогда они создавались по определенной форме. Такой список на 237 фамилий с сопроводительным бланком Выборгского РК ВКП(б) за подписью зам. зав. орграспредотделом райкома Л. К. Шапошниковой был направлен в обком партии 8 декабря 1928 года.

В разделе «Примечания» против каждой фамилии содержались следующие пометки: *«Полностью отошел от оппозиции»; «Ничем себя не проявляет»; «Работает лояльно»; «В н/вр. — секретарь партячейки»; «Вполне исправился»; «Ведет себя хорошо»; «Выбыл в Красную Армию».*

В этом списке значатся и четыре человека, проходивших по делу «Ленинградского центра».

Николай Николаевич Шатский. В примечании против его фамилии значилось: *«Неизвестно, ведет ли оппозиционную работу».*

Лев Ильич Сосицкий. Указано: *«Не выявлен, как оппозиционер».*

Проходили по этому списку также В. В. Румянцев и Н. С. Антонов[644].

Из членов особой комиссии чаще других были задействованы И. Богданов, С. Смирнов, Цыганов. Почти на всех ее заседаниях находился член Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) Цесарский. Протоколы комиссии сохранились почти полностью. Все проходившие через комиссию обсуждались лично и в присутствии первых секретарей райкомов ВКП(б) Ленинграда — А. С. Милославского, С. Я. Шульмана, Касимова, М. А. Освенского, П. И. Смородина, И. И. Алексеева, С. М. Соболева, П. И. Бушуева, начальника политотдела Октябрьской железной дороги Н. П. Чаплина.

Невозможно рассказать персонально о каждом, кто предстал перед комиссией Низовцева. Некоторые из них в прошлом никогда не участвовали в оппозиции, а являлись лишь родственниками бывших оппозиционеров. Другие уже после смерти Кирова допустили какие-то высказывания в адрес покойного. С позиции сегодняшнего дня многие формулировки исключения из партии кажутся просто нелепостью и даже глупостью. Например: *«Отказался от написания статьи в стенгазету в связи с убийством Кирова»; «Рекомендацию в партию дал Толмазов»; «Несмотря на приглашение райкома партии придти на вечер, посвященный памяти т. Кирова, не явился»; «За распространение клеветнических слухов о т. Кирове после убийства»; «Ездила к мужу на свидание и в Москву к Куйбышеву хлопотать об освобождении мужа, как невинно осужденного»; «За то, что поддерживала связь и являлась подругой Шишкиной —*

сестры жены Евдокимова»[645].

Но эти нелепости и глупости стали трагедией для тех, кого исключали из партии и высылали из Ленинграда.

Аналогичную работу, но значительно более профессионально, вел НКВД, куда списки оппозиционеров направлялись после разбора их дел в комиссии Низовцева. Еще в 1933 году Ленинградское управление НКВД направило в обком ВКП(б) список бывших участников зиновьевской оппозиции для согласования вопроса об их аресте. Но Киров не дал согласия на арест их.

Возникает вопрос: почему Киров не дал согласия на арест?

В связи с этим можно высказать два предположения. Первое. Думается, что отчасти это связано с его скептическим отношением вообще к агентурным сведениям. Дело в том, что еще при С. А. Мессинге (начальник управления НКВД до Ф. Д. Медведя) ложными агентурными сведениями был скомпрометирован один из крупных хозяйственных работников Ленинграда. Дополнительно проведенная проверка показала полную несостоятельность этих данных НКВД. Поэтому по инициативе Кирова обком ВКП(б) указал Мессингу на необходимость тщательной проверки агентурных данных, а также рассылки специального письма во все организации, куда были направлены ложные агентурные сведения, для восстановления чести и достоинства пострадавшего человека.

Второе, и, наверное, главное. Сергей Миронович знал лично многих из оппозиционеров. Возьмем, к примеру, В. В. Румянцева.

С апреля 1934 года Румянцев — секретарь Выборгского районного Совета Ленинграда. И, несомненно, Киров знал об этом его назначении. В обкоме партии у Румянцева, как и у каждой авторитарной личности, были не только сторонники, но и противники. И, по-видимому, без Кирова решение данного вопроса было бы просто невозможно. Замечу, что список лиц, подлежащих аресту, Ф. Д. Медведь представил осенью 1933 года. По свидетельству Ф. Д. Медведя, Киров хотел встретиться с Румянцевым и поговорить. Вероятнее всего, результатом этой беседы и явилось его новое назначение.

Почти одновременно со следствием по делу «Ленинградского центра», судом над его участниками и последовавшим затем их расстрелом, широко развернулась кампания против лидеров бывшей «новой оппозиции» — Л. Б. Каменева, Г. Е. Зиновьева, Г. И. Сафарова и других. Газеты страны пестрели заголовками: *«Очистить советскую землю от зиновьевского отребья», «Зиновьевские ублюдки», «Зиновьевские белобандиты», «Зиновьев и Каменев — современные Азефы и Малиновские», «Стереть с лица*

земли зиновьевских выродков» и т. д.

К концу декабря 1934 года общественное мнение было подготовлено. В сознании широких трудящихся масс имена Зиновьева и Каменева сливались с именами тех, кого прямо называли убийцами Кирова.

Злой гад, подосланный врагом,
Врагом, не прямо, так окольно
Ведущим линию свою.
Урок получен,
С нас довольно —
Убийц — на общую скамью.

Так писал поэт Демьян Бедный.

Но замысел связать убийцу Кирова с лидерами оппозиции возник значительно раньше. О. Г. Шатуновская в одном из своих заявлений в КПК при ЦК КПСС приводит такой факт: *«В личном архиве Сталина при нашем расследовании был обнаружен собственноручно составленный список двух сфабрикованных им троцкистско-зиновьевских террористических центров. Зиновьев и Каменев… вначале были помещены Сталиным в Ленинградский, а потом в Московский центр, как и некоторые другие».*

Писал это сам Сталин или писал Ежов, — а тут есть разные мнения, — не столь важно. Важно другое; Шатуновская утверждала, что на этой записке есть дата — 6 декабря. По-видимому, именно в этот день у Сталина появился окончательно продуманный план борьбы со своими политическими оппонентами.

С 8 по 14 декабря в камерах тюрем оказались такие видные бывшие оппозиционеры, как Г. Е. Евдокимов, И. П. Бакаев, Я. Л. Шаров, И. С. Горшенин, Н. А. Царьков, Г. Ф. Федоров, И. М. Гессен, Н. Н. Тарасов, Л. Я. Файвилович, А. И. Александров, Г. И. Сафаров, П. А. Залуцкий, Ф. Г. Наливайко. Тогда же были арестованы все родственники убийцы Кирова Леонида Николаева: его жена, сестра жены, ее муж, мать — Мария Тимофеевна Николаева, сестры — Анна Пантюхина и Екатерина Рогачева, муж Анны — В. А. Пантюхин, жена брата — А. А. Николаева-Максимова, двоюродный брат — Г. В. Васильев и даже сосед Николаевых — И. П. Горбачев.

Уже в декабре 1934 года следствие шло не только по делу «Ленинградского центра», но и активно допрашивались все те, на кого указывали сопроцессники Николаева.

22 декабря 1934 г. Н. Н. Тарасов сообщил на допросе: *«Страна находится в тяжелом положении. Руководство партии не*

видит выхода из этого положения. Сталин ведет страну к тому, чтобы ввязаться в войну, исходя при этом из того положения, что лучше погибнуть в войне с буржуазией, нежели вследствие провала внутренней политики, являющейся результатом неправильного руководства… Сталин ведет пролетарскую революцию к гибели».

Тарасова поддержал В. В. Румянцев, который, будучи допрошен в тот же день, показал следующее: *«…что касается разговора о развертывании войны, которая приведет к гибели пролетарскую революцию, то я отрицаю… В случае возникновения войны современному руководству ВКП(б) не справиться с теми задачами, которые встанут, и неизбежен приход к руководству страной Каменева и Зиновьева».*

23 декабря 1934 года газеты опубликовали сообщение «В Народном Комиссариате Внутренних дел СССР». В нем говорилось: *«кроме лиц, привлеченных к суду по делу Николаева… органами НКВД в Москве 16 декабря сего года арестованы в связи с этим делом»* участники бывшей зиновьевской оппозиции. Давался перечень многих бывших оппозиционеров. Но это сообщение НКВД СССР не полностью соответствовало действительности. 16 декабря были арестованы только Каменев и Зиновьев, все остальные были взяты под стражу до 14 декабря и уже вовсю давали показания следователям. В них сторонники Зиновьева развернули широкую критику международной политики ВКП(б) и прежде всего Сталина.

Г. Е. Евдокимов на допросе 24 декабря заявил: *«В ноябре 1934 года он (*Зиновьев. — *А.К.) критиковал работу по созданию единого фронта (*во Франции. — *А.К.), обвиняя французскую компартию и тем самым руководство Коминтерна в том, что во Франции они идут на единый фронт».*

И. С. Горшенин шел в критике внешней политики СССР еще дальше. 25 декабря он утверждал на допросе: *«т. Сталин сознательно не активизирует деятельность Коминтерна, переносит центр всего внимания на официальную наркоминдельскую дипломатию и, по существу, приносит в жертву идее построения социализма в одной стране интересы мировой пролетарской революции»*[646].

Замечу, шел конец 1934 года. Оппозиция, точнее, ее лидеры на XVII съезде ВКП(б) фактически проголосовали за сталинский политический курс — построение социализма в одной стране, однако не были с ним согласны и продолжали линию на мировую пролетарскую революцию, ведя негласную борьбу против сталинского руководства. Между тем у сторонников Зиновьева не было прежней силы, власти и былого влияния. Поэтому они прибегали к извечным методам борьбы в подобных ситуациях:

распространяли нелепые слухи по поводу недостатков, просчетов и ошибок ЦК ВКП(б), собирались на квартирах отдельных оппозиционеров и рассуждали, рассуждали, рассуждали.

Следствие всех их пыталось связать с убийством Кирова, с деятельностью так называемого «Ленинградского центра». Однако в ходе следствия не удалось доказать связь между расстрелянными по делу «Ленинградского центра» и лидерами бывшей «новой оппозиции». У следствия не оказалось никаких улик и вообще никаких сведений об антисоветской, подпольной деятельности членов бывшей оппозиции.

И тем не менее, следствие сфабриковало два дела, условно разделив их на так называемый „Московский центр", по которому проходило 19 человек во главе с Зиновьевым и Каменевым, и «Ленинградскую контрреволюционную зиновьевскую группу Сафарова, Залуцкого и других». В последнюю были включены 77 человек, в том числе 65 членов ВКП(б), один кандидат в члены партии и 11 беспартийных. В течение декабря 1934 — января 1935 года во время следствия и после вынесения приговора постановлением партколлегии Комиссии Партийного Контроля при ЦК ВКП(б) коммунисты, проходившие по этим двум делам, были исключены из партии «*как контрреволюционеры*».

В сообщении НКВД СССР, опубликованном в «Правде» 23 декабря 1934 года, отмечалось, что 19 человек во главе с Зиновьевым, Каменевым и другими, в отношении которых следствие установило отсутствие достаточных данных для предания их суду — будут рассмотрены особым совещанием НКВД СССР для ссылки в административном порядке.

Однако уже 16 января 1935 года газеты опубликовали новое «Обвинительное заключение» по делу «Московского центра». Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Куклин, Гертик и другие, о которых несколько недель назад сообщалось, что они непричастны к покушению, были привлечены к суду в связи с убийством Кирова. Следствие предъявило обвинение Зиновьеву и другим в том, что они стремились к *«реставрации капитализма»,* в *«подпольной контрреволюционной деятельности».* На этом основании Г. Е. Зиновьев, А. М. Гертик, А. С. Куклин были приговорены к 10 годам тюремного заключения, Г. Е. Евдокимов — к восьми, Л. Б. Каменев и другие — к пяти годам тюрьмы.

Сталин внимательно следил за следствием по делу «Московского центра», ежедневно получал копии протоколов допросов арестованных и отчеты о показаниях в судебном заседании, заслушивал доклады Н. Ежова, Я. Агранова и А. Вышинского. Со Сталиным согласовывались тексты наиболее важных и ответственных документов по этим процессам. Но 3

февраля 1935 года на оперативном совещании в НКВД СССР зам. наркома внутренних дел Я. Агранов вынужден был доложить: *«Нам не удалось доказать, что „Московский центр" знал о подготовке террористического акта против тов. Кирова»*. Вместе с тем в приговоре по делу «Московского центра» оставалась формулировка: *«следствием не установлено фактов»,* которая оставляла возможность в будущем отыскать подобные факты.

Параллельно с делом «Московского центра» рассматривался вопрос о так называемой «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группе Сафарова, Залуцкого и других». Особое совещание при НКВД СССР под председательством Г. Г. Ягоды, его заместителей Г. Е. Прокофьева, Л. Н. Вельского, прокурора СССР И. А. Акулова и ответственного секретаря П. П. Буланова решали судьбу 77 человек, проходивших по этому делу. В соответствии с принятым Особым совещанием постановлением, 38 человек *«за содействие контрреволюционной зиновьевской группе»* были подвергнуты заключению в концлагерь сроком на 5 лет. Среди них: Александров Александр Иванович — партийный и комсомольский вожак завода «Красный путиловец», Равич Сарра (Ольга) Наумовна, старая партийка, жена Г. Е. Зиновьева, бывший первый секретарь Ленгубкома партии Залуцкий Петр Антонович, партийные работники Наливайко Фома Гордеевич, Наумов Иван Куприянович и другие бывшие оппозиционеры.

Это же Особое совещание осудило сроком на 4 года в концлагерь еще 7 человек. Среди них два сына Николая Александровича Емельянова, в доме которого в Разливе скрывался В И. Ленин, — Кондрат и Александр. Кроме того, высылке сроком на 5 лет были подвергнуты 25 человек, на 4 года — 4 человека и на 2 года был выслан Сафаров Георгий Иванович.

По делу о так называемой «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группе Сафарова, Залуцкого и других» проходили и все родственники убийцы Кирова — Леонида Васильевича Николаева. Его старшая сестра Екатерина Васильевна Рогачева, 1899 года рождения, член партии с 1918 года, работница бани, затем треста зеленых насаждений, была осуждена на 5 лет тюремного заключения *«за содействие контрреволюционной зиновьевской группе»;* на такой же срок и с той же формулировкой осуждены: младшая сестра Пантюхина Анна Васильевна, 1907 года рождения, беспартийная, домохозяйка; ее муж — Пантюхин Владимир Алексеевич, беспартийный, инженер леспромхоза; их двоюродный брат — рабочий, беспартийный — Васильев Георгий Васильевич и сосед Леонида Николаева — киномеханик клуба «Красный путь», беспартийный Горбачев Иван Петрович. Сроком на 4 года были

высланы в Якутию мать Николаева — Мария Тимофеевна 1870 года рождениями жена его брата беспартийная Анна Андреевна Максимова-Николаева, работавшая главным конструктором Октябрьской железной дороги.

Большинство из проходивших по этому делу впоследствии были расстреляны или погибли в местах лишения свободы.

Старшая сестра Л. Николаева — Е. В. Рогачева, отбывая наказание, трижды обращалась в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б). Просила внимательно отнестись к ее делу. Е. В. Рогачева писала в одном из своих заявлений: *«Ни в каких оппозициях не участвовала, честно работала как работница… Страдаю из-за совершенного преступления братом. Имею двоих детей и никакой помощи от родных не имею».*

14 февраля 1938 года по постановлению «тройки» УНКВД по Ленинградской области Е. В. Рогачева была расстреляна.

Следствие, не сумев в 1935 году доказать причастность бывших вожаков оппозиции к выстрелам в Смольном, вновь вернулось к этому делу. Уже в августе 1936 года состоялся новый процесс по делу так называемого «Антисоветского объединенного троцкистско-зиновьевского блока», возглавляемого Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и другими.

И вновь на процессе не было приведено ни одного документа, ни одного вещественного доказательства, не был вызван ни один свидетель со стороны. Все обвинение построено исключительно на самооговорах подсудимых.

Немецкий писатель Леон Фейхтвангер, посетивший нашу страну, писал в отчете о поездке: *«…Я еще раз упомянул о дурном впечатлении, которое произвели за границей даже на людей, расположенных к СССР, слишком простые приемы в процессе Зиновьева. Сталин немного посмеялся над теми, кто, прежде чем согласиться поверить в заговор, требует предъявления большого количества письменных документов; опытные заговорщики, заметил он, редко имеют привычку держать свои документы в открытом месте».*

Тот факт, что установить террористическую деятельность «объединенного центра» не удалось раньше, следствие и суд тоже приписали исключительной конспирации заговорщиков.

Так ли это? Процесс дает совершенно противоположную картину. Судя по показаниям обвиняемых, они только и делали, что оповещали знакомых, друзей, близких о готовящемся покушении на Кирова, без конца устраивали вояжи в Ленинград, террористические совещания… Как ни странно, о «Московском центре» следствие почти забыло и из 19 его членов в новый процесс включило лишь четверых: Зиновьева, Каменева,

Евдокимова, Бакаева. Небезынтересно сопоставление их показаний на первом и втором процессах.

Январь 1935 года.

КАМЕНЕВ признал, что он *«недостаточно активно и энергично боролся с тем разложением, которое было последствием борьбы с партией и на почве которого могла возникнуть и осуществить свое преступление шайка бандитов…» «Признал… что не порвал окончательно с Зиновьевым своих связей».*

БАКАЕВ показывает, что *«здесь (*среди зиновьевцев. — *А.К.) была только злобная, враждебная критика важнейших мероприятий партии».*

ЗИНОВЬЕВ*: «Объективный ход событий таков, что с поникшей головой я должен сказать: антипартийная борьба, принявшая в прежние годы в Ленинграде особенно острые формы, не могла не содействовать вырождению этих негодяев. Это гнусное убийство бросило такой зловещий свет на всю предыдущую антипартийную борьбу, что я признаю: партия совершенно права в том, что она говорит по вопросу о политической ответственности бывшей антипартийной „зиновьевской“ группы за совершившееся убийство».*

ЕВДОКИМОВ: *«Мы должны нести ответственность (*за убийство Кирова. — *А.К.), ибо тот яд, которым мы отравляли окружающих в течение десятка лет, способствовал совершению преступления».*

Август 1936 года.

ВЫШИНСКИЙ: *«Вы, следовательно, подтверждаете, что такой чудовищный план (*захват власти при помощи террора. — *А.К.) у вас существовал?»*

КАМЕНЕВ: *«Да, этот чудовищный план существовал».*

ВЫШИНСКИЙ: *«Убийство Кирова — это дело непосредственно Ваших рук?»*

КАМЕНЕВ: *«Да».*

ВЫШИНСКИЙ: *«Вы получили поручение организовать убийство товарища Сталина?»*

БАКАЕВ: *«Да».*

ВЫШИНСКИЙ: *«Вы принимали участие в убийстве Кирова?»*

БАКАЕВ: *«Да».*

ВЫШИНСКИЙ: *«В этом „центре” были Вы, Каменев и др.?»*

ЗИНОВЬЕВ: *«Да».*

ВЫШИНСКИЙ: *«Значит, вы все убили тов. Кирова?»*

ЗИНОВЬЕВ: *«Да».*

ВЫШИНСКИЙ: *«Вы признаете, что при Вашем содействии было*

подготовлено убийство Кирова?»

ЕВДОКИМОВ: *«Да, признаю».*

Можно еще допустить, что на первом процессе подсудимые искренне считали, будто прошлой фракционной борьбой они создали питательную почву для совершения преступления, отсюда готовность взять «политическую и моральную ответственность» за убийство Кирова. Но как объяснить чудовищную ложь, которую они возводят на себя на втором процессе? И какой она имеет вымученный характер! Эти повторения — «да», «да» на вопросы прокурора — разве уже это не разоблачает лживости показаний? Вышинский со своей стороны квалифицирует показания подсудимых, как *«обман, ложь… маскировка».* Так какова же цена всему процессу, основанному исключительно на этих показаниях, т. е. на «обмане, лжи… маскировке»?

Что же заставило подсудимых возвести чудовищный поклеп на себя в том, что они убили Кирова и готовили другие покушения? Психическая обработка? Пытки? А может, надежда, что в обмен на самооговор сохранят жизнь и себе, и близким? Утверждать так есть все основания. Бывший работник НКВД А. Кацафа, конвоировавший на суде (январский процесс 1935 г.) Л. Каменева, в 1956 году в комиссии по реабилитации жертв политических процессов показал, что в его присутствии, непосредственно перед открытием судебного заседания, помощник начальника секретно-политического отдела НКВД СССР А. Рутковский обратился к Каменеву со следующими словами: *«Лев Борисович, Вы мне верьте, Вам будет сохранена жизнь если Вы на суде подтвердите свои показания».* На это Каменев ответил, что он ни в чем не виноват. Рутковский же ему заявил: *«Учтите, Вас будет слушать весь мир. Это нужно для мира».* Видимо, поэтому Каменев в судебном заседании и заявлял, что *«здесь не юридический процесс, а процесс политический». «Такой же компромисс,* — говорил Кацафа, — *мог предложить им в 1936 году и Сталин».*

Это не исключено.

По постановлению ЦИК от 1 декабря 1934 года предусматривалось вести дела террористов без защитников, при закрытых дверях, без права апелляции. На московском же процессе 1936 года есть и адвокаты, и публика. Возможно, это отступление от постановления и предоставление подсудимым права обжаловать приговор были «гарантией» Сталина в сговоре с обвиняемыми?

В таком случае воспользоваться этим правом им не дали. В

ночь с 23 на 24 августа 1936 года суд объявил приговор, и в ту же ночь прямо из зала суда их увезли на расстрел.

Трагически сложилась и судьба членов семей других лиц, проходивших по делу «Ленинградского центра».

В день, когда был расстрелян А. И. Толмазов, его сыну Виктору исполнилось 10 лет. *«Сотрудники НКВД,* — рассказывал в 1989 году Виктор Ефимович, — *пришли ночью 9 декабря. Сколько их было, не помню. С ними был дворник. Спросили: „Есть ли оружие?“ У отца был наган еще с Гражданской войны. Он его отдал им. Обыск продолжался почти до утра: взяли книги и все фотокарточки. Мать ходила на свидание раза два. Но давали его или нет, не знаю. Помню, что встречали ее там недоброжелательно. Жили мы тогда на ул. Комсомола, дом 5/4, кв. 42. И с нами жила младшая сестра отца — Анастасия».*

Жена Толмазова — Александра Ефимовна. 1901 года рождения, беспартийная, до замужества работала на «Красном Арсенале», рабочей, после рождения сына стала домохозяйкой. После ареста Толмазова ей было предложено покинуть Ленинград. Местом своего жительства она избрала Баку. Еженедельно ходила отмечаться в НКВД. В 1936 году приехала в Ленинград в отпуск по разрешению НКВД. Но через несколько дней была арестована, была судима и оказалась в одном из лагерей на территории Коми АССР. Уже после смерти Сталина и XX съезда КПСС в 60-х годах ей была запрещена прописка в Ленинграде как жене соучастника убийства Кирова.

«Работала она грузчицей, — продолжал свой рассказ сын Толмазова. — *Очень больная, почти не встает. Но память хорошая. **Ждет не дождется реабилитации отца**»* (выделено мной. — *А.К.)*[647].

А как же сложилась судьба сына?

После смерти отца и высылки матери Виктора Толмазова и его маленькую тетю взял к себе отец матери — Яковлев Ефим Яковлевич, кадровый рабочий завода «Красный Выборжец», награжденный за ударную работу серебряными часами, он и усыновил мальчика. *«В 1937 году,* — продолжал Виктор Ефимович, — *дед ушел на работу и не вернулся. Бабушка, Мария Ивановна, пошла его разыскивать, сказали, что дед — в НКВД. Ходила бабушка и туда — на Литейный, 4. А там ответили: осужден и выслан на Дальний Восток без права переписки».*

Ефиму Яковлевичу Яковлеву было тогда 64 года.

Потом были арестованы братья А. И. Толмазова Михаил и Николай и сестра Анастасия. Николай умер в лагере.

Виктору Ефимовичу Яковлеву в 1989 году исполнилось 65 лет. Он окончил школу, ФЗУ, прошел всю Великую

Отечественную войну рядовым, был неоднократно ранен. А потом почти 40 лет — токарь на заводе «Красный Выборжец». Человек уже немолодой, больной, добрый, он также очень ждал и дождался реабилитации отца. *«Мне,* — сказал сын Толмазова, — *это крайне важно уже не для меня, а для моих детей и внуков».*

И другая судьба — судьба семьи Ивана Ивановича Котолынова. Сын Котолынова написал мне после одной из моих публикаций: *«Узнал, наконец, что мой отец родился в 1905 году. Напишите, пожалуйста, все, что Вам о нем известно».*

Вспоминает Краснова (Мосолова) Тамара Александровна: *«Котолынов занимался курсом старше меня. Он специализировался по другой кафедре, чем я, но мы были в одной партийной организации… Иван Иванович фигура импозантная. Выделялся среди студентов. Оратор был хороший. Рост чуть выше среднего, ходил чуть-чуть вразвалку… Жена училась с ним вместе в одной группе и на одном факультете. Фамилия у нее была другая. Звали ее, по-моему, Вера, а сына их звали Вольфрам или Ванадий…»*

В начале 1935 года жену Котолынова Веру Яковлевну Долгих исключили из партии и выслали из Ленинграда. *«Помимо Ленинграда,* — писала Вера Яковлевна, — *мне было запрещено также проживание в Харькове и Москве. Я решила ехать в Челябинск на новостроящиеся заводы, где думала получить работу техника по испытанию металлов…»* Работники НКВД Челябинска направили Долгих в Щадринск, учительницей в школу. Именно сюда ее мать привезла ей сына, которому было всего полтора года.

Хорошо ли жилось Котолыновым в Щадринске? Бесконечные поиски квартиры, работы. Четыре раза увольняли В. Я. Долгих с работы под разными благовидными предлогами, хотя причина была другая: она — жена Котолынова, расстрелянного за соучастие в убийстве Кирова. Уже после смерти Сталина нашла наконец работу — вышивальщицей кофточек в артели инвалидов. Оберегая своего ребенка, Вера Яковлевна ничего не рассказывала сыну об отце, а в 1940 году вышла вторично замуж за человека, который усыновил ее восьмилетнего сына и дал ему свою фамилию и отчество. Так появился Панпурин Вольфрам Александрович, который поступил учиться в Уральский университет, окончил его и работает профессором кафедры этики и эстетики этого университета. О своем родном отце он впервые узнал в 1956 году из письма матери в КПК при ЦК КПСС с просьбой о реабилитации.

В. Я. Долгих умерла в мае 1957 года, так и не дождавшись восстановления в партии. А Вольфраму Александровичу пришлось еще раз испытать на себе, что значит быть сыном

Котолынова. В 1990 году, выпуская книгу, он написал посвящение: *«Памяти моего отца Ивана Ивановича Котолынова».* Но за это посвящение ему пришлось бороться, ибо официальные лица утверждали, что **не могут дать разрешение на посвящение, так как И. И. Котолынов до сих пор не реабилитирован!** *«Подлог, используемый сегодняшними реформаторщиками,* — писал сын И. И. Котолынова — Вольфрам Александрович, — *не только для нечестного предвзятого изображения советской истории, не только для охаивания коммунистических идей, но и для собственного приукрашивания и выставления себя „друзьями народа"… Какой на деле гуманист и отзывчивый человек нынешний „отец российской демократии" А. Н. Яковлев, могу судить по собственному опыту. В свой очередной раз с просьбой о реабилитации отца я обратился в Комиссию Политбюро ЦК КПСС… когда ее возглавлял А. Н. Яковлев.*

Суть моего письма заключалась в просьбе отделить историко-политический вопрос о том, был ли Сталин организатором убийства Кирова, от юридического факта невиновности 13 расстрелянных 29 декабря, не откладывая больше, реабилитировать их. Ответа я не получил». [648]

А семья Котолыновых весьма пострадала. Были высланы в ссылку престарелые отец и мать Ивана Ивановича Котолынова. Арестованы два родных брата Котолынова. Николай Иванович Котолынов — помощник механика на «Красном треугольнике», — сначала арестован, а потом расстрелян. Так же расстрелян Павел Иванович Котолынов — командир Красной Армии, служивший на Дальнем Востоке. Арестована, а затем расстреляна младшая сестра — Людмила Ивановна Котолынова-Фрейденфельд. Уволены с работы и высланы из Ленинграда две старших сестры — Александра Ивановна Житнева-Котолынова и Елизавета Ивановна Котолынова.

Были высланы из Ленинграда родственники Льва Осиповича Ханика — жена с детьми в Свердловскую область.

В поисках родственников других лиц, проходивших в качестве сопроцессников Николаева — мне не удалось найти близких родных ни В. В. Румянцева, ни В. И. Звездова, ни Л. Сосицкого. Это досадно, ибо, чтобы избежать повторения черствости, бездушности и даже злопыхательства, Крайне важно было восстановление честного имени каждого, кто так или иначе *«проходил по кировскому делу»,* но особенно важно это для детей, внуков, родственников расстрелянных 29 декабря. *«Вы знаете,* — говорила мне дочь Н. П. Мясникова — Рэма Николаевна, — я *впервые прочитала добрые слова о своем отце. Жизнь уже почти*

прожита, а чувства страха и боли все время были со мной».

А жернова следственной машины втягивали в «контрреволюционный заговор» новые и новые жертвы. *«Разделял контрреволюционные зиновьевские установки, был в организационной связи с рядом зиновьевцев…»* — это о старшем брате расстрелянного Андрея Толмазова. *«За потерю партклассовой бдительности, выразившееся в том, что она, являясь женой Мясникова — активного участника террористической группы, убившей т. Кирова, не выявила и не сигнализировала о готовящемся убийстве…»,* — это об Анне Васильевне Крохиной.

В Ленинградском партийном архиве хранится интереснейший документ, который публикуется впервые. Он подписан начальником Ленинградского управления НКВД Л. Заковским и начальником СПО того же учреждения Лупекиным и адресован секретарю партколлегии Богданову. В нем говорится:

«С 1-го декабря [1934] *по 15 февраля 1935 г. всего было арестовано по контрреволюционному троцкистско-зиновьевскому подполью — 843 человека.*

Эта цифра слагается из репрессированных:

1. По делу „Ленинградского центра".

2. По делу „Московского центра"[649].

3. Членов зиновьевской контрреволюционной организации, связанной с обоими центрами.

4. Участников зиновьевско-троцкистского подполья, арестованных до 3 февраля 1935 г.

5. Зиновьевцев и троцкистов, арестованных по трем последним операциям в количестве 664 человек».

Операции по арестам 664 человек проводились в течение трех дней — 3, 10 и 15 февраля.

В документе дается расшифровка всех 843 арестованных по социальному положению, возрасту, полу, партстажу, образованию.

Вот эти данные. По социальному составу: среди 843 арестованных рабочие составляли — 223 человека, инженерно-технические работники — 92, руководители хозяйственных предприятий и учреждений — 86, научные работники и преподаватели — 93, работники советских и профсоюзных организаций — 116, учащиеся — 90, партийные работники — 20, руководители вузов, втузов и институтов — 11, без определенных занятий (до ареста долгое время не работавшие) — 24, пенсионерки, домохозяйки, работники жактов и артелей — 74, военнослужащие РККА — 14 человек.

Среди арестованных — 55 женщин.

Из 843 арестованных: 112 человек были старше 55 лет, 328 имели возраст от 35 до 55 лет и 403 человека были моложе 35 лет.

По социальному происхождению лишь пятеро принадлежали к дворянству и трое — в прошлом церковные служители.

Представляет интерес образовательной уровень этих людей: 118 арестованных имели высшее образование, 288 — среднее и 337 — «низшее».[650]

30 человек, будучи беспартийными, не принимали активного участия в общественно-политической жизни, но многие из арестованных честно служили революции, партии, а главное — Родине. 49 из них вступили в ряды большевиков до Октябрьской революции, 338 — в первые пять лет после ее победы, остальные 372 — после смерти Ленина. Среди арестованных 24 человека состояли ранее в других партиях (меньшевики, эсеры и т. п.), 283 исключались ранее из партии за участие в оппозиции, а 28 даже репрессировались органами НКВД.

Таков социально-демографический портрет 843 арестованных в Ленинграде с 1 декабря по 15 февраля. Он в значительной степени позволяет установить истину в споре современных публицистов о том, кто же пострадал больше в те годы — рабочие или интеллигенция.

Большую часть исключенных из партии, арестованных и высланных составляли родственники тех, кто проходил по делам «Ленинградского», «Московского» центров и «Ленинградской контрреволюционной зиновьевской группы Сафарова, Залуцкого и других». Назовем некоторых из них.

Антипова Александра Александровна, 1895 года рождения, член партии с 1919 года, секретарь парткома фабрики им. Дзержинского — жена С. О. Мандельштама;

Степанова Александра Николаевна, 1904 года рождения, коммунист ленинского призыва, домохозяйка — жена В. В. Румянцева;

Румянцева Екатерина Александровна, 1903 года рождения, член партии с 1925 года — жена родного брата В. В. Румянцева;

Долгих Вера Яковлевна, 28 лет, член партии с 1928 года, студентка — жена И. И. Котолынова;

Вреде Гартмут Эрвинович, 1906 года рождения, член партии с 1924 года — свояк Н. И. Мясникова;

Толмазов Михаил Ильич, 29 лет, начальник транспортного цеха Государственного оптико-механического завода им. ОГПУ, член партии с 1925 года — брат А. И. Толмазова, расстрелянного по делу «Ленинградского центра»;

Тарасов Николай Никитич, 1907 года рождения, — его брат

был женат на дочери Г. Евдокимова;

Куклина Елизавета Сергеевна, 1892 года рождения, член партии с 1919 года — сестра бывшего секретаря Ленинградского губкома А. С. Куклина.

Этот скорбный список родных и близких, проходивших по делу «Ленинградского центра», можно было бы продолжить.

Среди невинных жертв, которых Николаев увлек за собой в могилу, была и его жена Мильда Петровна Драуле, ее сестра Ольга Петровна, муж О. П. Драуле — Роман Маркович Кулишер, его брат Павел Маркович, 1904 года рождения, инженер, помощник начальника 1-го участка Электростроя, брат Николаева — Петр Александрович, вскоре расстрелянный.

Трагически сложилась судьба сестер Драуле. О ней сообщает в своем донесении на имя Сталина В. Ульрих. Привожу документ полностью:

«Секретарю ЦК ВКП(б) товарищу И. В. Сталину.

*9 марта с. г. выездная сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под моим председательством рассмотрела в закрытом судебном заседании в г. Ленинграде дело о соучастниках Леонида Николаева: Мильды Драуле, Ольги Драуле и Романа Кулинера (*ошибка в тексте. Правильно — Кулишера. *— А.К.).*

Мильда Драуле на тот вопрос, какую она преследовала цель, добиваясь пропуска на собрание партактива 1 декабря с. г., где должен был делать доклад т. Киров, ответила, что „она хотела помогать Леониду Николаеву". В чём? „Там было бы видно по обстоятельствам". Таким образом, нами установлено, что подсудимые хотели помочь Николаеву в совершении теракта.

Все трое приговорены к высшей мере наказания — расстрелу.

В ночь на 10-е марта приговор приведен в исполнение.

Прошу указаний: давать ли сообщение в прессу.

11 марта 1935 г. В. Ульрих».

Сообщений в прессе не было. По-видимому, не было на то высочайшего указания.

В 1961–1962 годах по протесту, подготовленному Комиссией партийного контроля при ЦК КПСС и Главной военной прокуратурой СССР, были реабилитированы как необоснованно репрессированные мать и сестры Л. В. Николаева. Семнадцать лет спустя после этого была посмертно восстановлена в партии Е. В. Рогачева.

Между тем миф о «Ленинградском центре» продолжал обрастать не только новыми жертвами, но и новыми подробностями. Доносительство, шпиономания, приняли огромный размах. В Ленинградском партийном архиве хранится немало подлинных документов, свидетельствующих об этом. Вот

один из них за подписью председателя издательства Комиссии по улучшению быта ученых Гуля. 26 марта 1935 года он направил в секретно-политический отдел Управления НКВД по ленинградской области список печатных трудов ученых и редакторов издательства, которые *«вызывали у него сомнения»*. Список содержал следующие графы: *«1. фамилия, имя, отчество; 2. название труда и потребность в нем; 3. социальное происхождение, подвергался ли аресту, высылке, был ли участником вредительской организации; 4. домашний адрес»*.

В этот список попали многие ученые. Приведем лишь несколько фамилий из этого «манускрипта»: *«Базилевич Василий Васильевич, профессор. Выпущен учебник „Электрические измерения и приборы“. Он пользуется большим спросом. Одобрен профессором Шателеном М. А. Базилевич был арестован и высылался как участник вредительской организации… Лукницкий Николай Николаевич, профессор, 59 лет, бывший полковник царской армии, окончил кадетский корпус… Скобельцын Юрий Владимирович, 38 лет, профессор…, сын тайного советника»*[651].

Доносы множились. Мотивы их были самые разнообразные: зависть, клевета, получение чужой квартиры и т. п.

Особое место занимают «идейные доносы». Так, еще 23 февраля 1935 года была направлена докладная записка в обком ВКП(б) — Низовцеву. Она сохранилась в подлиннике с автографом отправителя. Им был бывший второй секретарь Ленгубкома ВЛКСМ (1925–1927 гг.) — П. К. Ефимов. Документ обширен, поэтому привожу его в сокращенном виде:

«Тов. Низовцев, на Ваш поставленный вопрос „кто был из работников комсомола в зиновьевской контрреволюционной оппозиции в период XIV съезда партии", скорее можно ответить, кто не был». Далее дается список на 40 человек *«активных деятелей оппозиции»* и на 34 — *«менее активных»*[652].

Некто Астахов Яков Сергеевич, исключенный из партии в августе 1936 *г.* только за то, что бывал в компании вместе с Румянцевым, в своих объяснительных записках по этому поводу писал: *«…В 1932 году я присутствовал на двух вечерах. Там были тт. Смородин П. И., Гайцеховский, Толмазов, Иванов Г., Карпова, Шахова, Баранов И., Кузнецов, Лемберт и некоторые другие. Но прошу учесть, что Румянцев выглядел, как раскаявшийся, вернутый партией в свои ряды, отмеченный доверием… Он был в кругу основного и приглашался на все вечера актива — на квартиру у кого-либо из товарищей, где присутствовали Струппе П. И., Абрамов (секретарь Мурманского окружкома) и другие… Я в своей жизни привык в своем поведении равняться на руководителей и на то, что соратники С. М. Кирова, такие как Струппе, Смородин*

допускали возможность быть на вечерах с Румянцевым — мне казалось, что значит ничего нет в этом нехорошего».

В конце документа подпись Астахова и дата — 6 сентября 1936 г.[653].

Это страшный документ. Стремление автора оправдаться (и возможно с самыми благими намерениями), выгородить себя — фактически было доносом. И, следовательно, обещало новый виток репрессий.

Еще раньше, в конце января состоялся суд над руководством Ленинградского управления НКВД.

23 января 1935 года «Правда» поведала читателям:

«В Москве Военная Коллегия Верховного Суда СССР под председательством Ульриха В. В. в составе членов коллегии Матулевича и Голякова рассмотрела дело по обвинению бывшего начальника Ленинградского Управления НКВД Медведя Ф. Д., его заместителей Запорожца И. В., Фомина Ф. Т. и сотрудников Ленинградского Управления НКВД Горина-Лундина А. С., Губина А. А. Котомина М. И., Янишевского Д. Ю., Петрова Г. А., Бальцевича М. К., Мосевича А. А., Белоусенко А. М., Лобова П. М. … Данными судебного следствия и признаниями обвиняемых установлено, что бывший начальник Ленинградского управления НКВД, его заместители Запорожец И. В., Фомин Ф. М., сотрудники ленинградского управления НКВД и особенно Бальцевич М. К., имеющий по своей должности непосредственное отношение к делам о терроре, располагая сведениями о готовящихся покушениях на тов. Сергея Мироновича Кирова, проявили не только невнимательное отношение, но и преступную халатность к основным требованиям охраны государственной безопасности и не приняли необходимых мер охраны. Медведь Ф. Д., Запорожец И. В., Горин-Лундин А. С. не приняли мер к своевременному выявлению и пресечению в Ленинграде террористической зиновьевской группы, в том числе убийцы тов. Кирова злодея Л. Николаева, хотя они имели все необходимые для этого возможности. Все обвиняемые по настоящему делу полностью признали себя виновными по предъявленным им обвинениям.

Военная Коллегия Верховного Суда Союза ССР приговорила:

1) Бальцевича М. К. за преступное отношение к служебным обязанностям по охране государственной безопасности и за ряд противоправных действий при рассмотрении дел — к заключению на 10 лет.

2) Медведя Ф. Д. и Запорожца И. В. — к заключению на три года каждого;

3) Губина А. А., Котомина М. И. и Петрова Г. А. — к заключению на три года каждого;

4) Фомина Ф. Т., Горина-Лундина А. С., Янишевского Д. Ю., Мосевича А. А., Белоусенко А. М. и Лобова П. М.… — к заключению на два года»[654].

Эдуард Петрович Берзин — директор Государственного треста по дорожному и промышленному строительству в районе Верхней Колымы, обратился с просьбой в НКВД СССР отправить ленинградских чекистов отбывать наказание в лагерях Колымы. Просьба была удовлетворена. Летом 1935 года почти все бывшее руководство УНКВД оказалось на Колыме, осуществляя руководство горной промышленностью и дорожным строительством.

Филипп Демьянович Медведь сначала стал помощником начальника Оротуканского горно-промышленного района, затем возглавил Южное Горно-промышленное управление.

Иван Васильевич Запорожец занял должность начальника Оротуканского Управления дорожного строительства, а Федор Тимофеевич Фомин — стал работать в Тасканском горно-промышленном районе.

На Колыме ленинградские чекисты проявили себя с положительной стороны, направляя свою энергию, волю, организаторские способности на решение сложнейших хозяйственных проблем. Ветераны строительства на Колыме, общавшиеся с ними, отмечают «*вежливость, выдержанность, корректность Медведя не только с вольнонаемным персоналом, но и с заключенными»,* невероятную работоспособность Запорожца, который *«дневал и ночевал на трассе».*

В областном краеведческом музее Магадана собран большой материал о деятельности ленинградских чекистов на Колыме. Вместе с Медведем, Фоминым, Запорожцем жили на Колыме их семьи: жены и дети.

Впрочем, так продолжалось до сентября 1936 года, когда появился новый нарком НКВД СССР — Н. И. Ежов. Режим на стройках ужесточился, началась чистка всего лагерного руководства, в том числе и технического. Летом 1937 года на материк срочно были отправлены Ф. Д. Медведь, И. В. Запорожец, А. А. Губин. Так как все вызванные на материк чекисты проходили по «убийству Кирова», то сами они связывали свой вынужденный отъезд с подготовкой процессов по делу Бухарина, Рыкова, Ягоды. Однако на этих процессах ни Медведь, ни Запорожец, ни Губин не выступали ни в качестве свидетелей; ни в качестве обвиняемых. Правда, Ягода давал показания против Запорожца, но последнего ни суду, ни следствию не представили.

Как сложилась участь трех ленинградских чекистов на материке, где и как закончили они свой жизненный путь —

сказать трудно. Документы НКВД, их архивы — закрыты. А наши документы весьма скудны.

На запрос дочери Филиппа Демьяновича Медведя — Биолы Филипповны в середине 90-х годов была получена официальная справка: Филипп Демьянович Медведь арестован 7 сентября 1937 года. Осужден постановлением Особого совещания НКВД СССР от 27 ноября 1937 года на 10 лет без права переписки. Справка подписана начальником Кулунского разведывательного района Дальстроя.

Приблизительно в это же время дочь получила сообщение — справку магаданского ЗАГСа, что в 1943 году ее отец Ф. Д. Медведь скончался от паралича сердца.

Трагична была судьба его жены и сына Ф. Д. Медведя. Раису Михайловну Копыловскую арестовали 8 декабря 1937 года в Москве. Судили Военной коллегией Верховного суда СССР 20 января 1938 года. Приговорили на 10 лет без права переписки. В 1944 году Биола Филипповна получила справку о смерти матери, умершей от острого воспаления почек.

Когда арестовывали мать, тринадцатилетний сын Медведей — Миша Медведь, «крестник Кирова» заявил сотрудникам НКВД, что *«его папа и мама — очень хорошие, добрые, настоящие коммунисты и ни в чем не виноваты».* На второй день после ареста матери сын был арестован — 9 декабря 1937 года. Осужден Военной коллегией Верховного суда СССР на 5 лет трудовой исправительной колонии. Остались его письма оттуда. Читая их, думаешь — хорошего сына воспитали Филипп Демьянович Медведь и Раиса Михайловна Копыловская.

Приведем их полностью. Все письма — фотокопии, сделанные автором в семье Биолы Филипповны.

Письмо первое.

«Здравствуй, дорогой Коля![655]

Я получил твое письмо. Там ты и Биола пишете, что Илья[656] *отказался ее воспитывать. Что ж, от него можно было этого ожидать. Ты же его знаешь. Я думаю, что Виоле будет лучше у тебя, и в отношении учебы, и в отношении воспитания. Только вот насчет денег, наверное, тебе будет туго. Коля, ты продай веемой вещи и мой отрез (если только он остался). Теперь насчет себя. Тут уже выпал снег, два дня тому назад, но сегодня он начал таять, так как пошел дождь. Перед снегопадом тут было тень холодно и я, можно сказать, догорел. Туфли порвались и только сегодня мне дали ботинки. На этот месяц я не прошел в стахановцы, хотя перевыполняю норму. Когда я спросил воспитателя, почему меня не провели, то он ответил, что он на производстве меня провел, но комиссия, которая утверждает*

стахановцев, меня не провела. Оказывается воспитатель с какого-то общежития сказал, чтобы меня не проводили в стахановцы. Сейчас прошла вся охота работать. В шкале учусь неплохо. Плохих отметок нет ни одной. Больше ничего нового нет. Заботься, пожалуйста, о Биолочке и воспитай ее так, чтобы из нее вышел настоящий советский человек. Коля, напиши пожалуйста обо всем подробнее. Коля, пришли мне, если можешь, свитер, брюки рост 4, размер 48 (а то я хожу как оборванец), курить и рублей 20–30 к 7 ноября. И еще резинки для носок и пару простых и пару шерстяных.

И прости меня, пожалуйста, за то, что я так. долго тебе не писал. Сейчас дописываю это письмо в школе. Крепко целую Бабушку и Дедушку. Передай привет Вере, Мити, Нади, Миши, Люси, Леши, Борису. Поцелуй Биолочку и Мишину дочку. Коля, пришли мне яблок попробовать, что скоро год, как я их не ел. Очень хочется.

Крепко целую и жму тебе руку.

Миша Медведь

село Верхотурье

ВТК УНКВД 13/X-1938 г.

Да пришли ваши тапочки, а то после работы придешь, ноги устанут хочется походить в легкой обуви, а приходится поскорее ботинки посушить. Пришлите к брюкам ремень и перчатки шерстяные.

С приветом Медведь».

Мише Медведю — 14 лет.

Письмо второе.

«Здравствуй, дорогая Биолочка.

Я здоров. Живу ничего. Ты мне писала, что Илья отказался тебя воспитывать. Это он сделал очень некрасиво, но это к лучшему. У Коли тебе будет лучше. Может ты у него будешь кушать хуже, потому что у него нет таких безалаберных денег, но зато он Сделает для тебя все, что в его силах во всех отношениях. Главное, учись хорошо и участвуй в общественной работе. Ты пишешь, что посещаешь три кружка. Ты по моему это сделала напрасно, потому что не будет у тебя почти свободного времени. Я так думаю, лучше записаться в один кружок, но зато чтобы в нем заниматься как тяжело бы не было у чем быть в нескольких кружках и заниматься так кое как. Ты написала, что ты учишься неважно. Но ты, Биолочка, пишешь такие слова, которые наверно хороши только шестилетнему ребенку, если и ему не малы. Поэтому пришли мне 1 пару простых носок и 1 пару шерстяных и простой свитер. Пришли мне также тапочки и бумаги писчей и конвертов, а также белой в клетку бумаги, тапочки и простую ушанку — она у меня была. Ушанка черного цвета, она лежала в

шкафу в передней. Обязательно пришли спичек коробков 40–50, а то ни в колонии, ни в Верхотурье их нет. Биолочка, сейчас я докуриваю последнюю осьмушку махорки. Пришли мне пожалуйста в письме для быстроты 7 рублей на табак. Только эти деньги не отрывай от себя, а спроси у Коли. Очень благодарен за карточку, снялась хорошо. Слушайся Колю во всем. Плохого он тебе не посоветует. Если он скажет чего-нибудь продать, то пускай продает. Только береги свой отрез на пальто (если его не взяли при обыске). Насчет меня. Приду не раньше 40–42 года. Раньше не жду. Пришли мне все, что я написал и еще брюки. Наверное, они мне немного тесны. И пришли еще денег 20–30 рублей, а то хочется есть хорошего супа и чего-нибудь мясного.

Крепко поцелуй всех Колю, Веру, Машу, Люсу, Леонида, Бориса и дочь Миши.

Крепко, крепко целую и жму твою руку Миша

Село Верхотурье

трудколония УНКВД 17/X-38 года».

Мише Медведю — 14 лет.

Письмо третье.

«Здравствуй, дорогая Биолочка!

Посылку и перевод я получил несколько дней назад, но не написал потому, что не мог найти бумагу и чернила. Все что вы мне послали я получил полностью. За посылку и за перевод я, Биолочка, очень благодарю вас. Только жалко, что не прислали брюк и тапочек с галошами, а то я совсем оборвался. Я здоров, но чувствую сильную вялость, не знаю отчего.

Здесь стоят сильные морозы. Градусника я тут нигде не видел и поэтому не скажу, сколько градусов бывает мороза, но думаю, что он доходил до 40 °С с лишним. Никуда тут не ходишь, только на работу, в секцию и столовую. Остальное время валяешься на койке. Скучно. Ты не можешь себе представить, как медленно тянется время и как тоскливо на душе. Биолочка, я не знаю что больше писать. Если сможете, пришлите брюки, пару полотняного белья, рубашку, тапочки с галошами, пришлите перевод.

Поздравляю тебя Биолочка с днем рождения и Новым годом. Поздравляю также всех с Новым годом, Колю, Надю и всех остальных. Поцелуй Бабушку. Крепко, крепко целую.

Миша

31/XII-1939».

Мише Медведю — 15 лет.

Письмо четвертое.

«Здравствуй, дорогая Биолочка!

Только сейчас получил твое письмо. Меня удивляет, что ты пишешь, будто бы я долго не пишу. В этом месяце я написал

заказное письмо и сдал на почту 7 числа. В том письме я написал № моего тюремного дела и я написал № моего следственного дела. Ну, наверное, ты получила уже письмо. Куриная слепота прошла уже как с месяц. Работаю я по-прежнему в рем-цехе учеником токаря. Работаю 8 часов, потому что я малолетка. Зимой в январе будут переводить во взрослые. Библиотека тут правда есть, правда большинство хороших книг я читал, но почитать есть что. Кино бывает, но очень редко. Биолочка, когда же ты пошлешь мне свою фотокарточку, только снимись во весь рост. Биолочка, пошли мне 20 осьмушек махорки, ни папирос, ни табаку, а махорки и постарайся прислать „Граф Монте-Кристо“ Александра Дюма. Все три тома или „Тихий Дон“ Шолохова и тоже все книги и кепку, а дальше ничего не надо. Пошли обязательно (если конечно можешь) и я буду тебе очень благодарен. Передай привет всем, кто передает мне привет.

Целую крепко, крепко Миша 19/XII-1940».

Мише Медведю — 16 лет.

Письмо последнее — пятое.

«Здравствуй, дорогой дядя Коля!

Я отбыл 2 года 5 месяцев из 5 лет, которые мне дали, и сам не знаю до сих пор за что.

Коля, хочу учиться дальше, но тут у меня нет возможности ни учиться, ни приобрести специальность. А я хочу как только освобожусь быть полноценным гражданином. Коля, я даже не могу представлять себе, чем я смогу заняться, если мне придётся отбывать весь срок и выйти на свободу почти 20-летним. Ведь я не имею квалификации, да и не надеюсь ее получить в заключении. Ты знаешь, что в Верхотурской колонии я учился у токаря и могу не хвастая сказать, что если бы я проучился еще 2–3 месяца, то сейчас бы имел квалификацию токаря. Ну вот уже 11 месяцев я в Туре, но даже ни разу не был у токарного станка и подзабыл то немногое, что узнал. В этой колонии довольно тяжелые условия жизни и работы. Особенно тяжело с обмундированием, приходится работать в лохмотьях. Вообще Коля, условия жизни здесь довольно тяжелые, но особенно много мне пришлось пережить в Москве в тюрьме. Коля, к тебе у меня очень большая просьба, если можешь, то возьми меня к себе на воспитание. Конечно, я понимаю, что этого ты не сможешь сделать пока я лишен свободы, но я почти уверен, что меня освободят, если только пересмотрят мое дело. Если ты меня возьмешь к себе на воспитание, то я уверен, что с твоей помощью я буду через непродолжительное время хорошим токарем или слесарем-сборщиком.

Еще раз очень прошу тебя, если сможешь возьми к себе на

воспитание.

Целую Миша

Коля, пиши пожалуйста почаще, пиши как живет и учится Биолочка».

Больше писем от Миши Медведя никто из родственников не получил. Он погиб в возрасте 17 лет на лесоповале в колонии в Туре.

Дочери Филиппа Демьяновича — Биоле Филипповне вернули два ордена Ф. Д. Медведя, отобранные у него при аресте, — ордена Красного Знамени за № 815 и 5262.

27 сентября 1957 года Военная коллегия Верховного суда Союза ССР пересмотрела дело Михаила Филипповича Медведя и отменила приговор Военной коллегии от 28 января 1938 года, полностью реабилитировав его посмертно. Посмертно были реабилитированы и его родители. Вот только судьба их до сих пор неизвестна. Во всяком случае, на Колыме до сих пор ходят слухи, что Филиппа Демьяновича Медведя вообще не отправляли на материк, а расстреляли прямо в Магадане, но это только версия, которая разрабатывается известным историком-краеведом Магадана Александром Козловым.

Сколько имен, проходивших по событиям декабря 1934 года, сегодня еще нуждаются в защите. И среди них, несомненно, имя Ивана Васильевича Запорожца. Следствием установлено, что И. В. Запорожец непричастен к убийству Кирова. Расстрелянный в 1937 году, оболганный тогда, да и современными публицистами, он пока не реабилитирован. Увы, уже давно пенсионеры его дети — Наталия, Татьяна и Феликс, давно уже студенты их внуки, скончалась вторая жена И. В. Запорожца — Вера Даниловна, прошедшая через ужасы сталинских лагерей, а клеймо — организатора убийства Кирова продолжает висеть на Запорожце, и кочует эта фальшивка из одной публикации в другую.

И думается, не случайно. Ведь непричастность И. В. Запорожца к организации убийства Кирова серьезно подрывает «доказательства» тех, кто отстаивает версию о заговоре Сталина против Кирова. Вскрывая преступные нарушения законности в прошлом, мы должны сегодня воспитывать в каждом, независимо от его положения в обществе, бережное отношение не только к духу, но и к букве закона.

Между тем вдова Запорожца получила из Управления главной военной прокуратуры документ еще 14 октября 1991 года за подписью заместителя начальника отдела по реабилитации А. И. Филимонова, в котором говорится: *«В связи с дополнительным расследованием по делу И. В. Запорожца установлено, что проходя службу в должности первого*

заместителя начальника Ленинградского управления НКВД, Запорожец И. В. нарушал социалистическую законность, в результате чего многие невинные советские граждане незаконно привлечены к ответственности и осуждены. При таких обстоятельствах постановка вопроса о принесении протеста на судебное решение по делу Вашего мужа не может иметь место».

Иначе как формально-бюрократической отпиской этот ответ не назовешь. В ходе процесса над И. В. Запорожцем в 1937 году его обвиняли не в нарушении социалистической законности, а совсем в другом: в организации убийства Кирова и оперкомиссара Борисова, в связях с иностранной разведкой, в пособничестве Тухачевскому. Наверное, давно пора реабилитировать И. В. Запорожца по сути предъявленных ему в 1937 году обвинений.

Что касается нарушений социалистической законности И. В. Запорожцем, в результате чего многие невинные советские граждане якобы привлечены к ответственности и осуждены, то хотелось бы обратить внимание на следующее.

И. В. Запорожец был назначен на должность первого заместителя начальника Ленинградского управления НКВД летом 1932 года, а уже в августе 1934 года оказался в госпитале. Более того, до середины 20-х годов он вообще был резидентом советской разведки за рубежом. Но это, возможно, частности.

Главное же, наверное, заключается в том, что вопрос о нарушениях социалистической законности не столь прост, как мы его обычно представляем. Прежде всего, идеологами репрессивных мер были многие видные деятели большевистской партии: Л. Троцкий, Н. Бухарин, М. Томский, А. Рыков, Н. Хрущев, В. Молотов, И. Сталин и другие. Им вторили, активно помогали в оформлении всех юридических законов и правил органы прокуратуры, обязанные защищать социалистическую законность. В 1934 году вносятся новые изменения в Уголовный кодекс — расширяют статьи за контрреволюционную и антисоветскую деятельность. Причем даже за помол зерна на частных мельницах ужесточались меры наказания. Так, 4 июля 1934 года за подписью главного прокурора РСФСР В. Антонова-Овсеенко во все города России была направлена специальная депеша. Она предусматривала за тайный помол зерна «*судить всех лиц по статье 58, пункт 7-й УК РСФСР»,* а это уже политическая статья[657]. Впрочем, и без того машина репрессий двигалась словно по хорошо наезженной колее. За 2,5 месяца после 1 декабря 1934 года только в Ленинграде органы НКВД арестовали 843 человека, выслали из города — 663 человека и 325 человек были направлены на работу в другие регионы страны, где

впоследствии многие из них арестованы, а затем расстреляны. Всего с 1935 по 1938 год в Ленинграде и области репрессировано свыше 90 тыс. человек.

Совершенно справедливо отмечал в 1991 году помощник начальника следственного отдела КГБ СССР полковник А. Я. Валетов: *«…неюридический подход и не давал возможности окало сорока лет восстановить доброе имя бывших комсомольских вожаков Ленинграда Румянцева, Толмазова, Котолынова и других, всего 13 человек, необоснованно осужденных за убийство Кирова совместно с террористом Николаевым. Нужно сказать, что родители и жены этих жертв, будучи сами репрессированными, так и не дождались справедливости в отношении их близких, хотя десятилетиями обращались в правоохранительные и партийные органы».*

История многослойна и многолика. Ее делают не отдельные личности и даже не партии, хотя роль лидеров и политических течений огромна. Однако лидеров и партии нельзя красить только одним цветом — белым или черным. Трактовка исторических событий — дело сложное. Трагедия 30–50-х годов втянула в свою орбиту слишком много человеческих судеб, отразилась не только на поколении людей, живших тогда, но и до сих пор отражается на нас с вами, в нашей психологии и сознании.

Выстрел в Смольном прошелся рикошетом по всей нашей истории. Он явился трагедией не только для партии, но и для народа. Но он не может быть поводом для злопыхательства, лжи, фальсификации. Уроки и горький опыт драмы страны после трагедии в Смольном, к сожалению, сегодня практически не усвоены многими современными политическими деятелями. Их амбициозность, безапелляционность, попытки манипулирования сознанием широчайших трудящихся масс якобы во имя блага народа по формам и методам во многом напоминают политические баталии, предшествующие годам массовых репрессий. Тем более что ныне террор — уголовный и политический — ведется как против отдельных граждан, так и против целых народов. И это тревожит. Конфронтацией, полным разрушением прошлого Храма будущего не построить, мира не достичь.

Приложение

Предисловие к Приложению

Судьбы народа сокрыты в его истории. Явления и события прошлого открывают свой подлинный смысл по истечении длительного времени, выступая во всей своей сложности и противоречивости, неся на себе печать созидания и разрушения, национальной славы и позора.

Писать о том, что происходило тогда у нас, в советской стране, без боли в сердце невозможно. Внутри страны, благодаря развернувшимся шрам политических вождей, вопреки воле широчайших народных масс, была развернута настоящая «холодная война», касалась ли она проблем стратегического развития страны — возможности построения социализма в одной стране, сущности индустриализации и ее темпов, коллективизации и форм кооперирования сельского хозяйства, развития партии, соотношения дисциплины и демократами т. п. — все подвергалось оппозиционерами не просто сомнению, а остракизму, осмеянию, неверию.

Высшие руководители всегда это понимали и знали, но постоянно держали широкие массы в заблуждении, вне игры, делали многих из них «козлами отпущения».

Это проявилось, прежде всего, в деле «Ленинградского центра» — или, как его называют, «в следственном деле Николаева и других».

Весьма откровенно И. И. Котолынов, В. В. Румянцев, В. И. Звездов, Н. С. Антонов, Г. В. Соколов, А. И. Толмазов, Л. О. Ханик и другие рассказывали не только общеизвестное о своих прошлых оппозиционных делах, не только каялись в содеянном, но подробно излагали взгляды на будущее, вполне определенно говорили о своих политических симпатиях и антипатиях, делились опытом организационных связей своих сторонников. При этом главными силами, мозговыми центрами и организаторами, по их собственным заявлениям на следствии, у них являлись их вчерашние кумиры — Каменев, Зиновьев, Бакаев, Евдокимов.

Не разделяю взгляда Ю. Н. Жукова, что «в своих откровенных показаниях они и не предполагали, как те будут использованы, к каким последствиям приведут их самих и очень многих»[658]. Безусловно, не все, но такие сопроцессники Николаева, как И. И. Котолынов, В. В. Румянцев, А. И. Толмазов, В. Левин, Л. Сосицкий, Л. Ханик, прошли большую школу оппозиционных битв, некоторые из них были делегатами партийных и комсомольских съездов, вожаками руководящих партийных и

комсомольских органов, политработниками и прекрасно понимали, как отразятся их признательные, искренние или ложные, показания на судьбах их старших товарищей.

Более того, они осознавали, и это видно из их допросов, что контрпропаганда, разговоры, которые они вели против действий Центрального Комитета ВКП(б), лично Сталина и Советского Правительства, были той питательной средой, которая порождала настроения недовольства, ненависти, создавала предпосылки для расширения атмосферы антисоветских отношений. Не случайно, что большинство из них признали свою моральную ответственность за террористический акт Николаева.

Конечно, следует учитывать, что, делая подобные заявления, они рассчитывали этим сохранить себе жизнь, будучи, несомненно, осведомленными об указах от 1 декабря и об изменениях, внесенных в уголовно-процессуальные кодексы союзных республик.

Материалы этого приложения неполны. Автор воспользовалась только теми документами, которые она получила от некоторых родственников расстрелянных.

Люди, которые давали эти показания, участвовали в судебных заседаниях, произносили последнее слово, были разными по уровню образования, политической зрелости, культуре, жизненному опыту. У них были разные характеры, Темпераменты, и все это нашло свое отражение в представленных читателю документах. И самое главное — большинство из них были молоды, а молодости свойственны заблуждения, ошибки, поиски веры и надежды. Не будем их осуждать! Будем осмысливать их тернистый путь, учиться мудрости на их ошибках.

В приложении даются и другие подлинные документы тех лет. Среди них — прямые переговоры по телеграфу между Кировым и Бутягиным, отражающие сложность, несогласованность действий командиров при обороне Астрахани, амбициозность Бутягина. Представляют, несомненно, интерес для современного читателя доносы, написанные разными людьми из разных социальных групп. Подобные доносы служили основным мотивом для соответствующих органов при проведении арестов, осуждений граждан Военной Коллегией Верховного Суда или Особым совещанием НКВД. Таких доносов архивы страны хранят весьма много. Подобные документы также являются отражением настроений значительной части общества тех лет, и нельзя забывать, что она внесла свой и весьма существенный вклад в репрессии того времени. Нам следует помнить об этом.

Все документы даются в орфографии и стиле их авторов.

Приведено по: С. М. Киров. Статьи и речи.-. Т. 1. 1912–1921. Партиздат ЦК ВКП(б), 1935. С. 146–155.

Переговоры с тов. Бутягиным [659]

I

2 января 1920 г.

Бутягин[660]. Здравствуй, Мироныч. Сейчас приехал. Был в Промысловке, Оленичево, Талагае, Алабуге, Еркетене. Разведка пришла из Серебровки, где не обнаружила противника, и из-под Бирюзяка, где по дороге в Черный Рынок тянутся обозы, эвакуируется все ценное для операции. Положение на этапах, Талагае, Терняках, Алабуге очень тяжелое, домов нет, если не считать в Алабуге четырех уцелевших изб. Люди сбились в землянках, начинают болеть малярией от сырости, чесоткой от грязи, острыми желудочными заболеваниями от соленой воды. На последних этапах обнаружилось отсутствие Фуража, и скученные животные падают. Созданная закупочная комиссия Чугунова без денег ничего не может дать.

Достали около ста подвод, но нет ни коней, ни верблюдов, чтобы запрячь и усилить переброску фуража; не менее критическое положение с обмундированием — ни единой шинели, а главное — ни одной пары сапог, как я и предполагал. Все хорошо подписано вами на бумаге, но Сибинский, конечно, в течение десяти дней до моего отъезда не смог получить из Баскунчака ни одной пары. Отдал приказ во что бы то ни стало итти вперед. К четвертому заканчиваю сосредоточивание и пятого занимаю Бирюзяк и одновременно, возможно, Величавое, а дней через шесть-семь — Черный Рынок. У меня только две грузовых машины и одна легковая; снял с них пулеметы и вожу овес. Выхода нет.

Вся работа по этапам и политработе, и зафронтовая, и разведка почти на месте. Сейчас всех разогнал из Яндык и заставил работать самым бешеным темпом.

В Астрахань не попаду, пока не закончу операцию первым скачком…

А мне сообщи, помимо вопросов, которые я набросал, еще о последних новостях на Фронтах. Коротко повторяю — нужны верблюды, гоните каждого закупленного верблюда, нужны деньги, нужны обмундирование и овес. Прикажите Сибинскому хотя на двух десятках подвод направить мне полторы тысячи сапог.

Киров. Здравствуй, Юрий. Нажму по всем педалям, но главное затруднение в транспорте, хотя, кажется, кое-что сделать удастся. В армейском запасе есть около ста пятидесяти лошадей,

сейчас буду нажимать на Ревсовет, чтобы их отдали тебе. На днях к тебе едут Смирнов и другие; сделаю все, чтобы с ними отправить обувь. Сейчас сдал приказ по всем отделам немедленно оказать всяческое содействие по немедленному сформированию всех управлений корпуса. Думаю, что; после того как они будут у тебя на месте, работа твоя облегчится. Вчера Сообщил, что Пересвет едет в Астрахань. Дело в том, что в отношении его состоялось решение Смилги о его отозвании и замене по приезде на фронт. Смилга должен немедленно найти кандидата и командировать тебе; кроме того, Смилга настаивает, чтобы весь твой штаб и все управления, которые формируются, по окончании Формирования были немедленно выдвинуты в район корпуса, куда ты укажешь. В Астрахани же оставить толкачей и надежную связь. Завполитотделом корпуса назначим Тронина, который выедет вместе со Смирновым; других кандидатов, знаешь, нет.

II

8 января 1920 г.

Бутягин. Здравствуйте, Мироныч!.. Сейчас создалось глубоко ответственное положение, резервы вы задержали, а мои передовые части заняли район Кумы и завтра утром, самое позднее к вечеру, займут Черный Рынок. При занятии Бирюзяка с боем удалось полное окружение противника, взят в плен батальон Ширванского полка около 300 человек, отряд моряков под командой мичмана Чехстова — 26 офицеров, свыше 500 винтовок, 12 пулеметов, одно скорострельное орудие, более трехсот тысяч патронов, снаряды, на ходу радиостанция и два мотора к другим станциям. По шифру этой же радиостанции мы снеслись с командующим Сёверокавказским фронтом (Деникин) и вытребовали эскадрон помощи из Черного Рынка, которому устроили ловушку. Дальнейшим разговором, который ведется и сейчас, выяснили все силы противника и неожиданно для него думаем захватить Черный Рынок и батарею в Таловке. У меня имеется куча материалов, поименные списки всего командного состава, шифр и пр. И, думаю, это передавать неинтересно. Полковник Косровани — командующий войсками в Бирюзяке — сделал попытку застрелиться, но был зарублен. Восемь человек офицеров сунулись на лодке в море, их затерло льдом, раздавило лодку, и они прыгают на льду второй День… Был под Величавым, не доехал немного, застопорила машина. Суднев с эскадроном выехал туда, противник, как мне было донесено, оставил Бирюзяк, не сомневаюсь, что Величавое занято нами… Бьюсь

один, как рыба, вы только тормозите, срываете все операции; ведь ясно, если мне самое позднее через неделю не удастся бросить 2-й кавполк, в котором из-за ваших стараний и так осталось только 137 сабель, и 299-й полк на подкрепление, то усталые наши части могут быть щелкнуты от Черного Рынка. Как-то неловко даже говорить о том, что ясно детям младшего возраста, а не ясно генштабу. Ну, пока все, завтра буду в Астрахани и подробности могу передать. Что у вас нового?

Киров. Здравствуй, Юрий! Поздравляю тебя с успехом и прежде всего должен сказать, что злость твоя неосновательна; все объясняется только тем, что ты не осведомлен о происходящем относительно переброски частей с Красноярского участка; я хлопотал не меньше, чем ты, но вся беда в том, что снять их нельзя. Четвертая армия взяла Гурьев, не уничтожив окончательно противника, часть которого отступила на запад. Заменить части Красноярского участка решительно нечем, так как все было брошено для взятия Царицына и Сарепты. Сейчас там идут огромные операции, нами занята станция Альганерово, и вдет энергичное преследование противника. Командарм и Механошин сейчас в Сарепте, связи с ними нет в течение 6 дней; не было связи и с тобой, учти все это и тогда поймешь мое положение. 175 лошадей переданы т. Смирнову, который завтра вместе со штабом выезжает в Яндыки. Сейчас постараюсь сделать все, чтобы раздобыть для Смирнова машину… Пока не приедет Смирнов в Яндыки, тебе уезжать нельзя.

Все, что за это время здесь сделано, сейчас тебе передаст Смирнов. На Южном и Юго-Восточном фронтах успехи колоссальные; сейчас получены сведения, что 6-го занят Александровский в 30 верстах от Новочеркасска. Плохо, что на Западном фронте мы отдали Двинск. О твоих успехах сейчас сообщу фронту, жаль только, что нет подробностей о Величавском направлении…

Записка в Эркетень товарищу Бутягину

Р.С.Ф.С.Р.
РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ВОЕННЫЙ СОВЕТ XI АРМИИ

20 января 1920 г.

Сегодняшние разговоры с тобой убедили меня окончательно в том, что ты совершенно не представляешь себе должных отношений с командованием армией. Иначе решительно нечем объяснить твоих толкований приказов по армии, а также и того, что ты не удосужился за время пребывания на фронте послать хотя бы одно донесение. О том, что Кизляр нами занят, мы знали; очевидно, возможность сообщений есть. По донесениям Смирнова кое-какая связь с Черным Рынком налажена. Нужно было наладить связь от Черного Рынка к Кизляру. Твои мечты о самостоятельности корпуса только мешают тебе. Корпус целиком и полностью подчинен армии, и, очевидно, командование ее несет всю ответственность за корпус. Твое же поведение не только недопустимо, но даже преступно, в чем я убедился за сегодняшний день. Ты Даже говорить не можешь о вещах, которые в отношениях командира к подчиненному совершенно элементарны. В результате происходит то, что мы видим. Командование корпусом у тебя обратилось в командование отдельными отрядами, а вся та огромная работа по организации снабжения, связи, транспорта корпусных учреждений и пр. висит в воздухе, и корпус легко может оказаться в весьма сложном положении. В этом отношении иной оценки положения быть не может. Вместо того чтобы сломить все препятствия по указаниям командования, ты делаешь то, что операция срывается, когда она могла быть верной. Вывод — если ты не считаешь возможным работу с командованием армии, скажи это открыто, а не доказывай опасными экспериментами.

Киров.

Переговоры тов. Кирова с тов. Бутягиным

III

23 января 1920 г.

Бутягин. Здравствуй, Мироныч! Последние два дня в районе Кизляра противник не проявлял никакой активности. По полученным же сейчас сведениям противник повел наступление, имея своей целью отбросить нас от железной дороги. Противник сосредоточивается в районе Карабагды и Тарумовка, отвлекая свои силы из Грозного и Святого Креста, благодаря чему т. Гикало третьего дня вновь занял Грозный…

Противник получил задачу отбросить нас спешно от линии железной дороги и затем вновь возвратиться на железную дорогу для погрузки. Станица Червленная спешно укрепляется четырьмя рядами проволочных заграждений. На станции Узловой находятся все интендантские склады и имущество, эвакуированные из Кизляра и Грозного. Все забито.

Передам заодно копию документа, характеризующего ситуацию на нашем Кавказе. Передавать?

Киров. Передавать.

Бутягин. «Великий визирь, главнокомандующий войсками Кавказского эмирства, военно-юридической академии ротмистр Магомет Киямиль-Хан, он же Иналук Арасланукoв Дышнинский. № 114. Ведено. Циркулярно. Министрам, командующим армиями, военным губернаторам, градоначальнику Ведено и другим должностным лицам эмирства. Даю вам знать, что высочайшим указом его величества эмира Северного Кавказа, как известно, я был назначен великим визирем с поручением мне составления кабинета министров. Кроме того, мне передано его величеством верховным вождем и главное командование войсками Северо-кавказского эмирства. Кабинет министров мною составлен следующим образом:

1) министр двора его величества генерал-майор Каим-Хани, 2) министр иностранных дел — военно-юридической академии ротмистр князь Магомет-Киямиль-Хан, он же Иналук Арасланукoв Дышнинский, 3) министр продовольствия, торговли и промышленности — Магомет-Ханхоев, 4) министр земледелия и государственных имуществ — Вилал-Шамиле, 5) министр военный — генерал-майор Шиты-Истамулов, 6) министр путей сообщения и почт и телеграфов — Куси-Байгилеев, 7) министр внутренних дел — генерал-майор Хабале-Бееленеев, 8 и 9)

портфель министра юстиции и портфель министра просвещения оставляю за мною, а также и портфель министра вакуфных дел и имуществ.

По главному командованию мною приступлено к реорганизации армии по примеру благоустроенных держав. О состоявшемся акте правительства, в виду составления названного кабинета мною будет дано своевременно соседним державам о признании Кавказского эмирства самостоятельной шариатской монархией во главе с эмиром Узун-Хайри-Хаджи-Ханом, под протекторатом халифа Мусум-Мамек, его величества оттоманского императора Магомета Вахитг-Дина шестого. За сим с божьей волею я буду добиваться шариатской монархии, ибо в стране мусульманской республики существовать не может, на том основании, что признанием республики мы бы не признали халифа, значит отрицали бы пророка Магомета, что значит отрицание бога. Итак мы не требуем автономии, а хотим самостоятельной шариатской монархии. Всякий пришелец — нам гость, которого мы в силу нашей религии и традиции так любим и уважаем, но всякое вмешательство в правое дело посторонних лиц, еще не реабилитировавших себя за прошлое перед народом, мы не можем принять. Не можем протянуть руки людям, изгнанным из собственного отечества. Мы не можем отступить от шариатской монархии, мы не можем подать руки людям, не признающим ничего святого, мы не можем допустить в нашу среду лиц, не испытанных его величеством эмиром нашим Узун-Хайри-Хаджи-Ханом. Мы избегаем повторения эпопеи мифической Горской республики.

Об изложенном объявить народонаселению и подведомственным вам должностным лицам, для немедленного исполнения и сведения.

Великий визирь и главнокомандующий войсками военно-юридической академии ротмистр Дышнинский. Правитель канцелярии поручик Асан-Хани. (Хасавьюртовскому губернатору.)» (Стоит несколько печатей, по-видимому турецких.) Могу сообщить, что раненые и пленные чеченцы и кабардинцы, взятые нами под Тарумовкой, знают об этой чертовщине[661].

Киров. Нет ли у тебя сведений, какое впечатление на горцев производит образование эмирства и какое участие в этом принимают турки?

Бутягин. Учесть трудно, хотя пленные кабардинцы и чеченцы говорили, что мы пойдем с Красной армией и что они сами перебежали к нам. Больше по этому поводу ничего не знаю. Постараюсь собрать сведения и информировать тебя.

Киров. Уверен ли ты, что удержишь район Черного Рынка,

принимая во внимание, что против тебя довольно приличные силы противника?

Бутягин. Мое впечатление такое, что вчера часть сил противника оттянута и вопрос только в сегодняшнем дне, ибо прибывшие резервы требуют отдыха, а затем у меня намечен контрманевр, которым я предполагаю отбросить противника вновь к железной дороге. Все будет ясно в течение двух дней. Сомнений у меня завтра с обеда совершенно не будет. Через десять минут я сообщу развитие боя, подожди минутку. Пока задавай другие вопросы. Приехал ли Реввоенсовет и что нового? Затем сообщаю тебе, что я с Реввоенсоветом абсолютно, и на этот раз окончательно, разрядил атмосферу и все недоуменности.

Киров. Хорошо. При поездке на Величавое учти следующее. Подходящая к Манычу 7-я кавдивизия сообщила нам вчера, что южнее Маныча широкое повстанческое движение, повстанцами уничтожены все переправы через Маныч. 7-я дивизия старается связаться с повстанцами. Попробуй и ты из Величавого послать в северную часть Ставропольской губернии своих людей для связи. На общем Кавказском фронте несколько дней происходит маленькая заминка. Объясняется это тем, что отстали тылы, расстроилось снабжение, нет связи. Теперь дело налаживается. Вопрос о приезде Сталина на фронт остается нерешенным. Кавказский Ревком все еще не приехал. Очень рад, что распутал отношения с Реввоенсоветом. Настоятельно прошу тебя регулярно поддерживать связь со мной и при всякой возможности звать к аппарату. Больше вопросов пока не имею.

Бутягин. В районе Тарумово положение продолжает оставаться безрезультатным, по видимо устойчиво для нас, иначе бы тылы в Черном Рынке уже паникерствовали бы. Через час прикажу сообщить результаты боев. Будь здоров.

Киров. Всего лучшего.

IV

29 января 1920 г., в 2 часа.

Бутягин. Здравствуй, Мироныч! Я в разговоре с т. Василенко запросил — передавать ли тебе подробно о положении на Кавказе и содержание писем и докладов тт. Гикало, Гордиенко, Шеболдаева и Борисенко из отряда зеленых или же лучше направить все материалы тебе с т. Михеевым и т. Гришко.

Киров. Здравствуй, Юрий! Сущность материалов передай сегодня же запиской. Было бы лучше, если тебе Михеев не нужен, — командировать его с материалами сюда.

Бутягин. Михеев и Гришко должны срочно возвратиться, получив и для отряда Гикало, и для отряда нашего, оставшегося в тылу, и для Шеболдаева [то], что на Дагестане я мог бы по вашему распоряжению уделить, но это не удовлетворит их, а потому лучше им быстро съездить к вам и не задерживаясь возвратиться. Каждый день дорог, в смысле работы, для изменения политической ситуации в Дагестане и Тереке.

Киров. Тогда сделаем так: через день-два в Яндыки выезжает Механошин, и пусть они с ним и с тобой выяснят все вопросы. Я с командармом завтра еду на Тихорецкое направление, вернемся не скоро. Таким образом Михееву встретиться с нами в короткий срок не удастся. Если встретятся крупные вопросы, то мы их с вами решим по проволоке. Материалы у них все возьми.

Бутягин. Хорошо. Можно разрешить вопросы на месте с Механошиным. Я задержу Михеева и подожду сам Механошина, важно, чтобы одновременно прибыли значительные суммы. А сейчас я тебе коротко передам сущность докладов, в которых принципиальных вопросов почти нет. Гикало занимает своим отрядом вместе с Мордовцевым Воздвиженскую передовыми частями, а тыловая база его — в Шатоевском. Отряд имеет красноармейцев всех национальностей — русских и кабардинцев больше всего, — хорошо сплочен, но в тяжелом материальном положении. Узун-Хаджи сначала был под влиянием Гикало, но с октября влияние его стало слабеть и переходить в руки чеченца-монархиста, туркофила, панисламиста Дышнинского, который, объявив эмирство под протекторатом Турции, приступил к формированию армии эмирства, причем 5-й армией приказом от 6 ноября объявил отряд Гикало и назначил его командующим. Гикало, конечно, отказался, чтобы ему, как командиру красных частей Советской России, не мешали бороться с Деникиным. Отдан был приказ разоружить Гикало, но в виду его авторитета и протеста Узун-Хаджи, а также слабости сил эмирства — разоружение не удалось, и после переговоров т. Гикало оставили в покое, но без всякой помощи. Отряд ингуша Арцаханова, пришедший во временную столицу эмирства, видимо, ознакомившись с новой властью, не согласился ей подчиниться и ушел в горы в Ингушетию. Ингуша поддержки никакой не дают. Население Чечни тоже пассивно, но корни пускаются; в Ведено прибыли три недели тому назад турецкие эмиссары с группой офицеров-младотурок, сообщая, что идет через Тифлисскую губернию 14-й корпус, под командой Мустафа-паши. Младотурки недовольны монархической политикой Дышнинского, и на этой почве происходят трения в его кабинете. Есть ещё третье течение, определенно наше, с командующим одной армией эмирства —

министром внутренних дел Шито во главе. У меня есть подлинные документы, приказы о назначении командующих и о Гикало, есть образцы выпущенных эмирством денежных знаков. Кумыки определенно не признают новую монархию и изгнали князей, в то время как Дышнинский в свободной Чечне, не имеющей до сих пор классов[662], ввел сословия, княжеские титулы, дворянство и проч. Наш отряд с командиром отряда Передери, военкомом Стебаковым, военкомом полка особого назначения, начштаба Черемовым, адъютантом отряда особого назначения Борисенко, Михеевым, ведущим политработу, занял Кумыкскую линию от Александрийской станицы по берегу и по железной дороге, от Хасавь-Юрта, не доходя Петровска; и очень радушно принят кумыками, установившими по аулам Советскую власть. Отряд очень сильный, и, конечно, с его приходом политическая ситуация, колеблющаяся под ногами у Шеболдаевского отряда из дагестанцев и тавлинов, в районе Шуры окрепнет. Нури-паща, брат Энвер-паши — младотурок и тоже панисламист, пытающийся сбить Шеболдаева с Дагестана. Войдя в контакт с нашим отрядом, Шебодцаев может опереться на него и противодействовать Нури-паше. Необходимо отряд наш у кумыков срочно пополнить кавалерией из кумыков. Нужны средства, туда не попало денег совершенно; как Гикало, так и этому отряду, по моим приблизительным подсчетам, необходимо каждому не менее десяти миллионов. Во всех докладах и Шеболдаева и Гордиенко и Гикало сквозит одна мысль — это не терять времени и быстро покончить пока еще с неокрепшим эмирством. Возможность для этого, они считают, в наличии этих отрядов полная, с небольшой поддержкой от нас. Указывается на важность Грозного, ибо эмирство считает Грозный своей столицей в будущем.

Киров. Теперь отвечу на твои вопросы: 1) Костич остается в твоем распоряжении, но только огради его от оперативной работы. 2) С горючим для машин дело обстоит очень скверно. Здесь нет ни бензина, ни спирта, когда получим последнее — неизвестно, поэтому возьми 150 пудов бензина для смеси с керосином. Необходима крайняя экономия бензина, имея в виду, что на днях сюда для авиозвена корпуса прибывают три машины, которые немедленно будут отправлены к тебе, для них нужен будет бензин. 3) Два миллиона денег возьми влолевом казначействе корпуса, которому отправлено отсюда и должно быть уже прибыло семьдесят миллионов. Что же касается отрядов Гикало и Шеболдаева, то о снабжении их деньгами сообщу тебе завтра дополнительно… К сведению тебе сообщаю, что 7-я кавдивизия переправилась через Маныч и заняла Воздвиженское,

что восточнее Дивного, таким образом, возможность связи частей корпуса с Тихорецкой группой становится все ближе. Председатель Кавказского Ревкома Орджоникидзе назначен членом Реввоенсовета Кавказского фронта и на днях будете Саратове. Таким образом, вопрос о назначении Сталина в наш фронт, очевидно, отпадает. Сообщи, какими деньгами ты захватил в Святом Кресте пять миллионов.

Бутягин. Деньги в Святом Кресте забраны всякие: и корейские, и купоны, и добрармии, и донские, немного даже есть народного совета, только нет советских; отмечаю, что в районе Святого Креста, даже в тылу в незанятых нами селах, предпочитают перед корейскими наши советские знаки. То же было и в районе Кизляра. Значит Михеева я задержу и через два дня после его доклада.

Киров. Нельзя ли и Гикало дать хотя бы часть денег советскими Знаками?

Бутягин. Я думаю, возможно, не менее трети. Напиши директивы политические Шеболдаеву, Гордиенко, Гикало и Мордовцеву и пришли с Константином Александровичем. Вылет звена ускорьте. Я произведу разведку и свяжусь с Величавым. Больше ничего не имею. Будь здоров. Передай привет и ожидание.

Киров. Все будет сделано. До свидания.

Заявление членов ЦК РЛКСМ, голосовавших на заседании Бюро ЦК РЛКСМ от 15/1–1925 г. против выступления от имени ЦК РЛКСМ на пленуме ЦК РКП(б) по вопросу о тов. Троцком

Мы, нижеподписавшиеся члены ЦК РЛКСМ считаем необходимым в письменном виде изложить те мотивы, которые нас заставили голосовать на заседании Бюро ЦК от 15/1–1925 против выступления с мнением ЦК РЛКСМ на пленуме ЦК ВКП(б) по вопросу о мерах партийного воздействия на тов. Троцкого в связи с его антиленинскими выступлениями.

Мотивы наши следующие.

1. Вопрос в данном случае не идет о нашем отношении к троцкизму и антиленинским выступлениям Троцкого. По этому вопросу наш Союз и его ЦК высказались с полным единодушием и определенностью.

В данный момент ЦК РКП, подводя итоги дискуссии в связи с выступлениями Троцкого, должен сделать выводы о мерах партийного воздействия в связи с выступлениями Троцкого. В ЦК РКП нет принципиальных течений по отношению к Троцкому. Есть разногласия по конкретному вопросу: снимать или не снимать сейчас Троцкого из Политбюро ЦК РКП. Разногласия, которые не выносятся широко на обсуждение партии.

2. При таких условиях выступление ЦК РЛКСМ, поддерживающих ту или другую точку зрения на этот вопрос, существующий в ЦК РКП, без специального запроса со стороны руководящей группы ЦК РКП, есть вмешательство вдела ЦК РКП с целью обострения борьбы. Высказываясь против специального выступления ЦК РЛКСМ по этому вопросу, считаем нужным заявить, что мы отрицаем постановку «нейтральности».

Чаплин, Матвеев, Пакулин, Мильчаков, Сорокин, Соболев

(ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 36, л. 22–23. Копия.)

О выступлении оппозиции 7 ноября 1927 г. в Ленинграде

Заседание парткома Ленинградского института путей сообщения 17/XI-1927 года

«В выступлении принимало участие несколько студентов Института: Красовский, Павлов, Голдин.

Красовский: Билет на демонстрацию получил от одного товарища из райкома партии, фамилию не знаю. Фракционную работу считаю вредной. Считаю ошибкой, что ходил на демонстрацию не с институтом. Фракционную работу не веду, но свои взгляды буду бороться. Постановление ЦК партии об исключении Зиновьева и Троцкого из партии считаю неправильным, т. к. их исключили за идейные взгляды.

Фамилию товарища, доставшего билет, не скажу.

Павлов П. А.: Где достал билет не скажу. Я защищал вождей. Зиновьев бросил лозунг „Да здравствует пролетариат!" И кто-то, кто — не помню, крикнул „Да здравствует Зиновьев". Я был очевидцем того, как по лицу ударили Радека, и как Евдокимова потащили топить к Мойке.

Голден отказался давать какие-либо объяснения.

Партийный комитет Ленинградского института путей сообщения постановил:

Исключить из партии Красовского (36 чел. голосовали за исключение, 12 — были против). Голдена — исключить из партии — 32 человека, против — 16. Павлову П. А. — вынести строгий выговор (за выговор проголосовали 42, против 6)».

(ЛПА, ф. 1085, св. 9, д. 114, л. 148–151)

«В ОГПУ, тов. Мессингу

Секретариат Ленинградского комитета ВКП(б), ознакомившись с заявлением тов. Жукова, считает: 1) В дальнейшем рекомендовать ОГПУ изменить форму агентурных сводок в сторону точного и ясного указания их агентурного происхождения. 2) Принять к сведению заявление т. Мессинга, что объяснения Жукова (полностью, значительно, в основном) опровергли материалы агентурной сводки ОГПУ. 3) Предложить ГПУ объяснения т. Жукова послать в те адреса, в коих была повинна агентурная сводка».

Документ не датирован. Возможный год написания — конец 1928 г., установлен по косвенным документам.

Записка написана рукой Н. А. Свешникова.

Подписана Кировым (автограф)

ЦПА, ф. 80, оп. 11, д. 24, л. 6.

Из писем к Кирову:

1. Даты нет. Но, скорее всего, относится к 1931 году

«Тов. Киров

Я решил тебе написать, именно тебе, нужно бы написать Сталину, но ему письмо не дойдет. Неужели Вы все руководители не видите, что ведете страну к гибели и все октябрьские наши завоевания могут пойти на смарку… Материальное положение рабочих и служащих тяжелое, процветает спекуляция, отсутствует дисциплина, у магазинов тысячные очереди, голодуха. Хорошо живут спекулянты, лишенцы, воры, жулики. — Они живут так же, как стоящие у власти, имеющие хорошее снабжение и все дефицитное. Ленин этого бы не допустил и партия, особенно головка недостойна произносить имя Ленина. Рыков был человеком умным, но его забили, Томский тоже был неплохим… Посмотрите торговые организации, из них половину нужно перестрелять при жизни.

Фамилии своей не подпишу, боюсь как лозунгщика тебя!»

(ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 63, л. 37)

2. Датировано 5 июля 1932 г.

«В чем сущность моего письма? Рабочие недовольны политикой партии. Мотивы недовольства: голод, займы и как вывод из общих настроений — уничтожили людей, которые кормили рабочий класс (кулака)…

Мы в деревне разбили классового врага окончательно, подорвали его корни, но мы его не уничтожили, он нашел новые формы борьбы и более успешные. Борьбу из деревни классовый враг перенес в город — в гущу рабочего класса. Из одного села Западной области, откуда я родом, оттуда до 80 человек приехало в Ленинград. Это кулаки, подкулачники, уголовники, раскулаченные.

Партийные и профсоюзные организации плохо ведут работу среди сезонных рабочих. В связи с этим считаю необходимым поднять вопрос Об очистке рабочего класса.

Слушатель областной высшей колхозной школы Кочуро»

(ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 63, л. 39)

Заявление в партколлегию Ленинградской Контрольной Комиссии ВКП(б)

тов. Киселеву от члена ВКП(б) А. Клыкина
[даты нет] Приблизительно 1933 год.

В прошлом году в начале лета я был приглашен на день рождения к тов. Р. Оше, но у него не было музыки, я вспомнил, что напротив в доме живет Рекстон, а у него патефон. Открыла его жена, спросила зачем, дальше не пустила, сказала, что он занят, но Рекстон вышел, встретил недружелюбно. Я повторил ему просьбу, он попросил жену проводить меня в спальню. В соседней комнате я услышал разговор, приоткрыл дверь и увидел, что за столом сидел целый ряд бывших работников областной контрольной комиссии (Десов, Тенч, Алексеев, Король, Бороздин) и Озолин (бывший председатель Облсуда). Потом было еще человек 30, которых я не знаю.

Рекстон, увидев меня закричал, а Тенч пригласил в залу, посадил рядом с Десовым. Подали вина, пива. Стали пить за Десова, Комарова. Об этом мною было сообщено подробно 2 раза в органы Ленинградского Государственного Политического Управления по вызову к тов. Горину, начальнику СПО. Кроме того, было сообщено, что Рекстон неоднкратно в беседах со мной ругал самыми площадными словами Кирова и Сталина, называя их «мерзавцами», «негодяями», а «не руководителями пролетариата, что еще в годы реакции Киров выступал со статьями, находясь в Турции[663] против партии и пролетариата».

Летом этого года я встречался с Дмитриевым (директором техникума облснабоблотдела), который рассказал мне, что он встретился с Воробьевым, Десовым и Исидор В. — председатель союзтабака. Воробьев ругал Сталина «Ну, что с этим азиатом поделаешь, как мы ни боремся с ним, никак ему шею не свернуть».

ЦПА, ф. 80, оп. 17, д. 70, л. 4–7.

Заявление в партколлегию Ленинградской Контрольной Комиссии ВКП(б)

тов. Киселеву
от члена ВКП(б) А. Клыкина
16 июля 1933 года

«Однажды в разговоре с Рекстоном (еще до того, как мне удалось случайно раскрыть собрание у него на квартире) он мне рассказывал, что после того как все были сняты с руководящих постов… и уезжали в Москву к нему заезжал Бадаев, который совещался с ним о дальнейшем руководстве Ленинградской организации, так как Киров является чужим человеком в Ленинграде и доверять такую организацию ему ни в коем случае нельзя. Кроме того он сказал, что у них имеется постоянная связь с Москвой, поддерживается постоянная связь с Комаровым, Мессингом, Истоминым. Такая же связь поддерживается через Аменицкого, неоднократно посещавшего Рекстона в Ленинграде. И как-то раз Рекстон будучи в сильном возбуждении, ударив кулаком об стол сказал: мы скоро перегрызем глотку этому вождю Кирову, мы его посадим, мы его уничтожим, за нами идет большинство массы!»

(Документ приведен полностью. ЦПА, ф. 80, оп. 17, д. 70, л. 1, 1об)

В Ленинградскую областную Контрольную Комиссию ВКП(б)

тов. Киселеву
от члена ВКП(б) Романова А. М.,
п/б 0133494, референта секретаря
Ленинградского областкома ВКП(б)
Заявление

6 апреля 1933 года в 8 часов 30 мин. вечера, возвращаясь домой я был остановлен на Московской улице Володарского района, членом ВКП(б) Чугуновым Михаилом. Знаком с ним по совместной работе в Лодейнопольской организации ВКП(б). Чугунов был секретарем райкома, а я секретарем Оштинского райкома партии.

Чугунов был выпивши, но не пьян и пригласил меня зайти к нему на квартиру. Я зашел, Чугунов послал отца своей жены (беспартийный старик) за вином и тот принес полбутылки зубровки.

Разговор Чугунова сводился к следующему: «Сталин, теперешнее Политбюро трижды гитлеровцы».

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 779, л. 34

Постановление бюро обкома и горкома ВКП(б)

4 марта 1934 г.

На объединенном заседании бюро Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) 4-ого марта 1934 года был утвержден следующий состав бюро районных комитетов партии города Ленинграда

1. Нарвский РК ВКП(б):

Членами бюро: Алексеев, Лысаков, Тютин, Кирьянов, Волков, Цейтлин.

Кандидатами в члены бюро: Отс, Филатова, Тумчек.

2. Выборгский РК ВКП(б):

Членами бюро: Смородин, Гайцхоки, Никитин, Баранов, Иванов Г., Есенин, Карпова.

Кандидатами в члены бюро: Егоров, Копорова, Врублевский.

3. Московский РК ВКП(б):

Членами бюро: Бушуев, Владимиров, Гусаров, Матусов, Исерлис, Виноградов, Невинский.

Кандидатами в члены бюро: Богданов, Попова, Алексеев.

4. Василеостровский РК ВКП(б):

Членами бюро; Водцит, Лукьянов, Орлович, Шеметова; Ингельман, Ивашов, Уткин.

Кандидатами в члены бюро: Царев, Шелепугин, Саламахин.

5. Володарский РК ВКП(б):

Членами бюро: Освенский, Никитин И., Юхачева, Астахов, Фисуненко, Казовский, Егорова А.

Кандидатами в члены бюро: Курлянд.

6. Петроградский РК ВКП(б):

Членами бюро: Соболев, Грибков, Пальцева, Десов, Сергачев, Ортяков, Плотникова.

Кандидатами в члены бюро: Иванов, Прокофьев, Климович.

7. Смольнинский РК ВКП(б):

Членами бюоо: Касимов, Кузнецов, Балакин, Преображенская, Иткина, Цинит, Яковлева.

Кандидатами в члены бюро: Шниппер, Жуков, Преде.

8. Центральный РК ВКП(б):

Членами бюро: Милославский, Мелкишев, Смирнов, Семенов, Быстрянский, Смирнов С., Кольцов.

Кандидатами в члены бюро: Иванов, Маринушкин, Свердлов.

9. Октябрьский РК ВКП(б):

Членами бюро: Шульман, Савенков, Садчиков, Иванов Н.,

Александров, Орлов, Масевицкий.

Кандидатами в члены бюро: Штыков, Усанов, Диманис.

10. Пригородный РК ВКП(б):

Членами бюро: Емельянов, Пахомов, Зотиков, Цеховский, Соловьев, Цветков, Ларионов.

Кандидатами в члены бюро: Хитров, Красиков, Горев.

11. Кронштадтский РК ВКП(б):

Членами бюро: Токарев, Яров, Озолин, Алтухов, Рабинович, Мушлов, Никанович, Болышев, Прошкин.

Кандидатами в члены бюро: Белов. Макашайчик.

Во всех районах была установлена должность секретаря райкома, заместителя секретаря райкома, помощника секретаря.

(ЛПА, ф. 24, оп. 1, д. 876, л. 32–33)

Примечание. Такая структура райкомов партии, их число просуществовала до 1936 года. В данном документе первым в списке членов бюро стоит фамилия секретаря райкома ВКП(б).

Постановление бюро обкома, и горкома ВКП(б)

4 марта 1934 г.

На этом же объединенном заседании бюро Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) 4-го марта 1934 г. были приняты еще ряд важных решений:

1. На заседаниях бюро обкома и горкома ВКП(б) разрешить присутствовать заведующим отделами обкома и горкома партии, начальникам политотделов Октябрьской и Мурманской железных дорог, редакторам газет «Ленинградская правда», «Красная газета», «Крестьянская правда», «Смена».

2. Принято решение перейти к системе ответственных инструкторов обкома и горкома партии по отраслям промышленности и деятельности партийных органов. Из всех идеологических отделов оставить только отдел культуры и пропаганды,

— Заведующим отделом руководящих партийных органов обкома был утвержден — Низовцев.

— Заведующим сектором информации — Гожанский.

— Инструктором по составу организации и статистике — Васильев.

— Заведующим особым сектором — Свешников.

— Заместителем заведующего особого отдела и управделами — Пухов.

3. Упорядочить структуру штатов Ленсовета в сторону сокращения.

Установить штат Ленсовета со всеми отделами, секциями, трестами и райсоветам в количестве 1440 человек на 1934 г. против ЗОЗб в 1933 году.

(ЛПА, ф. 24, оп. 1, д. 876, л. 51, 55, 59, 96–107)

Примечание. Документ дается в сокращенном виде.

Постановление бюро обкома и горкома ВКП(б)

4 марта 1934 г.

На объединенном заседании бюро Ленинградских обкома и горкома ВКП(б) было принято объединенное постановление областкома и горкома ВКП(б) по местной промышленности.

Ленинградская. местная промышленность объединяет 107 предприятий с основным капиталом 1/4 млрд. рублей. Валовая продукция составляет 904 млн. рублей. Однако, ленинградская местная промышленность не отвечает поставленным целям: не обеспечивает рынок товарами для населения, а регион — необходимыми промышленными товарами, в первую очередь стройматериалами. Кроме того, большой процент отчислений от-прибылей местной промышленности идет в союзный и республиканский бюджеты, а надо усиливать местный бюджет.

В связи с этим необходимо определить перечень предприятий, подлежащих передаче из союзного и республиканского подчинения в состав местной промышленности.

Среди них:

Невгвоздь

Псковский металлический

Старорусский чугунного литья

Завод им. Бадаева

Красный маляр

Канат

Шпагат

Фабрика «Союзутиль»

Музыкальная фабрика им. Луначарского

Пашский тарный завод

Рыбное хозяйство на внутренних водоемах.

Фабрики «Красное Знамя» и «Веретено» выделить в союзное подчинение.

Это приведет к изменению состава местной промышленности. В ее ведении будет 220 предприятий, число рабочих 125 тыс. Выработка плана на 1934 г. составит 1,2 млрд. рублей.

Кроме того, по промышленности, находящейся в ведении Ленсовета, а это 81 предприятие, которое имеет 13 900 работающих и по плану 1933 года давало продукции на 106,6 млн. рублей.

Местная промышленность подразделялась на областное, городское й районное подчинение, т. е. находилась в ведении Ленсоветов и райсоветов. Постановление Совнаркома РСФСР от 9 августа 1933 года давало право директорам республиканских предприятий расходовать 25 % экономии от заказа-наряда на дополнительные капитальные работы без утверждения этого в спецбанке. Это положение необходимо распространить на местную промышленность. Общие лимиты капитальной работы утверждаются Ленсоветом и облисполкомом. Местная промышленность сбывает свою продукцию на местном рынке, освобождается от продажи товаров наркоматам.

Предельный размер отчислений прибылей местной промышленности в доход государства не более 81 % в соответствии с постановлением ЦИК и СНК СССР от 3 сентября 1931 года.

Предоставить Облисполкому и Ленсовету права 50 % сверхплановой прибыли оставлять в их распоряжении.

Перед Управлением местной промышленности стоят задачи: изучение экономики района, сырьевых, энергетических ресурсов, установление связей с научно-исследовательскими институтами, технологической реконструкцией местной промышленности, создание новой производственной базы.

Документ подписан лично Кировым и им сделана приписка: Чудову, Кодацкому, Струппе, Иванову А;, Светикову, Нетану определить списки предприятий местной промышленности о передаче как в ведение Ленсовета, так и облисполкома.

И стоит вторичная подпись Кирова.

ЛПА, ф. 24, оп. 1, д. 876, л. 112–113, 125–126.

Примечание. В 1934 году экономика Ленинграда и области носила многоукладный характер. В промышленности были предприятия союзного, республиканского и местного подчинения. Сохранялись кустарно-промысловые артели и кооперация. В сельском хозяйстве были колхозы и единоличное хозяйство, причем последнее в 1934 г. составляло свыше 40%

Из писем С. М. Кирову

13 дек. 34 г. — зарегистрировано секретариатом С. М. Кирова

Дорогой товарищ Сергей Миронович

Мое моральное весьма тяжелое состояние. За последний отрезок моей жизни на нервной почве. Все чаще и чаще, совершенно дезорганизует мою волю и психику. И мне становится все трудней и трудней выносить такую жалкую жизнь, а так же владеть собой. Да, и для всех моих близких и родных мне лицам, так же не может быть приятным мое угнетенное состояние. Вследствие чего мне вдвойне тяжело, что и побуждает меня обратиться к тебе с убедительной просьбой, оказать мне содействие устроится в Ленинграде, в специальной лечебнице. Для клинического лечения своей злокачественной болезни, которая отравляет лично мне и моим близким жизнь и я так устал, что готов подвергнуть себя каким угодно экспериментам, лишь бы получить каплю облегчения.

По этому случаю я очень и очень прошу тебя дорогой. Будь так добрым, помоги мне в этом направлении. Поручи кому нибудь из товарищей выяснить соответствующую лечебницу в Л-де и устроить меня в таковую. Для меня стороннего исследования основной причины моей болезни врачами специалистами и применения методов лечения. Я с Сначала августа до конца сентября провалялся в Кремлевской больнице, а с 4-ого октября нахожусь в доме отдыха ЦИКа в Сочи и несмотря на весьма благоприятные условия во всех отношениях, а также и чудную солнечную погоду благодатного юга мое душевное состояние из рук вон плохо и я принужден избегать общения с людьми, что еще больше обостряет душевное состояние…

В начале декабря я вернусь в Москву и мне хотелось бы попытать счастье и использовать последнее средство полечиться в Ленинграде — в хорошей лечебнице под наблюдением врачей-специалистов, за что я хватаюсь, как утопающий за соломинку, когда его тянет ко дню. И надеюсь на то, что ты лично, а также и другие т.т. ленинградцы, от которых это будет зависеть, помогут мне использовать эту соломинку. Как только получу от вас благоприятный ответ на мою просьбу с положительными результатами немедленно выеду в Ленинград.

Крепко жму твою руку

С ком. приветом С. Аллилуев

10 нояб. 34

Сочи-Мацеста. Дом отдыха ЦИКа
Зинзиновка
(ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 842, л. 141)

Уважаемый тов. УГАРОВ!

в 1931 году совещанием коллегии ГПУ я был приговорен к высылке в Алма-Ату. Ровно через пять дней по прибытии в Алма-Ату я был назначен штатным профессором тамошнего (Казакстанского) университета по кафедре истории империализма, а после восьмимесячного пребывания в Алма-Ате уже получил разрешение вернуться и почти одновременно приказом Наркомпроса был назначен профессором в Ленинградский историко-лингвистический институт. В 1933 г. ЦК ВКП(б) утвердил меня профессором Высшего коммунистического института просвещения (в Москве), где я и состою до сих пор, регулярно езжу для чтения там лекций в Москву. В 1934 г. при открытии Ист. фак. лен. гос. университета я был туда назначен профессором и состою там и теперь.

По желанию парткомов и месткомов разных Ленинградских учреждений я постоянно выступаю с лекциями на темы о текущей международной политике. Возбудив в настоящее время перед верховным прокурором т. Вышинским ходатайство о снятии с меня судимости я прошу Вас, на глазах которого проходит моя деятельность в Ленинграде, подтвердить соответствующим отзывом мое ходатайство.

Я работал, работаю и буду работать с правительством и партией и имею полное моральное право рассчитывать на удовлетворение моей просьбы.

ЕВГ. ТАРЛЕ

Профессор Лен. гос. ун., ЛИФЛ ин-та и Высш. Коммун. ин-та просвещения

23/X-35 г.

Л-д, Наб. 9 Января д. 30, кв. 4, тел. 115–43

Фамилия Николаев является весьма распространенной. Более того, на территории Выборгского района Ленинграда проживали и работали два Леонида Васильевича Николаева. С биографией одного из них, убийцы Кирова, читатель уже познакомился. Теперь расскажем о другом.

Он тоже родился в Петербурге в-1904 году и тоже в семье рабочего. Принимал самое активное участие в Гражданской войне. Вернулся в родной город в 1925 году из Свердловска и с этого времени до самой смерти трудился рабочим на Государственном оптико-механическом заводе. Здесь проходит

обе партийные чистки. Впрочем, предоставим слово документу:

«Протокол № 3 от 24 октября 1929 года цехячейки № 3 Государственного оптического завода.

Присутствует: членов и кандидатов ВКП(б) — 41 беспартийных — 15

Председатель собрания: Сынков

Члены: тт. Григорьева и Лакатош…

Николаев Леонид Васильевич, рождения 1904 года. Социальное положение — рабочий. Образование — среднее. Занимаемая должность — механик. В Красной Армии — служил. Производственный стаж лет. Нагрузка — профуполномоченный.

Вопросы:

1. Кто родители? 1. Рабочие.
2. Служил ли в Красной Армии? 2. Служил добровольцем.
3. Был ли в оппозиции? 3. Был.
4. Сколько подписался на заем? 4. На 200 руб.
5. Где был в Кронштадтское восстание? 5. На Урале.
6. Где состоял на военном учете? 6. В терчасти — рядовым.
7. Были ли выговора. 7. Были за опоздания.
8. Политподготовка. 8. Совпартшкола.
9. Сколько на иждивении? 9. 4 человека.

Тов. Смирнов — сомневается, что тов. Николаев скрыл, что он демобилизовался рядовым и предлагает это выяснить и воздержаться от постановления.

Тов. беспартийный — говорит, что тов. Николаев служил вместе с ним, что он демобилизовался рядовым и проявил себя, как исполнительный товарищ.

Тов. Николаев — говорит, что он посещал вечерние курсы и штатным командиром не был.

Пожелание: поручить т. Смирнову выяснить о службе тов. Николаева в Красной Армии и на следующем собрании сообщить.

Постановили: Считать проверенным, оставить в рядах ВКП(б)».

В учетной карточке этого Николаева указано, что он окончил курсы младших командиров и в общественной жизни активного участия не принимал.

Доказательством того, что было два Леонида Васильевича Николаева, является то, что при прохождении чистки 1929 года они сами рассказывали свои биографии, и они различные, к тому же у них были и разные номера партийных билетов. У

Л. В. Николаева, будущего убийцы Кирова, номер партийного билета был 0156283, у Николаева, работавшего на ГОМЗе, — 0155932[664].

Музей С. М. Кирова. V-663.

Воспоминания Шамко Данила Васильевича

КАССР г. Петрозаводск,
Пролетарская дом 1, кв. 11
Написаны 11/11–65 г.

Трудпрофилакторий был в Ленинграде, Б. Подьяческая ул., д. 30

В период НЭПа в Ленинграде было много женщин в возрасте от 15 до 30 лет, занимавшихся проституцией.

Условно на 3 группы:

1. Бедные молодые девушки, приехавшие из деревни.
2. Материальная нужда, живших в городе
3. Молодые, хорошо обеспеченные, из любви к искусству.

По постановлению Ленсовета создан закрытый трудпрофилакторий — весна 1928 г. в больнице Нихимсона.

Сначала заведывала Гордон, потом была Маркус М. Л. Были приняты двое молодых мужчин Грушевский и Василевский для работы по установлению и вылавливанию женщин.

Проработали около года, их судили за взятки и пр.

Мария Львовна по национальности еврейка, среднего роста с сильно поседевшими волосами без завивки, косметикой не пользовалась для крашения лица, скромно одевалась.

Работать начинала с 9 часов, кончала поздно вечером в 20 ч.

Приезжала и уезжала на трамвае, Киров приезжал несколько раз. Была по своем характеру: объективна, принципиальна, строга, настойчива, требовательна, справедлива, неболтлива, незлопамятна, не гордая, человеколюбивая с добрым отзывчивым сердцем и очень трудолюбивая.

М. Я. часто оскорбляли словом, а иногда бывали попытки оскорбить и действием, но она за такие поступки не наказывала, хотя и могла.

Удивительно умела распсиховавшихся й агрессивно настроенных успокоить добрым словом и хорошим примером.

Продолжала она эту работу с середины 28 до конца 30 г. и прошло через ее воспитание более 1000 проституток.

Протокол допроса от 1 декабря 1934 г. арестованного Николаева Леонида Васильевича

Допрос ведет: помощник начальника ОО НКВД по Ленинграду и области Лобов.

Присутствовал на допросе начальник УНКВД по Ленинграду и области Ф. Д. Медведь

Вопрос: Сегодня, 1 декабря, в коридоре Смольного вы стреляли из револьвера в секретаря ЦК ВКП(б) т. Кирова. Скажите, кто вместе с вами является участником в организации этого покушения?

Ответ: Категорически утверждаю, что никаких участников в совершенном мной покушении на т. Кирова у меня не было. Все это я под готовил один, и в мои намерения никогда я никого не посвящал.

Вопрос: С какого времени вы подготовляли это покушение?

Ответ: Фактически мысль об убийстве т. Кирова у меня возникла в начале ноября 1934 г., с того времени я готовился к этому покушению

Вопрос: Какие причины заставили вас совершить это покушение?

Ответ: Причина одна — оторванность от партии, от которой меня оттолкнули события в Ленинградском институте истории партии, мое безработное положение и отсутствие материальной, а самое главное, моральной помощи со стороны партийных организаций. Все мое положение сказалось с момента моего исключения из партии (8 месяцев тому назад), которое опорочило меня в глазах партийных организаций. О своем тяжелом материальном и моральном положении я многократно писал в разные партийные инстанции: Смольнинскому райкому партии, парткому института истории партии, обкому и ЦК ВКП(б), Ленинградскую комиссию партконтроля, а также партконтролю при ЦК, ВКП(б). Но ни от райкома партии, обкома партии, ЦК, ни письма Кирову и Сталину не помогли, ниоткуда я реальной помощи не подучил. Вопрос: О чем конкретно вы писали во всех этих заявлениях? Ответ: Везде я писал, что оказался в безвыходном положении и что у меня наступил критический момент, толкающий меня на совершение политического убийства.

Вопрос: Какая основная цель покушения, которое вы совершили сегодня на т. Кирова?

Ответ: Покушение на убийство т. Кирова имело основную цель: стать политическим сигналом перед партией, что на протяжении последних 8–10 лет на моем пути жизни и работы накопился багаж несправедливых отношений к живому человеку со стороны отдельных государственных лиц. Все это до поры до времени я переживал, пока я не был втянут в непосредственную общественно-полезную работу. Но когда оказался опороченным и оттолкнутым от партии, тогда решил сигнализировать обо всем перед партией.

Эта историческая миссия мной выполнена. Я должен показать всей партии, до чего довели Николаева. За зажим самокритики.

Вопрос: При вас во время личного обыска обнаружен составленный вашей рукой план совершения покушения. Скажите: с кем вы вырабатывали этот план?

Ответ: Кто мне мог бы помочь составить такой план? Никто мне в его составлении не помогал. Составил я его лично сам под влиянием событий вокруг меня в Институте истории партии. Кроме того, я составлял этот план под влиянием несправедливого отношения ко мне, когда работал в обкоме ВКП(б) и в облКК.

Категорически утверждаю, что этот план выработал и составил я лично, никто мне в этом не помогал и никто о нем не знал.

Допрос вел 1-го декабря Помощник начальника ОО НКВД по Ленинграду и области

[подпись] (Лобов)

Записано верно [подпись] (Николаев)

Протокол допроса 3 декабря 1934 г. Николаева Леонида Васильевича

Вопрос: Как вы попали 1 декабря в Смольный?

Ответ: Я прошел по партийному билету.

Вопрос: Когда вы прошли в Смольный?

Ответ: Примерно в 13 ч. 30 мин. и находился там до 14.30. Затем вышел, вернулся обратно в 16 ч. 30 мин.

Вопрос: Как вы провели этот первый час в здании Смольного?

Ответ: Сначала я обратился к тов. Денисовой, инструктору обкома, которая помещается с другой сотрудницей — Платоновской. Денисову я знаю лично с 1933 г. Я попросил ее дать мне билет на собрание партактива, но она мне в этом за неимением билетов, как она мне объяснила, отказала. Дальше на том же третьем этаже я встретил сотрудницу горкома ВКП(б) (газетный сектор) Шитик-Штеренсон, у нее тоже просил билет и получил ответ, что она еще и сама не имеет билета.

По тому же коридору я встретил затем инструктора горкома Ларина, и у Ларина я попросил билет на актив, но также получил отказ. После я встретил Смирнова, руководителя сектора партийных кадров обкома, у его кабинета попросил билет и получил ответ, что он, Смирнов, не имеет отношения к распределению билетов. Смирнов направил меня за получением билета в 450-ю комнату, но я туда не пошел, так как знал, что в этой комнате у меня нет никаких знакомых. Затем я направился к Петрошевичу, секретарю сельскохозяйственной группы, зашел к нему в кабинет, расположенный по левой стороне большого коридора, и приблизительно *5* минут беседовал с ним сначала на общие, ничего не значащие темы, а потом попросил билет. Петрошевич мне сказал, что в настоящее время у него есть восемь билетов и, если останется, то он мне даст. Для этого Петрашевич попросил меня зайти вечером. Затем я сошел вниз, вышел из здания Смольного и гулял в течение часа по Тверской улице, Очаковской, вышел на Советскую и вернулся в Смольный. Поднявшись на третий этаж, я зашел в уборную, оправился и, выйдя из уборной, повернул налево. Сделав два-три шага, я увидел, что навстречу мне по правой стене коридора идет Сергей Миронович Киров на расстоянии от меня 15–20 шагов. Я, увидев Сергея Мироновича Кирова, остановился и отвернулся задом к нему, так, что, когда он прошел мимо, я смотрел ему вслед в спину. Пропустив Кирова от себя на 10–15 шагов, я заметил, что на большом расстоянии от нас никого нет. Тогда я пошел за

Кировым вслед, постепенно нагоняя его. Когда Киров завернул налево к своему кабинету, расположение которого мне было хорошо известно, вся половина коридора была пуста — я подбежал шагов пять, вынув на бегу наган из кармана, навел дуло на голову Кирова и сделал один выстрел в затылок. Киров мгновенно упал лицом вниз.

Я повернулся назад, чтобы предотвратить нападение на себя сзади, взвел курок и сделал выстрел, имея намерение попасть себе в висок. В момент взвода курка из кабинета напротив выскочил человек в форме ГПУ и я поторопился выстрелить в себя. Я почувствовал удар в голову и свалился. Когда я очнулся и постепенно начал приходить в себя, я подумал, что сейчас умру. Ко мне кто-то подбежал, меня стали осматривать и унесли в комнату.

Допрос вел зам. начальника
ОО УНКВД по Ленинграду и области
[подпись] (Сосновский)
Записано с моих слов правильно,
мне прочитано
3/XII-34 г. [подпись] (Николаев)

Постановление Президиума Центральной Контрольной Комиссии Компартии РСФСР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

от 27 марта 1991 г.
(протокол № 12 п. 16)

Заявление т. Панпурина В. А. о партийной реабилитации его отца Котолынова Ивана Ивановича (состоял членом партии с 1921 г., партбилет № 0537418 образца 1926 г.)

И. И. Котолынов исключен из членов партии Партколлегией КПК при ЦК ВКП(б) 15 декабря 1934 г. «как контрреволюционер».

По постановлению Военной коллегии Верховного суда СССР от 28–29 декабря 1934 г. он был приговорен к высшей мере наказания «за участие в контрреволюционной террористической группе и совершение террористического акта в отношении С. М. Кирова». Пленум Верховного суда СССР 30 ноября 1990 г. приговор в отношении И. И. Котолынова отменил и дело прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления.

Учитывая, что обвинения, предъявленные И. И. Котолынову при исключении из членов партии, отпали, реабилитировать его в партийном отношении (посмертно).

Председатель ЦКК
Компартии РСФСР [подпись]

Послано: Парткому Уральского государственного университета (для ознакомления Панпурина В. А. по адресу: 620135, г. Свердловск, ул. Шефская, д. 85, кв. 31)

КОТОЛЫНОВ Иван Иванович родился в Петербурге в 1905 г., в семье ремесленника-портного, русский. Образование незаконченное высшее — окончил 4 курса Ленинградского физико-механического института. Член партии с 1921 г., партбилет № 0537418 образца 1926 года.

С ранних лет Котолынов принимал активное участие в политической работе среди рабочей молодежи Петрограда. Из низовых комсомольских организаций был выдвинут на работу в Ленинградский губком комсомола: в 1921–1924 гг. работал зав. экономическим сектором Ленинградского губкома РЛКСМ,

секретарем Выборгского райкома комсомола, зав. оргинструкторским отделом губкома РЛКСМ. В 1924–1926 гг. Котолынов избирался членом Бюро ЦК ВЛКСМ и членом Исполкома КИМа (Коммунистического Интернационала Молодежи). В качестве представителя КИМа в 1925 и 1926 гг. командировался в Германию и Австрию. В 1922 г. избирался депутатом Выборгского райсовета.

В 1925–1928 гг. Котолынов примыкал к ленинградской зиновьевской оппозиционной группе. 18 декабря 1927 г. XV съезд ВКП(б) вместе с другими активными участниками троцкистско-зиновьевской оппозиции исключил Котолынова из партии. В 1926–1928 гг. он работая зам. зав. орготделом Сибирского краевого совета профсоюзов.

В 1928 г. Котолынов подал заявление о разрыве с оппозицией. 4 января 1929 г. Партколлегия ЦКК ВКП(б) признала его заявление, удовлетворяющее требованиям съезда, восстановила его в партии с отметкой в партдокументах перерыва в партийном стаже с момента исключения по 4. января 1929 г.

По возвращении в Ленинград Котолынов поступил учиться в Ленинградский физико-механический институт на химико-физический факультет. Во время учебы в 1933 г. прошел партийную чистку.

5 декабря 1934 г., вскоре после убийства С. М. Кирова, Котолынов был арестован органами НКВД СССР.

15 декабря 1934 г. Партколлегия КПК при ЦК ВКП(б) (вместе с другими) заочно исключила его из партии «как контрреволюционера». 28–29 декабря 1934 г. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила И. И. Котолынова к высшей мере наказания. Он обвинялся «в участии в контрреволюционной террористической группе и совершении террористического акта в отношении С. М. Кирова», 29 декабря 1934 г. был расстрелян.

3 июля 1962 г. КПК при ЦК КПСС было получено заявление от сына И. И. Котолынова — Панпурина В. А., в котором он просил реабилитировать отца. Это обращение тогда не получило положительного разрешения. В феврале 1988 г. вновь поступило заявление от т. Панпурина, в котором он просит «узнать, наконец, кто же был мой отец: честный коммунист или „враг народа"». В заявлении Панпурин сообщает, что его мать (умерла в 1957 г.) в январе 1935 г. была исключена из партии и ей было предложено выехать из Ленинграда. Мать — Долгих В. Я., пока не реабилитирована в партийном отношении. Сам Панпурин В. А. в настоящее время является старшим преподавателем кафедры эстетики и этики Уральского государственного университета, член КПСС с 1966 г.

Пленум Верховного суда СССР 30 ноября 1990 г. приговор в отношении И. И. Котолынова отменил и дело прекратил за отсутствием в его действиях состава преступления.

И. И. Котолынов до ареста был студентом Ленинградского физико-механического института.

Копия протокола допроса обвиняемого

1934 года, декабря месяца 19 дня, Следователь по важнейшим делам при Прокуроре Союза ССР ШЕЙНИН допрашивал нижепоименованного в качестве обвиняемого с соблюдением ст. ст. 135–138 Уг. Процесс. Кодекса

КОТОЛЫНОВ, Иван Иванович
Сведения имеются в деле.

На заданные мне вопросы отвечаю:

Показания, данные ранее, подтверждаю. Я видел НИКОЛАЕВА в последний раз летом, 1932, или 1933 года, встретив его в райкомовской столовке. При этой встрече я с НИКОЛАЕВЫМ не вел никаких политических разговоров.

Вместе с тем я признаю, что состоял в организации и был одним из руководителей Ленинградской группы. Я поддерживал связь с РУМЯНЦЕВЫМ и ТОЛМАЗОВЫМ; со мною встречались ЗВЕЗДОВ, АНТОНОВ. Я подтверждаю, что и в прошлом я был одним из руководителей оппозиции и теперь вокруг меня объединялись бывшие участники этой оппозиции.

С НИКОЛАЕВЫМ у меня не было вражды и у него нет причин меня оговаривать, точнее я этого не припоминаю.

Я признаю, что наша организация несет политическую и моральную ответственность за выстрел НИКОЛАЕВА. Нами создавались такие настроения, которые объективно должны были привести к террору в отношении руководителей партии и правительства. Как активный член этой организации я и лично несу за это ответственность.

Мое заявление о вступлении в партию, поданное в 1928 году, предварительно редактировал КАМЕНЕВ к которому я пришел посоветоваться. Это заявление было двурушническим и заявление было по существу обманом партии. КАМЕНЕВ, редактируя это заявление — способствовал мне в этом обмане.

В дальнейшем этот обман партии с моей стороны продолжался, т. к. я не порвал с оппозицией.

О том, что ЗИНОВЬЕВ и КАМЕНЕВ и их свита руководят из Москвы нашей организацией я мог догадаться и предполагать, т. к. они продолжали связь с нами. Я, например, читал письмо ЗИНОВЬЕВА к РУМЯНЦЕВУ.

Уточняю, что мы создавали такие настроения, которые могли объективно привести к террору. Я лично, как член этой организации и один из ее руководителей также несу частично за

это ответственность.

Прочитано, записано верно: КОТОЛЫНОВ

СЛЕДОВАТЕЛЬ ПО В/Д — ШЕЙНИН
ПРОКУРОР СОЮЗА ССР — АКУЛОВ
ЗАМ. ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР — ВЫШИНСКИЙ

Заявление в Военную коллегию Верховного суда СССР

от Ивана Ивановича Котолынова

Ознакомившись с обвинительным заключением, я должен сообщить следующее:

1) О существовании контр-революционной террористической подпольной группы из числа участников бывшей зиновьевской группы мне ничего не было известно и к такой группе я лично не принадлежал. Я принадлежал к нелегальной группе бывшей зиновьевской оппозиции.

2) Во время следствия и сейчас я утверждаю, что ни политических настроений, ни политических взглядов Николаева я совершенно не знал, также я не знал принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции или нет, тем более я не знал принадлежал ли он за последнее время к группе бывшей зиновьевской оппозиций.

Но доверяясь следствию, которое утверждало, что Николаев принадлежал к зиновьевской оппозиции и работая в Бюро боевого землячества и Истомола, где он все время вращался среди бывших оппозиционеров и находился под их сильным влиянием, то в таком случае я заявил, что политическая ответственность за поступок Николаева лежит на нелегальной группе бывшей зиновьевской оппозиции, в которой культивировались озлобленные настроения против партруководства и которые могли объективно среди горячих голов породить террористические настроения. Причем совсем неважно кто был бы этой горячей головой Николаев, Сидоров или Петров.

Что касается показаний Николаева обо мне есть просто ложь, клевета или бред сумасшедшего.

[подпись Котолынова]
27/XII 1934 г.

Допрос подсудимых на суде 28 и 29 декабря 1934 г.

Николаев: Ты обещал билет мне доставать по своей линии. Ты сказал «я пойду достану»…

Соколов: Да. это я сказал, что пойду достану билеты, потому что надеялся достать билеты в Облисполкоме.

Председатель: Вы знали, что НИКОЛАЕВ имеет террористические настроения?

Соколов: Знал.

Председатель: Знали, что эта группа, куда входит НИКОЛАЕВ, имеет террористические настроения?

Соколов: Знал.

Председатель: Перерыв на один час.

Допрос подсудимого КОТОЛЫНОВА ИВАНА ИВАНОВИЧА

Председатель: Подсудимый КОТОЛЫНОВ, признаете себя виновным в предъявленных обвинениях?

Котолынов: Нет, не по всем пунктам.

Председатель: По каким пунктам признаете себя виновным.

Котолынов: В принадлежности к зиновьевской к/р. организации — я признаю себя виновным, в остальном не признаю.

Председатель: В принадлежности к организации в качестве рядового члена организации и в качестве одного из руководителей организации?

Котолынов: Работая по комсомольской линии, я продолжал оставаться также руководителем и до последнего конца. В состав ленинградского центра я не входил и о существовании такого центра я совершенно не знал.

Председатель: В показании от 13 декабря, на вопрос — кто стоял у руководства ленинградской к/р. организации, Вы даете ответ так: что руководителями организации являются РУМЯНЦЕВ, ЛЕВИН, МАНДЕЛЬШТАМ, ТОЛМАЗОВ и я — КОТОЛЫНОВ, вокруг этих людей и объединялись члены организации.

Котолынов: Это показание я подтверждаю.

Председатель: Как были распределены обязанности среди руководства в этом составе?

Котолынов: Распределения обязанностей не было,

поддерживали между собой связь, с кем я поддерживал — я сказал.

Председатель: Вот Вы назвали пять фамилий — кто был главным руководителем?

Котолынов: Из этих перечисленных товарищей, я встречался не со всеми последний год, а только с РУМЯНЦЕВЫМ и МАНДЕЛЬШТАМ.

Председатель: Кто РУМЯНЦЕВ или МАНДЕЛЬШТАМ являлся руководителем?

Котолынов: Я совсем не знаю, об этом разговора не было. Председатель: Как же Вас понять, что же все пятеро были руководителями организации?

Котолынов: Это остались какие то пережитки бывшей зиновьевской оппозиции. В свое время эти люди…

Председатель: Я не говорю о периоде 1927 г., а о периоде 1934 г.

Котолынов: Я поддерживал в этот период связь только с РУМЯНЦЕВЫМ.

Председатель: Имея какие цели?

Котолынов: Это были пережитки старых традиционных связей. Председатель: Вы принадлежали к к/р. организации в Ленинграде. Какая-то организация существовала, не просто пережитки прошлого, а организация, и во главе было же какое то руководство?

Котолынов: Дело в том, что XV-й съезд ВКП(б) принял решение о роспуске фракций и группировок, в противном случае, это будет считаться контрреволюционной организацией. Говорилось о роспуске зиновьевской фракции, но она распущена не была и продолжала существовать, влача жалкое существование. Оно продолжала существовать, т. к. люди между собой встречались, обменивались политическими информациями, велись разговоры. Я лично поддерживал связь с быв. зиновьевской оппозицией после XV-го съезда.

Председатель: Какие ставила перед собой задачи организация, в которой Вы принимали участие, в качестве одного из руководителей, в частности, какие были поставлены цели в 1934 г.?

Котолынов: Четко и ясно ничего не формулировалось. Я лично поддерживал связь с РУМЯНЦЕВЫМ, МАНДЕЛЬШТАМОМ. В разговорах шла речь о привлечении бывших оппозиционеров к партийной работе. Кроме партийных решений, речь шла и об отдельных политических фактах, новых информациях. Никакой четкой формулировки не было и я не в курсе.

Председатель: Как понять Ваши слова, что Вы считаете себя

виновным только в том, что принадлежали к к/р. организации?

Котолынов: После XV-го съезда я должен был порвать старые традиционные товарищеские связи. Я часть связей порвал, а часть товарищеских связей остались, которые фактически, были так перепутаны, что трудно было понять, где оппозиционная связь, где товарищеская. Вот в этом я виноват. Потому что, по существу, влившись в партию, зиновьевцы продолжали связь и фактически продолжала существовать организация зиновьевцев.

Председатель: Вы считаете, что Вы тоже несли политическую и моральную ответственность за убийство т. КИРОВА?

Котолынов: Мне часто задавали этот вопрос, и я подчеркивал, что политических взглядов и настроений Николаева — я совершенно не знал, т. к. из моего поля зрения НИКОЛАЕВ выпал с 1924 года и я с ним не встречался, политических разговоров не вел и не был в курсе — принадлежал ли он к зиновьевской оппозиции, продолжал ли участвовать в бывшей оппозиции — мне это совершенно неизвестно. Но раз я узнал, что НИКОЛАЕВ принадлежал к бывшей к/р. зиновьевской организации, я должен, раз я сказал «а», значит должен сказать «б», я говорил о настроениях этой организации, говорил, что эти озлобленные настроения против партийного руководства, могли среди отдельных горячих голов, породить террористические настроения. Я говорил, что к/р. организация зиновьевцев ответственна за эти настроения, которые могли, еще раз повторяю, в отдельно горячих головах, породить террористические настроения, независимо от того, что будь это НИКОЛАЕВ, СИДОРОВ или ПЕТРОВ и зиновьевцы обязаны взять ответственность за эти настроения.

Председатель: Кто создавал эти настроения?

Котолынов: Конечно, эти настроения создавались руководителями и поддерживались членами организации.

Председатель: Какими руководителями?

Котолынов: С момента существования к/р. организации руководителями были КАМЕНЕВ, ЗИНОВЬЕВ, БАКАЕВ и др.

Председатель: Кто этим делом занимался в Ленинграде?

Котолынов: Не помню, но среди бывших оппозиционеров такие выпады, против руководителей партийного руководства, имели место сплошь и рядом.

Подстрекательства не было, но озлобленность настроений, которая имела место среди быв. оппозиционеров, могла отдельные горячие головы привести к террористическим настроениям.

Председатель: Кто это настроения создавал? Вы сказали, что к руководству ленинградской организации принадлежало 6-ть

человек, в том числе назвали себя. Так кто же из этих 6-ти человек развивал эти террористические настроения?

Котолынов: Специально эти террористические настроения не создавались, но они могли являться объективным следствием самого факта продолжения существования контрреволюционной зиновьевской организации.

Председатель: Вы же говорите, «нами создавались такие настроения», и под «нами» подразумевается руководство.

Котолынов: Под «нами» я подразумеваю вообще бывших оппозиционеров.

Председатель: Вы же говорите, что во главе ленинградской организации стояло 6-ть человек и перечисляете их. Выходит, что эта руководящая группа, этот ленинградский центр развивал эти террористические настроения?

Котолынов: Под «нами» я имел ввиду бывших оппозиционеров.

Председатель: В Ваших показаниях Вы заявляете, что руководство ленинградской группой, руководство московского центра — ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ, ХАРИТОНОВ и т. д.; когда Вы это показывали, что:

«В свое время руководители нашей организации — ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ, БАКАЕВ и ХАРИТОНОВ систематически воспитывали в среде зиновьевской молодежи резко враждебное отношение к руководителям ВКП(б) и особенно к т. Сталину. Нам постоянно говорилось, что Сталин является основным виновником поражения ЗИНОВЬЕВА и отстранения его от руководящей работы в партии, при этом пускались в ход различные провокационные измышления по поводу, якобы, личных мотивов отстранения от работы ЗИНОВЬЕВА — Сталиным».

Вы подтверждаете это?

Котолынов: Да, это имело место.

Председатель: «От ЗИНОВЬЕВА, КАМЕНЕВА, ЕВДОКИМОВА, ХАРИТОНОВА, я лично неоднократно слышал такие разговоры по адресу т. Сталина — „лучше бы его не было". Сталина называли Бонапартом, опирающимся на насилие над партией». Подтверждаете это?

Котолынов: Да.

Председатель: «Воспитанные таким образом члены к/р. организации не только сохранили эти враждебные отношения к т. Сталину, но мы, встречаясь один с другим, обменивались этими к/р. настроениями и, таким образом, продолжали их культивировать и распространять». Подтверждаете это Ваше показание?

Котолынов: Подтверждаю.

Председатель: Вы помните очную ставку между Вами и НИКОЛАЕВЫМ по поводу разговора о совершении террористического акта над КИРОВЫМ. Вы сегодня в каком настроении: будете подтверждать или отрицать?

Котолынов: Это зависит не от моего настроения. Мои показания обусловлены не настроением, а тем, что было и чего не было. То, что было я могу сказать; чего не было — я категорически буду отрицать по прежнему.

Председатель: Но Вы же подтвердили 6-ть вариантов ваших показаний, что руководители московской и ленинградской организации систематически проводили мысли, которые создавали террористические настроения у Ваших единомышленников, и НИКОЛАЕВ говорит, что в результате разговоров с Вами у него тоже появились террористические настроения.

Котолынов: Это не правда, что в результате разговора со мной, потому что я не виделся с ним с 1924 года, если не считать мимолетную встречу летом 1932 года или 1933 г. в столовой.

Председатель: Подсудимый НИКОЛАЕВ, что Вы скажете в отношении слов КОТОЛЫНОВА о том, что он с Вами не виделся в последнее время и не имел разговоров террористического характера. Как было на самом деле?

Николаев: КОТОЛЫНОВ меня возможно не узнает и забыл с 1924 года, в то время как я был связан с АНТОНОВЫМ до последних дней. Мы с ним встречи с 1934 году опять возобновили. Знаю КОТОЛЫНОВА с 1923 г. Из бесед с ШАТСКИМ я узнал, что вокруг КОТОЛЫНОВА группируются старые комсомольцы-оппозиционеры, и когда ШАТСКИЙ сделал мне предложение вступить в организацию, поговорить с группой КОТОЛЫНОВА, то я прежде всего обратился к КОТОЛЫНОВУ, затем вел разговоры с отдельными товарищами. КОТОЛЫНОВ являлся, безусловно, нашим руководителем, руководителем нашей группы. О террористических настроениях против руководителей партии, советской власти, в частности, против СТАЛИНА — мы с ним при встрече в сентябре-октябре говорили.

КОТОЛЫНОВ признает моральную и политическую ответственность. Я совершил прямое поручение, но нельзя считать, что я был руководителем террористической группы, а он признает только вину, что он состоял членом этой организации. Здесь нужно начать со встречи с ШАТСКИМ. Он знал, какие настроения у группы, у самой организации бывших оппозиционеров, еще с того момента 1933–34 гг., когда происходила партийная чистка, когда происходил 17-й партсъезд.

Все ожидали полного разгрома рядов оппозиции, поэтому оппозиция старалась принять более решительные шаги, сколотить свои ряды в Москве и Ленинграде и действовать путем насильственных методов защиты своих интересов, и путем организации террористических актов. КОТОЛЫНОВ являлся одним из противников разгрома ленинградской оппозиции, и с ним мы договорились сделать покушение. Мы обсудили письмо, с целым рядом вопросов текущей политики, письмо на имя ЦК партии, и договорились о ноябрьской встрече у Индустриального Института. Он перед праздниками давал согласие на терракт. Была проведена слежка одной группой и другой возле квартиры КИРОВА, но т. к. у нас не состоялось покушение 4 ноября, то перед праздником он еще раз проверял готовность и дал санкцию на то, чтобы в ближайший момент совершить это дело.

Котолынов: Позвольте мне сказать.

Председатель: Пожалуйста.

Котолынов: Как и всякое ложное показание имеет внутреннее противоречие, так и показание НИКОЛАЕВА. Он говорит, что лично виделся со мной и заявляет, что КОТОЛЫНОВ не мог не знать через других товарищей, которым было известно о его настроениях. Нужно прямо сказать, с 1923 по 1933 год виделся ты с КОТОЛЫНОВЫМ или нет? Ответь четко и прямо.

Председатель: Вы говорите суду и не обращайтесь к НИКОЛАЕВУ.

Котолынов: НИКОЛАЕВ утверждает, что будто я его вовлек в к/р. организацию и в то же время говорит, что до этого была встреча с ШАТСКИМ, который вовлек его в организацию. Встреча ШАХСКОГО предшествовала встрече с КОТОЛЫНОВЫМ, и кто вовлек в организацию, если этой встрече предшествовала встреча с ШАТСКИМ. Значит вовлек ШАТСКИЙ и нечего впутывать КОТОЛЫНОВА. Он утверждает, что встреча в сентябре 1934 г. была с КОТОЛЫНОВЫМ, но в своих показаниях он утверждает, что еще летом 1934 года он встречался с ШАТСКИМ, возле квартиры КИРОВА. Возникает вопрос, что они делали у квартиры КИРОВА летом 1934 г. Если Вы собирались террористический акт делать, то зачем Вам встреча в сентябре, когда Вы летом ходили около квартиры т. КИРОВА. Вот эти внутренние противоречия разоблачают ложные показания НИКОЛАЕВА. У меня есть еще целый ряд моментов, которыми он разоблачит себя. Пусть он скажет твердо — где была встреча с КОТОЛЫНОВЫМ, он говорит в Индустриальном Ленинградском институте, пусть скажет, где и как была организована встреча. Я берусь разбить в дым эти показания.

Председатель: Вы не отрицаете, что ШАТСКИЙ и породил

террористические настроения?

Котолынов: Я отрицаю, что. эти террористические настроения были. Но те настроения, которые имели место в к/р. зиновьевской организации — они могли в отдельных горячих головах породить такие настроения.

Председатель: Вы получили какие нибудь деньги в сентябре или октябре 1934 г. от НИКОЛАЕВА?.

Котолынов: Абсолютно никаких. Это исключительная клевета. Председатель: Вы отрицаете разговор с НИКОЛАЕВЫМ о посещении консульства?

Котолынов: Я совершенно отрицаю, т. к. НИКОЛАЕВА не встречал в 1934 г. Категорически отрицаю, потому, что этого не было.

Председатель: С АНТОНОВЫМ встречались в сентябре или октябре мес.?

Котолынов: С АНТОНОВЫМ встречались, потому что находились в одном помещении.

Председатель: Говорили Вы с АНТОНОВЫМ, что готовите особое выступление против КИРОВА?

Котолынов: Никогда этого не говорил.

Председатель: Подсудимый АНТОНОВ, что Вы скажете?

Антонов: У нас в конце октября была встреча с КОТОЛЫНОВЫМ в коридоре, как раз, где занимается наш факультет, я был в первом этаже, но ниже, в третьем этаже у нас там зашел разговор и КОТОЛЫНОВ меня предупредил в отношении НАДЕЛЯ и СЕВЕРОВА, я уже говорил с какой точки зрения.

Председатель: Подсудимый КОТОЛЫНОВ, был такой разговор с АНТОНОВЫМ?

Котолынов: Да, был такой разговор.

Антонов: Он говорил мне об озлобленных террористических настроениях НИКОЛАЕВА.

Котолынов: Не было этого разговора.

Антонов: Теперь дальше. КОТОЛЫНОВ говорил о намечающемся решительном мероприятии по отношению к руководителям партии.

Председатель: Был такой разговор?

Котолынов: Не было такого разговора.

Антонов: И потом КОТОЛЫНОВ мне сказал, о том, что он является представителем центра, куда входит еще целый ряд товарищей, которых я перечислил. И дальше он мне говорил относительно состава московского центра.

Председатель: Был разговор о составе московского центра?

Котолынов: Не было такого разговора.

Председатель: О ленинградском центре был разговор?

Котолынов: Не было такого разговора.

Председатель: Пожалуйста, АНТОНОВ.

Антонов: Я перечислил основные моменты разговора. Он говорил, что намечается решительное мероприятие против руководства партии…

Председатель: Персонально против КИРОВА?

Антонов: Можно было подразумевать и СТАЛИНА и КАГАНОВИЧА и КИРОВА,

Председатель: Не было такого разговора?

Котолынов: Не было совершенно.

Председатель: И НИКОЛАЕВ и АНТОНОВ выдумывают?

Котолынов: Это бесспорно.

Николаев: Я хочу добавить.

Председатель: Пожалуйста.

Николаев: Не случайно была встреча с ШАТСКИМ. Я с ШАТСКИМ встретился в марте; он всегда мне говорил о необходимости восстановления связи с бывшими товарищами по оппозиции. А при встрече с ШАТСКИМ у квартиры он мне указал (если это ложь, то тогда РУМЯНЦЕВ не сидел бы на скамье подсудимых) о том, что группа во главе с ШАТСКИМ, РУМЯНЦЕВЫМ и еще кажется ПОПОВЫМ связана с организацией, с ленинградским центром — с Ваней КОТОЛЫНОВЫМ и ведет наблюдение за КИРОВЫМ. В это время проезжала машина с ЧУДОВЫМ и он сказал, что ЧУДОВ не подходящая кандидатура и, что надо совершить террористический акт над СТАЛИНЫМ. Дальше он рекомендовал встретиться с тобой (КОТОЛЫНОВЫМ), чтобы договориться о подкреплении группы, во главе которой ты стоял.

Вследствие переговоров и встреч, которые были в октябре м-це, когда я его встретил опять у квартиры КИРОВА, — я не подошел к нему, а сам усилил наблюдения за Смольным.

Это все случайно? Случайно этого никогда не бывает, в индивидуальном порядке не совершается. Тут была организованная слежка, и задания, и руководство, и договоренность.

Теперь о встречах. Придется, как видно, свидетелей представить. В 1934 году ты не видеть меня не мог: живешь ты в одном районе со мной и чуть что сейчас же летишь в Райком. Когда я работал там, ты к нам приходил и тогда мы часто беседовали, мы были недовольны и говорили об этом и я считал тебя своим руководителем.

Котолынов: А какие разговоры были в 1931 году политические?

Николаев: Недовольство работой, учебой, так же был недоволен работой партийных организаций и комсомольских организаций…

Председатель: Вы уточните Ваши показания, НИКОЛАЕВ, если помните: когда, где Вы встречались в 1934 году с КОТОЛЫНОВЫМ, какие задания давал КОТОЛЫНОВ?

Николаев: Две встречи были при техникуме и другие в Индустриальном Институте, наверху, где правление.

Котолынов: В каком помещении?

Николаев: На левой стороне. Две беседы были в Индустриальном Институте.

Председатель: Я Вас спрашиваю можете ли Вы, НИКОЛАЕВ, точно вспомнить — в каком месяце, какого числа, на какой территории были встречи с КОТОЛЫНОВЫМ, где развивался вопрос о терроре?

Николаев: Последняя была в 4 часа в здании Института, на левой стороне. Это было 4 или 2 ноября.

Председатель: Какой разговор был?

Николаев: Об оказании помощи при слежке перед празднеством. Это уже последний разговор был: у нас все было подготовлено, только он проверил еще раз мою решительность, мою готовность. Затем я рассказал о том, что слежку производил от квартиры до Смольного.

Председатель: Скажите, пожалуйста, подсудимый КОТОЛЫНОВ, как понять Ваше показание следующего характера:

«Политическую и моральную ответственность за убийство т. КИРОВА НИКОЛАЕВЫМ несет наша организация под влиянием которой воспитывался НИКОЛАЕВ в атмосфере озлобленного отношения к руководителям ВКП(б)».

Подтверждаете это показание?

Котолынов: Я могу ответить…

Председатель: Вы подтверждаете или не подтверждаете?

Котолынов: Лучше не подтвердить.

Председатель: Что значит лучше? Вы подтверждаете или не подтверждаете?

Котолынов: Не подтверждаю.

Председатель: Почему же Вы писали это показание?

Котолынов: Эти показания даны на основе утверждения следствия о том, что НИКОЛАЕВ состоял членом нашей организации.

Председатель: Это Ваши показания или следователя?

Котолынов: Мои показания,

Председатель: Вы показывали или не показывали полчаса тому назад о том, что Ваша организация — и московская и

ленинградская всячески развивала мысли, которые могли вызвать у некоторых горячих голов террористические настроения?

Котолынов: Подтверждаю.

Председатель: Следовательно, если кто-нибудь из Вашей организации сделал террористический акт, это соответствует Вашим показаниям?

Котолынов: Соответствует. Но я хочу уточнить…

Председатель: Причем тут — уточнить, когда тут ясно написано: «Политическую и моральную ответственность за убийство т. КИРОВА НИКОЛАЕВЫМ несет наша организация, под влиянием которой воспитывался НИКОЛАЕВ в атмосфере озлобленного отношения к руководителям ВКП(б)».

Котолынов: Я подчеркиваю, что я дал эти показания доверяя следствию в том, что он состоит членом нашей организации.

Председатель: Доверили следствию? Вас допрашивал следователь, или Вы его допрашивали?

Котолынов: Я писал потому, что мне заявили, что он состоял членом организации. Иначе мне следствие говорило, что «ты не разоружился», но так как я решил разоружиться до конца…

Председатель: Почему Вы револьвер держали при себе?

Котолынов: Мне был подарен.

Председатель: Для чего?

Котолынов: Для самоохраны.

Председатель: От террористов, от кого?

Котолынов: Просто так.

Председатель: Вы были членом террористической организации, у Вас был револьвер без разрешения. В кого Вы хотели стрелять?

Котолынов: Ни в кого.

Председатель: А для чего держали его?

Котолынов: Револьвер был мне подарен, на него имелось разрешение, которое было просрочено.

Председатель: Когда разрешение было получено?

Котолынов: Я не помню, но летом, уезжая в совхоз, я разговаривал о возобновлении разрешения, мне помогал РУМЯНЦЕВ, партийным комитетом была дана характеристика, которая находится в моем деле, на получение разрешения на револьвер.

Председатель: В показаниях имеется: «постепенно в наших рядах нарастали крайние настроения»… Подтверждаете Вы это показание?

Котолынов: Я уже говорил о тех настроениях, которые имелись в к/р. организации.

Председатель: Кто создавал такие настроения. Такую

атмосферу?

Котолынов: Такая атмосфера была создана руководителями зиновьевской к/р. организации — ЗИНОВЬЕВЫМ, КАМЕНЕВЫМ, БАКАЕВЫМ и др.

Председатель: У Вас в Ленинграде было совершено убийство тов. КИРОВА членом вашей же к/р. организации НИКОЛАЕВЫМ. Кто эту атмосферу создавал в Ленинграде? Вы назвали руководителей, но кто же из них занимался этими террористическими разговорами, Вы, РУМЯНЦЕВ, ЛЕВИН или еще кто?

Котолынов: Террористическими настроениями никто не занимался, но злобные разговори и выпады против партийного руководства были.

Председатель: Вы занимались подстрекательством к убийству тов. КИРОВА или РУМЯНЦЕВ?

Котолынов: У РУМЯНЦЕВА не было террористических настроений, не помню.

Председатель: А какого характера были выпады?

Котолынов: В 1932 году имелись такие разговоры, что СТАЛИН Бонапарт, что не видно выхода, что и может довести страну до войны, чтобы пролетарское государство погибло в борьбе с капиталом.

Председатель: Это не соответствует содержанию Вашего показания, что атмосфера злобы и ненависти, является подстрекательством к самым крайним формам борьбы против вождей и партии. Правильно это Ваше, показание или неправильно?

Котолынов: Правильно.

Допрос подсудимого ШАТСКОГО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА

Председатель: Подсудимый Шатский, признаете себя виновным в предъявленных обвинениях?

Шатский: Нет.

Председатель: Ни в какой части?

Шатский: Нет, ни в какой части.

Ханик Лев Осипович

Ордер № 1138 от 8/XII-1934 г. дан сотрудникам Макарову и Замчеву для производства обыска и ареста Ханика Льва Осиповича, г. Кронштадт.

Печать За подписью Медведя

Анкета арестованного

штамп ДПЗ УНКВД по ЛО 1-ый отдел СПО

Фамилия: Ханик
Имя: Лев
Отчество: Осипович
Год и место рождения: 13 ноября 1902 г. Подольская губ., Гайсенский уезд, хутор Терновка
г. Кронштадт, ул. В(Б)елищинского д. 6/41, кв. 3
Место работы: Кронштт. РК ВКП(б), инструктор по промышленности и транспорту
Социальное положение: рабочий
Служба в Красной Армии: доброволец в 1918 г. 3 месяца Саперная рота.
С 1919 по 1920 гг. 4-ая пехотн. — комиссар
1921 г. — начальник комсомольского отряда в период кронштадтского мятежа
Состоял в ВЛКСМ с 1918–1927 гг.
Национальность и гражданство: Украинец. СССР.
Образование: н/высшее. 2 курса ВТУЗа
Воинский учет: младший начальствующий состав.
Под судом и следствием не состоял.
Состояние здоровья — неврастения.
Отец Ханик И. И. 49 лет, рабочий швейной ф-ки им. Лияпной, живет ул. Каляева д. 41.
Мать Зинаида Давыдовна Ханик 48 лет, политотдел северной железной дороги, живет Москва 5-ая Тверская линия д. 5
Жена Маргарита Григорьевна Александрова 26 лет, Тихвинский Алюминиевый комбинат, живет Ленинград Боровая ул. д. 8
Сын — Рэм — 5 лет
Дочь — Эльвира — 3 года

подпись Ханика
Содержится в ДПЗ
Числится за I СПО

Протокол дополнительного допроса обв. Ханика Л. О.

13/XII-34 г.

Вопрос: Следствие по Вашему делу располагает данными о принадлежности Вашей к к/р. организации бывших зиновьевцев. Что Вы можете показать об этом?

Ответ: Признаю себя виновным в том, что я действительно входил в состав ленинградской к/р. организации, образовавшейся на базе бывшего троцкистско-зиновьевского блока.

Организация наша окончательно оформилась в 1933 г. по предложению из Москвы, где тогда же по инициативе Зиновьева был создан всесоюзный центр организации.

Организующую и руководящую роль по созданию организации в Ленинграде играли Румянцев Владимир и Левин Владимир, которые восстановили старые организационные связи, призвав их принять участие в дальнейшей борьбе против нынешнего партийного курса и партийного руководства. В первое же время существования организации в Ленинграде вошли в ее состав почти все бывшие участники Выборгской зиновьевской группы так называемой молодежи…

Вопрос: Кто именно входил в состав Московского и Ленинградского центра Вашей организации?

Ответ: В Московский центр входили Зиновьев, Каменев, Евдокимов, Бакаев, Куклин, Гертик, Шаров. В состав Ленинградского центра — Румянцев Владимир, Левин Владимир, Мандельштам Сергей, Котолынов Иван, Мясников Николай, Сосицкий Лев, предполагаю, что и Богрячев — (зам), член Президиума Ленсовета. Все это мне известно со слов Румянцева.

Вопрос: Какую роль играли в организации Вы лично?

Ответ: Я являлся руководителем отдельной группы организации, существовавшей при Ленинградском областном истмоле «Боевом землячестве старых комсомольцев участников гражданской войны».

Вопрос: Кто входил в состав Вашей группы, какие ставили Вы себе задачи?

Ответ: В состав группы входили следующие лица: Попов (Егор) Георгий, Васильева Раиса, Толмазов Андрей, Орестянников, Изолит, Сорокин Всеволод, Лукин Василий, Александров Александр, Боровичков Иван, Бурмистров Павел, Фаддеев Федор. Я ставил себе задачей использование «землячества» в виде легальной возможности для собирания и объединения вокруг нашей организации таких сил, которые бы могли быть направлены против существующей партийной политики. Кроме осторожной вербовки новых единомышленников, нашей группой было выпущено ряд

литературных произведений по истории юношеского движения, имевших целью смазывание антипартийной и контрреволюционной сущности зиновьевской оппозиции в комсомоле и партии. Вместе с тем, выпущенная нами литература была рассчитана на занятии определенных позиций в издательских организациях (Васильева Раиса, Бурмистров, Дрязгов, Лукин, Сорокин).

Вопрос: Что Вам известно об организационной структуре всей организации в целом?

Ответ: Из соображений конспирации, сведениями об организационном построении организации располагали только одни члены центра. Однако со слов Румянцева мне известно, что организация наша имела ряд звеньев, расположенных в местах концентрации молодежи, так например, звенья существовали при индустриальном ин-те, студенческой секции профсоюзов и при истмоле. Где были еще такие секции мне неизвестно. Все звенья были связаны с Лен. центром при посредстве одного из членов. Я лично по этому организационному принципу был связан с Румянцевым

Вопрос: Как Вы формулировали идейно-политические установки организации?

Ответ: Идейно-политические установки организации вытекали из платформы троцкистско-зиновьевского блока на подрыв авторитета существующего партийного руководства и замены этого руководства лидерами нашей организации Зиновьевым, Каменевым и другими, являющимися сторонниками изменения ныне проводимого курса.

Вопрос: Следствие располагает данными, что руководителями Вашей организации культивировались среди ее членов чувства озлобления и ненависти к вождям ВКП(б). Что Вы можете показать по этому поводу?

Ответ: Это обстоятельство соответствует действительности. Руководители нашей организации постоянно указывали, что все зло исходит от нынешнего руководства т. Сталина и тт. Молотова, Кагановича и Кирова. В связи с этим лидеры нашей организации прививали нам, в особенности, так называемой молодежи взгляды, что в стране будут продолжаться затруднения (достижения в расчет не брались!) до тех пор пока настоящее руководство будет возглавлять партию. Отсюда, от этих к/р. установок и убеждений, стал возможен тот террористический акт, совершенный против тов. Кирова членом нашей организации Николаевым Леонидом.

Вопрос: Что Вам было известно о подготовке этого террористического акта?

Ответ: Об этом мне лично известно ничего не было, т. к. Николаев был связан не со мной, а с Котолыновым.

Вопрос: Откуда Вам известно, что Николаев был связан именно с Котолыновым?

Ответ: Об этом мне также известно от Румянцева Владимира. Николаев связан с Котолыновым в течение многих лет, начиная с 1922 г., когда они совместно работали в Выборгском РК ВЛКСМ.

Допросил зам. нач. СПО УГБ Стромин
На каждой стр. есть подпись Ханика

В конце: прочитал, написан с моих слов правильно и мною прочитан Л. Ханик

Протокол дополнительного допроса обвиняемого Ханика Л. О., произведенного зам. нач. СПО Строминым — 16/XII-34

Вопрос: В своих показаниях от 13/XII Вы показали, что центры в Москве и Ленинграде организационно оформились в 1933 г. Указывались все обстоятельства, предшествующие этому организационному оформлению и откуда это Вам стало известно?

Ответ: В своих предыдущих показаниях я отметил 1933 г. как время наибольшего стечения бывших зиновьевцев и как начало широкой активизации, направленной к возобновлению и организационному закреплению старых связей. В 1933 стали наиболее часто приезжать из Москвы представители Московского центра (Гертик, Куклин, Гессен), которые потребовали от Румянцева Владимира и Левина Владимира активизации и расширения работы организации в Ленинграде. На этом основании я указывал, что организационное оформление относится к 1933 г.

По существу уже было бы правильным считать существование организации еще до 33 г., т. к. идейно-политическое поражение троцкистско-зиновьевского блока в 27–28 гг. не разоружило членов нашей организации и главным образом «вождей» Зиновьева, Каменева и других, не ликвидировало нашу подпольную деятельность. Данные сведения о возобновлении деятельности организации, о приездах представителей Московского центра и директивах укреплять подпольную работу я получил от Румянцева.

Вопрос: В тех же своих показаниях от 13/XII Вы показываете, что руководители Вашей организации культивировали среди членов чувство озлобления и ненависти по отношению к

руководству партии, в особенности к тт. Сталину, Молотову, Кагановичу и Кирову. Расскажите подробно, кто именно прививал членам организации такие чувства.

Ответ: Нужно прямо сказать, что чувства озлобления и ненависти по отношению к тов. Сталину, Молотову, Кагановичу и Кирову обрастали по мере того, как партия и страна преодолевали трудности в выполнении планов по I и II пятилеткам. Распространение этой слепой, я бы сказал бы звериной ненависти, исходило в Москве от руководящих деятелей центра Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, а в Ленинграде от Румянцева, Левина, Котолынова. Не было границ тем нападкам и выдумкам злостного характера, которыми оперировали перечисленные выше лица по адресу руководства партии. Постоянная критика политики и мероприятиям партии, сочетались с огромными выпадами против вождей партии, породило систему взглядов, граничащих с фашизмом.

Вопрос: Какие цели преследовала Ваша организация?

Ответ: Изменение партийного курса, в духе зиновьевской платформы взглядов посредством замены парт. руководства бывшими лидерами троцкистско-зиновьевского блока.

Вопрос: Следствие располагает сведениями, что 25 ноября с. г. в здании Смольного с кабинете Мясникова Николая Петровича состоялась встреча между Вами, Мясниковым и Левиным. Укажите, какой характер носила эта встреча?

Ответ: По заданию Кронштадтского РК ВКП(б) я согласовывал у Мясникова количество мест от Кронштадта в Ленсовет — в связи с перевыборами Советов. Когда я беседовал с Мясниковым, туда случайно зашел Левин. Никаких вопросов, связанных с организацией, мы тогда не разрешали. В кабинете Мясникова находилась тогда т. Лазуркина — посторонний нам человек.

Протокол записан с моих слов правильно, мною прочитан, в чем я и расписываюсь.

Ханик.

Допросил Стромин

23 декабря 1934 г. следователь по важнейшим делам при Прокуроре Союза ССР Шейнин, руководствуясь ст. 207 УПК объявил гражданину Ханик Л. О., в том, что предварительное следствие по его делу окончено

Лев Ханик

19 декабря 1934 г. следователь по важнейшим делам при прокуроре Союза ССР Шейнин допрашивал Ханика Л. О.

«Я признаю себя виновным в принадлежности к контрреволюционной организации. Отрицаю свою осведомленность о намеченном теракте в отношении т. Кирова.

С момента моего перехода на работу в Кронштадтский РК ВКП(б), т. е. с 1933 г. я продолжал придерживаться тех же взглядов, но организационно не был связан с организацией, т. к. не мог быть постоянно в Ленинграде.

Однако, я и в это время продолжал изредка встречаться с членами организации, приезжая в Ленинград.

Я считаю, что убийство Кирова созрело на почве озлобленных настроений, которые взращивались нашей организацией. Несомненно, что наша организация воспитывала и создавала ненависть и злобу в отношении вождей.

Румянцев под разными предлогами собирал старых оппозиционеров, тщательно прощупывал настроения каждого и т. п. Я принимал участие в этой работе.

Одновременно шли разговоры о необходимости устранения парт, руководства, и в частности т. Сталина.

Я еще раз подтверждаю, что наша организация по существу скатилась к фашизму и прямой контрреволюции.

Прочитано. Записано верно. Лев Ханик
Зам. прокурора Союза ССР Шейнин

Постановление о привлечении в качестве обвиняемого

1934 г., декабря 19 дня, я, начальник ЭКО ГУГБ НКВД СССР Миронов, рассмотрев материалы по делу об убийстве С. М. Кирова и, принимая во внимание, что гр-н Ханик Лев Осипович данными расследования достаточно изобличается в том, что входил в подпольную контрреволюционную, организацию, образовавшуюся из числа бывших участников троцкистско-зиновьевского оппозиционного блока, зная, что одним из методов деятельности этой организации является совершение террористических актов в отношении главных руководителей партии и правительства СССР, каковым актом и явилось убийство т. Сергея Мироновича Кирова, совершенное 1-ого декабря 1934 г. в Ленинграде членом этой организации Николаевым Л. В. —

на основании ст. ст. 128–129 УПК РСФСР

ПОСТАНОВИЛ

привлечь гражданина Ханика Льва Осиповича, в качестве обвиняемого по настоящему делу, предъявив ему обвинение по ст. ст. 17, 58–8 и 58–11 УК РСФСР, о чем ему и объявить.

Копию настоящего постановления сообщить Прокурору РСФСР

Начальник ЭКО ГУГБ НКВД СССР (Миронов)
Постановление мне объявлено Лев Ханик

Матулевич: Какой там период, все время.

Мясников: Конец 1933, первая половина 34 г. — бросалась в глаза.

Матулевич: Кто руководил Ленинградским центром?

Мясников: Я являюсь — членом центра.

Председатель: В показаниях 18/XII Вы выражались иначе «слепая ненависть к руководству ВКП(б), особенно к Сталину…» Вы подтверждаете это?

Мясников: Я подтверждаю это целиком и уже заявлял, что я, как член организации, несу ответственность за убийство т. Кирова со стороны террористической группы.

Председатель: Как один из подстрекателей?

Мясников: Я был одним из участников, которые создавали террористические настроения в группе.

Председатель: Подсудимый Мясников, садитесь.

Председатель: Подсудимый Ханик, признаете себя виновным в предъявленных Вам обвинениях?

Ханик: Признаю.

Председатель: С какого времени принимали участие в организации?

Ханик: Незадолго после возвращения моего из Казахстана, процесс сколачивания этой организации происходил по мере возвращения людей и по мере притягивания кадров в Питер, примерно, с 1930 г.

Председатель: Был перерыв в работе организации?

Ханик: Перерыв с 1933 июня м-ца, т. е. с момента моего переезда в Кронштадт.

Председатель: Кто входил в центр Ленинградской организации?

Ханик: Я о центре знал со слов Румянцева, что существует руководящая группа или центр — это одно и то же. Помню, что он назвал Левина, Мясникова, Сосицкого Льва.

Председатель: В Ваших показаниях Вы назвали Румянцева, Левина, Мандельштама, Мясникова.

Ханик: Так, так.

Председатель: А в Московский центр кто входил?

Ханик: В Московский центр входили бывшие руководители оппозиции — Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, — о Залуцком я не знаю, потому что у него одно время были большие колебания, затем Куклин и Шарокин.

Председатель: Какой практике придерживалась организация,

в которой Вы были членом в 1934 г.?

Ханик: Я говорил, что в 1933 г. я отказался от организации в силу обстановки той работы, которую вел.

Председатель: Ну, а в 1933 г.?

Ханик: Тогда придерживалась практики сколачивания и подтягивания сил — во-первых, литературная работа, популяризация целого ряда людей, имевших отношение к оппозиции и к настоящей контрреволюционной организации.

Председатель: Какими методами Вы думали дать дорогу Вашим «вождям» в кавычках — Зиновьеву и Каменеву?

Ханик: В разговорах с Румянцевым, он мне сказал таким образом: во-первых, могут быть события аналогичные событиям 1926–1928 гг., т. е. открытая дискуссия на фоне тех недовольств, которые якобы имели место. Во-вторых, была надежда на смычку с другими антипартийными организациями.

Председатель: Какими?

Ханик: Во-первых, правыми, затем право-левацкими — Ломинадзе, Шацкин, которые имели большие силы.

Председатель: Так это не просто болтовня.

Ханик: Может быть болтовня — я передаю то, что слышал на самом деле. И, наконец, говорилось о том, что возможность войны.

Председатель: Как война должна была помочь?

Ханик: Разрешите продолжить мысль… Возможность ситуации войны, как и революции в одной из стран, могла бы вынести на гребень волны это самое руководство.

Председатель: «Во время войны на гребень волны».

Ханик: Все равно война или революция.

Председатель: Так как же Зиновьев на гребень вылезет? Как использовать войну против Советского Союза? Расскажите подробнее, интересно все таки,

Ханик: Здесь может быть разная ситуация — на случай объявления войны, например… видимо имели в виду воспользоваться теми осложнениями, которые могли оказаться в стране, причем нам прививали такую установку, что в войне основной массой воюющих будут крестьяне и колхоз, как превалирующая часть нашего человечества, и так как царит среди них недовольство, то здесь мне думается, очевидно была такой к/р. установкой — использовать вооруженных рабочих в интересах пролетарской революции.

Председатель: Что-то туманно сказано. Вы что думали — разоружить части красные, т. е. перейти на сторону врага?

Ханик: Я сказал по-моему ясно.

Председатель: Я не понял. Предположим началась война, так

какова Ваша практика, что Вы в этой войне будете делать?

Ханик: Пользоваться теми осложнениями, которые могут быть во время войны.

Председатель: Так Вы-то на чью сторону думали встать: на сторону врага или же в тылу… назовите вещи своими именами.

Ханик: Воспользоваться этими осложнениями и придти к власти.

Председатель: Каким образом воспользоваться? Перейти на сторону врага совсем?

Ханик: Очевидно, да.

Председатель: Кто Вам говорил это?

Ханик: Румянцев.

Председатель: Румянцев это Вам говорил?

Ханик: Да, Румянцев.

Председатель: В каком году?

Ханик: Примерно, в 33, когда мы оба приехали в отпуск. Он был в том же районе в Крыму, где и я.

Председатель: Он говорил, что эта установка идет от Каменева и Зиновьева?

Ханик: Нет, этого он не говорил.

Председатель: Откуда же эта установка исходит: от Зиновьева и Каменева, или от второго штаба польской охранки? Или это все равно?

Ханик: Нет, это не одинаково, но поскольку Зиновьев и Каменев были связаны с Румянцевым.

Председатель: А те с кем связаны?

Ханик: Вот уж не знаю — с кем были связаны. Те сами по себе были.

Председатель: Вы говорите, что Ваша группа во время войны хотела воспользоваться сложившейся ситуацией. Что же это измена или не измена?

Ханик: Я сказал, чтобы придти к власти Зиновьеву и Каменеву.

Председатель: Опираясь на чью силу?

Ханик: На силу колхозников как основной массы Союза.

Председатель: То есть явно изменнический акт?

Ханик: Да, так выходит.

Председатель: И Вы солидаризировались?

Ханик: Не совсем.

Председатель: На сколько процентов не солидаризировались — на десять, на двадцать?

Ханик: Я боюсь сказать, на сколько процентов.

Председатель: И я тоже боюсь. И это люди с партийным билетом. Стыдитесь, Ханик.

Матулевич: Подсудимый Ханик, Вы лично знали Николаева?

Ханик: Я знал его в 23 г., когда посещал Выборгский РК ВЛКСМ, а больше не встречал.

Матулевич: Откуда Вы знали, что он состоит в организации?

Ханик: Со слов Румянцева. Он говорил о ряде людей, в том числе и о Николаеве.

Матулевич: Он говорил, какую деятельность проявляет Николаев?

Ханик: Нет, не говорил.

Матулевич: Он говорил, что состоит членом центра Ленинградской организации?

Ханик: Как будто членом центра.

Николаев: Можно добавить?

Председатель: Пожалуйста.

Николаев: С Хаником встречался с 19… года и до отъезда в Кронштадт. Он знал мое настроение.

Последние слова некоторых подсудимых на суде 29 декабря 1934 г.

Последнее слово Ханика

Очень тяжело говорить здесь на суде, особенно когда встает перед тобой все, что ты впитал с молоком матери, потому что мать у меня большевичка-партизанка. И на предварительном следствии и на те вопросы, которые мне ставились с полнейшей чистосердечностью и раскаянием я рассказал все, что знал, о чем был в курсе дела и о тех людях, которых знал.

В процессе этого следствия я должен отдать большую благодарность тт. Когану и Стромину, к которым вначале попал, тт. Косареву и Ежову, тг. Миронову и Агранову, которые показали мне всю историческую сущность и значимости и которые просто открыли мне глаза и показали, как по иному надо рассматривать вещи, иначе чем я смотрел до сих пор. Ясно, что суд, имея дело с к/р. организацией, к которой принадлежу и я, не может не считать меня ответственным целиком и полностью за тот фашистский и бандитский акт — за убийство незабвенного, скажем, Кирова. Я не хочу оправдываться тем, что в 1933 г., с самого начала я порвал с организацией. Мне может быть в этом отношении помогла поездка из Ленинграда. Ведь если бы я остался в Ленинграде, то может быть и не порвал, потому что здесь тебя так засасывает эта атмосфера, атмосфера борьбы за каждую твою здоровую клеточку, еще не зараженную ядом Каменева и Зиновьева и иже с ним.

Может быть вина не только их: тут был такой дифференцированный подход; здесь по существу была и организация, и центр организации, и старики, и молодежь. Кто-то организовывал, кому-то поручал, кому-то сообщали и т. д. Но если разобраться по существу, то политический корешок нужно отсюда извлечь. Есть одна общность — это ответственность за акт, являвшийся следствием культивирования звериной ненависти к руководству партии, в частности, к Сталину, Кирову, Кагановичу и Молотову. Особенно отравлялась молодежь.

Я хочу сказать, что Каменев и Зиновьев не могли примириться с тем, что эти победы давались без Каменева и Зиновьева, которые претендовали на роль единственных наследников Ленина. Эта труппа привела людей в бездну, которые очутились перед судом. Я хочу сказать, есть ли какая-то

идейная база или платформа зиновьевцев, есть ли устойчивость и т. п. — это все чепуха…

Я считаю, что эти люди, как и мы грешные, должны потерпеть чрезвычайно суровую меру. Чем люди выше, тем больше они должны понести наказание. Я с 31 г. работал с полной отдачей сил и в значительной степени уверенно, я хочу просить суд, если будет какая-нибудь возможность послать меня на любой острый, опасный участок работы, на великую стройку социализма под руководством великого вождя и непоколебимого Сталина.

Я буду честным, чтобы доказать, что я родом не контрреволюционер, не подлец, а сын рабочего класса.

В. В. Ульрих
И. О. Матулевич
А. Д. Горячев
секретарь А. А. Батнер

ЮСКИН: Все задания, поручения, которые поручала партия, или непосредственно поручал партийный комитет, везде я старался оправдать звание члена партии.

Не в этом суть. Суть в том, что я виноват; я виноват, но все же надо учесть, что я за все время пребывания в партии не участвовал ни в каких оппозициях, не был ни в каких оппозиционных группировках.

Несмотря на свою тяжелую вину, я прошу суд, прошу великодушно судей, дать мне возможность на самых тяжелых участках работы концлагерях по капельке отдать свою жизнь, чтобы хотя этим загладить свою вину перед партией, перед моим классом.

СОКОЛОВ: Я еще раз подтверждаю полностью и целиком свою вину, и усугубляю еще тем, что я, будучи молодым членом партии, тем членом партии, которому партия и правительство создали самые наилучшие условия, как материальные, так и все остальные, создали самые лучшие условия для учебы и наконец, — самое последнее — в 1932 году еще увеличили свои заботы, послав меня в Академию им. Ворошилова, доверив мне не только политическую роль, но и оборону страны, я подло и нагло все оттолкнул, будучи членом террористической к/р. организации.

Учитывая всю тяжесть преступления, я просил бы суд только дать возможность всеми силами, всей жизнью, трудом и работой смыть это пятно и вымолить прощения у партии и Советского правительства за содеянное мною преступление.

КОТОЛЫНОВ: Я откидываю все формулировки о политической и моральной ответственности за убийство т. КИРОВА. Я должен просто и прямо сказать, что пребывая в годы оппозиции в к/р. зиновьевщине, борясь против партийного руководства, сея озлобленные настроения против отдельных вождей партии, — я несомненно порождал террористические настроения. Выстрел НИКОЛАЕВА — есть результат этих настроений. Я за это отвечаю, и я виновен. Я подчеркиваю, что все показания НИКОЛАЕВА в этом смысле подностыо подтверждаю. Когда я говорил председателю суда, что я не знал о настроении НИКОЛАЕВА, это верно, но это не исключает вины всей к/р. организации, которая воспитывала бывших оппозиционеров в к/р. духе. Ответственность лежит на нас всех. Л нахожусь в трагическом положении. Я полностью разоружился, я полностью снял с себя к/р. зиновьевскую шкуру, сбросил ее на пол и кладу голову перед судом, но, во время следствия мне все время говорили — не препирайся, расскажи, как было дело О террористической организации, кто был наверху, кто внизу и только в таком случае тебе партия поверит. — Они были правы, что препираться нельзя, надо рассказать все. Я заявляю с полной ответственностью, что все жало, которое было мною приобретено — я выпустил, а в организации убийства т. КИРОВА, в организации террористической группы — я не виновен, я не виновен абсолютно. Сами понимаете — нет смысла мне скрывать это, потому что я прекрасно понимаю, что если мне суд не поверит, если мне. партия не поверит, если пролетарское государство не поверит, я знаю чем дело кончится. И мне приходится либо врать, что была такая группа, что я разговаривал с НИКОЛАЕВЫМ или сказать правду. Я любую кару могу принять на себя, но ни о какой поищце я не молю, а требую сурового наказания, но в этом убийстве я не участвовал, и в этом заключается моя трагедия. НИКОЛАЕВ, АНТОНОВ показывают о том, что я знал, но я не знал, не участвовал, не организовывал и не встречался с НИКОЛАЕВЫМ. Я прошу суд разобраться более подробно, в обстоятельствах этого дела. Имея обвинительный материал, *я* видел ряд противоречий, о которых часто говорил. Эта неточность, эти противоречия основаны на лживых показаниях НИКОЛАЕВА. Все сидящие на скамье подсудимых, признают Себя виновными в террористическом акте, а я отказываюсь. Защищать присутствующих мне не приходится (НИКОЛАЕВ: «языком ЗИНОВЬЕВА ты говоришь»), и не о них я буду просить суд. Имеются ряд противоречий, на которые я хотел обратить внимание суда, когда он будет разбирать мое дело.

Первый вопрос — кем был вовлечен НИКОЛАЕВ в к/р. организацию, По его показаниям выходит, что он первую встречу имел с ШАТСКИМ, а потом с КОТОЛЫНОВЫМ. Но, сами показания того же НИКОЛАЕВА говорят, что он с марта месяца не работал и жена его тоже показывает. Но почему он не работал? Жена НИКОЛАЕВА указывает, что он не работал для того, чтобы иметь время для подготовки террористического акта. С конца марта 1934 г. вплоть до его ареста, он нигде не работал и это объясняется не тем, что он не мог получить работу, а он хотел себя посвятить целиком и полностью подготовке террористического акта, стало быть он готовился к террористическому акту уже задолго, до той встречи, со мной, о которой он говорит. Он говорит, что эта встреча была в сентябре. Он встречался с ШАТСКИМ около квартиры КИРОВА летом 1934 г. Это опять до моей встречи, — со слов самого НИКОЛАЕВА.

Из дальнейших слов самого НИКОЛАЕВА видно, что он говорит неправду. Он рассказывает о своей встрече со мной, он говорит, что это было в середине сентября, после встречи с ШАТСКИМ в августе 1934 г. Он говорит, что КОТОЛЫНОВ разговаривал с ним о работе к/р. организации. Он ссылался на мою августовскую беседу с ШАТСКИМ, но я заверяю, что я ШАТСКОГО не видел с 1928 г. и его не встречал, никаких разговоров не вел. Из этой беседы с КОТОЛЫНОВЫМ можно вывести, что я якобы вел подготовку — террористического акта.

Но получилось, что он готовился к террористическому акту еще до меня, до моей встречи. Я мог еще привести массу противоречий. Он говорит о том, что встреча со мной была, а если Вы спросите, как происходила встреча в Индустриальном Ленинградском Институте, где имеется 10 тысяч студентов, кто уславливайся и еще целый ряд обстоятельств, то будет ясно, что этих встреч не было. Поэтому я прошу обратить особое внимание суда на эти обстоятельства.

Теперь еще одно обстоятельство. НИКОЛАЕВ утверждает, будто бы он был связан, по моему заданию, с латвийским консульством?

Это неправда. Далее он указывает, что он мне выдал 4500 руб. денег. (НИКОЛАЕВ: Да).

Я должен заявить, что это клевета, это исключительная ложь и это могут подтвердить все товарищи, на глазах которых я живу. У меня есть семья — жена, ребенок и есть дом. работница, потому, что я и жена учимся. И мы находимся в ужасных материальных условиях. Мною в виду тяжелого материального положения был взят аванс в 250 рублей, в сентябре м-це до 1-го

января. Я был у директора института, и взял еще аванс — 100 рублей. Это было в октябре-ноябре.

По совхозу, где я отдыхал образовался долг в 183 рубля. И я в конце ноября и первого декабря вел разговоры с директором о том, чтобы спирать этот долг, и мне списали, потому что видели мое тяжелое положение.

Больше того: я был вынужден (мне очень неприятно об этом говорить) заложить пальто моей жены летом в ломбард, и теперь в холода жена должна была мерзнуть, так как я не мог выкупить пальто.

Я перебивался, находясь на последнем курсе вместе с женой, с надеждой окончить учебу й поправить мое материальное положение.

Это может подтвердить товаршц, который мне оказывал помощь, это может подтвердить директор Ин-та, которому я говорил о моем тяжелом положении, это могут подтвердить моя жена и дом. работница и парторг наш, мой хороший друг.

Не могло ли быть, чтобы я имея 4500 р. находился в таком положении?

Каково же материальнре положение НИКОЛАЕВА?

Его материальное положение было хорошим, он не терпел материальной нужды, несмотря на то, что не работал в течение долгого времени. Все присутствующие знают, что значит иметь дачу в Сестрорецке у частника.

НИКОЛАЕВ: И ты, и каждый может иметь.

КОТОЛЫНОВ: Нет, я не смогу иметь, потому что на это нужно очень много денег. Все это говорит о том, что этих денет у меня не было, что я этих денег не видел, и не знал о них, также как я не встречался с НИКОЛАЕВЫМ.

Я знаю, что весь материал находится у суда, и суд при тщательном разборе может все это установить.

Мне кажется, что во все эти обстоятельства нужно будет вникнуть, Это в конце концов дело суда, который будет выносить приговор.

С полной ответственностью последний раз заявляю, что виноват к/р. зинОвьевщине. Я отвечаю за тот выстрел, который был сделан НИКОЛАЕВЫМ, но я в организации этого убийства участия не придал.

Вот этого человека — ЮСКИНА, я в первый раз вижу; этого человека — СОКОЛОВА — первый раз вижу. Я действительно знал АНТОНОВА, действительно знал ЗВЕЗДОВА, с которыми встречался по Ин-ту, но я никогда от них не слышал об убийстве КИРОВА. Поэтому я их прошу — в последний раз сказать — правду.

Мне еще задавали вопрос — как Вы скатились в к/р. болото. Я должен сказать, что 7-го ноября, мы уже фактически скатились в контрреволюцию. 15-й съезд нас одернул и предупредил, но мы не останавливались и опять продолжали вести борьбу против партийного руководства; входили в партою организованно, не разоружившись. Это было двурушничество, это был обман партии. Все это означало, что фактически к/р. зиновьевщина продолжала существовать.

Я хочу сказать больше. Никто из присутствующих не знает, где предел был контрреволюционной зиновьевщины, куда мы могли дальше скатиться, если бы нас не остановили. Выстрел в КИРОВА фактически остановил к/р. зиновьевщину. Это чудовищная плата, это очень дорогая цена для партии, но это сигнал к тому, что к/р. зиновьевщина должна быть уничтожена.

Я хочу сказать несколько слов о том, в каком положении я оказался. Я пришел в комсомол в 14 $^1/_2$ лет, в партию — 15 $^1/_2$ лет. Мы привыкли работать с утра до вечера, не считаясь ни с здоровьем, ни с силами. У нас самое высокое, самое дорогое было партия. Партия была все. У нас была беззаветная любовь к вождям, к руководству партии. У нас была исключительно здоровая обстановка и хорошие взаимоотношения между ленинградским комсомолом и ленинградской партийной организацией.

Но, товарищи, все карты были спутаны, когда руководство ленинградской оппозицией начало вести борьбу против партии, против партийного руководства. Всю любовь, все лучшие революционные чувства молодежи эти руководители ленинградской оппозиции впитали в себя, присвоили себе и отравляли наше сознание.

Чему мы научились в годы оппозиции, пребывая в к/р. зиновьевщине? Мы научились бороться против партии, мы научились бороться против партийного руководства, вести всякие озлобленные разговоры против партийного руководства, приобрели все эти навыки, встречаться и беседовать, критиковать партию за спиной партии. Все это, товарищи, в конечном итоге нас искалечило и нас — партийный молодняк, это в конечном итоге сделало инвалидами.

Мне 29 лет, я вспоминаю кем пришел и чем стал сейчас. Действительно, пройдя эту полную школу, пройдя к/р. зиновьевщину, я стал инвалидом.

У меня была близкая связь с партией, у меня были здоровые настроения и я не был все время врагом партии. У меня были прекрасные настроения во время чистки и в последний год. У меня была прекрасная связь с партийной организацией, у меня

никаких разногласий с генеральной линией партии не было. Я часто критиковал ЗИНОВЬЕВА и КАМЕНЕВА, я отдавал отчёт, что только нынешнее руководство партии, во главе с т. СТАЛИНЫМ, выведет страну от одной победы к другой, но зиновьевская, старая связь перемешалась, нельзя было найти начало товарищеской или оппозиционной связи, все это было настолько перепутано, что получалась круговая порука, которая была между Нами и не давала пойти сказать, что происходит в недрах зиновьевской оппозиции, и давала возможность катиться в к/р. болото. Когда мне показали постановление ЦК партии об исключении нас из партии, как контрреволюционеров, это для меня уже был смертный приговор, потому что таких решений я еще не видел.

Решение о том, что мы исключаемся, как контрреволюционеры это для меня, который вырос в партии, который и хотел и ставил своей Задачей умереть в партии, это было смертным приговором. Я ни от кого пощады не прошу, я требую перед партией самую суровую кару и с большой радостью. Почему? Потому, что я буду умирать не как контрреволюционер, а как революционер, который, собрав в себе все мужество, раскаялся, разоружился идейно и организационно до конца.

Я сложил всю свою к/р. зиновьевщину к ногам. Я считаю, что к/р. Зиновьевщина неизвестно к чему бы скатилась в дальнейшем. Очень жаль, что раньше ее не уничтожили. Но сейчас она должна быть уничтожена до основания. Какая бы кара не была мне предназначена партией и пролетарским государством, во всяком случае, я буду умирать с лозунгом: «да здравствует ленинская партия и ленинское руководство великого вождя т. СТАЛИНА, долой ЗИНОВЬЕВА», мне так хочется крикнуть: «Будь же вы прокляты ЗИНОВЬЕВ, КАМЕНЕВ, ЕВДОКИМОВ».

С тех пор как мне стали говорить о НИКОЛАЕВЕ и т. д. я просто не верил, я думал, что щупали, ищут настоящего пути. Я об этом говорил МИРОНОВУ и ДМИТРИЕВУ.

В течение последних дней, мне все на следствии заявляли: ты лжешь, все нити ведут к тебе и ты задерживаешь следствие. И я рассказал, разоружился до конца. Мне легче сказать — «да», чем сказать «нет», десять дней я находился в таком напряженном состоянии, что смерть — для меня не самое страшное.

Что я хочу сказать? Я стою буквально на коленях перед судом, и клянусь, что ни от АНТОНОВА, ни от ЗВЕЗДОВА, ни от НИКОЛАЕВА ничего не слышал о террористическом акте. Я в своем слове даже ничего не говорил в свою защиту. Я говорил, что требую суровой кары, несмотря на то, что моя жизнь

сложилась очень исковеркано.

Председатель: Суд удаляется на совещание, для вынесения приговора.

В 6 ч. 40 мин. 29 декабря 1934 г. Суд возвратился с совещания. Председателем оглашен приговор.

Заседание объявлено закрытым.

Председатель [подпись] (В. УЛЬРИХ)
Секретарь [подпись] (БАТНЕР)

Заявление в Комиссию Партийного Контроля при ЦК КПСС

от Долгих Веры Яковлевны, проживающей в г. Серове Свердловской обл.

КОПИЯ

После XX съезда партии я узнала, что многие граждане Советского Союза были неправильно осуждены и исключены из рядов ВКП(б) в период 1935–1939 гг. Так как я в 1935 г была лишена жительства в трех городах и исключена из членов ВКП(б), то решила просить Комиссию Партийного Контроля пересмотреть мое дело, реабилитировать меня и восстановить в членах КПСС. Тяжелая и продолжительная болезнь помешала мне своевременно подать заявление. Немного оправившись от болезни, я направляю заявление о реабелитации и восстановлении в членах КПСС.

19 января 1935 г. пр. № 3 п. 24 Партколлегия Ленинградской области утвердила решение Выборгского РК об исключении меня из рядов партии за то, что будучи женой Котолынова, террориста зиновьевской контрреволюционной группы, потеряла всякое чутье и бдительность. (Выписку из протокола заседания Партколлегии Ленинградской обл. пр. № 3 п. 24 от 19/1–35 г. имею на руках).

Родилась я в г. Ленинграде в 1906 г. в семье железнодорожного служащего. Отец работал с 1906 г. по 1936 г. весовщиком, кассиром на станции Ленинград. Балт. жел. дороги. Мать — домашняя хозяйка. По окончании школы II ступени в 1924 г. поступила работать в качестве калошницы на фабрику «Красный Треугольник». Здесь на фабрике я вступила в 1925 г. в члены ВЛКСМ и в 1928 г. в члены ВКП(б) (Парт, билет № 1218158). В 1930 г. я была направлена в счет «Профтысячи» на учебу в Ленинградский Химико-Технологический институт на факультет электрохимии. В 1931 г. в связи с закрытием факультета электрохимии я была переведена в Ленинградский Политехнический институт на инженерно-физический факультет. В этом институте в 1932 г. я вышла замуж за студента того же института Котолынова Ивана, который был командирован в этот институт в счет «Парттысячи».

В апреле 1933 г. у нас родился сын.

О том, что Котолынов И. принадлежал к зиновьевской оппозиции и отошел от нее, я знала. На партсобраниях, на чистке партии он говорил о своих политических заблуждениях и объяснял их влиянием Зиновьева, с которым встречался в период

своей работы в Ленинградском обкоме ВЛКСМ. Он доказывал, что верен политике партии. В институте он был секретарем парторганизации факультета и членом комитета института. Никаких подозрений относительно его какой-либо тайной контрреволюционной деятельности у меня не было. Мы учились, воспитывали сына, мечтали о будущей работе по окончании института. (Мы были на 5-м курсе).

7 декабря 1934 г. он был арестован и вскоре расстрелян как соучастник убийства т. Кирова, о чем я узнала из газет. Меня никуда не вызывали и не допрашивали. Прожила я с ним $2^1/_2$ г.

В январе 1935 г. меня исключили из партии за потерю чутья и бдительности, исключили из института (я была на преддипломной практике в научно-исследовательском институте металлов), и предложили выехать из Ленинграда в любое место Советского Союза, кроме Москвы и Харькова. Я решила ехать в Челябинск на новостроящиеся заводы, где думала получить работу техника по испытанию металлов. Такую работу получить было трудно: ко мне относились с подозрением. Работники НКВД г. Челябинска, куда я обратилась за помощью, направили меня в облоно. В облоно я получила направление в г. Шадринск учителем физики и математики в педучилище. Сюда в г. Шадринск моя мать привезла мне сына, которому было $1^1/_2$ г.

В период работы в г. Шадринске с февраля 1935 г. по март 1952 г. меня четыре раза увольняли с работы без указания причин увольнения.

Первое увольнение было 19 октября 1937 г. из педучилища. На все заявления о восстановлении на работе я ответа не получала. Жить было очень трудно, на работу нигде не принимали, а средств к существованию не было. После долгих поисков работы (4 месяца) я обратилась за помощью в Шадринский горком ВКП(б) и получила работу в школе взрослых по ликвидации неграмотности на фабрике «Красный Октябрь». В этой школе я проработала учителем, а затем завучем с 22/2–38 по 20/3–40 г. и была уволена в связи с закрытием школы. 7 июня 1940 г. была принята на работу учителем физики и математики в среднюю школу № 10. Работала завучем школы, методистом института усовершенствования учителей (директор Троицкая Е. П., в настоящее время учитель школы № 9). Второе увольнение было в 1947 г. летом приказом гороно г. Шадринска (зав. гороно Якубсон Б. М. — в настоящее время пред. райкома союза учителей, директор школы Орлов Д. В., в настоящее время инспектор районо). Курганским облоно (зав. облоно Соловьев) приказ Шадринского гороно был отменен и я осталась работать в школе № 10.

Третье увольнение приказом Курганского облоно было в августе 1948 г. без указания причин в приказе и трудовой книжке.

30 октября 1950 г. была принята учителем физики и математики в школу рабочей молодежи г. Шадринска (директор школы Орлов Д. В., зав. гороно Гришаев Ф. З.). Приказ об освобождении от работы в этой школе из Курганского облоно получила в феврале 1953 г., перед концом учебного года, после того как проработала 18 лет в школах города. На мое место физиком 8–10 кл. был принят студент автомеханического техникума, не имевший не только педагогического, но и специального образования. Мое увольнение объяснялось отсутствием педагогического образования. Трудно было жить, найти работу. На моем иждевении была мать 75 лет, сын 12 лет и я еще помогала старшему сыну, который учился в Свердловском университете. Работу я нашла в артели инвалидов «Маяк» вышивальщицей кофточек (пред. артели Зотова). В этой артели работала до апреля 1956 г. и оставила работу потому, что здоровье было окончательно подорвано. Я получила инвалидность 1 группы.

Никакие трудности меня не пугали. Я работала, отдавала все свои знания, опыт. Когда меня исключали из партии я дала слово всей своей последующей жизнью, работой доказать что я ни в чем не виновата, ни к каким антипартийным группам не принадлежала и хоть в конце жизни стать снова членом партии. Зачем я прошу восстановить меня в членах КПСС? Мне 50 лет, инвалид труда 1 группы, работать больше не могу, не могу быть полезной для общества, восстановление в рядах партии было бы моим полным оправданием и может быть я смогла бы поработать, принести какую-либо пользу, а если умереть, то с сознанием выполненного долга и своей невиновности.

В настоящее время я проживаю в г. Серове Свердловской обл. по ул. Паровозников в поселке Сортировка д. № 9 кв. 3. Сюда я приехала со своей семьей — матерью 78 лет и сыном 15 лет на постоянное место жительства, так как без посторонней помощи не могу обходиться. Материально теперь я живу хорошо: получаю пенсию в 600 руб. В городе Шадринске жила по ул. Пионерской № 40.

Подпись Долгих.
25 октября 1956 года.

Архивная выписка из протокола собрания партийной группы Отдела культуры и пропаганды ленинизма ОК ВКП(б)

Секретно.
ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ ЛенВО

от 5 января 1935 года

…

Тов. КАРЯГИН — По поручения парткома я должен поставить на обсуждение партгруппы вопрос о тов. Шитик. Дело в том, что т. Шитик при партчистке 1929 г. предъявлялось обвинение в примиренческом отношении к некоторым участникам троцкистско-зиновьевской антипартийной группы. Череповецкая окружная комиссия по чистке вынесла ей выговор за то, что т. Шитик, зная о нелегальных собраниях оппозиционеров (у некоего Падво), не сообщила об этих собраниях парторганизации. Этот выговор с т. ШИТИК был снят Лен. Обл. КК[665] в 1930 г., но ШИТИК обязана была поставить об имевшемся факте парторганизацию. Она же не заявляла об этом при партчистке 1933 г., при поступлении на работу в Областком[666] и при выдвижении ее на работу в качестве партгруппорга.

Кроме этого парткомом было поручено ШИТИК как партгруппоргу выяснить участие членов партии ее группы в различного рода оппозициях, она этого поручения до сих пор не выполнила. Несмотря на то, что она уезжала в командировку, времени у нее для выполнения этого поручения парткома было достаточно.

Тов. ШИТИК — По существу обвинений проявленных мне о якобы примиренческом отношении к оппозиции могу сказать следующее. Мой родственник Падво (муж моей сестры) был активным оппозиционером и во время своей подпольной контрреволюционной работы жил и работал в Ленинграде. Я же жила в Луге. На чистке 1929 г. мне вынесли выговор за несработанность с работающим у меня библиотекарем Капустиным и за связь с оппозиционерами. Окр.[667] КК в результате моей апелляции вынесла выговор за то, что я не сообщила парторганизации о явочной квартире троцкистов у Падво. Так как я действительно узнала о подпольных собраниях троцкистов уже после того, когда Падво был исключен из партии и был арестован, словом после того, когда уже все знали. Обл. КК

сняла с меня этот выговор. В Ленинграде бывала только во время командировок, останавливалась у сестры (жены Падво) члена партии. Во время приездов в годы оппозиционной борьбы у Падво встречала только Муравьева и Штеренсона, причем присутствие одного или другого из них у Падво меня не удивляло, т. к, они бывали у Падво за несколько лет до оппозиции. В 1929 г. Падво был восстановлен в партии и по сейчас член партии. И после 1929 г. по настоящее время нет ни одного случая, где бы можно было установить мое либеральное примиренческое отношение к контрреволюционной зиновьевской группировке. Я все время на пропагандистской работе и проверена была не поручением партии. С Падво после его восстановления в партии, как и до этого, ни в каких близких отношениях не была, но поскольку бывала у сестры, изредка встречала и его.

Из рассказов сестры и моих наблюдений пришла к выводу, что Падво стал аполитичным и начал разлагаться в быту. Посоветовавшись Рудником, я договорилась с моей сестрой ШИТИК Ольгой, чл. ВКП(б) о необходимости поставить в известность т. Угарова о том, что перестал быть коммунистом. Сестра так и сделала. В августе состоялся ее разговор с т. Угаровым. Однако, по отношению к Падво никаких мер до сих пор не предпринято. Выговор мне нигде в карточке не записан и я считала, что фактически у меня не было выговора ни одного дня, поскольку этот выговор был снят в процессе самой чистки.

О том, что Падво мой родственник в аппарате Отдела Культуры и эпаганды ленинизма знали. О том, что он был активным оппозиционером, хорошо знали т. Рудник — руковод. группы, в которой я работала, и т. Элиашевич, который в годы борьбы с оппозицией состоял в кол-ве[668] Облоно и с его слов активно выступал против Падво. Тов. Рудник знал на протяжении всей моей работы с ним о моем отрицательном отношении к Падво. Так что в нашем аппарате знали, что я как то связана с Падво и что он был активным оппозиционером.

Когда меня выбирали парторгом, у меня не было никаких соображений о необходимости рассказывать о том, что меня пытались обвинить в примиренчестве, тем более, что Обл. КК установила, что я узнала о явочной квартире позже. Я же сама никогда не была в оппозиции, активно с ней боролась. Поэтому у меня не было тогда сомнения по поводу возможности быть мне парторгом.

И, наконец, последнее обвинение в том, что я не выполнила указания парткома о проверке членов нашей партгруппы. Тов. Альберт (тех. секретарь парткома) 28.XII в 11 ч. веч. в трамвае сказала мне, что надо проверить партгруппу — нет ли

оппозиционеров. В течении дня 29.XII я переговорила с 7-ю товарищами из 15-ти. Хотела поговорить со всеми, а потом проверить еще и др. путями, тем более, что состояние партийных документов я уже успела проверить и результаты сообщила парткому. 29-го же т. Позерн предложил мне выехать в Солецкий р-н. Договорясь с т. Рудником, что я в р-не буду два дня, думала, что по приезде эту работу закончу. Однако, в Солецком р-не по указанию районных организаций было установлено два дня праздника, в том числе и 1 января, вследствие чего мне пришлось задержаться, а этим самым оттянулась проверка членов партийной группы. Сразу же по приезде из командировки уже начались переговоры со мной о якобы моем примиренчестве, поэтому поручение парткома мне так и не удалось выполнить.

КОВБАСА. Когда Падво приезжал к тебе в Лугу, ты знала, что он оппозиционер? Когда твой муж был оппозиционером — когда ты с ним жила в Луге? Не вызвало ли у тебя каких либо сомнений встреча в квартире Падво с оппозиционерами Муравьевым и Шатринсоном[669], говорила ли кому-нибудь ты об этом?

ШИТИК — Падво был у меня один только раз в Луге; что он оппозиционер я знала. Мой муж Штеренсон когда был в Луге не был оппозиционером, им он сделался позднее уже в Ленинграде, когда я с ним разошлась. С Муравьевым Падво был знаком раньше, так что его появление у Падво в квартире у меня никаких подозрений не вызывало. Ни от кого я не скрывала, что Падво троцкист, все это знали, как в его организации, где он работал, так и у меня в Луге.

БЕЛЯЕВА. — В день убийства Николаев тебя признал, откуда он тебя знал?

ШИТИК — Я тут в Отделе уже говорила, в частности, тебе. Ко мне подошел небольшого роста черненький человек и сказал «здравствуй т. Штеренсон». Я очень удивилась, т. к. меня очень мало кто знает под прежней фамилией. Я его спросила — «откуда вы меня знаете?» Я вас знаю по Лужскому комсомолу — ответил он. Лишь только после того, что убийца есть муж Драуле Мильды (так сказала Беляева), которая в то время работала также в Окружкоме, я сделала вывод, что это и есть Николаев, тем более, что говорили — убийца небольшого роста и черненький.

ПИДЖАКОВ — От кого тебе стало известно, что троцкисты во главе с Троцким собирались на квартире у Падво, и узнав об этом сообщила ли ты куда-нибудь?

ШИТИК — После ареста его от сестры и брата, который в то время жил у них. Сообщать я никому не сообщала, так как всем уже было известно, и я об этом узнала последняя. Если бы у меня были хоть малейшие материалы, то я безусловно об этом бы

сообщила.

ЕВДОКИМОВА — А сестра член партии?

ШИТИК — Да. Она со своей стороны все заявляла, я уже сказала, что теперь, примерно месяца 2–3 до убийства тов. КИРОВА она по моей рекомендации и Рудника ходила и говорила насчет Падво с Угаровым.

РУДНИК — Говорила ли ты в нашем отделе об этом случае кому-нибудь.

ШИТИК — По-моему нет.

ПОХВАЛИН — На последней чистке ты говорила об этом?

ШИТИК — Нет. Я считала, что поскольку признано парт. обл. комиссией недоказанным незачем говорить о том, что кто-то, что-то про меня говорил. Выговор же у меня был снят во время хода чистки и таким образом я считала, что чистку прошла без выговора.

РУДНИК — Какие у тебя были уклоны по китайскому вопросу? Так говорит Капустин.

ШИТИК— Я не знаю. Никаких разногласий у меня по китайскому вопросу не было. Понятия не имею, где мог слышать он, тем более, что с ним по этому вопросу не говорила. Капустин возможно что-нибудь и писал.

КАРЯГИН — Ты говоришь, что сегодня говорила со мной по поводу задания парткома. А не я ли тебе лично задал вопрос?

ШИТИК — Вчера я пришла на работу в 5 час., сегодня я не могла найти Альберта, заходила несколько раз к тебе, т. к. мне сказано было, что меня усиленно ищут. Тебя долго не могла найти. Какие у меня имелись сведения — это о тов. Евдокимове и о т. Пиджакове, который в 21 г. имел какое то отношение к Шляпниковской оппозиции. С некоторыми товарищами мне побеседовать еще не удалось. Я не отрицаю, что ты мне первый задал этот вопрос.

ИЛЬЕВ — Сестра член партии и тоже на культпропработе? Разделяла ли она взгляды Падво? От кого узнало ГПУ о собраниях? От нее или от кого либо другого? А сейчас разделяет она его точку зрения и его взгляды.

ШИТИК — Сестра член партии, его взглядов она не разделяла и не разделяет. Как узнало ГПУ я сказать точно не могу. Знаю, что она тогда с ним разошлась. Сошлась вновь когда он был восстановлен членом партии.

ЛПА, ф. 1051, оп. 2, св. 31, д. 100, л. 8, 9,10

Архивная выписка из протокола № 21 Заседания Партийного комитета Обкома и Горкома ВКП(б)

Секретно.

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ ЛенВО

1 февраля 1935 года

Слушали: 1. О тов. ШИТИК (см. приложение — стенограмма)

1. а) За связь и примиренчество к активным участникам бывшей зиновьевской оппозиции, выразившейся в том, что Шитик Е. Г. знала о явочной квартире зиновьевцев и собраниях, происходивших в период 1927 г. у ее родственника Падво и не сообщала об этом в парторганы;

б) за скрытие этого факта (связь с оппозиционерами) при поступлении на работу, в Обком ВКП(б) и при выдвижении на работу партгруппорга;

в) когда стало известно, что убийцей тов. С. М. КИРОВА является контрреволюционная зиновьевская группа, не поставила вопроса перед парторганами о возможности своей работы в Обкоме и о Падво, как активном зиновьевце в прошлом;

г) за распространение провокационных слухов и сплетен об обстоятельствах убийства тов. С. М. КИРОВА через сестру, являющуюся женой активного оппозиционера (Падво) — Шитик из рядов ВКП(б) — ИСКЛЮЧИТЬ.

ЛПА, ф. 1051, оп. 2, св. 30, д. 86, л. 12

Стенограмма заседания парткома областкома и горкома ВКП(б)

Секретно.

ВОЕННОМУ ПРОКУРОРУ ЛенВО
Архивная копия

г. Ленинград.
1 февраля 1935 года
Секретарь парткома т. Войтас.

Тов. ЛАЗУРКИНА: Вопрос о тов. Шитик в связи с целым рядом партийных проступков, которые были с ее стороны.

Первое: т. Шитик не заявила партийному комитету при поступлении в Обком о том, что муж ее сестры — Падво, вел активную оппозиционно работу, что у него на квартире собирались подпольные партийные собрания во главе с Троцким и Зиновьевым. Когда было совершено убийство т. КИРОВА и выяснилось, что это дело рук зиновьевского охвостья, казалось бы т. ШИТИК, как член партии, должна была явиться в Горком, к секретарю Парткома и заявить, что у меня, мол, есть такое дело в прошлом, что у меня есть родственник активный оппозиционер, на квартире которого бывал Троцкий, я вас ставлю в известность, а вы уже решите — могу ли я оставаться работать в аппарате Обкома. Она такого заявления не сделала. После сообщения т. Жданова, когда он говорил, что каждый коммунист должен стать помощником НКВД в деле выявления оппозиционеров, казалось бы что активный работник Обкома, инструктор, т. ШИТИК должна была бы первая вспомнить о том, что имеется у нее близкий человек, которого она знает — Падво — активный оппозиционер. Кроме того, когда ее выдвигали парторганизатором, она не заявила об этом и не поставила вопроса, а может ли она в связи с этим оставаться парторганизатором.

После событий 1-го декабря каждый из нас, в особенности парткомы, занялись изучением своего состава и стали искать нет ли лиц, которые приникали участие в оппозиции и тов. ШИТИК, как парторганизатор, должна была также просмотреть у себя свой состав группы. Когда ее спросили, почему она этого не сделала, она ответила, что от Альберга получила поздно предложение, в трамвае и встала на формальную точку зрения. Независимо от того, где она получила такое указание, она сама как член партии, должна была взять на просмотр свой состав. Это формальное отношение, только отписка, а не большевистское заявление.

Вот то, что имеется в деле т. ШИТИК, что рисует ее как большевика, как члена партии, который вместо того, чтобы вести большевистскую борьбу, сама покровительствовала своим оппозиционерам, не выявляла, не боролась и не давала сведений парторганизации о том, что у нее в родстве имеется такой оппозиционер. Кроме того, товарищи, вы знаете, как мы боролись со всякими слухами, со всякими сплетнями в связи с убийством тов. КИРОВА, а тов. Шитик являлась распространителем таких сплетен. Она явилась к своей сестре и рассказала о том, что КИРОВА убил Николаев, о том, что он стрелял в себя, о том, что Николаев просил у нее билет на актив. По сведениям, которые имеются у меня т. Шитик рассказала сестре о том, что Николаев

убил т. КИРОВА, его связали чуть ли не ремнями, избили его и на этом основании следствие затягивается. Эго Шитик отрицает. Она говорила, что рассказала о том, что Николаев убил т. Кирова, что он стрелял в себя, что просил билет, а о том, что перевязали ремнями — этого она говорит, что не доказывала. А вместе с тем имеется факт: гр-ка Юрьева заявила о том, «по Николаева перевязали проволокой, сломали ключицы и что об этом Она узнала от Шитик О., а та узнала от своей сестры, работающей в Смольном. Таким образом, рассадником контрреволюционных слухов была Евгения Шитик.

Вот то, что выявлено по делу т. Шитик. У меня есть предложение, что такому члену партии, который вместо борьбы с оппозицией на протяжении целого ряда лет покрывала эту оппозицию, кроме того распространяла контрреволюционные слухи, такому члену партии не место в радах коммунистической партии.

ЛПА, ф. 1051, оп. 2, св. 21, д. 100, л. 138–139.

Тов. ЛАЗУРКИНА. Одну справку относительно провокационных слухов. Беспартийная Юрьева начала говорить о том, что была в Смольном, что убил Николаев, стрелял в себя, но в себя не попал, что пуля попала в потолок, что его связали проволокой и т. д. Когда ее спросили, откуда эта идет, то она прямо заявила; что это мне рассказала сестра Шитик Ольга, а той рассказала сестра, которая работает в Смольном, которая, говорит, это видела. О том, что Николаев стрелял, попал в потолок, беспартийная Юрьева не могла знать, она узнала потому что Шитик говорила сестре о том, что выстрелил в потолок (т. Маяк: Юрьева знала, что в этот день Шитик говорила с Николаевым). Да, это проверено НКВД.

Вторая справка о том, что совершенно не надо было Шитик говорить о том, что в 1929 г. был выговор, потом отменен. Дело не в форме, а свете событий она должна была рассказать о том, что были такие оппозиционные собрания, на которых бывал Троцкий и Зиновьев. Одно время было в 1928 г., когда выговор выносили, другое время в 1935 г. Неужели КК безупречна. У КК тоже бывали и могли быть ошибки. Ты не оперируй КК, а ставь вопрос так, — я сделала преступление тем, что не рассказала партии ни в чистку 1933 г., ни при поступлении на работу о том, что родственник Падво активный оппозиционер. С другими оппозиционерами, она говорит, что боролась, а о своем оппозиционере не говорила. Это ее Падво, ее оппозиционер, он из другого теста сделан.

ф. 1051, оп. 2, д. 100, л. 146.

Справка

тов. Лазуркиной

СПО УТБ НКВД по ЛО были получены сведения о том, что в Управлении Ниточного треста в связи с убийством т. КИРОВА распространяются провокационные слухи и сплетни.

Произведенным расследованием установлено, что первоисточником слухов явилась сотрудница Смольного — ШИТИК Евгения Герасимовна.

ШИТИК Евгения еще до опубликования в газетах фамилии убийцы рассказала проживающим вместе с ней в квартире, что тов. КИРОВА убил НИКОЛАЕВ, что следствие задерживается из-за того что убийца сильно избит — у него выкручены руки из ключиц и лежит при смерти.

Проживающие с ШИТИК в одной квартире — гр. ЮРЬЕВА-КУЛЯШЕВА[670] и ШИТИК Ольга Герасимовна — сотрудница кооператива «Кр. Звезда» в свою очередь передали полученные ими сведения своим знакомым и сослуживцам, чем способствовали появлению в городе провокационных слухов, связанных с убийством тов. КИРОВА.

Гр. ШИТИК Ольга, сотрудница кооператива «Кр. Звезда» привлекается нами к ответственности.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Копия протокола допроса ЮРЬЕВОЙ-КУЛЯШЕВОЙ.

Зам. нач. СПО УГБ
/ Стромин [подпись]
«28» января 1935 г.

Тов. КУЗНЕЦОВУ

Согласно поданного заявления т. ПЕТКУН (чл. ВКП(б)) о распространении разного рода слухов по убийству тов. КИРОВА, (см. приложение). Управл. Трестом тов. ЧЕРНЫШЕВОЙ О. Ф., секретарем парткома тов. ОРЛОВЫМ в моем присутствии была вызвана т. СМОЛЯНЮК в кабинет Управл., где сообщила, что все эти разговоры шли от тов. ЮРЬЕВОЙ Анны Ивановны, работающей в Базе сбыта при тресте.

После Смолянюк была вызвана тов. ЮРЬЕВА А. И., которая заявила, что она все это слышала от своей знакомой по квартире гр-ке ШИТИК. Далее выяснилось, что сестра этой гр-ке ШИТИК, Женя ШИТИК работает в Смольном и со слов тов. ЮРЬЕВОЙ к

этой ЖЕНЕ ШИТИК на работу в Смольный приходил НИКОЛАЕВ (убийца).

Тов. ЧЕРНЫШЕВА О. Ф. говорит, что она хорошо помнит, что одна из ШИТИК была ярая оппозиционерка (гр. Зиновьева).

Гр-ка ЮРЬЕВА А. И. проживает: БАСКОВ пер. 13/15 кв. 27.

Лично передал т. Кузнецову
5/XII 34 г.

Протокол допроса произведенный 20 января 1935 г. ЮРЬЕВОЙ-КУЛЯШОВОЙ, А. И.

ЮРЬЕВА-КУЛЯШОВА, Анна Ивановна, 1900 г. р. г. Ленинград, Надеждинская ул. д. 21 кв. 27, русская, подданная СССР. Паспорт выдан — ЛЖ № 491103 7 отд. ЛГМ 5 апреля 1933 г. и прописан 13/V-33 г. по указанному адресу. Ответствен. исполнитель по сбыту пряжи Лгр. Ниточн. Треста, ул. Кр. Текстильщ. д. № 17. Отец служил сторожем в течении 25 л. в Аничкином дворце и умер в 1919 г. Мать умерла в 1923 году. Служила в канцелярии Аничковск. дворца. После революции — служащая. Разведенная. Близких родственников не имею.

4 класса городск. училища, б/п. Никогда ни в каких партиях не состояла.

Вопрос: Известно, что среди сотрудников базы Вы говорили о том, что НИКОЛАЕВ убийца т. КИРОВА сильно избит и лежит при смерти, из-за чего следствие затягивается?

Ответ: В одной со мной квартире проживает гр-ка ШИТИК, Ольга Герасимовна, работающая в кооперативе «Красная Звезда» на какой-то партийной работе, которая на следующий день после убийства тов. КИРОВА рассказала мне, что «убийство совершено в Смольном. Убийца НИКОЛАЕВ сам пытался покончить с собой, с каковой целью произвел в себя выстрел, пуля прошла по лицу и засела в потолке. Сразу же после произведенного выстрела в себя, НИКОЛАЕВ был схвачен находившимися там монтерами и связан проволокой». Этими же словами я на базе и делилась с некоторыми сотрудниками. Кому персонально об этом говорила не помню.

Вопрос: Говорили ли Вы сотрудникам базы о том, что НИКОЛАЕВ сильно избит и лежит при смерти, из-за чего задерживается следствие?

Ответ: Об этом я никому ничего не говорила.

Вопрос: Откуда известны ШИТИК обстоятельства убийства т.

КИРОВА?

Ответ: Родная сестра ШИТИК — Евгения Герасимовна ШИТИК работает в Смольном и поделилась событиями с сестрой, а последняя со мной. Где проживает Евгения ШИТИК мне неизвестно.

Вопрос: Что Вам известно о связях ШИТИК с НИКОЛАЕВЫМ?

Ответ: Со слов Ольги ШИТИК мне известно, что ее сестра Евгения знакома с НИКОЛАЕВЫМ, что перед убийством т. КИРОВА — НИКОЛАЕВ заходил к ней в служебный кабинет. Далее говорила, что НИКОЛАЕВ тоже работает в Смольном. Мне известно, что Ольга и Евгения ШИТИК являются членами ВКП(б). Муж Ольги — Михаил Борисович ПАДВО (Директор театра МЮЗИК-ХОЛЛ), тоже член ВКП(б). Состоял ли кто либо из них в оппозиции, мне неизвестно.

Записано с моих слов верно и мной прочитано — ЮРЬЕВА-КУЛЯШОВА.

Допросил — АНЦИН.

Верно: [подпись]

Сов. секретно

30 декабря 1934 г.

Ленинградское управление НКВД

СПО

Информатор, посланный сегодня на завод «Красный Выборжец», сообщил следующий факт. Во время зачтения приговора над контрреволюционной террористической группой — убийц Сергея Мироновича Кирова сидела группа рабочих (отдел главного механика), в том числе беспартийный Сивохо. Когда Ложинский сказал, что группа террористов арестована также и в Москве и скоро должен быть приговор о них, как о террористах, готовящих покушение на тов. И. В. Сталина. На это Сивохо Б. В., сидевший рядом с Ложинским, сказал: «Хрен с ним, надо и Сталина убить».

Сивохо Борис Владимирович, 1917 г. рождения, окончил ФЗУ, работает токарем.

Адрес жительства: Апраксин пер., дом 7, кв. 26.

Факт сообщен сотрудником отдела информации обкома ВКП(б) т. Красиковым и записан последним со слов парторга отдела главного механика завода «Красный Выборжец» тов.

Калашникова.

Зав. сектором информации Обкома ВКП(б)
Тожанский [подпись]
30 декабря 1934
(ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 936, л. 186)

Главному военному прокурору Союза ССР генерал-майору Горному А. Г.

Вместе с группой ленинградских работников НКВД был осужден по статье 193–17 УК РСФСР и приговорен к 3 годам лишения свободы, якобы за то, что не уделил должного внимания оперативной разработке тем самым просмотрел в Ленинграде контрреволюционную организацию под названием «Зеленая лампа» численностью 700 человек, которая фактически существовала в воображении психически больного человека или провокатора, решившего своим ложным заявлением ввести в заблуждение органы разведки…

По обжалуемому приговору я был осужден к трем годам лишения за:

а) потерю классовой бдительности;

б) преступно-халатное отношение к работе;

в) незаконное водворение гражданки Волковой в психиатрическую больницу.

Во второй половине 1934 г. уполномоченный 3-его отделения особого отдела Управления НКВД по Ленинградской области (я в то время работал оперуполномоченным 2 отделения СПО) некий Григорий Ильич Драпкин передал мне письмо, написанное малограмотным почерком за подписью Волковой, которая сообщала, что в Ленинграде существует контрреволюционная организация под названием «Зеленая лампа» в количестве 700 человек.

Передавая указанное письмо, Драпкин тогда мне с усмешкой сказал, что у этой гражданки «не все дома», что она ему также неоднократно писала о к/р. организации среди красноармейцах, с которыми она встречалась и что все, что она писала никогда не подтверждалось.

Кроме того, Драпкин тогда мне сказал, что Волкова писала также и в Управление Уголовного Розыска по Ленинградской области и давала «липовые дела» и что там от нее еле избавились.

Официальным секретным сотрудником Волкова никогда не

была и все делала по собственной инициативе. Работала Волкова тогда где-то уборщицей, примерный возраст ее в то время был не больше 22–23 лет, по социальному происхождению — из крестьян, малограмотная и малоразвитая.

При разговоре с Волковой она производила впечатление психически ненормального человека.

Когда я начал интересоваться первым письмом Волковой о существовании в Ленинграде к/р. организации и спросил ее откуда она узнала численность организации — она ничего конкретного ответить не смогла. При последующих с ней встречах Волкова также давала неправдоподобные материалы, а именно: то она будучи в гостях у одного молодого путиловского рабочего обнаружила корзинку с человеческим мясом, у других знакомых машину для печатания червонцев, то ее втолкнули в легковую машину и увезли в Лигово, где заставили мыть трупы… Все материалы должны находиться в агентурном деле Волковой. Ни один из материалов Волковой после тщательной оперативной проверки подтвержден не был.

На одном из оперативных совещаний, на которой присутствовало все руководство Управления НКВД по Ленинградской области во главе с начальником Управления тов. Медведь, на котором стоял вопрос о работе сети, меня обвинили в том, что я от своей сети получаю «легендарные дела», в частности говорили о Волковой, которая по заключению совещания является социально опасным элементом, поскольку она клеветала и неправильно информировала в своих письмах органы. На этом же совещании Медведь предложил санчасти Управления тов. Мамушкину вызвать профессора-психиатра, а также вызвать Волкову, чтобы ее освидетельствовать. Вызванный профессор-психиатр предложил обследовать Волкову стационарно, о чем было вынесено специальное постановление. На оснований заключения профессора-психиатра она была от правлена санчастью в психиатрическую больницу на обследование.

Примерно через два месяца совершилось убийство С. М. Кирова.

Когда меня вызвали в Смольный к И. В. Сталину, где присутствовали, кроме Ягоды, Ворошилов, Медведь, Жданов и другие, а также все руководство Ленинградского НКВД была вызвана также и Волкова.

И. В. Сталин и Ягода задали мне ряд вопросов по материалам Волковой. Я объяснил, что все материалы Волковой не соответствуют действительности, т. к. они были оперативно и тщательно все проверены и в них ничего не подтвердилось.

Несмотря на то, что к охране правительства я никакого

отношения не имею, после моего допроса в Смольном у И. В. Сталина я был арестован и привлечен к уголовной ответственности вместе с другими работниками Ленинградского Управления НКВД…

Не чувствуя себя виновным перед партией и Родиной, я писал письма в 1948 г. — в ЦК на имя Сталина, в 1951 г. — снова в ЦК на имя Сталина. В них указывал: дело ленинградских работников НКВД было создано Ягодой и его приспешниками с целью отвлечь внимание партии от настоящих обстоятельств, сопутствовавших убийству С. М. Кирова. По этому делу была использована психически неполноценная личность Волковой, которая сыграла весьма подозрительную роль в ходе этих событий.

Подписано Петровым

«Письмо в Партийную Комиссию Центрального Комитета КПСС

С назначением Ежова наркомом НКВД СССР Ф. Д. Медведь и другие ленинградцы были арестованы вторично и преданы суду, как „враги народа".

Я был отстранен от занимаемой должности и водворен в спецлагерь усиленного режима, где подвергался запрещенным методам допроса с инсценировкой расстрела. От меня добивались признания в том, что по заданию Берзиня и Медведя я должен был обезоружить охрану и бежать Японию.

Находился в спецлагере до 1944 года».

В 1944 году переведен на поселение в Якутск, работал технoруком в республиканской «Заготживконторы». С 1945 г. было разрешено выехать в г. Кремчуг Львовской области. Обращался с письмами на имя Сталина в 1948 и 1951 годах.

В 1957 и 1958 годах снова обращался в партийную комиссию ЦК КПСС с просьбой о восстановлении в партии.

В 1958 году с ведома партийной комиссии ЦК КПСС без отмены судебного приговора Петров Г. А. был восстановлен в партии.

В 1960 г. переехал жить в Ленинград, работал в Московском райкоме КПСС города.

Уже из Ленинграда обращался в Президиум XXIII съезда партии с просьбой о пересмотре судебного дела и отмены несправедливо вынесенного ему приговора.

21 сентября 1966 г. пленум Верховного Суда СССР отменил приговор в отношении Петрова Георгия Алексеевича из-за

отсутствия состава преступления.

ЛПА, ф. 4000, личное дело 544272. Л. 1–3, 9,15, 38.

Цит. по: Источник. 1994, № 2. С. 59–65

Из письма М. Н. Волковой в ЦК КПСС о событиях, предшествовавших убийству С. М. Кирова

30 мая 1956 г.

ЦК КПСС

Я, Волкова М. Н., даю объяснение ЦК КПСС[671], что в 1934 году 24 июля у своей землячки Морозовой Марии Васильевны <…> случайно попала на собрание бывших зеленоармейцев[672]. На этом собрании я не участвовала, а сидела в стороне, за ширмой (комната была перегорожена ширмой) с книгой Пушкина, прислушиваясь к разговорам пирующих и спорящих за столом неизвестных мне людей. Там я лично ничего не поняла, потому что говорили загадочно, но поняла, что речь шла о предстоящей революции и восстании. В 2 часа ночи я уходила домой, моя землячка меня провожала до лестницы, у которой я спросила, что это за люди. Она мне ответила, что это земляки и назвала многих по фамилии. Я в то время состояла негласным сотрудником в райотделе ОГПУ Смольнинского района…

25 июля 1934 г. я поехала в райотдел к начальнику Малинину, но вместо Малинина был Соколов (за это время, пока я не была, произошла перемена начальства). Меня мой новый начальник принял, выслушал, дал мне задание познакомиться ближе с этими людьми, но ни в какие дела не вмешиваться. Там я познакомилась с гражданином по фамилии Дубинский-Николаев и он же Садиков. По одной фамилии он был Семен Леонидович, а по второй фамилии Леонид Васильевич. С этим человеком я встречалась часто, по просьбе и заданию Соколова я с ним гуляла, от него мне было известно, что в Ленинграде существуют контрреволюционные группы, возглавляемая Котолыновым, вторая Шацким[673]. Николаев меня не раз брал с собой к своим друзьям… к Котолынову и… к Звездочкину[674]. Два раза мы с ним ходили… в немецкое консульство получать деньги. Один раз получили 10 000 руб., второй раз 15 000 руб. Помню случай, когда мы пришли с ним…, там были люди и обсуждали какой-то важный вопрос. Позднее мне Николаев рассказал, что в Ленинграде будет убит Киров, а в Москве Молотов и Ворошилов. Это будет одновременно в один день и один час, чтобы сбить всех

с толку. В Ленинграде предстоит Шацкому и ему, а в Москве Смирнову (этого Смирнова я видела, чуть выше среднего роста, с черной бородой).

Я по просьбе Николаева отвозила два письма — одно ст. Вырица к Звездр.[675], второе ст. Подборовье к Маслакову. Эти письма моим начальником Соколовым были скопированы, после чего я их отвезла по назначению. Из Вырицы я привезла письмо работнику Смольного — зам. зав. орготделом Мясникову и письмо и 5000 руб. работнику Смольного Коршунову… Начальник Соколов эти письма также скопировал, а потом я их вручила по назначению. От Николаева мне было известно несколько человек работников Смольного: зав. орготделом Ленсовета Зельцер, его заместитель Мясников, директор авторемонтного завода «АТУЛ» Сосицкий, начальник Ленжилуправления Левин, его бывший заместитель по ЛСПО Лискович (ныне работающий там же), начальник транспортного отдела Власов, Смирнов из Москвы, Ратайчак из Москвы, посол в Англии на букву У., фамилии точно не помню, что она мудреная. Эта группа Котолынова и еще группа Державина диверсионная: Леванов, Смирнов, Голубев, Белоусов, Шувалов, Петухов[676].

В сентябре месяце 1934 г. меня вызвали в главное управление ОГПУ по Ленинградской области… Сотрудник Дрябин задал мне ряд вопросов, которых я не знаю, потом отвел меня к Бальцевичу, начальнику первого отдела особого отдела. Там был следователь Петров. Сначала спросили меня, что знаю ли я, что в Ленинграде существует контрреволюционная группа и предстоит убийство Кирова. Я ответила, что да, но только не знаю день и час. Тогда Бальцевич сел рядом со мной, мне сказал: «Слушай, Волкова, откажись от всего. Скажи, что контрреволюционная группа не существует и убийства не предстоит, тогда тебе все будет, а если не хочешь идти с нами рука об руку, то вплоть до расстрела». Я Бальцевичу ответила, что стрелять вы можете, но я от своих слов не откажусь. Тогда Бальцевич сказал: «Сажай ее, Петров, что ты с ней разговариваешь». И меня посадили в одиночную камеру 36. Там я просидела 5 дней, потом меня вызвал Петров, попросил писать под его диктовку. Под его диктовку я писать отказалась, он мне сказал, что я сижу по служебной записке, а если буду как бык упорствовать, тогда меня переведут на 1 категорию. После этого меня увели вниз, сажали несколько раз в парилку и применяли пытки — каленые иглы под ногти. Потом через несколько дней отпустили, взяв с меня подписку о невыезде из Ленинграда. После того, как я вышла из Дома предварительного заключения, я пошла на пленум райсовета, ибо я была член Совета. После пленума явилась домой. Дома меня ждал Николаев

и мы с ним поехали в Лигово в особняк некоего члена ЦК партии Шадручина (так я его знала). Дорогой в машине меня Николаев спросил: что скажи правду, ты на нас заявляла в ОГПУ, его об этом предупредил Запорожец. Я засмеялась, обозвала его сумасшедшим, но он мне сказал, что если это правда, то первая пуля из его нагана будет моя, я сказала — принимаю. Наш разговор на этом закончился. Когда мы приехали в Лигово, то там было несколько человек из Москвы, которых мне Николаев назвал по фамилии: Зиновьев, Каменев, Евдокимов. Там выгружена была подводная лодка с ящиками (груз был доставлен из Германии), ящики прятали в подвал под особняком: в комнате под ковром был люк и туда все опускали. Я оттуда, т. е. из одного ящика, взяла один предмет как вещественное доказательство, привезла своему начальнику Соколову (это оказалась граната). Также Соколову рассказала о пытках и заключении. Мы с Соколовым поехали к начальнику отдела СПО Горину-Лундину и вместе с Гориным-Лундиным поехали на квартиру Кирова… Мы с Соколовым посидели в приемной, а Горин-Лундин ходил к Кирову, оттуда вышел и нам сказал, что все в порядке, он доложил и мы поехали обратно. Вечером я и из нашего райотдела Семенюк, которого я Николаеву рекомендовала своим братом, были в гостинице «Астория», кто там был я не знаю, что этим занимался Семенюк, ибо он знал иностранный язык. Позднее я от Николаева узнала, что он узнал, что в группе Шацкого выпал жребий на самого Шацкого, который должен убить Кирова, и Шацкий изучает маршрут Кирова, а я, говорит, решил убить Кирова у его дома. Когда Киров садился в машину, я встал на подножку машины под видом что-то спросить, хотел выстрелить, но меня с машины снял комендант, который охранял Кирова, и тут же сказал: «Вот дураки, в кармане было задание, в рукаве наган, показал партбилет и тот не свой и меня отпустили, а теперь я, — говорит, — его буду караулить в Смольном, чтобы опередить Шацкого». Я обо всем написала письмо на имя Кирова, выписала ему все, как меня ОГПУ сажали, как делали пытки и просили от всего отказаться, что контрреволюционная группа не существует, убийства не предстоит. Написала, как в Лигове спрятано оружие, и как Николаев хотел его у дома пристрелить в машине, как его сняли с подножки автомобиля, отправили в ОГПУ и там отпустил Запорожец, и как он теперь будет караулить Кирова в Смольном. Написала, что в один день и час должен Смирнов, работник Совнаркома, убить Молотова и Ворошилова и 28 октября 1934 г. в 10 утра в Главном почтамте заказным письмом отправила два аналогичных письма: одно Кирову на квартиру, другое в Москву в ЦК ВКП(б). В 12 часов дня 28 октября

1934 г. меня взяли в большой дом, [сначала] секретарь Запорожца Белоусенко, оттуда переправили к Петрову. Там со мной беседовали и просили отказаться от всего начальник особого отдела Янишевский, начальник оперативного отдела Мосевич, опер, секретарь Запорожца Белоусенко, Бальцевич и наш начальник СПО Горин-Лундин. Там же мне делали очную ставку с работниками Смольного Коршуновым (которому я привозила 5000 руб. денег). На очной ставке говорить не дали, что там написали, я не знаю, от подписи я отказалась, за меня подписал очную ставку другой (который и сейчас работает на 5-м этаже в большом доме, фамилии его я не знаю, знаю в лицо). С 12-ти [часов] дня меня продержали до 11 часов вечера, потом поехали в Лигово к Шадругину, где спрятаны ящики с оружием. Вместо Лигово меня свезли и спрятали в сумасшедший дом на Пряжеку[677]. Там я пробыла с 28 октября 1934 г. по 2 декабря 1934 г., мне там не давали есть дней 17, доведена была до состояния ужасного. 26 ноября 1934 г. я оттуда написала письмо секретарю Леноблисполкома Ильину, ему описала все, просила доложить Кирову, письмо мне отсылала медсестра Мурашкина Анна Георгиевна. 2 декабря 1934 г. меня из этого ужасного помещения взяли в Смольный руководители партии и правительства. За мной приезжали личный секретарь Струпе Ильин (которому я писала письмо), Черток и еще один работник из Москвы. Меня привезли в Смольный, я была живым скелетом. Со мной с 10 часов утра до 8 часов вечера беседовали, руководители партии и правительства Сталин, Молотов, Ворошилов, Жданов, там же присутствовали Чудов, Кадатский[678], Ягода, Агранов, Поскребышев, Ильин и два врага Казаков и Плетнев. Я помню, мне дали два бутерброда с ветчиной, я на них набросилась, ибо я сильно хотела есть. Ильин сказал, что, товарищ, Вы ее не обкормите; тогда у меня Поскребышев спросил, что Вы давно кушали? Когда я сказала, что дней 17 тому назад, от меня их отобрали, я не помню, как плакала, а помню как слезы по щекам текли. Потом мне предъявили фото Николаева, спросили, знаю ли я его, я ответила, что да, меня спросили, как его фамилия, я назвала его все три фамилии, под какими я его знала, рассказала все, что знала. Сказала о письме, которое я посылала предупредительное на имя Кирова, меня товарищи Ворошилов и Сталин спросили, помню ли я, когда его опускала, я сказала, что 28 октября 1934 г. в Главном почтамте в 10 часов утра заказным письмом, копию письма дала своему начальнику Соколову. Соколов мне сказал, что напрасно ты это сделала, особый отдел до Кирова не допустит. Из Смольного правительство послало человека на Главный почтамт.

Когда человек возвратится, то сказал, что в книге записей заказного отправления письмо найдено, получено начальником особого отдела Янишевским. Когда позвали в кабинет Янишевского и спросили его, получал он или нет письмо на имя Кирова, которое посылала я, Янишевский ответил, что да. Тов. Ворошилов спросил, куда он его девал, тот ответил, что передал Бальцевичу. Бальцевич ответил, что он письмо получил, но его порвал. Когда тов. Ворошилов спросил, что почему ты это сделал, он ответил, что там не дело было написано. Когда ввели следователя Петрова, то он, увидев меня, сначала растерялся; ему тов. Ворошилов показал на меня — знает ли он меня, он ответил, что да. «Она, — говорит, — скатилась до такой низости, что стала доставать взрывчатые вещества». Тов. Ворошилов спросил Петрова, что почему они меня не посадили, поскольку я виновата. Петров ответил, что сажать у них не было основания. Тов. Ворошилов Петрову сказал, сажать у Вас не было основания, а в сумасшедший дом отправлять здорового человека у Вас было основание, что Вы с ней сделали, дай бог нам такую память, как у этой сумасшедшей, несмотря на то, что месяц и 5 дней она пробыла в таких условиях, она не забыла ни одного адреса и ни одной фамилии. Вечером я была направлена в больницу им. Свердлова и сдана руководителями партии и правительства под личную ответственность главврача и директора больницы. 4 декабря 1934 г. ко мне в больницу приходили члены комиссии по расследованию об убийстве С. М. Кирова, приносили мне много фото, просили, кого я знаю отложить, я отложила несколько человек, в том числе Мясникова и еще одного. Комиссия друг другу сказали, как будто они в почетном карауле стоят и один из них комендант Таврического дворца выписывает пропуска к гробу тов. Кирова. В больнице я пролежала по 23 февраля 1935 г., потом была на Сестрорецком курорте и позднее в Кисловодске. В июле 1935 г. мне по постановлению партии и правительства дали квартиру и кое-что из вещей. В 1935 г. мне Ильин ответил, что он мое письмо Кирову не передал только потому (которое я писала из психиатрической больницы), что он с моим письмом пошел к Медведю. Медведь с ним не стал разговаривать, требовал отдать письмо ему: «Но я, — говорит, — письмо не отдал, пришел в Смольный, стал писать в Москву, написал на 8 страницах, перевернул на 9-ю, раздался выстрел, мы побежали на 3-й этаж. Киров лежал вниз лицом, а убийца вверх лицом. Пограничник, который охранял Кирова, застрелился». Я Ильина спросила: «Кого он, убийца, выдал». Он мне ответил, что никого, так как он отравился. Ильин мне сказал, что если бы ОГПУ знали, что ты еще жива, тебе было бы то же, что коменданту, который в октябре

снял убийцу с подножки машины Кирова, и рассказал, что, когда работники ОГПУ везли его 2 декабря 1934 г. на допрос в Смольный, по выезде с Тверской ул. к Смольному сделали столкновение машин и убили его. «А за тобой, — говорит, — мы ездили два раза. Я твое письмо передал Чудову, Чудов — членам правительства. Тогда мне, — говорит, — из охраны правительства дали двух людей и послали за тобой. Мы приехали в первый раз, нам сказали, что у них такой нет и не было». Я не была занесена ни в какие списки. Тогда они вернулись обратно и доложили, что письмо ее с точным адресом, но там отвечают, что такой нет, тогда вызвали Медведя, спросили, куда они девали меня. Медведь сказал, что после того, как они перехватили мое письмо предупредительное на имя Кирова, они меня решили отправить в сумасшедший дом. Поставили условия — она там не выживет и с нас ответственность спадает, что раз она послала предупредительное письмо Кирову, мы ничем не гарантированы, что она и еще куда послала и, если мы ее расстреляем, с нас ее спросят, после этого Медведь написал мое освобождение, но был не уверен, что я жива.

Волкова

[P.S.]. В 1951 г. встретил меня Косенко, который меня откуда-то знает, спросил, как я сохранилась, что я была знакома с Николаевым.

Косенко мне сказал, что не скромничайте, я Вас знаю. Я его спросила, как произошло убийство С. М. Кирова. Он мне объяснил, что в день убийства, т. е. 1 декабря 1934 г. в 10 часов утра, нас всех вызвал в Смольный зам. зав. Орготделом Мясников и рассказал, что, если бы Николаев по каким-либо причинам не убил Кирова в его кабинете, то его Мясников убил бы на 2-м этаже, а если бы Мясников не убил на 2 этаже, то Сосицкий на 1-м этаже или Левин при выходе. Охрана МВД была умышленно поставлена в другой подъезд, где Киров не ходил. Косенко проживает пр. Сталина, работает в настоящее время где, не знаю.

Волкова

Работал зам. директора АТУЛ, где директором был Сосицкий.

Имеется резолюция: «Тов. Серову И. А. Согласно Договоренности. А. Аристов. 30 мая 1956 г.».

ЦХСД. Ф. 5. Оп. 30. Д. 141. Л. 29–33. Машинописная копия.

Из записки КГБ при СМ СССР в ЦК КПСС о проверке письма М. Н. Волковой

18 июля 1956 г.
Совершенно секретно
Секретарю ЦК КПСС товарищу Аристову А. Б.

Представляю при этом справку о результатах проверки заявления гр. Волковой, поданного ею в ЦК КПСС в мае 1956 года.

В результате беседы с гр. Волковой, а также рассмотрения материалов проверок, имеющихся в КГБ по ранее поданным ею заявлениям, установлено, что показания, которые она давала в 1934 году, никакого отношения к убийству С. М. Кирова не имели.

Гр. Волкова за последние годы написала большое количество заявлений в органы госбезопасности, в которых обвиняла ряд честных советских граждан в антисоветских преступлениях. Часть из этих граждан была арестована, а затем освобождена из-за отсутствия состава преступления.

Уличенная во лжи, гр. Волкова призналась, что настоящего убийцу С. М. Кирова — Николаева, а также Котолынова она ранее никогда не знала, а эти фамилии и. их фотографии ей были показаны Ежовым и другими работниками НКВД СССР.

После беседы в Комитете гр. Волкова написала новое заявление, в котором отказывается от своих показаний и обвиняет товарищей, которые беседовали с ней, в том, что они заставили ее насильно подписать эти показания.

В этом заявлении она также сообщает о какой-то новой существующей террористической организации (письмо прилагается).

В связи с тем, что неоднократные проверки показали, что гр. Волкова, как правило, пишет клевету, Комитет госбезопасности полагает в дальнейшем никаких проверок заявлений гр. Волковой не проводить.

Приложение: на 17 листах.

Председатель Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. Серов

С запиской ознакомились и расписались секретари ЦК КПСС: А. Аристов, П. Поспелов, Е. А. Фурцева, Н. Беляев, Л. И. Брежнев, А. И. Микоян.

Зав. отделом парткадров Ленгоркома ВКП(б) Лукьянову

Из информационной сводки о партийном собрании на заводе им. Козицкого 4 ноября 1936 г.

На нем выступила инженер Швецова:

«В Институте, где я училась, на партийном собрании по чистке рядов партии Котолынов сказал: „чем больше зиновьевцы каются, тем меньше им верьте". Сам Котолынов был на нашем факультете секретарем партийного бюро и пользовался у нас большим авторитетом. Без Котолынова не решался ни один вопрос. Котолынов многих членов партии и комсомольцев исключал за не бдительность. Был такой факт, когда хоронили Кирова в Ленинграде, Котолынов, идя за его гробом, сказал: „Ну, что наделали, теперь рабочий класс будет злее". Я удивляюсь чудовищной способности в учебе и силе воли Котолынова. Вот у кого нам надо учиться, как работать».

Инструктор отдела кадров ГК ВКП(б) Янов (Автограф)
ЛПА, ф. 25, оп. 7, д. 279, л. 79

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
СТРОГО СЕКРЕТНО
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОБЛАСТНОЙ КОМИТЕТ ВКП(б)
№ С 0–24/47гс
Кому: КПК по ЛО тов. Гусляковой
IV-1939 г.

Выписка из протокола № 24 заседания секретариата Обкома ВКП(б) от 7 января 1935 г.

О сотрудниках Ленобкома ВКП(б)

Петрашевиче С. М., Владимирове В. Т. и Кармановой Е. П.

Принять предложение т. Ежова:

Исключить из рядов ВКП(б) сотрудников обкома Петрашевича С. М., Владимирова В. Т. и Карманову Е. П. за недостойную членов партии болтовню и несоблюдение элементарных для каждого члена партии, а особенно сотрудника обкома, условий конспирации, выразившейся в даче сведений о работе обкома и, в частности, о товарище Кирове — Николаеву Л., который не имел никакого отношения к обкому.

Секретарь обкома ВКП(б): [подпись Жданова]

В Центральный Комитет ВКП(б),

Секретарю ЦК ВКП(б),

председателю Комиссии Партийного Контроля
тов. Н. И. Ежову

От бывшего члена ВКП(б), партбилет
№ 0569696, с 1926 года В. Т. Владимирова

Заявление

Более 3-х лет тому назад, точнее 8/1–1935 года, я был исключен из рядов ВКП(б). Каким парторганом и за что я исключен — мне до сих пор точно неизвестно, т. к. выписки из решения об исключении и его мотивах — я не имею.

Тов. Ежов! Я обращаюсь лично к Вам потому, что перед исключением, т. е. 6/1 1935 г., был вызван к Вам и давал Вам свои устные объяснения. Затем состоялось заседание бюро или секретариата Лен. обкома ВКП(б) и, кажется, по В/предложению, а может быть и др. товарищей (точно мне неизвестно) я был исключен из партии.

Разрешите восстановить в Вашей памяти обстоятельства моего дела: я работал в Ленингр. областкоме ВКП(б) с 1929 года в должности информатора, а последний 1934 год — инструктора-референта отдела руководящих парторганов. 1-го декабря 1934 года вечером, после злодейского убийства С. М. Кирова, я, как старый работник аппарата, вместе с другими работниками, был приглашен для опознания личности убийцы, т. к. последний симулировал невменяемость. Я, взглянув, сразу же заявил, что убийца является действительно Николаевым ранее работавшим в аппарате Лен. обкома (в 1931 или 1932 гг.). Позже, в тот день, в помещении управления Лен. управления НКВД также твердо и уверенно подтвердил свое опознание вторично, в то время как другие работники (Сорокин А. П., Сайкин И. М.) оба раза опознавали как-то неуверенно. Что руководило этими работниками мне неизвестно. Лично же я, обладая хорошей зрительной памятью, говоря правду, т. е. опознавая уверенно личность этой подлой фашистской гадины — руководствовался единственным искренним стремлением — помочь следственным органам. На деле оказалось иное:

В декабре м-це 1934 г. (числа не помню) я был вызван как свидетель, в органы НКВД и при допросе мне были заданы вопросы о том, что, якобы, следствие располагает данными о том, что будто бы я передавал какие-то данные убийце (по его показаниям). Я категорически и неоднократно отверг, как отвергаю и сейчас, эту гнусную ложь и клевету.

При вызове к Вам, т. Ежов, 6/1–35 г., Вы заявили, что я

невыдержан, не умею себя держать, что не могу быть оставлен на работе в Лен. обкоме и что буду исключен из партии. Мои возражения о том, что имеющиеся в следственных материалах данные о какой-либо связи меня с фашистской гадиной (на которые Вы мне указали) являются ложью и клеветой уже уничтоженных бандитов — были оставлены Вами без последствий. Я убедительно просил Вас привести хотя бы один конкретный случай для того, чтобы ответить по нему по существу, но этого тоже сделано не было. Вы заявили, что имеющимся сведениям Вы верите.

Тов. Ежов! В 1935 году я подавал неоднократные заявления в Лен. обком ВКП(б), но насколько мне стало известно позже, лица, коим я адресовал свои заявления (Чудов, Низовцев), являлись врагами народа. Тогда, 29/II 1936 года, я подал заявление на Ваше имя и 21/VT 36 г. получил ответ за подписью члена партколлегии т. Каравнева о том, что партколлегия КПК не находит оснований к пересмотру решения о моем исключении. 9/IX-36 г. я обратился вторично с заявлением уже на имя тов. И. В. Сталина и 31/X-36 г. вновь получил ответ от члена партколлегии КПК т. Ярославского, аналогичный первому.

Как видите тов. Ежов, я обращаюсь уже в третий раз и делаю это только потому, что твердо уверен в своей полной невиновность Посудите сами: мне предъявили обвинение в невыдержанности, основанное на показаниях уничтоженных фашистских бандитов. Я заявлял тогда и заявляю сейчас, что эта гнусная ложь и клевета являются результатом злобной мести мерзкого убийцы по отношению ко мне, т. к. только я один уверенно опознал его и этим самым облегчил ход следствия.

Я спрашивал и спрашиваю сейчас, что если я хоть в какой-то мизерной мере, прямо или косвенно, являюсь пособником гнусного злодейства, то почему же я не понес физического возмездия. Ведь органы НКВД имели и имеют возможность установить истинное положение, проверить меня, мою работу, мои действия, мою жизнь, а ведь она вся как на ладони: работа и семья.

В решениях январского Пленума ЦК ВКП(б) (1938 г.) указано, что исключение из партии равносильно политической смерти. Я на себе убедился в правильности данного вывода. Я физически живу, честно работаю на благо нашей партии и родины, но я морально убитый человек. Поверьте тов. Ежов, ведь одна только мысль о том, что мое исключение из партии каким-то образом увязывается с трагической невозвратимой и преждевременной утратой величайшего вождя и учителя С. М. Кирова — сильнее и больнее всякого физического испытания.

Я родился в 1906 году. Отец пролетарий — отдавший 45 лет жизни непрерывной работе на железной дороге. Трудстаж мой начался с 1923 года и до 1935 года, т. е. 11 лет, я работал в аппарате партийных органов последовательно: уком ВКП(б) (г. М. Вишера), Губком и Окружком (г. Новгород) и обком ВКП(б) (г. Ленинград). В комсомоле состоял с 1923 года, в партии с 1924 года (считая кандидатский стаж). Теперь, будучи беспартийным, работаю в советском учреждении. Заполняя анкеты и автобиографию я даже не знаю что указать: кем и за что исключен из партии. Как ни больно и тяжело — начинаешь объяснять все обстоятельства. Это ли не испытание, когда чувствуешь себя целиком и полностью невиновным. А от некоторых лиц слышишь прямые упреки и оскорбления.

Состоя в партии в течение 10 лет, я не имел ни одного партийного взыскания, ни одного колебания от ее генеральной линии, не примыкал ни к каким оппозициям или группировкам, а наоборот, боролся как мог за ленинскую чистоту партии. В 1931 году Лен. отделением издательства «Молодая гвардия» издана моя первая популярная брошюра «Борьба за генеральную линию партии в деревне». Позже мною изданы две брошюры по хозяйственным вопросам: «Дать стране хороший лен». Исключение из партии совпало со сдачей в печать моей четвертой брошюры «Работать с коммунистом одиночкой в деревне», которая, понятно, в свет не вышла. Кроме того, я сотрудничал в Лен. обл. газете «Крестьянская правда» — в отделе партжизнь. Через свои брошюры и газеты я старался помочь партии и ее организациям бороться с врагами.

Тов. Н. И. Ежов! Я еще раз убедительно прошу рассмотреть мое заявление лично, посколько Вы в курсе дела. Если же это невозможно, то прошу т.т., к которым попадет мое заявление, рассмотреть его со всем вниманием, доложив о нем т. Н. И. Ежову. Я прошу восстановить меня в рядах партии, чтобы я имел возможность также честно, как и раньше, работать в ее рядах.

Убедительно прошу не отказать в моей просьбе.

Ответ прошу сообщить по адресу:

Г. Ленинград, просп. 25 октября, дом № 62, комната 21, Ленгоснарпит.

К сему В. Владимиров.

6-го февраля 1938 года.

ЛПА. Из личного дела Владимирова В. Т. № 233018

К памяти о зверском убийстве Сергея Мироновича Кирова

Я часто читал и слышал по радио речи наших любимых вождей тов. Сталина, Молотова, Кирова и Ворошилова, видел их портреты, но у меня всегда было большое желание увидеть их в натуре, что мне никак не удавалось. Правда, Сергея Мироновича Кирова я видел издали на трибуне у зимнего дворца во время Октябрьских праздников во время прохождения в процессии, но так как я близорук и плохо вижу вдаль, то я не мог ясно запечатлеть его лицо.

1 декабря 1934 г., поздно вечером, разнеслась весть о злодейском убийстве нашего Сергея Мироновича, который так заботился о всех нас и нашем городе Ленина. 2-го декабря рано утром ко мне из Горздравотдела приехал Суд. Мед. Эксперт доктор Владимирский, который сказал, что мне нужно немедленно прибыть в больницу им. Свердлова, где лежал погибший т. Киров.

Когда я туда приехал, то увидел Сергея Мироновича, после вскрытия его тела лежащим на столе уже одетого в обычную его одежду: френч, брюки и русские сапоги. При этом я увидел, что на его лице были продольные царапины темно бокового цвета, а один глаз был сильно опухшим с кровоподтеком темно багрового цвета.

Все это сильно обезображивало его простое, но прекрасное, мужественное лицо.

Я был поражен, видя все это, и в моей голове в этот момент молнией пронеслась скорбная мысль: вот при каких тяжелых обстоятельствах мне пришлось так близко увидеть незабвенного Сергея Мироновича. В это время ко мне обратился представитель НКВД, распоряжавшийся здесь подготовкой перевезения тела тов. Кирова во дворец Урицкого, при чем он предложил мне немедленно произвести туалет лица мертвого тов. Кирова путем устранения кровоподтека глаза и царапин на лице, — полученных им во время падения на пол при выстреле из револьвера ему в голову, сзади.

Предложение это мне было сделано по тому, что присутствовавшие здесь врачи специалисты из Гор. Здравотдела, суд. медицинские эксперты и профессора медицины Тонков, Шор и другие, производившие вскрытие тела тов. Кирова, отказались сделать вышеуказанный туалет и указали на меня, как на большого специалиста в этой работе.

Ввиду того, что в это же утро 2-го декабря из Москвы прибыли тов. Сталин, Молотов, Ворошилов и Жданов, которые желали видеть погибшего Сергея Мироновича, нужно было к 12 часам дня перевезти тело тов. Кирова в гробу во дворец Урицкого. Мне было предложено всю операцию по удалению повреждений на лице т. Кирова провести в течение 20–25 минут.

Положение мое было весьма затруднительное. Отказаться я не хотел, так как у меня возникло неудержимое и страстное желание восстановить лицо Сергея Мироновича так, чтобы наш дорогой тов. Сталин и его соратники-вожди и все искренно любившие тов. Кирова — увидели его не в обезображенном, а в нормальном виде. Это желание, предало мне такой подъем и решимость, что при столь трудной обстановке и условиях недостатка во времени, я всю операцию провел в точно назначенный срок и настолько успешно и тщательно, что на лице Сергея Мироновича от повреждений не осталось и следа, за исключением едва заметного потемнения кровоподтека на глазу.

На следующий день 3-го декабря около 7 часов вечера ко мне на квартиру позвонили по телефону из Свердловской больницы опять с просьбой приехать, что бы оттуда отправиться во дворец Урицкого и посмотреть не нужно ли будет сделать какие нибудь исправления на лице Сергея Мироновича для того чтобы при перевезении его в Москву проделанная мною работа не повредилась до кремации.

Когда я с остальными врачами и профессорами прибыл во дворец Урицкого и, подождав окончания прохождения громадного числа лиц и организаций, прощавшихся с Сергеем Мироновичем, могли войти и осмотреть лицо тов. Кирова, лежавшего в гробу в большом зале, то оказалось, что мне нечего не нужно было делать, так как никаких изменений не произошло, — лицо было совершенно чистое. Мы остались в зале в близи катафалка на котором стоял гроб с телом тов. Кирова. В зале оставались только группа старых большевиков, супруга покойного, несколько человек из Лен. Совета и почетный караул от воинских частей.

Вскоре в зал вошли тов. Сталин, Молотов, Ворошилов и Жданов и стали у гроба в почетный караул. Я стоял в первом ряду группы врачей, как раз против тов. Сталина, стоявшего у головы тов. Кирова и между мною и тов. Сталиным расстояние было не больше двух шагов, так что я тут уже мог совершенно ясно видеть в близи стройную фигуру в сером пальто и прекрасное лицо в профиль нашего великого Сталина.

При этом я также хорошо видел стоявшего на другой стороне тов. Ворошилова у головы лежащего в гробу тов. Кирова, а в ногах

товарищей Молотова и Жданова.

Я смотрел на них всех не отрывая своих глаз и думал: вот когда осуществилось мое желание увидеть близко наших вождей и особенно нашего великого Сталина.

Когда потом мне говорили видевшие и провожавшие в Москву гроб с телом Сергея Мироновича, что никаких изменений и порчи на лице его не произошло, я так был доволен, что мои старания восстановить лицо Сергея Мироновича увенчались полным успехом.

1/XII 1939 г.

Эксперт-криминалист А. Салькoв
Басков переул. д. № 36 кв. 10 тел. Ж-208–58

Источник. 1995, № 6. С. 139–145.

«Киров мешал преступникам из НКВД»

Версия убийства, выдвинутая ленинградским профессором

В Архиве Президента Российской Федерации (фонд Политбюро ЦК) обнаружено письмо доктора медицинских наук профессора Дембо А. Г., направленное в июле 1988 года в Комиссию Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-е гг.

По указанию М. С. Горбачева с письмом профессора были ознакомлены члены Политбюро, после чего письмо оказалось в архиве.

Однако, по нашему мнению, письмо заслуживает внимания читателей.

Профессор Дембо А. Г. в 1932–1941 гг. работал в больнице имени Я. М. Свердлова, которая осуществляла медицинское обслуживание руководящих работников Ленинграда, и поэтому 1 декабря 1934 г. оказался в числе врачей, осматривавших тело Кирова и присутствовавших при подписании заключения о его смерти.

У профессора своя версия причины убийства Кирова. По адресу, указанному на конверте, редакция обратилась к автору письма за дополнительными разъяснениями, но оказалось, что несколько лет назад профессор Дембо эмигрировал из страны. Стиль и орфография письма сохранены.

Письмо проф. Дембо в комиссию Политбюро по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в 30–40-х и начале 50-х годов

20 июля 1988 г.
Ленинград, май-июль 1988 г.

Вероятно, я один из немногих оставшихся в живых людей, которые были в той или иной степени близкими свидетелями событий, связанных с убийством С. М. Кирова.

Решил я об этом писать потому, что мне уже 80 лет (я родился в 1908 году) и сколько мне еще осталось жить — неизвестно. Во всяком случае не очень много.

Дело в том, что я, молодой врач, с 1932 до 1941 года (до

начала войны), работал в Ленинградской лечебной комиссии (больница имени Свердлова), обеспечивавшей медицинское обслуживание руководящего состава (ответственных работников) Ленинграда.

До 1935 года я работал в должность инструктора медсектора на основной работе, а с 1935 года, когда я поступил в аспирантуру в 1 Ленинградский Медицинский Институт (в клинику проф. Г. Ф. Ланга), — по совместительству.

В тот трагический 1934 год было мне 26 лет. Видимо в таком возрасте, да еще в стрессовом состоянии декабря того года, особенно остро воспринимаются и четко запечатлеваются происходящие события. Поэтому, хотя прошло уже 54 года, я ясно помню все, что тогда происходило, как будто-бы это было вчера.

И я посчитал своим партийным долгом рассказать о том что я видел, о том что я слышал и знаю из разговоров и обсуждений событий того времени, которые вели люди имевшие к этому делу какое-либо отношение.

Может быть это поможет хотя бы немного разобраться в том, что тогда произошло.

Сейчас я профессор, доктор медицинских наук, продолжаю работать в качестве профессора-консультанта в Ленинградском Государственном Институте Физической культуры им. П. Ф. Лесгафта.

Я член КПСС с 1938 года, кандидат с 1932 г. Длительность кандидатского стажа определяется тем, что с 1932 по 1937 прием в партию был закрыт (чистка и проверка партийных документов).

Начать я должен с пережитой мною еще одной стрессовой ситуацией, с события вероятно никому не известному, но которое, на мой взгляд, имело прямое отношение к убийству Кирова, вернее к его подготовке. Правда об этом я подумал уже после убийства Кирова[679].

В Ленсовете, управляющим делами (не знаю как это называется сейчас), работал тогда Борис Николаевич Чудин. Это был молодой, энергичный, доброжелательный молодой человек.

Он был очень популярен и насколько мне известно, пользовался общей любовью и уважением.

Мы с ним нередко общались по служебным делам и у нас создались очень хорошие отношения на основе личной, взаимной симпатии.

В первой половине 1934 года у него случился ряд несчастий — умерла мать, умерла молодая жена, умер водитель его машины (с которым у чего были очень хорошие отношения). Он очень от всех отдалился, стал замкнут и мрачен. Совершенно неожиданно около него появился парень (его звали Саша), много моложе его.

Фамилии его я не знаю. Он, по словам людей, знавших близко Чудина, вел себя нагло, но ему все сходило с рук.

Учитывая интеллигентность Чудина, появление рядом с ним этого парня, его близость с ним была по меньшей мере странной и всех удивляла. Однако, я не был настолько близок с Чудиным, чтобы в это вмешиваться и что-либо спрашивать.

Чтобы было понятно, о чем я буду говорить, следует указать, что Б. Н. Чудин жил рядом со мной. Он жил на 8-й Советской улице; а я на углу 7-й Советской и Суворовского проспекта в 5–7 минутах ходьбы от него.

Не помню какого числа, но незадолго до убийства Кирова, поздно вечером ко мне домой позвонил Чудин, очень взволнованный и умолял немедленно к нему придти. Звонил он мне крайне редко, а после смерти жены совсем не звонил. По голосу я понял, что случилось что-то очень страшное и сразу же побежал к нему.

Я застал Чудина очень возбужденным, полуодетым и он в полном отчаянии сказал мне, что Саша застрелился. В комнате поперек кровати в трусах лежал мертвый Саша с пулевым ранением в области сердца.

В квартире Чудина я застал его заместителя (кажется, его фамилия была Беляков) и начальника Ленинградской милиции (фамилии не помню). Мы стали искать пистолет, но не могли его найти. Чудин на этот вопрос не ответил. Как потом выяснилось этот пистолет был у Чудина в валенке, в которых он ходил по квартире.

Чудин куда-то позвонил по телефону и через короткое время на машине приехала какая-то женщина. Как мне сказали Беляков и начальник милиции это была жена начальника НКВД Ленинграда — Медведя. Эта женщина закрылась с Чудиным в другой комнате, и там шел очень бурный разговор. Затем я видел как дверь открылась, эта женщина выходя потушила в комнате свет и быстро уехала. После того как погас свет, в комнате раздался выстрел. Это Чудин стрелял себе в сердце, так же как Саша.

Поскольку он, по-видимому, во время выстрела глубоко вдохнул и пуля попала в легкое. Он был жив. Мы вызвали скорую помощь, я позвонил в больницу Свердлова (она находилась в 5 минутах ходьбы от его дома), попросил вызвать профессора Добротворского (это был наш хирург) и подготовить операционную. Я увез Чудина в больницу и что было дальше в квартире — не знаю.

Ранение было тяжелым. Добротворский оперировал долго. После операции Чудин не приходил в себя, и я ушел домой. Через

некоторое время мне позвонили и сообщили, что Чудин пришел в себя и просит меня немедленно придти к нему, так как он хочет сказать мне что-то очень важное.

Я быстро пошел в больницу, но было уже поздно — Чудин умер. Вся эта история осталась неясной — было ли самоубийство Саши или его убийство, какая тут связь с женой Медведя и т. п. Поскольку я видел в квартире Чудина начальника милиции я посчитал что все что надо в таких случаях делать — сделано.

Очень скоро наступило 1 декабря и об этом событии я забыл, тем более, что мои друзья посоветовали мне об этом забыть.

1 декабря 1934 года в кабинете зав. медсектором Ленлечкомиссии И. С. Вайнберга раздался звонок по смольнинской вертушке и истерический женский голос прокричал — «Убили Кирова». Я был в это время в кабинете.

Вайнберг приказал мне на дежурной машине поехать за профессором Добротворским и привезти его в Смольный в кабинет Кирова. Где находится этот кабинет я знал, так как нередко бывал в Смольном.

Заехав на улицу Салтыкова-Щедрина, где жил Добротворский, мы вместе с ним поехали в Смольный. Мы подъехали не к главному входу, а к входу слева, который вел прямо к кабинету Кирова на 3 этаж.

К моему удивлению, никакой охраны не было и мы беспрепятственно поднялись и прошли в кабинет Кирова.

В кабинете секретаря Кирова — Свешникова и в кабинете второго секретаря обкома Чудова, находившегося напротив кабинета Кирова, было много народа и явно царила растерянность. Мы вошли в кабинет Кирова. Он лежал на длинном столе (сразу слева при входе в кабинет), за которым, повидимому, обычно проводились совещания.

У стала с телом Кирова стояли Вайнберг и врач-хирург больницы Свердлова Фейертаг. У Кирова не было обычной для трупа мертвенной бледности лица. Наоборот, на щеках был румянец. Как выяснилось позже, это было так потому, что смерть была моментальной.

Добротворский велел нам (мне и Фейертагу) делать искусственное дыхание по Сильвестру, хотя мы понимали что это бесполезно.

В кабинете появились профессора — хирург Джанелидзе, терапевт Ланг и другие которых привезли по распоряжению Вайнберга.

Джанелидзе подошел к нам, посмотрел на Кирова и сказал (я точно помню его слова) — «Зачем вы это делаете? Этот человек мертв». Однако по распоряжению Добротворского мы с

Фейертагом еще 10–15 минут продолжали делать искусственное дыхание.

Я видел, как в кабинет вошел Медведь и вызвал Г. Ф. Ланга. Как потом выяснилось его позвали, чтобы он как врач, посмотрел задержанного убийцу Кирова, Николаева.

Затем Чудов из кабинета Кирова позвонил Сталину и сообщил о том, что произошло. Мы все в это время стояли в приемной — Чудов вышел из кабинета и как-то растерянно сказал, что Сталин требует подойти к телефону кого-либо из врачей. К телефону подошел профессор Джанелидзе и, так как дверь в кабинет была полуоткрыта, я услыхал его слова сказанные в ответ на вопрос Сталина — «Это так же верно, как то, что моя фамилия — Джанелидзе».

В кабинете Чудова начали писать акт. Насколько я помню, инициатива в этом принадлежала Рослякову (начальнику Облфинотдела). Его подписали все присутствующие. Конечно, меня и Фейертага подписывать не просили. Тогда я на это обиделся, но теперь понимаю, что, может быть, это было к лучшему для меня.

Было решено тело Кирова перевезти на санитарной машине в морг больницы Свердлова для вскрытия (я даже помню имя и фамилию водителя — Петр Баринов). Мы это и сделали.

В больницу был вызван проф. Рейнберг (рентгенолог) и сделаны снимки черепа. Оказалось, что пуля лежала острием к входному отверстию, которое было на затылке. Это объяснялось тем, что выстрел был сделан с очень близкого расстояния и пуля, ударившись об лобную кость развернулась и произвела значительные разрушения в мозгу. Смерть была мгновенной.

Для производства вскрытия в больницу были вызваны прозектор больницы Витухновский, профессора — патологоанатом Г. В. Шор и анатом Тонков.

Профессор Рейнберг вспомнил о необходимости сделать гипсовые слепки рук и снять посмертную маску с лица Кирова. Если бы не проф. Рейнберг этого сделано не было бы.

На самом вскрытии я не присутствовал, так как был оставлен дежурить на телефонах — могли поступить всякие распоряжения. На вскрытии выяснилось, что, за исключением небольшого гастрита, со стороны внутренних органов никакой патологии выявлено не было.

На лбу оказалось пятно-кровоподтек, который образовался при падении ничком после выстрела. Был приглашен из уголовного розыска специалист по восстановлению лиц (до тех пор не знал, что есть такая специальность), который постарался сделать это пятно незаметным.

Мозг Кирова собирались послать в Москву, почему это не было сделано — не знаю.

Положение было очень тревожным. Больница была оцеплена, все ждали каких-либо указаний.

На следующий день поступило распоряжение перевезти тело Кирова в Таврический дворец. Знаю, что там была очень разбита дорога идущая со двора ко дворцу. Эта дорога была за одну ночь исправлена, причем сделавшие эту работу рабочие, узнав для чего это надо, отказались от оплаты за работу.

Я получил распоряжение организовать в Таврическом дворце медпункт в составе терапевта, хирурга, медсестры и санитарки, и взять на себя обеспечение медицинской помощи все дни, которые ленинградцы будут прощаться с Кировым.

Это было поручено мне потому, что я раньше организовывал такой медпункт на всех партийных конференциях проходивших в Таврическом дворце и имел достаточный опыт.

Благодаря этому мне удалось слышать все доклады, которые делал Киров, исключительные по форме и содержанию.

Как и всегда, в последней комнате правого кулуара, был организован медпункт. В качестве хирурга работал Виноградов, терапевт — Лейбсон.

Гроб с телом Кирова был установлен в середине фойе на высоком постаменте напротив главного входа с улицы Воинова. Прямо перед ним между колоннами сидела жена Кирова — Мария Львовна Мариус[680], ее сестра Софья Львовна и близкие люди. По всему фойе стояли солдаты, образуя каре.

Ленинградцы шли двумя потоками (с улицы Воинова), обтекая с двух сторон постамент с гробом. Многие плакали, в том числе и мужчины, не стесняясь своих слез. Киров пользовался огромной любовью и уважением ленинградцев.

Во дворце, еще до того как открыли доступ к телу, с утра у всех входов и выходов стояла охрана и всем распоряжался секретарь Ленсовета тов. Назаренко. Затем неожиданно появились другие незнакомые люди, которые сменили ленинградскую охрану.

Когда я подошел к Назаренко получать пропуска для персонала он растерянно сказал, что он уже не «хозяин». Что из Москвы прибыл целый поезд с сотрудниками НКВД, которые взяли на себя охрану Дворца, ибо «Ленинградскому НКВД не доверяют».

Найдя нового «хозяина» я попросил его дать пропуска на медперсонал. Пропуска были даны, но только с правом входа и выхода через одну дверь ведущую во двор.

Когда-же я сказал, что мне такой пропуск не годится потому,

что я должен иметь право бывать везде, особенно в фойе, он посмотрел на меня и сказал: «Вас, доктор, могут пропускать всюду». И действительно несмотря на строжайшую охрану (у каждой двери стояло по два человека), меня ни разу никто не остановил. Как это было сказано — не понимаю до сих пор.

Как я уже сказал, ленинградцы шли двумя потоками. В фойе непрерывно играло два оркестра расположившихся с двух концов фойе.

В моем распоряжении были несколько машин скорой помощи с санитарками, дежурившими в фойе. Как я уже говорил многие пришедшие прощаться с Кировым плакали, а иногда раздавались истерические крики.

Задачей санитаров было немедленно забирать таких лиц в машину и доставлять в больницу Куйбышева, откуда их отпускали домой. Делать это было необходимо во избежание массовых истерик, для взрыва которых достаточно было кому-то начать. А с массовой истерикой справиться трудно. Надо себе ясно представить ту напряженную атмосферу которая царила во всем городе и, особенно, в Таврическом дворце, чтобы понять эти наши опасения.

Я почти все время находился в фойе с бутылочкой нашатырного спирта в кармане, особенно опекал лиц стоявших в почетном карауле. Среди них было очень много пожилых людей (академик Комаров, актриса Корчагина-Александровская, старые большевики и др.), за реакцию которых я очень опасался.

На следующий день я заметил, что появилось много каких-то людей, усилилась охрана. Когда я, стал в кулуаре у дверей медпункта хотел закурить, ко мне подошли и попросили этого не делать. И через короткое время я увидел, как в правый кулуар вошла большая группа людей. Впереди шли: Сталин, Молотов, Жданов и Ворошилов. Чуть сзади шел Ягода. Других я не знал. Они прошли очень близко от меня.

Перед выносом тела для отправки в Москву, мне было поручено договориться с начальником охраны об осмотре тела Кирова. Врачей-анатомов беспокоило состояние пятна на лбу Кирова, о котором я упоминал. В нем могли начаться процессы разложения, учитывая достаточно длительное пребывание тела в душной обстановке. Нам было предоставлено 5 минут от момента прекращения допуска к телу, до момента последнего почетного караула в пустом фойе, в который должны были встать Сталин, Молотов, Жданов и Ворошилов.

Приехали Вайнберг и Витухновский с какой-то жидкостью и мы сделали все что надо.

Мне удалось видеть этот почетный караул в пустом фойе.

Затем гроб вынесли — впереди несли огромный венок от Сталина — и отвезли на Московский вокзал.

Фотограф Ленсовета Булла, который все время во дворце снимал, подарил мне потом большую пачку фотографий. Эти фотографии я храню до сих пор. Должен однако сказать, что часть фотографий я уничтожил. Когда начался период репрессий, когда все секретари райкомов и близкие к Кирову люди были объявлены врагами народа, мои друзья посоветовали мне уничтожить те фотографии на которых были запечатлены эти «враги народа». Все мы тогда ждали ареста и обыска и хранить фотографии «врагов народа» было небезопасно.

Однако меня тогда это миновало — может быть потому что моей подписи на акте Рослякова не было, а может быть чисто случайно.

Как же произошло убийство Кирова, как все это понимали тогда люди стоявшие близко к этим событиям?

Позволю себе изложить коротко то, что мы знали и как понимали события декабря 1934 года.

Существовала традиция согласно которой перед выступлением Кирова в частности в Таврическом Дворце он из дома приезжал в Смольный. Там к этому времени в кабинете Чудова собирались все его соратники — секретари райкомов, председатели райсоветов и другие ответственные работники, которые его ждали и все вместе отправлялись в Таврический Дворец.

В сопровождении своего охранника — Борисова, Киров приехал в Смольный, поднялся по главной лестнице на 3 этаж и пошел на право по корридору, направляясь к своему кабинету. Борисов за ним не пошел, а ушел обратно.

Киров повернул налево в корридор, где были его и Чудова кабинеты (по левой стороне корридора), и подошел к своему кабинету. Надо сказать, что этот корридор был плохо освещен. У двери кабинета стоял Николаев. Надо полагать, что Киров его не заметил, прошел мимо и Николаев выстрелил ему в затылок с очень близкого расстояния. После этого Николаев выстрелил в потолок отбросил пистолет и упал симулируя покушение и на него.

На звук выстрела выбежали все находившиеся в кабинете Чудова и перенесли Кирова в его кабинет положив на стол.

По общему мнению Борисов знал о готовящемся покушении и умышленно оставил Кирова одного.

Такое предположение подтверждается судьбой этого охранника.

Как тогда говорили, когда приехал Сталин, он приказал

привести этого охранника к нему в Смольный, чтобы его допросить. Когда Борисова везли по улице Воинова в Смольный (везли его в открытой грузовой машине), произошла авария на углу улицы Чернышевского и Борисов погиб. Тогда, по общему мнению, это была инсценированная авария и Борисова выбросили из машины головой вниз на асфальт. Это было сделано по указанию руководства НКВД из опасений, что Сталин с его авторитетом, заставит Борисова рассказать истину.

Я не знаю откуда у Юлиана Семенова сведения о том, что Сталин допрашивал Борисова (Веч. Ленинград от 16/IV-88). Мы тогда точно знали, что Борисова до Сталина не довезли.

У всех нас было четкое впечатление, что все это дело рук Ленинградского НКВД.

Разумеется у меня нет никаких доказательств подтверждающих достоверность этой версии, но я абсолютно убежден в ее правильности. Люди, которые об этом говорили, исчезли в период репрессии. Я, наверное, был слишком незначительной фигурой и потому уцелел.

Сегодня обсуждается вопрос о личном участии Сталина в этом убийстве.

Ю. Семенов говорит об его непосредственном участии, а зав. музеем-квартирой Кирова, выступая по телевидению, утверждала, что никаких убедительных данных о причастности Сталина к убийству нет.

Киров был очень умным и проницательным человеком. Я, на партконференциях в Таврическом дворце, слышал, как он говорил о Сталине — с огромным уважением и, я бы сказал, с любовью. Неужели он не смог бы различить в поведении Сталина предательство?

На мой взгляд Киров был очень близким к Сталину человеком, который мешал группе преступников из НКВД (Ягода, Ежов, Берия и другие) влиять на Сталина. Думаю, что он был тем человеком, который не давал проявляться всем отрицательным качествам Сталина.

Кирова убрали — и сразу после этого начались массовые репрессии, уничтожались лучшие части партии, рабочего класса, интеллигенции.

Мне кажется, что следует подумать о психической неполноценности Сталина. Мания величия в сочетании с манией преследования.

Усиленно ходили слухи о том, что академик Бехтерев в свое время поставил Сталину этот диагноз, после чего умер при непонятных обстоятельствах (говорили об отравлении).

У меня лично нет оснований хорошо относиться к Сталину.

В 1954 году я по делу врачей был исключен из партии, уволен с работы в I Л.М.И. и вот-вот должен был быть арестован. Мне предъявили обвинение в том, что я не разоблачил «американского шпиона» академика М. С. Вовси и являюсь чуть ли не резидентом шпионажа по Ленинграду.

Меня не арестовали только потому, что не успели. Умер Сталин. Дело врачей закрыли и я был реабилитирован.

И все-же кажется мне, что нет достаточно убедительных фактов подтверждающих непосредственное участие Сталина в убийстве С. М. Кирова.

Для всех ленинградцев Сергей Миронович Киров был образцом настоящего коммуниста в самом высоком смысле этого слова, необыкновенно ярким человеком, пользовавшийся огромной любовью и уважением.

Его смерть была большим ударом для всех нас, как смерть близкого и дорогого человека.

Хочется надеяться, что эти строчки хоть в чем-нибудь помогут разобраться в этой трагедии.

Доктор медицинских наук
профессор
Ветеран партии, войны и труда Дембо
20/VII.88 г.
АПРФ. Ф. 3. Оп. 113. Д.Б. 8.3.

Основные даты жизни и деятельности С. М. Кирова

1886 г.

15 (27) марта — В городе Уржуме Вятской губернии в семье мещан Костриковых родился сын Сергей

1895 г.

август — Сергей Костриков отдан в дом призрения малолетних детей Уржума — в приют

сентябрь — Сергей Костриков стал учеником Уржумского приходского училища

1897 г.

июнь — Сергей Костриков окончил Уржумское приходское училище

сентябрь — Сергей Костриков переведен для учебы в Уржумское городское училище

1901 г.

июнь — Сергей Костриков окончил курс городского училища август — Сергей Костриков поступает в Казанское низшее механико-техническое промышленное училище

1904 г.

июнь — Сергей Костриков окончил Казанское низшее механико-техническое промышленное училище с наградой первой степени

август — Сергей Костриков приезжает в Томск, поступает на работу чертежником и начинает учебу на подготовительных курсах Томского Технологического института

ноябрь — Сергей Костриков включается в революционную деятельность томской организации социал-демократической рабочей партии

декабрь — Сергея Кострикова вводят в состав Томского подкомитета РСДРП

1905 г.

2 февраля — Первый арест Сергея Кострикова «за участие в неразрешенной противоправительственной сходке». Освобожден, как не достигший 18 лет

декабрь — Сергей Костриков вводится в состав Томского комитета РСДРП

1906 г.

30 января — Второй арест Сергея Кострикова на квартире казначея томского комитета РСДРП. Освобожден под залог

11 июля — Третий арест Сергея Кострикова — за

революционную деятельность и организацию подпольной типографии. Последнее жандармским следователям доказать не удалось

1907 г.

16 февраля — Томским окружным судом Сергей Костриков был осужден по статье 126 Уголовного Уложения России, «как член Томского комитета РСД рабочей партии» на два года тюремного заключения

1908 г.

июль — Сергея Кострикова освобождают из тюрьмы. Он становится нелегальным профессиональным революционером. Ведет работу в Иркутске, Новониколаевске (Новосибирске)

1909 г.

август — Скрываясь от преследования полиции, Сергей Костриков приезжает во Владикавказ. Получает новые документы на имя Миронова

август-сентябрь — Начинается его работа под именем Миронова в либерально-буржуазной газете «Терек». Сначала корректором, потом репортером, затем журналистом

1911 г.

31 августа — Четвертый арест Сергея Кострикова, его этапом отправляют в Томск

1912 г.

16 марта — Состоялся суд над Сергеем Костриковым. по обвинению в организации подпольной типографии. Главный свидетель — пристав — не признал в журналисте Сергее Кострикове человека, которого он арестовывал в 1906 г. За недоказанностью улик Сергей Костриков был освобожден

апрель — Сергей Костриков снова во Владикавказе. Опасаясь преследований, получает по конспиративным каналам социал-демократии новый паспорт на имя Дмитрия Захаровича Корнева. В нем отмечено: «женат, жена — Маркус Мария Львовна»

26 апреля — В газете «Терек» появляется статья «Поперек дороги». Подпись: С. Киров. Литературный псевдоним становится вскоре его фамилией. Под ней он вошел в историю

1917 г.

сентябрь — Во Владикавказе создается Владикавказский Совет. В его состав входит С. М. Киров

4(17) октября — С. М. Киров избирается делегатом на II Всероссийский съезд Советов от Владикавказа и Кабарды

25–26 октября (7–8 ноября) — С. М. Киров в Петрограде, участвует в работе II Всероссийского съезда Советов

4(17) ноября — Сергей Миронович Киров выступает с докладом на заседании Владикавказского Совета о II

Всероссийском съезде Советов

1918 г.

январь — февраль — С. М. Киров в Моздоке принимал участие в работе I съезда народов Терской области. Выступал с речью, был избран членом Терского областного Совета

март — Состоялся II съезд народов Терской области. Киров выступал с речью. Был избран членом Терского областного Совета

май — июль — Первая командировка Кирова в Москву по решению Терского Совнаркома. Цель — получение оружия, помощи, боеприпасов

4–10 июля — Киров по гостевому билету присутствовал на V Всероссийском съезде Советов

конец июля — Киров, сформировав с помощью ЦК РКП(б) и Совнаркома два эшелона с оружием, боеприпасами, медикаментами, покидает Москву

август — сентябрь — Киров ведет революционную работу в Пятигорске, где находился Совнарком Терской области, а также в разных городах Северного Кавказа

октябрь — ноябрь — Вторая командировка Кирова в Москву. Цель — получение помощи для ведения гражданской войны на Северном Кавказе

6–9 ноября — Киров в качестве делегата участвовал в работе VI Всероссийского съезда Советов

ноябрь — декабрь — Киров с эшелоном оружия, деньгами, боеприпасами выезжает на Северный Кавказ. Пробиться в Пятигорск ему не удалось, пришлось взять курс на Астрахань

1919 г.

январь — Киров в Астрахани

25 февраля — По решению ЦК РКП(б) в Астрахани создается Временный революционный комитет. Киров стал его председателем

10–14 марта — Контрреволюционный мятеж в Астрахани, поддержанный определенной частью рабочих. Киров участвовал в его подавлении

апрель — Киров принимает участие в переформировании XI Красной Армии и назначается заведующим одного из политотделов

7 мая — Киров становится членом Реввоенсовета XI Красной Армии июль — август — Киров — член Реввоенсовета Астраханской группы войск

3 августа — На Астраханской губернской партконференции Киров произнес речь, закончив ее словами: «Пока в Астраханском крае есть хоть один коммунист, устье реки Волги было, есть и будет советским»

сентябрь — Киров снова член Реввоенсовета XI Красной Армии

декабрь — XI Красная Армия отбросила от Астрахани белую армию, о чем Киров телеграфировал в Москву Ленину

1920 г.

11 февраля — ЦК РКП(б) учредил Бюро по восстановлению Советской власти на Северном Кавказе. Заместителем председателя Бюро стал Киров

апрель — май — Киров в составе руководства XI Красной Армии участвовал в освобождении Баку

июнь — сентябрь — Киров — полномочный представитель РСФСР в меньшевистской Грузии

октябрь — В составе советской делегации Киров участвовал в заключении мирного договора с Польшей в Риге. В этом же месяце Кирова вводят в состав Кавказского бюро ЦК РКП(б) и отзывают из Риги для работы на Северном Кавказе

1921 г.

март — Киров принимает участие в работе X съезда РКП(б), на котором он был избран кандидатом в члены ЦК РКП(б)

апрель — Вместе с Орджоникидзе и Сталиным Киров участвовал в работе Учредительного съезда Горской АССР во Владикавказе

июль — Кирова направляют на работу в Азербайджан, где его избирают первым секретарем ЦК Компартии Азербайджана

1923 г.

25 апреля — На XII съезде РКП(б) Киров избран членом ЦК РКП(б)

1925 г.

18–31 декабря — Киров участвует в работе XIV съезда ВКП(б). В период работы съезда с группой его делегатов выезжает в Ленинград для разъяснения позиции ленинградской делегации на съезде

1926 г.

5 января — По решению ЦК ВКП(б) в составе группы делегатов Киров выезжает в Ленинград для разъяснения ошибочных позиций «новой оппозиции» на съезде

8 января — На пленуме ленинградской губернской организации ВКП(б) Киров избирается первым секретарем губкома ВКП(б) и решением ЦК назначается секретарем Северо-Западного Бюро ЦК ВКП(б)

10–13 февраля — На XXIII губернской чрезвычайной конференции Киров избирается первым секретарем Ленинградского губкома ВКП(б)

14–20 июля — Киров участвовал в работе объединенного

Пленума ЦК ВКП(б). Избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП(б)

1927 г.

ноябрь — Состоялась 1-я областная партийная конференция, которая избрала областной комитет ВКП(б). Первым секретарем областного комитета ВКП(б) был избран С. М. Киров

1930 г.

26 июня — 13 июля — Состоялся XVI съезд ВКП(б). Киров был избран членом Политбюро ЦК ВКЩб)

1931 г.

3 декабря — Принято решение ЦК ВКП(б) и Совнаркома о выделении Ленинграда в самостоятельную административную единицу (на правах области) и о реконструкции и социалистическом преобразовании города

12 декабря — Состоялась 1-я Ленинградская городская конференция, которая избрала горком партии. Первым секретарем Ленинградского горкома был избран С. М. Киров, вторым — М. С. Чудов

1934 г.

26 января — 10 февраля — Состоялся XVII съезд ВКЩб). Киров выступил на съезде с речью. Был избран членом ЦК, Политбюро, Оргбюро и секретарем ЦК ВКЩб) с оставлением на работе первым секретарем Ленинградских обкома и горкома партии

конец июля — август — Киров находился на отдыхе в Сочи вместе со Сталиным и Ждановым

3 сентября — Киров по решению ЦК ВКП(б) выехал в Казахстан

30 сентября — Киров вернулся из Казахстана

25–28 ноября — В Москве состоялся Пленум ЦК ВКП(б), на котором присутствовал Киров

29 ноября — Киров возвращается в Ленинград

30 ноября — С. М. Киров готовится к докладу, который он должен был сделать на партийном активе во Дворце Урицкого (ныне Таврический дворец) 1 декабря 1934 г. в 18 часов

1 декабря — В 16 часов 30 минут Сергей Миронович Киров был убит в здании Смольного

notes

Примечания

1

Уржум — уездный город Вятской губернии. В 1886 году в нем насчитывалось 5 тыс. жителей. Промышленности не имел. Была широко развита торговля хлебом, кожами, мясом, салом. Распространен извоз (перевозка груза на лошадях), т. к. город находился вдали от железных дорог. Уржум — место ссылки лиц, осужденных за политическую деятельность в разных регионах страны.

2

Киров и время. Л., 1986. С. 16. Фотография церковной метрики Кирова; Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-III-79. Паспорт ЛА № 299970. Выдан 25 января 1933 г. За подписью Петерсона.

3

Голубева А. Мальчик из Уржума; *Кострикова А. М., Кострикова Е. М.* Это было в Уржуме; *Верхотин К. В.* По кировским местам Уржума.

Синельников С. С. Киров. М., 1964. С. 8

5

Клюкин В. И. Мальчик из Уржума — Радуга над Вяткой. М., 1986. С. 122–123; *Ефимов Н. А.* Сергей Миронович Киров // Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 50.

6

В. И. Клюкин ошибается в дате смерти мужа Меланьи Авдеевны, заявляя, что он погиб в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Он умер или погиб — точно неизвестно — на Кавказе в 1854 году.

7

Арбузова Н. Откуда родом Костриковы. В исследовании родословной Кирова автору данной книги оказал помощь кировчанин В. Любимов, изучавший эту тему в Центральном государственном архиве Удмуртской АССР.

8

Музей С. М. Кирова в Уржуме. Экспозиция.

9

Там же.

10

Там же.

11

Могилы Костриковой Екатерины Кузьминичны, ее мужа — Мирона Ивановича и его матери Меланьи Авдеевны автор книги посещал на Уржумском кладбище в 1990 году. Тогда они находились под государственной охраной.

12

Кострикова Анна Мироновна умерла 25 сентября 1966 г. Более 30 лет проработала сельской учительницей. Похоронена в Уржуме. Верхотина (урожд. Кострикова), Елизавета Мироновна скончалась 31 декабря 1966 г. Похоронена в Уржуме. Сначала работала библиотекарем, потом учительницей. Племянник Кирова — Верхотин Константин Васильевич, жил в г. Кирове, умер. Племянница — Верхотина Эмилия Васильевна, проживала в Лебяжском районе Кировской области. Умерла.

13

Музей С. М. Кирова в Уржуме. Экспозиция. Подлинник.

14

Там же.

15

Там же.

16

Там же; *Голубева А.* Мальчик из Уржума. Л., 1984. С. 110.

Там же; *Голубева А.* Мальчик из Уржума.

Цит. по: Киров и время. Л., 1986. С. 18.

19

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-V-39. Воспоминания А. К. Глушковой. 1935. Л. 12.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 50.

21

Там же.

22

Музей С. М. Кирова в Уржуме. Экспозиция; Киров и время. С. 21.

23

Цит. по: Киров и время. С. 26; ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 18, л. 1об.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 50.

25

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 18, л. 2; Киров и время. С. 27.

Там же. С. 29–30.

27

ЦГАОР, ф. ДП-VII, д. 9889, л. 1, 2, 3; д. 3071, л. 2, д. 1288, л. 51, 52.

28

ЦГАОР Москва, ф. ДП-VII, д. 3074, л. 2.

Киров С. М. Избранные статьи и речи. М., 1939. С. 694.

30

Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 440–441; *Синельников С.* Киров. 1964. С. 251; Анкета делегата X съезда РКП(б), заполненная лично Кировым. ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 18.

31

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф-III-163, ф.-III-167.

Дубровин В. Б. Повесть о пламенном публицисте. Л., 1969. С. 22, 27, 37.

Терек. 1910, 6 апр.; 1911, 29 мая.

См. например: Терек. 1910, 9 нояб.; 1912, 29 мая.; 1915, 7 июня; 1916,15 и 26 апр.; Киров и время. С. 47.

С. М. Киров. Письма из тюрьмы // Юность. 1964, № 11. С. 75.

Красная новь. 1939, № 10–11. С. 154.

37

Терек, 1913, 7 сент.

38

Терек, 1912, 3 нояб.

Терек. 1914, 25 сент, 17 и 22 окт.; 1916, 2 марта и 28 июня.

Дубровин В. Б. Повесть о пламенном публицисте. Л., 1969; *Синельников С. С.* Киров. М., 1964*; Долунянц Г. К.* Киров на Северном Кавказе. 1973; и др.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 52.

42

Терек. 1917, 5,6, 9 и 12 марта.

Терек. 1917, 24,26 марта; 1917, 6, 7 мая.

44

Терек. 1909, 5 ноября.

45

Все письма цитируются по журналу «Юность». 1964, № 11.

46

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 12, л. 1.

47

Музей С. М. Кирова в С.-Петербурге. Ф.-III-1245. Фотокопия, л. 1.

48

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 12, л. 2, 2об.

49

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 12, л. 6.

50

Музей С. М. Кирова в С.-Петербурге. Ф.-III-1245. Фотокопия, л. 2.

51

ЦПА, ф. 80, оп. 1, д. 14, л. 1–6.

52

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-У-449, с. 1; Ф.-У-651а, с. 5.

53

Гудок. 11 апреля 1989; Сельская жизнь. 1990,23 сент.; Вопросы истории. 1995, N9 11–12: С. 51.

54

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-У-449, с. 1–5; Ф.-1366. Анкета С. Л. Маркус заполнена собственноручно 8 октября 1939 г.

Долунц Г. К. Киров на Северном Кавказе. М., 1973. С. 18.

56

Киров С. М. Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 9. Под Временным Революционным Комитетом Киров, вероятно, имел в виду Петроградский Военно-революционный комитет — орган Петроградского Совета, созданный им для практической вооруженной борьбы против Временного правительства. 12(25) октября Президиум Петросовета утвердил положение о ВРК.

57

Киров С. М. Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 9. II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил 25–27 октября (7–9 ноября) 1917 г. в Смольном. ВРК практически прекратил свое существование в конце ноября, после передачи всей полноты власти Совету Народных Комиссаров.

Там же. С. 12.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 53.

Киров С. М. Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 12.

Киров С. М. Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 15, 18.

Борьба за Советскую власть в Северной Осетии. Сборник документов и материалов. Орджоникидзе, 1972. С. 98–100; *Киров С. М.* Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 18.

Киров С. М. Статьи и речи. Т. 1. 1912–1921. С. 20.

Там же. С. 39.

См., например, Народная власть. 1918, 11 апр.

ЦПА, ф. 80, оп. 2, д. 13, л. 1.

67

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 3, л. 1.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 53.

69

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 3, л. 2.

70

Освобождение труда. 1918, 1 июля.

71

Там же.

72

Стопани А М. (1871–1932). Член партии с 1893 г. Участник И съезда РСДРП. За участие в первой русской революции был выслан на Урал. После Октября 1917 г. занимал ряд постов в советском государственном аппарате. Похоронен в Кремлевской стене.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 53.

Цит. по: Киров и время. С. 73

75

Орджоникидзе Г. К. Статьи, речи. Т. 1. С. 66; Киров и время. С. 70.

Ленин В. И. ПСС. Т. 50. С. 205.

Там же. С. 219.

Там же. С. 219.

Очерки истории Астраханской областной организации КПСС. Изд. 2-е. Волгоград, 1985. С. 180.

Там же. С. 181.

81

Цит по: Киров и время. С. 71

82

Коммунист. 1919, 23 февраля; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Астрахань — Волга. Ч. 1. 1960. С. 118.

83

Коммунист. 1919, 23 февраля; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Астрахань — Волга. Ч. 1. 1960. С. 155.

Там же. С. 156.

85

Коммунист. 1919, 23 февраля; Борьба за власть Советов в Астраханском крае (1917–1920 гг.). Документы и материалы. Астрахань — Волга. 1960. Ч. 2. С. 169, 176, 179(?); *Киров С. М.* Статьи, речи и документы. М., 1936. С. 134.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 55.

87

Цит. по: История гражданской войны в СССР. Т. 3. М., 1958. С. 295.

Там же. С. 296.

Ленин В. И. ПСС. Т. 28. С. 37.

Деникин А. И. Поход на Москву («Очерки русской смуты»). М., 1989. С. 259.

Там же. С. 260–261.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 204.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 50–51.

Мельгунов С. П. Красный террор в России. 1918–1923. М., 1990. С. 48

Там же. С. 16.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 55–56.

97

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 8, л. 9.

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 4, л. 3.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 56

100

Речь вдет о разрушении железнодорожного полотна Астрахань — Самара.

101

Киров С. М. Статьи и речи (1912–1921). М., 1935. С. 81–82.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 56.

103

Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1989. С. 552.

Кара-Мурза С. Не единожды солгав // Завтра. № 46 (363). 2000, ноябрь. С. 6.

Шульгин В. В. Что нам в них не нравится. СПб., 1992. С. 149.

106

Киров С. М. Статьи и речи (1912–1921 г.). М., 1935. Т. 1. с. XXXIV.

107

Красников С. В. Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность. М., 1964. С. 84.

108

Там же.

109

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 7. С. 386.

Киров С. М. Статьи и речи (1912–1921 г.). М., 1935. С. 82.

111

В этом и всех последующих документах сохранены орфография и синтаксис оригинала.

112

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 1, л. 85.

113

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 1, л. 86, 86об.

114

ЦПА, ф. 80, оп. 3. д. 4, л. 2.

115

ЦПА, ф. 80, оп. 3 д 1, л 108–112.

116

Мэсси Р. Николай и Александра. Роман-биография. М.: Интерпракс, 990. С. 184–187; *Евреинов Н. Н.* Тайна Распутина. Л.: «Былое», 1924, С. 6–7; *Лакер У.* Черная сотня. Происхождение русского фашизма. Пер. с англ. М.: Текст», 1994. С. 94.

117

Правильно — «Гуммет».

118

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 47, л. 1–2.

119

Киров и время: Альбом / Авторы текста А. А. Кирилина, И. П. Донков. Л., 1986. С. 82.

120

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 4, л. 28.

121

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. Росспэн., 1996. С. 115.

Там же. С. 117.

123

Ленин В. И. ПСС. Т. 51. С. 335.

124

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. С. 119.

125

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. С. 120.

Ленин В. И. ПСС, т. 51. С. 42.

127

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 4, л. 7, 8,10, 81, 81об; д. 1, л. 13.

Ленин В. И. ПСС, т. 51. С. 158.

129

Там же. С. 178.

130

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. С. 121.

131

Директивы командования фронтов Красной Армии (1917–1922 гг.): Сборник документов в 4-х томах. Т. 3. С. 310.

132

Очерки истории Коммунистической партии Азербайджана 1963 С. 327–328.

133

ЦГАОР, ф. 130, оп. 4, д. 496, л. 31; Киров и время. С. 86.

134

Борьба за победу Советской власти в Азербайджане. Документы и материалы. Баку, 1967. С. 477.

135

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. С. 122–123.

Ленин В. И. ПСС. Т. 41. С. 119.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 56–57.

138

Там же. С. 57.

139

ЦПА, ф. 80, оп. 3, д. 1, л. 22.

Там же. Л. 13

141

Большевистское руководство. Переписка. 1912–1927 гг. С. 124.

Там же. С. 125.

143

Там же. С. 126; Из истории гражданской войны в СССР. Т. 3. С. 512.

144

Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 8. С. 607.

145

Там же.

Цит. по: Киров и время. С. 91.

147

Там же. С. 87.

148

Деятели СССР и революционного движения России: Энциклопедический словарь «Гранат». М., 1989. С. 441–442.

149

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 57.

150

Уездный комитет.

151

Цит. по: Киров и время. С. 108–109.

152

ЦПА, ф. 80, оп. 6, д. 49, л. 1–2.

153

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Фонд. Копии протоколов.

154

ЦПА, ф. 80, оп. 6, д. 49, л. 1.

155

Элиста.

156

ЦПА, ф. 80, оп. 6, д. 20, л. 3, 3об, 4.

157

Жена А. П. Серебровского.

158

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 34. л. 31.

159

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 34. л. 33.

160

Бюллетень XXI конференции Ленинградской организации ВКП(б), № 1, 1925, *26* янв. Л., Прибой: С. 11.

161

Там же, С. 13

162

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. ГИЗ. М.; Л., 1926, С. 503.

163

Бухарин Н. И. Избранные произведения. Политиздат, 1988. С. 136.

Там же. С. 142.

Зиновьев Г. Ленинизм. ГИЗ, 1926, с. 247–248.

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). С. 280.

167

Стенографический отчет XXII конференции Ленинградской губернской организаций РКП(б). Бюллетень № 1. С. 14.

Ответственный организатор — так тогда в Ленинграде называли секретарей парторганизаций.

169

Стенографический отчет XXII конференции Ленинградской губернской организаций РКП(б). Бюллетень № 1. С. 18.

Там же. Бюллетень № 2. С. 18–19.

171

Там же. С. 16–17.

172

XIV съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. ГИЗ. М.; Л., 1926. С. 361–362, 282.

173

ЛПА, коллекция личных дел, № 824790, л. 6, 6об, 15, л. 8.

Троцкий Л. Д. Моя жизнь. 1932, Ч. II. С. 197

175

Известия ЦК КПСС, 1989, № 11. С. 492

176

Ленинградский партийный архив (в дальнейшем — ЛПА), ф. 9, оп. 1, д. 139, лл. 48–50.

177

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 157, л. 89.

178

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 1108, л. 100.

179

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 157, л. 92.

180

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 127, л. 1.

181

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 161а, л. 54.

182

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 1108, л. 90.

183

Центральный партийный архив (ЦПА), ф. 558, оп. 1, д. 2751, л. 37–39.

184

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 167, л. 9–11.

185

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 139, л. 2.

186

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 1145, л. 189, 189об.

187

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 139, л. 9.

188

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 20, л. 1.

189

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 20, л. 4.

190

ЛПА, ф. 16, оп. 1, д. 167, лл. 67–69.

191

ЦПА, ф. 80, оп. 25, д. 8, л. 1–2.

192

Имеются документы, что в 1924 году Кирова хотели послать на работу в Ташкент, но категорически Москве возразил Орджоникидзе — один из руководителей Закавказской Федерации — ЦПА Ф-80, оп. 25, д. 6, л. 1; ф. 85, оп. 25, д. 42, л. 1.

193

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 55, л. 1; С. 7. *Кирилина А.* Киров известный и неизвестный // Аврора, 1989, № 10.

Аврора. 1989, № 10. С. 8.

195

Политическое самообразование. 1986. № 18. С. 49; ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 56, л. 2.

196

Кирилина А. С. М. Киров. Год первый и год последний // Политическое самообразование. 1986, № 18. С. 49; ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3260, л. 1.

197

Там же; ЦПА, ф. 85, оп. 25, д. 118, л. 1–2.

198

ЦПА, ф. 85, оп. 25, д. 119, л. 1–2.

199

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 40, л. 2–3; *Кирилина А.* Киров известный и неизвестный // Аврора. 1989, № 10. С. 9.

Ефимов Н А. Сергей Миронович Киров // Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 58.

201

Первая Ленинградская областная конференция ВКП(б), 15–19 ноября 1927 года. Стенографический отчет. Л., 1927. С. 27–28.

Киров С. М. Избранные сочинения. М., 1957. С. 488.

203

Борьба пролетариата. 1941, № 3. С. 14–15.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 58.

205

ЦПА, ф. 80, оп. 15, д. 44, л. 1–2.

206

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 887, л. 3–4.

207

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 898, л. 4,14.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. М.: Росспэн, 1996. С. 28.

209

Система исправительно-трудовых лагерей в СССР. 1923–1960. Справочник. М., 1998. С. 162; ГАРФ, ф. 9414, оп. 1, д. 2920, л. 178; д. 2740, л. 1–8, 14, 21.

210

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 740, л. 3–4.

211

ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 65, л. 5.

Там же. Л. 1.

213

ЦПА, ф. 80, оп. 13, д. 12, л. 1, 3.

214

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 30, л. 1–3

215

Наш Мироныч. Воспоминания о жизни и деятельности С. М. Кирова в Ленинграде. Сост.: М. В. Росляков и В. М. Иванов. Л, 1969. С. 190–191.

Киров С. М. Избранные статьи и речи. М., 1944. С. 273.

217

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 907, л. 5, 10.

218

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 911, л. 2.

Вопросы истории. 1995, № 11–12. С. 61.

Научно-исследовательский институт торфа

221

ЦПА, ф. 80, оп. 17, д. 64, л. 23.

222

ЦПА, ф. 80, оп. 17, д. 64, л. 1–2.

223

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 64, л. 1–2.

224

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 64.

225

Наш Мироныч… С. 39

226

Кавтарадзе Сергей Иванович (1885–1971 гг.). Член партии с 1903 г. Один из руководителей борьбы за советскую власть в Закавказье. В 1922–23 гг. председатель СНК Грузинской ССР; ЦПА, ф. 80, оп. 7, д. 28, л. 2.

227

ЦПА ф. 80, оп. 7, д. 28, л. 2.

Бюллетень объединенной V областной и III городской Ленинградской конференции ВКП(б). Партиздат. 1934, № 3. С. 13.

229

Там же. № 4; С. 21.

Там же. № 3; С. 21.

231

ЛПА, ф. 24, оп. 1–6, д. 388, л. 251.

232

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 65, л. 1–2.

233

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 150, л. 1.

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 108, л. 6–15.

235

ЦПА ф. 80, оп. 18, д. 31, л. 30, 36.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф. III—414.

Красная звезда. 1988, 12 нояб.

Шапошникова Л. К. — жена М. С. Чудова, зав. организационным отделом Выборгского райкома ВКП(б). Расстреляна в 1939 г.

239

Зимин — начальник облторга. С конца 1934 г. — полномочный Наркомата легкой промышленности.

240

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 63, л. 1–4.

241

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 134, л. 1.

Ленинградская правда, 1989, 1 дек.

243

ЛПА. Коллекция личных дел. № 639977.

244

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 16, л. 3.

Ленинградская правда, 1989,1 дек.

246

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 34, л. 199.

247

ЛПА. Коллекция личных дел. № 428914.

Правда, 1929 г., 4 сентября.

Хлевнюк О. В. Политбюро. Механизмы политической власти в 1930-е годы. С. 120.

250

Правда, 1929, 3 сентября.

251

Иосиф Сталин в объятиях семьи. Документы русской истории. Из личного архива. Библиотека журнала «Источник». С. 22–24.

ЛПА. Коллекция личных дел. № 548655, № 485851.

Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 120.

254

ЦПА, ф. 80, оп. 12, д. 52, л. 96.

255

Правда. 1929, 2 дек.

Реабилитация. Политические процессы 30–50-х годов. С. 36, 421.

Хлевнюк О. В. Указ. соч. С. 121.

258

Бюллетень IV объединенной областной и (II) городской конференции ВКП(б). № 4, 1932 г. С. 14.

С. М. Киров и ленинградские коммунисты 1926–1934 гг. Сост. А. А. Киша и Ю. А. Липилин. Л., 1986. С. 272.

260

ЦПА, ф. 80, оп. 15, д. 92, л. 23

261

Там же. Л. 24

Наш Мироныч. С. 131–136.

263

ЦПА, ф. 80, оп. 11, д. 22, л. 38

Там же, оп. 12, д. 37, л. 1–3.

265

ЦПА, ф. 80, оп. 42, д. 1–1об.

Ленинградская правда, 1989 г., 31 августа.

267

С. М. Киров и ленинградские коммунисты. С. 256.

268

ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 63, л. 65.

269

Ленинградская правда, 1989, 1 дек.

Там же.

271

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 762, л. 1.

Всесоюзный институт экспериментальной медицины.

273

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 757, л. 10–11.

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 757, л. 19.

Вечерний Ленинград, 1989 г., 26 мая.

276

ЛПА ф. 24, оп. 2-в, д. 80, л. 2–5.

277

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 5.

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 6.

279

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 6.

280

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 6.

281

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 7.

282

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 7.

283

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 7.

284

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 7.

285

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 7.

286

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 257, л. 14.

287

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 257, л. 14.

288

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 9.

289

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 9.

290

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 5.

291

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 10.

292

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 10–11.

293

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 11.

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 14.

295

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 14.

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 15.

297

Так в тексте. Правильно — Резерфорду.

298

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 15.

299

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 13.

300

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 13.

301

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 850, л. 23.

302

ЛПА, ф. 80, оп. 2-в, д. 850, л. 26–28.

303

Дворцовая площадь С.-Петербурга.

304

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 757, л. 2.

305

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 757, л. 1.

306

Дмитрий Богров — убийца П. А. Столыпина.

307

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 34, л. 16–17.

308

ЦПА, ф. 80, оп. 10, д. 34, л. 20.

309

ЦПА, ф. 80, оп. 11, д. 43.

Тираж «Красной летописи» — 3000.

311

ЦПА, ф. 80, оп. 11, д. 22, л. 44–46.

312

ЦПА, ф. 80, оп. 12, д. 23.

313

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф. 1173.

314

ЦПА, ф. 80, оп. 17, д. 64, л. 43–44, 52–54.

315

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф. 354.

316

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 757, л. 10–11.

317

Ленинградская правда, 1989, 1 дек.

318

Имеется в виду колхоз.

319

ЦПА, ф. 80, оп. 14, д. 80, л. 8–10.

320

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 121, л. 198.

321

ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 63, л. 39–40.

322

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 26, л. 1–4.

323

ЦПА, ф. 80, оп. 12, д. 13, л. 1–6.

324

XVI Всесоюзный съезд Коммунистической партии (б): Стенографический отчет. 1930 г. С. 159.

Там же. С. 109, 119, 136.

По-видимому, речь идет о С. И. Сырцове и В. Ломинадзе.

327

Сталин и Ворошилов.

Ленинградская правда. 1989, 1 дек.

Аврора. № 10. 1989. С. 11.

330

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 135, л. 1–26.

331

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 64, л. 3.

Земсков В. Н. Спецпоселенцы (по документации НКВД-МВД СССР) // Социологические исследования. 1990, № 1. С. 3–4.

Аврора, № 10, 1989. С. 12.

334

Промышленная выставка открылась в январе 1934 г.

335

Техническая пропаганда.

336

ЦПА, ф. 80, оп. 15, д. 92, л. 37–39.

По-видимому, имеется в виду Сталин.

Ленинградская правда, 1989, 1 дек.

Аврора, № 10, 1989. С. 13.

340

Люди, лишенные избирательных прав.

341

ЦПА, ф. 80, оп. 16, д. 63, л. 37–39.

342

В те годы существовала жесткая карточная система.

343

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3101.

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3101.

345

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3113.

346

ЛПА, ф. 9, оп. 1, д. 1035, л. 37.

Аврора, № 10, 1989. С. 14.

Ленинградская правда. 1934, 2 дек.; Правда. 1934, 2 дек.

349

Там же.

Росляков М. В. Как это было // Звезда. 1989, № 7. С. 84–85.

351

ЛПА. Коллекция личных дел. № 233018.

Л. В. Николаев не симулировал невменяемость, а находился в состоянии истерического шока. Он работал в аппарате обкома ВКП(б) с мая по август 1932 г.

353

Ленинградская правда. 1934, 3 дек.

ЛПА. Коллекция личных дел. № 635543.

355

Убийство в Смольном. Документы. Публикация Мурина // Родина. 1995, №Ю. С. 65.

Фамилия и имя оперуполномоченного изменены тогда по его просьбе. Настоящая фамилия — Райхман Л. М.

357

Пушкарев Борис, председатель исполнительного бюро НТС. Народно-трудовой союз о своем прошлом, задачах, идеологии // Родина. 1992, № 10. С. 8.

Ленинградская правда. 1934, 22 дек.

359

М. Фриновский — один из заместителей наркома НКВД СССР.

Архив автора книги.

361

Народно-трудовой союз о своем прошлом, задачах, идеологии // Родина. 1992, № 10. С. 8.

Орлов А. Тайна сталинских преступлений. Нью-Йорк, 1953. С. 19.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 15.

364

Социалистический вестник. 1934, 20 дек. № 23–24. С. 22.

365

ЛПА, ф. 1052, оп. 2, д. 952, л. 2–4.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 15.

367

Мурманск входил тогда в состав Ленинградской области.

368

ЛПА, ф. К-598, оп. 1, д. 5343 г., л. 11.

369

ЛПА, ф. 24, оп. 2в, д. 727, л. 341.

ЛПА, ф. К-598, оп. 1, д. 5343, л. 14, 17.

Вестник Верховного Суда. 1991, № 5. С. 15.

372

Социалистический вестник. 1934, 20 дек., № 23–24. С. 23.

373

ЛПА, ф. 24, оп. 42, д. 14, л. 64.

ЛПА, ф. 24, оп. 42, д. 23, л. 19.

Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-пресс, 1999. С. 376.

376

Н. С. Хрущев в 1934 году — секретарь Московского горкома ВКП(б).

Хрущев вспоминает. Лондон: Прогресс, 1971 С. 79–80.

Орлов А. Указ. соч. С. 32.

Конквист Роберт. Большой террор. Эрмитаж, 1974. С. 94–95.

Конквист Р. Сталин и убийство Кирова. Нью-Йорк, 1980. С. 125–126.

Антонов-Овсеенко А. Портрет тирана. Нью-Йорк, 1980. С. 125–126

382

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 984, л. 33; д. 988, л. 5.

383

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Фонды — 024.

384

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 80, л. 5.

385

Документы русской истории. Иосиф Сталин в объятиях семьи. Из личного архива. М., Росспэн. С. 164.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф-V-0375, л. 48–50.

387

Там же. Ф-V-293, л. 4–5.

Там же. Ф-1V-551, V-298, л. 14–15.

389

Там же. Ф-V-298, л. 14–15; V-287, л. 89.

390

М. Ф. Федорова рассказывает о последнем своем визите к Кирову в 14 часов 30 минут.

391

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф. 209, л. 11–13.

Ракитянский Я. Нежелательный свидетель // Независимая газета. 1994, 1 дек.

393

ЛПА. Коллекция личных дел. № 31010.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф-V-552, л. 45.

395

Музей С. М. Кирова. Выставка 1994 г. Экспозиция.

Вопросы истории. 2000, № 2. С. 34.

397

Росляков М. В. Как это было // Звезда. 1989, № 7. С. 85; ЛПА, ф. 4000, оп. 17, д. 457, л. 3–4.

Жуков Ю. Н. Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова //Вопросы истории. 2000, № 2. С. 35.

399

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 7; ЛПА, ф. 24, оп. 3, д. 40.

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000,№ 2. С. 34.

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 35.

Замечу, доктору юридических наук следовало бы знать: Вышинский в 1934 году еще не был прокурором СССР, а был зам. прокурора, утвержден в качестве прокурора он только 3 марта 1935 года.

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000, М 2. С. 36.

Ленинградская правда. 1987, 1 дек.

405

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в.

406

То есть в 22 ч. 55 м.

407

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-III-293, л. 1–4.

Там же. Ф. 294.

409

Цит. по статье-интервью с А. Г. Дембо // Смена. 1989, 11 июля.

Зенькович Н. Тайны уходящего века. Власть. Распри. Подоплека. М.: Олма-пресс, 1998. С. 54.

411

Смена. 1989, 11 июля.

ЛПА Коллекция личных дел. № 521059.

413

Советская культура. 1989, 15 авг.; ЛПА, ф. 4000, оп. 17, д. 456а.

Родина. 1995, № 10. С. 62.

415

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 955, л. 19.

416

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 36, л. 2–4.

417

ЛПА, ф, 24, оп. 2, д. 100, л. 1.

Там же. Л. 2–6.

419

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 99, л. 3.

Там же. Л. 4.

421

Там же.

422

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 96, л. 9–10.

Воспоминания А. К. Тамми, записанные автором.

424

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 96, л. 1–3.

Иосиф Сталин в объятиях семьи… С. 164–165.

Там же. С. 166.

Ленинградская правда. 1934, 6 дек.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-0241,

429

Ленинградская правда. 1934, 6 дек.

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 96, л. 74.

431

Ленинградская правда. 1934, 16 дек.

432

Правильно: Михайльченко Александр Дмитриевич, 1899 года рождения, член партии с 1930 г.

Воспоминания Граковой записаны автором.

Конквист Р. Сталин и убийство Кирова. С. 6; *Антонов-Овсеенко А.* Портрет тирана. С. 121–122.

435

ЦГАОР, ф. 3178, оп. 14, д. 2337, л. 1–2.

Там же. Ф. 1963, оп. 180, д. 536, л. 83–85, 867.

437

Там же. Ф. 3178, оп. 14, д. 2337, л. 1–2; ЛПА. Коллекция личных дел, № 635543.

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 40.

439

ЦГАОР, ф. 8, оп. 2, д. 4290, л. 4; ЛПА Коллекция личных дел, № 13821, 272754.

ЛПА, К-630, оп. 1, д. 101, л. 24–25.

441

Там же. Л. 39–40.

442

ЛПА, ф. 36, оп. 1, д. 350, л. 1; д. 347, л. 210; ф. 2, оп. 1, д. 1311, л. 258.

443

ЛПА, ф. 36, оп. 1, д. 3, л. 34,47, 91.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 18.

445

ЛПА, ф. 36, оп. 1, д. 6, л. 6.

Красная звезда. 1988, 12 ноября.

447

ЛПА, ф. К-494, оп. 1, д. 89, л. 12; ф. 1515, оп. 34, д. 266.

Там же. Д. 90, л. 27–28.

449

ЛПА, ф. К-601, оп. 58, д. 93.

Ленинградский губернский комитет.

451

ПА, ф. К-494, оп. 1, д. 90, л. 5; д. 91, л. 8–9; ф. 494, оп. 1, д. 89.

452

ЛПА. Коллекция личных дел, № 187431; 164507; ф. К-494, оп. 1, д. 102, л. 1.

453

ЛПА, ф. 432, оп. 1, д. 4215, л. 17.

Родина. 1989, Ms 1. С. 71.

455

ЛПА Коллекция личных дел, № 635543; ф. К-630, оп. 1, д. 8, л. 8–10; ф. К-630, оп. 1, д. 101, л. 24, 40; ф. 494, оп. 1, д. 90, л. 89; ф. 36, оп. 1, д. 6, л. 6; ф. 2, оп. 1, д. 1311, я. 258; ф. 36, оп. 1, д. 352, л. 3; ф. 4000, оп. 1, д. 26, л. 66, 74.

456

ЦГАОР, ф. 1027, оп. 3, д. 17, л. 335.

457

ЛПА, ф. 1237, оп. 2, д. 93, л. 48–49.

Родина. 1989, № 1. С. 72; ЛПА, ф. 4000, оп. 1, д. 2, л. 66.

459

Ленинградская правда. 1990, 1 дек.; *Кирилина А.* Рикошет. Л., 1993. С. 43–44; ЦГАОР. Ф. 1957, оп. 2, д. 127, л. 13, 21,30.

ЛПА, ф. 1273, д. 726, ф. 563, д. 713, л. 304.

461

Ленинградская правда 1990, 1 дек.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 18.

463

ЛПА, ф. 24, оп. 3, д. 284, л. 53, 54, 59; Коллекции личных документов.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 18.

465

Там же.

466

В Верховном Суде СССР. Постановление Пленума по судебным делам от 30 ноября 1990 г.

467

Из записи беседы автора с оперуполномоченным СПО УНКВД по Ленинграду в 1934 г.

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 36, 40.

469

Там же. С. 40.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 18.

471

Смена. 1990, 1 дек.

472

ЛПА. Коллекция личных дел. № 238569; ф. 24, оп. 2, д. 76, л. 36.

473

ЛПА, ф. 563, д. 713, л. 303–304.

В это время существовала жесткая карточная система, но для ответственных работников действовали определенные привилегии по снабжению. Николаев ими пользовался.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 17.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 17.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 6. С. 19.

Там же. С. 18.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 17.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 18.

481

ЦГАОР, ф. 8131, оп. 11, д. 117, л. 223.

Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. С. 376.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 6. С. 19.

Там же.

485

А. Орлов в своей книге «Тайна сталинских преступлений» допускает ошибку, заявляя, что начальником Управления НКВД стал Миронов.

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 99, л. 75; ф. 24, оп. 2, д. 37, л. 1–3.

487

По-видимому, автор имеет в виду труд А Антонова-Овсеенко «Портрет тирана».

ЛПА Коллекция личных дел. № 220015.

489

ЛПА, ф. 1051, оп. 2, д. 100, л. 138–139.

490

Шитик Ольга — секретарь одного из отделения НКВД. Кооператив «Красная Звезда» — шифр этого учреждения.

491

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 86, л. 13–18.

492

ЛПА, ф. 24, оп. 3, д. 411, л. 1; Коллекция личных дел. № 557061.

493

Бузинов В. Миф о зеленой лампе // Ленинградская панорама. 1989, № 6. С. 34–35.

ЛПА Коллекция личных дел. № 557061.

495

ЛПА. Коллекция личных дел. № 544272.

Бузинов В. Миф о зеленой лампе // Ленинградская панорама. 1989, № 6. С. 34–35.

Седов Ю. И. Безвинно казненные // Труд. 1990, 4 дек.

Родина. 1995, № 10. С. 65.

499

Воспоминания Попова — бывшего оперуполномоченного отдела СПО УНКВД по Ленинградской области, записанные автором // Родина. 1989, № 1. С. 73.

Седов Ю. И. Указ. статья //Труд. 1990, 4 дек. Замечу, что Котолынов действительно входил в «новую оппозицию». Шатский поддерживав многие взгляды Троцкого.

Седов Ю. И. Указ. статья // Труд. 1990, 4 дек.

Седов Ю. И. Указ. статья // Труд. 1990, 4 дек.

503

Жуков Ю. Н. Указ. соч. // Вопросы истории. 2000, № 2. С 38.

Там же. С. 39.

505

Бюллетень оппозиции. № 42. 1935, февр.

506

Ленинградская правда. 1934, 27 дек.

Родина. 1989, № 1. С. 73–74.

Постановление № 2182–90 Пленума Верховного Суда СССР от 30 ноября 1990. С. 6.

509

Ленинградская правда. 1934, 27 дек.

510

ЛПА. Коллекция личных дел. № 25478.

511

7 ноября 1927 г. — в дни Октября — в Ленинграде троцкистско-зиновьевская оппозиция сделала попытку организовать свою демонстрацию под антисталинскими лозунгами.

512

ЛПА. Коллекция личных дел. № 221016; ф. 24, оп. 42, д. 31, л. 88.

513

ЛПА, ф. 563, оп. 499, д. 40, л. 56–60; Коллекция личных дел. № 26363

514

ЛПА Коллекция личных дел, д. 24, оп. 2-в, д. 779, л. 51–52.

515

ЛПА. Коллекция личных дел.

516

ЛПА. Коллекция личных дел. № 78–8745.

517

ЛПА. Коллекция личных дел. № 396168

518

ЛПА. Коллекция личных дел. № 201595

519

Там же.

520

ЛПА. Коллекция личных дел. № 59791; ф. 563, оп. 409, д. 39, л. 250, 251.

521

ЛПА. Коллекция личных дел. № 203080; ф. 563, оп. 409, д. 39, л. 250, 270.

522

ЛПА. Коллекция личных дел; ф. 563, оп. 499, д. 40, л. 68; ф. 563, оп. 575, д. 44, л. 152–153.

523

Ленинградская правда. 1934, 27 дек.

Седов Ю. И. Так кто же убил Кирова? //Труд. 1990 г., 25 ноября.

525

Там же.

526

Социалистический вестник. 1935, 10 янв. № 1. С. 5.

527

Ленинградская правда. 1934, 4 дек.

528

Ленинградская правда. 1934, 5 дек.

529

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 5. С. 15.

Там же.

531

На следствии и сначала на суде Антонов, Юскин, Звездов, Соколов дали признательные показания о своем участии в террористической группе и подготовке убийства Кирова и дали подобные показания и на других участников процесса.

Седов Ю. И. Так кто же убил Кирова? // Труд. 1990, 25 ноября.

Седов Ю. И. Безвинно казненные // Труд. 1990, 4 дек.

Седов Ю. И. Так кто же убил Кирова? // Труд. 1990, 25 ноября.

535

Постановление № 2182 — 90 Пленума Верховного Суда СССР 30 ноября 1990 г.

536

ЦПА, ф. 85, оп. 25, д. 127., л.

537

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф. 936. Фотокопия.

538

О каком поручении идет речь, не установлено.

539

Зинаида Гавриловна Орджоникидзе — жена Г. К. Орджоникидзе.

540

Речь идет о выезде в Германию инженера-конструктора танков.

Иосиф Сталин в объятиях семьи… С. 30, 35.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-V-449.

543

XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии большевиков. 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 114, 129, 145, 156 176–177, 251, 252.

Так в тексте.

545

ЦПА, ф. 80, оп. 12, д. 22, л. 1.

546

ЦПА, ф. 80, оп. 12, д. 28, л. 1–2.

Рыбин А. Т. Рядом со Сталиным // Социологические исследования. 1988, № 3. С. 87.

Музей С. М. Кирова в Санкт-Петербурге. Ф.-III-278.

549

ЦПА, ф. 17, оп. 2, д. 516, л. 1–9.

Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 114.

551

Там же. С. 117

552

Там же.

553

Там же.

Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 17 (а не 117?); Николай Михайлов. «Диалог». Москва.

555

Гудок. 11, 12, 13 апреля 1989 г.; Литературная газета. 1990, 27 июня; Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 17 (а не 117?); Михайлов. Указ. соч.

Там же.

Литературная газета. 1990, 27 июня.

Там же.

559

Цит. по: *Хлевнюк О. В.* Политбюро. Механизм политической власти. М., С. 122.

560

ЛПА, ф. 4000, оп. 17, д. 456а; Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 114–117.

561

Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 114–117; Воспоминания ветерана партии. Фальсификация // Аргументы и факты. 1990, 2–8 июня. № 22; *Николай Михайлов.* Тайное голосование // Вятский край. 1991, 27 марта. С. 6.

562

Там же.

563

Там же.

Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 114–117; Аргументы и факты. 1990, 2–8 июня. № 22. Указ. статья; Николай Михайлов. Указ. соч. С. 6.

565

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 121, л. 223–224.

Известия ЦК КПСС. 1989, № 7. С. 114–117; Литературная газета. 1990, 27 июня; Аргументы и факты. 1990, 2–8 июня № 22; Николай Михайлов. Указ. соч.

567

Там же.

Там же.

Известия. 1990, 17 марта. С. 5.

Хрущев вспоминает. С. 60.

571

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 703, л. 9, 38–40.

572

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 908, л. 1.

573

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 122, л. 1, 2.

ЦПА, ф. 17, оп. 3, д. 916, л. 6; д. 917, л. 6; д. 918, л. 4.

Рыбаков А. Дети Арбата; *Конквист Р.* Сталин и убийство Кирова. С. 59.

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 122, л. 3, 5, 7, 8, 16.

577

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 67, л. 1, 2.

578

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 61, л. 1об.

579

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 68, л. 1.

580

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 68, л. 7.

581

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 68, л. 4–4об.

582

ЦПА, Ф. 558, оп. 1, д. 3156, л. 1–3; д. 3157, л. 1–4.

583

Справочник партийного работника. Вып. 9. Партиздат. 1935. С. 133.

Там же. С. 135.

585

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 31, л. 2–5.

586

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 936, л. 94.

587

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 40, л. 2–3.

588

ЦПА, ф. 80, оп. 26, д. 69, л. 2–3.

589

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3155.

590

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 3155.

591

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 67, л. 1.

592

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 67, л. 67–69.

593

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 137, л. 1–2.

594

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 67, л. 2.

595

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 122, л. 1.

596

ЦПА, ф. 80, оп. 18, д. 108, л. 1.

597

Замечу, что О. Г. Шатуновская и А. Антонов-Овсеенко называют разные даты обращения С. Л. Маркус: 1958, 1959 и 1960 гг.

Литературная газета. 1990, 27 июня; Аргументы и факты. 1990, № 22; Сельская жизнь. 1990, 23 сентября; Гудок. 1989, 11 апреля.

599

ЦПА, ф. 80, оп. 19, д. 25, л. 5–6.

600

ЛПА. Коллекция личных дел. № 307678.

601

Бюллетень оппозиции. 1935, № 2. С. 11.

602

О культе личности и его последствиях. Доклад первого секретаря ЦК КПСС тов. Н. С. Хрущева XX съезду КПСС // Известия ЦК КПСС. 1989, № 3. С. 138.

603

Оперативный отдел (ОО) Ленинградского управления НКВД.

604

На XX съезде КПСС Н. С. Хрущев говорил о том, что Николаев задерживался один раз.

605

Вестник Верховного суда СССР. 1991, № 5. С. 20.

Вестник Верховного суда СССР. 1991, № 5. С. 16.

607

Вестник Верховного суда СССР. 1991, № 5. С. 16.

608

Архивные документы. Убийство в Смольном. Публикация Ю. Мурина. // Родина, 1995, 10. С. 66.

609

Советская милиция. 1990, № 1. С. 22.

610

ЦПА, ф. 558, оп. 1, д. 5273

Санкт-Петербургские ведомости. 1993, 4 дек.

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 6. С. 20.

613

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 6. С. 20.

614

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 76, л. 36.

615

ЛПА, ф. 5085, д. 5, л. 1.

Постановление № 29–1 Пленума Верховного Суда СССР от 17 мая 1991 г. С. 2; Вестник Верховного Суда СССР. 1991, N9 6. С. 21.

617

Вестник Верховного Суда СССР. 1991, № 6. С. 21.

618

Убийство в Смольном. Документы. Публикация Ю. Мурина // Родина. 1995, № 10. С. 65.

619

Постановление 29–1 Пленума Верховного Суда СССР от 17 мая 1991 г. С. 2.

Там же. С. 3.

621

Там же. С. 3–4.

622

Постановление 29–1 Пленума Верховного Суда СССР от 17 мая 1991 г. С. 4.

623

Там же.

Там же.

Там же. С. 5.

626

Постановление 29–1 Пленума Верховного Суда СССР от 17 мая 1991 г… С. 6.

627

Архив автора книги.

628

Постановление 29–1 Пленума Верховного Суда СССР от 17 мая 1991 г. С. 1.

629

Убийство Кирова. Архивные документы. Публикация Ю. Мурина // Родина. 1995, № 10. С. 66.

Улам А. Сталин. Нью-Йорк, 1972. С. 385–387.

631

Г. С. Люшков — в 1934–1936 гг. зам. начальника секретно-политического отдела НКВД СССР.

632

Декабрь 1934 г.

633

Постановление № 2182–90 Пленума Верховного Суда СССР от 30 ноября 1990. С. 5.

634

Г. Поштаев. Интервью со старшим помощником начальника Следственного отдела КГБ СССР А. Я. Валетовым // Ленинградская здравница. 1990, 6 дек.; Правда. 4 ноября 1990.

Жуков Ю. Н. Указ. статья // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 42.

636

Ленинградская правда. 1934, 16, 17 дек.; ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 17, л. 103.

637

ЛПА, ф. 24, оп. 2, д. 17, л. 102.

638

Выстрел в Смольном // Советская культура. 1989, 15 авг. С. 6; ЛПА, ф. 4000, оп. 17, д. 456-а.

639

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 779, л. 15.

Там же. Л. 23–25.

641

Правильно Асатуров. В документе опечатка.

642

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в д. 779, л. 20.

643

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в д. 779, л. 24.

ЛПА, ф. 24, оп. 42, д. 31, л. 88, 97, 98.

645

ЛПА, ф. 24, оп. 42, д. 20, л. 64; д. 21, л. 24, 67; д. 23, л. 13, 19.

Жуков Ю. Н. Указ. статья // Вопросы истории. 2000, № 2. С. 42.

647

Александра Ефимовна Толмазова умерла уже после полной реабилитации мужа.

Вольфрам Панпурин-Котолынов. Подлог взращенный и умноженный. История страны и современность глазами сына «врага народа» // Правда. 1995, 6 июля. С. 3.

649

Арестованы в Ленинграде.

650

На 100 человек данных об образовании в документе нет.

651

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 1040, л. 3–4.

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 937, л. 28–32.

653

ЛПА. Коллекция личных дел. № 80381.

654

В статье Жукова Ю. Н. ошибочно указаны сроки заключения Губина А. А., Котомина М. И., Петрова Г. А.

Николай Демьянович Медведь — брат Ф. Д. Медведя.

Илья Михайлович Левитт — брат Р. М. Копыловской.

657

ЛПА, ф. 24, оп. 2-в, д. 798, л. 40.

Жуков Ю. Н. Следствие и судебные процессы по делу об убийстве Кирова // Вопросы истории. 2000. № 2. С. 42.

Печатаются в сокращенном виде.

Тов. Бутягин в это время командовал Особым экспедиционным корпусом, выделенным XI армией на кизлярское направление.

661

«Шариатская монархия», или «Северокавказское эмирство», было создано осенью 1919 года в Чечне (селение Ведено) шейхом Узун-Хаджи (он же Узун-Хайри-Хаджи-Хан) с помощью крайнего реакционера, турецкого агента, некоего Дышнинского, прибывшего якобы с особой грамотой на организацию «шариатской монархии» от имени «оттоманского императора». Узун-Хаджи организовал национально-религиозное движение на Северном Кавказе, ставя задачей создание на Северном Кавказе горского мусульманского государства под протекторатом Турции.

Ведя борьбу с деникинщиной, Узун-Хаджи сначала поддерживал связи с товарищем Гикало, стоявшим во главе революционно-повстанческих отрядов, действовавших в тылу у Деникина.

Но с появлением Дышнинского дружественные отношения с Гикало Узуном-Хаджи были порваны.

Тов. Бутягин, видимо, имеет в виду сословное деление.

663

Киров никогда в Турции не был.

ЛПА, ф. 1862, оп. 6, д. 119, л. 21, 74, 75.

Областная Контрольная Комиссия.

Областком (обком ВКП(б)).

667

Окружная Контрольная Комиссия.

Так тогда называли первичную парторганизацию.

669

Опечатка в документе. Правильно Штеренсон.

Куляшева — так в тексте. Правильно — Куляшова.

671

Речь идет о комиссии, образованной Президиумом ЦК КПСС 31 декабря 1955 г. для изучения материалов о массовых репрессиях членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б) и других советских граждан в период 1935–1940 гг.

672

«Зеленые» — обиходное название в годы гражданской войны прятавшихся в лесах лиц, которые уклонялись от службы в белой армии. «Бело-зеленые» (кулацкие банды и остатки разгромленных белых армий) ликвидированы Красной Армией после окончания гражданской войны.

673

Шатский Николай Николаевич (Волкова ошибочно пишет Шацкий).

Звездов Василий Иванович (Волкова ошибочно называет Звездочкин).

675

Фамилия не дописана.

Эти фамилии названы Волковой как фамилии участников организации «Зеленая лампа».

677

Правильно — Пряжка. В 1934 г. Волкова в больнице «на Пряжке» не находилась. Она была здесь позднее. В 1934 г. она была помещена в отделение Обуховской больницы.

678

Правильно Кодацкий Иван Федорович

Далее вычеркнута фраза: «Конечно, утверждать это я не могу»

Так в тексте. Правильно — Маркус. — *Ред.*